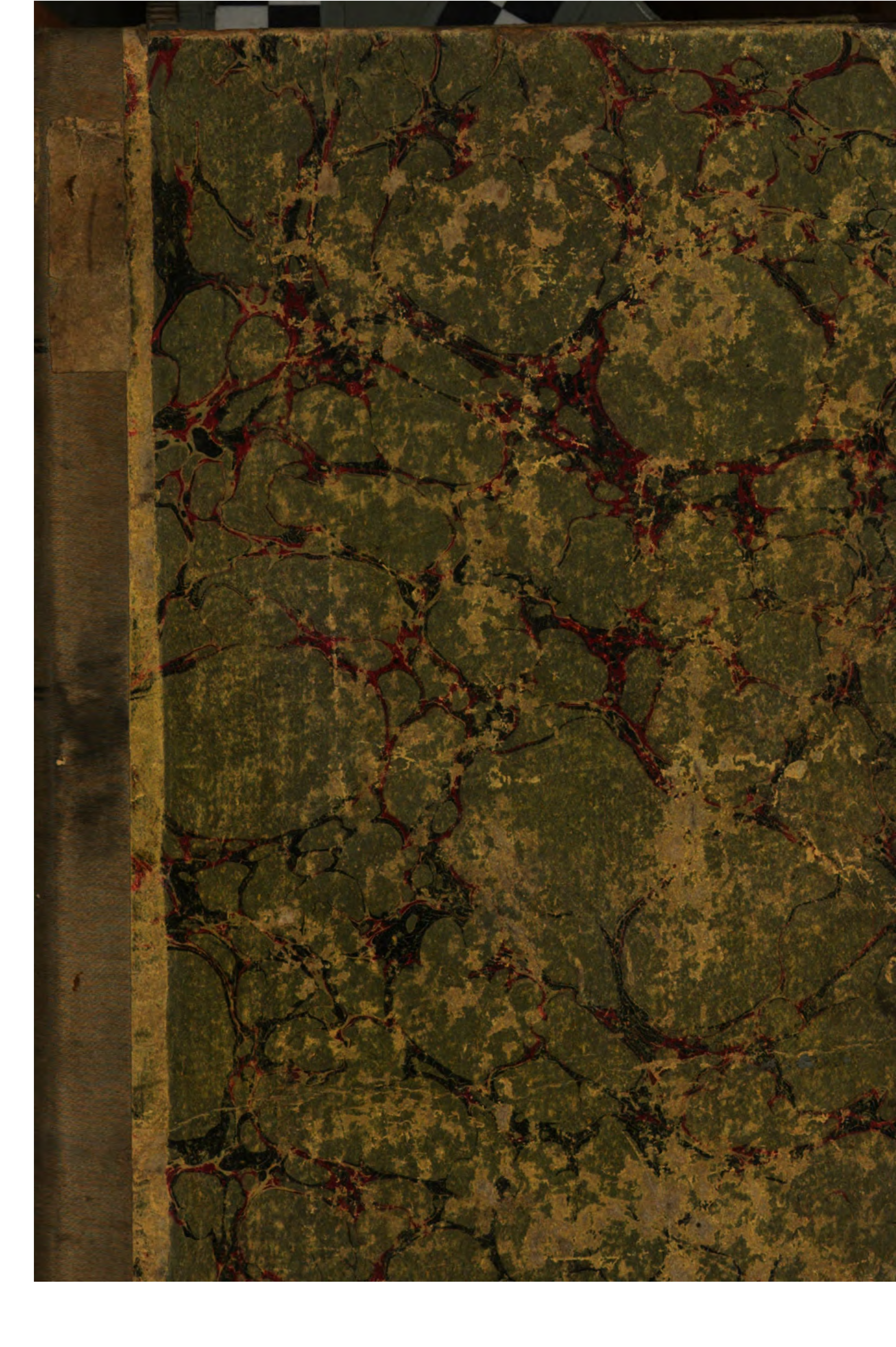
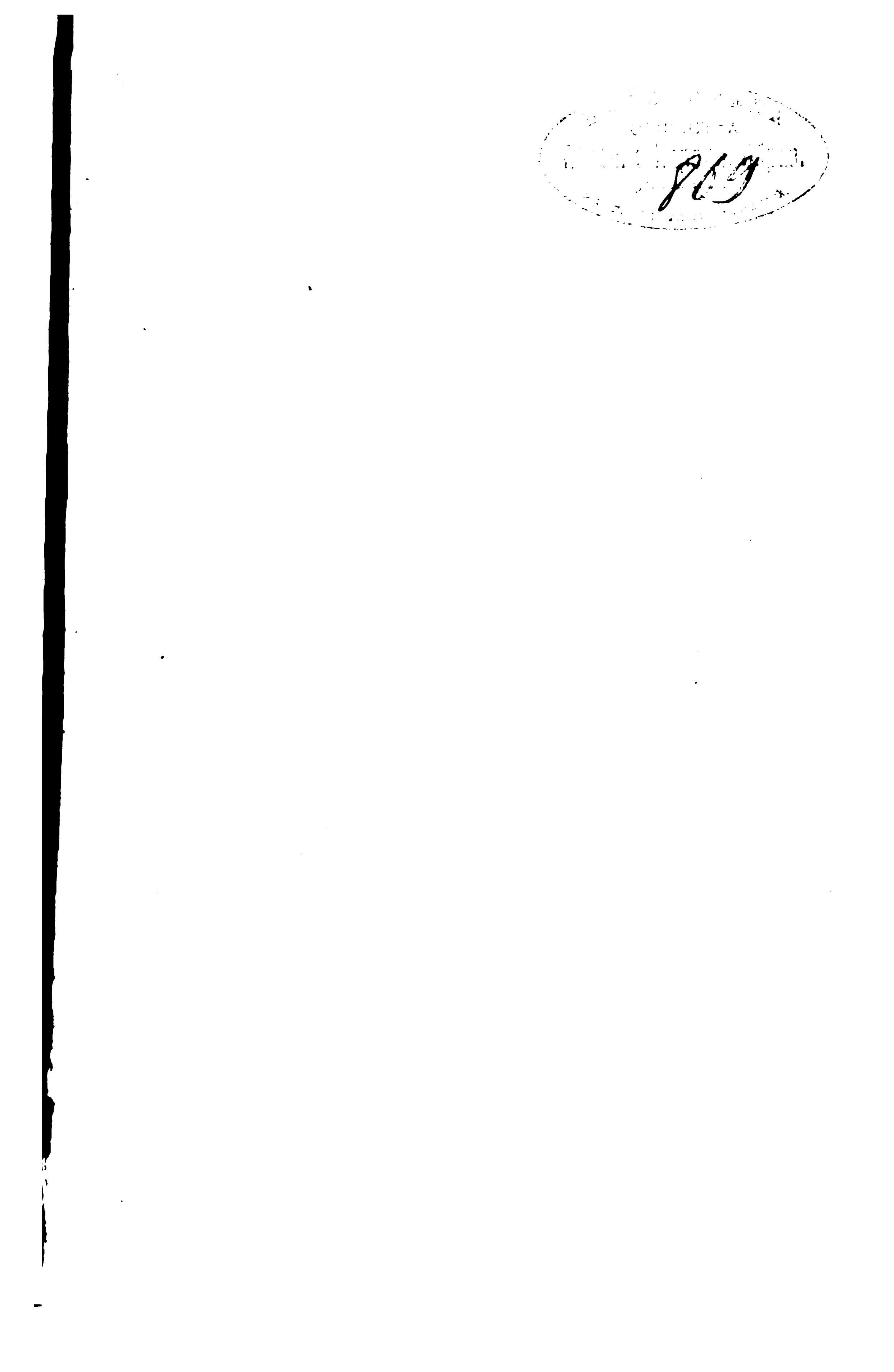

Годъ X-й. № 1-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

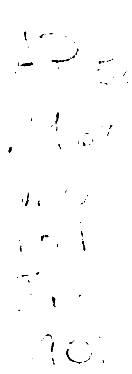
ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ЯНВАРЬ

1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская 43).
1901.

Дозволено цензурою 23-го декабря 1900 г. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

реформы» (по поводу реформы средней школы), мысли и наблюденія педагога, Н. П «Англія и Индія», Т. Богдановичъ. — ПЕРЕВОДНЫЯ ЦѢЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ: «Исторія хозяйственнаго быта въ связи съ соціальными ученіями до французской революціи 1789 г.», проф. Георга Адлера, пер. съ нѣм. подъ ред. П. Струве; «Въ страну ламъ» (путешествіе по Китаю и Тибету), Вильяма Рокхилла, пер. съ англ. подъ ред. В. Агафонова.

Постоянные отдѣлы. Критическія замѣтки. Отчеты о болѣе выдающихся произведеніяхъ и книгахъ, русскихъ и иностранныхъ.

На родинѣ. Свѣдѣнія и сообщенія о различныхъ событіяхъ и фактахъ русской текущей жизни. Дополненіемъ къ нему служатъ статьи и корреспонденціи о текущихъ событіяхъ, съѣздахъ, дѣятельности разныхъ обществъ, и т. п.

Изъ русскихъ журналовъ. Содержаніе болѣе выдающихся статей, напечатанныхъ въ русскихъ журналахъ.

За границей. Свѣдѣнія и сообщенія изъ заграничной жизни. Дополненіемъ къ нему служатъ статьи и корреспонденціи о текущихъ событіяхъ, различныхъ культурныхъ явленіяхъ, выставкахъ и т. п. на Западѣ.

Изъ иностранныхъ журналовъ. Содержаніе болѣе интересныхъ для русскихъ читателей статей, напечатанныхъ въ иностранныхъ журналахъ.

Научный обзоръ. Статьи и сообщенія по разнымъ вопросамъ естествознанія и техники, написанныя спеціалистами. Дополненіемъ къ нему служатъ **научныя новости**, составляемыя по иностраннымъ и русскимъ журналамъ.

Библіографическій Отдѣлъ. Рецензіи и отзывы о русскихъ, переводныхъ и иностранныхъ книгахъ по изящной литературѣ, публицистикѣ и всѣмъ отраслямъ наукъ, кромѣ исключительно-спеціальныхъ сочиненій, недоступныхъ для обще-образованныхъ читателей. — **Новости иностранной литературы**, входящія въ библіографическій отдѣлъ, какъ самостоятельная часть, составляются по иностраннымъ библіографическимъ изданіямъ, съ цѣлью дать сжатые отзывы о болѣе важныхъ или интересныхъ книгахъ, появляющихся за границей.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ	8 руб.
Безъ доставки на годъ	7 »
За границу на годъ	10 »

Вмѣсто разсрочки допускается подписка:

По полугодіямъ:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на полгода	4 р.
За границу	5 »
Безъ доставки по соглашенію съ конторой.	

По третямъ года:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи:

въ январѣ	3 р.
» апрѣлѣ	3 »
» августѣ	2 »

Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Подписавшіеся на полгода или на треть года продолжаютъ подписку безъ повышенія подписной платы.

Книжные магазины при годовой подпискѣ пользуются обычной уступкой 5% съ подписной цѣны. Подписка по полугодіямъ и по третямъ года черезъ магазины не принимается. Уступки съ подписной цѣны никому не дѣлается.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ В. П. Острогорскій.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПЕТЕРБУРГА И МОСКВЫ

(Новаго Времени, Карбасникова, Глазунова, Вольфа, Стасюлевича; въ Москвѣ — К. И. Тихомирова и складѣ Д. И. Тихомирова) продаются книги

ВИКТОРА ОСТРОГОРСКАГО.

1) **Выразительное чтеніе.** Пособіе для учащихъ и учащихся. (Одобрено Мин. Нар. Просв. для ученическихъ и учительскихъ библіотекъ), ц. 50 к. 1898 г. Содержаніе: вступленіе; значеніе искусства читать; искусству читать можно выучиться; какъ выучиться читать (голосъ, дыханіе, произношеніе, паузы, ударенія логическія), о чтеніи стиховъ; заключеніе. Въ приложеніи: основаніе стихосложенія; практическія указанія для обученія выразительному чтенію; примѣрная христоматія разбора образцовъ (до 21-го, начиная съ примѣровъ для маленькихъ дѣтей и кончая разборомъ сценъ изъ Шекспира).

2) **Изъ исторіи моего учительства, какъ я сдѣлался учителемъ (1851—1864).** Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1895. Ц. 1 р. 25 к.

3) **Письма объ эстетическомъ воспитаніи.** Изд. журн. «Міръ Божій», Спб. 1897. Цѣна 40 коп.

4) **Очерки пушкинской Руси,** Спб. 1897. Изд. (2-е) журн. «Міръ Божій». Ц. 40 к.

5) **Изъ міра великихъ преданій.** Разсказы для юношества, съ рисунками Панова и Кившенко. Изд. 6-е. М. 1897 г. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

6) **Илья Муромецъ—крестьянскій сынъ,** разсказано по народнымъ былинамъ. Спб. 1892 г. Ц. 10 к.

7) **Хорошіе люди.** Сборникъ разсказовъ, съ рисунками Шпака и Малышева. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

8) **Этюды о русскихъ писателяхъ: I. И. А. Гончаровъ.** М. 1897 г. Ц. 75 к.—II. **Н. Г. Помяловскій.** Ц. 40 к.—III. **М. Ю. Лермонтовъ.** Мотивы Лермонтовской поэзіи. 1891 г. Ц. 50 к.—IV. **Художникъ русской пѣсни А. В. Кольцовъ.** 1893 г. Ц. 50 к.

9) **Русскіе педагогическіе дѣятели: Н. И. Пироговъ, К. Д. Ушинскій и Н. А. Корфъ.** М. 1887 г. Ц. 75 к.

10) **Руководство къ чтенію поэтическихъ произведеній** (по Л. Эккардту) съ прил. «Краткаго учебника теоріи и поэзіи». Изд. 3-е, переработанное и дополненное. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

11) **Бесѣды о преподаваніи словесности.** Изд. 2-е. Ц. 90 к.

12) **Русскіе писатели какъ восп.-образов. матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу.** (Жуковскій, Батюшковъ, Крыловъ, Пушкинъ, Веневитиновъ, Баратынскій, Языковъ, Лермонтовъ, Майковъ, Мей, Плещеевъ, Кольцовъ, Никитинъ, Некрасовъ, Шевченко, Гоголь, Григоровичъ, Тургеневъ, Гончаровъ, гр. Толстой, Погосскій, С. Т. Аксаковъ. Изд. 4-е. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

13) **Родные поэты, для чтенія въ классѣ и дома.** Сборникъ стихотворныхъ произведеній для юношества, указанныхъ въ книгѣ В. Острогорскаго; **Русскіе писатели** (Жуковскій, Батюшковъ, Крыловъ, Пушкинъ, Веневитиновъ, Баратынскій, Языковъ, Лермонтовъ, Майковъ, Мей, Плещеевъ, Кольцовъ, Никитинъ, Шевченко, Некрасовъ). Изд. 2-е М. 1894 г.

14) **Двадцать біографій образцовыхъ русскихъ писателей для юношества,** съ 20-ю портретами. Изд. 4-е. Ц. 50 к.

15) **Наталья Борисовна Долгорукова.** Ц. 10 к.

16) **Изъ дальняго прошлаго. Драматическіе эскизы.** («Мгла», др. въ 5 д.; «Липочка», ком. въ 3 д. съ прологомъ; сцены: «На однѣхъ сѣняхъ»; «Первый шагъ»; «Въ бельэтажѣ на улицу». Изд. М. М. Ледерле. Спб. 1891 г. Ц. 80 к.

17) **С. Т. Аксаковъ Критико-біографическій очеркъ.** Изд. П. Г. Мартынова. Спб 1891 г. Ц. 75 коп.

18) **Моя библіотека. Ж. Б. Мольеръ, Мѣщанинъ въ дворянствѣ,** пер. В. П. Острогорскаго, съ предисловіемъ переводчика. Изд. М. М. Ледерле. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.

19) **Изъ народнаго быта.** Титъ, Вавило, Маша. Изд. 5-е. М. 1898 г. Ц. 10 к.

20) **В. Г. Бѣлинскій какъ критикъ и педагогъ. Двѣ публичныя лекціи.** Спб. Тип. М. М. Стасюлевича 1898 г. Ц. 60 коп.

21) **Альбомъ Пушкинскій уголокъ съ иллюстраціями** В. М. Максимова Изд. Фишера Москва 1899 г. Ц. 2 р.

22) **Изъ сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Избранныя статьи для семьи и школы подъ ред.** В. П. Острогорскаго съ предисловіемъ, біографія портретомъ факсимиле. Изд. журнала «Дѣтское Чтеніе». Москва 1898 (427 стр.) Ц. 1 руб.

23) **Первое знакомство съ А. С. Пушкинымъ.** Избранные стихотворенія и отрывки изъ сказокъ поэмъ. и пр. съ біогр., портретами, поясненіями и иллюстраціями. Сост. Викторъ Острогорскій СПБ. 1901 г. Складъ въ книжномъ маг. типографіи М. М. Стасюлевича СПБ. Вас. Овъ-, 5 л. 28.

Тип. И. Скороходова.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Что изучаетъ политическая экономія?

Когда создалась наука о народномъ хозяйствѣ? На этотъ вопросъ даютъ различные отвѣты. Для многихъ исторія политической экономіи начинается еще съ сѣдой древности—въ то отдаленное время, когда человѣческій умъ впервые пытливо остановился передъ загадкой вселенной и сталъ стремиться къ систематическому объясненію явленій внутренняго и внѣшняго міра — въ періодъ эллинской философіи. Говорятъ объ экономическихъ воззрѣніяхъ Аристотеля, Платона, Ксенофонта. Въ средніе вѣка насчитываютъ цѣлый рядъ экономистовъ и экономическихъ трактатовъ. Но съ нашей точки зрѣнія политическая экономія возникла гораздо позже; съ нашей точки зрѣнія политическая экономія дѣтище XVIII вѣка—славнаго вѣка, не только давшаго міру навсегда незабвенныя имена героевъ мысли и дѣла, философовъ, ученыхъ и общественныхъ дѣятелей, Лавуазье, Юма, Канта, Вольтера, Руссо, Кенэ, Адама Смита, Кондорсе, Тюрго и многихъ другихъ, не только достигнувшаго величайшихъ изобрѣтеній въ области промышленной техники, какъ паровая машина Уатта, прядильныя машины Гаргривса, Аркрайта и Кромптона и ткацкая машина Картрайта; но сдѣлавшаго еще больше: воплотившаго въ жизнь благородныя мечты своихъ лучшихъ людей, расторгнувшаго узы, связывавшія человѣческую мысль, воздвигнувшаго алтарь богинѣ свободы. Французская революція была естественнымъ завершеніемъ этого великаго вѣка и его самымъ полнымъ и яркимъ выраженіемъ. И не случайно, что политическая экономія возникаетъ, какъ наука, именно въ XVIII вѣкѣ. Связь политической экономіи съ XVIII вѣкомъ несравненно глубже, необходимѣе, интимнѣе, чѣмъ, напр., связь съ тѣмъ же вѣкомъ химіи, ставшей наукой почти въ то же время, какъ и политическая экономія. Молекулярныя явленія, которыя изучаетъ химія, не могли сдѣлаться предметомъ научнаго анализа до тѣхъ поръ, пока не получила достаточнаго развитія наука о болѣе простыхъ явленіяхъ внѣшней природы—физика. Астрономія, механика и физика должны

были предшествовать химіи. Вполнѣ очевидно, что если бы у Лавуазье не было точныхъ вѣсовъ, онъ не могъ бы сдѣлать своего великаго открытія вѣчности матеріи. И потому естественно, что Лавуазье слѣдовалъ за Галилеемъ и Ньютономъ. Но въ химіи нѣтъ ничего такого, что связывало бы эту науку именно съ XVIII вѣкомъ. Нельзя сказать, чтобы предметъ химіи находился въ какомъ-либо соотношеніи съ той исторической эпохой, когда эта наука возникла. Напротивъ, политическая экономія сплетена интимнѣйшимъ образомъ съ соціальнымъ строемъ эпохи своего возникновенія.

Политическая экономія такое же дѣтище капиталистическаго строя, какъ биржа или банки. Внѣ капиталистическаго строя политическая экономія была бы немыслима — для нея не было бы мѣста въ ряду наукъ по той простой причинѣ, что не было бы той группы явленій, изученіемъ которыхъ она занимается. Обыкновенно опредѣляютъ политическую экономію, какъ науку о народномъ хозяйствѣ. Это опредѣленіе, пожалуй, и вѣрно, но недостаточно и двусмысленно. Двусмысленность заключается въ понятіи народнаго хозяйства. Что такое народное хозяйство? Всякій ли народъ, во всякую ли историческую эпоху имѣетъ «народное» хозяйство? Отвѣтъ на это долженъ быть данъ отрицательный.

Не только народное хозяйство есть результатъ долгой исторической эволюціи, но даже и хозяйство вообще есть историческій продуктъ. И теперь существуетъ много народовъ, которые не только не достигли стадіи «народнаго» хозяйства, но даже и стадіи какого бы то ни было хозяйства. Хозяйство предполагаетъ разсчетъ, предвидѣніе будущаго, сознательную оцѣнку. Гдѣ нѣтъ всего этого, тамъ нѣтъ и хозяйства. Но существуетъ ли хозяйственный разсчетъ у дикарей? Всѣ описанія строя жизни народовъ, стоящихъ на самой низкой ступени культуры, какъ бушмены Южной Африки, ведда на островѣ Цейлонѣ, негритосы на Филиппинахъ, ботокуды и другія племена, населяющія малоизслѣдованныя центральныя области Бразиліи и Африки, рисуютъ намъ дикаря почти совершенно лишеннымъ хозяйственной предусмотрительности. Ихъ жизнь слагается изъ постоянныхъ переходовъ отъ голоданія къ обжорству, причемъ воспоминаніе о мукахъ голода не побуждаетъ дикарей подумать о будущемъ въ минуту изобилія. «Первобытный человѣкъ,— говоритъ К. Бюхеръ,—слѣдуетъ своимъ ближайшимъ побужденіямъ; его дѣятельность носитъ импульсивный характеръ, напоминая какъ бы рефлекторныя дѣйствія. Чѣмъ тѣснѣе сближаются у него потребность съ удовлетвореніемъ, тѣмъ лучше онъ себя чувствуетъ. Первобытный человѣкъ—дитя; онъ не думаетъ о будущемъ и не думаетъ о прошедшемъ; онъ легко забываетъ и каждое новое впечатлѣніе изглаживаетъ слѣды стараго. Нужда, которую онъ такъ часто испытываетъ, не можетъ ни на минуту омрачить его веселое настроеніе въ хорошее время».

Дикари не имѣютъ почти никакого представленія о цѣнности— этимъ и объясняется ихъ извѣстная готовность отдавать за блестящія бездѣлушки предметы, нерѣдко необходимые имъ для жизни. Они ничѣмъ не дорожатъ, ничего не сберегаютъ, ни о чемъ не заботятся, ни къ чему не прилагаютъ упорнаго труда. И потому Бюхеръ вполнѣ правъ, утверждая, что первобытный человѣкъ не знаетъ хозяйства. Только на болѣе позднихъ ступеняхъ культуры человѣкъ становится хозяиномъ, начинаетъ разсчитывать и оцѣнивать, сознательно распредѣлять свой трудъ, собирать запасы для будущаго и вообще располагать свою дѣятельность по опредѣленному плану. Только тогда появляется хозяйство.

Но отъ частнаго хозяйства еще далеко до народнаго хозяйства. Возьмемъ страну съ натуральнымъ строемъ хозяйства, т.-е. съ такимъ хозяйствомъ, въ которомъ отсутствуетъ обмѣнъ. Еще не такъ давно во многихъ мѣстностяхъ Россіи натуральное хозяйство въ крестьянскомъ быту рѣшительно преобладало; крестьянинъ ѣлъ хлѣбъ, который онъ самъ посѣялъ на своемъ полѣ, одѣвался въ тулупъ, сдѣланный изъ его собственной овцы, и въ рубаху, вытканную женой изъ его собственнаго льна, жилъ въ избѣ, срубленной имъ самимъ изъ своего лѣса. Покупать и продавать ему приходилось крайне мало. У каждаго крестьянина было свое особое хозяйство, построеное по опредѣленному плану, правильно организованное соотвѣтственно хозяйственнымъ средствамъ и нуждамъ хозяйствующей семьи. Нѣсколько крестьянскихъ хозяйствъ иногда образовывали нѣчто органически связанное, одну общину. Но, спрашивается, представляла ли собой совокупность этихъ изолированныхъ и независимыхъ другъ отъ друга, уединенныхъ въ себѣ крестьянскихъ семей или общинъ, нѣчто цѣлое, нѣчто качественно отличное отъ каждой изъ нихъ въ отдѣльности? Можно ли говорить о такихъ территоріально разсыпанныхъ общинахъ и семьяхъ, ничѣмъ не соединенныхъ, ничѣмъ не связанныхъ, существующихъ бокъ-о-бокъ, но раздѣленныхъ другъ отъ друга, какъ глухой стѣной — натуральнымъ хозяйствомъ — какъ о чемъ-то единомъ, органическомъ, связномъ — какъ о *народномъ* хозяйствѣ. Собраніе отдѣльныхъ, замкнутыхъ въ себѣ частныхъ хозяйствъ столь же мало образуетъ одно народное хозяйство, какъ куча безпорядочно наваленныхъ кирпичей не дѣлаетъ одного зданія.

Но тѣ же кирпичи, расположенные въ опредѣленномъ порядкѣ, связанные какимъ-ли цементомъ, образуютъ домъ. Куча кирпичей есть только кирпичи—и ничего больше. Но домъ не есть куча кирпичей. Домъ есть нѣчто совершенно отличное отъ кирпичей, изъ которыхъ онъ состоитъ. Подобнымъ образомъ, пока между отдѣльными частными хозяйствами не существуетъ связи, совокупность ихъ остается простымъ территоріальнымъ скопленіемъ частныхъ хозяйствъ. Но лишь

только между ними появляется органическая связь, они превращаются въ нѣкоторый высшій организмъ—въ единое народное хозяйство.

Цементомъ, склеивающимъ частныя хозяйства въ одну общую массу, является обмѣнъ. Пока обмѣна нѣтъ, до тѣхъ поръ каждое отдѣльное хозяйство живетъ своей изолированной жизнью, не вліяетъ на другія хозяйства и не подчиняется ихъ вліянію. Но какъ только продукты одного хозяйства перестаютъ потребляться въ предѣлахъ того же хозяйства и начинаютъ циркулировать—переходить изъ одного хозяйства въ другое—между всѣми хозяйствами, въ предѣлахъ которыхъ циркулируетъ продуктъ, устанавливается тѣсная связь. Въ натуральномъ хозяйствѣ успѣхъ каждаго отдѣльнаго хозяйства всецѣло опредѣляется его индивидуальными условіями. У крестьянина уродилось много хлѣба—онъ богатъ; хлѣба мало—слѣдуетъ голодовка. Но если тотъ же крестьянинъ—какъ, напр., американскій фермеръ—производитъ хлѣбъ для продажи, то хорошій урожай, при паденіи цѣны хлѣба, можетъ его разорить, а плохой урожай, при высокой цѣнѣ хлѣба—обогатить. Обмѣнъ разбиваетъ китайскую стѣну натуральнаго хозяйства и всѣ хозяйственныя единицы — клѣточки единаго народохозяйственнаго организма — начинаютъ жить общею жизнью. Благополучіе каждаго частнаго хозяйства при наличности обмѣна непосредственно опредѣляется хозяйственными условіями всѣхъ остальныхъ хозяйствъ, входящихъ въ составъ того же соціальнаго цѣлаго.

Глубокая перемѣна, вызываемая въ жизни изолированнаго хозяина развитіемъ обмѣна, превосходно обрисована въ одной изъ рѣчей Жореса. «Слишкомъ долго крестьянинъ замыкался въ своемъ узкомъ и слѣпомъ индивидуализмѣ—говорилъ Жоресъ.—Онъ зналъ свой клочекъ земли, онъ любилъ его дикою любовью, но внѣ его для него ничего не существовало. Какое дѣло было ему до вселенной! И движенье солнца, и вѣтеръ, и облака, и весь порядокъ и безпорядокъ вещей онъ приноровлялъ къ своему клочку земли—и только къ нему... И не только эта безконечная природа не расширяла его умственнаго кругозора — наоборотъ онъ ее уменьшалъ и приноровлялъ ее къ своему узкому мірку, къ еще болѣе узкому кругу своей мысли, Да и къ чему тщетныя волненія, къ чему поиски, разъ онъ не могъ распоряжаться силами природы, смотря по надобности своего посѣва? Но вотъ по его нивѣ начинаютъ проноситься не только силы природы, но и силы экономическія, силы соціальныя, силы человѣческія. Онъ пашетъ, онъ сѣетъ, онъ жнетъ и относитъ свою жатву на сосѣдній рынокъ. Но изъ года въ годъ, при одинаковомъ трудѣ, цѣна на его пшеницу падаетъ, а также цѣна на его скотъ, на его вино, на его ленъ, на его маслины и на его молоко. И крестьянинъ уже не преклоняется теперь, какъ онъ преклонялся раньше передъ фатальностью града и грозы, засухи и мороза. Въ немъ зарождается смутное сознаніе, что это явленіе соціальное, явленіе человѣческое... И онъ спрашиваетъ, отчего это

происходитъ, да, отчего? Со всѣхъ сторонъ государственные люди, финансисты, экономисты, депутаты отвѣчаютъ ему, что въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ экономическія отношенія сильно измѣнились, что въ огромныхъ долинахъ Индіи, южной Россіи, западной Америки, другіе люди работаютъ, какъ и онъ, но съ меньшими издержками, и что продукты ихъ производства, перевозимые на скорыхъ пароходахъ, давятъ его. И вотъ далекіе народы и континенты всплываютъ передъ его взоромъ какъ изъ тумана, уже не какъ смутные фантомы школьной географіи, но какъ грозная и тяжелая дѣйствительность. И на его дальнѣйшіе вопросы ему отвѣчаютъ, что, быть можетъ, отъ количества золота извлеченнаго изъ рудниковъ южной Африки и Австраліи, отъ заработной платы разныхъ поденщиковъ Индіи, отъ таможенныхъ пошлинъ, налоговъ и монетныхъ странъ всѣхъ частей свѣта будетъ зависѣть завтра, на рынкѣ сосѣдняго города, цѣна на его пшеницу, на его трудъ, на его свободу, его собственность. И вотъ крестьянинъ въ первый разъ смутно чувствуетъ странную солидарность человѣческаго міра и онъ, котораго невѣжество, ревность, эгоизмъ изолировали на его клочкѣ земли, за каменной оградой, короткая тѣнь которой закрывала для него весь міръ—онъ впервые чувствуетъ, что его жизнь связана съ жизнью другихъ людей».

Такимъ образомъ обмѣнъ связываетъ отдѣльныя частныя хозяйства въ одно огромное народное хозяйство, предѣлы котораго не ограничиваются національными рамками, но охватываютъ собой цѣлый міръ. Народное хозяйство есть, слѣдовательно, не что иное, какъ *товарное* хозяйство. Товаръ, продуктъ, изготовляемый для сбыта, и есть та вещественная связь, тотъ цементъ, который превращаетъ множество разсыпанныхъ мелкихъ хозяйствъ въ одинъ цѣлостный организмъ.

Чѣмъ же отличается организмъ товарнаго хозяйства отъ образующихъ его элементовъ—частныхъ хозяйствъ? Основное и глубочайшее различіе заключается въ томъ, что каждое частное хозяйство представляетъ собой планомѣрную организацію, опредѣляемую и руководимую волей и мыслью стоящаго во главѣ ея хозяйствующаго лица. Частное хозяйство есть плодъ индивидуальной воли и мысли. Напротивъ, народное, иначе говоря товарное хозяйство не имѣетъ, какъ нѣчто цѣлое, хозяина. Оно лишено какого бы то ни было сознательнаго плана, его процессы не направляются ни чьей верховной волей, ни чьимъ верховнымъ сознаніемъ.

Чтобы сдѣлать это различіе яснѣе, сравнимъ замкнутое натуральное хозяйство съ товарнымъ. Передъ нами хозяйство богатаго помѣщика временъ крѣпостного права. Обширная дворня занята изготовленіемъ самыхъ разнообразныхъ предметовъ потребленія помѣщика; среди этой дворни наблюдается весьма детальное раздѣленіе труда — булочники, кондитеры, повара, цырюльники, сапожники, портные, конюхи, музыканты и пр., и пр., живутъ во дворѣ помѣщика для удовлетворенія

его разнообразныхъ потребностей. Опредѣленные участки земли обрабатываются по опредѣленному плану для нуждъ того же помѣщичьяго двора. Распредѣленіе труда между всѣми разнообразными родами производства устанавливается главою хозяйства — помѣщикомъ, соотвѣтственно его потребностямъ; помѣщикъ опредѣляетъ, сколько десятинъ засѣвать рожью, сколько льномъ, сколько гречихой, овсомъ, сколько человѣкъ дворни должно стать портными, поварами и пр. Въ результатѣ получается болѣе или менѣе стройная, планомѣрная хозяйственная организація, построенная примѣнительно къ потребительнымъ нуждамъ главы хозяйства.

Возьмемъ товарное хозяйство. Оно не имѣетъ единаго хозяина и въ основѣ его не лежитъ никакого сознательнаго плана. Каждый предприниматель преслѣдуетъ свою личную выгоду, и никто не заботится о стройности всего народохозяйственнаго механизма въ его цѣломъ. Никто, никакая общественная власть, не установляетъ, какая часть территоріи страны должна распахиваться подъ пшеницу, рожь, картофель, сколько слѣдуетъ производить чугуна, ситцевыхъ тканей, стеклянныхъ издѣлій, кирпичей и пр., и пр. Никакая власть не заботится о томъ, чтобы число врачей, юристовъ, инженеровъ, сапожниковъ, плотниковъ, машинистовъ, рудокоповъ, земледѣльцевъ соотвѣтствовало общественной потребности въ каждомъ изъ этихъ родовъ труда. И что же? Отсутствіе сознательнаго регулированія народохозяйственныхъ процессовъ не только не приводитъ къ хаосу, дезорганизаціи, разложенію всего хозяйственнаго организма и его смерти, но стихійно, безсознательно, независимо ни отъ чьей воли, ни отъ чьей мысли, вырабатывается нѣкоторая пропорціональность, стройность, взаимная согласованность частей. Правда, эта пропорціональность весьма несовершенна и оставляетъ желать очень и очень многаго; равновѣсіе товарнаго производства нерѣдко нарушается жестокими бурями, потрясающими до самаго основанія все зданіе товарнаго хозяйства. Но зданіе все же не разваливается, механизмъ все же дѣйствуетъ настолько удовлетворительно, что не вызываетъ задержки общественнаго развитія. Иногда тѣхъ или иныхъ товаровъ производится больше или меньше, чѣмъ требуется; но, какъ общее правило, предложеніе различныхъ товаровъ бываетъ пропорціональнымъ спросу. Хотя никто не запрещаетъ выдѣлывать шелковыя ткани въ большемъ количествѣ, чѣмъ ситцевыя, обрабатывать подъ гречиху больше земли, чѣмъ подъ пшеницу, все же въ общемъ шелковыхъ тканей выдѣлывается гораздо меньше, чѣмъ ситцевыхъ, и гречихи меньше, чѣмъ пшеницы, что именно и соотвѣтствуетъ относительному общественному спросу на эти продукты. Никто не запрещаетъ каждому выбирать себѣ занятіе по своему усмотрѣнію и тѣмъ не менѣе распредѣленіе труда между различными профессіями приблизительно соотвѣтствуетъ общественнымъ потребностямъ въ каждомъ родѣ труда. Словомъ, хотя товарное хозяй-

ство, какъ цѣлое, совершенно лишено плана, хозяйственные процессы совершаются въ немъ такъ, какъ будто бы этотъ планъ былъ.

Иными словами: товарное хозяйство образуетъ собой нѣкоторое высшее единство, подчиняющееся своимъ особымъ законамъ, дѣйствующимъ со стихійной силой. Эти законы представляютъ собой нѣчто совершенно отличное отъ силъ, управляющихъ частнымъ хозяйствомъ. Въ частномъ хозяйствѣ, какъ сказано, царитъ личная воля и мысль человѣка; законы товарнаго хозяйства суть безсознательный и непреднамѣренный, стихійный результатъ столкновенія этихъ частныхъ волей и мыслей.

Раскрытіемъ этихъ стихійныхъ законовъ и занимается политическая экономія. Отсюда ясна связь политической экономіи съ товарнымъ хозяйствомъ. Политическая экономія могла возникнуть только тогда, когда товарное хозяйство достигло значительнаго развитія, что совершилось еще очень недавно. Изучая лишь опредѣленный фазисъ въ исторіи человѣческаго общества, политическая экономія не могла занять мѣста въ ряду другихъ наукъ до наступленія этого фазиса.

И потому мы считаемъ правыми экономистовъ, настаивающихъ на историческомъ характерѣ нашей науки. Конечно, это наука историческая, и притомъ историческая въ двоякомъ смыслѣ: товарное хозяйство, законы котораго изучаетъ политическая экономія, не только есть продуктъ историческаго развитія, но и, въ свою очередь, подлежитъ дальнѣйшему развитію. Послѣднее, однако, упускается изъ виду многими экономистами. Глубокій и оригинальный мыслитель Карлейль назвалъ какъ-то политическую экономію «унылой» наукой. Тому же Карлейлю случалось примѣнять къ политической экономіи еще гораздо болѣе рѣзкіе эпитеты. Онъ обливалъ ядомъ и желчью своего сарказма бентамистовъ и мальтузіанцевъ 30-хъ и 40-хъ годовъ — наивныхъ при всемъ своемъ глубокомысліи людей, увѣровавшихъ въ новаго бога — свободную конкурренцію, давшаго людямъ новую заповѣдь «пусть каждый заботится только о себѣ—и отсюда произойдетъ благо всѣхъ». Эти люди допускали, что товарное хозяйство, частная собственность и свободная конкурренція имѣли свое начало во времени; но они отказывались вѣрить, чтобы товарное хозяйство могло имѣть конецъ. Для нихъ исторія остановилась на томъ историческомъ моментѣ, который они застали. Они видѣли нищету, страданіе и отчаяніе,—истинныхъ владыкъ новаго царства капитала и свободной конкурренціи, глашатаями котораго они явились. Они сознавали, что это царство—мѣсто радости для немногихъ и юдоль безвыходной скорби для огромнаго большинства. Они не могли отрицать безконечной несправедливости того порядка вещей, при которомъ богатство достается не тѣмъ, кто его создаетъ, а тѣмъ, кто владѣетъ средствами производства, при которомъ случайность рожденія, а не личныя заслуги, рѣшаютъ судьбу человѣка и отводятъ ему мѣсто на жизненномъ пиру. Они все это

видѣли, все это знали—и не побоялись, устами своего учителя, Мальтуса, провозгласить знаменитое изреченіе, которое никогда не будетъ забыто въ исторіи человѣческой мысли. «Человѣкъ, пришедшій въ занятый уже міръ, не имѣетъ ни малѣйшаго права требовать себѣ пропитанія; онъ—лишній на землѣ... На великомъ жизненномъ пиру нѣтъ для него мѣста Природа повелѣваетъ ему удалиться и сама же приводитъ въ исполненіе свой приговоръ».

Ошибка экономистовъ 30-хъ и 40-хъ годовъ заключалась въ томъ, что они не усматривали преходящаго характера товарнаго хозяйства. Болѣе глубокій анализъ показываетъ, однако, что товарное хозяйство точно также подлежитъ эволюціи, какъ и предшествовавшія формы хозяйства, которыя были, но которыхъ теперь нѣтъ. Исторія, къ счастью, не заканчивается царствомъ капитала...

Признавъ историческій и преходящій характеръ предмета своего изученія—товарнаго хозяйства—политическая экономія приходитъ въ согласіе съ высокимъ моральнымъ идеаломъ, изъ котораго исходила критика Карлейля.

Итакъ, повторимъ еще разъ, политическая экономія — наука историческая, наука объ одномъ фазисѣ развитія человѣческаго хозяйства. Недавнее появленіе политической экономіи въ ряду другихъ общественныхъ наукъ объясняется тѣмъ, что лишь очень недавно—въ XVIII вѣкѣ—изучаемый экономической наукой хозяйственный строй настолько созрѣлъ, чтобы создать свою особую теорію. Что же это былъ за строй? Обратимся къ той странѣ, въ которой экономическая наука получила наиболѣе совершенную обработку—къ Англіи.

Глава I.

Хозяйственный и соціальный строй Англіи эпохи Ад. Смита.

Отличительной чертой хозяйственнаго строя Англіи первой половины XVIII вѣка было широкое распространеніе мелкаго самостоятельнаго производства какъ въ обрабатывающей промышленности, такъ и въ земледѣліи. По описаніямъ многихъ современниковъ (особенно Дефо и Радклиффа), мы легко можемъ возстановить картину хозяйственнаго быта Англіи этой эпохи. Деревня и городъ были дифференцированы еще довольно слабо. Земля частью арендовалась многочисленными мелкими фермерами, частью принадлежала мелкимъ собственникамъ, такъ называемыхъ йоменамъ. Въ концѣ XVII столѣтія такіе мелкіе собственники, иначе говоря, крестьяне, составляли около $^1/_6$ части всего населенія Англіи. Это были сильные и крѣпкіе люди, самостоятельные и умѣвшіе постоять за свою независимость и свободу, что они неоднократно доказывали на дѣлѣ. Они составляли главную поддержку парламента и затѣмъ Кромвеля въ эпоху революціи. Дефо

съ восторгомъ описывалъ благосостояніе «сѣрыхъ кафтановъ», какъ называли йоменовъ, благодаря сѣрому цвѣту ихъ суконныхъ кафтановъ, сотканныхъ дома. По словамъ писателей того времени, годовой доходъ йомена равнялся въ среднемъ 40—50 ф. с. и нерѣдко достигалъ 100—200 ф. При такой зажиточности неудивительно, что йомены пользовались большимъ политическимъ вліяніемъ и мѣстные лендлорды должны были обращаться съ ними съ уваженіемъ и осторожностью.

Земледѣліе было только преобладающимъ занятіемъ йоменовъ, фермеровъ и сельскихъ рабочихъ. Каждый изъ нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ занимался и другими подсобными промыслами, главнымъ образомъ пряжей и тканьемъ льна и шерсти. Прялка и ткацкій станокъ были такою же необходимой принадлежностью мелкаго хозяйства того времени, какъ и земледѣльческія орудія. Изготовленныя дома полотно и сукно частью употреблялись на домашнія же нужды, частью отвозились въ сосѣдній городъ для продажи. Работа шла круглый годъ и только во время жатвы всѣ рабочія силы обращались къ земледѣлію.

Значительныя пространства земли были изъяты изъ частной собственности и принадлежали общинамъ. Общинная земля частью обрабатывалась, частью запускалась подъ выгонъ и сѣнокосъ. Обрабатываемая земля дѣлилась на три поля, и каждый собственникъ и фермеръ имѣлъ, по крайней мѣрѣ, одну полосу въ каждомъ полѣ. Эти полосы рѣдко переходили изъ рукъ въ руки, но сѣнокосные участки ежегодно дѣлились по жребію между членами общины. Каждый общинникъ пользовался правомъ пасти скотъ на общинныхъ выгонахъ и лугахъ послѣ снятія травы.

Мелкое самостоятельное производство въ обрабатывающей промышленности еще держалось весьма прочно; даже въ началѣ XIX вѣка оно преобладало въ нѣкоторыхъ промышленныхъ округахъ Англіи. Одинъ интересный отчетъ парламентской коммиссіи 1806 года знакомитъ насъ съ характеромъ суконнаго производства въ началѣ XIX вѣка въ Іоркширѣ. Въ этой мѣстности суконное производство находилось въ рукахъ множества мелкихъ мастеровъ, по большей части обладавшихъ очень небольшимъ капиталомъ. Они покупали шерсть у различныхъ торговцевъ, красили ее въ своихъ собственныхъ домахъ и изготовляли грубое сукно. Въ работѣ принимала участіе вся семья хозяина и, кромѣ того, обыкновенно нанималось нѣсколько человѣкъ со стороны. Въ окрестностяхъ Лидса было около 3500 такихъ мелкихъ суконщиковъ-кустарей. Они жили по деревнямъ и имѣли собственную землю или снимали небольшіе участки въ 3—15 акровъ. Нѣкоторые изъ нихъ занимались земледѣліемъ, но большинство не обрабатывало земли, а обращало ее въ сѣнокосъ или пастбище для домашняго скота.

Продажа изготовленнаго сукна производилась на особыхъ суконныхъ биржахъ, которыхъ въ Лидсѣ было три; такія же биржи были и въ

другихъ городахъ Іоркшира, напр., въ Бредфордѣ и Галифаксѣ. На этихъ биржахъ мастера имѣли постоянныя мѣста для продажи своихъ товаровъ, причемъ никто не имѣлъ права занимать болѣе двухъ мѣстъ. Сукно продавалось въ необдѣланномъ видѣ крупнымъ торговцамъ, которые уже заканчивали его выдѣлку въ своихъ собственныхъ мастерскихъ. Только послѣ этого сукно отправлялось для продажи потребителямъ внутри страны и заграницу.

Таковъ былъ обычный порядокъ продажи. Но иногда сукно выдѣлывалось мастерами по особому заказу и тогда оно не поступало на биржу.

Рабочіе обыкновенно нанимались на годъ и работали въ домѣ хозяина; нѣкоторые работали поштучно на дому. Отношенія между хозяевами и рабочими имѣли патріархальный характеръ и рабочіе были довольны своими хозяевами, о чемъ они сами неоднократно заявляли парламентскимъ коммиссіямъ. Многіе изъ нихъ служили у однихъ и тѣхъ же хозяевъ по нѣскольку десятковъ лѣтъ; другіе сами дѣлались по истеченіи извѣстнаго времени самостоятельными хозяевами.

Торговля соотвѣтствовала способу производства. Въ началѣ XVIII вѣка крупныхъ торговцевъ было очень мало, а тѣ, какіе были, занимались не внутренней, а внѣшней торговлей. Внутренняя торговля сосредоточивалась въ рукахъ многочисленныхъ мелкихъ торговцевъ, которые сами разъѣзжали по окрестнымъ городамъ и селамъ, закупая шерсть, сукно, полотно и другія издѣлія кустарей и продавая ихъ по городамъ; такъ какъ дороги были очень плохи, то товары перевозились вьючнымъ способомъ на лошадяхъ и самъ торговецъ путешествовалъ верхомъ. Въ важнѣйшихъ провинціальныхъ городахъ были еженедѣльные базары, куда собирались окрестные кустари и торговцы. Кромѣ того, крупные торговые обороты производились на ярмаркахъ, которыя сохранились еще со временъ среднихъ вѣковъ и происходили обыкновенно осенью. На ярмарки съѣзжались странствующіе торговцы и развозили потомъ товары по всей странѣ.

Итакъ, мелкое самостоятельное производство преобладало въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Англіи вплоть до начала XIX вѣка. Но уже съ конца XVII-го вѣка и даже ранѣе въ Англіи замѣчаются несомнѣнные признаки упадка этой формы промышленности. Изъ того же парламентскаго отчета, о которомъ сказано выше, мы узнаемъ, что въ западныхъ графствахъ Англіи, въ которыхъ изготовлялись сукна главнымъ образомъ для вывоза заграницу, суконное производство находилось всецѣло въ рукахъ крупныхъ предпринимателей — «богатыхъ суконщиковъ», какъ ихъ называли въ то время. Они закупали шерсть заграницей непосредственно отъ иностранныхъ овцеводовъ и раздавали эту шерсть для обработки многочисленнымъ рабочимъ, которые работали частью въ своихъ собственныхъ домахъ, частью въ мастерскихъ хозяина. Каждая отдѣльная операція поручалась особой группѣ рабочихъ. Благодаря такому раздѣленію труда, на западѣ Англіи вы-

дѣлывались самые тонкіе сорта суконъ, пользовавшіеся извѣстностью во всей Европѣ. Въ Іоркширѣ мастеръ былъ собственникомъ шерсти и сукна, но на западѣ Англіи мастеръ выдѣлывалъ сукно изъ чужой шерсти и сукно принадлежало уже не ему.

Въ окрестностяхъ Манчестера еще въ половинѣ XVII вѣка развилось производство бумазеи. Первоначально бумазея выдѣлывалась такъ же, какъ и сукно въ Іоркширѣ: деревенскіе ткачи продавали необдѣланную ткань купцамъ, которые заканчивали ея обработку у себя въ мастерскихъ и продавали потребителямъ. Но мало-по-малу бумазейные ткачи попали въ совершенную зависимость отъ купцовъ; у нихъ не хватало средствъ самимъ закупать пряжу и они стали брать пряжу у купцовъ, ткали ее за извѣстную плату и готовую ткань возвращали купцамъ. Уже въ 1736 г. въ Манчестерѣ были купцы, которые раздавали пряжу нѣсколькимъ сотнямъ ткачей. Такимъ образомъ мелкое самостоятельное производство бумазеи превратилось въ домашнюю систему крупной промышленности. Кустарь сдѣлался наемнымъ слугой крупнаго капиталиста. Въ Стаффордширѣ и Ворчестерширѣ такой же характеръ имѣло производство гвоздей: торговцы желѣзомъ раздавали желѣзо деревенскимъ гвоздарямъ, которые за извѣстную плату изготовляли гвозди для купцовъ у себя на дому.

Такъ какъ для XVIII вѣка никакой статистики занятій не существуетъ, то мы не можемъ съ точностью опредѣлить, насколько распространена была въ это время въ Англіи система домашней промышленности по заказамъ капиталистовъ. Но нѣкоторые признаки заставляютъ думать, что эта форма промышленности быстро расла въ теченіе всего XVIII столѣтія и замѣщала прежнюю мелкую промышленность. Важнѣйшимъ признакомъ такого замѣщенія являются постоянныя жалобы хозяевъ на утаиваніе и порчу матеріаловъ, восходившія до парламента и вызвавшія изданіе нѣсколькихъ спеціальныхъ законовъ. Первый законъ противъ порчи матеріаловъ былъ изданъ для суконнаго производства уже въ 1609 году. XVIII вѣкъ насчитываетъ цѣлый рядъ законовъ этого рода, относившихся къ самымъ различнымъ отраслямъ промышленности: суконной, льняной, хлопчатобумажной, кожаной, шелковой, желѣзодѣлательной и проч. Очевидно, зло было очень распространеннымъ, если законодательству приходилось съ нимъ такъ усиленно бороться. Но утаиваніе матеріаловъ составляетъ слабое мѣсто именно домашней системы крупной промышленности, при которой рабочій работаетъ надъ чужимъ матеріаломъ у себя на дому; поэтому изданіе названныхъ законовъ несомнѣнно доказываетъ развитіе этой формы промышленности. Другимъ косвеннымъ признакомъ того же является распространеніе въ англійской деревнѣ въ XVIII вѣкѣ, еще до введенія машинъ, работы на дому женщинъ и дѣтей. Только экономическое разореніе кустарей и полная зависимость ихъ отъ скупщиковъ могли привлечь женщинъ и дѣтей къ производству.

Въ то же время крупная промышленность развивалась въ Англіи и въ другой формѣ. Уже въ XVI вѣкѣ въ Англіи существовали крупныя мастерскія для выдѣлки сукна, принадлежавшія капиталистамъ, въ которыхъ раздѣленіе труда было проведено очень далеко. Законодательство боролось противъ такихъ капиталистическихъ предпріятій, опасныхъ конкурентовъ для мелкихъ суконщиковъ, но остановить развитія ихъ не могло. При Елизаветѣ число суконныхъ мануфактуръ значительно увеличилось; при Стюартахъ возникло много новыхъ мануфактуръ того же рода въ восточныхъ графствахъ Англіи, особенно въ Норвичѣ, несмотря на то, что общественное мнѣніе Англіи было настроено къ такимъ мануфактурамъ очень враждебно и мелкіе мастера неоднократно подавали петиціи въ парламентъ съ просьбой принять мѣры противъ распространенія крупныхъ мастерскихъ. Но капиталисты-суконщики были уже важными и вліятельными господами. По словамъ одной современной книги, «они принимали гостей у себя дома такъ, какъ король при дворѣ» и парламентъ былъ отчасти подъ ихъ вліяніемъ. Въ одной любопытной народной пѣснѣ XVI вѣка описывается такая суконная мануфактура, принадлежавшая Джону Ньюсбэри, крупнѣйшему предпринимателю того времени. По словамъ пѣсни, въ мастерскихъ Ньюсбэри было 200 ткацкихъ станковъ, 200 веретенъ, 100 чесальныхъ гребней, всего работало болѣе 1.000 рабочихъ, въ томъ числѣ 350 дѣтей. Фабрика съ 1.000 человѣкъ рабочихъ даже для настоящаго времени была бы весьма крупной, но, очевидно, въ XVI вѣкѣ она была явленіемъ настолько исключительнымъ, что могла вдохновлять своей грандіозностью даже воображеніе поэтовъ.

Въ половинѣ XVIII вѣка мануфактуры были не рѣдки и въ другихъ отрасляхъ промышленности, кромѣ суконной, какъ это можно заключить изъ знаменитаго примѣра Ад. Смита булавочной мануфактуры. Въ Ноттингамѣ, въ 1750 г., было 50 предпринимателей, имѣвшихъ въ совокупности до 1.200 ткацкихъ станковъ. Артуръ Юнгъ описываетъ въ Шеффильдѣ шелковую мануфактуру, на которой работало 150 рабочихъ; на шелковой мануфактурѣ въ Дарлингтонѣ имѣлось до 50 ткацкихъ становъ; въ Больтонѣ на такой же мануфактурѣ работало 150 человѣкъ.

Такимъ образомъ, крупная промышленность въ формѣ домашней системы и мануфактуры несомнѣнно развивалась въ теченіе XVII и начала XVIII столѣтія и успѣшно боролась съ мелкою промышленностью, унаслѣдованной еще съ эпохи среднихъ вѣковъ. Тѣмъ не менѣе побѣда крупной промышленности надъ мелкой была далеко не полной; обѣ формы промышленности имѣли свои преимущества и недостатки, и хотя самостоятельный кустарь постепенно терялъ почву подъ ногами и утрачивалъ свою независимость, процессъ этотъ шелъ весьма медленно и во многихъ случаяхъ мелкій производитель продолжалъ держаться. Крупной промышленности недоставало того оружія, которое впослѣдствіи обезпе-

чило ей рѣшительную побѣду: машины. Ручной ткацкій станокъ и ручная прялка оставались неизмѣнными въ теченіе столѣтій и одинаково употреблялись въ крупныхъ и мелкихъ предпріятіяхъ. Единственнымъ преимуществомъ мануфактуры передъ кустарной мастерской было большее раздѣленіе труда; но зато самостоятельный кустарь работалъ на себя, а это много значитъ.

Болѣе рѣшительна была побѣда крупнаго производства въ области земледѣлія. Мы уже говорили, что въ разсматриваемую эпоху обширныя пространства земли въ Англіи были изъяты изъ частной собственности и принадлежали общинамъ. Общинныя земли составляли въ 1760 году около $^1/_5$ всей територіи Англіи. Несмотря на то, что по качеству онѣ были едва ли не лучшими въ странѣ, обработка ихъ велась крайне плохо. Артуръ Юнгъ, извѣстный писатель того времени, знатокъ агрономіи, картинно описываетъ, какое жалкое зрѣлище представляли собой общинныя поля. Черезполосность и принудительный сѣвооборотъ препятствовали улучшенію земледѣльческой техники: обработка земли велась рутиннымъ способомъ, поля плохо удобрялись и давали ничтожные урожаи. Частно-владѣльческое хозяйство стояло во всѣхъ отношеніяхъ гораздо выше; въ тѣхъ графствахъ, въ которыхъ было меньше общинныхъ земель, урожаи были значительно больше, хотя земля была и хуже. Крупныя фермы, по словамъ Артура Юнга, были душой норфолькскаго хозяйства, которое считалось во всей Англіи образцовымъ; въ Норфолькскомъ графствѣ былъ введенъ новый сѣвооборотъ, культура клевера и райграса, и было сдѣлано много другихъ земледѣльческихъ улучшеній.

Неудивительно, что Артуръ Юнгъ, какъ и всѣ другіе агрономическіе писатели эпохи, настоятельно требовалъ огораживанія общинныхъ земель—иначе говоря, раздѣленія ихъ между членами общины. Но старый строй держался еще крѣпко, и за время 1710—1760 г. перешло въ частную собственность только 334 тысячъ акровъ общинной земли—менѣе $^1/_{20}$ всѣхъ общинныхъ земель. Крупные землевладѣльцы, которые больше всего выигрывали при этомъ, еще не могли побѣдить противодѣйствія мелкихъ фермеровъ, крестьянъ и сельскихъ рабочихъ, проигрывавшихъ при каждомъ такомъ огораживаніи, такъ какъ они лишались права пользованія общественными землями почти безъ всякаго вознагражденія. Однако, именно къ этому времени относится упадокъ мелкаго землевладѣнія въ Англіи; мелкій землевладѣлецъ, йоменъ, при всей независимости своей натуры, былъ очень плохимъ земледѣльцемъ. Онъ обрабатывалъ землю «по старому», былъ мало образованъ, нерѣдко совершенно невѣжественъ и не могъ конкурировать съ крупнымъ фермеромъ, вводившимъ въ своемъ хозяйствѣ усовершенствованные пріемы земледѣлія. Во второй четверти XVIII вѣка упадокъ мелкаго земледѣлія дѣлается весьма быстрымъ. Земли йоменовъ скупались крупными землевладѣльцами, управляющимъ которыхъ предписывалось «развѣдывать всѣми способами, не согласятся ли мелкіе соб-

ственники по близости отъ имѣнія такого-то продать свои земли, и въ случаѣ согласія покупать эти земли по возможно болѣе выгодной цѣнѣ».

Мелкіе участки скупались также капиталистами — купцами. Земля имѣла притягательную силу для капиталиста, совершенно независимо отъ своей экономической цѣнности. Вплоть до новѣйшаго времени политическая власть въ Англіи сосредоточивалась въ классѣ крупныхъ землевладѣльцевъ. Крупные землевладѣльцы были наслѣдственными законодателями въ палатѣ лордовъ. Члены низшей палаты были избираемы, но число избирателей было очень ограничено: въ половинѣ прошлаго столѣтія избирателей было въ среднемъ около 200.000 и большинство ихъ принадлежало къ той же земельной аристократіи или находилось въ непосредственной зависимости отъ нея. Городскихъ избирателей было очень немного, и къ тому же болѣе многолюдные новые города нерѣдко не имѣли никакихъ представителей въ парламентѣ, а старинные города, пришедшіе въ полный упадокъ и почти лишенные жителей, посылали въ палату общинъ своихъ депутатовъ. Кромѣ того, земельная аристократія имѣла въ своихъ рукахъ и внутреннее управленіе страной, такъ какъ всѣ должности по мѣстному самоуправленію замѣщались крупными землевладѣльцами.

Неудивительно, что земельная собственность привлекала къ себѣ капиталистовъ. Купецъ, сдѣлавшійся землевладѣльцемъ, тѣмъ самымъ пріобщался къ правящему классу. Стать джентльменомъ, землевладѣльцемъ, было мечтой всякаго разбогатѣвшаго торговца изъ Сити. Уже Дефо замѣтилъ, что «въ Англіи торговля не только не препятствуетъ быть джентльменомъ, но, напротивъ, именно торговля и создаетъ джентльменовъ, такъ какъ черезъ одно или два поколѣнія дѣти купца такіе же джентльмены, государственные люди, члены парламента, судьи, епископы, какъ и члены самыхъ знатныхъ и самыхъ старинныхъ фамилій».

Почти вся новѣйшая аристократія Англіи купеческаго происхожденія; старинная аристократія погибла во время междуусобныхъ войнъ XV столѣтія (Генрихъ VII съ трудомъ собралъ нѣсколько десятковъ лордовъ для открытія парламента) и ряды ея пополнялись людьми изъ Сити—представителями торговаго и денежнаго капитала. Ненасытная жажда земли крупнаго капитала привела къ тому, что мелкіе земельные собственники, которые къ тому же вели собственное хозяйство крайне плохо, мало-по-малу распродали свои участки крупнымъ землевладѣльцамъ и капиталистамъ, а сами перешли въ ряды пролетаріевъ.

Такимъ образомъ, йоменъ терялъ свою землю и превращался въ земледѣльческаго рабочаго. Крупная промышленность и крупное землевладѣніе постепенно разлагали прежній экономическій строй, основанный на мелкомъ производствѣ и натуральномъ хозяйствѣ. Чѣмъ же было вызвано развитіе новыхъ способовъ производства? Измѣненіемъ условій обмѣна.

Средневѣковая хозяйственная единица—городъ съ окружающими его деревнями,—представляла собою совершенно независимое и замкнутое цѣлое. Потребитель и производитель не были географически удалены другъ отъ друга и обмѣнъ продуктовъ совершался преимущественно въ предѣлахъ мѣстнаго рынка. При этомъ производитель былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и торговцемъ, если онъ не работалъ на заказъ. Купецъ игралъ роль только въ международной торговлѣ. Международная торговля существовала, разумѣется, и въ средніе вѣка, но она была сравнительно ничтожна и удовлетворяла почти исключительно потребностямъ роскоши высшихъ классовъ общества. При такой хозяйственной обстановкѣ развились и окрѣпли средневѣковые цехи.

Но по мѣрѣ развитія торговыхъ сношеній между отдаленными странами увеличивалось значеніе посредника между производителемъ и потребителемъ—торговца. Сукна и кожевенныя издѣлія уже съ очень давняго времени вывозились изъ Англіи заграницу; соотвѣтственно этому въ этихъ отрасляхъ промышленности мелкій производитель уже очень рано подпадаетъ господству торговца. Великія географическія открытія новаго времени были поворотнымъ пунктомъ въ исторіи торговли; съ этого времени международная морская торговля начинаетъ развиваться съ поразительной быстротой. Вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ перемѣщеніе центра тяжести міровой торговли: съ береговъ Средиземнаго моря она перемѣщается къ Атлантическому океану, къ морскому пути въ Америку и Индію. Сначала Голландія, затѣмъ Англія становятся первыми морскими и торговыми державами міра. Возникаетъ новый вліятельный общественный классъ — классъ крупныхъ торговцевъ-капиталистовъ. Новая могучая соціальная сила—капиталъ—мало-помалу завоевываетъ господствующее положеніе въ хозяйственномъ и соціальномъ строѣ Англіи. Начинается эпоха меркантилизма: иностранная торговля, дающая легкую возможность наживы, признается единственно производительнымъ занятіемъ, и вся государственная политика сводится къ поощренію всѣми возможными мѣрами этой торговли. Такъ какъ торговля это сопровождалась большимъ рискомъ, требовала большой затраты капитала, и потому вначалѣ была не подъ силу отдѣльному предпринимателю, то стали возникать крупныя торговыя компаніи. Въ 1505 г. была основана первая компанія для вывоза шерстяныхъ тканей. Въ 1554 г. компанія для торговли съ Россіей, въ 1579 г. балтійская компанія, въ 1581 г.—левантская, въ 1600 г.—остъ-индская. Всѣ эти компаніи получали исключительное право вести торговлю въ той или иной странѣ и члены ихъ легко наживали огромные капиталы. Извѣстны чрезвычайные успѣхи остъ-индской компаніи, пріобрѣтшей для Англіи огромную и богатую страну съ сотнями милліоновъ жителей. Въ теченіе всего XVI, XVII и XVIII столѣтій Англія захватываетъ земли во всѣхъ частяхъ свѣта и создаетъ свою колоссальную колоніальную имперію. Благодаря этому крупная

промышленность Англіи получаетъ огромный обезпеченный внѣшній рынокъ. Сокровища, собираемыя въ заморскихъ странахъ, приливаютъ въ метрополію, пополняя ея капиталы.

Возникновеніе крупнаго торговаго капитала сопровождается развитіемъ кредита. Въ 1694 г. учреждается Англійскій Банкъ; количество денежныхъ капиталовъ въ Англіи достигаетъ уже такихъ размѣровъ, что сумма, требуемая для основанія банка, 1.200.000 ф. с. покрывается въ Сити подпиской въ теченіе 10 дней. Въ 1718 г. въ Англіи разражается страшный биржевой кризисъ, вызванный безразсудными и рискованными спекуляціями компаніи Южнаго моря, располагавшей огромными денежными суммами, которыя она употребляла на биржевую игру; этотъ кризисъ являлся лучшимъ доказательствомъ зрѣлости англійскаго торговаго капитализма, вступившаго въ свойственный ему циклъ оживленія, кризиса и застоя.

О ростѣ денежнаго капитала въ Англіи можно судить по возрастанію англійскаго національнаго долга: въ эпоху революціи въ 1689 г. національный долгъ едва превышалъ 6 милліоновъ фунтовъ стер.; въ 1697 г., ко времени Рисвикскаго мира, онъ достигалъ уже 21 м. ф.; въ 1714 г. (Утрехтскій миръ) онъ превышалъ уже 53 м. ф. с. Въ 1748 г. національный долгъ достигъ 78 м. ф. с., а въ 1763 г.—133 м. ф. с. Менѣе, чѣмъ за столѣтіе, національный долгъ Англіи возросъ болѣе чѣмъ въ 20 разъ; всѣ эти громадныя денежныя суммы, которыя поглощались безпрерывными войнами, были доставляемы правительству классомъ денежныхъ капиталистовъ, которыхъ совсѣмъ не знала Англія XV вѣка. «Государственный долгъ является однимъ изъ самыхъ могущественныхъ орудій первоначальнаго накопленія. Онъ превращаетъ деньги, не приносящія доходъ, въ производительный капиталъ для ихъ владѣльцевъ и такимъ образомъ не только создаетъ классъ денежныхъ рентьеровъ, но и содѣйствуетъ расширенію и обогащенію этого класса». (Марксъ).

Такимъ образомъ, вкратцѣ, ходъ развитія англійской крупной промышленности былъ таковъ. Географическія открытія дали толчокъ международой торговлѣ. Международная торговля создала крупный купеческій капиталъ. Крупный купеческій капиталъ подчинилъ себѣ ремесленника и кустаря, которые стали брать матеріалъ для работы у торговцевъ и прекратили работу изъ собственнаго матеріала. Мелкое самостоятельное производство частью постепенно превратилось, рядомъ незамѣтныхъ переходовъ, въ домашнюю систему крупной промышленности; частью оно было поглощено мануфактурой, которая создалась купеческимъ капиталомъ, перешедшимъ отъ торговли къ производству тѣхъ продуктовъ, которые вывозились за границу. Частью же оно продолжало существовать въ прежнемъ видѣ и болѣе или менѣе успѣшно отстаивало свою позицію.

Во всякомъ случаѣ, въ теченіе всего XVIII вѣка мы наблюдаемъ

энергичное развитіе новаго хозяйственнаго и соціальнаго строя—капиталистическаго.

Старинный экономическій строй еще держался, но нельзя было не видѣть, что его жизнеспособность падаетъ. Нарождались новыя формы хозяйства, и хотя развитіе ихъ шло далеко не такъ быстро, какъ оно пошло впослѣдствіе, тѣмъ не менѣе проницательному наблюдателю должно было быть яснымъ, что имъ предстоитъ побѣда. Выгодная сторона крупной промышленности была очевидна — крупное производство усиливало производительность труда, увеличивало богатство.

Въ то же время соціальныя послѣдствія новаго хозяйственнаго строя еще не успѣли обнаружиться съ полной наглядностью. Правда, мелкіе мастера страдали отъ конкуренціи крупныхъ предпринимателей, а йомены только подъ вліяніемъ нужды продавали свои земли сосѣднимъ землевладѣльцамъ и купцамъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря тому, что развитіе крупной промышленности шло медленно, положеніе рабочаго класса не только не ухудшалось, а скорѣе улучшалось. Заработная плата земледѣльческаго рабочаго съ начала столѣтія, повидимому, возрасла. По словамъ Эдена, «никогда рабочій не могъ пріобрѣсти столько предметовъ необходимости и удобства на свою дневную выручку, какъ въ это время». Въ XVII столѣтіи среднюю заработную плату земледѣльческаго рабочаго считали около 10 пенсовъ въ день, а цѣну пшеницы—38 шил. за квартеръ. Въ теченіе первыхъ 60 лѣтъ XVIII вѣка средняя заработная плата того же рабочаго поднялась до 1 ш. въ день, при цѣнѣ пшеницы—32 ш. Лучшимъ доказательствомъ улучшенія экономическаго положенія англійскаго рабочаго за это время являются постоянныя жалобы писателей XVIII вѣка на лѣность и привычки къ роскошной жизни простого народа. Даже такой мыслитель, какъ Локкъ, не стѣснялся заявлять, что жалобы на недостатокъ работы—только предлогъ для лѣнтяевъ уклоняться отъ работы. Для Дефо единственная причина бѣдности—лѣность. Постоянная тема разсужденій Артура Юнга и многихъ другихъ писателей того времени—сѣтованія на чрезмѣрныя потребности англійскаго рабочаго и его лѣность. Высокая цѣна жизненныхъ припасовъ, повышеніе арендной платы являются, по мнѣнію А. Юнга, превосходнымъ средствомъ побудить простой народъ побольше работать. Вотъ, напр., любопытная тирада автора одной экономической брошюры 1770 г., цитируемой Марксомъ: «Если подумать, сколько излишнихъ вещей потребляютъ наши мануфактурные рабочіе—водку, джинъ, чай, сахаръ, разные плоды, пиво, табакъ и пр., и пр., то, право, волосы могутъ стать дыбомъ... Во Франціи работа на цѣлую треть дешевле, чѣмъ въ Англіи: тамъ бѣдные люди работаютъ усердно и получаютъ умѣренную пищу; они питаются, главнымъ образомъ, хлѣбомъ, плодами овощами и соленой рыбой; очень рѣдко ѣдятъ мясо... И это еще не

все—они пьютъ только воду и подобные слабые напитки, такъ что они тратятъ удивительно мало денегъ. У насъ было бы очень трудно ввести такой же порядокъ вещей, но это не возможно, потому что существуетъ же этотъ порядокъ во Франціи и Голландіи».

Очевидно, положеніе англійскаго рабочаго было не очень плохо, если у простодушныхъ экономистовъ того времени «волосы вставали дыбомъ» отъ роскошной жизни простого народа. Жалобы такого рода составляютъ любопытную иллюстрацію настроенія эпохи и характеризуютъ тѣ задачи, которыя ставились на очередь общественнымъ мнѣніемъ.

Между тѣмъ, несмотря на глубокія перемѣны въ хозяйственномъ строѣ Англіи, вся система ея соціальной и экономической политики, все законодательство, регулировавшее отношенія труда и капитала, промышленность и торговлю, оставались неизмѣнными со времени XVI вѣка. Знаменитый законъ объ ученичествѣ Елизаветы (изданный въ 1562 г.) оставался въ силѣ вплоть до начала XIX столѣтія. Важнѣйшія постановленія этого закона были слѣдующія: право самостоятельно заниматься ремесломъ или быть подмастерьемъ присваивается только лицамъ, прошедшимъ семилѣтній курсъ ученія; въ ученики могли приниматься только дѣти достаточныхъ родителей и притомъ на трехъ учениковъ хозяинъ непремѣнно долженъ былъ давать работу одному подмастерью, взрослому рабочему, окончившему семилѣтній курсъ; на всякаго ученика, превосходившаго это число, долженъ былъ содержаться лишній подмастерье. Рабочій день былъ установленъ лѣтомъ—въ 12 час., зимой—отъ восхода до заката солнца. Рабочіе договоры должны были заключаться не менѣе какъ на годъ, а заработная плата устанавливалась ежегодно мировыми судьями и городскими властями. При извѣстныхъ условіяхъ мировымъ судьямъ было предоставлено право принуждать къ работѣ, по требованію хозяевъ, взрослыхъ подмастерьевъ; всѣ же неимѣющіе средствъ къ жизни взрослые мужчины, не занимающіеся никакимъ ремесломъ, могли быть принуждаемы къ исполненію земледѣльческихъ работъ. Рабочимъ было запрещено мѣнять свое мѣстожительство безъ разрѣшенія подлежащихъ властей.

Этотъ законъ очень идеализируется нѣкоторыми изслѣдователями. Такъ, извѣстный германскій ученый Ад. Гельдъ говоритъ по поводу закона Елизаветы: «Отъ этого закона великой королевы вѣетъ духомъ усилившейся королевской власти, которая возвысилась надъ сословными интересами, защищая слабыхъ». Но такая идеализація закона объ ученичествѣ совершенно несправедлива. Какимъ духомъ вѣетъ отъ новаго закона, можно судить уже по одному тому, что законъ устанавливаетъ принудительную работу въ интересахъ промышлениковъ и землевладѣльцевъ, терпѣвшихъ недостатокъ въ рабочихъ рукахъ (припомнимъ жалобы Дефо и Локка на лѣность простого народа). Но

яснѣе всего смыслъ закона Елизаветы обнаруживается одной характерной подробностью. Выдача заработной платы въ высшемъ размѣрѣ противъ установленнаго мировыми судьями наказывалась денежнымъ штрафомъ и арестомъ, полученіе таковой наказывалось арестомъ еще болѣе продолжительнымъ, но за наемъ рабочихъ по болѣе низкой цѣнѣ въ законѣ никакого наказанія указано не было. Изъ этого ясно, что законъ Елизаветы имѣлъ цѣлью, во-первыхъ, оградить мелкихъ промышленниковъ отъ опасной для нихъ конкуренціи крупныхъ предпринимателей-капиталистовъ; во-вторыхъ, обезпечить хозяевамъ, главнымъ образомъ землевладѣльцамъ, достаточный контингентъ рабочихъ по цѣнамъ, устанавливаемымъ самими землевладѣльцами. Этимъ закономъ ни только ограничивалось число лицъ, находящихъ себѣ занятія въ промышленности (благодаря чему вся масса труда должна была скопляться въ земледѣліи), но и передавалось назначеніе заработной платы землевладѣльцамъ, которые замѣщали всѣ должности по мѣстному самоуправленію, въ томъ числѣ и должности мировыхъ судей. Землевладѣльцы становились полными господами земледѣльческихъ рабочихъ.

Наше понятіе о человѣческой природѣ должно было бы совершенно измѣниться, если бы такая власть, предоставленная одному общественному классу надъ другимъ, не повела къ экономическому угнетенію послѣдняго. И дѣйствительно, изслѣдованія Роджерса, самаго компетентнаго судьи въ этомъ дѣлѣ, вполнѣ доказали, что въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ аналогичныхъ, господствующій классъ воспользовался властью въ собственныхъ интересахъ. По словамъ Роджерса, заработная плата, назначавшаяся мировыми судьями, была такъ низка, что предприниматели и фермеры были вынуждены фактически платить большую плату. Законная заработная плата въ XVI и XVII вѣкахъ почти всегда была ниже рыночной. Законъ объ ученичествѣ явился отличнымъ орудіемъ угнетенія земледѣльческихъ рабочихъ и землевладѣльцы воспользовались своей властью, чтобы систематически понижать рабочую плату. Это не всегда удавалось, такъ какъ цѣны вообще трудно поддаются регулированію, и рабочіе нерѣдко съ успѣхомъ отстаивали свои интересы. Но, во всякомъ случаѣ, мировые судьи дѣлали въ направленіи пониженія платы все, что могли. Особенно низкую плату мировые судьи назначали въ эпоху Стюартовъ. Революція немедленно измѣнила образъ дѣйствій судей въ этомъ отношеніи и законная плата стала приближаться къ рыночной. Возстановленіе монархіи опять повело къ тому, что плата стала назначаться значительно ниже рыночной.

Но, конечно, законы объ ученичествѣ противорѣчили интересамъ крупныхъ предпринимателей-капиталистовъ. Если бы законъ соблюдался строго, то развитіе мануфактуры стало-бы почти невозможнымъ. Однако, капиталисты были уже важными господами и при столкновеніи съ закономъ уступили не они, а законъ. Дѣло устроилось слѣ-

*

дующимъ образомъ: законъ былъ истолкованъ въ ограничительномъ смыслѣ и совсѣмъ пересталъ примѣняться ко всѣмъ отраслямъ промышленности, которыя не имѣли большого значенія въ эпоху изданія закона. Такъ, напр., хлопчатобумажное производство никогда не подчинялось этому закону. Въ новыхъ промышленныхъ городахъ Англіи, какъ, напр., въ Манчестерѣ, Бирмингамѣ, Вольвергэмптонѣ и др., существовало множество производствъ, въ которыхъ законы объ ученичествѣ не имѣли никакой силы.

Что касается до старинныхъ отраслей промышленности, вродѣ суконнаго производства, полотнянаго, шелковаго и пр., то относительно ихъ законъ номинально оставался въ силѣ, но фактически свободно нарушался крупными предпринимателями. Какъ указано выше, въ западныхъ графствахъ Англіи очень рано развилось мануфактурное производство сукна; на суконныхъ мануфактурахъ работали не только обученные, но и необученные рабочіе. Цитированный выше отчетъ парламентной комиссіи 1806 г. констатируетъ, что на этихъ мануфактурахъ постановленіе закона о семилѣтнемъ курсѣ ученія совершенно игнорировалось. Многочисленныя петиціи мастеровъ въ теченіе всего XVIII вѣка доказываютъ, что законъ Елизаветы обходился очень часто. Даже въ мелкомъ производствѣ постановленія закона объ ученичествѣ плохо исполнялись на практикѣ (хотя все-таки большинство мелкихъ мастеровъ проходили семилѣтній курсъ). Въ отдѣльныхъ же случаяхъ, когда эти постановленія соблюдались, они нерѣдко являлись источникомъ совершенно безсмысленныхъ стѣсненій самихъ рабочихъ.

Другія постановленія закона исполнялись еще меньше. Рабочая плата, какъ сказано, должна была по закону устанавливаться мировыми судьями. Это постановленіе закона примѣнялось, главнымъ образомъ, въ земледѣліи. Въ XVII и XVIII вѣкахъ плата земледѣльческимъ рабочимъ, дѣйствительно, опредѣлялась мировыми судьями. Но въ обрабатывающей промышленности установленіе рабочей платы мировыми судьями было возможно лишь до тѣхъ поръ, пока производство было несложнымъ, не имѣло крупныхъ размѣровъ и одни и тѣ же рабочіе служили у хозяевъ по десяткамъ лѣтъ. Но съ развитіемъ крупной промышленности условія измѣнились: приходилось работать для обширнаго рынка, покрывать убытки одного года барышами другого, вводить раздѣленіе труда, расширять и сокращать производство, смотря по требованію рынка; какъ же можно было предоставить назначеніе платы совершенно незаинтересованнымъ и незнакомымъ съ производствомъ третьимъ лицамъ, какими являлись мировые судьи? Неудивительно, что это требованіе закона осталось мертвой буквой и скоро перестало выполняться. Въ суконной промышленности заработная плата въ послѣдній разъ была установлена мировыми судьями въ 1720 г. А. Смитъ говоритъ, что въ его время,

обычай этотъ совершенно вышелъ изъ употребленія. Тѣмъ не менѣе въ отдѣльныхъ ремеслахъ парламентъ пытался устанавливать рабочую плату закономъ. Такъ, напр., въ 1768 г. парламентъ опредѣлилъ максимальную плату портнымъ-подмастерьямъ въ Лондонѣ и окрестностяхъ на пять миль кругомъ; при этомъ, какъ и въ законѣ Елизаветы, было опредѣлено наказаніе за наемъ рабочаго за плату, выше установленной закономъ, но никакого наказанія не было назначено за наемъ рабочаго за низшую плату.

Рабочіе были недовольны закономъ 1768 г. и подали петицію въ парламентъ, утверждая, что равенство платы для всѣхъ рабочихъ приводитъ къ тому, что лучшіе и искусные рабочіе получаютъ наравнѣ съ неискусными. Но парламентъ оставилъ въ силѣ изданный законъ.

Тѣмъ не менѣе, изъ сказаннаго ясно, что въ XVIII вѣкѣ законъ объ ученичествѣ Елизаветы былъ въ полномъ упадкѣ и не возбуждалъ противъ себя сильной оппозиціи только потому, что фактически, въ большинствѣ случаевъ, совсѣмъ не примѣнялся. Такимъ же остаткомъ средневѣковой организаціи промышленности было правительственное регулированіе качества изготовляемыхъ продуктовъ, имѣвшее такое значеніе въ эпоху меркантилизма. Для суконнаго производства Англіи вплоть до XIX вѣка были въ силѣ старые законы, опредѣлявшіе, какой ширины, длины и какого вѣса долженъ быть каждый кусокъ сукна, что и свидѣтельствовалось особымъ штемпелемъ. Это требованіе закона вызывало непрерывныя жалобы суконныхъ мастеровъ въ теченіе всего XVIII столѣтія; изъ парламентскихъ разслѣдованій явствуетъ, что законъ оказывался совершенно безсильнымъ бороться съ ухищреніями суконщиковъ, которые всячески старались его обойти. Въ концѣ-концовъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ преобладало крупное суконное производство, правительственное штемпелеваніе сукна совсѣмъ вышло изъ употребителя. Парламентская коммиссія 1806 г. констатировала этотъ фактъ, причемъ высказала мнѣніе, что подобные законы только обременяютъ фабрикантовъ и купцовъ, безъ всякой пользы для потребителей. При этомъ коммиссія замѣтила, что только благодаря небрежному исполненію закона суконное производство Англіи не погибло. Но гдѣ господствовало мелкое производство, сукно попрежнему выдѣлывалось по установленнымъ образцамъ. Подобнымъ же образомъ было регламентировано кожевенное производство. Законъ предписывалъ, сколько времени слѣдовало держать кожи въ дубильномъ чану и запрещалъ употребленіе всякихъ суррогатовъ вмѣсто дубовой коры. Дубленныя кожи должны были свидѣтельствоваться властями. Всѣ эти постановленія были отмѣнены въ 1808 г., но уже задолго до этого года они стали мертвой буквой и совсѣмъ не соблюдались на дѣлѣ.

Кромѣ указанныхъ общихъ законодательныхъ постановленій, имѣвшихъ силу для всей страны, промышленность многихъ городовъ и мѣ-

стечекъ Англіи регламентировалась мѣстными властями, а также корпораціями и цехами. Всѣ подобныя мѣры находились въ очевидномъ противорѣчіи съ требованіями развивавшагося капиталистическаго производства.

Ремесленные корпораціи и цехи, сохранившіеся въ Англіи еще со временъ среднихъ вѣковъ, въ разсматриваемую эпоху играли еще очень большую роль и являлись положительнымъ зломъ и тормозомъ хозяйственнаго прогресса. Во что выродились англійскіе цехи въ XVIII столѣтіи, можетъ показать слѣдующій примѣръ. Торговля каменнымъ углемъ между Ньюкастлемъ и Лондономъ имѣла особое значеніе для метрополіи, получавшей изъ Ньюкастля свое важнѣйшее топливо. Эта торговля была въ рукахъ корпораціи корабельщиковъ Темзы, которые пользовались своими привилегіями для того, чтобы закупать уголь по дешевой цѣнѣ на мѣстѣ и продавать его несоразмѣрно дорого въ Лондонѣ; торговцы углемъ пробовали перевозить уголь на собственныхъ судахъ, но корпорація воспретила это на основаніи своихъ привилегій. Повышеніе цѣны угля вызвало вмѣшательство парламента, который въ 1729 г. издалъ законъ, запрещавшій корабельщикамъ за собственный счетъ покупать и продавать уголь. Однако, жалобы на стачки корабельщиковъ и искусственное повышеніе цѣны угля продолжались. Въ этомъ смыслѣ поступали петиціи въ парламентъ въ 1738 г., въ 1746 г., 1758 г. и т. д. Послѣдовалъ цѣлый рядъ новыхъ законовъ, оставшихся, однако, безсильными прекратить злоупотребленія до тѣхъ поръ, пока корпорація не была лишена своихъ привилегій. Значеніе цеховыхъ привилегій въ XVIII вѣкѣ прекрасно иллюстрируется примѣромъ Джемса Уатта, знаменитаго изобрѣтателя паровой машины. Этотъ случай особенно любопытенъ тѣмъ, что онъ дѣлаетъ вполнѣ понятнымъ негодованіе, съ которымъ А. Смитъ всегда говорилъ о цеховыхъ привилегіяхъ. Какъ извѣстно, когда Уаттъ пожелалъ устроить въ Глазго свою мастерскую, корпорація мѣстныхъ кузнецовъ запретила ему это на основаніи своихъ привилегій. Къ счастью, Уаттъ имѣлъ знакомыхъ среди профессоровъ университета и ему удалось открыть свою мастерскую въ университетскихъ стѣнахъ, на которыя власть цеховъ не распространялась. А. Смитъ лично зналъ этотъ случай и его книга вышла вскорѣ послѣ изобрѣтенія Уатта.

Такимъ образомъ, англійскіе цехи и корпораціи приняли въ XVIII вѣкѣ характеръ вредныхъ монополій. Нельзя было не сознавать всей непригодности цеховъ къ новымъ условіямъ хозяйства; и если бы фактическое вліяніе цеховъ было также велико, какъ широки были ихъ права, то цеховыя привилегіи могли бы надолго затормозить экономическій прогрессъ Англіи. Однако, и въ данномъ случаѣ жизнь пересиливала букву закона, и устарѣвшія постановленія въ большинствѣ случаевъ совершенно игнорировались на практикѣ сильными людьми—капиталистами.

Итакъ, старинная организація англійской промышленности въ началѣ XVIII вѣка номинально продолжала еще держаться, но въ дѣйствительности пришла въ полный упадокъ и, хотя была очень стѣснительна для развивавшихся новыхъ. формъ промышленности, тѣмъ-не менѣе не могла воспрепятствовать ихъ развитію. Богатые предприниматели были такой крупной силой, что почти при всякомъ столкновеніи закона съ ихъ интересами уступали не они, а законъ. Въ другомъ положеніи была рабочая масса. Она мало пользовалась выгодами новаго порядка вещей и въ то же время тяжелѣе всего чувствовала стѣснительность стариннаго законодательства, не признававшаго свободы личности. Со времени Елизаветы приходы должны были сами заботиться о содержаніи своихъ бѣдныхъ. Вполнѣ понятно, что приходскія власти очень неохотно допускали на свою территорію малообезпеченныхъ людей, могущихъ сдѣлаться бременемъ для прихода. И вотъ, при Карлѣ II, приходу представляется важное право высылать на первоначальное мѣстожительство всѣхъ неимущихъ пришельцевъ. Благодаря этому, англійскій рабочій былъ совершенно лишенъ свободы передвиженія и отданъ въ распоряженіе приходскихъ властей—представителей мѣстнаго крупнаго землевладѣнія. По словамъ А. Смита, въ Англіи того времени «не было ни одного бѣднаго работника, который бы не испыталъ на себѣ, въ ту или иную пору своей жизни, крайне жестокое дѣйствіе стѣснительнаго и безумнаго закона объ осѣдлости». Рабочему было труднѣе преодолѣвать искусственныя преграды, воздвигнутыя закономъ, чѣмъ естественныя препятствія, представляемыя морями и горными цѣпями. Это вызывало крайнее различіе заработной платы въ Англіи въ различныхъ мѣстностяхъ.

Непригодность старинной организаціи промышленности къ новымъ условіямъ производства и сбыта было такъ очевидна, что, наконецъ, и парламентъ долженъ былъ уступить. Въ 1756 г. парламентъ подтвердилъ постановленіе закона Елизаветы, что заработная плата въ суконномъ производствѣ западныхъ графствъ Англіи должна быть устанавливаема мировыми судьями. Но немедленно же парламентъ былъ заваленъ петиціями суконщиковъ-капиталистовъ, неопровержимо доказывавшихъ всю неисполнимость стѣснительной попытки парламента вернуться къ старымъ порядкамъ. Мелкіе мастера-суконщики были за законъ, но хозяева-капиталисты рѣшительно требовали свободы отъ всякаго вмѣшательства государства. Парламентъ колебался: сначала онъ издалъ дополненіе къ закону, еще болѣе ограничивавшее свободу рабочаго договора. Но новое направленіе побѣдило: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ парламентъ принялъ мѣру огромнаго принципіальнаго значенія—только что изданный законъ былъ отмѣненъ безъ всякихъ ограниченій и этимъ самымъ рабочій договоръ былъ признанъ свободнымъ. Мировые судьи лишились права регулировать заработную плату рабочихъ въ суконномъ производствѣ. Съ этого времени экономическая политика

Англіи направилась по новому пути, приведшему уже въ слѣдующемъ вѣкѣ къ глубочайшему преобразованію всего соціальнаго и экономическаго строя страны.

Перейдемъ теперь къ законодательству, регулировавшему внѣшнюю торговлю. Внѣшняя торговля Англіи въ XVIII вѣкѣ была регламентирована еще больше внутренней. Торговля съ самыми важными рынками находилась въ рукахъ крупныхъ привилегированныхъ компаній, пользовавшихся правомъ монополіи, что вызывало нескончаемые споры и раздоры съ частными лицами. Остъ-индская компанія, самая вліятельная и могущественная изъ всѣхъ, сосредоточивавшая въ своихъ рукахъ бо́льшую часть морской торговли Англіи того времени, вела упорную, но безуспѣшную борьбу въ теченіе всего XVII и XVIII вѣка съ частными купцами, на свой собственный страхъ и рискъ отправлявшими корабли въ далекія страны Востока для закупки туземныхъ товаровъ. Африканская компанія совсѣмъ не могла отстоять своего исключительнаго права торговли, и, несмотря на поддержку парламента, разрѣшившаго компаніи крупную ежегодную субсидію изъ средствъ государственнаго казначейства, пала въ 1750 г. вслѣдствіе непосильной для нея конкуренціи частныхъ торговцевъ. Другія компаніи также плохо вели свои дѣла и только исключительныя права, которыми онѣ пользовались, давали имъ возможность держаться. Вообще же въ XVIII вѣкѣ общественное мнѣніе Англіи видимымъ образомъ измѣняетъ свое отношеніе къ привилегированнымъ компаніямъ. Въ началѣ XVII вѣка необходимость привилегированныхъ компаній не подвергалась сомнѣнію, и вопросъ былъ только въ томъ, какую организацію имъ слѣдовало придать. Въ XVIII вѣкѣ новыя привилегированныя компаніи совсѣмъ не разрѣшались парламентомъ, а сохраненіе старыхъ становилось все болѣе затруднительнымъ. Развитіе частной предпріимчивости, не останавливавшейся передъ нарушеніемъ закона, дѣлало привилегіи компаній мертвой буквой.

Гораздо устойчивѣе было направленіе таможенной политики, которому Англія упорно слѣдовала въ теченіе многихъ столѣтій. Въ этой области опека государства не показывала никакихъ признаковъ ослабленія. Государство по прежнему признавало своей обязанностью поощрять туземную промышленность путемъ запрещенія ввоза или обложенія высокой пошлиной иностранныхъ фабрикатовъ, выдачи премій за вывозъ туземныхъ произведеній и предоставленіемъ имъ исключительнаго рынка въ колоніяхъ. Таможенный тарифъ Англіи разросся до такой степени, принялъ такой хаотическій и безпорядочный видъ, вслѣдствіе нагроможденія все новыхъ и новыхъ пошлинъ, что, когда Питтъ въ 1787 г. предпринялъ громадный трудъ приведенія въ систему и порядокъ таможеннаго тарифа, для этого потребовалось не менѣе 3.000 отдѣльныхъ парламентскихъ постановленій. Особеннымъ покровительствомъ пользовалось суконное производство, старинная англійская промышлен-

---

ность, уже во времена среднихъ вѣковъ работавшая для иностранныхъ рынковъ: не только былъ запрещенъ ввозъ въ Англію иностраннаго сукна и шерстяныхъ матерій, но даже подъ страхомъ самыхъ тяжелыхъ наказаній (во время Елизаветы—смертной казни) запрещалось вывозить изъ Англіи шерсть, чтобы лишить иностранное суконное производство сырого матеріала. Признавая за каждой отдѣльной отраслью промышленности право требовать себѣ покровительства со стороны государства, государство нерѣдко было принуждено жертвовать интересами одного производства ради другого. Такъ, въ интересахъ шерстяного и шелковаго производства въ концѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII вѣка былъ изданъ цѣлый рядъ законовъ, стѣснявшихъ развитіе новой промышлености — хлопчатобумажной. Эти законы составляютъ любопытную страничку исторіи протекціонизма. Правительство дѣлало все возможное, чтобы задержать развитіе въ Англіи хлопчатобумажнаго производства. Въ 1722 г. употребленіе въ Великобританіи ситцевъ въ видѣ матерій для платья или меблировки было совершенно запрещено закономъ подъ большимъ штрафомъ. Внутренняя торговля этими матеріями также была запрещена, но былъ дозволенъ вывозъ ихъ за границу. Гоненіе на ситцы было вызвано жалобами суконщиковъ и шелковыхъ ткачей на конкуренцію бумажныхъ матерій. Законъ этотъ вызвалъ цѣлый рядъ недоразумѣній, такъ какъ было неизвѣстно, распространяется ли онъ также и на матеріи, сдѣланныя не изъ одного хлопка, но изъ хлопка и льна, или хлопка, шелка и шерсти. Въ 1736 г. законъ былъ истолкованъ въ томъ смыслѣ, что онъ не распространяется на матеріи съ льняной основой,—а такъ какъ основа бумажныхъ тканей въ это время обыкновенно бывала льняная, то фактически законъ потерялъ значеніе. Ситцепечатаніе въ Англіи было еще обложено кромѣ того, особымъ налогомъ на каждый ярдъ выдѣлываемаго ситца. Не удивительно, что въ хлопчатобумажной промышленности сильнѣе всего проявилось стремленіе къ свободной торговлѣ и освобожденію отъ опеки государства, принимавшей въ данномъ случаѣ такой непріятный характеръ.

Подобныхъ примѣровъ столкновенія интересовъ различныхъ отраслей промышленности, вслѣдствіе государственнаго поощренія нѣкоторыхъ изъ нихъ, можно было бы привести сколько угодно. Такъ, напримѣръ, въ 1737 году производители желѣзныхъ издѣлій, нуждавшіеся въ дешевомъ желѣзѣ, требуютъ установленія премій для желѣза, ввозимаго изъ американскихъ колоній; но владѣльцы доменныхъ печей настаиваютъ на пошлинѣ на привозимое желѣзо. Парламентъ сталъ на сторону послѣднихъ. Мѣдные мастера подали петицію въ парламентъ о разрѣшеніи свободнаго ввоза въ Англію иностранной мѣди; противъ этого возстаютъ владѣльцы мѣдныхъ рудниковъ. Поощреніе одной отрасли промышленности оказывалось притѣсненіемъ другой.

Запретительная таможенная система Англіи приводила къ тому,

что и другія государства принимали такія же строгія мѣры противъ англійскихъ товаровъ. Между тѣмъ въ половинѣ XVIII вѣка англійская промышленность уже настолько окрѣпла, что могла не бояться иностраннаго соперничества. Такимъ образомъ, англійская промышленность мало выигрывала отъ протекціонизма у себя дома, но зато очень существенно проигрывала отъ протекціонизма за границей. Вывозъ Англія въ сосѣднюю богатую страну—Францію—былъ совершенно ничтоженъ и далеко не достигалъ по своимъ размѣрамъ англійскаго вывоза въ небольшую Португалію. Естественно, что при такомъ положеніи вещей колоніи пріобрѣтали особенное значеніе; онѣ должны были давать возможность сбыта произведеніямъ англійскихъ мануфактуръ, которые не допускались въ большинство странъ Европы. Но, для того, чтобы обезпечить себѣ надежный рынокъ въ колоніяхъ, метрополія должна была принимать цѣлый рядъ мѣръ, крайне стѣснительныхъ для колоній. Привозъ въ колоніи иностранныхъ фабрикатовъ былъ строго запрещенъ, вывозъ колоніальнаго сырья въ иностранныя государства также преслѣдовался, и въ довершеніе всего правительство метрополіи всѣми способами стѣсняло развитіе въ самихъ колоніяхъ самостоятельной обрабатывающей промышленности.

Въ концѣ XVII вѣка въ Америкѣ стало развиваться суконное производство; въ 1719 году оно было запрещено. Всякая обработка желѣза, даже приготовленіе гвоздей, запрещалась въ колоніяхъ строжайшимъ образомъ; въ Америкѣ [возникло производство шляпъ и, немедленно, на основанія петицій англійскихъ шляпныхъ мастеровъ, парламентъ запретилъ вывозъ шляпъ изъ Америки въ Англію.

Всѣ эти мѣры имѣли своей цѣлью сдѣлать метрополію единственнымъ поставщикомъ фабрикатовъ для колоній, а послѣднія—производителями сырья для метрополіи. Но онѣ, естественно, вызывали недовольство колоній и, въ концѣ концовъ, привели къ тому, что самая важная изъ этихъ колоній отложилась отъ метрополіи послѣ упорной и продолжительной войны, потребовавшей громадныхъ жертвъ деньгами и людьми со стороны Англіи и сильно поколебавшей и даже почти разрушившей военный престижъ Англіи въ Европѣ. Отпаденіе американскихъ колоній знаменовало собой банкротство экономической политики, которой Англія держалась столько вѣковъ и на почвѣ которой создалось небывалое въ исторіи экономическое могущество этой страны. По странной исторической случайности, объявленіе независимости Соединенныхъ Штатовъ почти совпало съ годомъ выхода великаго труда Ад. Смита «О богатствѣ народовъ».

М. Туганъ-Барановскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

НА МОРСКИХЪ БЕРЕГАХЪ.

СУМЕРКИ.

Все—точно въ полуснѣ. Надъ сѣрою водой,
Сползаетъ съ горъ туманъ, холодный и густой;
У скалъ гудитъ прибой, зловѣще разростаясь,
А темныхъ, голыхъ скалъ прибрежная стѣна,
Въ дымящійся туманъ погружена,
Лѣниво курится, во мглѣ небесъ теряясь...

—

Угрюмъ и дикъ ея могучій видъ!
Подъ шумъ и гулъ морской, она въ дыму стоитъ
Какъ неугасшій жертвенникъ титановъ,
И ночь, спускаясь съ горъ, вступаетъ точно въ храмъ,
Гдѣ мрачный хоръ поетъ въ сѣдыхъ клубахъ тумановъ
Торжественный хоралъ невѣдомымъ богамъ.

Ив. Бунинъ.

СИРОТА.

(ИЗЪ ИСТОРІИ ОДНОЙ СѢРЕНЬКОЙ ЖИЗНИ).

Повѣсть М. АЛЬБОВА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Бурый домъ, его люди и нравы.

I.

Домъ, о которомъ я поведу сейчасъ рѣчь, существуетъ въ дѣйствительности. Если читатель мой живетъ въ Петербургѣ или знакомъ вообще съ нашей невской столицей, то онъ, вѣроятно, не разъ видалъ это зданіе. Только напрасно онъ будетъ ждать отъ меня другихъ указаній. По многимъ причинамъ, до которыхъ постороннимъ нѣтъ дѣла, я считаю за лучшее покрыть этотъ предметъ дымкой таинственности. Одинъ изъ обыкновенныхъ пріемовъ, употребляемыхъ авторами, чтобы сбить читателя съ толку, при условіи фактической истины, это—перенесеніе театра событій изъ ихъ настоящаго мѣста въ придуманное. Прибѣгая къ этому незамысловатому средству, имѣю честь сообщить вамъ, что упомянутый домъ помѣщается на одной изъ удаленныхъ отъ центра улицъ столицы. Дѣлаю это въ полнѣйшей увѣренности, что если какой-нибудь чрезмѣрно любопытный читатель даже предприметъ изслѣдованіе всѣхъ таковыхъ, съ цѣлью его отыскать, то ни за что не найдетъ... Теперь ужё я въ состояніи, съ легкимъ сердцемъ, приступить къ изложенію дѣйствительныхъ фактовъ, не прибѣгая въ дальнѣйшемъ ни къ какимъ экивокамъ, съ полной свободой бытописателя, который поставилъ своею задачей строгую истину, не опасаясь, что ни за что притянутъ къ отвѣту.

Домъ этотъ замѣтно выдѣляется изъ массы сосѣднихъ построекъ по своему тяжеловѣсному и нѣсколько даже угрюмому стилю, какимъ отличаются зданія, принадлежащія еще прошлому вѣку, когда

люди были гораздо серьезнѣе и жили вдвое дольше теперешнихъ, а потому и все, что они намъ оставили въ видѣ наслѣдства, носитъ характеръ той несокрушимой устойчивости, которая удивляетъ насъ, ихъ внуковъ и правнуковъ, смѣется надъ ухищреніями позднѣйшаго времени и словно хочетъ сказать:

„Старина-матушка, да... охъ-хо-хо!... Что-жъ, гдѣ ужъ намъ съ вами тягаться!... А за то, вотъ, попробуйте-ка насъ одолѣть?... Нѣтъ, други любезные, ужъ лучше не пробуйте... Не одолѣть ни за что!“...

Можно думать, такія же рѣчи ведетъ къ окрестнымъ предметамъ и этотъ самый, мною отмѣченный домъ, развалившись своими толстущими стѣнами промежду сосѣднихъ построекъ, изъ коихъ ближайшія: съ одной стороны—длинное одноэтажное зданіе, съ красною вывѣской, откуда несутся на улицу, въ тихую полночную пору, завыванья и взвизги трактирной „машины“, съ другой—каменный домъ въ три этажа, выступающій на перекрестокъ и потому, ради экономіи мѣста, отведеннаго ему подъ фундаментъ, тянущійся своими чахоточно-блѣдными стѣнами ввысь, оканчивающійся на верху плоскимъ куполомъ, напоминающимъ пасхальный куличъ, со шпилемъ, снабженнымъ какой-то вертушкой, и потому имѣющій, въ общемъ, довольно легкомысленный видъ, благодаря особливо контрасту съ его серьезнымъ сосѣдомъ, покрытымъ прочною темнобурою краской.

Онъ смотритъ на улицу своими высокими и глубокими окнами и громаднымъ подъѣздомъ, похожимъ на входъ въ древнее капище, съ парой каріатидъ по бокамъ, въ видѣ исполинскихъ женскихъ фигуръ, обнаженныхъ по самыя чресла, съ цѣломудренно-суровыми лицами и похожихъ одна на другую, какъ два близнеца. Закинувъ обѣ руки себѣ на затылокъ, онѣ поддерживаютъ на головахъ своихъ портикъ.

Давно, очень давно эти двѣ античныя дѣвы цѣпенѣютъ вотъ такъ, со своими суровыми лицами, другъ противъ дружки, устремивъ въ противоположныя стороны свои неподвижныя очи. Плоть отъ плоти этого дома, онѣ живутъ съ нимъ единою и нераздѣльною жизнью, претерпѣвая всѣ непогоды: лѣтомъ—зной, зимой—стужу, съ постоянно-однимъ выраженіемъ созерцая всѣ происходящія передъ ними явленія,—и многаго, очень многаго, за всю свою долгую жизнь, онѣ были свидѣтельницами.

Помнятъ онѣ эту улицу еще съ прошлаго вѣка, когда она представляла однообразный пустырь, на мѣстѣ домовъ—тянулись заборы, а тамъ, гдѣ теперь мостовая—зеленѣла веселая травка. Помнятъ онѣ высокіе, какъ саркофаги, рыдваны, съ откидными подножками, помнятъ кавалеровъ въ напудренныхъ парикахъ, съ кошельками, и дамъ въ робронахъ и фижмахъ, помнятъ гайду-

ковъ-исполиновъ, французскую рѣчь, звуки музыки... Весь домъ, бывало, горѣлъ освѣщенными окнами, посылая яркіе токи лучей во тьму и безмолвіе ночи. Безлюдно и тихо окрестъ, изрѣдка лишь донесется, случалось, откуда-то, изъ-за безконечнаго ряда заборовъ, слабый крикъ: „карау-улъ!“...

Затѣмъ заборы исчезли и стали возникать, мало-по-малу, дома. Засновали пѣшеходы, загрохотали кареты и дрожки. Полночные крики о помощи отошли въ область преданія, ибо на стражѣ спокойнаго сна обывателей водворилось вліяніе добраго генія, въ образѣ будочника, въ шишакѣ, съ алебардою.

Шли годы, и жизнь улицы развивалась и ширилась. Деревянные дома истреблялись пожарами, а на мѣстѣ ихъ выростали каменныя высокія зданія, тѣснясь и заслоняя солнечный свѣтъ бурому дому. И въ молодой, щеголеватой семьѣ ихъ старый вельможескій домъ очутился какъ угрюмый, зажившійся дѣдъ среди насмѣшливой толпы молодежи... Зарябили вокругъ яркія вывѣски, засверкалъ газъ, и кипучая столичная жизнь загремѣла, какъ бурный потокъ...

И также, какъ и тогда, въ то, навсегда удалившееся въ область былого, доброе, старое время, античныя дѣвы смотрятъ и слушаютъ, что вокругъ нихъ происходитъ. Вперивъ въ неопредѣленную даль свои безсонныя очи, въ шумѣ и грохотѣ улицы, въ мельканіи лицъ новаго, непонятнаго племени, онѣ словно грезятъ о безвозвратно исчезнувшемъ прошломъ и ведутъ между собою недоступную для посторонняго уха бесѣду:

„Что, сестра, надоѣло?“

„Охъ, какъ надоѣло, сестра!“

II.

Каждое утро, когда все окружающее повито еще мутною, предразсвѣтною мглою, тяжелая дубовая дверь разѣвается, словно выплевывая маленькаго, сѣдого, какъ мышь, старикашку, въ засаленномъ до-зѣла сюртучишкѣ, съ продранными на локтяхъ рукавами, вооруженнаго тряпкой и стертымъ кирпичикомъ. Пружась, пыхтя и задыхаясь отъ кашля, онъ принимается усердно тереть принесенными съ собою матеріалами бронзовую ручку подъѣзда, изображающую голову льва съ разинутой пастью. Послѣ нѣсколькихъ минутъ этой работы, повидимому, истощающей послѣдній остатокъ жизненныхъ силъ старичишки, дубовая дверь вновь раскрываетъ свой зѣвъ, чтобы обратно его поглотить, а античныя дѣвы остаются опять цѣпенѣть въ своемъ молчаливомъ сиротствѣ.

Подъ глубокой аркой воротъ, зіяющей сквозь рѣшетку на

улицу, стоитъ еще полная темень, между тѣмъ какъ за нею, тамъ, во дворѣ, похожемъ на внутренность сухого колодца, петербургскій разсвѣтъ совлекаетъ уже, мало-по-малу, ночную завѣсу, и темно-бурыя стѣны колодца, съ тамъ и сямъ притаившимися и какъ бы упорствующими разставаться со своими убѣжищами тѣнями ночи, начинаютъ постепенно очерчиваться въ видѣ какихъ-то руинъ... Вотъ темныя, полукруглыя арки, словно пещеры... Тамъ, дальше, рѣетъ, повиснувъ на воздухѣ, что-то въ родѣ террасы... Кое-гдѣ замелькали, смутно, какъ призраки, людскія фигуры... Въ нѣкоторыхъ изъ черныхъ оконныхъ квадратовъ тускло забрежжились красныя пятна огней, зажженныхъ въ подспорье скуднымъ лучамъ дневного свѣтила, вяло, лѣниво, словно съ похмелья, встающаго надъ столичными зданіями, между тѣмъ какъ прочія окна, по-прежнему, мрачны, какъ норы какихъ-то громаднѣйшихъ птицъ... Но и тамъ, какъ и въ разныхъ закоулкахъ двора, уже пробуждается жизнь... Откуда-то слышны голоса... Заоралъ гдѣ-то пѣтухъ... Грохнулъ, какъ пушечный выстрѣлъ, ударъ топора по полѣну и раскатился по двору эхомъ...

Все больше и больше яснѣетъ, и послѣдніе остатки таинственнаго исчезаютъ при наступленіи бѣлаго дня. Пещеры оказались просто воротами темныхъ сараевъ, а фантастическая терраса, висящая въ воздухѣ, превратилась въ одну изъ тѣхъ деревянныхъ пристроекъ, коихъ еще не очень давно можно было найти во дворахъ иныхъ, особенно старыхъ домовъ Петербурга. Укрѣпленная на толстыхъ деревянныхъ колоннахъ, когда-то окрашенныхъ въ бѣлую краску, почти совсѣмъ облупившуюся и придающую имъ видъ покрытыхъ коростой, она прилѣпилась во всю длину задней грязно-бурой стѣны, представляя сплошную сѣть раздѣленныхъ переплетами, маленькихъ стеколъ, какія бываютъ въ теплицахъ, отливающихъ, вслѣдствіе старости, золотисто-фіолетовымъ колеромъ, мѣстами разбитыхъ и замѣненныхъ дощечкой или просто тряпицей. Эта пристройка есть ничто иное, какъ коридоръ, на который выходитъ рядъ дверей небольшихъ полутемныхъ квартирокъ, и туда можно проникнуть по лѣстницѣ, снабженной перилами на точеныхъ балясинахъ, и въ лѣтніе погожіе дни обыкновенно унизанной ребятишками обоего пола, чрезъ которыхъ шагаютъ снующіе вверхъ и внизъ обитатели. Сооруженіе это зовется у нихъ „галдареей".

Если случалось вамъ, хотя бы самымъ поверхностнымъ образомъ, наблюдать муравейникъ, то вы несомнѣнно должны были замѣтить рѣзкій контрастъ между наружнымъ спокойствіемъ этого миніатюрнаго царства и кипучею жизнью, скрытою въ нѣдрахъ его, особенно если вы, опыта ради, пробовали поворошить его гдѣ-нибудь палкой. Даже и не прибѣгая къ подобному средству,

вы могли заключить о присутствіи этой, сокрытой, сосредоточенной въ самой себѣ жизни, при одномъ наблюденіи окрестностей муравьинаго царства, по озабоченнымъ, хлопотливымъ движеніямъ отдѣльныхъ его обитателей, обязательно занятыхъ какимъ-нибудь дѣломъ. Вотъ бѣжитъ въ разсыпную толпа муравьевъ, одушевленныхъ какимъ-нибудь неотложнымъ намѣреніемъ; тамъ, сомкнувшись въ плотную группу, небольшая ихъ партія возится надъ сухою былинкой, нужной въ ихъ муравьиномъ хозяйствѣ, а рядомъ какой-нибудь одиночный субъектъ, на свой рискъ и страхъ, трудится надъ своею отдѣльною ношей, — но всѣ они вмѣстѣ и каждый особо работаютъ на пользу родного своего муравейника.

Всякій разъ мнѣ приходитъ на мысль это сравненіе, когда я смотрю на какой-либо изъ огромныхъ, плотно набитыхъ жильцами ковчеговъ, которые можно найти только у насъ, въ Петербургѣ, и особенно напрашивается оно мнѣ теперь подъ перо при изображеніи моего бураго дома, особенно въ тотъ утренній часъ когда закипаетъ его повседневная жизнь; по двору бродятъ, сгибаясь подъ тяжелыми вязанками дровъ, дюжіе дворники, подъ воротами, то и дѣло взадъ и впередъ шмыгаютъ кухарки, а по лѣстницѣ описанной уже „галдареи“ мелькаютъ людскія фигуры, въ то время какъ въ самыхъ нѣдрахъ ея хлопаютъ двери квартиръ, отрывками слышна перебранка, ревутъ ребятишки и визжитъ на весь коридоръ кофейная мельница...

Какъ бы для пущаго подкрѣпленія сдѣланаго мною сравненія, съ разныхъ пунктовъ двора появляются мужскія фигуры, въ одиночку и отдѣльными группами, всяческихъ возрастовъ, отъ бодраго юношескаго до преклоннаго старческаго. Молодежь семенитъ торопливо, зрѣлые мужи шагаютъ съ солидною медленностью. Каждый занятъ, повидимому, своею отдѣльной заботой, но всѣ они между собою знакомы, здравствуются, обмѣниваясь рукопожатіемъ или скидавая издали шапки, съ нарочитой аттенціей къ старшимъ, и всѣ поочередно скрываются въ одномъ изъ надворныхъ подъѣздовъ бураго дома. Это явленіе длится нѣсколько времени, такъ какъ на смѣну одной исчезнувшей партіи появляются новыя, скрывающіяся въ томъ же подъѣздѣ.

Не смотря на разнообразіе лицъ и фигуръ, можно замѣтить нѣчто общее, присущее въ большей или меньшей степени всѣмъ имъ—какую-то особенную характерную складку, независимо отъ формы носовъ, цвѣта волосъ и какихъ-либо „особыхъ примѣтъ“, какъ нѣчто фамильное, присвоенное членамъ одной и той же семьи. Трудно сказать, въ чемъ суть этой складки — въ геморроидальномъ-ли цвѣтѣ лица, или особенномъ его выраженіи, но ею отмѣченъ нѣкій зоологическій типъ, нынѣ почти совсѣмъ уже исчезнувшій, по крайней мѣрѣ утратившій характерныя черты

того облика, который возникалъ нѣкогда въ представленіи каждаго при одномъ только словѣ: „петербургскій чиновникъ“.

III.

Къ полудню дворъ принимаетъ характеръ пустыни, если не считать дѣтворы, съ привилегіей своего безпардоннаго возраста буйствующей на ступенькахъ, ведущихъ въ нутро „галдареи“. Жизнь бураго дома замкнулась въ стѣнахъ. Всѣ его трубы дымятся, ибо въ квартирахъ пылаютъ во всю мочь очаги, на которыхъ готовится обѣдъ муравьямъ.

А пока не наступилъ еще этотъ важный жизненный актъ, возможно, при нѣкоторой долѣ настойчивости, застать ихъ всѣхъ въ кучѣ.

Туристъ, предпринявшій эту экскурсію, первымъ дѣломъ встрѣчаетъ суровый взоръ каменныхъ дѣвъ, стоящихъ на стражѣ подъѣзда, минуя которыхъ, онъ берется за бронзовую голову льва съ разинутой пастью, потомъ, употребляя усиліе, толкаетъ тяжелую дубовую дверь—и оказывается въ обширныхъ полутемныхъ сѣняхъ.

Передъ нимъ возникаетъ откуда-то фигура съ лицомъ, принадлежащимъ тому старикашкѣ, котораго мы успѣли уже наблюсти, когда онъ, съ кирпичикомъ и тряпкой въ рукахъ, возился передъ дверью подъѣзда, но теперь облеченъ въ синюю хламиду съ широкими желтыми выпушками, усѣянными, словно большущими мухами, гербами Россійской Имперіи. Грудь его украшена длиннымъ рядомъ медалей. Да, это онъ самъ, давешній тотъ старикашка, лишь, вмѣстѣ съ теперешней своей оболочкой, принявшій совсѣмъ особенный видъ и осанку. Вызванный изъ невидимыхъ нѣдръ мрачныхъ сѣней стукомъ громко захлопнутой двери, онъ окидываетъ туриста неодобрительнымъ взоромъ и говоритъ ему строго:

— Извольте раздѣться.

Принявъ и повѣсивъ на вѣшалку верхнее платье туриста, онъ хладнокровно слѣдитъ, какъ тотъ сражается со своими галошами.

Туристъ, почувствовавшій на спинѣ появленіе легкой испарины, сознаетъ себя въ положеніи дерзкаго, который легкомысленно вторгся въ преддверіе святилища, и даетъ себѣ клятву загладить этотъ проступокъ дальнѣйшимъ своимъ поведеніемъ.

Смягченный явственнымъ выраженіемъ раскаянія, старикашка въ ливреѣ произноситъ болѣе снисходительнымъ тономъ:

— Вверхъ по лѣстницѣ прямо.

Пока уничтоженный грѣшникъ робко поднимается по ступенькамъ широкой мраморной лѣстницы, съ виднѣющимся сверху площадки круглымъ циферблатомъ часовъ, старикашка провожаетъ

его продолжительнымъ взоромъ, обволакивающимъ, если такъ дозволительно выразиться, всю фигуру туриста, отъ затылка до пятокъ, и въ этомъ взорѣ можно прочесть:

„То-то оно! У насъ не какое-нибудь протчее обнаковенное мѣсто... Слава Богу, всякихъ видали!“...

Окончивъ восхожденіе по лѣстницѣ, туристъ достигаетъ площадки съ часами, которые медленно, глухо, угрюмо считаютъ секунды текущаго времени, словно съ большимъ опасеніемъ нарушая царящую окрестъ тишину, и доводятъ состояніе духа туриста до полнѣйшей подавленности. Онъ озирается въ правую и въ лѣвую стороны и видитъ дверь, на которой читаетъ надпись: „Пріемная“.

Въ большой, длинной храминѣ, съ высокими окнами, въ которыя смотритъ свѣтъ петербургскаго дня, онъ находитъ общество лицъ обоего пола. Всѣ они, очевидно, между собой незнакомы, держатся каждый отдѣльно, даже съ оттѣнкомъ какой-то враждебности. Одни сидятъ истуканами, другіе снуютъ вдоль стѣны, и всѣ, какъ и онъ, обрѣтаются тоже въ состояніи глубокой подавленности. Всѣ ждутъ чего-то и жестоко томятся, обращая, отъ времени до времени, взоры на закрытую дверь. Эти взоры выражаютъ мольбу, упованіе и массу другихъ, однородныхъ имъ чувствъ, почему всѣхъ этихъ лицъ можно легко почесть за больныхъ, которые ждутъ своей очереди быть принятыми въ кабинетѣ врача. Кое-гдѣ раздается подавленный вздохъ... Кое-гдѣ слышенъ слабый шопотъ бесѣды... Угнетенному состоянію духа всей этой компаніи чрезвычайно способствуетъ зрѣлище стоящаго на стражѣ дверей усатаго мужа въ унтеръ-офицерскомъ мундирѣ съ шевронами. Видъ его строгъ, непреклоненъ. Отъ времени до времени, онъ обводитъ безжалостнымъ взоромъ всю эту группу страдальцевъ, какъ бы внушая имъ:

„Да! У насъ не какое-нибудь протчее обнаковенное мѣсто... То-то оно!“...

Вся эта картина производитъ немедленно надлежащее дѣйствіе свое на туриста. Онъ ощущаетъ, какъ сердце его колотится гдѣ-то подъ горломъ, а то, что называютъ безсмертною душою, переселилось въ мѣста, сосѣднія съ его каблуками...

— Скажи мнѣ, любезный, пожалуйста...—собравъ все свое мужество, обращается онъ къ суровому стражу съ шевронами...

Одинъ изъ безмолвныхъ страдальцевъ, какой-то тощій субъектъ, достигшій, повидимому, послѣднихъ предѣловъ отчаянія и все время безшумно шагавшій вдоль стѣнки, вдругъ окаменѣваетъ на мѣстѣ и съ изумленіемъ смотритъ на произнесшаго громко эту отважную фразу. Взглядъ его выражаетъ:

„Что ты —о двухъ головахъ?!...“

Двѣ рядомъ сидящія дамы, только-что передъ этимъ о чемъ-то между собою шептавшіяся, прерываютъ бесѣду и обмѣниваются выразительнымъ взглядомъ, который можно перевести восклицаніемъ: „Скажите, какіе бываютъ смѣлые люди!“

Туристъ, совсѣмъ уничтоженный этой, имъ произведенной сенсаціей, лепечетъ вполголоса:

— Гдѣ тутъ могу я узнать...

Окончаніе фразы замираетъ у него на устахъ, ибо придверникъ сурово нахмуривается, выражая очень ясно туристу, какъ неприлично своею настойчивостью его поведеніе. Затѣмъ онъ дѣлаетъ рукою медленный жестъ въ пространство пріемной и произноситъ тономъ, показывающимъ, что, принимая во вниманіе неразуміе спрашивающаго, къ нему, для перваго раза, намѣрены быть снисходительными:

— Обождите. Его высоко—ство заняты.

(Сообщенное свѣдѣніе должно внушить посѣтителю, какъ онъ глупъ, что приходится говорить ему вещи, которыя каждому обязательно знать).

— Но мнѣ не его высоко—ство нужно... Я хочу только справиться...—настаиваетъ неугомонный туристъ.

Придверникъ безмолвно обводитъ глазами находящуюся передъ нимъ фигуру, съ кончиковъ сапогъ до макушки, какъ бы возымѣвъ къ ней вдругъ любопытство, и смотритъ на публику:— „Удивительно, молъ, какъ существуютъ на свѣтѣ такіе отчаянные!“

— Мнѣ нужна справка... Я пріѣхалъ сюда изъ провинціи... Я не могу дольше ждать...—съ волненіемъ объясняетъ туристъ, чувствуя, что бросается, очертя голову, въ пропасть...

— Хм, такъ вы изъ провинціи, значитъ?—переспрашиваетъ его суровый придверникъ, съ новымъ выраженіемъ въ голосѣ („Э, ну понятно теперь, что̀ ты за птица! Не бывалъ, значитъ, еще въ передѣлкахъ!“) и озираетъ интересную фигуру его повторительно. Затѣмъ онъ погружается въ думу, соображая, какъ поступить ему съ человѣкомъ, коего участь онъ въ эту минуту держитъ въ рукахъ. Послѣ нѣсколькихъ секундъ размышленія, придверникъ рѣшаетъ, что наказаніе дерзкому будетъ очень пользительно, научивъ его быть впредь осторожнымъ, и произноситъ, самымъ вѣжливымъ образомъ, указывая рукою на противоположную дверь:

— Пожалуйте. Тамъ вы узнаете...

И въ то время, какъ жертва его, въ простотѣ сердечной, радостно устремляется къ показанной двери, онъ смотритъ во слѣдъ ей съ глубочайшей ироніей:

„Да, узнай-ка, сунься, попробуй! Хе-хе... Ишь, прыткій какой еще выискался!...“

*

Очутившись за дверью, туристъ находитъ необходимымъ собрать всю свою храбрость, такъ какъ теперь онъ ощущаетъ себя находящимся въ самыхъ нѣдрахъ святилища.

Онъ замѣчаетъ столы — много столовъ — и сидящія за ними мужскія фигуры... Вдали, въ настежь открытую дверь, видны опять тоже столы и тоже сидящія за ними фигуры... Кромѣ столовъ и людей—ничего. Не наблюдается нигдѣ закланія жертвъ, не курится отнюдь фиміама, а между тѣмъ—жутко! Жутко, не смотря даже на то, что всѣ, очевидно, преданы самымъ невиннымъ занятіямъ, о коихъ свидѣтельствуетъ шарканье пишущихъ перьевъ, съ аккомпаниментомъ отдаленнаго щелканья костяжекъ на счетахъ, ибо исполняющіе эту работу не имѣютъ выраженія обыкновенныхъ людей, углубленныхъ только въ письмо и счисленіе, но обладаютъ видомъ особыхъ, отличныхъ отъ прочихъ смертныхъ, существъ, совершающихъ нѣкое таинство, для уразумѣнія коего требуется особый обрядъ посвященія...

Обозрѣвъ эту коллекцію склоненныхъ надъ столомъ головъ, самыхъ разнообразнѣйшихъ типовъ, отъ волосатыхъ, всякихъ оттѣнковъ, до украшенныхъ великолѣпными лысинами, можно сразу понять, что все это—жрецы божества, которое невидимо, гдѣ-то, имѣетъ сѣдалище и простираетъ благоговѣйный трепетъ на каждаго, возымѣвшаго смѣлость вступить въ этотъ храмъ, посвященный ему, для служенія...

Одинъ изъ жрецовъ, совсѣмъ еще юный годами, привлекаетъ къ себѣ вниманіе туриста. Этотъ жрецъ—такого скромнаго и безобиднаго вида, что туристъ обрѣтаетъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы его потревожить.

— Скажите, пожалуйста, гдѣ могу я узнать...—произноситъ онъ свой, надоѣвшій ему самому до нельзя вопросъ, и снова падаетъ духомъ, прочитавъ на лицѣ молодого жреца изумленіе.

Два ближайшихъ жреца поднимаютъ свои склоненныя надъ бумагами головы и принимаются смотрѣть на туриста. Взоры ихъ неподвижны, внимательны и тоже выражаютъ одно: изумленіе. Ни безпокойства, ни гнѣва,—только одно: изумленіе...

— Я изъ провинціи...—лепечетъ туристъ, спѣша предъявить свое оправданіе.

— Что вамъ угодно?—холодно вопрошаетъ его юный жрецъ. Два другіе жреца пребываютъ безмолвны, но тоже, очевидно, ожидаютъ отвѣта.

Туристъ объясняетъ.

Всѣ три головы одновременно поникаютъ къ бумагамъ, ибо то, что привелось имъ услышать, представляетъ для нихъ такую нелѣпость, что нужно только жалѣть о потерянномъ времени, причемъ юный жрецъ дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе рукою, куда-то въ пространство, и произноситъ:

— Обратитесь *туда*...

Такъ какъ онъ не намѣренъ вступать въ объясненіе точнаго мѣстонахожденія этого пункта, то туристу остается лишь продолжать свою экскурсію въ указанномъ ему направленіи.

— Я изъ провинціи... Мнѣ нужно узнать...—повторяетъ онъ дальше, въ нѣсколькихъ пунктахъ, спѣша высказать первую фразу, чтобы устранить изумленіе, и каждый разъ, когда онъ кончаетъ изложеніе дѣла, убѣждаясь все пуще, какой онъ назойливый и пустой человѣкъ, о чемъ ему раньше не приходило и въ голову и что онъ ясно видитъ теперь изъ производимаго имъ впечатлѣнія, которое всѣ эти жрецы даютъ ему сейчасъ же понять, безъ всякаго дальнѣйшаго съ нимъ объясненія, погружаясь въ занятія. При этомъ они нетерпѣливо высказываютъ желаніе наверстать свое драгоцѣнное время, потерянное съ пустымъ человѣкомъ, произнося коротко, съ тѣмъ жестомъ въ пространство, какимъ мы желаемъ избавиться отъ надоѣдливой мухи:

— Обратитесь *туда*...

Туристомъ овладѣетъ та храбрость отчаянія, которая подвигаетъ даже самаго робкаго идти до конца.

Миновавъ эту комнату, онъ вступаетъ въ сосѣднюю, наполненную также жрецами, минуетъ и эту, отрапортовавъ и услышавъ въ отвѣтъ все то же, что было и раньше, и достигаетъ, наконецъ, своей цѣли.

— Я изъ провинціи... Мнѣ нужно узнать...

— Что вамъ угодно?

Жрецъ, предъ которымъ онъ теперь очутился и который задаетъ ему этотъ вопросъ, принадлежитъ, очевидно, къ болѣе высокому рангу и, подобно всѣмъ личностямъ, выдающимся надъ ординарною массой, снисходителенъ, кротокъ, но до извѣстной лишь степени. Видъ его утомленный, даже болѣзненный. Онъ помѣщается совершенно отдѣльно отъ прочихъ жрецовъ, изъ чего можно судить о сугубой важности дѣлъ, лежащихъ у него на плечахъ, и не трудно понять, что время его еще драгоцѣннѣе.

— Что вамъ угодно?

Туристъ объясняетъ.

— *Что жъ вамъ угодно?* — повторяетъ высшій жрецъ, нѣсколько нетерпѣливымъ уже тономъ, и брови его поднимаются на лобъ, выражая туристу знакомый ему видъ изумленія.

— Мнѣ желательно знать о результатахъ ходатайства, посланнаго мною тогда-то...

— Гм. Вы изъ провинціи?—переспрашиваетъ медленно жрецъ, играя разрѣзательнымъ ножикомъ, съ видомъ обыкновеннаго смертнаго, не отказывающаго иногда себѣ въ развлеченіяхъ невиннаго свойства.

— Я изъ г. Т. Я вчера нарочно за этимъ пріѣхалъ,—съ жаромъ объясняетъ туристъ, обрадованный проявленнымъ выраженіемъ участія и готовый по этому раскрыть всю свою душу.— Я здѣсь въ первый разъ. У меня...

Но тутъ его слушатель, давая понять, что есть мѣра всему, беретъ со стола колокольчикъ и нервно звонитъ.

Изъ земли выростаетъ усатый субъектъ въ унтеръ-офицерскомъ мундирѣ съ шевронами,—не тотъ, который объяснялся съ туристомъ въ пріемной, но совершенно такой же. Во взглядѣ, которымъ онъ окидываетъ быстро туриста, можно прочесть:

„У насъ не какое-нибудь протчее обнаковенное мѣсто!"

— Попроси сюда Ивана Семеныча.

— Слушаю-съ, ваше—ско!—радостно-преданнымъ голосомъ человѣка, готоваго по первому слову начальства броситься въ огонь или въ воду, восклицаетъ усатый субъектъ и проваливается снова сквозь землю.

Жрецъ облокачивается блѣдною рукою о столъ и приникаетъ къ ней утомленнымъ челомъ. Протекаетъ нѣсколько жуткихъ минутъ гробового безмолвія, которыя даются туристу, чтобы онъ могъ измѣрить всю глубину оказываемаго ему снисхожденія и всю его незаслуженность.

— Вы меня изволили спрашивать?—произноситъ въ дверяхъ вновь появившійся жрецъ, рангомъ пониже. Въ немъ туристъ узнаетъ одного изъ тѣхъ, къ коимъ онъ уже обращался.

— Да... Вотъ имъ нужно узнать...—киваетъ ему старшій жрецъ на туриста и прибавляетъ, обращаясь къ послѣднему:— Изложите пожалуйста.

Туристъ излагаетъ. Жрецъ, что рангомъ пониже, выслушиваетъ его съ выраженіемъ, изъ котораго видно, что все это представляетъ для него совершенную новость, и затѣмъ говоритъ, пожимая плечами жрецу, что рангомъ позыше:

— Такого дѣла въ моемъ столѣ нѣтъ. Нужно справиться у Семена Иваныча.

Звонокъ и появленіе изъ подъ земли прежняго субъекта съ усами.

— Попроси сюда Семена Иваныча.

— Вы меня изволили спрашивать?

Это произноситъ въ дверяхъ третій жрецъ. Онъ рангомъ пониже второго. Въ ту же минуту, туристъ также и въ немъ узнаетъ одного изъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ уже объяснялся, хотя жрецъ, опредѣляемый именемъ Семена Иваныча, глядитъ на туриста съ такимъ выраженіемъ, будто видитъ его только впервые.

— Вотъ, Семенъ Иванычъ, имъ нужно узнать...—обращается

жрецъ, называемый Иваномъ Семенычемъ, кивая ему на туриста, и прибавляетъ послѣднему:—Изложите, пожалуйста.

Туристъ излагаетъ. Жрецъ, называемый Семеномъ Иванычемъ, для коего то, что онъ выслушалъ, представляется также совершенною новостью, въ свой чередъ пожимаетъ плечами и говоритъ, обращаясь къ жрецу, именуемому Иваномъ Семенычемъ.

— Такого дѣла у меня, кажется, нѣтъ. Я сейчасъ справлюсь у Ивана Иваныча.

Третій жрецъ исчезаетъ. Первые двое, въ ожиданіи его возвращенія, соблюдаютъ молчаніе, коимъ предоставляется туристу воспользоваться, дабы еще глубже проникнуть во всю безпредѣльность оказываемаго ему снисхожденія.

— Иванъ Иванычъ нашелъ ихнее дѣло у себя въ „исходящихъ"!—возвѣщаетъ Семенъ Семенычъ, появляясь опять на лицо, и, глядя на обоихъ жрецовъ, прибавляетъ:—Ихняя бумага пошла въ министерство.

Онъ умолкаетъ и принимается смотрѣть на туриста. Два другіе жреца тоже принимаются смотрѣть на туриста. Въ этихъ, безмолвно на него устремленныхъ глазахъ троихъ невозмутимыхъ жрецовъ, онъ явственно читаетъ вопросъ:

„Что, братъ? Доволенъ?... Ну-ка, что еще ты намъ скажешь? Любопытно послушать!"

— Въ такомъ случаѣ, какже...—лепечетъ туристъ,—какимъ же образомъ могу я узнать...

— По постановленіи на него резолюціи, ваше ходатайство будетъ обратно направлено въ нашъ департаментъ,—раздается отвѣтъ одного изъ жрецовъ,—котораго именно, туристъ уже не въ состояніи вникнуть, такъ какъ чувствуетъ себя совсѣмъ уничтоженнымъ.

— Но когда же, позвольте узнать...—произноситъ онъ, желая провалиться сквозь землю.

— Вамъ пришлютъ извѣщеніе.

— А самъ я лично могу?...

Всѣ три головы дѣлаютъ легкій поклонъ, безмолвно, но явственно, выражая ему:

„Какъ вамъ будетъ угодно."

— Но я не могу терять времени...—убитымъ голосомъ бормочетъ туристъ.—Я полагаю, ужъ лучше мнѣ ѣхать обратно и ждать...

Три головы дѣлаютъ тотъ же поклонъ, отвѣчая:

„Сколько хотите".

Всѣ трое жрецовъ продолжаютъ смотрѣть на туриста. Всѣ трое молчатъ, но это совсѣмъ все равно, какъ если бы они говорили ему:

„Понялъ теперь, наконецъ, какой ты безпокойный и пустой человѣкъ? Стыдно тебѣ своего поведенія?...“

Покрытый позоромъ, туристъ спѣшитъ удалиться. Быстро, не смѣя поднять головы, проходитъ онъ по прежнимъ мѣстамъ, не чувствуя ногъ подъ собою, спускается по мраморной лѣстницѣ, и, весь красный, въ обильной испаринѣ, тычется руками въ пальто, которое ему помогаетъ напялить на плечи давешній старикашка въ ливреѣ, вопрошающій его насмѣшливымъ взоромъ, отворяя тяжелую дверь.

„Что, любезный, упарили?“

Туристъ безъ памяти устремляется вонъ, а старикашка, захлопывая дверь за туристомъ, напутствуетъ:

„То-то оно! Другой разъ не сунешься!“

(Въ сущности, швейцаръ пребываетъ безмолвенъ, но туристу именно такъ все это мерещится).

Сидя уже на извощикѣ, онъ долго еще не можетъ опомниться. Онъ одурѣло смотритъ на прохожихъ, на окна, на вывѣски, которые мелькаютъ передъ нимъ, словно во снѣ...

„Ну-у-у...“—крутя головою, шепчетъ онъ про себя, въ полнѣйшей растерянности.

Только спустя нѣсколько времени, онъ, наконецъ, собирается понемногу съ мыслями и, сознавая, что теперь для него никто уже не страшенъ, чувствуя въ то же самое время потребность вознаградить себя за все, что привелось ему претерпѣть, разражается вслухъ восклицаніемъ:

„Ахъ, чортъ дери васъ, проклятыхъ!!“

IV.

Съ фасада бураго дома, чуть не подъ самою крышей, укрѣплена по карнизу длинная доска изъ желѣза, по темному фону которой тянется какая-то надпись, а надъ нею вѣчно гомозится, воркуетъ и ссорится многочисленная колонія голубей, испоконъ вѣка избравшихъ эти мѣста своимъ постояннымъ пріютомъ.

Долгій рядъ поколѣній ихъ непрерывно работалъ надъ тѣмъ, чтобы уничтожить золотыя литеры надписи или по крайней мѣрѣ сдѣлать прочтеніе ея затруднительнымъ. При усердномъ содѣйствіи, въ этихъ же цѣляхъ, петербургской погоды, это имъ удалось въ значительной степени, такъ что вы, мой терпѣливый читатель, можете разобрать эту надпись только при усиленномъ напряженіи зрѣнія, а если, сверхъ любопытства, вы страдаете еще близорукостью, то и совсѣмъ не пытайтесь. Бросьте и отойдите —мой добрый совѣтъ.

Впрочемъ, первое слово можно прочесть еще довольно легко:

„Департаментъ“...

Но дальше идетъ цѣлый рядъ буквъ, прерываемый промежутками, которые сдѣлала ржавчина въ союзѣ съ злокозненной голубиной колоніей. Конечно, и ихъ, эти буквы, то же возможно прочесть, послѣ извѣстныхъ усилій, и я могъ бы даже сейчасъ же ихъ вамъ подсказать, но не сдѣлаю этого по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ я скрылъ мѣстонахожденіе бураго дома... Департаментъ—и баста! Развѣ лишь съ цѣлью различенія его отъ другихъ департаментовъ и во избѣжаніе превратныхъ какихъ-нибудь толкованій, назову его именемъ, которое мнѣ вспало на мысль, по воспоминанію объ одномъ изъ романовъ безсмертнаго Диккенса, гдѣ есть „Министерство Препонъ и Препятствій“.. Въ подражаніе, коего отнюдь не скрываю, назову учрежденіе это *„Департаментомъ Недодѣлокъ и Недомолвокъ“*.

Я знакомъ съ бурымъ домомъ со временъ моей юности. Спѣшу предварить, что описанное на предыдущихъ страницахъ, равно какъ и то, что будетъ разсказано дальше, относится къ этой эпохѣ. Съ тѣхъ поръ въ буромъ домѣ не мало произошло перемѣнъ. Многое безвозвратно исчезло, многое явилось на смѣну. Молодое состарилось, а старое тлѣетъ въ землѣ. Сломана давно „галдарея“... Старикашку въ ливреѣ врядъ-ли кто теперь уже помнитъ... Лишь каменныя дѣвы остались все тѣ же и, по-прежнему, пребывая на стражѣ бураго дома, созерцаютъ все также сурово, происходящія передъ ними явленія. Весь рядъ пролетѣвшихъ надъ ними годовъ не отразился ничѣмъ на ихъ каменныхъ лицахъ... И каждый разъ, когда приходится мнѣ очутиться около бураго дома, и я встрѣчаю глазами устремленный на меня безсонный взоръ его неустанныхъ хранительницъ, мое отжившее сердце сжимается болью воспоминаній о прошломъ, о безвозвратно утраченной юности, о людяхъ, ушедшихъ во мракъ таинственной вѣчности, и я вновь испытываю то же самое чувство благоговѣйнаго страха, которое нѣкогда ощущалъ я, простодушный и робкій профанъ, при одномъ только видѣ этихъ безмолвныхъ и загадочныхъ залъ, въ коихъ совершались мистеріи во имя какого-то, непостижимаго для меня, божества... Нѣтъ, нѣтъ, я никогда не находилъ въ себѣ мужества проникнуть туда дальше порога и, долженъ сознаться, что обитающее тамъ божество осталось для меня непостижимымъ доселѣ... За то удалось мнѣ, до нѣкоторой степени, правда, на сколько доступно профану, познать, въ чемъ была сущность упомянутыхъ таинствъ, благодаря знакомству съ жрецами, между которыми у меня было не мало пріятелей.

Во-первыхъ, нужно сказать, всѣ они у себя, въ домашнемъ своемъ обиходѣ, оказывались такими же обыкновенными смерт-

ными, какъ и мы съ вами, читатель. Затѣмъ, какъ это ни покажется странно, сами они всегда обрѣтались въ мірѣ загадокъ... Каждый имѣлъ свое опредѣленное дѣло, но, исполняя его, совершенно не вѣдалъ, кому и зачѣмъ оно нужно. При полномъ постиженіи его махинацій, онъ зналъ одно это дѣло, понимая его какъ часть одного недѣлимаго цѣлаго, уголокъ нѣкоей великой, непроницаемой тайны, вѣдомой кому-то другому, гдѣ-то тамъ, въ высшихъ инстанціяхъ... Всѣ они что-то писали, „наводили" какія-то „справки", съ кѣмъ-то „сносились", откуда-то „получали запросы"—и каждый зналъ, въ то же самое время, что онъ исполняетъ только частицу какого-то, ему неизвѣстнаго, огромнаго и сложнаго дѣла, что это все—недодѣлки и недомолвки, и не онъ лишь одинъ, но и всѣ его окружающіе куютъ общую безконечную цѣпь недодѣлокъ и недомолвокъ, и это такъ нужно, въ этомъ ихъ миссія, въ этомъ даже права ихъ на жизнь, ибо, если допустить такую нелѣпость, что вдругъ, въ одно прекрасное утро, объявили бы имъ, что все это не нужно, что это самое таинственное и сложное дѣло, ради котораго существуетъ ихъ департаментъ, кѣмъ-то сразу ужъ сдѣлано,—не равнялось-ли бы это тому, что рухнули бы эти самыя стѣны, гдѣ они, столько уже лѣтъ, сидятъ и работаютъ, рухнулъ бы весь бурый домъ, гдѣ они, обезпеченные казенной квартирой и жалованьемъ, живутъ и плодятся, и каждый изъ нихъ очутился бы въ трагическомъ положеніи скромной домашней савраски, которая всю жизнь ходила въ оглобляхъ, зная свое привычное стойло, гдѣ находила всегда добрую мѣру овса и вдругъ увидала себя, на всей своей вольной волѣ (Господь съ ней, съ этакой волей!) невозбранно пасущейся въ безплодныхъ пустыняхъ Сахары!

О, нѣтъ! Они знаютъ, что стѣны бураго дома крѣпки и прочны и долго еще простоятъ. Знаютъ и то, что дѣло ихъ непрерывно и безконечно, какъ человѣческій родъ. Нельзя приказать, чтобы оно прекратилось или было бы вдругъ, сразу, кѣмъ-нибудь сдѣлано, какъ нельзя запретить людямъ плодиться и множиться,—а разъ человѣкъ существуетъ на свѣтѣ, ему необходима квартира, необходимы средства для жизни, которыя называются жалованьемъ. Пока человѣкъ здоровъ и силенъ — онъ долженъ служить. Когда онъ усталъ, пересталъ быть способнымъ—онъ выходитъ въ отставку, обезпеченный пенсіей. Онъ исполнилъ свой общественный долгъ. Умираетъ онъ съ чистою совѣстью, спокойный сознаніемъ, что не даромъ прожилъ на свѣтѣ. Онъ служилъ вѣрой и правдой, труды его цѣнило начальство, которое его повышало по должности, поощряло чинами, орденами, денежными наградами къ праздникамъ. Онъ обзавелся и семьей, въ нѣдрахъ коей отдыхалъ отъ трудовъ, онъ оставляетъ потомство, воспитан-

ное имъ, слава Богу, въ тѣхъ же здравыхъ понятіяхъ. Развѣ безъ пользы прошелъ онъ свой жизненный путь? Положимъ, даже закрывая уже на вѣки глаза, онъ не могъ бы отвѣтить, что онъ, въ сущности сдѣлалъ и гдѣ получившіеся отъ его трудовъ результаты... Но онъ никогда и не задавался такими вопросами. Что такое? Какіе такіе еще „результаты"?... Онъ служилъ, потому что получалъ за то жалованье, разсуждая въ границахъ ему порученнаго дѣла, за которое на немъ лежала отвѣтственность, ибо что слѣдуетъ дальше—о томъ должно вѣдать начальство. Не разсуждать, исполнять—въ этомъ служба, и онъ всегда это помнилъ. Иные могутъ думать иначе, но это или такіе, у которыхъ голова не въ порядкѣ, или устроенные какъ-нибудь по другому, а онъ, слава Богу, человѣкъ обыкновенный, простой, знаетъ, что всѣ хотятъ кушать, а потому всякое дѣло постольку имѣетъ свой смыслъ и влечетъ за собой результаты, поскольку оно вознаграждается жалованьемъ, ибо иначе его и не нужно было придумывать,—разъ же этого нѣтъ, то оно является однимъ лишь пустымъ и никчемнымъ занятіемъ, за которое не подобаетъ даватъ ниорденовъ, ни чиновъ. Изъ этого само собой слѣдуетъ, что люди, которые смотрятъ на это иначе—совершенно безполезные люди, и государство россійское могло бы свободно безъ нихъ обойтись. А если пошло ужъ на правду, то нужно признать, что они не только никому не полезны, но даже вредны, ибо они всегда не спокойны, всѣмъ недовольны. Имъ, изволите видѣть, не нравится, что существуетъ порядокъ, который установило начальство, а хотѣлось бы, чтобы весь свѣтъ былъ перестроенъ по ихнему, какъ они отъ бездѣлья придумываютъ. Отъ нихъ идутъ всякія новшества, отъ всевозможныхъ „реформъ" до „сокращенія штатовъ" включительно. Кромѣ того, что онъ, какъ истинный жрецъ, привыкъ творить волю пославшаго, вдобавокъ еще, онъ—нельзя того забывать—мужъ и отецъ, который обязанъ хранить неприкосновенность своего очага. Онъ отнюдь не врагъ просвѣщенія. Напротивъ! Онъ почитаетъ науку, искусство и признаетъ даже пользу романовъ, такихъ, напр., какіе пишетъ его сіятельство графъ Саліасъ, знакомящій публику съ дѣяніями разныхъ историческихъ личностей, а отъ смѣшныхъ очерковъ Лейкина онъ прямо-таки въ восхищеніи! Онъ не уважаетъ лишь щелкоперовъ, проводящихъ „новыя мысли", и это потому, что онъ твердъ въ своихъ правилахъ. Пусть тамъ, гдѣ-то, о чемъ-то хлопочатъ, что-то разрушаютъ и строятъ—это отнюдь до него не касается. Онъ читаетъ газеты, онъ бываетъ въ театрѣ, онъ слышитъ о томъ, что творится за стѣнами бураго дома, онъ толкуетъ и споритъ, даже можетъ выходить изъ себя, но онъ убѣжденъ, въ то же самое время, что до всего этого нѣтъ ни малѣйшаго дѣла бурому

дому. Бурый домъ не боится. Онъ стоитъ какъ утесъ среди волнъ, которыя лѣзутъ и ропщатъ, разражаются даже угрозами—и обращаются вспять, не будучи въ силахъ его сокрушить... Въ этой лихорадочной сутолокѣ несущейся мимо него столичной толпы, въ этомъ разноголосномъ хаосѣ всяческихъ звуковъ, стуковъ и криковъ, бурый домъ созерцаетъ очами своихъ каменныхъ дѣвъ непрерывный потокъ человѣческихъ жизней, куда-то влекомыхъ и движимыхъ своими отдѣльными нуждами, непонятными и чуждыми имъ, каменнымъ дѣвамъ, какъ и всему бурому дому, который въ нерушимомъ безмолвіи своихъ таинственныхъ залъ, въ это самое время, подъ шарканье перьевъ и щелканье счетовъ, сосредоточенно дѣлаетъ то же самое дѣло, что онъ дѣлалъ вчера, будетъ дѣлать и завтра, чрезъ недѣлю, чрезъ мѣсяцъ, чрезъ годъ,—ибо для того, что онъ дѣлаетъ, не существуетъ конца...

А въ тотъ глухой полуночный часъ, когда весь городъ угомонился и спитъ, лишь кое-гдѣ, подъ прикрытіемъ мрака безмолвныхъ и пустыхъ его улицъ, боязливо блуждаетъ голодный и холодный развратъ, да, можетъ статься, въ нѣдрахъ иного изъ этихъ заснувшихъ домовъ потаенно свершается какая-нибудь кровавая драма, что завтра взволнуетъ столицу,—неровный свѣтъ фонаря, который торчитъ у края панели, озаряя безсонныя лица каменныхъ дѣвъ, посылаетъ на нихъ дрожащія тѣни—и мнится, будто они, эти лица, живы и дышутъ, а ихъ каменныя уста шевелятся и хотятъ обратиться къ затихшему городу съ насмѣшливой рѣчью:

„Вотъ ты, цѣлый день, суетился, а теперь угомонился и спишь... Но твой сонъ не спокоенъ, исполненъ тяжелыхъ видѣній, кошмара и бреда... Ибо ты никогда не знаешь настоящаго отдыха, засыпая всегда съ мыслью о томъ, какъ ты завтра вскочишь горошкомъ и примешься опять тормошиться. . А еслибъ ты зналъ, какой сонъ теперь царствуетъ здѣсь, въ нашихъ стѣнахъ! Какой храпъ раздается во всемъ нашемъ домѣ, отъ подваловъ до крыши!.. Кажется, если бы можно было собрать этотъ храпъ въ одинъ хоръ—онъ покрылъ бы вой бури, выстрѣлы пушки... Да что—пушки, куда имъ! Вотъ землетрясеніе развѣ,—ну еще это, пожалуй... Это называется *сонъ*, это настоящій вотъ сонъ!.. И нигдѣ не найдешь ты другого, подобнаго... Почему? Потому что мы живемъ не по твоему. Не нужно намъ суетиться, спѣшить, ибо мы знаемъ, что все придетъ въ свое время, а чего пока нѣтъ—значитъ, тому и не слѣдуетъ быть... День прошелъ—и завтра будетъ такой же... И благодареніе Богу—ничего больше не нужно!“

Глава вторая.

Старый хламъ.

V.

Въ четвертомъ часу сырого апрѣльскаго вечера, по одной изъ дальнихъ линій Васильевскаго Острова, ведущихъ къ Смоленскому кладбищу, въ сторону къ городу, тяжко тряслась, громыхая, неуклюжаго вида, съ голубымъ пузомъ, карета — одна изъ тѣхъ допотопныхъ каретъ, каковыя еще не очень давно можно было увидѣть парадирующими въ похоронныхъ процессіяхъ, а въ ветхозавѣтныхъ купеческихъ семьяхъ, гдѣ еще сохранился обычай дѣвичника, онѣ были очень сподручны для поѣздокъ цѣлой компаніей въ баню, ибо подобный ковчегъ не сравнимъ ни съ какимъ другимъ экипажемъ, будучи способенъ вмѣстить въ своихъ нѣдрахъ количество лицъ, равняющееся населенію иной петербургской квартиры.

Въ каретѣ сидѣли, другъ противъ друга, двое мужчинъ. Помѣщавшійся спиной къ лошадямъ былъ господинъ среднихъ лѣтъ, съ бритымъ, какъ у актера, лицомъ и тѣлосложеніемъ, обнаруживавшимъ расположеніе къ тучности. Сидѣвшій насупротивъ, одинаковаго съ нимъ приблизительно возраста, былъ, наоборотъ, сухощавъ, обладалъ густою рыжею растительностью, въ видѣ большихъ бакенбардъ и цѣлой копны курчавыхъ волосъ. Бобровую, довольно поношенную шапку свою онъ держалъ у себя на колѣняхъ, такъ какъ чувствовалъ потребность въ прохладѣ, судя по тому, что онъ безпрестанно отиралъ со лба потъ и даже повременамъ отдувался. По этой же самой причинѣ было открыто одно изъ окошекъ кареты, куда струился сырой уличный воздухъ и залетали, крутясь словно бѣлыя мухи и тотчасъ же тая, снѣжинки.

Это были два сослуживца по Департаменту Недодѣлокъ и Недомолвокъ, связанные вдобавокъ давнишнею дружбой. Господинъ съ бритымъ лицомъ и комплекціей, обнаруживавшей расположеніе къ тучности, имѣлъ должность столоначальника и назывался Павломъ Иванычемъ Елкинымъ. Его рыжеволосый, нуждавшійся въ прохладѣ спутникъ исправлялъ обязанности смотрителя зданія. Звали его—Семенъ Семенычъ Скворешниковъ. Оба они возвращались съ поминокъ.

Сегодня Павелъ Иванычъ похоронилъ свою мать. Она была давно ужъ больна какимъ-то неисцѣлимымъ недугомъ, соединеннымъ съ параличемъ нижнихъ конечностей, и обѣщала прожить въ такомъ состояніи еще неопредѣленное количество лѣтъ, но неосторожно разговѣлась на Пасхѣ, вслѣдствіе чего съ нею приклю-

чился третій ударъ, отнявшій у старушки языкъ и всю лѣвую сторону туловища. Въ такомъ положеніи она дотянула до четверга Ѳоминой и, въ полночь на пятницу, тихо скончалась, какъ бы уснула.

По поводу этой „непостыдной и мирной кончины", о которой молитъ для насъ у Господа Бога православная церковь, и разсуждали теперь, возвращавшіеся съ поминокъ, пріятели. Въ сущности, ораторствовалъ только Скворешниковъ, съ похвальною цѣлью пролить утѣшеніе въ скорбную душу пріятеля.

Еще давеча, во время печальной трапезы, на которой присутствовала значительная часть населенія бураго дома, подъ кровлей того, извѣстнаго, можетъ быть, вамъ учрежденія, которое помѣщается передъ оградою Смоленскаго кладбища и процвѣтаетъ издавна заказами поминальныхъ обѣдовъ, Семенъ Семенычъ проникся этимъ сердобольнымъ намѣреніемъ. Послѣ закуски, усѣвшись за столомъ рядомъ съ пріятелемъ, онъ все время его убѣждалъ „не вѣшать носа на квинту", причемъ, съ цѣлью укрѣпить его духъ, подливалъ ему безпрестанно вина, которое, въ пылу увѣщаній, самъ же и выпивалъ машинально, ибо Павелъ Иванычъ, безмолвно внимавшій утѣшеніямъ Семена Семеныча, совсѣмъ не прикасался къ стакану, что не мѣшало Скворешникову быть убѣжденнымъ въ блестящемъ успѣхѣ своей дипломатической тактики. Чтобы довести до конца свое доброе дѣло, Семенъ Семенычъ дождался удаленія самаго послѣдняго гостя и наблюдалъ, какъ разсчитывался Елкинъ съ буфетчикомъ, въ силу того разсужденія, что Павелъ Иванычъ, еще въ юности потерявшій отца и только что похоронившій и мать, остался отнынѣ круглымъ сиротою на свѣтѣ, вслѣдствіе чего всякій его можетъ обидѣть, особливо теперь, когда онъ подвыпилъ, и потому необходимо, чтобы при немъ находился благоразумный товарищъ, готовый придти къ нему тотчасъ на помощь. Съ трогательною заботливостью объ удобствахъ подвыпившаго, по глубокому его убѣжденію, Павла Иваныча, Семенъ Семенычъ усадилъ его въ описанную уже выше громоздкую, съ голубымъ пузомъ, карету, а затѣмъ, послѣ нѣкоторой, непродолжительной борьбы съ собственными своими ногами, кои, держась, вѣроятно, особаго мнѣнія относительно правилъ товарищества, довольно настойчиво увлекали его прочь отъ кареты, при содѣйствіи Павла Иваныча, подхватившаго подъ мышки своего утѣшителя, въ концѣ концовъ, благополучно водворился и самъ.

— Никогда я тебя не оставлю!—подтвердилъ снова Скворешниковъ, послѣ того какъ чудовищный ихъ экипажъ съ превеликимъ грохотомъ тронулся въ путь.—Ни въ жизнь! Такъ и знай!.. Чувствуешь это?

— Чувствую...—уныло отвѣтилъ Павелъ Иванычъ, испуская продолжительный вздохъ.—Охъ-хо-хо... Боже мой!

Въ противоположность пріятелю, всегда отличавшемуся большой говорливостью, а въ данныхъ обстоятельствахъ обѣщавшему болтать безъ конца, Павелъ Иванычъ упорно безмолвствовалъ, между тѣмъ какъ Скворешниковъ неутомимо истощалъ свое краснорѣчіе, все съ тою же цѣлью—поднять угнетенный печалію духъ Павла Иваныча, хотя, судя по лицу его, Елкинъ былъ не столько убитъ своимъ горемъ, сколько просто усталъ отъ хлопотъ. Кромѣ того, и бесѣда съ Скворешниковымъ порядкомъ таки его утомила.

Теперь въ его головѣ лѣниво плелись безсвязныя мысли, вызванныя впечатлѣніями этого дня. Возникала въ памяти Павла Иваныча биткомъ набитая публикой церковь, вспоминался кисель, которымъ закончился поминальный обѣдъ и который былъ сдѣланъ очень искусно, въ видѣ зубчатой башни: внизу онъ былъ бѣлаго, а зубчики—краснаго алаго цвѣта. И только что Павелъ Иванычъ задумался было надъ вопросомъ о томъ, почему на поминальныхъ обѣдахъ подается непремѣнно кисель, какъ, совершенно уже безъ всякой послѣдовательности, передъ его мысленнымъ окомъ возникла вдругъ шишка на правой щекѣ у дьячка, который на кладбищѣ пѣлъ литію, причемъ Павелъ Иванычъ, стоявшій сбоку дьячка, смотрѣлъ на эту самую шишку и старался себѣ уяснить, получилъ ли ее дьячекъ при рожденіи, или она выросла позже, съ теченіемъ времени?..

А Скворешниковъ, успѣвшій давно уже впасть въ меланхолію, пространно философствовалъ о бренности человѣческой жизни, о томъ, что насъ ожидаетъ за гробомъ, и прочихъ, тому подобныхъ высокихъ предметахъ, заявилъ неожиданно о желаніи своемъ умереть и перешелъ снова къ покойницѣ, кончина которой составляла главную тему бесѣды.

— Ты думаешь, не знаетъ она, что мы съ тобой дѣлаемъ?!— зычно оралъ онъ, преодолѣвая грохотъ кареты.—Умерла? Стала добычей червей? Да? Ты такъ полагаешь?! (Послѣдній вопросъ былъ предложенъ съ глубочайшей ироніей). Га!! Чепуха!! Не возражай мнѣ, пожалуйста! (Павелъ Иванычъ продолжалъ все время молчать, какъ зарѣзанный). Мы вотъ съ тобой сидимъ теперь, ѣдемъ... подвыпивши... да!.. а *она* (Семенъ Семенычъ простеръ торжественно руку къ открытому окошку кареты)—*она* смотритъ съ небесъ и на обоихъ насъ радуется!.. Почему?.. Потому—кончина ея была праведная! Господи Боже мой! Другой тамъ ноетъ и ропщетъ, проситъ смерти у Бога, а она—хлопъ и готово!.. Ты думаешь, всякому это дается? Нѣтъ, дружище, не всякому! Богъ посылаетъ разную смерть. Она заслужила!! Она была праведница!! Назови мнѣ грѣхи Людмилы Герасимовны? А?! Назови! (Семенъ Семенычъ сдѣлалъ короткую паузу и пристально посмотрѣлъ на Павла Иваныча). То-то! Молчишь!.. Маменька прямо такъ и ска-

зала, когда умерла Людмила Герасимовна: „Людмила Герасимовна была настоящая праведница!» То же и я говорю: „да, она была настоящая праведница!.. А замѣтилъ ли ты, какое лицо у нея было въ гробу?.. Спитъ! Ну, просто, вотъ—спитъ! Мирно, кротко, покойно... Спитъ, да и полно!.. Маменька тоже вчера мнѣ у тебя на панихидѣ сказала: „Обрати вниманіе, Сеня, какое лицо у Людмилы Герасимовны"... Что, не правду я говорю?..

— Охъ-хо-хо!... Боже мой! — вздохнулъ снова, въ отвѣтъ, Павелъ Иванычъ.

Онъ перенесъ усталый свой взоръ на окошко кареты, гдѣ продолжали крутиться снѣжинки, и въ мутной мглѣ надвигавшихся сумерекъ передъ Елкинымъ возникло лицо тучной старухи, со скошеннымъ ртомъ и прищуреннымъ глазомъ... Другой глазъ вытаращенъ на Павла Иваныча...—„Фить"...—бормочетъ она, и вытаращенный глазъ на этомъ лицѣ загорается гнѣвомъ. Старуха натуживается объяснить что-то Павлу Иванычу и злится на то, что языкъ плохо ей повинуется, и на то, что Павелъ Иванычъ не можетъ понять, чего она хочетъ...—„Бламъ!"—хрипло, съ какимъ-то горловымъ клокотаньемъ, произноситъ старуха, сверкая своимъ единственнымъ окомъ на Павла Иваныча, который понимаетъ, что „бламъ" означаетъ „болванъ", и впадаетъ въ отчаяніе.—„Фить... фить..." — повторяетъ больная, устремляя мучительно вытаращенный глазъ на стаканъ, и, наконецъ, Елкинъ догадывается, что она требуетъ „пить"...

И во все это время, пока карета, колыхаясь голубымъ своимъ пузомъ, подвигается помаленьку впередъ, лицо съ прищуреннымъ глазомъ сопутствуетъ Павлу Иванычу, заслоняя собою проплывающіе мимо предметы и заглушая уличный грохотъ своимъ младенческимъ, въ которомъ одновременно слышится что-то звѣриное, лепетомъ, причемъ Павелъ Иванычъ по временамъ въ состояніи кое-что разобрать въ этомъ лепетѣ, по временамъ этотъ лепетъ ему непонятенъ, и тогда другой глазъ на лицѣ тучной старухи, тотъ самый, который вытаращенъ на Павла Иваныча, сверкаетъ отъ злости...

Ничто не мѣшаетъ этой бесѣдѣ, ибо Скворешниковъ вдругъ какъ-то сразу погасъ и безнадежно умолкъ. Онъ завалился плечомъ въ уголъ кареты, примявъ щекою одну изъ великолѣпныхъ своихъ бакенбардъ, а другую разметавъ на груди. Глаза его плотно зажмурены, ротъ полуоткрытъ и испугаетъ легонькій храпъ... А лицо Павла Иваныча какъ-бы закоченѣло въ одномъ выраженіи, и раскрытые широко глаза остаются прикованными къ окошку кареты, гдѣ все еще продолжаютъ по прежнему крутиться снѣжинки...

. . . .

— А? Что? Что такое?—испуганно бормочетъ Скворешниковъ, клюнувшись носомъ впередъ, и, открывъ оба глаза, съ тупымъ изумленіемъ смотритъ на Павла Иваныча.

— Пріѣхали,—выходя изъ оцѣпенѣнія, ибо его тоже качнуло, сообщаетъ Павелъ Иванычъ.

Карета стоитъ. Непонятно, какъ это случилось, только дѣйствительно она оказывается вдругъ во дворѣ бураго дома, передъ самымъ подъѣздомъ квартиры Павла Иваныча.

Пріятели вылѣзаютъ наружу. Теперь, въ противоположность давешнему своему поведенію, Скворешниковъ не словоохотливъ и мраченъ, какъ человѣкъ, которому не дали выспаться. Онъ протягиваетъ руку Павлу Иванычу и хрипло бормочетъ:

— Будь здравъ.

Павелъ Иванычъ пожимаетъ руку Семена Семеныча и отвѣчаетъ ему:

— До свиданья.

VI.

Поднявшись въ третій этажъ, Елкинъ звонится. Ему отворяетъ высокая, смуглая женщина, богобоязненно-строгаго вида, исполняющая должность кухарки и горничной. Имя ея—Клеопатра, но покойница, мать Павла Иваныча, а также и самъ Павелъ Иванычъ, въ уваженіе къ этому богобоязненно-строгому виду, привыкли звать ее просто Максимовной.

Въ молчаніи, она совлекаетъ съ хозяина верхнее платье и водворяетъ на вѣшалкѣ. Тоже въ молчаніи, Павелъ Иванычъ освобождаетъ себя отъ калошъ. Затѣмъ Клеопатра исчезаетъ за дверью, ведущею въ кухню, а Павелъ Иванычъ отворяетъ другую дверь и проходитъ къ себѣ.

Въ квартирѣ еще стоитъ запахъ ладана, и это одно, что напоминаетъ ему о недавно происшедшемъ здѣсь важномъ событіи...

Вокругъ такъ странно пустынно и тихо.

— Чай-то будете пить? — неожиданно раздается вопросъ за спиною Павла Иваныча.

Онъ оборачивается. Въ двери изъ кухни стоитъ Клеопатра и смотритъ на Павла Иваныча.

— А? Что? Чай?.. Да, да... Поставь самоваръ...—машинально бормочетъ Павелъ Иванычъ.

— Давно уже поставленъ. Сейчасъ закипитъ,—говоритъ Клеопатра и принимается готовить что нужно для чаепитія.

Она приноситъ и ставитъ подносъ, достаетъ изъ шкапчика чай, сахаръ, посуду, мелькая все время передъ глазами Павла Иваныча, который сидитъ у окошка и слѣдитъ машинально за

Клеопатрой, между тѣмъ какъ та, своимъ чередомъ, приноситъ и грохаетъ на подносъ клокочущій во весь духъ самоваръ, потомъ завариваетъ чай и уходитъ къ себѣ.

Наливъ себѣ чаю въ большую „аппетитную“ чашку—фамильное достояніе Елкиныхъ—Павелъ Иванычъ, въ глубокой задумчивости, помѣшиваетъ въ ней чайной ложечкой, прислушиваясь къ мѣрному стуканью маятника висящихъ на стѣнѣ столовой часовъ. Все такъ же, непрерывно, безъ устали, стучитъ этотъ маятникъ, но Павлу Ивановичу кажется, что онъ стучитъ теперь какъ-то иначе... Звуки его раздаются на всемъ пространствѣ квартиры, наполняя собою всѣ ея уголки, и въ нихъ, въ этихъ звукахъ, мнится какая-то необычная смѣлость, будто онъ, этотъ маятникъ, говоритъ Павлу Иванычу, своею раздѣльною, неторопливою рѣчью.

„Ти-та-та! Мы од-ни! Мы од-ни! Не-бо-имся! Не бо-имся! Ти-та-та!“

А самоваръ, который тоже тихо прислушивался къ товарищу однообразныхъ своихъ вечеровъ и привыкъ аккомпанировать ему робкою пѣсенкой, вдругъ испускаетъ громкую басистую трель, выражая ему въ свою очередь:

„Фр-р-р... Намъ теперь наплевать!“

И затѣмъ самоваръ умолкаетъ, прекращая на сегодняшній вечеръ бесѣду, а пробужденный изъ задумчивости Павелъ Иванычъ поднимаетъ медленно голову и долго, пристально смотритъ въ неопредѣленную даль, словно желая опять еще разъ убѣдиться, что дѣйствительно нѣтъ никого въ этой комнатѣ, и дальше, тамъ, въ слѣдующей, и вездѣ, на всемъ остальномъ пространствѣ квартиры, гдѣ онъ отнынѣ—полный хозяинъ...

Павелъ Иванычъ испускаетъ продолжительный вздохъ, какъ человѣкъ, который совершилъ длинный путь или сбросилъ съ плечъ тяжелую ношу и чувствуетъ, что можетъ теперь, наконецъ, отдохнуть.

Правда, онъ совершенно разбитъ и измученъ событіями этой послѣдней недѣли, составившими одинъ непрерывный періодъ томительныхъ дней и безсонныхъ ночей у постели больной, уже безъ языка, безъ движенія, послѣдними остатками своихъ жизненныхъ силъ упрямо боровшейся противъ неумолимо надвигавшейся смерти и выражавшей свое нехотѣніе уходить изъ этого міра порывами безсильнаго и жалкаго гнѣва, превращавшими существованіе Павла Иваныча въ одну непрерывную муку, которая возбуждала не разъ въ немъ желаніе помѣняться съ больною мѣстами... И вотъ, все это кончилось—и не повторится уже никогда!

И опять онъ глубоко вздыхаетъ, вспоминая о томъ, какъ

часто онъ тяготился покойницей, въ ея послѣдніе, предсмертные дни, какъ онъ даже не разъ задавался вопросомъ: еще долго ли ей суждено его мучить?— и какъ, закрывая ей, уже мертвой, глаза, онъ ощутилъ облегченіе... Все это вспоминаетъ теперь, съ угрызеніемъ, Павелъ Иванычъ... Онъ хотѣлъ бы теперь искупить чѣмъ-нибудь свои тогдашнія недостойныя чувства, онъ хотѣлъ бы даже поплакать, и старается возбудить въ своей памяти что-либо такое, что могло бы растрогать и вызвать на глаза его слезы, подобающія осиротѣлому сыну, на котораго, въ это самое время, душа ея смотритъ съ небесъ и видитъ, какъ онъ неутѣшно горюетъ...

Но нѣтъ въ душѣ его слезъ...

Онъ глядитъ на то мѣсто, съ краю стола, гдѣ теперь навсегда сдѣлалось пусто, и вспоминаетъ тучную фигуру старухи, въ кожаномъ креслѣ. Во мглѣ бѣлыхъ сумерекъ, все плотнѣе сгущающихся вокругъ Павла Иваныча, ему начинаетъ мерещиться лицо въ чепчикѣ съ широкой оборкой, которое что-то жуетъ беззубыми деснами, и отъ трудныхъ усилій, доставляемыхъ старухѣ этой работой, ходуномъ ходятъ ея щеки, брови, носъ, подбородокъ, движется даже словно живая, широкая оборка на чепчикѣ... Въ напряженномъ безмолвіи совершается торжественный актъ чаепитія. Старуха не терпитъ за столомъ разговоровъ, и ея почтительный сынъ ненарушимо блюдетъ тишину. Даже маятникъ, кажется, старается стучать осторожнѣе... И чудится, будто изъ закоулковъ квартиры, изъ за дверей, изъ за стульевъ и креселъ, изъ темнаго пространства за шкапчикомъ, гдѣ хранится посуда, выплываютъ безшумно какіе-то угрюмые призраки, которые вѣютъ своими мрачными дланями надъ головами этихъ двухъ, цѣпенѣющихъ за самоваромъ, фигуръ и охватываютъ ихъ жуткимъ холодомъ, проникая ощущеніемъ безысходной тоски... Вотъ и теперь стучитъ на стѣнѣ тотъ же маятникъ, тотъ же самоваръ стоитъ на столѣ, и тѣ же угрюмые призраки надвигаются изъ темныхъ угловъ безмолвной квартиры и цѣпко охватываютъ Павла Иваныча своими холодными дланями...

Елкинъ вздрагиваетъ всѣмъ своимъ существомъ, нервно поводитъ плечами, какъ-бы освобождаясь отъ навожденія, и приходитъ въ себя...

Онъ сидитъ одинъ, за столомъ, надъ своею, давнымъ давно простывшею чашкою чая и видитъ, что вмѣсто чепчика съ широкой оборкой передъ нимъ пустая стѣна.

Раздается легкій скрипъ двери и въ дальнемъ темномъ углу, подобно явленію зловѣщаго призрака вырисовывается длинная тѣнь Клеопатры.

— Отпили чай-то? Убирать со стола?

— Убирай.

— Что жъ вы въ потемкахъ-то? Лампу зажечь вамъ?

— Не нужно.

Павелъ Иванычъ вздыхаетъ. Клеопатра молча обхватываетъ остывшій совсѣмъ самоваръ и уноситъ къ себѣ. Затѣмъ, вернувшись опять, она убираетъ посуду, прячетъ чай съ сахаромъ въ шкапчикъ, но не уходитъ изъ комнаты, а дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по направленію къ кухнѣ и, остановившись въ темномъ углу, принимаетъ снова подобіе зловѣщаго призрака.

Павелъ Иванычъ безмолствуетъ. Клеопатра то же соблюдаетъ молчаніе, но не торопится удалиться къ себѣ, изъ чего можно понять, что она питаетъ намѣреніе развлечь хозяина своего разговоромъ. Не получивъ съ его стороны поощренія, она наконецъ произноситъ:

— И что хорошаго, право, сидѣть такъ, въ темнотѣ-то! Зажечь, что ли, лампу-то? А?

Она дѣлаетъ паузу, ожидая отвѣта. Молчаніе.

— Зачѣмъ?—раздается, немного спустя, унылый вопросъ Павла Иваныча.

— Какъ зачѣмъ? Хорошо развѣ такъ убиваться?

Павелъ Иванычъ вздыхаетъ.

— Совсѣмъ это даже напрасно,— продолжаетъ Клеопатра назидательнымъ тономъ.—Скушно безъ маменьки, такъ что же подѣлаешь?.. Всѣ будемъ тамъ... Что же, и то нужно сказать: пожила покойница, въ свое время, поцарствовала... Дай Господи каждому! И помереть привелось, какъ всѣмъ давай Богъ... Чего же еще желать требовать можно? Теперича и о себѣ надо подумать. Что полезнаго себя убивать?

Клеопатра долго еще разглагольствуетъ, высказывая массу справедливѣйшихъ истинъ, и Павелъ Иванычъ все это покорно выслушиваетъ. Онъ понимаетъ, что Клеопатра руководствуется добрымъ желаніемъ пролить утѣшеніе въ его скорбящую душу, ибо она, Клеопатра, такъ же какъ и Семенъ Семенычъ Скворешниковъ, равно какъ и всѣ присутствовавшіе на похоронахъ его матери должны видѣть въ немъ осиротѣлаго сына, и поэтому каждый считаетъ своею обязанностью преподать ему что-нибудь утѣшительное. Въ концѣ концовъ онъ начинаетъ испытывать самъ къ себѣ жалость. Да, это правда! Онъ одинокъ и нѣтъ у него никого! Остался, какъ перстъ... Чѣмъ онъ можетъ утѣшиться? Что ему остается? Забыться, заснуть—вотъ все, что ему остается!

— Постели-ка постель мнѣ, Максимовна,—произноситъ слабымъ голосомъ Павелъ Иванычъ.

— Давно постлана.

— Я пойду къ себѣ, лягу,—прибавляетъ уныло Павелъ Иванычъ.

— Ну, что жъ, и отлично, идите съ Богомъ, усните,—одобряетъ его Клеопатра.—Охъ-хо-хо!

— Охъ-хо-хо!—вторитъ, какъ эхо, Павелъ Иванычъ.—Покойной ночи, Максимовна.

— Покойной ночи вамъ, сударь,—отвѣчаетъ ему Клеопатра.

Понурой походкой осиротѣлаго сына Елкинъ бредетъ въ свою одинокую спальню.

Раздѣвшись, онъ еще нѣсколько времени лежитъ на постели, устремивъ неподвижный взоръ свой въ окошко, бѣлѣющее мутнымъ квадратомъ въ сумракѣ комнаты.

Онъ размышляетъ о томъ: чтó теперь должно быть на кладбищѣ? Въ его воображеніи рисуется возвышающійся надъ голыми сучьями поникшихъ березъ свѣжій холмикъ земли въ перемѣсь съ желтой глиной, и водруженный въ ней новенькій крестъ. Подъ нимъ покоится мертвая маменька... У, какъ теперь ей тамъ сыро и холодно!.. Ему жалко покойницу и онъ хотѣлъ бы почтить ея память слезами, но опять долженъ сознаться, что нѣтъ въ душѣ его слезъ!

Вмѣсто того, въ его головѣ снова проносятся, въ видѣ обрывковъ: поминальный кисель, шишка на щекѣ у дьячка, потомъ— вьющіяся въ окошкѣ кареты снѣжинки, разинутый ротъ Семена Семеныча, испускающій храпъ... Наконецъ, все тускнѣетъ и спутывается, а вѣки Павла Иваныча начинаютъ слипаться...

Онъ натягиваетъ на себя одѣяло и почти въ ту же минуту погружается въ крѣпкій и сладостный сонъ, какимъ онъ давно ужъ не спалъ.

VII.

Тишина и безмолвіе царствуютъ въ квартирѣ Павла Иваныча Елкина. Одинъ только маятникъ своимъ мѣрнымъ, однообразнымъ постукиваньемъ напоминаетъ о присутствіи жизни, но все остальное цѣпенѣетъ въ спокойствіи, словно въ дремотѣ.

Вечеръ. Раздвижной обѣденный столъ, со множествомъ ножекъ, растопырился словно паукъ. На немъ горитъ лампа, и широкая тѣнь отъ него уходитъ въ глубь комнаты, гдѣ тускло блеститъ стеклянная дверца шкапчика съ чайной посудой. Стекло обтянуто съ внутренней его стороны полинялою, нѣкогда розоваго, а теперь свѣтлобураго цвѣта тафтою, искусно собранною по срединѣ въ пучокъ, отъ котораго идутъ во всѣ стороны складки, въ видѣ лучей. Въ противоположномъ углу кресло на тоненькихъ ножкахъ съ обитымъ ситцевымъ, пестрымъ, въ букетахъ, и тоже полинялымъ, сидѣньемъ, неудобной выпуклой спинкой и ручками, кои изобра-

жаютъ кусающихъ хвосты свои змѣй. И столъ, и шкапчикъ, и кресло—полированнаго краснаго дерева, съ бронзовыми, кое-гдѣ отпавшими бляшками, въ формѣ розетокъ, придающими всѣмъ имъ общее фамильное сходство. Охъ, какъ всѣ они стары и какъ много видѣли они на своемъ долгомъ вѣку, о чемъ бы могли разсказать!

Этотъ столъ со множествомъ ножекъ помнитъ своего хозяина еще съ того блаженнаго времени, когда онъ былъ въ состояніи подъ нимъ свободно прогуливаться, воображая себя заблудившимся въ нѣкоемъ дремучемъ лѣсу, и представляя шкапчикъ съ чайной посудой фантастическимъ зàмкомъ волшебника, хотя этотъ шкапчикъ прекрасно зналъ про себя, что въ немъ, между прочимъ, спрятана водка, въ граненомъ графинѣ, а если бы крошечный путешественникъ, который въ это время блуждалъ въ воображаемомъ дремучемъ лѣсу, не былъ бы такъ углубленъ въ свой фантастическій міръ, то онъ могъ бы увидѣть и этотъ самый графинъ, и передъ нимъ стоящаго папеньку... Онъ отворилъ, съ величайшею осторожностью, дверцу, которая издала по этому случаю тонкій жалобный визгъ, въ родѣ протяжнаго крика: „ай-я-яй!..“ Почти въ ту же минуту, дверь изъ сосѣдней комнаты быстро распахивается, а въ ней появляется маменька... Папенька, въ это самое время, повернувшись къ ней бокомъ, наливаетъ полную рюмку и отправляетъ ее себѣ въ ротъ. Исполнивъ это тихохонько, онъ закрываетъ дверцу, не издающую на этотъ разъ ни малѣйшаго звука, и вдругъ замѣчаетъ неподвижно стоящую маменьку... Маменька пристально смотритъ на папеньку... Тотъ потупляетъ глаза и съ виноватымъ видомъ отходитъ отъ шкапчика, а маменька испускаетъ нѣкій особенный вздохъ (этотъ вздохъ Павлу Иванычу приходилось не разъ слышать впослѣдствіи, уже будучи взрослымъ, и всегда онъ дѣйствовалъ на Павла Иваныча самымъ удручающимъ образомъ). Затѣмъ маменька опять исчезаетъ къ себѣ, а папенька садится къ окошку. Ни слова, ни звука не произнесено между ними...

Вообще, папенька всегда молчаливъ. Это одно изъ первыхъ сознательныхъ наблюденій Павли, который теперь не можетъ ужъ гулять подъ столомъ, и вмѣсто прежняго фантастическаго зàмка волшебника видитъ отнынѣ самый обыкновеннѣйшій шкапъ. Голова его занята другими идеями.

Павля сидитъ гдѣ-нибудь въ уголку и смотритъ на папеньку. Онъ такой маленькій, худенькій, что Павля совсѣмъ его не боится. Павля увѣренъ, что папеньку вообще никто не боится. Вотъ маменька—дѣло иное. Онъ не въ состояніи даже представить себѣ, кто бы могъ устоятъ супротивъ маменьки. Она такая большая, румяная, сильная, съ такимъ громкимъ, повелительнымъ голосомъ, что никто не осмѣлится сдѣлать что-нибудь ей вопреки. Она кри-

чить зачастую на папеньку, и папенька всегда при этомъ молчитъ, хотя онъ и мужчина, чиновникъ. Павля уже понимаетъ, что всѣ мужчины на свѣтѣ— чиновники. (Правда, есть еще мужики и солдаты). Павля, когда будетъ большой, сдѣлается тоже чиновникомъ. Всѣ чиновники обитаютъ въ такихъ же каменныхъ высокихъ домахъ, какъ и ихній. Всѣ они служатъ и ходятъ въ гости другъ къ другу. Это онъ знаетъ, потому что видаетъ гостей.

Онъ любитъ, когда у нихъ гости. Тогда у нихъ очень пріятно. Особенно помнится ему одинъ случай, когда папенька былъ имянинникъ.

Маменьку совсѣмъ невозможно узнать. Она такая ласковая, веселая, добрая—словно совершенно другая. Папенька тоже совсѣмъ не такой, какимъ бываетъ въ обыкновенное время. Онъ говоритъ громко, смѣется развязно, стучитъ сапогами и маменьку ничуть не боится.

Высокій, толстый гость, съ такими большими бакенбардами, что онѣ всегда возбуждаютъ въ головѣ Павли вопросъ—что онъ дѣлаетъ съ ними, когда ложится въ постель, беретъ Павлю за подбородокъ и треплетъ его по щекѣ. При этомъ мальчикъ чувствуетъ, какъ пахнетъ отъ него табакомъ. Длинная, тощая дама, жена толстаго гостя, Павлю цѣлуетъ. Другой гость, такой же маленькій, худенькій, какъ папенька, и на него даже очень похожій, гладитъ по головкѣ Павлю и говоритъ, что онъ—молодецъ. Вообще, каждый говоритъ Павлѣ что-либо пріятное. Одно только Павлѣ не нравится—когда пристаютъ къ нему съ разговорами. Обыкновенно затѣваетъ ихъ толстый гость.

— Ну, сколько годовъ тебѣ?—задаетъ онъ вопросъ и лукаво смотритъ на Павлю.

Мальчикъ помнитъ отлично, что онъ о томъ его не разъ уже спрашивалъ, но отвѣчаетъ все таки:

— Пять.

— Молишься Богу?

— Молюсь,—говоритъ въ отвѣтъ Павля.

— Какъ же ты молишься?

Всѣ ждутъ отвѣта. Всѣ смотрятъ на Павлю—и гости, и папенька съ маменькой.

— „Богородице, Дѣво, радуйся“...—лепечетъ Павля.

— Ну-ка, прочти,—говоритъ толстый гость.

Павля начинаетъ читать. Онъ при этомъ невольно, словно притягиваемый какимъ-то магнитомъ, смотритъ на маменьку, которая тоже не спускаетъ съ него пристальныхъ глазъ и шевелитъ при этомъ губами... Мальчикъ съ величайшимъ смущеніемъ, продолжаетъ читать дальше молитву, путаясь и забывая иныя слова, хотя, когда онъ одинъ, то читаетъ ее безъ запинки.

— „Яко Спаса родила еси... родила еси“...—бормочетъ Павля, ибо не помнитъ, что должно слѣдовать дальше.

— „Ду-у“...—намекаетъ ему толстый гость.

— „Душъ... душъ“...—подсказываетъ сзади шепотомъ папенька.

— „Душъ нашихъ“!—восклицаетъ маленькій гость.—Молодецъ! Видно, что знаетъ!

Обыкновенно, тутъ его опускаютъ. Но не всегда дѣло такъ благополучно кончается, и допросъ продолжается дальше.

— Любишь папеньку съ маменькой? — спрашиваетъ тощая дама, жена толстаго гостя.

— Люблю,—отвѣчаетъ Павля.

— А еще кого любишь?

— Божиньку.

— Умникъ за это!—поощрительно говоритъ толстый гость.—А кого больше любишь?

Всѣ ждутъ отвѣта отъ Павли. Всѣ глаза устремлены на него...

— Папеньку,—отвѣчаетъ, незадумавшись Павля.

— Сперва божиньку надо любить, а потомъ ужъ папеньку,—говоритъ толстый гость назидательнымъ басомъ.

— А маменьку?—спрашиваетъ маленькій гость.

Павля молчитъ.

— Маменьку, значитъ, не любишь?—допытывается тощая дама.

— Ты меня, значитъ, не любишь? — спрашиваетъ, въ свою очередь, маменька.

— Вотъ это не хорошо! Это вотъ стыдно! —строго говоритъ толстый гость.—Кто о тебѣ заботится? А? Чья душа болитъ по тебѣ? А? Отвѣчай.

Павля молчитъ и радъ бы провалиться сквозь землю.

— Не хорошо. Божинька за это накажетъ,—печально предсказываетъ тощая дама.

— Такъ во-отъ ты какой? А я и не зна-ала!—произноситъ протяжнымъ голосомъ маменька и прибавляетъ сурово:—уйди отъ меня скверный, неблагодарный мальчишка!

Всѣ отворачиваются отъ него, какъ отъ зачумленнаго, а толстый гость восклицаетъ:

— Ну, что жъ, господа? Въ преферансикъ?

Терзаясь раскаяніемъ, что такъ неосмотрительно влопался, Павля отходитъ и уединяется въ любимый свой уголокъ, гдѣ онъ можетъ сидѣть, не попадаясь никому на глаза, и производить наблюденія. Понемногу онъ совсѣмъ успокоивается и внимательно созерцаетъ играющихъ въ карты. Всѣ серьезны, нахмурены, напряженно молчатъ, и Павля размышляетъ объ этомъ занятіи, какъ о чемъ-то неимовѣрно-трудномъ и страшномъ. Бѣда тому, кто ошибся! Всѣ начинаютъ его бранить и сердиться...

Чаще всѣхъ прегрѣшаетъ маленькій гость, и на него кричатъ всѣ, особенно толстый гость со своею тощей женою.

— Эдакъ нельзя! Это не въ бабки играть! — кричитъ онъ, тряся бакенбардами, а виновникъ молчитъ, съ видомъ совершенно уничтоженнаго своею оплошностью... Нѣтъ, Павля не хотѣлъ бы быть въ его положеніи!

Но иногда достается и толстому гостю. Тогда вся важность его исчезаетъ, и хотя онъ споритъ, оправдывается, но видно, что ему непріятно. Павля этимъ очень доволенъ... Видно, что этимъ тоже доволенъ и маленькій гость.

Павля все сидитъ въ своемъ уголку и былъ бы готовъ такъ просидѣть хоть цѣлую ночь, потому что все для него любопытно. Ему хочется спать, но онъ изъ всѣхъ силъ таращитъ глаза, слѣдя за всѣмъ, что творится. Сквозь отворенную въ сосѣднюю комнату дверь онъ видитъ, какъ маменька, вмѣстѣ съ кухаркой, накрываютъ для ужина столъ. Маменька шепотомъ бранитъ за что-то кухарку, а та, съ злющимъ лицомъ, разставляетъ тарелки, дребезжанье которыхъ заглушаетъ ихъ разговоръ, но можно легко догадаться, что кухарка шепотомъ тоже отругивается... У маменьки лицо тоже сердитое, красное, и можно разслышать, какъ она восклицаетъ, обращаясь къ кухаркѣ:

— Стерва проклятая!

Вслѣдъ затѣмъ лицо маменьки просвѣтляется лучезарной улыбкой и, съ этой улыбкой, она высовываетъ голову въ комнату, гдѣ сидятъ игроки, объявляя радушнѣйшимъ тономъ:

— Гости дорогіе! Пожалуйте!

— Чѣмъ Богъ послалъ!—прибавляетъ, въ свою очередь, папенька.

Павля остается сидѣть въ своемъ уголку, всѣми забытый, и Павля этому радъ, ибо онъ знаетъ, что стоитъ ему попасться лишь на глаза, какъ его отправятъ тотчасъ же спать, а ему такъ хочется еще посидѣть! И онъ сидитъ и смотритъ въ столовую, причемъ ему отлично видно толстаго гостя, съ его бакенбардами, помѣстившагося бокомъ къ Павлѣ. Мальчику смертельно хочется спать, но онъ изъ всѣхъ силъ наблюдаетъ толстаго гостя, который собирается выпить. Павля слѣдитъ, какъ рука его съ рюмкой тянется ко рту, причемъ голова его запрокидывается, и въ то время, какъ рюмка близится ко рту толстаго гостя, этотъ ротъ какъ бы хочетъ уклониться отъ рюмки, но рюмка продолжаетъ преслѣдованіе, и вотъ когда, наконецъ, голова толстаго гостя совсѣмъ запрокинулась навзничь и глаза уперлись въ потолокъ, такъ что рту уже некуда больше уйти, рюмка настигла его... Толстый гость выпиваетъ ее и крехтитъ, морщась и выпучивая страшно глаза, почему можно подумать, будто въ рюмкѣ

была ужасная гадость, потомъ начинаетъ закусывать, причемъ большія и пушистыя его бакенбарды приплясываютъ въ ладъ съ челюстями... Павля слѣдитъ за малѣйшими движеніями толстаго гостя, наблюдая каждый моментъ—и во всемъ этомъ мнится ему нѣчто неизъяснимо-притягивающее, противъ чего онъ не можетъ бороться, таращa черезъ силу глаза, которые слипаются въ сладкой дремотѣ, но остаются неотводно прикованными къ толстому гостю... Разговоръ въ столовой становится громче, но Павля не обращаетъ на это вниманія, весь поглощенный предметомъ своего наблюденія... Вдругъ толстый гость сдѣлался маленькимъ-маленькимъ, совершенно малюсенькимъ, такъ что его можно очень удобно спрятать въ карманъ, чтó выходитъ очень смѣшно... Потомъ вдругъ столовая, со всѣми сидящими въ ней, оказывается далеко-далеко, потомъ все застлалось туманомъ и всѣ замолчали, а Павля чувствуетъ внезапную боль, словно кто-то хватилъ его изъ всѣхъ силъ кулакомъ... Онъ въ ужасѣ вскрикиваетъ и видитъ, что лежитъ на полу, ибо неожиданно и совсѣмъ для него непонятно, какъ это его угораздило, онъ свалился со стула...

— Ему давно пора спать,—слышится папенькинъ голосъ.

— Вставай и пойдемъ,—говоритъ строгимъ голосомъ маменька.

Голоса эти точно идутъ откуда-то издали, хотя они раздаются тутъ, возлѣ Павли, и онъ ощущаетъ, какъ маменька подняла его на ноги и ведетъ, придерживая крѣпко за плечи, ибо его такъ и шатаетъ въ разныя стороны. Все это онъ ощущаетъ сквозь сонъ. Потомъ, то же сквозь сонъ, онъ различаетъ теплящуюся передъ кіотой лампадку, ибо онъ приведенъ теперь въ спальню и маменька его раздѣваетъ, а голова его неодолимо стремится къ мягкой подушкѣ... Затѣмъ онъ ничего уже не видитъ, не слышитъ...

Онъ спитъ крѣпко и сладко... Но чтó это?!...

Восклицанія, шумъ, разговоръ, сопровождаемый какъ бы нѣкоей вознею...

Павля съ усиліемъ протираетъ глаза. При свѣтѣ лампадки, которая горитъ передъ „Божинькой", озаряя большую кровать, гдѣ почиваютъ вдвоемъ папенька съ маменькой, онъ примѣчаетъ, что здѣсь, дѣйствительно, происходитъ возня.

Возятся маменька съ папенькой. Сперва можно подумать, что они между собою балуются, но это не то.

Папенька, въ одномъ бѣльѣ и босой, сидитъ поперекъ кровати и что-то бормочетъ. При этомъ онъ дѣлаетъ головой и руками такія движенія, будто онъ сидитъ надъ водой и намѣренъ купаться. Маменька, въ чулкахъ и рубашкѣ, держитъ его руками за шею. Лампадка весьма явственно ихъ освѣщаетъ, и можно понять, что маменькѣ хочется, чтобы папенька легъ, а тотъ не желаетъ.

— Д-дай... мнѣ... нож-ж... — произноситъ медленно и съ тяжелымъ усиліемъ папенька.—Нож-жикъ... мнѣ... дай...

— Ложись, дуралей!

Головы обоихъ родителей вдругъ, въ одно мгновеніе ока, исчезаютъ изъ глазъ, т.-е. онѣ завалились между стѣной и подушками, и въ воздухѣ мелькаютъ только двѣ пары сплетшихся человѣческихъ ногъ: съ тощими, босыми подошвами—папенькины, и съ толстыми икрами, въ бѣлыхъ чулкахъ, принадлежащія маменькѣ. Эти четыре ноги безпрестанно мѣняютъ взаимныя свои сочетанія, въ судорожно-быстрыхъ движеніяхъ отражая разные моменты борьбы, происходящей въ пространствѣ между стѣной и изголовьемъ постели,—безмолвной, невидимой и сопровождаемой только сопѣньемъ и хрипомъ...

— Пус-сти...—раздается, погодя недолгое время, папенькинъ голосъ, глухо, чуть слышно, словно онъ, этотъ голосъ, идетъ издалека или даже откуда-то изъ нѣдръ преисподней.

— Лежи, пьяная рожа!!—свирѣпо отвѣчаетъ на это маменькинъ голосъ.

Наступаетъ глубокая пауза, причемъ обѣ пары родительскихъ ногъ застываютъ въ мертвомъ спокойствіи, какъ бы заключивъ между собой перемиріе. Тѣ, что въ чулкахъ, стискиваютъ въ крѣпкихъ объятіяхъ тѣ, отъ коихъ виднѣются лишь голыя и худыя подошвы... Но вдругъ сіи послѣднія дѣлаютъ энергическій взмахъ, вслѣдствіе коего ноги въ чулкахъ отлетаютъ стремительно въ сторону, а надъ изголовьемъ постели возникаетъ внезапно багровый, растрепанный, съ блуждающимъ взоромъ, папенькинъ обликъ.

— Зарѣж-ж...

Окончаніе страшнаго слова обрывается хлесткимъ звукомъ пощечины и восклицаніемъ маменьки:

— Вотъ же тебѣ, коли такъ!

— А-а... вотъ оно ка-акъ... Хо-ро-шо-о-о! — произноситъ протяжно и какъ бы съ почтительнымъ изумленіемъ папенька, дѣлаетъ глубокую паузу и вдругъ принимается плакать.

Павлѣ становится страшно, и онъ тоже принимается плакать. Ему жалко бѣднаго папеньку, но онъ не смѣетъ этого показать передъ маменькой, старается лежать смирно въ кроваткѣ и плакать тихонько. Папенька продолжаетъ заливаться слезами и, наконецъ, восклицаетъ среди горькихъ рыданій:

— Хоть бы ребенка-то... ребенка-то бы постыдилась!!

Больше онъ не произноситъ ни слова. Между родителями настаетъ тишина. Слышится только, какъ тяжко вздыхаетъ, отъ времени до времени, папенька... Павля, незамѣтно для себя самого, засыпаетъ.

. . . .

— ...И крапива теперь уже поспѣла... Можно завтра сварить зеленыя щи изъ крапивы... А? что ежели зеленыя щи?...

Павелъ Иванычъ поднимаетъ машинально глаза и видитъ передъ собой Клеопатру... Т.-е. онъ давно уже видитъ ее, вѣрнѣе, знаетъ и чувствуетъ, что она вотъ пришла и стоитъ передъ нимъ, въ полутьмѣ, въ пространствѣ полуотворенной двери, придерживаясь рукой за косякъ, и о чемъ-то толкуетъ ему, и онъ слышитъ ея монотонную рѣчь, только не знаетъ, чего она отъ него добивается, ибо духовными своими очами онъ слѣдитъ напряженно за Павлей. Но такъ какъ необходимо отвѣтить что-нибудь Клеопатрѣ, то онъ говоритъ наудачу:

— А! Ну, да, хорошо!

Салатъ еще дорогъ, бѣда! Приступу нѣтъ! — безнадежно машетъ рукой Клеопатра.

— Ну? Неужели?—спрашиваетъ съ принужденнымъ участіемъ Павелъ Иванычъ.—Гм... Это скверно.

Онъ уразумѣлъ, наконецъ, что Клеопатра обсуждаетъ завтрашнюю программу обѣда, и положеніе его, какъ хозяина, обязываетъ подать рѣшающій голосъ въ этомъ серьезномъ вопросѣ. Между тѣмъ ему хочется вернуться опять къ обществу Павли отъ коего Клеопатра отрываетъ его своимъ разговоромъ, и онъ, чтобы поскорѣе отъ нея отвязаться, произноситъ покорно:

— Ну, хорошо, зеленыя щи...

— А жаркое?—задаетъ новый вопросъ Клеопатра.

Павелъ Иванычъ молчитъ.

— Можетъ, телятину?

— Ахъ, все равно!—произноситъ, уже нѣсколько раздражительнымъ тономъ, Павелъ Иванычъ и машетъ рукой.

— Значитъ, телятину?

Павелъ Иванычъ безмолвствуетъ.

Клеопатра со вздохомъ отъ него отступается и уходитъ, бормоча:

— Все-то о маменькѣ думаете, все-то вы думаете... Эхъ-хе-хе! Эдакъ и съ ума сойти можно!

Клеопатра исчезла, и Павелъ Иванычъ возвращается вновь безпрепятственно къ своимъ прерваннымъ думамъ.

Воцаряется опять тишина, въ коей лишь четко и звонко раздается чиканье маятника. Отъ времени до времени слышится, какъ о чемъ то глубоко вздыхаетъ, сидя у себя, Клеопатра.

Часы пробили полночь. Павелъ Иванычъ задумчиво подымается съ кресла и подходитъ къ окну. Онъ стоитъ и смотритъ въ надворную темень. Нигдѣ не видно огня. Весь бурый домъ уже спитъ.

„Да, пора спать", рѣшаетъ самъ съ собой Павелъ Иванычъ, потомъ гаситъ лампу и удаляется въ спальню.

Онъ лежитъ на спинѣ, забросивъ обѣ руки себѣ подъ голову, и смотритъ въ пространство. Въ мерцаніи свѣчного огарка, въ старомъ мѣдномъ подсвѣчникѣ, поставленномъ на стулѣ у изголовья постели, по стѣнамъ рѣютъ и движутся черныя тѣни, въ видѣ неопредѣленныхъ фигуръ или пятенъ, а Павелъ Иванычъ пристально смотритъ на нихъ, и мнится ему, что онъ опять прежній Павля, а предъ нимъ шевелятся и ведутъ къ нему рѣчи ожившіе призраки безвозвратно исчезнувшихъ лицъ, кои нерушимо покоились въ темной дали давно отошедшихъ въ вѣчность годовъ...

VIII.

Совсѣмъ новое, не испытанное ранѣе до того состояніе, переживаетъ нынѣ Павелъ Иванычъ.

Внѣшній обиходъ его жизни остался все тотъ же. Въ опредѣленное время встаетъ онъ и пьетъ утренній чай, потомъ уходитъ на службу. Тамъ онъ сидитъ на обычномъ мѣстѣ своемъ, за столомъ между двухъ оконъ, и не торопливо работаетъ. Вокругъ него все по старому. Все прежнія, приглядѣвшіяся давнымъ-давно лица... Вонъ Трубадуровъ, Крупинкинъ, Данковъ и Пупковъ...

Передъ Павломъ Иванычемъ листъ писчей бумаги съ форменнымъ бланкомъ:

Министерство NN
Департаментъ Недодѣлокъ и Недомолвокъ
Отдѣленіе I.
Столъ I.
№ ...

Далѣе значится:

„Въ виду необходимости въ согласованіи съ наибольшею опредѣлительностью разъясненій, сообщенныхъ Министерствомъ X, за №№ 7608 и 10744...

Павелъ Иванычъ пристально смотритъ на ровныя, красивыя строчки, разбирая въ нихъ слово за словомъ, но затѣмъ зрачки его вдругъ приковались къ завитку одной буквы, и въ ту же минуту все остальное слилось въ нѣкое мутное, сплошное пятно.. Онъ дѣлаетъ надъ собою усиліе и, перескочивъ черезъ окончаніе фразы, принимается читать съ новой строки:

„Департаментъ Недодѣлокъ и Недомолвокъ, предварительно какихъ-либо распоряженій и впредь до разрѣшенія онаго предмета въ законодательномъ порядкѣ, настоящимъ отношеніемъ имѣетъ честь увѣдомить...“

Что, бишь, такое?.. О чемъ тутъ написано?..

Павелъ Иванычъ чувствуетъ, что у него въ головѣ какая-то каша, и онъ, чтобы привести свои мысли въ порядокъ, устремляетъ глаза на окно. Черезъ улицу виденъ край противоположнаго дома. Въ воздухѣ мелькаютъ снѣжинки. Совершенно все такъ, какъ тогда... Точь-въ-точь то же самое... Такой же мутный, сѣренькій день глядитъ въ глубь большой, о трехъ окнахъ, комнаты, съ свѣтлосиреневаго цвѣта стѣнами, увѣшанными ландкартами пяти частей свѣта, каѳедрой, черной доской въ углу и рядомъ длинныхъ партъ, унизанныхъ красными гимназическими воротниками... Это — четвертый классъ ***—ой петербургской гимназіи.

Въ воздухѣ висятъ жужжанье и гомонъ, несмотря на долженствующаго, съ минуты на минуту, прибыть преподавателя. Урокъ— одинъ изъ самыхъ невиннѣйшихъ—французскаго языка, на который почти никто не обращаетъ вниманія. Читаетъ его французъ Дюрà, называемый просто „Дыра“, а также еще „барабанщикъ“, и пользующійся общимъ пренебреженіемъ.

Времяпрепровожденіе учениковъ довольно разноообразное. Двa-три человѣка, заткнувъ уши пальцами и зажмурившись, съ большимъ ожесточеніемъ зубрятъ заданное къ сегодняшнему дню стихотвореніе, мѣрно раскачиваясь надъ раскрытою книгой Маргò:

Un pauvre petit grillon,
Caché dans l'herbe fleurie,
Régardait un papillon,
Voltigeant dans la prairie...

Вонъ, на краю первой скамейки, гдѣ возсѣдаютъ, такъ сказать, „сливки“ класса, первый ученикъ по всѣмъ предметамъ, Петя Лубковъ, съ самымъ сосредоточеннымъ выраженіемъ на своемъ скромненькомъ и хорошенькомъ личикѣ, дѣлаетъ гребенкой на головѣ проборъ, держа передъ глазами складное карманное зеркальце. Онъ всегда знаетъ отлично урокъ.

Въ другомъ концѣ класса, купеческій сынъ Глоткинъ, толстый и коренастый малый, съ одутловатыми щеками и льняного цвѣта волосами, занятъ самымъ невиннѣйшимъ дѣломъ: онъ второй уже день жуетъ „клячку“ и теперь, полузакрывъ оба глаза, съ свирѣпо-сосредоточеннымъ видомъ, работаетъ во весь махъ челюстями... Все окружающее для него вполнѣ безразлично.

Его сосѣдъ слѣва, тонкій и длинный, какъ хлыстъ, мальчуганъ съ копною огненно-рыжихъ волосъ, развалившись съ локтями на столѣ, тщательно вырѣзываетъ перочиннымъ ножомъ латинс кое S—начальную букву своей фамиліи—Скворешниковъ. Онъ всѣмъ помышленіемъ ушелъ въ свою работу, и все, чтó происходитъ вокругъ, для него, какъ и для Глоткипа—тоже вполнѣ безразлично.

Внезапно выскакиваетъ откуда-то изъ среднихъ рядовъ маленькій нѣмчикъ Фогельгезангъ и для увеселенія публики проходитъ колесомъ вдоль всего класса...

— Дыра!—возвѣщаетъ, появляясь изъ-за двери, стоявшій на стражѣ „махальный“ и ловко, какъ угорь, ныряетъ подъ ближайшую парту.

Вслѣдъ затѣмъ бомбой влетаетъ, съ журналомъ подъ мышкой, Дюра̀. Классъ, съ нарочитымъ шумомъ и шарканьемъ поднимается на ноги. Одна лишь „камчатка“, занятая своими дѣлами, остается спокойно на мѣстѣ, какъ будто ничего не бывало.

Глоткинъ поспѣшно выхватываетъ изо рта „клячку“ и мужественнымъ басомъ читаетъ молитву „Преблагій Господи“. Классъ съ прежнимъ шумомъ, усаживается. Урокъ начался

Дюрá— миніатюрный мужчина, лѣтъ сорока, съ физіономіей, напоминающей мопса, съ маленькими, выпученными и похожими на оловянныя пуговки, глазками, въ застегнутомъ наглухо вицмундирномъ фракѣ и съ черепаховымъ пенснэ на широкой лентѣ, которое онъ поминутно сдергиваетъ съ своего короткаго носа и стремительно опять надѣваетъ. Онъ живъ и подвиженъ, какъ ртуть.

Стоя за каѳедрой, откуда его совсѣмъ не видать, Дюра̀ дѣлаетъ перекличку, перевирая фамиліи, отмѣчаетъ отсутствующихъ и выскакиваетъ наружу. За каѳедрой онъ бываетъ не дольше секунды, чтобы поставить баллъ, и во все время урока снуетъ, какъ на угольяхъ. По временамъ, въ видѣ отдыха, онъ, привскочивъ, какъ резиновый мячикъ, усаживается на край какой-нибудь ближайшей парты и, поболтавъ съ полминуты ногами, быстро соскакиваетъ и принимается снова маячить.

— Qu avons nous aujourd'hui?—крикливо спрашиваетъ онъ у Лубкова, принимая отъ него книгу Маргò.

— „Le grillon“, m-r, — отвѣчаетъ ему, съ почтительнымъ поклономъ, Лубковъ.

Дюра̀ прислоняется къ каѳедрѣ и обводитъ глазами весь классъ, намѣчая себѣ жертву.

Тѣмъ временемъ смолкнувшіе было съ его прибытіемъ гулъ и гвалтъ возрасли постепенно до прежнихъ размѣровъ. Самое главное его средоточіе на двухъ заднихъ скамейкахъ—въ „камчаткѣ“. Тамъ „жмутъ масло“, о чемъ можно догадаться по трещанью партъ и неестественнымъ позамъ сидящихъ. Гдѣ-то слышна заунывная мелодія, извлекаемая игрою на стальныхъ перьяхъ, воткнутыхъ остріями въ планку стола и приводимыхъ концами пальцевъ въ дрожаніе... Большинство предается благодушной бесѣдѣ. Въ самомъ дальнемъ углу звучитъ согласнымъ дуэтомъ „Среди долины ровныя...“ Скворешниковъ, забывъ весь міръ, углубился въ отдѣлку лавроваго вѣнка къ своему вензелю...

Въ этомъ хаосѣ звуковъ раздается прерывисто голосъ чистенькаго Пети Лубкова, отвѣчающаго наизусть стихотвореніе. (Дюрà, успѣвъ намѣтить себѣ нѣсколько жертвъ, пока еще ихъ не тревожитъ, занявшись спрашиваньемъ лучшихъ учениковъ).

L'azur, le pourpre et l'or eclataient sur ses ailes;
Jeune, beau, petit-maitre, il court de fleurs en fleurs,
Prenant et quittant les plus belles,—

съ какимъ-то сладострастіемъ твердаго знанія, съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой, отчеканиваетъ Петя Лубковъ, вибрируя голосомъ и точно желая вскочить въ глаза стоящаго передъ нимъ преподавателя.

— А Дыра меня хочетъ спросить... Уставился!—замѣчаетъ съ тревогой одинъ изъ „камчадаловъ" другому.—Ты, смотри, не закрывай книгу-то, когда вызоветъ...

Вторая изъ заднихъ скамеекъ начинаетъ трещать такъ, что, кажется, вотъ-вотъ, разлетится на части...

— Позвольте выйти!—глухимъ голосомъ взываетъ отчаявшійся „камчадалъ", ибо Петя Лубковъ окончилъ отвѣчать и, съ тихимъ тріумфомъ, усѣлся на мѣсто.

Но „избіеніе младенцевъ" пока еще впереди. Дюрà перебираетъ первую скамейку. Спрашиванье прерывается грамматическими объясненіями. Французъ не жалѣетъ груди, стараясь преодолѣть всеобщій гвалтъ, но это ему не всегда удается...

— *Mon, ton, son,* s'emploient avec mots masculins... Voulez-vous taire!—надрываетъ Дюрà,—aulieu de *ma, ta, sa* il faut... Silence!.. il faut...

— Позвольте выйти!

Дюрà, прервавъ объясненіе, сдергиваетъ съ носа пенснэ, стремительно бросается на каѳедру и со всего плеча ударяетъ по ней кулакомъ.

— Diable m'importe! Мальчишки! Oh, sacr-r-recanailles!

На мгновеніе въ классѣ настаетъ тишина. Дюрà вздѣваетъ на носъ пенснэ и принимается за прерванное свое объясненіе. Постепенно голосъ его поднимается до тончайшаго визга, ибо смолкнувшій гамъ дошелъ до своей прежней силы.

— Le passé—imparfait indique en general une action, qui... taisez-vous!.. une action, qui... Diable!

Опять стремительный скачокъ за каѳедру, громоподобный ударъ кулакомъ и на минуту—безмолвіе.

— Gamins! Polissons!—оретъ Дюрà, весь буро-багровый, какъ клопъ.

Ругательствъ у него неистощимый запасъ и онъ распоряжается имъ съ величайшею щедростью. При этомъ онъ топаетъ ногами, сучитъ кулаками или вдругъ, подскочивъ къ крайнему въ „кам-

чаткѣ“ сидѣльцу, замахнется на него сдернутымъ съ носа пенснэ и въ бѣшенствѣ крикнетъ:

— У, ти!... Шортъ!!

А тотъ, лишь только французъ успѣлъ отвернуться, показываетъ ему въ спину языкъ.

— Voulez-vous rèpondre... Skvo-rech-ni-koff! — набрасывается внезапно Дюра́ на рыжаго гимназиста.

Скворешниковъ, застигнутый, сверхъ ожиданія, въ полномъ увлеченіи своимъ занятіемъ, приходитъ въ нѣкоторое затрудненіе, соображая, чего хотятъ отъ него.

Дюра́ стоитъ подлѣ него, весь пунцовый, и пожираетъ глазами.

Скворешниковъ лѣниво поднимается съ мѣста, съ выраженіемъ человѣка, неохотно склоняющагося на нѣкоторыя уступки.

— Eh bien! — настаиваетъ французъ.

Скворешниковъ бросаетъ окрестъ нерѣшительный взоръ, переступаетъ съ ноги на ногу, потомъ, тряхнувъ своей рыжей копною, храбро вдругъ произноситъ:

— „Юнь поваръ“...

И только. Затѣмъ наступаетъ внезапное и глубокое молчаніе.

— Qu'est-ce-que-ce „поваръ“? C'est un *cuisinier*, n'est-ce pas? — ехидно допытывается французъ. — Eh bien, дальше?

Но Скворешниковъ продолжаетъ сохранять упорное молчаніе, созерцая разсѣяннымъ взоромъ свой вензель.

Дюра́ взбѣгаетъ на каѳедру, распахиваетъ свирѣпо журналъ и „влѣпляетъ“ противъ фамиліи Скворешникова здоровеннѣйшій „колъ“.

Скворешниковъ усмѣхается небрежной усмѣшкой и, усѣвшись на мѣсто, погружается въ прерванную работу надъ вензелемъ.

Со Скворешникова начинается „избіеніе младенцевъ“. Дюра́ перетряхиваетъ „камчатку“, Происходитъ это такъ. Первый изъ вызванныхъ произноситъ нѣсколько членораздѣльныхъ звуковъ, сопитъ и умолкаетъ, словно зарѣзанный. Дюра́, подождавъ двѣ-три секунды, бѣжитъ на каѳедру и черкаетъ въ журналѣ перомъ. Слѣдующій по очереди повторяетъ дѣйствія своего предшественника, онъ тоже произноситъ нѣсколько членораздѣльныхъ звуковъ и тоже умолкаетъ безнадежно, послѣ чего Дюра́ опять бѣжитъ на каѳедру и черкаетъ въ журналѣ перомъ. И т. д. Въ концѣ концовъ, журналъ украшается правильнымъ столбикомъ жирныхъ „коловъ“.

Между тѣмъ Скорешникову становится скучно. Работа его совершенно закончена. Художественно-исполненная литера S не только окаймлена лавровымъ вѣнкомъ, но даже украшена сверху короной. Дѣлать болѣе уже рѣшительно нечего.

— Нѣтъ ли у тебя папироски?—толкаетъ онъ Глоткина въ бокъ.

Получивъ желаемое, онъ встаетъ, выжидаетъ моментъ тишины и звучнымъ голосомъ произноситъ:

— *Перметe муа де сортиръ*! (Единственная фраза, твердо усвоенная имъ изъ уроковъ французскаго языка).

Дюрá безмолвно показываетъ кулакъ.

— *Перметe муа де сортиръ*!—повторяетъ Скворешниковъ.

— Voulez-vous taire! Polisson!—визжитъ Дюрá.

— *Перметe муа де сортиръ*!—настаиваетъ мрачно Скворешниковъ.

— Tr-r-rente mille des diables! Coquin!

— *Перметe муа де сортиръ*! Барабанщикъ!

Дюрá извергаетъ проклятіе, бѣшенымъ звѣремъ подлетаетъ къ Скворешникову и схватываетъ его обѣими руками за шиворотъ.

Разыгрывается интересный спектакль, за коимъ слѣдитъ съ великимъ восторгомъ весь классъ.

Миніатюрный французикъ, пыхтя и задыхаясь отъ чрезвычайныхъ усилій, вытаскиваетъ изъ за скамейки Скворешникова и влечетъ его къ двери. Скворешниковъ упирается въ полъ, цѣпляется за столы, за стѣны, за каѳедру, наконецъ, даже падаетъ на полъ, но, тотчасъ же поднятый на ноги, дѣлаетъ вмѣстѣ съ Дюрá быстрый туръ вальса въ два пá... Все это происходитъ при полнѣйшемъ безмолвіи обоихъ противниковъ и единодушномъ хохотѣ зрителей. Кончается тѣмъ, что притащенный все-таки къ двери, Скворешниковъ турманомъ вылетаетъ изъ класса, а Дюрá, красный, потный, растрепанный и еле живой, заплетаясь ногами, приближается къ каѳедрѣ, валится изнеможенно на стулъ и, тяжело дыша, отдыхаетъ...

IX.

Не малое количество лѣтъ протекло уже съ тѣхъ поръ, но все это живо помнится Павлу Иванычу, будто случилось только на-дняхъ.

Теперь, проводя въ одиночествѣ свои вечера, онъ весь углубленъ въ воспоминанія минувшихъ событій. Никуда его не тянетъ идти, ему спокойно и пріятно со своими мыслями! Заложивъ руки за спину, шагаетъ онъ мѣрно взадъ и впередъ вдоль всей своей пустынной квартиры, и все вспоминаетъ, все вспоминаетъ... Устанетъ, присядетъ,—и опять вспоминаетъ...

Все вокругъ погружено въ сѣрыя сумерки, а въ дальнихъ углахъ уже стоитъ черный мракъ... Тишина... Но это не та жут-

кая, гнетущая до ощущенія неисходной тоски тишина послѣднихъ угрюмыхъ годовъ его жизни, глазъ-на-глазъ съ больной и раздражительной матерью, когда каждый шагъ, каждый малѣйшій поступокъ, чуть-ли даже не каждое его помышленіе были подавлены постояннымъ страхомъ отчета. Нынѣ онъ безмятежно проводитъ свой день и отходитъ ко сну, въ сознаніи полной свободы независимаго ни отъ кого человѣка, для коего нѣтъ нужды никому отвѣчать за свое поведеніе...

Да, онъ переживаетъ теперь совсѣмъ новую жизнь. Все, что было въ минувшемъ, оторвано отъ нея навсегда, какъ будто все это было не съ нимъ, а съ кѣмъ-то другимъ, очень близкимъ ему человѣкомъ. Разбирая архивъ своей памяти, никогда еще ранѣе имъ не тревожимый, оживляя въ мысляхъ то или другое событіе, онъ знаетъ, что все это навсегда похоронено въ прошломъ и не можетъ уже повториться. Есть великая сладость въ этихъ припоминаніяхъ безвозвратно минувшаго, — сладость, доселѣ еще имъ неизвѣданная, и вотъ почему Павелъ Иванычъ ощущаетъ себя совсѣмъ хорошо въ своемъ одиночествѣ, никого ему ровно не нужно, и онъ радъ, что ничто ему не мѣшаетъ.

Послышался слабый скрипъ половицы, и въ полусвѣтѣ отъ оконъ столовой обрисовалась длинная тѣнь Клеопатры.

— Баринъ, а баринъ!

— А? Что тебѣ? — пробуждаясь отъ своихъ размышленій, откликается изъ темноты Павелъ Иванычъ.

— Ишь, хоть глазъ выколи... — бормочетъ кухарка и, сдѣлавъ короткую паузу, спрашиваетъ:

— Не затопить-ли здѣсь печку?

Павелъ Иванычъ, въ теченіе немногихъ секундъ, обсуждаетъ про себя этотъ вопросъ и рѣшаетъ затѣмъ, что затопить, дѣйствительно, будетъ не дурно. Онъ отвѣчаетъ:

— Ну, хорошо, затопи.

Клеопатра уходитъ и опять возвращается, тяжело и осторожно ступая во мракѣ. Слышится грохотъ сваленной передъ печкой охапки полѣньевъ. Клеопатра принимается надъ ними возиться.

Павелъ Иванычъ внимательно слѣдитъ изъ своего уголка, какъ она зажигаетъ растопку и отправляетъ ее подъ наложенныя въ печкѣ дрова. Сидя на корточкахъ, она раздуваетъ огонь, короткими вспышками озаряющій раскраснѣвшееся лицо Клеопатры. Наконецъ, золотисто-багровая полоса отъ разгорѣвшихся дровъ протянулась по комнатѣ, отъ одного угла до другого, захвативъ противоположную стѣну, и Клеопатра, убѣдившись, что теперь все въ порядкѣ, подымается на ноги.

Во все это время между нею и ея господиномъ не промолвлено было ни слова.

*

Клеопатра уходитъ къ себѣ, испуская въ дверяхъ продолжительный вздохъ.

(„Все-то о маменькѣ думаетъ, все-то о маменькѣ думаетъ!“— таковыми словами долженъ объяснить себѣ этотъ вздохъ Павелъ Иванычъ).

Дрова горятъ бойко и дружно, весело шипя и пощелкивая. Павелъ Иванычъ придвигается къ нимъ вмѣстѣ съ кресломъ и весь погружается въ созерцаніе пламени.

. . . .

Огонь пожралъ все, что было ему предоставлено, изнемогъ и утихъ. Золотисто-алыя головни, что̀ красиво такъ рдѣли, изображая собою нѣкій сказочный за̀мокъ, лежатъ ужъ въ развалинахъ, мѣстами подернутыя сизоватымъ, пушистымъ налётомъ, а между ними мелькаютъ язычки синяго пламени...

Говорятъ, что въ нихъ заключается ядъ, — даромъ что они такіе красивенькіе!.. Они испускаютъ изъ себя нѣкій убійственный газъ, отъ коего человѣкъ задыхается и потомъ умираетъ. Это *угаръ*. Онъ сейчасъ не опасенъ, потому что весь уходитъ въ трубу. Но если закрыть ее раньше, чѣмъ нужно, то весь этотъ газъ войдетъ въ комнату и всѣхъ ихъ убьетъ: и папеньку съ маменькой, и его самого, и кухарку... Вотъ, что могутъ надѣлать эти синенькіе огоньки, которые такъ весело пляшутъ среди головешекъ... Вишь, подлые! Вотъ же вамъ, вотъ же вамъ, коли такъ!!

Онъ беретъ кочергу и жестоко колотитъ ею по угольямъ, наблюдая, какъ цѣлый снопъ искръ улетаетъ въ трубу. Въ то же самое время имъ овладѣваетъ новая мысль... Куда могутъ дѣваться всѣ эти искры? Вѣдь ихъ очень много! А что̀, если представить, что изъ всѣхъ рѣшительно печекъ, какія существуютъ на свѣтѣ, когда онѣ топятся, собрались эти искры и полетѣли разомъ всѣ въ воздухъ? Почему бы онѣ не могли спалить всю Россію, Францію, Англію и...

— Павля-я! — поражаетъ вдругъ его слухъ маменькинъ голосъ изъ отворенной двери въ сосѣднюю комнату.—Ты все еще возишься съ печкой? Когда же ты будешь уроки учить?

Конецъ его отдыху и вольнымъ, пріятнымъ мыслямъ!

Онъ, скрѣпя сердце, покидаетъ свое мѣсто у печки, гдѣ ему было такъ хорошо, въ темнотѣ, и робко вступаетъ въ освѣщенную комнату, которая слыветъ у папеньки и маменьки подъ названіемъ „гостиной“ и гдѣ они оба сидятъ постоянно.

Маменька, за столомъ, передъ сальною свѣчкой, работаетъ. Обыкновенно, въ рукахъ у нея круглая деревянная ложка, съ напяленной на ней дырявою пяткой чулка, который нужно заштопать. У стѣны, передъ столомъ, обтянутымъ закапанной чер-

нилами зеленой клеенкой, при огнѣ другой свѣчки, сидитъ за бумагами папенька. Видны только его спина и затылокъ, да локти, широко раскинутые по краю стола. Слышно скрипѣнье пера, которое медленно, но непрерывно, скользитъ по бумагѣ...

Маменька отрываетъ глаза отъ чулка и окидываетъ суровымъ взоромъ вошедшаго Павлю.

„Вотъ, вотъ, сейчасъ заругаетъ",—думаетъ мальчикъ.

Но маменька на этотъ разъ не произноситъ ни слова, только плотно сжимаетъ, въ ниточку, губы. Гроза миновала.

Павля осторожно, стараясь не произвести ни малѣйшаго шума, приноситъ свои книжки, тетрадку и стклянку съ чернилами, раскладываетъ это все на столѣ, подъ молчаливымъ наблюденіемъ маменьки, и принимается готовить уроки.

Тихо въ квартирѣ. Только и слышно, какъ скрипитъ перомъ своимъ папенька...

Михаилъ Альбовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

АРТИСТЫ, ПУБЛИКА И ТЕАТРЪ У А. Н. ОСТРОВСКАГО.

(Литературные матеріалы для исторіи русскаго общественнаго развитія въ XIX вѣкѣ).

I.

Припоминаете-ли вы 2-е явленіе II-го дѣйствія изъ комедіи Островскаго «Лѣсъ»?

Провинціальные актеры Несчастливцевъ и Счастливцевъ сходятся на перекресткѣ двухъ дорогъ въ лѣсу.

Несчастливцевъ (*мрачно*). Аркашка!

Счастливцевъ. Я, Геннадій Демьянычъ. Какъ есть весь тутъ.

Несчастливцевъ. Куда и откуда?

Счастливцевъ. Изъ Вологды въ Керчь-съ, Геннадій Демьянычъ. А вы-съ?

Несчастливцевъ. Изъ Керчи въ Вологду. Ты пѣшкомъ?

Счастливцевъ. На своихъ-съ, Генадій Демьянычъ (*полузаискивающимъ, полунасмѣшливымъ тономъ*). А вы-съ, Генадій Демьянычъ?

Несчастливцевъ (*густымъ басомъ*). Въ каретѣ (*грозно*). Развѣ не видишь? Что спрашиваешь? Оселъ!

Счастливцевъ (*робко*). Нѣтъ, я такъ-съ... *).

Вотъ они передъ нами, какъ живые, служители русскаго театра XIX столѣтія, увѣковѣченные въ нашей изящной литературѣ въ художественныхъ образахъ, созданныхъ геніемъ А. Н. Островскаго.

Услышавъ со сцены или прочитавъ только что приведенныя изъ комедіи «Лѣсъ» привѣтствія Несчастливцева и Счастливцева, зритель или читатель, знакомый уже съ этимъ произведеніемъ, невольно улыбается, предвкушая пріятную возможность еще разъ воскресить въ своей памяти чудныя, полныя жизни фигуры жрецовъ русской Мельпомены, со всѣми ихъ трагическими и комическими положеніями какъ на сценѣ, такъ и въ жизни.

Читателю, знакомому со всѣми остальными произведеніями, припоминаются, конечно, кромѣ комедіи «Лѣсъ», относящейся къ 1874

---

*) Выдержки сдѣланы по изданію девятому (Книжнаго магазина В. Думнова подъ фирмой наслѣдниковъ бр. Салаевыхъ). Москва, 1890 года.

году, и другія не менѣе извѣстныя комедіи и драмы Островскаго, въ которыхъ то главную, то второстепенную роль играютъ комедіанты, актеры и артисты. Это слѣдующія пьесы: «Комикъ XVII столѣтія» (1873 г.), «Безприданница» (1879 г.), «Таланты и поклонники» (1882 г.) и «Безъ вины виноватые» (1883 г.) *).

Въ этихъ немногихъ произведеніяхъ, впервые выводящихъ на русскую сцену ея представителей, нашимъ драматургомъ сдѣлана, однако, довольно полная и замѣчательно вѣрная характеристика положенія въ только что истекшемъ столѣтіи русскаго театра и его служителей, съ ихъ отношеніями къ обществу и отношеніями общества къ нимъ; а также, между прочимъ, намѣчены нѣкоторыя мысли о представляемыхъ обществомъ требованіяхъ къ театру и драмѣ и, болѣе или менѣе, идеальное положеніе русскаго артиста, какъ служителя сцены, какъ члена русскаго общества и какъ его виднаго дѣятеля.

Въ предлагаемомъ читателю очеркѣ мы постараемся выдѣлить и привести въ возможно стройную систему всѣ эти художественныя данныя произведеній Островскаго, разбросанныя въ пяти его пьесахъ и перемѣшанныя, какъ и въ дѣйствительной жизни, съ массой другихъ фактовъ и отношеній общечеловѣческихъ. Эти данныя, какъ мы увидимъ, представляютъ большой интересъ и имѣютъ для насъ очень важное значеніе, такъ какъ являются результатомъ наблюдательности и соображеній такого талантливаго художника, какимъ былъ Островскій, который, кромѣ того, былъ большимъ знатокомъ русскаго театральнаго дѣла со всѣми его сложными деталями. И будучи страстнымъ любителемъ театральнаго міра въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, онъ въ то же время прекрасно сознавалъ всѣ его недостатки и тонко понималъ, что́ именно необходимо и желательно для самой сцены, для ея представителей и служителей и для зрителей.

Его завѣтной мечтой было служеніе русскому театральному дѣлу въ самомъ театрѣ, мечтой, осуществившейся, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно, такъ какъ смерть похитила «искусства славнаго работника и сына» какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ получилъ возможность начать организацію этого дорогого для него дѣла.

«Закрылись и твои пытующія очи,
«Порвалась вѣщихъ думъ сверкающая нить.
«Со взоромъ, какъ звѣзда, горѣвшимъ въ мракѣ ночи,
«Съ рукой простертою, чтобъ говорить,
«Съ поднятой высоко и гордо головою,
«Съ привѣтомъ свѣтлому, грядущему труду,
«Ты палъ, какъ падаетъ боецъ, грядущій къ бою,
«Какъ падаетъ орелъ, сраженный на лету...» **).

---

*) Обратите вниманіе на года. Всѣ пять пьесъ появились въ теченіе 12 лѣтъ, слѣдовательно, писались нѣсколько дольше и въ различные періоды жизни автора.

**) «Театральный мірокъ» 1886 г. 14 іюня.

Но онъ оставилъ намъ свои завѣты, планы и мечты и нашей лучшей благодарностью за все наслажденіе, которое доставляли и доставляютъ намъ его произведенія будетъ нашъ искренній и серьезный *интересъ къ той сторонѣ нашей общественной жизни,* которой онъ посвятилъ всю свою жизнь и какъ драматургъ, и какъ театральный дѣятель.

Познакомимся же съ изображеннымъ имъ оригинальнымъ царствомъ поддѣльныхъ и искреннихъ смѣха и слезъ, царствомъ, обладающимъ, какъ магнитъ для желѣза, какой-то особенной притягательной силой, которая влечетъ насъ къ нему.

II.

Въ названныхъ выше пяти пьесахъ Островскаго мы можемъ познакомиться почти со всѣми главными дѣйствующими лицами русской провинціальной труппы. Мы говоримъ—провинціальной потому, что у Островскаго выведены только провинціальные артисты, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что характеристика провинціальныхъ артистовъ не имѣетъ никакого отношенія къ артистамъ столичнымъ. Конечно, столичная сцена идетъ быстрѣе впередъ въ своемъ развитіи, чѣмъ провинціальная, и разница между ними бываетъ очень велика, но, во всякомъ случаѣ, то, что переживаетъ въ извѣстный моментъ провинціальная сцена, было пережито нѣсколькими десятками лѣтъ раньше и столичной.

Кромѣ того, столичная сцена, и особенно казенная, въ матеріальномъ отношеніи находится въ совершенно иныхъ условіяхъ, такъ что и это обстоятельство играетъ очень важную роль въ организаціи этихъ учрежденій. А частная столичная сцена во многомъ сходна съ провинціальной, изъ которой, главнымъ образомъ, и пополняетъ свои ряды.

Въ силу тѣхъ же матеріальныхъ обстоятельствъ провинціальная труппа немногочисленна, и въ ней чуть ли не каждый артистъ бываетъ вынужденъ исполнять всѣ роли, какія, за недостаткомъ необходимыхъ силъ, понадобятся по пьесѣ. Но, во всякомъ случаѣ, наиболѣе характерными чертами отличаются главныя дѣйствующія лица: трагикъ, комикъ и любовникъ.

Между артистками никакой группировки сдѣлано быть не можетъ, такъ какъ тамъ главную роль съ одной стороны играетъ возрастъ исполнительницъ, а съ другой стороны—индивидуальность каждой артистки.

На ряду съ артистами, Островскимъ не забыты и главные административно-служебные члены театральнаго міра—антрепренеръ и режиссеръ.

На первомъ планѣ стоятъ, конечно, наиболѣе рельефные и наиболѣе

типичные представители сцены—трагикъ и комикъ и въ ихъ характеристикахъ мы найдемъ больше всего матеріала для общей картины русской провинціальной сцены. Это, такъ сказать, члены каждой труппы, безъ которыхъ она не можетъ существовать.

Трагикъ представленъ у Островскаго въ трехъ дополняющихъ другъ друга портретахъ: это Геннадій Демьянычъ Гурмыжскій-Несчастливцевъ (въ комедіи «Лѣсъ»), трагикъ Эрастъ Громиловъ (въ комедіи «Таланты и Поклонники») и Бичевкинъ въ разсказѣ Аркашки (также въ комедіи «Лѣсъ»).

Посмотрите на любого изъ нихъ. Что за величественная осанка! Какая гордая фигура! Какая важная поступь! Вы сразу, по одному только внѣшнему виду, чувствуете, что имѣете дѣло съ олицетвореніемъ и воплощеніемъ великой героической силы и великихъ героическихъ страстей.

«Характеръ, братецъ! Знаешь ты меня: левъ вѣдь я», разсказываетъ своему товарищу Несчастливцевъ. «Подлости не люблю, вотъ мое несчастіе». («Лѣсъ»).

А вотъ послушайте дальше, съ одной стороны его собственный разсказъ Аркашкѣ о своей игрѣ на сценѣ, а съ другой стороны разсказъ Аркашки объ игрѣ трагика Бичевкина. Вы, навѣрное, умилитесь и придете въ восторгъ отъ одного только представленія объ этихъ колоссальныхъ успѣхахъ въ созданіи трагическихъ характеровъ. Вотъ эта неподражаемая сцена.

Несчастливцевъ. Да, братъ Аркадій, разбился я съ театромъ; а ужъ и жаль теперь! Какъ я игралъ! Боже мой, какъ я игралъ!

Счастливцевъ. Очень хорошо-съ?

Несчастливцевъ. Да такъ-то хорошо, что... Да что съ тобой толковать. Что ты понимаешь? Въ послѣдній разъ, въ Лебедяни, игралъ я Велизарія; самъ Николай Хрисанфычъ Рыбаковъ смотрѣлъ. Кончилъ я послѣднюю сцену, выхожу за кулисы, Николай Рыбаковъ тутъ. Положилъ онъ мнѣ такъ руку на плечо... *(съ силой опускаетъ руку на плечо Счастливцева).*

Счастливцевъ *(присѣдая отъ удара).* Ой, Геннадій Демьянычъ, батюшка, помилосердуйте! Не убивайте! Ей-Богу, боюсь!

Несчастливцевъ. Ничего, ничего, братъ; я легонько, только примѣръ... *(опять кладетъ руку).*

Счастливцевъ. Ей-Богу, боюсь! Пустите! Меня, вѣдь, ужъ разъ такъ-то убили совсѣмъ до смерти.

Несчастливцевъ *(беретъ его за воротъ и держитъ).* Кто? Какъ?

Счастливцевъ. Бичевкинъ. Онъ Ляпунова игралъ, а я Фидлера-съ. Еще на репетиціи онъ все примѣривался. «Я, говоритъ, Аркашка, тебя вотъ какъ за окно выкину; этой рукой за воротъ подниму, а этой поддержу, такъ и высажу. Такъ, говоритъ, Каратыгинъ дѣлалъ.» Ужъ я его молилъ, молилъ и на колѣняхъ стоялъ. «Дяденька, говорю,

не убейте меня». «Не бойся, говоритъ, Аркашка, не бойся». Пришелъ спектакль; подходитъ наша сцена; публика его принимаетъ; гляжу, губы у него трясутся, щеки трясутся, глаза налились кровью. «Постелите», говоритъ, «этому дураку подъ окномъ что-нибудь, чтобы я въ самомъ дѣлѣ его не убилъ». Ну, вижу, конецъ мой приходитъ. Какъ я пробормоталъ сцену—ужъ не помню; подходитъ онъ ко мнѣ, лица человѣческаго нѣтъ, звѣрь-звѣремъ; взялъ меня лѣвой рукой за воротъ, поднялъ на воздухъ, а правой какъ размахнется, да кулакомъ по затылку какъ хватитъ... Свѣта я не взвидѣлъ, Геннадій Демьянычъ; сажени три отъ окна-то летѣлъ, въ женскую уборную дверь прошибъ. Хорошо трагикамъ-то! Его тридцать разъ за эту сцену вызывали, публика чуть театръ не разломала, а я на всю жизнь калѣкой могъ быть; немножко Богъ помиловалъ... Пустите, Геннадій Демьянычъ!

Несчастливцевъ *(держитъ его за воротъ)*. Эффектно! Надо это запомнить. *(Подумавъ)*. Постой-ка. Какъ ты говоришь? Я попробую.

Счастливцевъ *(падая на колѣни)*. Батюшка, Геннадій Демьянычъ!..

Несчастливцевъ *(выпускаетъ его)*. Ну, не надо, убирайся! Въ другой разъ... Такъ вотъ, положилъ онъ мнѣ руку на плечо. «Ты, говоритъ... да я, говоритъ... умремъ», говоритъ... *(Закрываетъ лицо и плачетъ, отирая слезы)*. Лестно!

Сообразно съ такой игрой у трагиковъ и сложились всѣ ихъ убѣжденія и весь ихъ характеръ до самаго простого обращенія или вопроса къ пріятелю. Вотъ, напримѣръ, взглядъ трагика на свое искусство, на вопросъ о томъ, кто пригоденъ для такой глубокой драматической игры. Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о выборѣ драматической актрисы. Несчастливцевъ объясняетъ Счастливцеву: «Да понимаешь ли ты, что такое драматическая актриса? Знаешь ли ты, Аркашка, какую актрису мнѣ нужно? Душа мнѣ, братецъ, нужна, жизнь, огонь.»

Счастливцевъ. Ну, ужъ огня-то, Геннадій Демьянычъ, днемъ съ огнемъ не найдешь.

Несчастливцевъ. Ты у меня не смѣй острить, когда я серьезно разговариваю. У васъ, водевильныхъ актеровъ, только смѣхъ на умѣ, а чувства ни на грошъ. Бросится женщина въ омутъ головой отъ любви—вотъ актриса. Да чтобъ я самъ видѣлъ, а то не повѣрю! Вытащу изъ омута, тогда повѣрю!

И далѣе, когда онъ дѣйствительно находитъ дѣвушку, собравшуюся покончить съ собой, и когда она скромно отказывается своей неопытностью отъ предложенія Несчастливцева поступить въ актрисы, онъ говоритъ ей: «Ты ничего не знаешь? Нѣтъ, дитя мое, ты знаешь больше другихъ; ты знаешь бури, знаешь страсти—и довольно!»

Въ соотвѣтствіе такимъ требованіямъ, предъявленнымъ ими самими къ драматическому искусству, у трагиковъ выработался свой оригинальный взглядъ и на другія амплуа, который, несмотря на ихъ лучшія товарищескія отношенія между сослуживцами, иногда коробитъ нашъ слухъ своей рѣзкостью и нетерпимостью.

Вотъ, возьмемъ такой, напримѣръ, случай: на вопросъ Аркашки: «Да на что вамъ фракъ?»—Несчастливцевъ отвѣчаетъ: «Какъ ты еще глупъ, Аркашка, какъ погляжу я на тебя! Ну, приду я теперь въ Кострому, въ Ярославль, въ Вологду, въ Тверь, поступлю въ труппу, долженъ я къ губернатору явиться, къ полицеймейстеру, по городу визиты сдѣлать. Комики визитовъ не дѣлаютъ, потому что они шуты, а трагики — люди, братецъ.»

Впрочемъ шутами, не только по мнѣнію Несчастливцева, а по мнѣнію и другихъ лицъ, и лицъ болѣе компетентныхъ, оказываются и другіе актеры, какъ увидимъ ниже.

Такое, какъ приведенное выше, геройское настроеніе и такія высокія, какъ воображали сами трагики, требованія, предъявляемыя ими къ искусству, какъ-то, помимо ихъ собственной воли, убѣждаютъ ихъ въ возвышенности ихъ чувствъ, ихъ природы вообще, и вотъ они впадаютъ въ фанатическую экзальтацію при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ.

По поводу нѣсколькихъ ласковыхъ (да и то нельзя сказать, чтобы особенно ласковыхъ) словъ, сказанныхъ теткой, Геннадій Демьянычъ впадаетъ уже въ умиленіе и сентиментальничаніе: «Садъ, природа, зелень, уединеніе! Это рай для души моей!» (Ком. «Лѣсъ», д. III, явл. 7).

И это напущенное нѣжничанье отчасти не совсѣмъ безпричинно— оно имѣетъ свое основаніе въ воспоминаніяхъ о далекомъ прошломъ, о его молодости и связано съ размышленіями о старости, о близкой, можетъ быть, смерти: «Навѣстить родные кусты, вспомнить дни глупаго дѣтства, безпечной юности... Кто знаетъ, придется ли еще разъ предъ вратами вѣчности...» (ком. «Лѣсъ», д. III, явл. 3). Но разъ трагикъ попалъ на такой сентиментальный, меланхолическій тонъ, то онъ дѣлается нѣжнымъ, какъ воскъ подъ лучами солнца, и душа его размякаетъ, такъ что онъ начинаетъ уже нести самую безсмысленную, высокопарную околесицу, набранную имъ изъ различныхъ ролей слезливыхъ драматическихъ произведеній конца прошлаго и начала настоящаго столѣтія.

Нельзя не вспомнить безъ смѣха его бесѣду съ теткой Раисой Павловной (Гурмыжской), глупой, жадной, и безсердечной женщиной.

Гурмыжская. Не думаешь ли ты, что стѣснишь меня? Напротивъ, я была бы очень рада (чтобы ты погостилъ).

Несчастливцевъ. Благородная женщина! Не расторгай напрасно передо мною сокровищъ твоего сердца. Мой путь тернистъ, но я не сойду съ него.

Гурмыжская. Какъ хочешь, мой другъ. Я думала, что тебѣ будетъ здѣсь покойнѣе.

Несчастливцевъ. Мой покой въ могилѣ. Здѣсь рай, я его не стою. Благодарю, благодарю! Душа моя полна благодарностью, полна любви

къ вамъ! Грудь моя полна теплыхъ слезъ! *(утираетъ слезы)*. Довольно милостей, довольно ласкъ! Я сдѣлаюсь идолопоклонникомъ, я буду молиться на тебя *(закрываетъ лицо руками и уходитъ)* («Лѣсъ», д. III, явл. 11).

Прекраснымъ дополненіемъ къ этой сценѣ можетъ служить и списокъ имущества трагика. Обратите вниманіе на его багажъ. «Я послѣ бенефиса,—говоритъ Несчастливцевъ Аркашкѣ,—много платья сдѣлалъ. Складная шляпа, братецъ; два парика; пистолетъ тутъ у меня хорошій, у черкеса въ карты выигралъ въ Пятигорскѣ. Замокъ попорченъ; когда-нибудь, когда въ Тулѣ буду, починить прикажу. Жаль, фрака нѣтъ; былъ фракъ, да я его въ Кишиневѣ на костюмъ Гамлета вымѣнялъ».

Какъ видите, и тутъ та же страсть къ различнымъ искусственнымъ эффектамъ и желаніе порисоваться; онъ няньчится и съ никуда негоднымъ пистолетомъ, непремѣнной бутафорской принадлежностью драмы и трагедіи, и заботится о складной шляпѣ и фракѣ, чтобы показать себя «человѣкомъ» и только благодаря болѣе сильной страсти къ искусству, къ эффектамъ сценичнымъ, которые для него все-таки дороже не-сценическихъ эффектовъ, онъ рѣшается обмѣнять фракъ на костюмъ Гамлета.

Да вѣдь и стоитъ обмѣнять, вѣдь Гамлетъ—коронная роль всѣхъ трагиковъ. Что же стоитъ фракъ передъ костюмомъ Гамлета? Ничего.

Послѣ этихъ сценъ никому не покажется удивительнымъ все фразерство трагиковъ, которымъ они переполняютъ свои рѣчи и настраиваютъ свои чувства. Во всемъ этомъ трагизмѣ Несчастливцевыхъ, Громиловыхъ, Бичевкиныхъ и другихъ вы чувствуете только пародію на настоящій трагизмъ, это какой-то комическій трагизмъ, годный для сатирической или юмористической пародіи на трагедію.

Но при всѣхъ этихъ наносныхъ изъ театральнаго же репертуара внѣшнихъ чертахъ характера героевъ, съ которыми актеры-трагики совершенно сроднились и которыя для нихъ сдѣлались ихъ личными, собственными чертами, къ нимъ изъ тѣхъ же драматическихъ произведеній перешли нѣкоторыя достоинства и лучшія нравственныя качества героевъ, какъ, напримѣръ, благородство, прямота, любовь къ своему дѣлу, служеніе долгу, защита угнетаемыхъ и т. д. Припомнимъ благородный поступокъ Геннадія Демьяныча съ несчастной Аксюшей, которой онъ отдаетъ свои послѣднія деньги и самъ остается, какъ прежде, голъ, какъ соколъ.

И, далѣе, полный сознанія исполненнаго долга, онъ гордо бросаетъ жестокія укоризны людямъ, оскорбившимъ его, воспитанное на благородныхъ герояхъ драматической литературы, гуманное и полное любви къ ближнему чувство. Слѣдующая рѣчь его вполнѣ искренна и настолько правдива и справедлива, что вы слушаете ее уже сочувственно и даже съ волненіемъ, забывъ о риторическихъ эффектахъ предыдущихъ рѣчей его.

Несчастливцевъ. Аркадій, насъ гонятъ. И въ самомъ дѣлѣ, братъ Аркадій, зачѣмъ мы зашли, какъ мы попали въ этотъ лѣсъ. въ этотъ сыръ дремучій боръ? Зачѣмъ мы, братецъ, спугнули совъ и филиновъ? Что имъ мѣшать? Пусть ихъ живутъ, какъ имъ хочется. Тутъ все въ порядкѣ, братецъ, какъ въ лѣсу быть слѣдуетъ. Старухи выходятъ замужъ за гимназистовъ, молодыя дѣвушки топятся отъ горькаго житья у своихъ родныхъ: лѣсъ, братецъ.

И когда Гурмыжская презрительно бросаетъ ему въ лицо оскорбительное, ставшее на руси браннымъ, прозваніе «комедіанты», то вы, навѣрно, согласитесь съ мнѣніемъ Геннадія Демьяныча, понимающаго превосходство этихъ «комедіантовъ»—не признанныхъ членовъ общества—передъ его дѣйствительными и почетными членами, которые для того, чтобы получить это право на почетъ, большею частью, только и сдѣлали то, что дали себѣ трудъ родиться. И вы уже не назовете фразерствомъ его отвѣтъ своимъ оскорбителямъ:

«Несчастливцевъ. Комедіанты? Нѣтъ, мы артисты, благородные артисты, а комедіанты—вы. Мы коли любимъ, такъ ужъ любимъ; коли не любимъ, такъ ссоримся и деремся; коли помогаемъ, такъ ужъ послѣднимъ трудовымъ грошомъ. А вы? Вы всю жизнь толкуете о благѣ общества, о любви къ человѣчеству. А что вы сдѣлали? Кого накормили? Кого утѣшили? Вы тѣшите только самихъ себя, самихъ себя забавляете. Вы комедіанты, шуты, а не мы. Когда у меня деньги, я кормлю на свой счетъ двухъ, трехъ такихъ мерзавцевъ, какъ Аркашка, а родная тетка тяготилась прокормить меня два дня. Дѣвушка бѣжитъ топиться: кто ее толкаетъ въ воду? Тетка. Кто спасаетъ? Актеръ Несчастливцевъ. «Люди, люди! порожденіе крокодиловъ! Ваши слезы—вода! Ваши сердца—твердый булатъ! Поцѣлуи—кинжалы въ грудь. Львы и леопарды питаютъ дѣтей своихъ, хищные враны заботятся о птенцахъ, а она, она! Это ли любовь за любовь? О, если бы я могъ быть гіеною! О, если-бы я могъ остервенить противъ этого адскаго поколѣнія всѣхъ обитателей лѣсовъ.» *).

Но, какъ видите, и тутъ сказался истинный русскій трагикъ—Геннадій Демьянычъ не выдержалъ до конца своего собственнаго искренняго тона и заключилъ свою рѣчь монологомъ изъ «Разбойниковъ» Шиллера, который кстати пришелся какъ нельзя больше у мѣста для этихъ почтенныхъ обитателей лѣса, такъ какъ произвелъ на нихъ такое сильное впечатлѣніе, что одинъ изъ присутствующихъ захотѣлъ за эти слова притянуть Несчастливцева къ отвѣту, а другой, болѣе рьяный, предложилъ: «Да просто къ становому. Мы всѣ свидѣтели»! И Несчастливцевъ могъ вполнѣ удовлетворить свое оскорбленное самолюбіе еще одной злой насмѣшкой надъ обитателями «лѣса».

«Несчастливцевъ. Меня? (къ становому). Ошибаешься. (*Вынимаетъ*

*) Изъ «Разбойниковъ» Шиллера, д. I, сц. II.

пьесу Шиллера «Разбойники» и показываетъ ее одному изъ присутствующихъ). Цензуровано. Смотри! Одобряется къ представленію. Ахъ, ты, злокачественный мужчина! Гдѣ же тебѣ со мной разговаривать? Я чувствую и говорю, какъ Шиллеръ, а ты, какъ подъячій! Ну, довольно! Въ дорогу, Аркашка!.. Руку товарищъ»!

III.

Полный контрастъ артистамъ-трагикамъ представляютъ комики. Это одинъ изъ оригинальнѣйшихъ типовъ въ русской жизни. Онъ соединилъ въ себѣ черты и древне-русскихъ скомороховъ—разудалыхъ, веселыхъ, порой циничныхъ и грубыхъ, и присоединилъ къ нимъ черты русскаго сказочнаго Иванушки-Дурачка—добраго, никогда не унывающаго малаго, и русскаго легендарнаго чорта-простака, надъ которымъ всѣ потѣшаются. Кромѣ того, въ немъ можно найти нѣкоторыя черты, общія съ западными шутами—«гансвурстомъ» и «пикельгерингомъ». Какъ это случилось, мы укажемъ нѣсколько далѣе, а теперь познакомимся съ характеристикой этого представителя смѣха и сатиры у нашего драматурга.

У Островскаго онъ является въ трехъ комедіяхъ: въ комедіи «Лѣсъ» и «Безприданница» въ лицѣ комика Аркашки Счастливцева и въ комедіи «Безъ вины виноватые» въ лицѣ комика Шмаги.

Какъ типы трагиковъ у Островскаго дополняютъ другъ друга, такъ и изображенія этихъ комиковъ какъ-то невольно сливаются въ одинъ образъ, въ одинъ типъ.

Какъ мы уже сказали, этотъ типъ представляетъ полную противоположность трагику во всѣхъ отношеніяхъ. Причинъ этого, собственно говоря, двѣ. Одна—та, что въ комики идутъ люди ужъ отъ природы разудалые и безшабашные, которыхъ такъ много на Руси, другая—та, что они такъ пришлись къ этой средѣ, такъ быстро акклиматизировались въ ней, что, кажется, они всегда были въ ней. При этомъ они, прежде всего, заражаются всѣми недостатками этой среды и дѣлаются главными ихъ хранителями.

А до чего они способны и годны для подобной акклиматизаціи, можно судить по ихъ, какъ выражается Аркашка, способности «обдерживаться», какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Вотъ, напримѣръ, Счастливцевъ разсказываетъ:

«Я, Геннадій Демьянычъ, обдержался-съ. Въ дальнюю дорогу точно трудно-съ; такъ, вѣдь, кто на что, а голь на выдумки. Везли меня въ Архангельскъ, такъ въ большой коверъ закатывали. Привезутъ на станцію, раскатаютъ, а въ повозку садиться—опять закатаютъ».

Несчастливцевъ. Тепло?

Счастливцевъ. Ничего, доѣхалъ съ; а много больше тридцати градусовъ было. Зимняя дорога-то. Двиной, между береговъ-то тяга; вѣтеръ-то съ сѣвера, встрѣчу. (Ком. «Лѣсъ», д. II, явл. 2).

Разстояніе для нихъ тоже не играетъ роли; тотъ же Аркашка для путешествія пѣшкомъ разстояніе отъ Керчи до Ставрополя или Тифлиса не считаетъ далекимъ.

Этой выносливости — обдержанности — въ физическомъ отношеніи соотвѣтствуетъ обдержанность въ нравственномъ отношеніи.

Незнамовъ говоритъ о Шмагѣ:

«...Его, конечно, нельзя считать образцомъ нравственности; онъ не задумается за грошъ продать лучшаго своего друга и благодѣтеля; но, вѣдь, сколько мнѣ извѣстно, многіе артисты не лишены этой слабости. Зато онъ имѣетъ и неоцѣнимыя достоинства; онъ не зябнетъ въ легкомъ пальто въ трескучіе морозы, онъ не жалуется на голодъ, когда ему ѣсть нечего, онъ не сердится, когда его ругаютъ и даже бьютъ. То-есть, онъ, можетъ быть, въ душѣ и сердится, но ничѣмъ своего гнѣва не обнаруживаетъ». («Безъ вины виноватые»).

Вотъ почему ту «душу», которую трагикъ считаетъ насущной необходимостью для артиста, комикъ считаетъ совершенно лишней. Шмага въ бесѣдѣ со своимъ товарищемъ такъ высказывается: «Ну, душа-то для актера, пожалуй, и лишнее».

И когда его собратъ по искусству пытается возразить: «Для комика—это такъ, но есть и другія амплуа», то Шмага прехладнокровно ставитъ ему въ примѣръ его-же самаго: «Да вотъ ты каждый день любовниковъ играешь, каждый день въ любви объясняешься—много-ль у тебя ея, души-то?»

А это отсутствіе «души» служитъ характернымъ признакомъ довольно сомнительной нравственности. Комикъ, какъ говоритъ Незнамовъ, и товарища не задумается выдать или продать, а, играя на бильярдѣ съ трактирнымъ половымъ, выигрывая, беретъ деньги, а проигрывая, не отдаетъ и даже не постѣснится заняться, какъ выражается Несчастливцевъ, «стяжаніемъ» чужой собственности. Неудивительно, что такое поведеніе, если оно еще и могло быть терпимо до поры до времени въ свободной театральной средѣ, положительно не терпимо во всякой другой, и врядъ ли является большимъ преувеличеніемъ въ практикѣ нашей провинціальной административной жизни слѣдующій фактъ, разсказанный Несчастливцевымъ о томъ, какъ Аркашку Счастливцева выгоняли изъ города за его продѣлки.

Несчастливцевъ. Три раза тебя (Аркашку) выбивали изъ города: въ одну заставу выгонятъ, ты войдешь въ другую. Наконецъ, ужъ губернаторъ вышелъ изъ терпѣнія: «Стрѣляйте его» говоритъ, «въ мою голову, если онъ еще воротится». ...Стрѣлять не стрѣляли, а четыре версты казаки нагайками гнали.

И на это Аркашка только и можетъ возразить: «Совсѣмъ и не четыре».

Поэтому Несчастливцевъ не даромъ дѣлаетъ слѣдующую, очень остроумную характеристику комика: «Ну, Аркашка, у тебя не только фигура, а и душа холопская».

Онъ, какъ и всѣ артисты и закулисные завсегдатаи, относится къ комику съ полнымъ презрѣніемъ и на каждомъ шагу осаживаетъ его и оскорбляетъ иногда очень больно, чего онъ никогда не позволитъ себѣ по отношенію къ другимъ артистамъ. Такое неуваженіе къ личности комика, помимо его нравственной пошлости и отсутствія самолюбія, еще связано съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ большинствѣ случаевъ, комикъ больше исполняетъ свою роль въ жизни, потѣшая публику мѣткими словечками, зубоскальствомъ и кривляньемъ, а на сценѣ его комизмъ или превращается въ каррикатуру и шутовство или же изо всего его комизма ничего комическаго не выходитъ. Не даромъ Незнамовъ называетъ Шмагу злодѣемъ на сценѣ.

Незнамовъ. Вотъ, рекомендую! Артистъ Шмага! Комикъ въ жизни и злодѣй на сценѣ. Вы не подумайте, что онъ играетъ злодѣевъ; нѣтъ, это не его амплуа. Онъ играетъ всякія роли и даже благородныхъ отцовъ, но онъ всетаки злодѣй для пьесы, въ которой играетъ.

IV.

Въ менѣе опредѣленныя формы вылились образы другихъ представителей сцены, и такъ какъ намъ придется еще разъ вернуться къ нимъ, то мы пока перейдемъ къ представительницамъ драматическаго искусства.

Какой-либо особенной группировки ихъ, какъ у артистовъ, по амплуа, дѣлать не приходится, такъ какъ и въ дѣйствительности ихъ амплуа играли почти до сихъ поръ очень незначительную роль.

Артистки, обладающія большими талантами или пользующіяся большой протекціей, исполняютъ первыя роли, а остальныя прозябаютъ на второстепенныхъ. Такое общее (можетъ быть, нѣсколько рѣзкое, но въ главныхъ своихъ чертахъ вѣрное) заключеніе можно сдѣлать по тѣмъ четыремъ типамъ артистокъ, которыя выведены Островскимъ въ его комедіяхъ. Это Нѣгина и Смѣльская въ комедіи «Таланты и поклонники» и Кручинина и Коринкина въ комедіи «Безъ вины виноватые».

Въ силу двухъ вышеназванныхъ условій (талантъ и протекція) превосходства и первенства на сценѣ, жизнь артистки принимаетъ тѣ или другія формы, съ которыми связаны соотвѣтствующія отношенія и въ своей артистической средѣ, и въ общественной жизни.

А такъ какъ всѣ эти отношенія являются въ жизни артистки главными двигателями, главными рычагами, отъ которыхъ зависятъ ея и нравственные, и матеріальные успѣхи на сценическомъ поприщѣ, то и намъ вмѣстѣ съ драматургомъ придется обратить особенное вниманіе на закулисную жизнь артистокъ.

Изъ названныхъ нами четырехъ артистокъ—двѣ, Нѣгина и Кручинина, относятся къ первой категоріи — артистокъ съ талантомъ, а

другія двѣ—Смѣльская и Коринкина—ко второй—артистокъ, обладающихъ тоже талантомъ привлекать къ себѣ, какъ говоритъ Дулебовъ, избранную публику, именно покровителей-поклонниковъ. Эти послѣднія, отличаясь посредственными, а можетъ быть, и еще меньшими способностями къ игрѣ, отличаются зато другими, не менѣе для нихъ важными, данными—интересной наружностью, большой смѣлостью, свободнымъ обращеніемъ, кокетствомъ и покладистыми нравственными убѣжденіями. Для нихъ не столь дорого служеніе искусству само по себѣ, какъ удовлетвореніе глубокой, внутренней потребности, которая не даетъ человѣку покоя, которая мучаетъ и терзаетъ его, какъ самая сильная жажда или голодъ, пока онъ не добьется своего настоящаго пути на жизненномъ поприщѣ—для этихъ артистокъ важна и привлекательна другая сторона драматическаго искусства—сторона внѣшняя, именно тѣ успѣхи, которые выпадаютъ на долю артистовъ у публики, тѣ оглушительные аплодисменты, которые дурманятъ своимъ внѣшнимъ блескомъ и громомъ самолюбивые и властолюбивые, до болѣзненности, замыслы и мечты натуръ, или чѣмъ-нибудь униженныхъ и оскорбленныхъ въ обыденной жизни, или же такихъ натуръ, которыя, въ силу рано развившейся фантазіи о всемъ великомъ и прекрасномъ, воображаютъ себя геніями и существами чуть ли не сверхъестественными.

Въ этихъ лицахъ, несомнѣнно, есть задатки артистическаго творчества, но задатки слишкомъ грубые, не обработанные, требующіе продолжительной общей и спеціальной школы и большой выдержки и силы характера. Между тѣмъ у нихъ жажда быстрыхъ и громкихъ успѣховъ преобладаетъ надъ всѣми ихъ качествами и мѣшаетъ даже ихъ способности разобраться въ своихъ данныхъ для этого рода дѣятельности. А совѣты однихъ, сочувственно относящихся къ данному лицу, и другихъ, противодѣйствующихъ ему, въ большинствѣ случаевъ, только разжигаютъ молодыя нетерпѣливыя сердца, которыя спѣшатъ, безъ всякой надобности, броситься на сцену и... превращаются въ посредственности.

Тогда изъ всѣхъ способностей выступаютъ на первый планъ оскорбленное самолюбіе, зависть и ревность, которыя влекутъ за собой интригу, низводящую эту посредственность до ничтожества. Тутъ-то, если подобная артистка обладаетъ болѣе или менѣе привлекательной наружностью и умѣетъ найти практическое примѣненіе этому таланту—къ ея услугамъ является цѣлый рой поклонниковъ, которые такъ и прожужжатъ всѣ уши льстивыми дифирамбами о божественной, неподражаемой игрѣ, о дивныхъ пластическихъ жестахъ, о блескѣ чудныхъ глазъ и т. д. и т. д.

И дѣло сдѣлано. Протекція какого нибудь вліятельнаго въ закулисномъ мірѣ лица заставляетъ игнорировать и недовольство сотоварищей, и холодность публики.

Артистка торжествуетъ, свысока смотритъ на своихъ менѣе счастливыхъ сотоварокъ и ревностно оберегаетъ свое положеніе. Она должна постоянно находиться на-сторожѣ, въ ожиданіи соперницы, которая всегда можетъ, совершенно неожиданно, появиться на горизонтѣ и смутить, обыкновенно недолговременный и непрочный, покой торжествующей побѣдительницы.

Въ концѣ концовъ, она прекрасно понимаетъ, что́ именно дало ей такое положеніе и какія средства при этомъ были пущены въ ходъ, она сознаетъ ихъ непрочность, но теперь уже поздно начинать учиться, и первая талантливая или болѣе интересная и молодая примадонна свергаетъ старую съ ея пьедестала. Занявъ первенствующее мѣсто, она предоставляетъ первой уже удовлетворяться второстепенными ролями со штатомъ поклонниковъ второго сорта, а затѣмъ не такъ далеко уже и до амплуа благородныхъ и неблагородныхъ старухъ, съ ихъ безсильной злобой на весь міръ въ ихъ закулисныхъ сплетняхъ и пересудахъ и съ ихъ хвастливыми воспоминаніями о прежнихъ временахъ, полныхъ грандіозныхъ успѣховъ, небывалыхъ овацій и роя знатныхъ и богатыхъ поклонниковъ, сыпавшихъ деньгами и подарками...

Понятно, что эти превращенія дѣлаются постепенно и сопровождаются упорной борьбой, которая дѣлаетъ изъ борцовъ все болѣе и болѣе озлобленныхъ интриганокъ.

У Островскаго схвачены два момента изъ жизни подобной артистки— Смѣльская въ комедіи «Таланты и поклонники»—въ тотъ моментъ, когда она только еще обращается къ протекціи покровителей, а Коринкина въ комедіи «Безъ вины виноватые» изображена въ самый разгаръ борьбы за сохраненіе своего положенія, когда соперницей является талантливая Кручинина. Какъ хорошо схваченъ и развитъ Островскимъ планъ и тонъ интриги, которою Коринкина хочетъ опутать и погубить Кручинину. Какъ ловко она втягиваетъ въ свои сѣти и своихъ сотоварищей по искусству, и своихъ пока еще вѣрныхъ поклонниковъ.

V.

Поклонники вообще играютъ въ жизни артистки очень важную роль. Это не та большая публика, которая болѣе или менѣе безпристрастно относится къ исполнителямъ драматическихъ произведеній, которыя она пришла посмотрѣть, и которая, во всякомъ случаѣ, не подкуплена близкими отношеніями и симпатіями къ служителямъ сцены. Это весьма небольшая часть публики, но часть очень существенная. Ее можно было бы назвать головою этого своеобразнаго существа, называемаго массою, толпой, публикой; но, съ одной стороны, это было бы несправедливо, такъ какъ для того, чтобы быть головой, поклонники слишкомъ пошлы и односторонни въ своемъ пристрастіи

къ артисткамъ, а съ другой стороны,—это показалось бы обидно для большой публики, которая такимъ образомъ оказалась бы какимъ-то существомъ безъ головы. Впрочемъ, о публикѣ у насъ рѣчь еще будетъ впереди, а пока вернемся къ поклонникамъ, которые, все же, составляютъ очень существенную часть публики не по тому одобренію или молчанію, которымъ они критикуютъ игру исполнителей, но по тѣмъ своимъ закулиснымъ отношеніямъ, которыя оказываютъ сильное вліяніе на положеніе ихъ любимцевъ и особенно любимицъ.

Какими мотивами управляются поступки и отношенія поклонниковъ къ представительницамъ драматическаго искусства—это прекрасно охарактеризовано Островскимъ, прежде всего, въ типахъ гг. Дулебова, Бакина, Великатова. Эта компанія изъ комедіи «Таланты и поклонники» даетъ наиболѣе типичныхъ представителей большинства всѣхъ поклонниковъ представителей искусства.

Первое почетное мѣсто между ними занимаетъ важный баринъ, князь Дулебовъ. Этого почтеннаго поклонника прекрасно описываетъ его пріятель Бакинъ, разсказывая въ своей компаніи о ссорѣ Дулебова сь Нѣгиной: «Это человѣкъ въ высшей степени почтенный, это нашъ Аристархъ, душа нашего общества, человѣкъ съ большимъ вкусомъ, умѣющій хорошо пожить, человѣкъ, любящій искусство и тонко его понимающій, покровитель всѣхъ художниковъ, артистовъ, а преимущественно артистокъ... И этотъ, господа, почтеннѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ и отличный семьянинъ пожелалъ осчастливить своей благосклонностью дѣвушку и именно Нѣгину. Что тутъ дурного, я васъ спрашиваю? Онъ очень учтиво говоритъ ей: «Хотите, душенька, идти ко мнѣ на содержаніе?» А она изволила обидѣться и расплакаться».

Изъ этихъ словъ Бакина видно, что Дулебовъ вовсе не поклонникъ драматическаго искусства, да и не личность этой представительницы искусства, не ея игра ему нравится, врядъ ли онъ даже поклонникъ красоты—это просто циничный поклонникъ разврата и кутежа. Для такихъ господъ не существуетъ искусства безъ соблазнительнаго женскаго тѣла, безъ смазливенькой физіономіи, безъ задорнаго кокетства женщины уже падшей. А цѣломудренная женщина, особенно таковая же артистка, прельщаетъ господъ Дулебовыхъ, конечно, уже не какими бы то ни было своими достоинствами, а просто раздражаетъ своимъ упорствомъ чувственность этихъ меценатовъ-циниковъ.

Съ внѣшней стороны, однако, это отнюдь не замѣтно, и насъ можно даже упрекнуть въ пристрастіи. Дѣйствительно, съ какимъ, подумаешь, благороднымъ сочувствіемъ относится Дулебовъ къ маленькѣ привлекательной для него артистки, по поводу ея жалобъ на плохія матеріальныя обстоятельства.

Домна Пантелѣевна жалуется: «Бенефисты очень плохіе беремъ».

Дулебовъ совѣтуетъ: «А кто виноватъ? Чтобы брать большіе бене-

фисы нужно знакомство хорошее, нужно умѣть его выбрать, умѣть обходиться. Я могу вамъ назвать лицъ десять, которыхъ нужно привлечь на свою сторону; вотъ и великолѣпные бенефисы будутъ и призы, и подарки. Это дѣло простое, давно всѣмъ извѣстное. Нужно принимать у себя порядочныхъ людей»... («Таланты и поклонники»)—и въ отвѣтъ на жалобу Домны Пантелѣевны на публику, онъ развиваетъ теорію благороднаго меценатства:

«Публику винить нельзя, публика никогда виновата не бываетъ; это тоже общественное мнѣніе, а на него жаловаться смѣшно. Надо умѣть заслужить любовь публики. Надо, чтобы постоянно окружала вашу дочь богатая молодежь, ну, а главными-то, собственно, ея друзьями были бы мы, солидные люди. Всѣ мы цѣлый день заняты, кто семейными и хозяйственными дѣлами, кто общественными; у насъ свободны только нѣсколько часовъ вечеромъ; гдѣ же удобнѣе, какъ не у молодой актрисы, отдохнуть, такъ сказать, отъ бремени заботъ, одному— хозяйственныхъ, а другому—о ввѣренномъ его управленію районѣ».

А вотъ, кстати, образчикъ того, какъ нѣжно ластится старый сатиръ къ нашей героинѣ, какъ сладко распѣваетъ свои соблазнительныя пѣсенки.

Дулебовъ. Я человѣкъ деликатный, я никогда никого не оскорблю, я извѣстенъ своей деликатностью. Я бы никогда не посмѣлъ осуждать вашу квартиру, еслибъ не имѣлъ въ виду... Вотъ видите ли, мое божество, я человѣкъ очень добрый, нѣжный — это тоже всѣмъ извѣстно. Я, не смотря на свои лѣта, до сихъ поръ сохранилъ всю свѣжесть чувства... я еще до сихъ поръ могу увлекаться, какъ юноша... Развѣ вы не замѣчаете? Я люблю васъ... Лелѣять васъ, баловать было бы для меня наслажденіемъ, это моя потребность; у меня очень много нѣжности въ душѣ, мнѣ нужно ласкать кого-нибудь, я безъ этого не могу. Ну, подойдите ко мнѣ, мой птенчикъ!

Но вотъ молодая хозяйка вздумала обидѣться на оскорбительныя для дѣвушки заигрыванія, и посмотрите, какъ нашъ герой преобразился: «Потише, потише, пожалуйста! Вы еще молоды, чтобы такъ разговаривать.»

И на слова молодой дѣвушки, взволнованной этимъ замѣчаніемъ: «Вотъ это мило! «Вы еще молоды». Значитъ, молодыхъ можно обижать сколько угодно, и они должны молчать!»

Дулебовъ (уже съ полнымъ сознаніемъ собственныхъ достоинствъ и превосходства, отвѣчаетъ ей): Да какая тутъ обида? Въ чемъ обида? Дѣло самое обыкновенное. Вы не знаете ни жизни, ни порядочнаго общества, и осмѣливаетесь осуждать почтеннаго человѣка. Что вы въ самомъ дѣлѣ! Вы меня обижаете.

И г. Дулебовъ пользуется возможностью прочесть подходящее къ случаю нравоученіе.

Дулебовъ. На все есть приличная форма, сударыня! Въ васъ со-

всѣмъ нѣтъ благовоспитанности; не нравится вамъ мое предложеніе, вы должны были все-таки поблагодарить меня и высказать ваше нежеланіе учтиво какъ-нибудь, на шутки свести.

И мы можемъ, только такъ, между прочимъ, для заключенія характеристики этого поклонника искусства, напомнить нашимъ читателямъ о дальнѣйшемъ поведеніи Дулебова и о событіяхъ, связанныхъ съ этимъ объясненіемъ съ молодой артисткой. Дулебовъ со злости на Нѣгину отправляется къ антрепренеру и категорически заявляетъ ему: «Нѣгина намъ не годится, говорю я вамъ. Вы обязаны угождать благородной публикѣ, свѣтской, а не райку. Ну, а намъ она не по вкусу, слишкомъ проста, ни манеръ, ни тону...»

Антрепренеръ, послѣ недолгихъ возраженій и колебаній предъ авторитетнымъ мнѣніемъ мецената, рѣшаетъ отказаться отъ контракта съ Нѣгиной на слѣдующій сезонъ.

И такъ, вы видите, насколько значеніе поклонниковъ не маловажно въ жизни артистовъ, особенно молодыхъ.

Другой представитель поклонниковъ — это молодой человѣкъ Григорій Антоновичъ Бакинъ. Этотъ иного полета, чѣмъ князь Дулебовъ. Онъ, какъ говорится, изъ молодыхъ, да ранній. Чиновникъ-карьеристъ, дерзко-самоувѣренный въ себѣ, онъ и въ свои отношенія къ искусству, если только можно такъ назвать эти отношенія, внесъ чиновническую замашку сухого, черстваго отношенія къ людямъ. Его отлично характеризуетъ бесѣда съ Дулебовымъ, у котораго съ внѣшней стороны всегда изысканныя, рыцарскія замашки. Бакинъ говоратъ ему: «Ухаживать, любезничать, воскрешать времена рыцарства — ужъ это не много ли чести для нашихъ дамъ?»

Дулебовъ. У всякаго свой взглядъ.

Бакинъ. Мнѣ кажется, очень довольно такой деклараціи: «я вотъ таковъ, какъ вы меня видите, предлагаю вамъ то-то и то-то; угодно вамъ любить меня?»

Дулебовъ. Да вѣдь это оскорбительно.

Бакинъ. А ужъ это ихъ дѣло, оскорбляться или нѣтъ. По крайней мѣрѣ, я не обманываю; вѣдь не могу же я при такомъ количествѣ дѣлъ заниматься любовью серьезно; зачѣмъ же я буду притворяться влюбленнымъ, вводить въ заблужденіе, возбуждать, можетъ быть, какія-нибудь несбыточныя надежды? То ли дѣло договоръ.

И, дѣйствительно, во всѣхъ отношеніяхъ къ молодымъ артисткамъ Бакинъ ставитъ своимъ девизомъ «смѣлость»; «смѣлость, говорятъ, города беретъ», ссылается онъ на народную мудрусть. Но не было ли бы правильнѣе и справедливѣе назвать его девизъ и его поведеніе «нахальствомъ».

Нечего говорить, что какихъ-нибудь человѣческихъ отношеній у такихъ господъ и быть не можетъ. Поэтому, пожалуй, много симпа-

тичнѣе ихъ окажется третій видъ поклонниковъ, представителемъ которыхъ является практикъ и дѣлецъ Великатовъ.

О немъ можно судить по слѣдующему его разговору съ Мелузовымъ. Великатовъ говоритъ: «Насъ проза жизни одолѣла. И радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ».

И на вопросъ Мелузова: «Какіе же грѣхи за вами водятся?»

Великатовъ объясняетъ: «Тяжкіе. Практическія соображенія, матеріальные разсчеты — вотъ наши грѣхи. Постоянно вращаешься въ сферѣ возможнаго, достижимаго; ну, душа-то и мельчаетъ, ужъ высокихъ, благородныхъ замысловъ и не приходитъ въ голову».

Мелузовъ. Да что вы называете благородными замыслами?

Великатовъ. А такіе замыслы, въ которыхъ очень много благородства и очень мало шансовъ на успѣхъ.

Но при всей этой дѣловитости чувство не совсѣмъ заглохло въ немъ. Онъ искренне увлекся Нѣгиной. Полюбилъ не только ея тѣло, но и ея душу, ея игру и хотя предлагаетъ ей связать съ нимъ свою судьбу не посредствомъ брака, но даетъ на послѣдній надежду въ будущемъ, а главное, онъ не только не связываетъ ея свободы въ ея страсти къ искусству, но обѣщаетъ ей даже все устроить такъ, чтобы она была въ этомъ отношеніи совершенно удовлетворена.

Для доказательства этого вспомнимъ нѣкоторыя мѣста изъ его письма къ Нѣгиной: «Я полюбилъ васъ съ перваго взгляда. Видѣть и слышать васъ для меня невыразимое наслажденіе. Счастье мое, о которомъ я мечтаю, вотъ какое: въ моей усадьбѣ есть молодая хозяйка, которой всѣ поклоняются, начиная съ меня. Такъ проходитъ лѣто. Осенью мы съ ней ѣдемъ въ одинъ изъ южныхъ городовъ; она выступаетъ на сцену въ театрѣ, который совершенно зависитъ отъ меня, выступаетъ съ полнымъ блескомъ: я наслаждаюсь, я горжусь ея успѣхами. О дальнѣйшемъ не мечтаю; поживемъ, увидимъ?..» Такимъ образомъ въ этомъ поклонникѣ, еще не отрѣшившемся отъ стариннаго предразсудка, въ силу котораго онъ боится сдѣлать своей женой актрису, мы уже видимъ очень симпатичную черту — уваженіе къ искусству и даже желаніе содѣйствовать развитію этого таланта. Такъ что, можно сказать, Великатовъ уже болѣе, чѣмъ на половину принадлежитъ къ другой группѣ поклонниковъ, именно поклонниковъ искусства и таланта, а не животной страсти.

Но что же это еще за поклонники искусства и талантовъ? Это большею частью тѣ молодые люди, которыхъ господа Дулебовы, Бакины и компанія высокомѣрно презираютъ, изрѣдка то снисходительно, то съ неудовольствіемъ поглядывая съ своихъ мѣстъ на этихъ, хотя и не опасныхъ, соперниковъ, но во всякомъ случаѣ награждающихъ аплодисментами артистовъ, не тѣхъ именно, которымъ протежируютъ поклонники, сидящіе въ первыхъ рядахъ креселъ. Объ этихъ-то поклонникахъ князь Дулебовъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ сказалъ Домнѣ

Пантелѣевнѣ: «Какая публика? Гимназисты, семинаристы, лавочники, мелкіе чиновники. Они рады руки себѣ отхлопать, по десяти разъ вызываютъ Нѣгину, а ужъ вѣдь онъ, каналья, лишняго гроша не заплатитъ». А кто же не знаетъ, что эти младшіе и мелкіе члены театральной залы и есть истинные поклонники театра, которыхъ артисты должны были бы любить больше всего за ихъ искреннее, глубокое увлеченіе хорошей игрой артиста, вѣрно передающаго идеи и типы, созданные драматургомъ, и которые въ то же время безпристрастно замалчиваютъ отсутствіе способностей у артистовъ, названныхъ Незнамовымъ очень остроумно «злодѣями» для пьесъ, ими исполняемыхъ.

Эта мелкая публика, которая, дѣйствительно, оказываетъ плохую матеріальную поддержку артисту въ бенефисы, воспринимаетъ его игру непосредственнымъ чувствомъ и, не ожидая отзывовъ критиковъ, немедленно выражаетъ свое одобреніе. Въ своей горячности она очень часто даже является въ данномъ случаѣ большимъ благодѣтелемъ, лишая ихъ возможности видѣть важныя, неподвижныя, безстрастныя фигуры поклонниковъ перваго ранга.

Изъ числа послѣднихъ развѣ только немногіе постоянные посѣтители послѣ многочисленной практики вырабатываютъ въ себѣ оригинальную способность судить о самой техникѣ исполненія чисто съ внѣшней стороны, подобно тому, какъ многіе любители церковнаго пѣнія приходятъ въ восторгъ отъ различныхъ хоровыхъ эффектовъ пѣвчихъ безъ всякой мысли о связи этихъ эффектовъ съ внутреннимъ смысломъ и значеніемъ самихъ пѣснопѣній. Такіе недостатки нашей публики зависятъ, конечно, отъ того, что русское общественное мнѣніе находится еще на первоначальныхъ ступеняхъ своего развитія, что вкусы общества еще далеко не доразвились до правильнаго пониманія и оцѣнки драматическихъ произведеній (и ихъ исполненія), такъ какъ они представляютъ болѣе сложное явленіе области литературныхъ твореній, чѣмъ всѣ произведенія не драматическія.

Сжатая форма, тонкое психологическое строеніе и другія условія всякой драмы требуютъ болѣе высокаго развитія человѣка, довольно сильно развитую способность къ психологическому анализу и правильное пониманіе задачъ драматическаго искусства, которыя особенно вырабатываются путемъ обмѣна мыслей, путемъ споровъ и тому подобныхъ средствъ, которыя у насъ еще въ обиходѣ во времена молодости и которыя быстро испаряются, какъ только наша жизнь начинаетъ ограничиваться узкими рамками службы, клубными развлеченіями въ видѣ болтовни и картъ и т. д.

VI.

Что касается всей остальной труппы, то въ виду того, что изъ нея нельзя выдѣлить, какъ и въ дѣйствительной жизни, отдѣльные, болѣе

или менѣе самостоятельные, типы, мы ограничимся общей картиной быта артистовъ,—картиной, которая нарисована въ комедіяхъ Островскаго очень яркими чертами и подчеркиваетъ наиболѣе существенные факты изъ закулисной, домашней и общественной жизни этихъ дѣятелей. Относительно ихъ образованія и сценическихъ способностей намъ много говорить не приходится, такъ какъ въ общемъ у большинства они очень слабы.

Но нельзя не привести преинтересную сцену изъ комедіи «Безъ вины виноватые», между меценатомъ Дудукинымъ и артистомъ Миловзоровымъ, прекрасно иллюстрирующую болѣе, чѣмъ недалекое, образованіе русскихъ артистовъ.

Миловзоровъ. Со мной, Нилъ Стратоновичъ, актрисѣ легко играть. У меня жару много.

Дудукинъ. Жару? Однако, ты вчера раза два такъ совралъ, что чудо.

Миловзоровъ. Ахъ, Нилъ, я горячъ, заторопился, ну, невольно съ языка сорвется.

Дудукинъ. А какъ ты иностранныя слова произносишь? Ужъ Богъ тебя знаетъ, что у тебя выходитъ!

Миловзоровъ. Роли плохо переписываютъ. Да для кого, Нилъ, стараться? Ну, хорошо, ты понимаешь, а другіе-то! Имъ что ни скажи, все равно. Вѣдь, у насъ какая публика?

Дудукинъ. Ну, ужъ за то кто понимаетъ, такъ даже въ изумленіе приходитъ. Думаешь: Боже Ты мой милостивый, откуда только онъ беретъ такія слова! Вѣдь, развѣ только въ ирокезскомъ языкѣ такіе звуки найти можно. Ты, пожалуйста, не обижайся.

Миловзоровъ. Ну, вотъ еще! Ты, Нилъ, правъ: не ты одинъ, и другіе мнѣ тоже говорили; да знаешь, жалованье небольшое, такъ не стоитъ очень стараться то («Безъ вины виноватые»).

И поэтому не только переходы изъ одного амплуа въ другое представляютъ самое заурядное явленіе, но оказывается, что практика выработала даже совершенно особенную градацію или, своего рода, служебную лѣстницу, въ этомъ своеобразномъ царствѣ, но лѣстницу, также какъ и все прочее въ этомъ мірѣ, не похожую на другія служебныя лѣстницы. И тутъ не такъ, какъ у всѣхъ добрыхъ людей. А именно: служебная лѣстница чиновника ведетъ его, обыкновенно, вверхъ, а служебная лѣстница большинства артистовъ ведетъ ихъ внизъ. Вотъ, напримѣръ, нашъ хорошій знакомый, Аркашка. Несчастливцевъ вспоминаетъ, что онъ когда-то видѣлъ его въ другихъ роляхъ, и спрашиваетъ:

«Ты тогда любовниковъ игралъ: что же ты, братецъ, послѣ дѣлалъ?»

И Аркашка разсказываетъ свою дальнѣйшую судьбу:

«Послѣ я въ комики перешелъ-съ... Изъ комиковъ то я въ суфлеры-съ. Каково это для человѣка съ возвышенной душой-то, Геннадій Демьянычъ? Въ суфлеры-съ!»...

Геннадій Демьянычъ съ глубокимъ вздохомъ о неизбѣжной, грозящей всѣмъ дѣйствительно ужасной участи превращенія изъ артиста-художника въ подпольную живую шпаргалку, восклицаетъ: «Всѣ тамъ будемъ, братъ Аркадій!»

А, вѣдь, Аркашку Счастливцева можно, пожалуй, назвать однимъ изъ наиболѣе счастливыхъ, такъ какъ ему впослѣдствіи (какъ узнаемъ изъ комедіи «Безприданница») удалось еще изъ суфлеровъ снова вынырнуть въ оперетку; другимъ и этого не удается и послѣ суфлеровъ артистъ, обыкновенно, кончаетъ свою карьеру, такъ какъ пристрастіе къ вину, безпорядочная жизнь, кутежи, безсонныя ночи рано ихъ старятъ и рано сводятъ въ могилу.

Между тѣмъ этотъ ужасный образъ жизни оказывается для артистовъ какой-то обязанностью и даже священнымъ долгомъ, безъ котораго артистъ не артистъ.

Вѣдь, какая-нибудь Кручинина въ комедіи «Безъ вины виноватые»— ничто иное какъ исключеніе, а настоящимъ правиломъ для всѣхъ театральныхъ дѣятелей можно смѣло считать слова Аркашки, прекрасно опредѣляющаго свое матеріальное благосостояніе: «У меня и съ роду много-то денегъ не бывало, а теперь копѣйки за душой нѣтъ».

Но русскій артистъ этимъ мало смущается. Тотъ же Аркашка, напримѣръ, находитъ, что безъ денегъ даже лучше: «Не ограбятъ», говоритъ онъ.

И на удивленіе Несчастливцева: «Какъ же въ дорогу безъ денегъ-то? Безъ табаку и безъ денегъ! Чудакъ!»

Аркашка, какъ философъ Діогенъ, совершенно спокойно и просто заявляетъ: «Да развѣ не все равно безъ денегъ-то, что на мѣстѣ сидѣть, что по дорогѣ идти?»

Въ дополненіе къ этимъ художественнымъ даннымъ о матерьяльной необезпеченности русскихъ артистовъ, не мѣшаетъ напомнить всѣмъ намъ хорошо знакомыя и по наши дни хожденія господъ артистовъ по шпаламъ желѣзнодорожныхъ путей изъ одного города въ другой послѣ вѣчныхъ неудачныхъ дѣлъ, обмановъ антрепренеровъ, бѣгства кассировъ и т. д.

И какой горечью въ сердцѣ отзываются—и наивный восторгъ, и слѣдующія рѣчи бездомнаго какъ неимущаго за душой ни копѣйки несчастнаго Счастливцева, такъ и осчастливленнаго тысячью рублей Несчастливцева: «Ахъ, безподобно! Ужъ какъ я комфортъ люблю, кабы вы знали!» говоритъ Аркашка, узнавъ, что его товарищъ получилъ 1.000 руб.

А Несчастливцевъ еще мечтаетъ и дразнитъ Аркашку самыми заманчивыми и соблазнительными картинами: «Сдѣлаютъ намъ выгодныя предложенія, такъ мы съ тобой примемъ, будемъ играть, а нѣтъ, такъ и не надо. Поѣдемъ въ Нижній на ярмарку за бенефисомъ; да бене-

фисъ, чтобы въ началѣ августа, а въ сентябрѣ, шалишь, не возьму! Покутимъ, братецъ!»

Счастливцевъ. И ужъ товарища вамъ лучше меня не найти: я знаете, я—Геннадій Демьянычъ, рожденъ для такой жизни. А бѣдность что! Въ бѣдности-то всякій жить умѣетъ; нѣтъ, ты умѣй прожить деньги съ эффектомъ; тутъ много ума нужно.

Или еще далѣе какъ больно звучитъ это дѣтски-наивное хвастовство Аркашки Счастливцева: «Вотъ жизнь, Геннадій Демьянычъ! Вотъ это я понимаю. А это что: пѣшкомъ... Самъ себя презираешь. Не знаю какъ вы, а я презираю такую жизнь. Я всегда за богатыхъ людей. Кто шампанское пьетъ, хорошія сигары куритъ, тотъ и человѣкъ, а остальное—ничтожество. Такъ, вѣдь, Геннадій Демьянычъ?»

Не удивительно, что уже въ силу этой одной необезпеченности, по выраженію Несчастливцева, русскіе артисты бродятъ по Россіи изъ театра въ театръ, «какъ цыгане».

Нечего говорить, что это бродяжничество и цыганскій образъ жизни только развиваетъ и соотвѣтствующія этому образу жизни наклонности, тѣмъ болѣе, что много приходится видѣть этимъ невольнымъ путешественникамъ и многими привычками невольно заражаться въ различныхъ слояхъ общества и въ различныхъ странахъ нашего обширнаго отечества. И вотъ изъ нихъ вырабатываются прежде всего горчайшіе пьяницы.

Вспомнимъ только, напримѣръ, трагика съ его циничной простотой, который на любезное и даже ласковое угощеніе купца рѣзко и грубо отвѣчаетъ: «Не проси, и такъ выпью. Къ чему много словъ: «покорнѣйше прошу, пожалуйте!» скажи: «пей!» Видишь, какъ просто—всего только одно слово, а какая мысль глубокая» («Таланты и поклонники»).

Вспомнимъ комиковъ Шмагу, Аркашку и, наконецъ, талантливаго Незнамова, всѣхъ ихъ постигаетъ одна и та же участь.

Эти непріятныя черты актерской компаніи, очевидно, далеко не случайно сосредоточены Островскимъ, главнымъ образомъ, въ лицѣ хорошо извѣстныхъ намъ комиковъ.

Послушайте, напримѣръ, слѣдующія слова Аркашки Счастливцева (онъ же Робинзонъ): «Пьянъ! Развѣ я на это жалуюсь когда-нибудь? Кабы пьянъ, это бы прелесть что такое—лучше бы и желать ничего нельзя. Я съ этимъ добрымъ намѣреніемъ ѣхалъ сюда, да съ этимъ намѣреніемъ и на свѣтѣ живу. Это цѣль моей жизни».

Такова же философія и другого артиста-комика Шмаги: «Убѣжденія у меня есть твердыя. Вчера у меня, сверхъ ожиданія, деньги завелись, такъ, бѣшенныя, съ вѣтру... Мое убѣжденіе такое, что надо ихъ непремѣнно пропить поскорѣе. А вы говорите, что у меня нѣтъ убѣжденій. Чѣмъ это не убѣжденіе? И я убѣждалъ Гришку отправиться въ трактиръ «Собраніе веселыхъ друзей». Но убѣжденія мои не подѣйствовали... Гришка погибъ для нашего общества!... Для «Со-

бранія веселыхъ людей»... Нить жизни потерялъ... У всякаго своя нить. Ты, вотъ, любовникъ и по сценѣ, и въ жизни; ты свою нить и тянешь, и намъ надо свою тянуть (въ «Собраніи веселыхъ людей»).

Или вотъ еще примѣръ нравовъ и привычекъ артистовъ, выработавшихся на основаніи вышеприведенныхъ убѣжденій.

Въ этомъ примѣрѣ Островскимъ, между прочимъ, замѣчательно интересно отмѣчена та циничная проза жизни артиста-комика, которая, кажется, такъ мало вяжется съ возвышенной поэзіей ихъ дѣятельности, заразившей, какъ мы уже видѣли, артистовъ-трагиковъ.

Миловзоровъ. Ты, мамочка, не понимаешь поэзіи, а я сижу и про себя думаю: экъ, ночь-то!

Шмага. Какъ бы хорошо въ такую ночь...

Миловзоровъ. По Волгѣ кататься?

Шмага. Нѣтъ, въ трактирѣ сидѣть.

Миловзоровъ. Ну, что за вздоръ? Въ трактирѣ хорошо зимой. На дворѣ вьюга или морозъ; квартиры у насъ по большей части сырыя или холодныя; въ трактирѣ свѣтло и тепло.

Шмага. И весело.

Миловзоровъ. Ну, а лѣтомъ тамъ душно, мамочка.

Шмага. А ты вели окно отворить; вотъ тебѣ и воздухъ, и поэзія, Луна смотритъ прямо тебѣ въ тарелку; подъ окномъ сирень или липа цвѣтетъ, померанцемъ пахнетъ...

Миловзоровъ. Это отъ липы-то?

Шмага. Нѣтъ, отъ графина, который на столѣ стоитъ. Пѣтухи поютъ, которыхъ зажарить еще не успѣли.

Миловзоровъ. Пѣтухи! Проза, мамочка! Ты, вѣроятно, хотѣлъ сказать соловьи.

Шмага. Да, вѣдь, это по деньгамъ глядя; много денегъ, такъ до соловьевъ просидишь, а мало, такъ только до пѣтуховъ. Соловей зарю воспѣваетъ, попоетъ, попоетъ вечеромъ, да потомъ опять на зарѣ защелкаетъ; а пѣтухъ полночь знаетъ; это нашъ хронометръ. Какъ закричитъ—значитъ, нашъ братъ, бѣднякъ, уходи изъ трактира, а то прогонятъ («Безъ вины виноватые»).

Поэтому, вполнѣ понятны ихъ жалобы и неудовольствіе на гостепріимство хозяина, который приглашаетъ ихъ къ себѣ на вечеринку, имѣя въ виду не одни только гастрономическіе интересы господъ комиковъ, въ родѣ Шмаги и компанія.

Приглашенный въ гости, въ большое общество, которое, какъ надѣется хозяинъ, артисты оживятъ, комикъ Шмага жалуется: «Нѣтъ, вотъ мука-то, я вамъ доложу! Мы, изволите видѣть, къ богатому барину въ гости пріѣхали! А зачѣмъ, спрашивается? Природой любоваться? Сиди да гляди на луну, какъ волкъ въ зимнюю ночь. Такъ, вѣдь, и волкъ, поглядитъ, поглядитъ, да и взвоетъ таково жалобно. Давай, Гриша, завоемъ въ два голоса! Ты вой, а я подвывать стану

съ разными переливами; авось, хозяинъ-то догадается. ...Что-жъ это такое, въ самомъ дѣлѣ? Назвалъ человѣкъ гостей, а занять ихъ не умѣетъ».

Но несмотря на все это, тѣ же артисты далеко не безнадежно неисправимые люди. Это видно изъ того, что они сами уже начинають сознавать, что они не совсѣмъ подходящіе члены для болѣе или менѣе порядочнаго общества, и пытаются даже какъ слѣдуетъ оцѣнить тотъ фактъ, что они попали въ него.

Незнамовъ, напримѣръ, говоритъ: «Надо, братъ Шмага, пользоваться случаемъ. Не всегда насъ съ тобой приглашаютъ въ порядочное общество, не всегда обращаются съ нами по-человѣчески. Вѣдь, мы здѣсь такіе же гости, какъ и всѣ».

И его грубый товарищъ долженъ сознаться, что Незнамовъ правъ, что надъ этимъ новымъ въ жизни артистовъ явленіемъ надо серьезно призадуматься, что это представляетъ пріятный контрастъ съ прежними нравами, и Шмага соглашается со своимъ коллегой: «Да, это не то, что у какого-нибудь «его степенства», гдѣ каждый подобный вечеръ кончается непремѣнно тѣмъ, что хозяина бить приходится: ужъ безъ этого никакъ обойтись нельзя».

И затѣмъ оба они невольно дѣлаютъ про себя горькій выводъ изъ сопоставленія всѣхъ этихъ фактовъ: съ одной стороны, прежнихъ, можно сказать, дикихъ нравовъ и съ другой стороны, вновь нарождающихся взглядовъ и отношеній общества къ артистамъ.

Незнамовъ говоритъ: «Да, здѣсь намъ хорошо. А, вѣдь, мы съ тобой ведемъ себя не очень прилично и, того гляди, скандалъ произведемъ. То-есть, скандалъ не скандалъ, а какой-нибудь гадости отъ насъ ожидать можно».

Шмага добавляетъ: «Похоже на то. Что же дѣлать-то? Изъ своей шкуры не вылѣзешь».

А. Ѳоминъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

НЕУДАЧНИКЪ.

(ФОСТЭ ФОРЛАНДЪ).

Романъ Іонаса Ли. Перев. съ норвежскаго З. Зеньковичъ.

I.

— Что и говорить — бойкія времена настали, мой милый Фостэ. Но, хоть оно и свѣжо, а все же можно кататься съ горъ на салазкахъ...

— Кататься съ горъ,—видно, что ты отсталъ, дядюшка-банкиръ.

— Да, да, ты хочешъ сказать, — перешелъ предѣльный возрастъ. Когда такіе молодчики, какъ ты, разойдутся, такъ...—припадокъ обычнаго кашля прервалъ дядю Іооль. Да, открылъ я моему племяннику кредитъ, чтобы у него было съ чѣмъ начать...

Мнѣ немного надо. Но имѣть что-нибудь все-таки необходимо, если я захочу пріобрѣсти берегъ вверхъ по рѣкѣ, какъ я тебѣ говорилъ, чтобы устроить электрическій заводъ. Что-нибудь—необходимо, *ни съ чѣмъ* не начинаютъ. А подъ залогъ...

— А я такъ думалъ, что твоею спеціальностью было какъ разъ, если не начинать съ пустыми руками, то кончать *ни съ чѣмъ*. Ты такъ сказать, родился съ проектами уже; ужъ не народный ли клубъ ты затѣялъ опять, тамъ на берегу?

— Идея хорошая, дядя, только какъ бы въ одинъ прекрасный день твой банкъ не поглотилъ его.

— Ну, другъ, короче говоря, ты не получишь съ меня ни одной ёры. А вѣдь денежки твоей бѣдной матери въ моемъ распоряженіи.

— Послушай-ка, дядя Іооль... все это весьма основательно. Не было ли, однако, и у тебя въ жизни случая узнать на дѣлѣ, что значитъ остаться на мели, а все-таки ты выбился, поднялся изъ ничего.

— Что—что такое?

— Въ юности ты покинулъ родину, чтобы спекулировать на счетъ калифорнійской пшеницы, стоявшей тогда небывало высоко на всемірномъ рынкѣ. Не такъ ли было дѣло: ты ѣхалъ въ С.-Франциско

на пароходѣ, сдавъ свое имущество—двадцать пять фунтовъ на храненіе капитану? Въ одинъ прекрасный день, опасаясь за ихъ сохранность и безопасность, ты потребовалъ ввѣренныя денежки обратно. Получивъ ихъ отъ капитана, ты направился уже къ своей каютѣ и,—кажется, это было такъ? — остановился у открытаго борта, гдѣ матросы выбрасывали уголь и золу изъ машины, и тутъ отъ неожиданнаго толчка или сотрясенія сумка со всѣмъ твоимъ достояніемъ полетѣла за бортъ?

Выраженіе лица дяди Іооля нельзя было разглядѣть изъ-за носового платка, которымъ онъ усердно вытиралъ свой большой крючковатый носъ.

— Я какъ будто вижу тебя, дядя, у открытаго борта: ты не сводишь глазъ съ сумки, которая медленно исчезаетъ въ морѣ, несчастные свертки гиней безжалостно тянули ее все глубже и глубже. Довольно пережилъ ты за эти нѣсколько мгновеній, пока все состояніе твое погружалось глубже и глубже и свелось на нѣтъ, какъ ты говоришь!

— Гдѣ, гдѣ—ради самого Бога—ты...

— Тутъ вотъ и проявилась та геніальность, предъ которой я всегда преклонялся, дядя. Это—чертовски геніально! Ни звука не сорвалось съ твоихъ губъ, даже выраженіе лица не измѣнилось. А послѣ обѣда ты уже шагалъ—прости, дядя, но мнѣ такъ живо представляется твоя тонкая, длинноногая фигура съ кривымъ торчащимъ зубомъ, — по палубѣ къ капитану—право, можно было думать, что въ карманѣ у тебя цѣлый капиталъ! — съ предложеніемъ купить у него весь грузъ пшеницы въ кредитъ на двѣнадцать мѣсяцевъ по двумъ шестимѣсячнымъ векселямъ.

— Ну и дерзкій же ты мальчишка, скажу я тебѣ!..

— А въ теченіе этихъ двѣнадцати мѣсяцевъ ты спекулировалъ и работалъ на всѣхъ хлѣбныхъ рынкахъ Тихаго океана!

— Довольно, все это чистѣйшее преувеличеніе...

— А черезъ три года ты вернулся домой и выкатилъ на набережную двѣ бочки золота. А можетъ, ихъ было три, дядя? Знаешь, подоходная коммиссія...

— Готова грабить народъ! Они положительно бѣсятся, если узнаютъ, что у человѣка есть за душою хоть шиллингъ. Но я ничего не понимаю! Ради самого Бога — что тебѣ пришло въ голову вспоминать эти сказки.

— Я, видишь ли, дядя, думаю, что такія способности могли бы оказать честь любому американскому милліардеру, озарили бы его романтическимъ свѣтомъ, а нашему отечественному дѣльцу разомъ создали бы славу денежнаго туза!

— Чортъ побери твою славу! Такая легенда...

— Которая однако, указываетъ на блестящій финансовый геній,

умѣющій создавать необычайные пути, да. Или ты, можетъ быть, думаешь, что твой самый серьезный конкурентъ Бэкманъ, изъ Торговаго банка, могъ бы придумать что-нибудь подобное?

— Нѣ—ѣтъ, это ужъ извини... Нѣтъ, этого ему не суждено—если предположить, что онъ вообще на *что-нибудь* способенъ... Я все-таки опять спрошу тебя, гдѣ ты выкопалъ эту нелѣпую басню?

— Видишь ли, дядя, предъ отъѣздомъ въ Цюрихъ я рылся въ кучѣ старыхъ писемъ, осужденныхъ на сожженіе, и наткнулся на твое письмо къ отцу.

— Постой-ка, Фостэ... Письмо это ты, конечно, сжегъ?

— Ну, нѣтъ, оно слишкомъ заинтересовало меня, даже сыграло роль въ моей жизни... Оно со мной, хочешь взглянуть на него?.. Тебѣ тогда не было еще и тридцати лѣтъ. Да, это произвело на меня сильное впечатлѣніе, можно сказать — поразило меня! Мнѣ разомъ стало ясно, что можетъ значить для страны дѣятель, который самовластно пролагаетъ свой путь, творитъ... Съ тѣхъ поръ твоя личность все больше выяснялась для меня, словно возникала изъ хаоса, и теперь — ты сталъ для меня идеаломъ, образцомъ для подраженія. Я пойду по твоимъ стопамъ,—смѣю надѣяться, не въ качествѣ простого подражателя. Взгляни-ка сюда на мое пальто,—на локти и воротникъ, я думаю, изъ него скоро можно будетъ топить сало.

— Чортъ возьми! не воображаешь ли ты, что я стану шить тебѣ платье!.. Право, другъ любезный, ты меня пугаешь!..

— Отнюдь! Я не надѣну ни новаго пальто, ни новыхъ брюкъ, прежде чѣмъ не буду въ состояніи заплатить за нихъ. Я хочу выбиться въ люди именно въ томъ видѣ, каковъ я есть. Это вѣрно, какъ то, что я стою здѣсь... Я—дѣлецъ до мозга костей!..

— Но—но—дядя, Іооль борозся съ новымъ приступомъ кашля,—старое письмо мы предадимъ сожженію—и дѣлу конецъ.—Онъ поднесъ къ нему спичку и зажегъ.—Гляди, какъ клочки обугливаются... въ то время иначе дѣлали бумагу... Знаешь, Фостэ, ты всегда казался мнѣ очень сложной натурой, щедро надѣленной разнообразнѣйшими интересами, мыслями и идеями, которыя однако всѣ отличались однимъ общимъ недостаткомъ: онѣ отвлекали тебя отъ настоящаго дѣла и кидали изъ стороны въ сторону.

— Совершенно вѣрно, дядя, но теперь я нашелъ сомого себя,—знаю куда держать путь.

— Ну, вотъ, ты ужъ увѣренъ, что это твое самое искреннее и глубокое намѣреніе... Но замѣть себѣ—это въ послѣдній разъ,—если бы даже десяти кронъ достаточно было, чтобы спасти тебя отъ банкротства! Я смотрю на эти три тысячи пятьсотъ съ тѣмъ же ощущеніемъ, какъ еслибы я бросалъ ихъ въ море... Дай Богъ мнѣ увидѣть ихъ вновь когда-нибудь!

— Нѣтъ, этой манеры разговаривать я не выношу! Я не позволю

унижать себя, дядя! Иначе я швырну тебѣ твои деньги назадъ и съумѣю обойтись безъ тебя.

— Ладно, ладно, положи свою шляпу на мѣсто и не кипятись, какъ мальчишка... Деньги ты получишь по моему чеку. Три тысячи пятьсотъ кронъ на землѣ не валяются!

— Благодарю, — хоть мнѣ и приходится червякомъ извиваться въ твоей щедрой...

— Но—но—но...

— И въ высшей степени деликатной рукѣ.

— Вотъ этотъ языкъ мнѣ больше нравится.

— Еще разъ повторяю—тебѣ придется уважать меня... А пока спасибо и прощай, дядя!

Дверь захлопнулась за нимъ.

На улицѣ онъ столкнулся съ актеромъ Верлоръ.

— Что скажешь хорошаго, Фостэ? Знаешь, Гессингъ заболѣлъ, а Пребенсенъ играетъ Турденшольда,—съ его-то тонкимъ голосомъ и еще болѣе тонкими ногами метать громы! Разумѣется, въ результатѣ—пустой театръ! Ну ужъ и труппа... высоко держимъ мы искусство!.. Не пойти ли намъ въ «Гельвецію» выпить стаканъ вина!

— Некогда... Занятъ... Я желалъ бы, чтобы день имѣлъ двадцать четыре часа.

— Понимаю; значитъ, ты отложилъ попеченіе о народномъ театрѣ... А какъ ты носился съ этой идеей мѣсяца два тому назадъ, когда только что вернулся домой!

— Я просто выяснилъ себѣ разъ навсегда, что могу и чего—нѣтъ. Я имѣю въ виду, главнымъ образомъ, экономическую сторону вопроса,—разсчета нѣтъ, идея слишкомъ нова еще.

— Иначе говоря,—замѣтилъ Верлоръ нѣсколько иронически,—идею эту постигла та же участь, какъ и одну изобрѣтенную машину, которая обладала всѣми возможными совершенствами, а только не хотѣла дѣйствовать.

— Ладно, ладно, остри! Идея театра чертовски хороша; нужны только пьесы—образчики настоящаго искусства. Не въ зданіи дѣло... Я мечталъ устроить что-нибудь въ родѣ легкой комедіи для народа. Напримѣръ, скажемъ, отецъ—лошадь, мать—оселъ, сынъ, стало быть—мулъ. Въ немъ двѣ воли, вѣчно враждующія между собою; то побѣждаетъ вислоухій, то—лошадь. Въ послѣднемъ дѣйствіи мулъ—на судѣ по обвиненію въ какомъ-нибудь злодѣяніи. Или, какъ бы это? Послѣдній актъ предъ небесными вратами, куда мула привели на судъ. Но что такая несчастная скотина съ двойною волею можетъ сказать своему Создателю!.. Ну, пожалуй, такъ потонешь въ бездонныхъ глубинахъ... Ей-Богу, будь побольше времени я занялся бы выработкой идей, только бы найти кого-нибудь, кто могъ бы приспособить ихъ къ сценѣ.

— Брось ты эти фантазіи, Фостэ! Согласись, исторія съ Турденшольдомъ—верхъ идіотизма! Профанація всякой идеи!

— Идея... да, и я когда-то жилъ ею... Теперь я покинулъ міръ заоблачныхъ фантазій, спустился на землю. ...Но, слава Богу, въ этой юдоли печали можно еще брать вдохновеніемъ!.. Только бы мнѣ стать свободнымъ!.. А комедію я, конечно, посмотрю.

Фостэ приподнялъ шляпу и поспѣшилъ дальше. Онъ шелъ внизъ по торговой улицѣ, пока не очутился предъ вывѣской фирмы Рэдъ и К°.

— Здравствуйте, г-нъ Рэдъ!—сказалъ онъ, входя.

— А-а, г-нъ Форландъ, вернулись изъ Цюриха!.. Нынче лѣтомъ я видѣлъ васъ мелькомъ нѣсколько разъ.

Фостэ показалось, что онъ улыбнулся, произнося его имя: какъ будто вспомнилъ что-то смѣшное.

— Да, я кончилъ курсъ,—коротко отвѣтилъ онъ.—Мнѣ надо бы немного нѣмецкихъ денегъ, бездѣлицу, всего триста марокъ.

— Къ вашимъ услугамъ, г-нъ Форландъ.

— Я полагаю, вы примете мой чекъ, если дядя Іооль за меня поручится?

— Самъ директоръ, лично?—Маклеръ глядѣлъ смущенно и почти недовѣрчиво.—За двадцать шесть лѣтъ, что живу въ городѣ, я никогда не видѣлъ ни одного векселя за его подписью.

— Никогда не слѣдуетъ говорить *никогда*... Впрочемъ,—продолжалъ онъ безразличнымъ тономъ,—если бы я прибавилъ на векселѣ еще нуль, его также быстро учтутъ... Рожь, пшеница, сахаръ, парафинъ, табакъ,—бормоталъ онъ, пробѣгая глазами биржевой бюллетень, лежавшій на конторкѣ.—Какъ? Газовыя акціи стоятъ четыре тысячи восемьсотъ—до сихъ поръ?!

— Вотъ богоспасаемый градъ!.. И вы думаете, г-нъ маклеръ, что поступаете по совѣсти, учитывая ихъ по такой цѣнѣ въ то время, когда мы готовы пустить въ ходъ электричество. Оно ужъ, такъ сказать, виситъ надъ городомъ.

Маклеръ ничего не отвѣчалъ; мысль его работала совсѣмъ въ другомъ направленіи, онъ не могъ отвести глазъ отъ небрежнаго костюма Фостэ—совсѣмъ какъ у старика... Да, все это такъ похоже... Долженъ же бездѣтный болѣзненный старикъ прочить кого-нибудь изъ родственниковъ себѣ въ наслѣдники...

— Всегда, всегда къ услугамъ вашимъ, г-нъ Форландъ,—кланялся онъ ему.—Да-а, вотъ до чего довелось дожить, открытый кредитъ у директора!

— Виноватъ, г-нъ Рэдъ!—каждое слово Фостэ было подчеркнуто,—то, что я беру за счетъ дяди Іооля, онъ и платитъ; что же касается открытаго кредита, вы будете имѣть дѣло со мною.

Маклеръ приподнялъ шляпу и посмотрѣлъ на часы—до обѣда оста-

валось всего нѣсколько минутъ. Вотъ такъ новость сообщитъ онъ въ конторахъ: еще золотой гусь! вѣроятный наслѣдникъ стараго Іооля.

Фостэ снова шагалъ по той же улицѣ.

— Ну, теперь долги въ Цюрихѣ уплочены! А у маклера-то, повидимому, ложное представленіе... Что жъ, если подобная, не совсѣмъ ужъ безразсудная мысль и обезпечиваетъ ему кредитъ, это отнюдь не можетъ быть ему во вредъ. Итакъ, онъ будетъ строить въ кредитъ!..

Минуту спустя, на городскомъ мосту Фостэ бѣгомъ догонялъ фрэкенъ Беру Гюллингъ.

Поровнявшись, онъ заглянулъ къ ней подъ зонтикъ, физіономія его буквально сіяла, и онъ торжествующе продекламировалъ:

«Ада и Зилла, послушайте моего голоса,
Жены Ламеха внемлите моимъ словамъ:
Человѣкъ котораго я убилъ, къ своей невыгодѣ...»

— Ты рехнулся!

«Семь разъ былъ отомщенъ Каинъ,
Семижды семьдесятъ разъ отомстится Ламехъ».

— Да ты совсѣмъ съ ума сошелъ, Фостэ?

— Истинно говорю тебѣ, Бера, дружба больше любви. Ты для меня и Ада, и Зилла, больше, чѣмъ всѣ жены Ламеха, взятыя вмѣстѣ! А потому, тебѣ прежде всѣхъ Ламехъ поетъ свою побѣдную пѣснь.

Разомъ просіявшее лицо скрылось за зонтикомъ; она старалась не глядѣть на него и суховатымъ тономъ спросила:

— Ну?

— Слушай же, Бера! Здѣсь, у меня въ карманѣ, ключъ отъ входа въ жизнь, отъ всей моей будущности!

— Вотъ какъ, не много ли будетъ? Ты думаешь, если есть ключъ, такъ будетъ и замокъ?

— Да, если ключъ золотой. Сегодня я расплавилъ дядю Іооля; металлъ сочился и капалъ изъ него большими, блестящими каплями—три тысячи пятьсотъ кронъ! Есть съ чѣмъ начать, понимаешь? Теперь дѣло только за рукой, которая повернула бы ключъ!

Она вдругъ остановилась, закинувъ зонтикъ за спину, точно увидѣла передъ собою что-то непонятное, что пугало ее.

— Ты? Три тысячи пять?.. Отъ дяди Іооля?.. Ты, вѣрно, сочиняешь?

— Ну вотъ! А я-то воображалъ, ты обрадуешься, и ужъ во всякомъ случаѣ оцѣнишь, хоть немножко.

— Скажи только, какимъ образомъ. Ты, три тысячи кронъ отъ!..

— Три тысячи пять сотъ!

— Я только представляю себѣ *тебя* и твоего дядю!..

— Да, я и дядя Іооль!

— Пожалуйста, не морозь меня.

— Съ тобой и сегодня не сговоришься.

—

— Господи, воображаю какихъ только обязательствъ не взялъ съ тебя этотъ человѣкъ прежде чѣмъ раскошелиться, да еще на какую сумму! Но если ты что затѣешь, Фостэ, то хоть въ огонь полѣзешь изъ-за этого... И у тебя всегда столько окольныхъ путей!—почти простонала она.

— Иначе говоря, я добьюсь своего во что бы то ни стало. Если это называется лѣзть въ огонь, то... Да, конечно, ты подразумѣваешь perpetuum mobile *), и ты тоже... Это вѣчно будетъ преслѣдовать меня!

— Скажи же, какимъ путемъ, слышишь, Фостэ? Это меня начинаетъ безпокоить.

— Какимъ путемъ? А чѣмъ побѣждаютъ человѣка? Признаюсь это нѣсколько напоминаетъ исторію лисицы, льстившей воронѣ, пока та не выпустила сыръ, чуточку. А собственно говоря, это было старое письмо, о которомъ я тебѣ разсказывалъ въ понедѣльникъ на мосту. Положительно финансовый геній! И я полагаю, онъ самъ почувствовалъ это и растаялъ.

Она въ раздумьи глядѣла на него.

— А въ этой исторіи есть одинъ щекотливый для дядюшки пунктъ,—промолвила она наконецъ.—Меня интересуетъ, какой выходъ найдетъ строгій, высоко-нравственный директоръ, чтобы объяснить, какъ онъ пожертвовалъ всѣмъ своимъ достояніемъ для того, чтобы отвести глаза капитану?

— Но ты понимаешь, это геніально, блестяще, поразительно, ослѣпительно-геніально, едва ли самъ сатана вышелъ бы съ большею честью изъ затрудненія.

— Я только спрошу тебя, Фостэ, какъ, думаешь ты, здѣсь, въ городѣ, отнесутся къ этому факту?

— Фуй, эти лавочники просто-на-просто будутъ поражены: они вѣдь всегда преклоняются предъ результатами. Право, Бера, ты обманула меня, я никогда не думалъ, что ты такъ узко смотришь на вещи!

— Ты отдалъ ему письмо?

— Разумѣется, потому что онъ отрицалъ эту исторію, пока я не далъ ему его въ руки, понимаешь?

— И потомъ?

— Чортъ побери, что за допросъ!—вырвалось у него съ раздраженіемъ.—Потомъ онъ бросилъ его въ огонь и мы не возвращались къ этому больше. Мы говорили только о деньгахъ, пока онъ не сдался.

— Нѣтъ, ради Бога, если ты такъ добръ, что вдаешься въ подробности, Фостэ... скажи мнѣ все откровенно. Не приходило ли тебѣ въ голову, что дядя могъ чувствовать себя стѣсненнымъ, даже, пожалуй, не совсѣмъ въ безопасности, оставь онъ у тебя это свидѣтельство о прошломъ?

---

*) Машина съ вѣчнымъ движеніемъ.

— Ради всего святого! Не думаешь же ты, однако, что я воспользовался письмомъ этимъ для вымогательства?—раздражительно отвѣтилъ Фостэ.—Могу сказать,—холодно продолжалъ онъ,—въ виду нашей долголѣтней дружбы я ожидалъ, что ты лучше знаешь меня!

— Да, если бы я когда-нибудь могла сказать, что знаю тебя! Въ тебѣ столько противорѣчій, Фостэ. Я никогда не могу съ увѣренностью сказать, что ты такое. Часто бываетъ, что я только послѣ пойму, какъ это было въ дѣйствительности.

— И теперь ты думаешь или боишься, что я сегодня чуть ли не обагренъ кровью дяди Іооля изъ-за этихъ трехъ тысячъ пяти...

— Ты очень хорошо знаешь, что ничего подобнаго я не думаю. Но ты способенъ, самъ того не подозрѣвая, закрывать глаза на ту или другую сторону, которой ты не желаешь видѣть.

— Благодарю, ты хочешь сказать нѣчто вродѣ того, что я непреднамѣренно и безсознательно навелъ на дядю пистолетъ!

— Отнюдь нѣтъ, но я просто нахожусь въ неизвѣстности. Ты никогда не можешь передать дѣло просто и ясно. Часто у меня бываетъ такое же ощущеніе, какъ если смотришь въ пропасть. Мнѣ становится страшно.

— Страшно, страшно отъ того, что ты—другъ разбойника съ большой дороги!—жестко усмѣхнулся онъ. Онъ сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ, какъ она остановилась у тропинки, идущей между садомъ и лѣсомъ прямо къ ея дачѣ.

— Странно,—продолжалъ онъ,—но мнѣ кажется, именно этотъ твой страхъ больше всего и влечетъ меня къ тебѣ, Вера, эта робкая птичка, что сидитъ въ тебѣ и, словно дятелъ, долбитъ по моей совѣсти, точно хочетъ удостовѣриться, здорово-ли дерево. Ты готова была бы заставить меня бѣгомъ вернуться къ дядѣ Іоолю и спросить, не ограбилъ ли я его и вправду сегодня утромъ.

— Да, смѣйся, Фостэ. Смѣхъ этотъ лучшее, что въ тебѣ есть, хотя я никакъ не могу понять, чему собственно ты смѣешься, и, честное слово, готова наконецъ придти къ заключенію, что причиной тому чистѣйшее наслажденіе своей особой, своимъ существованіемъ на бѣломъ свѣтѣ.

— Такой безструнной балалайкой, хочешь ты сказать. Знаешь ли, въ какой одеждѣ представляешься ты мнѣ, Вера?

— Не болтай вздору, замолчи лучше; пожалуй, ты вообразишь меня безъ всякой одежды.

— На тебѣ туника изъ солнечныхъ лучей, тѣни золота переливаются на ней точь-въ-точь, какъ полосы свѣта на твоемъ свѣтломъ платьѣ.

— Ну, милый, не слишкомъ ли это тонкіе комплименты. Только что я была дятломъ, а теперь...

— Уфъ! стоитъ мнѣ только чуть-чуть увлечься, какъ ты выли-

ваешь на меня ушатъ холодной воды. Теперь твое платье посинѣло, какъ ледъ въ морозный день.

— Спасибо! Однако, ты довольно ужъ проводилъ меня.

Онъ остановился, лицо его разомъ поблѣднѣло.

— Иначе говоря, я тебѣ надоѣдаю.

— Нѣтъ, по мнѣ надо поверхъ къ фогту.

— Гм! скоро и хорошо придумано,—мы очень изобрѣтательны, Вера! Но я предпочитаю идти напрямикъ, ты просто боишься показываться въ моемъ смѣшномъ обществѣ perpetuum—mobil'иста. Ты, можетъ быть, помнишь, я въ прошломъ году просилъ тебя, еще изъ Цюриха, сжечь всѣ мои прежнія письма объ этомъ дѣлѣ. Могу я спросить васъ, сударыня, гарантированъ ли я, что письма эти не попадутъ на зубокъ городской сплетнѣ и будутъ оглашены?

— Ты не отвѣтилъ мнѣ сжегъ ли ты мои?—попробовала она отразить нападеніе.—Положимъ, они не представляютъ никакого истереса, но...

— Всѣ, всѣ или, во всякомъ случаѣ, они порваны,—пробормоталъ онъ безразличнымъ тономъ.—О, какъ я ненавижу всѣхъ ихъ—онъ погрозилъ кулакомъ по направленію къ городу—ихъ, съ которыми я связанъ неоплатнымъ долгомъ благодарности за то, что они позволили мнѣ, бѣдному мальчику, который не былъ благонравнымъ, какъ прочіе, ходить изъ дому въ домъ по всему городу, обѣдать Христа ради цѣлыхъ три съ половиной года, послѣ смерти его отца, а тамъ съ дядюшкой во главѣ они собрали порядочную сумму и отправили его въ Цюрихъ! Какъ удары хлыста, жгли меня эти улыбки и взгляды, выдававшіе ихъ заднюю мысль, что я былъ безнадежнымъ выродкомъ. Въ классѣ я чувствовалъ себя на одной доскѣ съ Иванушками дурачками, которые служили на потѣху добрымъ людямъ! Только объ этомъ не говорили во всеуслышаніе изъ уваженія къ памяти моего покойнаго отца, пробста, и ради моей матери, его вдовы.

— Фостэ, Фостэ! Когда ты поддаешься впечатлѣніямъ, ты быстро доходишь до крайности. Мы всегда находили, что въ тебѣ есть что-то особенное. Отецъ...

— Назвалъ меня какъ-то геніальнымъ дуракомъ, да. Да—я понимаю,—это, вѣдь, говорятъ всѣмъ дуракамъ. Глубоко, на днѣ моей дѣтской души, таился одинъ крикъ: кто-нибудь изъ нихъ непремѣнно ужъ умретъ раньше меня, тогда-то я буду скакать, плясать, топать на его могилѣ, кричать пѣтухомъ! Если бы ты, какъ я, услышала, что для тебя всѣ двери заперты, ты поняла бы, почему я поклялся, что заставлю склониться всѣ эти головы, заставлю оцѣнить меня! Вотъ причина, почему я хочу начать здѣсь, въ этомъ тѣсномъ медвѣжьемъ углу, здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ! Теперь, можетъ быть, ваша головка сообразитъ, что я не могу начинать, имѣя за собою ту старую, ставшую посмѣшищемъ исторію съ Perpetuum'омъ, заключенную въ письменахъ, расписанныхъ на 10—12 страницахъ. Прежде всего это немыслимо для дѣльнаго человѣка.

— Онѣ всѣ цѣлы, сложены, подобраны по числамъ и спрятаны внѣ всякой опасности, увѣряю тебя.

— Нѣтъ, нѣтъ, отъ себя самой ты не спрячешь, если тебѣ когда-нибудь придетъ въ голову выставить меня на посмѣшище.

— Этого ты, конечно, не думаешь, Фостэ. А мнѣ такъ жаль было бы, еслибъ письма эти уничтожились. Никто другой не могъ быть ихъ авторомъ.

— Такъ.... Въ этомъ-то и есть ихъ главный недостатокъ; вся исторія съ Perpetuum'омъ результатъ невѣжества.

— Быть можетъ, Фостэ; но въ нихъ видна душа, которая стремится, ищетъ.

— И ничего не находитъ! Конечно, было бы жаль...

— Довѣрь ихъ мнѣ, Фостэ,—просила она.

— Ты хочешь хранить и беречь эту мою, изношенную и покинутую мною, оболочку? Странный народъ женщины... Теперь мнѣ будетъ представляться, что сто разъ измѣнявшаяся машина, надъ которой я столько работалъ и которую наконецъ бросилъ, стоитъ въ твоемъ шкафу вмѣстѣ съ другими сувенирами. Эта исторія никогда не кончится... Одно могу я тебѣ сказать, Бера, это было мое самостоятельное изслѣдованіе закона тяготѣнія, которое вывело меня на техническую дорогу и привело къ знанію, которое разбило Perpetuum. Ну, храни ихъ, эти остатки моего фейерверка.

— Благодарю тебя, Фостэ; на меня ты всегда можешь положиться. Прощай!

Онъ взглянулъ на ея просвѣтлѣвшее лицо.

— Удивительно, Бера, за все это время, что мы были вмѣстѣ, я не согласился-бы поклясться, что не влюбленъ въ тебя.

— Но я могу смѣло сдѣлать это: мы *только* друзья!—прозвучало въ отвѣтъ, когда она побѣжала наверхъ.

II.

Облака пыли по дорогамъ и громкія жалобы на недостатокъ воды... Мучительная, томящая жара. Маленькій деревянный домъ вдовы Форландъ стоитъ у самой проѣзжей дороги, на солнцепекѣ; по обѣимъ сторонамъ крыльца рябины, тесовая обшивка прожжена солнцемъ, въ сучкахъ давно ужъ высохла смола. Окна и двери настежъ открыты: изо дня въ день жара все тяжеле ложится на городъ, все плотнѣе окутываетъ туманомъ холмы и все гуще стелетъ свой сѣрый покровъ на мачты и снасти на морѣ.

Хозяйская дочь, Сельви, статная дѣвушка лѣтъ двадцати двухъ-трехъ, вышла на крыльцо. Она была въ шляпѣ и отставила въ сторону зонтикъ, застегивая перчатки.

Вдругъ она стала прислушиваться и забыла о перчаткахъ. Съ дороги донесся однообразный шумъ легкаго экипажа, ѣхавшаго рысью.

Едва успѣла она бросить взглядъ на платье, поправить шляпу, какъ мѣстный докторъ, Фалькенбергъ, подкатилъ въ кабріолетѣ, поднявъ за собою цѣлыя облака пыли.

Онъ остановился у крыльца, раскланялся и сталъ протирать очки, глядя черезъ стекла вверхъ на нее.

— Ну, какъ поживаетъ ваша матушка, фрэкенъ? помогло ей мое лѣкарство?

— Благодарю васъ, докторъ, мама очень имъ довольна; съ тѣхъ поръ, какъ она стала его принимать, она почти не страдала отъ ревматизма.

— А вѣдь это чисто старушечье средство, только написанное по латыни: оно всегда помогаетъ, если только вѣрить въ него!—засмѣялся онъ.—А пожалуй, лучшее-то лѣкарство сухая лѣтняя жара. Однако, я задерживаю васъ, фрэкенъ Сёльви, вы собрались идти...

— Да, въ городъ, въ контору; но у меня еще много времени.

— Гм, позволю себѣ спросить, что вы тамъ будете дѣлать? Сидѣть и считать, заполнять страховые бланки! Бьюсь объ закладъ, фрэкенъ, вы всегда идете въ контору черезъ базаръ?

— Да, это очень легко угадать! Какъ же иначе устраивались бы дома съ обѣдомъ?

— Будьте откровенны: вы никогда не задумывались надъ тѣмъ, что вся жизнь ваша сведется къ хожденію въ контору и къ чернильнымъ пятнамъ на пальцахъ?

Она смотрѣла внизъ на крыльцо.

— Скажите, вы тысячу разъ предпочли бы быть дома, ухаживать за матерью, смотрѣть за садомъ, за курами, утками, хозяйничать, иной разъ потанцовать у кого-нибудь изъ знакомыхъ тутъ же, въ предмѣстьѣ, чѣмъ быть членомъ «общества конторщиковъ»!

Она звонко разсмѣялась, но немного спустя у ней вырвалось мучительно и страстно:

— Увы, да!

Докторъ отстегнулъ кожаный фартукъ, чтобы соскочить, какъ вдругъ изъ садовой калитки вышелъ Фостэ въ одномъ жилетѣ съ нѣсколькими измѣрительными инструментами въ рукахъ.

— Здраствуйте, докторъ! Да, надо вамъ сказать, вчера была рѣчь въ клубѣ о васъ, или, точнѣе, о проектѣ водолѣчебнаго заведенія на западномъ концѣ города; на васъ возлагаются большія надежды. Разумѣется, вопросъ разсматривался исключительно съ экономической стороны—доходность...

Докторъ поглядѣлъ въ пространство, поверхъ очковъ.

— Да, г. Форландъ. Мнѣ только кажется, что эту же самую соленую воду можно найти по всему нашему побережью, гдѣ только море не слишкомъ близко подходитъ къ водосточнымъ трубамъ. Во всякомъ случаѣ, она не годна для питья.

— Вы начинаете острить, г. Фалькенбергъ! Но мы разсчитывали на васъ. Вы, такъ храбро отстаиваете интересы больницы, что, вѣрно, поддержите какъ нашъ планъ, такъ и акціи. Мы задумали, ни больше, ни меньше—скупить всю косу и обратить ее, вмѣстѣ съ береговою полосой, въ курортъ. А тамъ, если мысль окажется жизнеспособной, на что я надѣюсь, возникнетъ отель во весь западный берегъ, и городъ превратится въ современнѣйшій норвежскій курортъ!

Докторъ улыбнулся.

— Съ молодыми архитекторами то же, что и съ вновь испеченными докторами. Подобныя же идеи бродили и въ моей головѣ, когда я пріѣхалъ сюда. Повѣрьте, фантазія сильно разыгрывается въ часы одинокихъ поѣздокъ. Ну, прощайте, фрэкенъ! — оборвалъ онъ себя.— Однако вы не боитесь солнца... Стоите на припекѣ въ то время, какъ зонтикъ лежитъ на скамьѣ.

— При моей-то широкополой шляпѣ...

— А жаркая вамъ предстоитъ прогулка въ городъ! Берегите глаза отъ пыли и песку,—донеслось съ кабріолета, который покатился дальше.

Поблѣднѣвшая отъ волненія, Сѣльви постояла еще немного на крыльцѣ и бросилась въ комнату.

Въ спальнѣ одиноко сидѣла фру Форландъ и читала только-что полученное письмо отъ младшей дочери Агнеты, которая жила экономкой у пастора Фейера въ Сонгнъ. Она прислонила свою палку къ спинкѣ стула и сама наклонилась всѣмъ тѣломъ впередъ; въ это время въ дверяхъ появилась Сѣльви.

— Прощай, мама! Да-а, такъ она рѣшила идти за этого пастора,— подумай только!

— Фуй, дитя, какъ это приходитъ тебѣ въ голову: онъ пожилой человѣкъ!

— Да я слышу это по тону всего письма, мама; она безпрестанно называетъ его «Фейеръ», а не пасторъ, какъ прежде... А также все толкуетъ, что для пастората такъ выгодно и удобно отправлять молоко теперь прямо на ферму!

— Какъ не стыдно тебѣ, Сѣльви, она пойдетъ за старика!

Сѣльви какъ-то странно улыбнулась.

— А я такъ думаю, *тѣмъ охотнѣе*, что онъ старъ! Сохрани Богъ всякаго отъ такого необдуманнаго шага, особенно если другой, къ тому же, молодъ, красивъ и способенъ мечтать Подумай, какъ ужасно пришлось бы тогда лгать ей, Агнетѣ!

— Я не люблю думать о такихъ вещахъ, Сѣльви. Въ тебѣ проглядываетъ столько горечи за послѣднее время. Не знаю, что дѣлается съ тобой.

— Я съ удовольствіемъ бросилась бы въ такой пасторатъ, къ такому обросшему мохомъ пастору, хочу я сказать; онъ былъ бы та-

кой слабый, дряхлый, и я жила бы у него словно въ старой церкви, заботилась бы о немъ, провожала бы его до могилы. Я никогда и ни въ чемъ не обманывала бы его. Я думала бы, что года на два поступила въ сидѣлки... Кромѣ того, когда женщинѣ перевалило за двадцать и она устроилась гувернанткой или кассиршей въ конторѣ, для нея романтическій періодъ миновалъ; это просто ниже ея достоинства. А если у нея и были какія-нибудь иллюзіи на этотъ счетъ, имъ, во всякомъ случаѣ, конецъ... Одно только препятствіе — слишкомъ ужъ много ѣдятъ молока въ пасторатѣ!

— Уфъ, дитя, какъ зло звучитъ твоя шутка...

— Ну прощай, милая, милая мамочка! Не садись только у раскрытаго окна...

Сѣльви торопливо вошла, крѣпко поцѣловала ее въ щеку и исчезла за дверьми.

Фру Форландъ тихо сидѣла съ широко открытыми глазами и слабою улыбкой, какъ будто не смѣла поддаться впечатлѣнію. Она схватила съ комода альбомъ съ фотографическими карточками.

Вотъ... худенькая фигурка Агнеты, маленькая пятилѣтняя дѣвочка. Тутъ ей двѣнадцать, а здѣсь уже шестнадцать и она конфирмовалась въ черномъ шелковомъ платьѣ, подарокъ фру Мэркъ; живая и естественная, легкая, какъ сильфида, она вдругъ смертельно влюбилась въ Петера Хельсберга, онъ былъ штурманомъ и разгуливалъ съ развѣвающимся галстухомъ... а тамъ ей уже двадцать пять и она уже больше заботится о своей стройной фигурѣ и прическѣ. А вотъ и сильная, полная свѣжести и здоровья Сельви: жизнь ключемъ бьетъ во всей ея фигурѣ,—настоящая хохотушка, немножко своенравная розочка на всѣхъ дѣтскихъ и юношескихъ портретахъ, до самой послѣдней несчастной прошлогодней фотографіи, гдѣ она преважно стоитъ подбоченясь, какъ ангелъ-обвинитель, стоящій предъ Господомъ, своимъ Творцомъ...

— Иныя времена настали теперь, Фостэ,—промолвила она, когда вошелъ сынъ, весь въ поту, обожженный солнцемъ.—Дѣвочки стали такія нетерпѣливыя и чуть-что, готовы возмущаться.

— Времена измѣнились. Да, если бы твоя благословенная голова, матушка, могла усвоить себѣ эту вещь! Но этого никогда не будетъ... Да, я не ошибаюсь, рѣка за твоимъ садомъ при самомъ низкомъ уровнѣ, а это *долженъ* быть самый низкій уровень, имѣетъ паденіе въ метръ и двадцать четыре сантиметра; это выходитъ около одного съ третью фута. Тамъ имѣются остатки мельницы или водяного колеса съ давнихъ поръ.

— Однако, были же причины, почему это было заброшено.

— Невѣжество, недостатокъ знаній по механикѣ; десять-пятнадцать лѣтъ назадъ здѣсь вѣдь былъ настоящій крестьянскій поселокъ. Итакъ, матушка, ты владѣешь половинной долей въ маленькомъ во-

допадѣ здѣсь у берега, между двумя твоими садами. Это можно доказать путемъ вычисленій.

— Да, кабы изъ этого былъ какой-нибудь толкъ. Если бы это и вправду чего-нибудь стоило, они не оставили бы домъ за мной!

— Да, матушка, но все зависитъ отъ того, какъ и кто смотритъ. Если бы ты собрала оцѣнщиковъ со всего города, они всѣ, какъ одинъ, покачали бы головами и сказали: ни гроша! Но я скажу иначе. Только тебѣ, одной тебѣ, потому что я хочу порадовать тебя, скажу я сейчасъ же, что нашелъ тамъ, въ концѣ сада, золотой самородокъ.

— Золотой самородокъ? Господи! ты въ умѣ-ли?

— Рѣку подразумѣваю я, конечно.

— Такъ вѣдь это простая вода, одна вода. Брось, Христа ради, эти мысли, мой мальчикъ, это просто вода.

— Послушай, мама, можешь ты представить себѣ ниточку, только не для шитья... Такъ вотъ, если ты съ ея помощью соединишь силу одного ручья съ силой другого и такъ послѣдовательно свяжешь между собою много мелкихъ, бѣгущихъ въ долину,—въ концѣ концовъ они будутъ дѣйствовать, какъ одинъ большой, мощный потокъ, который дастъ все, чтó только необходимо городу, как электрическое освѣщеніе, такъ и... но пока мои планы должны оставаться въ моей головѣ. Если разболтать, крестьяне быстро сообразятъ, что и у нихъ въ рѣкѣ золото. Но я считаю, что открывшій—въ данномъ случаѣ я—долженъ получить премію!.. Я хотѣлъ только немножко порадовать тебя надеждой на возможность просвѣта для всѣхъ насъ... Ты будешь жить въ большой виллѣ, мама, а если захочешь, у тебя будетъ и каменный домъ въ городѣ.

— Но ты не бралъ на это денегъ у дяди Іооля? — озабоченно прервала та.

— Не безпокойся, не безпокойся. Маклеръ—хитрая бестія, уменъ, остороженъ... Чортъ побери, и все это скрывается подъ обветшалой оболочкой этого городишки! Онъ живо понялъ всю выгоду курорта, а также и то, что нѣкоторыя вещи должны быть совершенно закончены прежде, чѣмъ выносить ихъ на улицу.

Онъ вышелъ, посвистывая, изъ комнаты...

Сильно сгорбившись и опираясь на костыль, фру Форландъ шагъ за шагомъ направилась къ двери. Капли пота выступили у ней на вискахъ отъ всего, что Фостэ говорилъ и доказывалъ ей съ такимъ убѣжденіемъ.

Онъ и вправду, какъ говоритъ Сѣльви, можетъ переполошить здѣсь весь народъ, если они не остерегутся... Слава Богу, она успѣла уйти въ контору прежде, чѣмъ Фостэ пришелъ и насказалъ всего этого!

При остромъ язычкѣ Сѣльви дѣло непремѣнно дошло бы до горячей стычки...

Она остановилась въ раскрытыхъ дверяхъ спальни и внимательно

оглядѣла низкую, придавленную крышей гостиную. Ея живые глаза искали другого мѣста для четырехъугольнаго заваленнаго нотами фортепіано. Только одна бѣглая мысль мелькнула у нея въ головѣ послѣ всѣхъ разсужденій Фостэ.

Прежде чѣмъ спокойно, какъ слѣдуетъ, перечитать вторично письмо дочери, она задумалась надъ тѣмъ, что, если бы хоть *что-нибудь* изъ задуманнаго Фостэ дѣйствительно сбылось и дало доходъ, хорошо бы какъ-нибудь передѣлать два старомодныхъ окна въ одно простое, большое и убрать его богатой занавѣсью, прибитой къ золоченому карнизу съ такими же кольцами и широкими подхватами...

Хорошо бы также, конечно, если будутъ деньги, фаянсовую печку съ бронзовой дверцей, вмѣсто старой безобразной желѣзной, на которой все еще висѣли березки съ Иванова дня...

Маленькая, сгорбленная старушка съ блестящими живыми глазами, съ истощеннымъ болѣзнью лицомъ, все съ бо́льшимъ жаромъ прикидывала, что́ и ка́къ можно сдѣлать изъ этихъ двухъ оконъ. Она держала палку свою поперекъ и предъ собою, чтобы смѣрить ширину... При ея движеніяхъ полосы солнечнаго свѣта бѣгали по ея слегка каштановымъ сѣдымъ волосамъ, струились въ завиткахъ на лбу.

Въ нѣсколько пріемовъ отошла она, наконецъ, къ другой стѣнѣ, всецѣло поглощенная другой комнатой, которую она сама строила и убирала...

А по садовой площадкѣ ходилъ Фостэ и съ любопытствомъ слѣдилъ за старшимъ братомъ Дитлевомъ, идіо́томъ...

Широкими торжественными взмахами, сопровождаемыми время отъ времени животнымъ хрюканьемъ, дирижировалъ онъ изъ кухоннаго окна воображаемымъ оркестромъ для нѣсколькихъ куръ, которыя думали, что онъ сыплетъ имъ кормъ, да для двухъ переваливающихся утокъ, кряканье которыхъ онъ принималъ за одобреніе, и благодарилъ любезнымъ поклономъ.

— Вотъ еще образчикъ первобытнаго хаоса! Въ его завываньи есть своего рода мелодія, у него не достаетъ только мозговъ, чтобы справиться съ ней,—бормоталъ Фостэ. Удивительное ощущеніе испытывалъ онъ сегодня, и оно было настолько сильно, что утомляло его почти до потери сознанія...

Единственно, на что́ можно положиться, это на самого себя! Бѣда въ томъ, что личность, подчиняясь авторитету, искореняетъ въ себѣ «самое себя». Только немногіе выбиваются на самостоятельный путь...

Въ головѣ у него все звучало и звенѣло.

«Почувствовавъ ударъ въ грудь, онъ ощутилъ въ рукѣ тяжелый молотъ...»

Его планы и соображенія насчетъ рѣки дали ему въ руки средство, всесильный молотъ Тора, которымъ онъ побѣдитъ троллей!..

Онъ опустился на старую каменную скамью въ тѣни бесѣдки.

Подложивъ подъ голову подушку съ качалки, лежалъ онъ и глядѣлъ въ полуснѣ на рѣку...

Безконечно-однообразно гудѣлъ шмель въ листьяхъ бесѣдки... жужжалъ совсѣмъ близко и будилъ... снова отлеталъ и слышенъ былъ издали сквозь дрему...

Онъ самъ былъ своего рода шмель съ мягкой темной шубкой, съ черными полосками; полный жизни, леталъ онъ съ жужжаньемъ въ лѣтнюю пору, наслаждался и наслаждался...

Какой громадный выборъ!..

Только посчитать... блестящіе желтые лютики между влажныхъ листьевъ у воды сверкали на солнцѣ. Гвоздики и левкои, розы и огненно - красная герань, медвѣжьи ушки опьяняли и очаровывали каждый на свой ладъ.

Надо было остановиться у перваго попавшагося и не поднимать глазъ, не отрываться мыслью къ слѣдующему, для того только, чтобы захватить какъ можно больше, ничего не уступая; нельзя летать съ цвѣтка на цвѣтокъ, съ бузины и черемухи къ сочнымъ, сладкимъ липовымъ листьямъ.

Онъ долженъ уступить: у него уже не хватаетъ больше силъ для такого полнаго существованія...

Нѣтъ, дальше ему не подъ силу!...

Вдругъ на него напалъ безконечный страхъ — онъ гудѣлъ въ пустотѣ...

На каменной скамьѣ въ бесѣдкѣ сидѣлъ человѣкъ; это отнюдь не его отецъ,—нѣтъ, это старый учитель, Іоганнесенъ.

«Смотри, наблюдай,—замѣтилъ учитель; можно было подумать, что онъ давно уже сидѣлъ тамъ и говорилъ и разсуждалъ объ этомъ предметѣ, — ты самъ увидишь, что на каждой чашечкѣ остается частица тебя, тогда ты поймешь, сколько отъ тебя останется, чтобы подняться въ высшія сферы».

Не это же ли самое чувствовалъ и самъ Фостэ! Не это ли такъ сильно его пугало, точно что-то отдѣлилось отъ него...

Но досаднѣе всего было, что педантичный учитель все сидѣлъ съ важной миной и даже расположился поудобнѣе; онъ чувствовалъ нѣкоторую охоту вдаться въ разсужденіе по поводу даннаго вопроса.

Можно, напр., сбросить оболочку шмеля...

Но онъ и не желалъ быть шмелемъ. Нечего было и толковать объ этомъ съ Берой...

— Очень тебѣ благодарна, Фостэ!

Придя въ себя, онъ увидѣлъ предъ собою сестру Сёльви, она вернулась изъ города и была очевидно сильно взволнована.

— Спасибо!

Онъ быстро выпрямился на скамейкѣ.

— За то, что ты дѣлаешь жизнь мнѣ такой сладкой, да.

— Я?—сказалъ онъ растерянно въ отвѣтъ.

— Неужели не довольно съ меня,—съ волненіемъ вырвалось у нея,—нянчиться съ Дитлевомъ, заботиться о матери, чтобы еще и ты сталъ мнѣ поперегъ дороги. Я, право, бросила бы все, если бы не мать.

— Что же я дѣлаю?

— И онъ еще спрашиваетъ!—Она презрительно усмѣхнулась.—Не я-ли была все дѣтство «сестрой Perpetuum'a»? Или ты думаешь, что Агнета такъ, здорово-живешь, не хочетъ жить дома? *Тебя* поблагодаритъ она, повѣрь, за то, что ты сдѣлалъ ее такой кроткой и смиренной, что она, кажется, готова выйти за этого пастора. А теперь ты снова вернулся домой съ цѣлымъ коробомъ всякихъ непостижимо-великихъ идей и глупостей, и я опять буду сестрой... Послушалъ онъ тебя, докторъ,—конечно, и это не ради тебя,—и хлестнулъ по лошади кнутомъ. Больше онъ ужъ не остановится у нашихъ дверей.

Слезы посыпались у нея изъ глазъ. Она опустилась на траву и въ отчаяніи раскачивала головой, спрятавъ ее въ ладоняхъ рукъ и опершись локтями о колѣна.

— Милая, дорогая Сѣльви, послушай, ты вѣдь знаешь, я всегда любилъ тебя.

— Любилъ? Ты любилъ только себя самаго, никого, кромѣ себя, никогда. Не любятъ того, у кого отнимаютъ жизнь и счастье. Во всякомъ случаѣ, я такъ не дѣлаю.

— Ну, милая Сѣльви, сестра, постой-же. Сознаюсь, я сегодня дурно поступилъ и сдѣлалъ тебѣ больно. Но если бы я не думалъ о томъ, чтобы сдѣлать насъ всѣхъ счастливыми, то...

— И чтобы мы всѣ парадировали въ качествѣ сестеръ!.. Оставь меня, оставь меня въ покоѣ, чтобы я могла хоть похоронить то, что единственно было живого во мнѣ, здѣсь...

Она разразилась потокомъ бурныхъ слезъ, недоступныхъ никакимъ утѣшеніямъ.

— Ну вотъ! — сказалъ онъ; онъ зналъ ея необузданную страстность,—и ушелъ.—Сегодня я не обѣдаю дома! — крикнулъ онъ уже съ дороги.

Онъ забѣжалъ въ домъ, чтобы набросить пальто, и направился въ городъ.

III.

— Да, Бера, — сказала фру Форландъ, когда онѣ сидѣли и разговаривали въ гостинной,—когда я слышу, какъ ты и дѣвочка разсуждаете, я, словно, переселяюсь совсѣмъ въ другой міръ. Я родилась въ то время, когда все было прочно установлено, отецъ такъ и былъ отецъ, мать и была мать, стѣна была стѣной, и на ней вѣшали тутъ зеркало, а тамъ — портреты, а если двое были обручены и расходились,

это считалось семейнымъ скандаломъ, хотя бы они и избѣжали несчастья... Молоденькая дѣвушка становилась теткой и должна была вязать чулки, если она не выходила замужъ, иного выхода не было... А если она становилась женою пастора, какъ я, женою хорошаго, прекраснаго человѣка, то, милая Бера, касса была, такъ сказать, заключена, ящикъ плотно закупоренъ. Мы не привыкали уноситься за облака, нѣтъ... Но удивительно, когда я оглядываюсь назадъ, мнѣ кажется, что всѣ отношенія измѣнились путемъ всеобщаго землетрясенія!—я не удивляюсь, все это не представляется мнѣ голымъ абсурдомъ... Пожалуй, скорѣе съ моихъ мыслей и чувствъ спалъ тотъ покровъ, подъ которымъ я долго жила. Оттого-то въ спорахъ съ вами я и уступаю всегда,—улыбнулась она. — Я все начинаю со стараго и вы меня побѣждаете... Я очень хорошо понимаю, что ты права, только по старой привычкѣ я говорю тебѣ, что была бы рада, еслибы Фостэ остепенился и поступилъ въ какое-нибудь изъ городскихъ учрежденій, хотя бы на самое маленькое мѣсто, — послышалось послѣ глубокаго вздоха.

— Дорогая моя фру Форландъ, неужели вы думаете, что это было бы такъ надежно, надежнѣе, чѣмъ если бы онъ самъ пробилъ себѣ дорогу; онъ такъ мало подходитъ подъ ихъ мѣрку.

— Ахъ, ты, конечно, права, Бера! Вѣдь это только я. Его идеи создадутъ ему положеніе, да, и онѣ... да... Уфъ, иной разъ я бываю точно помѣшанная.—Она взялась за голову.—Какъ хорошо, что ты защищаешь его, Бера, вѣришь въ него. Ты вѣдь сама видѣла, что за безуміе былъ этотъ Perpetuum.

Бера, казалось, не знала хорошенько, что сказать.

— Иной разъ онъ бываетъ такой странный, — промолвила она, — что не знаешь, чего ожидать.

Фру Форландъ быстро взглянула на нее.

— Ты опасаешься какого-нибудь чудовищнаго водяного змія, страшилища, которое тебя пугаетъ, Бера; я понимаю тебя. Я ужъ, кажется, знаю его, а долго боялась... Противорѣчія, понимаешь,—противорѣчія онъ не терпитъ. Оно его до такой степени возбуждаетъ, что онъ безсознательно можетъ быть золъ... Потому-то я и была бы спокойна за него, если бы у него было какое-нибудь мирное пристанище, хотя бы самое скромное!—послышалось снова.

— О, нѣтъ, нѣтъ, фру Форландъ! Въ немъ зла нѣтъ. У него богатая фантазія, а онъ еще разукрашиваетъ ея образы. Однако, дорогая,—съ живостью прервала она себя самое,—что это мы сидимъ и строимъ изъ Фостэ чудовищъ и привидѣній!

— Да я всегда говорю съ тобой о немъ, Бэра, потому что никто не понимаетъ его такъ, какъ ты,

— Да, потому что, я вѣрю, — въ немъ есть нѣчто, что еще не вполнѣ опредѣлилось, или не обнаружилось еще,—объяснила Бера.

— Ты думаешь, что дни Господняго сотворенія для него еще не кончились,—улыбнулась фру Форландъ.—Какъ хорошо то, что ты говоришь. Ты умнѣе насъ, Бера. Я вижу, вижу это.

— Богъ вѣсть, на что мнѣ этотъ умъ!—вырвалось у Беры.—Еще съ тѣхъ поръ, какъ онъ жилъ у насъ лѣтомъ, когда онъ начиналъ говорить о себѣ и о своихъ думахъ, мнѣ казалось всегда, что я смотрю въ новый большой міръ. А когда появился Perpetuum, я думала: вотъ будетъ готово колесо и вдругъ разомъ все придетъ въ движеніе!.. Онъ говорилъ о томъ, что́ будетъ съ міромъ, какъ только явится сила.

— А колеса́-то онъ такъ и не сдѣлалъ, да,—прошептала фру Форландъ.

— Этотъ міръ съ новымъ счастьемъ для человѣчества не выходитъ у меня изъ головы!—воскликнула Бера и поднялась.—А потомъ онъ поставилъ себѣ задачей распространеніе электрическаго освѣщенія, онъ...—послѣднія слова прозвучали такъ особенно, что фру Форлондъ невольно поглядѣла на нее.

— А теперь можно мнѣ пойти въ садъ набрать вишенъ, пока я подожду Сѐльви,—быстро докончила она.

— Да, конечно, дитя мое.

Взглядъ фру Форландъ все глубже уходилъ внутрь, пока она слѣдила за исчезнувшей за дверями фигурой Беры.

Подъ вишнями Бера поздоровалась съ Дитлевомъ, который былъ всецѣло поглощенъ семействомъ сорокъ, — къ нимъ онъ питалъ особо-нѣжную симпатію: онъ имъ строилъ весною гнѣзда на ивахъ, на лугу, помогалъ носить прутики и глину. Онъ то и дѣло похлопывалъ руками съ односложными «хутъ-хутъ, шухъ-шухъ», болталъ и разговаривалъ...

Бера взглянула наверхъ въ раскрытое окно мансарды. На крючкѣ висѣли серебряные часы со шнуркомъ,—какъ хорошо знала она ихъ!—Фостэ, вѣрно, забылъ ихъ, когда пошелъ утромъ въ городъ.

Вдругъ она услышала шаги по дорогѣ и удивленный возгласъ: «Да это ты, Бера!»

Фостэ замѣтилъ ее сквозь рѣшетку бесѣдки и подходилъ со всѣми ухватками и ужимками маклера.

— Гдѣ видѣла ты такого продувного, падкаго на деньги кота, Бера? Глаза буквально горятъ электричествомъ.

— Тебѣ бы актеромъ быть, Фостэ.

— Чѣмъ могу служить?

— Да вѣдь это настоящій маклеръ!

— Что за пустяки болтаешь ты, Бера! Простое подражаніе дальше обезьянства не идетъ. Между тѣмъ, актеръ, понимаешь, настоящій актеръ, который возвышается до искусства, онъ заглядываетъ внутрь вывертываетъ наизнанку душу и сердце. Высшее искусство въ томъ и состоитъ, чтобы изобразить не только то, что на кожѣ, но и

что подъ кожей.,. Оно въ томъ, чтобы схватить фигуру здѣсь, тамъ на улицѣ и перенести на подмостки, вдохнувъ въ нее душу!.. Хотя, знаешь, Бера, я думаю, мнѣ удалось поймать одну душу — маклера! Сначала онъ былъ страшно тяжелъ и неповоротливъ. А теперь онъ уже слушаетъ меня,—вѣрно почуялъ, что здѣсь есть чѣмъ заняться,—настоящія условія для курорта въ европейскомъ смыслѣ. А пока—молчокъ! могила... пока мы не обезпечимъ за собою за грошъ участки здѣсь по берегу!.. Я счастливъ, что не долженъ лично, непосредственно обманывать собственниковъ, а могу сдѣлать это чрезъ маклера.

— Ну, эту сторону дѣла, полагаю я, маклеръ долженъ взять на себя, и онъ понимаетъ это,—вставила Бера.

— Вотъ какъ.....

— Не то, чтобы я сомнѣвалась въ томъ, что ты *можешь* это, Фостэ; ты такъ глубокъ вообще. Ты только не смогъ бы вынести послѣдствій.

— Ты думаешь, что я всегда останусь чертовски непрозрачнымъ, съ чрезмѣрно-утонченной совѣстью, однимъ изъ тѣхъ субъектовъ, какихъ выращиваютъ за стеклами въ прочныхъ старыхъ домахъ! Но знай, люди, которые должны дѣйствовать, принадлежатъ къ воинственнымъ натурамъ, они могутъ разбить яйцо и задушить цыпленка ради результата.

— Да, но эти люди никогда не слышатъ за собой писка этого цыпленка, понимаешь.

— А, я знаю, чего не достаетъ,—возразилъ онъ взволнованно.— Того, кто могъ бы вложить въ твое сердце новую вѣру вмѣсто той, которую ты утратила съ Perpetuum'омъ! Но...

Онъ потянулся и нагнулъ нѣсколько вѣтокъ.

— Я нагну тебѣ вишни... Пусть онѣ сыплются на тебя дождемъ, возьми ихъ, возьми ихъ всѣ! Онѣ такія красныя, а ты такъ блѣдна, Бера! какъ и я. Бери ихъ, бери... Если бы ты знала, какъ важно иду я по улицамъ и какое для меня наслажденіе—при моемъ истрепанномъ галстухѣ и засаленной курткѣ водиться съ энглизированными городскими франтами, съ которыми когда-то мы сидѣли на одной скамейкѣ... съ дѣловыми людьми отъ головы до пятъ, понимаешь...

— Нѣтъ, положительно не могу понять, что тебѣ за охота казаться особеннымъ, какъ будто ты и безъ того недостаточно своеобразенъ и самостоятеленъ,—возразила Бера.—И всегда-то тебѣ хочется кого-нибудь попирать ногами!

— О, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ... То, чѣмъ я страдалъ и теперь еще страдаю,—скорѣе стремленіе постичь ихъ. Какъ часто задумывался я и съ любопытствомъ доискивался, что собственно скрывается за сдержанными торжественными козлиными физіономіями этихъ молчаливыхъ городскихъ божковъ, имѣющихъ власть высмѣять человѣка,

предъ которыми я еще и теперь испытываю жуткое дѣтское чувство,—нѣчто въ родѣ страха предъ міромъ взрослыхъ, предъ его таинственной недоступностью.

— Сколько въ тебѣ еще дѣтскаго, Фостэ, не въ обиду тебѣ будь сказано...

— Но это время меня занимала не столько сама спекуляція, какъ то̀, что я, дѣйствительно, вошелъ немного въ довѣріе къ маклеру и чрезъ него попалъ за городскія кулисы,—фактъ, открывшій мнѣ очень многое: я могу теперь слѣдить за всѣмъ сухимъ, острымъ взглядомъ маклера. Понимаешь ли ты, вѣдь покровъ иллюзій упалъ съ моихъ глазъ!

— Но я уже спрашивала тебя, что тебѣ нужно отъ всѣхъ этихъ «большихъ», какъ ты называешь ихъ?!—возразила она.

— Что, что?.. Ты дожна понимать, что ты унижаешь меня, Бера. Не считаешь ли ты меня ниже ихъ?

— Нѣтъ, но ты никогда не будешь чувствовать себя на своемъ мѣстѣ тамъ, гдѣ этотъ народъ не забывается даже во снѣ! У тебя свой міръ мыслей и чувствъ, который лежитъ Богъ вѣсть гдѣ, но во всякомъ случаѣ далеко внѣ ихъ міра. Что касается меня, я думаю тебѣ бы быть ученымъ или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ.

— Нѣтъ, я не ученый,—воскликнулъ онъ.—Помилуй, что ты? Быть однимъ изъ этихъ ученыхъ, разсѣянныхъ полусумашедшихъ, которые сидятъ въ стойлѣ съ книгами, полуслѣпые, и тянутся за уздечкой! Я не знаю гдѣ предѣлъ моимъ желаніямъ, что я желалъ бы создать и познать въ чудесахъ міра! Я отъ міра сего, Бера, принадлежу къ нему по натурѣ и по убѣжденію! Я выше этихъ росказней объ идеальномъ мірѣ! На самомъ дѣлѣ — это лишь старая ветошь, которою завѣшиваются отъ настоящей жизни. Поэтому то я и готовъ всю жизнь положить, чтобы добыть то, что нужно людямъ и что дастъ мнѣ — иниціатору — богатство, власть, положеніе, все, что считается цѣннымъ! Говорятъ, опасно быть милліонеромъ. А когда милліоны въ рукахъ—опасно тратить ихъ на то, чтобы разъѣзжать въ раззолоченныхъ каретахъ цугомъ или объѣзжать землю на собственной яхтѣ...

— Разскажи-ка объ этомъ маклеру, такъ увидишь!!.

— Еще бы; но Фостэ Форландъ не такъ-то глупъ! Однако ты перебила меня и я потерялъ нить,—что за манера... Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы походимъ другъ на друга, какъ огонь и вода.

— Я говорю только, никогда въ твоей груди не будетъ биться алчное сердце, Фостэ! А это необходимо, чтобъ стать денежнымъ человѣкомъ. Для тебя твои идеи и мысли всегда будутъ на первомъ планѣ, какъ для тѣхъ—ихъ шиллинги.

— Однако, по твоему выходитъ, что никто, кто хочетъ быть рыцаремъ духа, не долженъ соприкасаться съ дѣйствительностью! Тогда

какъ на дѣлѣ каждый талантъ сремится и жаждетъ разрушать и создавать... Ты стала какая то непонятливая, Бера, а истины, сладчайшія меда, всегда у тебя наготовѣ.

— Если я буду говорить твоимъ языкомъ, Фостэ,—то скажу, что въ воображеніи маклера крона рисуется въ величину полной луны, а идею онъ и не разглядитъ. Для тебя же мысль, идея—все, а деньги—ты мѣшками и бочками кидаешь ихъ въ море!

— Ну вотъ, снова узнаю тебя, Бера,—ты опять прежняя, великодушная, возвышенная Бера!—въ этомъ внезапномъ свѣтѣ... Чему ты улыбаешься, ты смѣешься...

— У тебя, Фостэ, настоящій талантъ ускользать отъ предмета рѣчи. Отчего-бы тебѣ не сойтись съ Экомъ; онъ такой обязательный человѣкъ и такъ близко принимаетъ къ сердцу благо города,—вмѣсто это противнаго маклера.

-- Почему?..

— Да именно почему?—Есть нѣчто, въ чемъ ты, кажется, не отдаешь себѣ самому яснаго отчета...

— Но что я вижу, подразумѣваешь ты. Не было бы ничего удивительнаго, если бы были вещи, которыя я не понималъ бы лучше другихъ. Знаешь ли, звѣзды...

— Ну, маклеръ во всякомъ случаѣ не звѣзда, отнюдь ужъ не блестящая. Тогда какъ Экъ,—отецъ говоритъ, что его насквозь видно—точно стеклянный.

— Но мнѣ въ данную минуту нужно нѣчто иное, чѣмъ такой прямолинейный умъ, который можетъ ѣхать съ возомъ только посреди улицы и не свернетъ въ сторону, какъ бы тѣсно ни было.

— Да, но тонко-развитой умъ, такъ разносторонне направленный...

— Это уже по моему адресу,—съ дрожью въ голосѣ заговорилъ онъ;—меня ты считаешь заколоченнымъ домомъ съ кучей сомнѣній на темномъ чердакѣ. Однако, честь чести розь... Идетъ рѣчь о мѣщанской честности или о честности въ отношеніи своей идеи! Тутъ честность заключается въ томъ, чтобы выдержать, пока другіе не обратятъ на это вниманія. Впрочемъ, милая Бера, я не вижу ничего нечестнаго въ своемъ поведеніи. Но если бы ты могла только понять, за какое мѣщанство ты вступаешься! Этотъ Экъ—чистѣйшая, даровитѣйшая и величайшая посредственность и, кажется, не только въ этомъ городѣ, но и въ цѣлой странѣ! Потому-то онъ, едва тридцати лѣтъ отъ роду, сталъ представителемъ города и тальманомъ всей его посредственности. Я вижу ясно, онъ—мой противникъ... Да, это очевидно!.. Рядомъ съ его удивительной ясностью все мое быстро окажется вздоромъ и пустяками... Однако, я заставлю и его гнуть шею... Вообще, Бера, скоро придется тебѣ рѣшать, къ чьему берегу ты пристанешь—къ его или къ моему, если, конечно, наша дружба не порвется!.. Такъ ты... ты...—онъ наградилъ ее яростнымъ взглядомъ,—такъ твой отецъ удивляется ему?

— Да, и я могу тебѣ сказать: я тоже. Я нахожу, что онъ весьма достойный человѣкъ. Такое благотворное ощущеніе испытываешь отъ сознанія его ясности...

— Онъ? человѣкъ въ стеклянномъ домѣ! онъ... Клянусь тебѣ, я выбью у него всѣ рамы, и ты увидишь «достойнаго» человѣка въ осколкахъ! А теперь скажи мнѣ, признайся, приходила ты сюда, чтобы поговорить съ матерью и съ Сёльви или для того, чтобы перетянуть меня отъ маклера подъ этотъ надежный гарантированный кровъ въ человѣческомъ образѣ?

— Милый Фостэ, помни, ты хитришь только нечаянно, — поддразнила она.—Ну, да изъ-за маклера.

— Ты считаешь, что меня непремѣнно надо вести на буксирѣ. Благодарю, я самъ справлюсь со своими лыжами! Но у тебя, Бера, хватитъ ли смѣлости дѣйствовать и надѣяться со мной заодно?—съ жаромъ закончилъ онъ...—Шляпа такъ задорно сидитъ у тебя на головѣ, сама быстрота и стремленіе...

— Только что дружбѣ нашей конецъ, а сейчасъ...

— Охъ, ужъ мнѣ эта твоя манера... Во всемъ, что ты говоришь, скрывается частица проклятой молчаливой насмѣшки, заимствованной оттуда изъ города! Нѣтъ... нѣтъ... будь покойна и не подчеркивай вѣчно и всегда эту «границу». Стоитъ мнѣ только позвать тебя куда-нибудь повыше, ты сейчасъ уже... Нѣтъ, знай, для возвышеннаго ума есть иныя возвышенныя, захватывающія радости... Кто живетъ идеей, у того въ крови горитъ нѣчто иное, чѣмъ любовная ерунда и женская болтовня. Неужели Наполеонъ или кто-нибудь изъ великихъ людей думалъ о чемъ-нибудь подобномъ; кто изъ нихъ, прежде чѣмъ дѣла были окончены, вышелъ бы въ бальный залъ съ приглашеніемъ: «милыя дамы, пожалуйте!» Кто изъ нихъ, этихъ мужей, могъ бы въ рѣшительную минуту уноситься мыслью и сердцемъ за локономъ!

— Да, да,—прервала его Бера,—коротко и ясно. Я не ѣду съ тобой на салазкахъ. А теперь я пойду, подожду Сёльви.

— Но, постой-ка, постой, послушай... Что съ тобой? у тебя на глазахъ слезы. Отчего? я сказалъ какую-нибудь глупость? Неужели я тебя обидѣлъ,—тебя, кого я меньше всѣхъ на свѣтѣ хотѣлъ бы огорчить! Ты должна понять, что я ищу въ тебѣ твой духъ, а не женщину... Увѣряю тебя, Бера,—прибавилъ онъ,—въ этотъ моментъ ты красивѣйшая въ этомъ городѣ, почти такъ же прекрасна, какъ мать, когда ее что-нибудь сильно захватитъ!

— Спасибо, Фостэ, этотъ комплиментъ я могу принять, твоей матери подъ шестьдесятъ.

— Въ тебѣ есть какой-то внутренній свѣтъ, который влечетъ меня къ тебѣ. Я думаю, безъ тебя само веселье утратило бы свою прелесть, чортъ возьми!.. Ты, знаешь, ты — какъ это говорится? — женственно прекрасна...

— Сёльви, Сёльви!—закричала Вера сквозь рѣшетку.—Цѣлыхъ полчаса стою я здѣсь и ѣмъ вишни въ ожиданіи тебя. Не придешь ли ты къ намъ сегодня вечеромъ? Консулъ Розенквистъ и Франциска обручены. У отца партія виста...

— И ты боишься, что Франциска въ пятый разъ станетъ повѣрять тебѣ свой старый романъ,—засмѣялась Сёльви.

— Кромѣ того, будутъ только Вальборгъ и Дина Бредеръ...

— Докторъ Фалькенбергъ и еще кое-кто изъ молодежи,—добавилъ Фостэ.

Сёльви съ быстротой молніи скрылась въ подъѣздѣ

Вера растерянно и въ недоумѣніи смотрѣла на него.

— Милая Вера, ты должна пригласить доктора. Я горячо тебя объ этомъ прошу!

Вера не понимала.

— Что ты еще задумалъ, Фостэ.

— Ахъ, еслибъ ты знала, какъ я люблю сестру Сёльви и какъ мнѣ будетъ горько, если она обманется въ своемъ счастьи... Она такъ вѣрила въ жизнь, была такъ довольна, такъ удовлетворена! А теперь... Я видѣлъ, она плакала кровавыми слезами!.. Но я понялъ все это, дорогая, только потомъ.

— Я думаю, ты правъ, Фостэ, Фалькенберга надо позвать,—прошептала Вера.—Такъ я жду тебя сегодня, Сёльви!—крикнула она наверхъ въ окно и выбѣжала въ калитку.

Пока вечеръ медленно подкрадывался, Фостэ безъ сюртука сидѣлъ наверху, на своемъ жаркомъ чердакѣ, дѣлалъ выкладки и считалъ. По мѣрѣ того, какъ онъ что-нибудь заканчивалъ, онъ подходилъ къ маленькому открытому окошку и такъ внезапно начиналъ пѣть, что сороки подымались съ крыши.

Тѣни, все длиннѣе и длиннѣе, ложились по землѣ, и часамъ къ пяти, шести потянулъ совсѣмъ прохладный вѣтерокъ.

Вотъ вышла Сёльви въ свѣтломъ платьѣ, одѣтая, чтобы идти въ гости.

Она выбирала и искала на грядкахъ самый лучшій цвѣтокъ, чтобы приколоть его къ кушаку.

Фостэ стоялъ въ окнѣ съ биноклемъ въ рукѣ и смотрѣлъ на разбросанныя городскія крыши, внизъ на море, покрытое судами... Этотъ городъ онъ покоритъ... Блѣдный вечерній свѣтъ становился все слабѣе и слабѣе... Съ закатомъ солнца исчезъ флагъ на таможнѣ, и въ морѣ суда спускали флаги одно за другимъ. Рабочіе возвращались домой, канатчики шли съ узелками, съ жестянками въ рукахъ. Безпрерывный шумъ, стоявшій надъ городомъ, умолкъ и только время отъ времени долеталъ изъ предмѣстья окрикъ или свистъ.

Ужъ поздно... Вотъ въ саду Грегерена залаяла собака. Далеко гдѣ-то мерцаетъ цвѣтной огонекъ, пароходъ свиститъ и шумитъ. На дачѣ коммерсанта Мёрка фейерверкъ...

Фру Форландъ нѣсколько разъ вставала съ постели и подходила къ окну ожидая возвращенія Сѐльви. Вотъ Сѐльви открыла и заперла за собою дверь. Она, повидимому, спѣшила, но предъ дверьми спальни остановилась на минуту, прежде чѣмъ осторожно повернуть ручку.

Она вошла какъ-то странно спокойно, но вдругъ кинулась матери на шею.

— Я такъ счастлива, такъ счастлива, мама!

— Но, дитя... охъ, ты задушишь меня, тише...

— Но я такъ счастлива, мама, я никогда еще не была такъ счастлива... Я не могу даже плакать... Ахъ, мама, мама, твоя дочь сегодня снова родилась, теперь она — человѣкъ, который хочетъ жить, который раньше никогда и не подозрѣвалъ, что жизнь такъ прекрасна... Завтра я готова хоть въ рѣку, но сегодня, сегодня...

— Ну, ну, ты моя сильная дѣвочка, ты совсѣмъ внѣ себя...

— Я отнюдь не взволнована, мама, я только такъ не привыкла къ счастью. Все поетъ вкругъ меня...

Она смѣялась и улыбалась своимъ воспоминаніямъ:

— Онъ смѣшалъ карты, какъ только увидѣлъ меня черезъ стекло, на лѣстницѣ. Онъ не хотѣлъ больше играть въ вистъ... Понимаешь, онъ пришелъ, пока мы всѣ были въ саду, и...

— Ты лучше успокойся немножко, я чувствую, какъ ты дрожишь, дитя.

— Мама, дорогая, предъ тобою взрослый человѣкъ, который не хнычетъ и не плачетъ; я боюсь только,—это все сонъ, который исчезнетъ днемъ. Я не буду спать и стану стеречь то, что я чувствую.

— *Онъ*, вѣрно докторъ Фалькенбергъ?

— Да, да, да, мама! Ну, теперь я разскажу все по порядку съ начала... Бера была въ полосатомъ кисейномъ платьѣ, какъ разъ домашній туалетъ для хозяйки. Ты знаешь, она никогда не забываетъ своего достоинства, какъ единственная дочь и представительница дома Гюллингъ. Милая старушка Франциска расхаживала въ красномъ шелкѣ съ кушакомъ и башмаками, какъ у маленькой дѣвочки, и при этомъ длинный черепаховый лорнетъ висѣлъ до колѣнъ. Вальборгъ и Энна Бредеръ, какъ всегда, одинаково одѣты, «два кусочка сахара», говоритъ про нихъ Бэкманъ. Экъ, внѣ всякаго сомнѣнія, весь поглощенъ Берой. Хоть онъ и держится вполнѣ корректно, а все-таки замѣтно. А, еще, да, Ганна была, и Тина... Нѣтъ, мама, больше не могу!.. Знаешь, когда онъ отложилъ карты, то сталъ, какъ всегда, протирать очки и глядѣть на свѣтъ, вкось, знаешь, такъ лучше видно стекло. Я сразу поняла, что это онъ меня увидѣлъ на лѣстницѣ и разсматривалъ, словно я—картина.

— Я притворилась, что ничего не замѣчаю, но чувствовала, что преглупо покраснѣла до ушей, я была счастлива, что мнѣ удалось прицѣпиться къ Ганнѣ, которая побѣжала въ садъ, гдѣ собирались играть въ «Третій безъ мѣста». Предложила Бера съ Бэкманомъ, къ нимъ присоединился Экъ. Я бѣжала съ адвокатомъ Клемъ, и почти не сообра-

жала, что дѣлаю. Знаю только, что когда мы остановились, Фалькенбергъ оказался какъ разъ передо мной, взялъ меня за руку, быстро повернулся и пошелъ; я ясно чувствовала, что онъ тащитъ меня по садовымъ дорожкамъ, пока мы не пришли къ угловой бесѣдкѣ. Сначала онъ почти не могъ говорить. Но Боже! какъ онъ былъ хорошъ, у женщины никогда не бываетъ такой глубокой красоты!.. Я стояла и, какъ во снѣ, прислушивалась къ тому, что онъ говорилъ. Да, онъ столько говорилъ... Наконецъ тихо, проникая мнѣ въ самую душу, спросилъ: «Хотите ли вы, Сельви, отдать мнѣ эту теплую, надежную руку?»

Хочу ли я... Послѣ этого мы вернулись къ остальнымъ; боюсь, отсутствовали мы слишкомъ долго. Но намъ надо было такъ безконечно много сказать другъ другу. Къ Рождеству я буду фру Сельви Фалькенбергъ.

Она прилегла на подушку и повторяла тихо, въ раздумьи:—Мама, мама, можешь ли ты понять это?

— Да, правда,—она разомъ поднялась,—можешь ли ты, въ самомъ дѣлѣ, понять вотъ это?.. Когда я уходила, Бера крѣпко обняла меня въ саду и прошептала:

— Будь же ты счастлива!—Я видѣла у нея на глазахъ слезы...

А Бера Гюллингъ ночью послѣ этого стояла на отцовской верандѣ, освѣщенной слабымъ мѣсячнымъ свѣтомъ; крѣпко стиснувъ руки, она глядѣла въ даль...

Стояла влажная лѣтняя ночь, воздухъ былъ пропитанъ запахомъ резеды и розъ.

— Да, Сельви была счастлива!

А она? Она знала, что всякій разъ, какъ Фостэ приходилъ къ ней, чѣмъ-нибудь сильно заинтересованный, предъ ней точно выростала холодная стѣна; она чувствовала, ихъ раздѣляли сотни миль... Тамъ погружался онъ сердцемъ и душой. Онъ любилъ идею. Женщина была для него только минутнымъ спутникомъ на этомъ пути...

Съ каждымъ разомъ въ ней все тверже укоренялось сознаніе, она чувствовала, что страсть чужда его душѣ, у него иной складъ ума. Завоевывать новыя поприща, покорять міры, добывать богатства, пускать въ обращеніе новыя мысли естественная потребность его натуры. А женщина? Да, пока онъ слышитъ въ ней отзвукъ на все это! Но, Боже! какъ онъ заставляетъ биться ея сердце... У него иныя цѣли. Стоило ей высказать противоположное воззрѣніе, разомъ ощущался холодъ порвавшейся связи и снова должна была она «вкрадываться» въ сферу его вниманія и интересовъ. Она почувствовала, что блѣднѣетъ: онъ не можетъ на своемъ жизненномъ пути искать поддержки у «дѣвочки», онъ изъ тѣхъ честолюбивыхъ людей, которые имѣютъ свое призваніе и которые искренно могутъ любить лишь свои идеалы.

Его истинная любовь витаетъ въ облакахъ...

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

СОВРЕМЕННАЯ ПОМѢЩИЦА КОРОБОЧКА И ЕЯ ХОЗЯЙСТВО.

ДЕРЕВЕНСКІЕ ОЧЕРКИ.

I.

Значительную часть своей жизни съ дѣтскихъ лѣтъ мнѣ пришлось прожить въ деревнѣ, сперва въ родительской на положеніи барышни, помѣщичьей дочки, затѣмъ въ имѣніи мужа въ качествѣ барыни-хозяйки. Ни то, ни другое положеніе не подготовило меня къ третьему, въ которомъ я оказалась, овдовѣвъ и получивъ имѣніе въ свое пожизненное владѣніе.

Пожизненное владѣніе... Юридическій терминъ, два простыя слова, съ которыми у меня не соединяется никакого сложнаго представленія. Въ сущности вещей развѣ каждое владѣніе можетъ быть инымъ, какъ только пожизненнымъ? Владѣю, пока живу; умираю — слѣдовательно, перестаю владѣть. Иллюзія загробнаго вліянія на ходъ жизни, на близкихъ людей, хотя бы только на внѣшній видъ покидаемаго на землѣ—не все ли менѣе возможна она при возрастающемъ по скорости темпѣ жизни, при несходствѣ поколѣній, теперь, когда все меньше общаго у отцовъ и дѣтей? У родителей западниковъ сынъ почему-то непремѣнно стремится на востокъ. У отца эстетика дѣти отличаются умышленной грубостью и цинизмомъ. У любителя клеенчатой мебели клеенка изгоняется наслѣдниками изъ домашняго употребленія. Въ видѣ педагогическаго пріема высказывалось даже предположеніе: попробовать развивать въ воспитываемыхъ противоположныя качества для полученія желаемыхъ результатовъ. Чтобы развить, напримѣръ, бережливость—поощрять расточительность; возбуждать любовь къ изящному не поощреніемъ, а наоборотъ—преслѣдованіемъ эстетики...

Но все это относится къ дѣтямъ, слѣдовательно, относится къ людямъ. Въ деревенской жизни, въ постоянномъ, ближайшемъ общеніи съ природой, съ животными и растеніями не нужны изворотливыя соображенія. Все здѣсь яснѣе и проще. Счастье, что мнѣ придется имѣть дѣло съ ними въ моемъ пожизненномъ владѣніи.

Я подхожу къ маленькой, недавно посаженной мною березѣ. Вся она, какъ ребенокъ, у меня въ рукахъ. Ея тонкій, еще не бѣлый стволъ, покрытый коричневой кожицей съ бѣлыми мѣтинами, гнется по вѣтру; тонкія вѣтки съ треугольными, зубчатыми листьями, какъ живыя, трепещутъ и колышатся. Я садовыми ножницами, какъ головку ребенка, обстригаю вѣтки и придаю маленькой кронѣ ту форму, какую хочу. И пока я жива, деревцо сохранитъ эту форму, и какъ знакомое лицо мои глаза, - пока въ нихъ будетъ свѣтъ, будутъ встрѣчать его, радостно и любовно отличая посреди другихъ деревьевъ.

У меня имѣніе въ двѣсти двадцать десятинъ въ шестидесяти верстахъ отъ Москвы. Хозяйство, какъ принято говорить, все еще „налаживается“ въ немъ. Хозяйничаетъ, кромѣ меня, приказчикъ, крестьянинъ Смоленской губерніи, вывезенный мною лично по рекомендаціи близкихъ родственниковъ покойнаго Александра Николаевича Энгельгардта. Ему уже шестьдесятъ лѣтъ. Онъ самъ хорошо зналъ и помнитъ покойнаго профессора и отзывается о немъ съ восхищеніемъ и почтительностью.

— Ужъ такой-ли былъ хозяинъ, прямо надо сказать—спиталистъ. Всякое дѣло испыталъ и все могъ. Что говорить, старательный, хорошій былъ баринъ.

Ко мнѣ Михайло Ильичъ относится снисходительно. Какъ старый человѣкъ, воспитанный еще при крѣпостномъ правѣ, онъ вѣжливъ, почтителенъ, но въ душѣ презираетъ хозяйственную неумѣлость современной Коробочки, которую она не умѣетъ скрыть и проявляетъ съ первыхъ же шаговъ по всякому поводу.

Новоселье на старости лѣтъ — печальное новоселье. Оно не скрашено мечтами о будущемъ. Въ настоящемъ на лицо весь неизбѣжный рядъ хлопотъ, мелкой возни, серьозныхъ хозяйственныхъ разсчетовъ, затрудненій и соображеній, а впереди... нѣтъ будущаго.

Ранѣе всего другого необходимо устроить себѣ гнѣздо, собственное, защищенное отъ вліянія стихій, жилище. Въ самомъ скоромъ времени дѣлается очевиднымъ, что въ тѣхъ новыхъ условіяхъ существованія, въ которыя поставила судьба, деревенская жизнь прежде всего есть борьба, борьба со стихіями въ самомъ буквальномъ смыслѣ этого слова. Безъ этой борьбы нельзя получить ничего—стакана чистой воды, чистаго бѣлья, нельзя спастись отъ полярныхъ ураагановъ, выдувающихъ натопленный домъ такъ, какъ будто бы стѣны были сдѣланы изъ кисеи.

Городскимъ жителямъ съ услугами водопроводовъ и водовозовъ, въ городскихъ домахъ, на защищенныхъ домами, городскихъ улицахъ, съ цѣлымъ штатомъ, готовыхъ къ услугамъ лицъ—прачекъ, дворниковъ, извозчиковъ и проч.—трудно даже вообразить

себѣ въ полной мѣрѣ подобное положеніе. Совершенно иное оно и въ богатыхъ, благоустроенныхъ помѣстьяхъ, гдѣ все устраивалось навѣкъ, заботами нѣсколькихъ поколѣній, и все держится еще стариннымъ, прочнымъ укладомъ. Въ данномъ случаѣ нѣтъ ни того, ни другого. Все нужно поставить съизнова, завести, устроить самой, словомъ, нужно начинать съ начала.

На лицо имѣется флигель въ пять комнатъ, ветхій, но еще подходящій для перестройки. Плохи полы, плохъ накатъ, хоть мнѣ и помнится, что мѣняли его не такъ давно, какъ будто на моей памяти. Но, однако, все прогнило, завалилось, перекосилось.

Приглашаются плотники. Это нужнѣйшіе люди въ деревенскомъ обиходѣ. Постоянные пожары доставляютъ имъ постоянную работу. Плотники всегда нарасхватъ; ихъ кормятъ, за ними ухаживаютъ хозяева, и не всегда легко залучить ихъ къ себѣ.

Время—поздняя осень. Работу обѣщаютъ окончить къ первому ноября.

Я хожу, осторожно пробираясь между развороченными старыми бревнами и, заготовленнымъ для наката, свѣжимъ шестерикомъ, наклоняюсь и поднимаю съ земли кусокъ истлѣвшаго, видомъ напоминающаго медовую коврижку, толстаго бревна. Оно, какъ коврижка крошится, въ рукахъ.

— Почему оно такъ скоро сгнило?

— А сопрѣло. Духу ему, стало быть, вольнаго, воздуху легкаго не было. Вишь продухи-то какіе низкіе. Ну, тяги-то, значитъ, настоящей и нѣтъ.

— Да зачѣмъ же сдѣлали низкіе продухи?

— А это того надо спрашивать, которые дѣлали. Мы этому дѣлу не причинны.

Плотникъ—молодой малый, грамотный, въ красной рубахѣ съ узкимъ пояскомъ, въ новомъ картузѣ на кудрявыхъ волосахъ, ловкимъ движеніемъ запускаетъ въ дерево топоръ и подвигаетъ къ себѣ бѣлое, съ каплями смолы, пахучее бревно.

Я отхожу, чтобы не мѣшать работѣ, съ смутнымъ ощущеніемъ неудовольствія и нѣкотораго стыда.

Я уже теперь совершенно отчетливо вспоминаю, что накатъ во флигелѣ дѣйствительно перестилали не такъ давно, когда мы еще жили въ другомъ имѣніи, и плотники были такіе же ловкіе, франтоватые, молодые ребята. Я пріѣзжала тогда смотрѣть на работу, шутила и разговаривала съ рабочими и смотрѣла на все пустыми, невидящими глазами, ничего не замѣчая и не понимая ничего. И совершенно также я стою и смотрю и теперь. Новаго только одно: сознаніе того, какъ это печально и какъ невыгодно и неудобно такъ смотрѣть.

Но въ самомъ дѣлѣ, почему же оно такъ? Почему я не по-

нимаю ровно ничего въ такомъ простомъ и важномъ, насущномъ вопросѣ, въ вопросѣ о жилищѣ, необходимомъ для всѣхъ? Мы такъ много говоримъ о самостоятельности, такъ стремимся къ ней. И вотъ приходится почувствовать свою несостоятельность на первомъ же практическомъ, живомъ дѣлѣ.

А между тѣмъ идеалъ воспитанія Маниловой, когда требовался французскій языкъ и вязаніе чехольчиковъ на зубочистки, считался архаизмомъ уже и въ наше время. Мы учились уже не только вязанью и французскому языку, но учили и... про Дарія Гистаспа, и про Пелопонезскую войну, учили о строеніи минераловъ и о движеніи планетъ, о нравахъ, обычаяхъ и жителяхъ во всевозможныхъ странахъ... Когда-то знали все это, хотя, разумѣется, совершенно позабыли теперь. Но что нужно для того, чтобы хорошо былъ выстроенъ домъ, въ которомъ можно поселиться и жить человѣку—про это никто никогда не говорилъ, не упоминалъ ни единымъ словомъ. Даже и въ небогатыхъ семьяхъ, даже и въ деревнѣ держали насъ далеко отъ всего, и этого въ свое время не узнали мы.

А помѣщица Коробочка, та подлинная, прежняя, та знала навѣрное. У нея не только у самой, но даже у ея мужиковъ „избенки крѣпкія, изветшавшій тесъ на крышахъ вездѣ замѣненъ новымъ, ворота нигдѣ не покосились“. Наружному благоустройству навѣрное соотвѣтствуетъ и внутреннее. Наблюдательный Чичиковъ не отмѣчаетъ какой-либо неисправности и въ его похожденіяхъ не встрѣчаются знакомыя, разомъ приходящія теперь па память современныя картины: гостиная со штофной мебелью, съ нарядной обстановкой и съ покосившимися, прогнившими, опустившимися къ одному углу накатами и полами. Маленькія дѣти въ семьѣ восхищаются возможностью безъ лотка катать яйца на Святой, но старшіе члены семьи въ такихъ гостиныхъ имѣютъ сконфуженный и удрученный видъ. Потомъ гостиную перестаютъ топить и запираютъ на ключъ. Частью вымершая, частью разлетѣвшаяся семья ютится въ уцѣлѣвшихъ комнатахъ. Ихъ ожидаетъ, безъ сомнѣнія та же участь... Чего же не хватило? „Зоркаго взгляда помѣщицы Коробочки, вперявшей глаза въ каждый хозяйственный предметъ, всецѣло переселявшійся въ хозяйственную жизнь?“ Или не хватило продуховъ, вольнаго воздуха? Или не хватило того и другого вмѣстѣ?

II.

Въ нашемъ флигелѣ мы поселяемся втроемъ—представительницы трехъ поколѣній: я, старушка моя тетушка и молодая дѣвушка моя дочь. Мужской элементъ отсутствуетъ въ нашей семьѣ,

если не считать служащихъ, съ которыми сами собой устанавливаются простыя, тѣсныя, семейныя отношенія.

Хозяйство Спасскаго, какъ земля на трехъ китахъ, утвердилось и держится на трехъ столбахъ. Эти столбы—приказчикъ Михайло Ильичъ и двѣ женщины работницы, одна вдова, другая—незамужняя, старая дѣвушка. Всѣ трое живутъ въ имѣніи давно, уже нѣсколько лѣтъ.

Михайло Ильичъ средняго роста, сѣдой, чернобровый, еще бодрый старикъ. Онъ самъ про себя говоритъ, что Господь далъ ему стараніе и далъ дарованіе къ хозяйству. Это вѣрно. Онъ настоящій хозяинъ-любитель, Микула Селяниновичъ. Онъ любитъ землю и съ глубокимъ и набожнымъ чувствомъ относится ко всему, что земля даетъ, главнымъ образомъ къ хлѣбу. При переходѣ имѣнія въ наше владѣніе (Михайло Ильичъ всегда говоритъ „наше имѣніе, наши поля“ и т. д.) единственный вопросъ, волновавшій его, былъ: кому достанется въ тотъ годъ рожь, посѣянная въ Спасскомъ его руками?

Онъ всегда самъ сѣетъ и, несмотря на званіе приказчика и шестьдесятъ лѣтъ, при случаѣ еще пашетъ самъ, хотя подъ Москвой пахота считается самой черной, мужицкой работой, на которую ни за что не соглашаются даже и вторые хозяйственные чины—садовники, не говоря уже о первыхъ—приказчикахъ. Пашетъ Михайло Ильичъ художественно, артистически. Художникъ залюбовался бы имъ и помѣстилъ бы въ картину. Смотря по времени года, на немъ рубаха, низко подпоясанная, или свитка изъ домодѣльнаго сукна, на ногахъ онучи и лапти. Онъ всегда беретъ нарочно, по хозяйственному разсчету самую плохую, неспособную къ пашнѣ лошадь, которая ни за что не пойдетъ у работника. И все же пластъ ложится у него ровной, не прерывающейся полосой, одинъ къ одному, отрѣзанный какъ по линейкѣ, а старчески-стройная фигура на фонѣ черной, поднятой земли, съ бѣлой головой, на бѣлыхъ въ онучахъ, твердыхъ ногахъ поражаетъ своеобразной красотой и спокойной увѣренностью движеній.

Когда я смотрю на Михаила Ильича во время его работы, я часто не могу его отдѣлить отъ этой земли, отъ неба и деревьевъ и травы, и всего окружающаго. Онъ самъ составляетъ какъ бы часть этого всего, живущаго одной общей, стихійною жизнью. Онъ несомнѣнно очень хорошій, но совсѣмъ не идеальный человѣкъ. Недостатки его необыкновенно характерны для него.

Главное преступленіе Михаила Ильича, навсегда отмѣченное въ его формулярѣ тетушкой, его поздній романъ съ молодою работницей. Романъ продолжался нѣсколько лѣтъ, но въ томъ-то и сила, что въ сущности никакого романа не было, и въ моей душѣ вся эта исторія не возбуждала негодованія.

Суть дѣла была совсѣмъ въ другомъ.

Старая, по слухамъ сварливая свопидомка, жена осталась блюсти собственное крестьянское хозяйство въ Смоленской губерніи. Какъ хозяинъ и мужъ, Михаилъ Ильичъ аккуратно посылаетъ ей поклоны и письма, кое-когда и деньги, каждый годъ ѣздитъ на побывку недѣли на три домой, а затѣмъ любитъ молодую и красивую Степаниду совершенно такъ же просто, какъ коситъ и пашетъ и потому же, почему пашетъ, почему восхищается новорожденнымъ теленкомъ, почему собственными руками устраиваетъ гнѣзда для утокъ и куръ, и тѣми же руками, съ тѣмъ же спокойнымъ, невозмутимымъ выраженіемъ рѣжетъ при надобности съ большимъ искусствомъ не только птицу, но и крупный рогатый скотъ, и ласкаетъ бѣлую головку Степанидинаго мальчугана, прижитаго раньше его отъ молодого работника.

Никакихъ противорѣчій во всемъ этомъ нѣтъ для него, какъ нѣтъ ихъ въ окружающей его природѣ. И все вокругъ идетъ своимъ простымъ, естественнымъ ходомъ. И красивая, молодая Степанида, разумѣется, не любитъ его. Она нашила себѣ шубъ и шубокъ, накупила полушалковъ и платковъ и ушла. Но за то же время уходили и ушли силы и годы Михаила Ильича. На покосѣ онъ какъ-то упалъ съ возу, расшибся сильно и былъ, что называется, „у смерти“. Послѣ того онъ съѣздилъ домой, сходилъ пѣшкомъ къ угоднику въ Нилову пустынь и послѣ отъѣзда Степаниды не затѣвалъ уже никакихъ романовъ и никогда о ней не вспоминалъ ни единымъ словомъ, точно ея и не было никогда.

Наши бабы увѣряютъ меня, будто она увезла съ собой больше трехсотъ рублей, не считая нарядовъ.

— Такъ много! Не можетъ быть, — возражаю я.

— Ну такъ о чемъ же онъ плакалъ! — горячо возражаетъ Евпраксея — пожилая работница.

— Я думаю, онъ ее любилъ, — продолжаю я возраженія.

— Ну, любилъ. Какая тамъ любовь. А деньги свои жалѣетъ. Извѣстно, кажному жалко. Теперь на старости лѣтъ пригодились бы. Еще мальчонку жалѣетъ. Все его, бывало, дѣдей звалъ.

Мальчика жалѣютъ всѣ. Въ семейной не хватаетъ дѣтской головки, дѣтскаго лепета. Народъ подобрался все безсемейный, одинокій.

Страннымъ образомъ самъ собой формируется штатъ въ такихъ небольшихъ, небогатыхъ современныхъ хозяйствахъ. Заранѣе можно безошибочно предсказать, какого рода элементы подберутся въ составѣ рабочихъ. Хозяйственные мѣстные мужики сами въ работники не пойдутъ и дѣтей своихъ не пошлютъ. Дѣтямъ найдется дѣло и дома, а если бы не нашлось, подъ бокомъ Москва, которая каждый годъ поглощаетъ всѣхъ подростковъ въ деревнѣ, всѣхъ учениковъ, сколько ихъ ни выпуститъ школа.

Въ работники за рѣдкими исключеніями идетъ народъ особый, бездомовый, одинокій, тѣмъ или инымъ путемъ пришибленный судьбой. У насъ въ Спасскомъ они всѣ одинъ къ одному, какъ на подборъ.

Главный въ хозяйствѣ работникъ—скотникъ, на рукахъ котораго скотъ и кормъ скоту. Это очень важная и отвѣтственная должность. У насъ ее правитъ Семенъ — „парень съ глупиной" по выраженію Михаила Ильича.

Это высокій, стройный, на первый взглядъ даже красивый мужикъ лѣтъ тридцати пяти „несчастнаго рожденія", какъ говорятъ о немъ бабы. Онъ незаконный сынъ, брошенный матерью, которая ходила по міру и его водила съ собой, по его разсказамъ простудила его маленькаго, и съ того времени отъ простуды онъ говоритъ неразборчиво и нечисто, гнусавымъ голосомъ и нерѣдко прихварываетъ. Семенъ также изъ Смоленской губерніи. Онъ пришелъ къ намъ раздѣтый, въ рубахѣ и порткахъ, понемногу одѣлся и завелъ двѣ шубы. Онъ можетъ превосходно работать и можетъ въ два дня пропить жалованье. Если бы не хворь, мѣшающая пить, пропилъ бы, конечно, и шубы, и все остальное.

Михайло Ильичъ не жалуетъ его „черезъ его глупость и оттого, что непокоренъ". Но всѣ мы и скотъ привыкли къ нему, и онъ также живетъ уже нѣсколько лѣтъ.

Я люблю смотрѣть, какъ Семенъ отвязываетъ быка.

Огромный быкъ, котораго боятся бабы, съ короткой, потупленной мордой и широкимъ лбомъ, съ чудовищнымъ затылкомъ, и Семенъ блѣдный и худой, и у обоихъ одинаковое тупое и упорное выраженіе.

Второй работникъ — молодой парень изъ сосѣдней деревни, глухо-нѣмой отъ рожденія — любимецъ Михаила Ильича. Онъ его всячески хвалитъ и всѣмъ ставитъ въ примѣръ.

— За важное дѣло берется съ охотою и не согрубитъ никогда.

— Еще бы согрубить, когда съ роду нѣмой.

Михаилъ Ильичъ дѣлаетъ видъ, что не слышитъ возраженія, и продолжаетъ похвалы.

— Другіе на покосѣ ли, на пашнѣ разговорами займутся, а онъ все на работѣ, все свою линію ведетъ. Парень послухменный и безотвѣтный. Одна бѣда, поводырь нуженъ ему.

Поводыремъ оказывается по большей части Яковъ, извѣстный по характеристикѣ нашихъ бабъ тѣмъ, что „изъ девяти словъ только одно хорошее говоритъ". Это также пріѣзжій изъ Смоленска уже немолодой, пятидесятилѣтній мужикъ. Онъ отпустилъ жену въ люди, заперъ домъ, заколотилъ дощечками окна и пріѣхалъ къ намъ по приглашенію Михаила Ильича.

Первое время, глядя на его работу и мастерство, мы недоумѣваемъ: что могло загнать его въ чужую сторону? Вскорѣ дѣло объясняется. Никакая хворь не мѣшаетъ ему пить, а пьянство хоть и мѣшаетъ работать, но все же черезъ день, много—два онъ справляется и послѣ мягкихъ понуканій и усовѣщиваній Михаила Ильича идетъ на работу, за которую, можетъ быть, и не взялся бы, будь она не подневольная, а его собственная.

Михайло Ильичъ правитъ своимъ царствомъ мягко и мудро. Ему ставятъ въ упрекъ излишнюю мягкость, но несправедливо. Только благодаря ей у насъ уживаются и живутъ по долгу рабочіе, между тѣмъ какъ они то и дѣло мѣняются и уходятъ изъ сосѣднихъ имѣній. Да и къ тому же мягкость не мѣшаетъ требовательности въ работѣ. Михайло Ильичъ самъ подаетъ примѣръ, никогда не изображаетъ изъ себя приказчика, не стоитъ, засунувъ руки въ карманы, а идетъ, какъ говорится, „въ первый слѣдъ", и за нимъ поневолѣ должны идти и всѣ другіе.

Хозяйство ведется безъ какихъ-нибудь особенныхъ затѣй, безъ машинъ, по просту, но попечительно и усердно. Всѣ работаютъ, никто ни сидитъ безъ дѣла. И тѣмъ не менѣе результаты усердной хозяйственной дѣятельности приводятъ хозяевъ въ глубокое недоумѣніе.

III.

Въ своихъ первоначальныхъ хозяйственныхъ разсчетахъ и соображеніяхъ я отправлялась отъ такого основного положенія: каждый изъ ближайшихъ моихъ, знакомыхъ мнѣ, сосѣдей-крестьянъ существуетъ на своей землѣ; онъ обрабатываетъ ее и кормится ею, получая съ нея хотя бы и самый небольшой, но все же доходъ, ибо имѣетъ возможность уплачивать подати и, кромѣ того, удовлетворять также и другія свои потребности.

Есть разумѣется дѣятельные, энергичные мужики, которые не удовлетворяются однимъ крестьянствомъ, а покончивъ лѣтнія работы, отправляются на зимніе заработки, являющіеся подспорьемъ семьѣ. Но я положительно знаю, и другихъ, которые по лѣни или по неспособности не отлучаются никуда на сторону, а гдѣ сѣнца возикъ, гдѣ овечку или телочку продадутъ, хлѣбца прикупятъ и дотягиваютъ до нови, не покидая дома. При этомъ, разумѣется, важное преимущество на ихъ сторонѣ — собственный трудъ, даровая рабочая сила, которую они затрачиваютъна своей землѣ.

У меня, какъ и въ каждомъ помѣщичьемъ хозяйствѣ, наоборотъ весь трудъ оплачиваемый, наемный, но въ противовѣсъ за то имѣются: большее количество и лучшее качество земли, сво-

бода распоряжаться землею по своему усмотрѣнію, большее число скота, кое-какія арендныя доходныя статьи. Все это вмѣстѣ должно бы оказаться достаточнымъ для того, чтобы уравновѣсить возможность пользованія даровымъ трудомъ, и если доходъ есть у нихъ, то онъ долженъ быть также и у меня, хотя бы и самый незначительный, минимальный.

Но вотъ выходитъ почему-то, что всѣ эти, казалось бы, ясные и несомнѣнные, теоретическіе разсчеты, оказываются несостоятельными на практикѣ.

Мои сосѣди — крестьяне ближнихъ деревень, всѣ эти, хорошо знакомые мнѣ по именамъ и въ лицо: дяди Василіи, Иваны, Кузьмы — одни строятся и видимо процвѣтаютъ и богатѣютъ, другіе, напротивъ, на глазахъ опускаются и бѣднѣютъ, но всѣ какъ бы то ни было существуютъ и очевидно собираются продолжать существовать на прежнихъ мѣстахъ и при прежнихъ условіяхъ. Я же въ самомъ непродолжительномъ времени убѣждаюсь, что существую только потому, что имѣю хотя и небольшой, но все же постоянный доходъ помимо имѣнія и, если бы какимъ-нибудь путемъ лишилась этого дохода, была бы непремѣнно принуждена совершенно прекратить всякое занятіе сельскимъ хозяйствомъ.

Этотъ логическій выводъ, разумѣется, не можетъ не вызвать смущенія. Плохимъ утѣшеніемъ является сознаніе того, что положеніе мое не составляетъ исключенія, что таково оно и въ другихъ помѣщичьихъ хозяйствахъ. Если оно и дѣйствительно такъ, то нельзя же считать это положеніе нормальнымъ. Къ тому же дальнѣйшій ходъ дѣла завершается на глазахъ съ неуклонной послѣдовательностью. Доходовъ съ имѣнія не хватаетъ, и потребность и привычка жить „по-человѣчески“ заставляетъ обращаться къ испытанному средству — къ займу и залогу имѣнія въ банкъ. Къ прежнимъ неуменьшившимся, неизбѣжнымъ расходамъ по хозяйству прибавляется новый расходъ — уплата процентовъ за залогъ. О дальнѣйшемъ мы своевременно узнаемъ изъ газетныхъ публикацій.

Въ самомъ дѣлѣ, дворянскія помѣщичьи владѣнія въ нашихъ краяхъ поражаютъ своей неустойчивостью. На глазахъ за послѣдніе пятнадцать, двадцать лѣтъ перемѣнился почти весь составъ сосѣдей помѣщиковъ. Огромное имѣніе въ тысячу десятинъ „подъ одинъ холстъ“ раздробилось и попало частью въ руки мелкаго промышленника, частью — богатаго московскаго купца. Другое, славившееся коннозаводствомъ, извѣстными рысаками, также перешло къ купцу. Третье купилъ бывшій квартальный надзиратель, сталъ жить зиму и лѣто въ имѣніи, загонять за потраву крестьянскій скотъ, судиться съ мужиками, словомъ хозяйничать „во всю“.

— Ужъ такой ли сказываютъ гвоздь. Самъ отъ земскаго не выходитъ, все его дѣла разбираютъ. Ну, только не будетъ изъ его хозяйства пути. Да ужъ вѣрно, я вамъ говорю. Хозяйство водить — не въ полиціи служить. Хозяйство водить — не разиня ротъ ходить, — какъ всегда подбираетъ свои любимыя хозяйственныя поговорки Михайло Ильичъ.

Къ сожалѣнію, мнѣ самой совершенно неизвѣстно, какъ же собственно нужно вести хозяйство, чтобы въ немъ былъ путь. Въ памяти шевелятся, ничѣмъ не связанные, Богъ вѣсть откуда попавшіе обрывки свѣдѣній: что-то о сѣвооборотахъ, что-то о травосѣяніи, о черномъ парѣ... Въ мое время не слышно было еще о женскомъ сельскохозяйственномъ образованіи. А какъ бы многое хотѣлось теперь знать! Какъ страшно важно, какъ нужно было бы оно теперь. Знаніе дало бы увѣренность въ дѣйствіяхъ, разъяснило бы недоумѣнія, разогнало бы уныніе...

По счастью не унываетъ Михайло Ильичъ. У него въ шестьдесятъ лѣтъ свои хозяйственные — основательные или нѣтъ — не знаю, но юношески-бодрые планы.

IV.

— А когда не пильновать *), да заботы не имѣть, то, стало быть, и ждать нечего. Тогда ложись, да помирай, — говоритъ онъ мнѣ своимъ оригинальнымъ смоленскимъ выговоромъ, снявъ шапку и провожая меня утромъ по хозяйству.

— Надѣньте шапку, Михайло Ильичъ. Вы что говорите?

— А говорю — живой о живомъ думаетъ. Угодно вашей милости со мною по полямъ пройти? Я вамъ все явственно докажу.

Я очень люблю ходить съ Михаиломъ Ильичемъ и мнѣ не часто удается это, потому что онъ постоянно занятъ и неудобно отрывать его отъ работы.

Мы идемъ по лугу, по выцвѣтшей, пожелтѣвшей, осенней травѣ, низко обглоданной скотомъ.

Ночью былъ дождь. Холодное солнце прячется за тучами. Когда онѣ раздвигаются, яркіе лучи освѣщаютъ картину глубокой осени, предшественницы близкой зимы.

Картина эта рѣдко вдохновляла художниковъ, ее мало воспѣвали писатели и знакома она хорошо только постояннымъ деревенскимъ жителямъ. А между тѣмъ въ ней своя оригинальная красота, и даже какъ будто тоньше и строже она — эта красота, и больше въ ней сокрытаго, духовнаго значенія.

Безконечны въ своемъ разнообразіи оттѣнки этой умирающей, сѣро-зеленой, блѣдно-желтой, мѣстами покраснѣвшей, ро-

*) хлопотать.

зовато-лиловой, низкой травы. Въ нихъ цѣлая гамма нѣжнѣйшихъ полутоновъ; въ глазахъ любителя она поспоритъ съ видомъ блюда-шпината, который принимаютъ наши луга весной.

Оголенныя деревья трепещутъ обнажившимися теперь, невидными раньше за листьями, тончайшими вѣтками. У каждаго дерева свой особый рисунокъ, прозрачно выступающій на фонѣ холоднаго, блѣднаго неба. Береза вся опустилась книзу, къ землѣ легкой, какъ темное кружево колеблющейся сѣткой; ольха подняла вверхъ къ небу прямые, крѣпкіе, покраснѣвшіе прутики. И вездѣ рядомъ съ отцвѣтшими уже готовыя, новыя завязи, таинственныя обѣтованія будущаго разцвѣта, будущей прелести и жизни, когда не будетъ, можетъ быть, насъ, тѣхъ, которые съ умиленіемъ любуются теперь этой красотой.

Михайло Ильичъ сощуриваетъ дальнозоркіе, старческіе глаза и, показывая впередъ худой, темной рукой на распаханное мѣсто, объясняетъ мнѣ что-то относительно своихъ новыхъ плановъ посѣва клевера и хлѣба.

— Надо ее—землю энту поднять и въ чувствіе призвесть, и надо теперешнее время, по осени придѣлить что къ чему, чтобы бунтовки у насъ опослѣ того не было. Энтотъ клинъ сейчасъ къ яровому полю отойдетъ, а Молодое, стало быть, засѣемъ по ржи клеверомъ. И будетъ у насъ по десяти десятинъ во пяти поляхъ. Больше-то сейчасъ сила наша не возьметъ, а двадцать десятинъ клеверу и двадцать хлѣба посѣемъ. Неужто же отступится Господне милосердіе, не пошлетъ за труды? А коли уродитъ—сыты будемъ и на продажу останется.

Такимъ образомъ, кромѣ Божьяго милосердія, свои надежды Михайло Ильичъ возлагаетъ на расширеніе хозяйства, на увеличеніе запашки, примѣняя при этомъ, вмѣсто прежняго трехполья, новый пятипольный оборотъ. Чтобы какъ-нибудь помочь своему незнанію, я читаю усердно книжки по сельскому хозяйству, получаю хозяйственный журналъ. Мнѣ знакомы статьи, рекомендующія многопольный оборотъ для крестьянъ; но что можетъ выйти изъ примѣненія его при наличности всѣхъ другихъ условій нашего хозяйства—я предвидѣть не могу и мнѣ вообще плохо вѣрится въ успѣхъ.

Главное же, что поддерживаетъ бодрое настроеніе Михаила Ильича—это высокія цѣны на хлѣбъ.

— Хлѣбъ въ цѣнѣ. Мужичку оно плохо, а помѣщику—выгода. Было бы что продавать, а то какъ не продать. Продадимъ. Хлѣбушко онъ самъ себя завсегда оправдаетъ, онъ не выдастъ, нѣтъ. Это не что другое, всякому требуется, — съ убѣжденіемъ повторяетъ онъ на всѣ лады, попавъ на любимаго конька.

— Извольте къ себѣ примѣнить, барыня, какъ на свѣтѣ это

дѣло устроено, что безъ трехъ вещей человѣку никакъ невозможно прожить: безъ хлѣба нельзя прожить, безъ воды и безъ дровна. Безъ отца — матери проживешь, ну безъ этого не проживешь.

— А вотъ въ голодный годъ, приходилось вѣдь, жили, Михаилъ Ильичъ,—говорю я, вспоминая пережитые ужасы, и разсказываю ему кое-какія эпизоды, происходившіе на моихъ глазахъ.

Михайло Ильичъ шагаетъ рядомъ со мною въ высокихъ, сморщенныхъ сапогахъ и внимательно, не перебивая, слушаетъ мой разсказъ, сочувственно вздыхая по временамъ.

— Что говорить, помучился народушко въ ту пору. А вѣдь и въ нашихъ мѣстахъ было это, барыня, какъ же—бывальщина. Только давно было дѣло, тому назадъ можетъ сколько годовъ, старинные люди сказывали. И какое же дѣло приключилось, скажите на милость. Объявился, стало быть, голодъ, и сталъ хлѣбъ дорожать, хоть ты и вовсе его не ѣшь. А ѣсть всякому хочется, это вѣдь не что иное. И жилъ у насъ въ ту пору въ нашемъ городѣ купецъ—градскій голова, такой ли собака жадный, зимой снѣгу со льдомъ не выпросишь у него. Ну вотъ и сталъ онъ въ округѣ хлѣбъ скупать и сталъ цѣны поднимать. До того цѣны добилъ, ну повѣрите — по полтора рубля пудъ. Хоть ты ложись, да помирай. А окромя него и купить не у кого, все скупилъ. Что тутъ дѣлать, головушка бѣдная! Поглядѣли-поглядѣли на все на это мужички, собрались, перетолковали промежду себя, на томъ порѣшили—стали царю просьбу писать. Вотъ хорошо, написали просьбу царю и отправили эту просьбу въ городъ, во Петербургъ, стали себѣ отвѣту ждать. Что же бы вы думали— пришелъ вѣдь отвѣтъ. И прислалъ царь купцу крестъ чугунный, вѣсомъ пятнадцать пудовъ...

— Ну и что же? Что же было съ купцомъ, Михайло Ильичъ?—спрашиваю я, видя, что разсказчикъ замолчалъ.

Михайло Ильичъ остановился, поднялъ съ земли всю заржавленную, запачканную грязью подкову, подулъ на нее и положилъ себѣ въ карманъ.

— Что было! А то и было, что помаялся, помаялся съ недѣлю, а тамъ стало быть и померъ, — спокойно говоритъ онъ, обтирая руку полой.

— Какъ померъ?

— Да такъ, что Богу душу отдалъ. Что-жъ за эти дѣла нѣшто можно похвалить. А мы, барыня, когда землю энту поднимать будемъ, пустошь Новинскую, стало быть, не будемъ больше сдавать. Сами будемъ косить, самимъ потребуется,—говоритъ онъ совсѣмъ уже другимъ, озабоченнымъ голосомъ, снова переходя къ хозяйственнымъ дѣламъ.

Я поворачиваю голову и смотрю на спокойное, умное, старое лицо подъ высокой барашковой шапкой.

Какъ это часто бываетъ съ очень хорошими и привлекательными людьми, въ Михаилѣ Ильичѣ страннымъ образомъ уживается смѣсь серьезности и ума и какой-то совсѣмъ дѣтской наивности, наивной довѣрчивости къ разсказамъ и людямъ, жертвой которой нерѣдко дѣлается онъ самъ, а съ нимъ вмѣстѣ и наше общее, излюбленное имъ сельское хозяйство.

Одна изъ самыхъ тяжелыхъ сторонъ этого хозяйства—отношенія къ сосѣдямъ, крестьянамъ сосѣднихъ деревень.

V.

Спасское стоитъ уединенно на высокомъ холмѣ, съ котораго видъ на нѣсколько верстъ кругомъ. Внизу подъ горой бѣжитъ по камешкамъ живая и быстрая, точно горная рѣчка. Кругомъ лѣса свои и чужіе. Старинная, Екатерининская большая дорога проходитъ черезъ самое имѣніе; въ полу-верстѣ на этой дорогѣ деревня Ивашино, ближайшая къ Спасскому.

Прирожденный житейскій тактъ, и административные таланты, и мягкость отношенія Михаила Ильича оказываются безсильными въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ Ивашинцами, несмотря на то, что, повидимому, они зависятъ отъ насъ несравненно больше, нежели мы отъ нихъ. Бѣда въ томъ, что отношенія были испорчены раньше, давно, еще въ то время, когда въ имѣніи жили какъ на дачѣ, были перемѣнные приказчики, и хозяйство велось кое-какъ, спустя рукава. Въ то время еще Ивашинцы забрали силу, захватили себѣ привилегіи, которыми рѣшительно не желаютъ поступаться теперь, когда это необходимо, и хозяйство становится на настоящую ногу.

— Главная вещь — непокорны,—съ неудовольствіемъ замѣчаетъ Михайло Ильичъ.—Надобенъ имъ нашъ лугъ, знаю я, такъ ты прійди, да поклонись, да послужи, да поработай за пастьбу. А они, вишь ты, норовятъ все самовольно, нахрапомъ. А все это наша смирнота. И за что мы этакъ попадемъ за свою собственность.

А попадаемъ мы въ довольно непріятныя положенія.

Въ такомъ небольшомъ имѣніи, какъ Спасское, значительная часть котораго къ тому же находится подъ лѣсомъ, поневолѣ получаетъ значеніе каждый клочокъ земли. Нашихъ луговъ едва хватаетъ для собственнаго скота и ужъ рѣшительно не можетъ хватить на два стада. И вотъ съ весны начинается чуть ли не ежедневная война съ пастухами, въ значительной степени отравляющая жизнь.

*

Вопреки библейскому представленію, пастьба скота почему-то считается въ здѣшнихъ краяхъ самымъ послѣднимъ, унижающимъ человѣка занятіемъ. Не только ни одинъ исправный крестьянинъ не пойдетъ на эту должность, не отдастъ сына, но даже бѣдная вдова, которой нечего ѣсть, отказывается заставить на лѣто своего мальчугана въ подпаски, не прельщаясь сравнительно высокимъ жалованьемъ.

Пастухи получаютъ здѣсь въ лѣто отъ пятидесяти до восьмидесяти и болѣе рублей, подпаски—отъ двадцати до тридцати пяти рублей, разумѣется, на хозяйскихъ харчахъ.

Пастухи поголовно всѣ пришлые, большею частью Тверскіе, Зубцовскаго уѣзда. Зубцовскій пастухъ—синонимъ безшабашнаго озорника, готоваго на все, способнаго украсть, угнать лошадь, поджечь при случаѣ. При малѣйшемъ притѣсненіи, какомъ-нибудь вычетѣ при разсчетахъ съ міромъ, пастухи грозятъ краснымъ пѣтухомъ, котораго пуще смерти боятся мужики, и несмотря на низменность своей общественной роли, въ дѣйствительности нерѣдко они оказываются хозяевами положенія.

Я сама ловлю себя на чувствѣ личной вражды къ Андрюшкѣ пастуху.

Это невысокій, худощавый, блѣдный человѣкъ съ мелкими чертами подвижного лица, сплошь усѣяннаго веснушками. Театральные пастушки не взяли бы его себѣ за образецъ. На немъ рваный въ клочьяхъ и заплатахъ кафтанъ или полушубокъ, поверхъ котораго въ ненастье накинута темная, сухая и корявая кожа, связанная веревкою по концамъ. На головѣ выпрошенная студенческая или гимназическая фуражка съ пришитымъ бѣлыми нитками козырькомъ; черезъ плечо кожаная сумка, вся утыканная мѣдными бляхами.

Я никогда не могу понять, смѣется ли онъ надо мною, или кривляется, или точно бываетъ сколько-нибудь взволнованъ, когда я застаю его и все Ивашинское стадо на своемъ лугу.

Андрей сейчасъ же начинаетъ усиленно хлопать кнутомъ, божиться и зарекаться, сейчасъ проситъ прощенія, становится на колѣни и кланяется въ землю, и черезъ нѣсколько дней снова появляется со своимъ скотомъ не только на лугахъ, но на нашемъ клеверѣ подъ садомъ, почти у самаго дома.

Ни окрики, ни просьбы, ни вразумленія, ни угрозы не оказываютъ дѣйствія. Начинается опять божба, кривлянье, хлопанье кнутомъ. Послушное, словно дрессированное стадо исчезаетъ за ручьемъ, а на утро оказывается потрава въ овсахъ.

Михайло Ильичъ долго крѣпится, наконецъ теряетъ терпѣніе и съ рабочими загоняетъ на овсѣ нѣсколькихъ лошадей.

За ними тотчасъ же являются хозяева—Ивашинскіе мужики съ недовольными и явно-обиженными лицами.

Главная бѣда въ томъ, что это вовсе не просто мужики, а это—Макаръ, Василій кузнецъ, Иванъ Родинъ... Все это свои, знакомые люди, у которыхъ у всѣхъ я бываю въ домахъ, знаю ихъ женъ и дѣтей, лѣчу ихъ, читаю имъ книжки въ школѣ съ волшебнымъ фонаремъ. Все это мѣшаетъ взять настоящій, твердый хозяйственный тонъ. Но однако все же раздраженіе не улеглось во мнѣ; я даю ему волю и не скрываю его.

Небольшая кучка хозяйственныхъ мужичковъ въ ситцевыхъ, опрятныхъ рубахахъ. съ возжами и обротями въ рукахъ, смотритъ на меня, переминается на мѣстѣ и переглядывается между собой.

— Что жъ это, матушка, сколько годовъ, стало быть, жили, ничего не было, по сусѣдски жили, а наконецъ того нако какое дѣло вышло, загонять вздумали.

Я въ сотый разъ со стараніемъ, съ жаромъ принимаюсь объяснять имъ положеніе, которое, разумѣется, они понимаютъ сами не хуже моего.

— Да вы поймите, ну, поймите же вы, что вѣдь не для васъ же мы хлопотали, тратились, сѣяли клеверъ. Не могутъ же на одномъ лугу быть сыты два стада.

— Такъ-то оно такъ, сударыня, да все быдто не по сусѣдски. Какъ сейчасъ сказать, раньше было при баринѣ, при упокойничкѣ, царство небесное...

Кончается все еще разъ прощеніемъ штрафа и возвращеніемъ лошадей съ соотвѣтственнымъ назиданіемъ и заявленіемъ, что это теперь будетъ уже въ послѣдній разъ.

И дѣйствительно, онъ оказывается послѣднимъ.

На утро Андрюшку настигаютъ опять на клеверѣ, переписываютъ стадо при свидѣтеляхъ, и мы подаемъ заявленіе о потравѣ земскому начальнику.

Время со дня подачи заявленія и до суда проходитъ совершенно спокойно. Мы потомъ не разъ вспоминаемъ его съ Михаиломъ Ильичемъ. Андрюшка невидимъ. Онъ скромно пасетъ скотъ на собственномъ Ивашинскомъ выгонѣ, который, кстати сказать, противъ обыкновенія не плохъ, мѣрою сорокъ десятинъ и только въ довольно большомъ разстояніи отъ деревни, такъ что пастуху неудобно ходить обѣдать, хлебать горячее по чередамъ.

Наступаетъ наконецъ и день суда.

Мы прибѣгаемъ къ суду, какъ къ послѣднему средству, съ надеждой на воздѣйствіе на мужиковъ, на вразумленіе и твердый запретъ пастуху. Больше по выраженію Михаила Ильича, „податься некуда".

Земскій начальникъ, знакомый человѣкъ, высокій и худой, съ желтыми щеками и эспаньолкой, въ пенснэ и желтыхъ башмакахъ,

любезно предлагаетъ пріѣхать самъ и произвести разбирательство у насъ въ домѣ, чтобы не безпокоить меня и не заставлять ѣздить къ нему.

— У васъ на террасѣ и будемъ судить,—предупредительно заявляетъ онъ.

Въ уѣздѣ у насъ онъ недавній, пріѣзжій человѣкъ, живетъ въ имѣніи жены, потому что, по слухамъ, въ Петербургѣ не на что было жить, охотно знакомится съ сосѣдями, охотно принимаетъ у себя и занимаетъ деньги у кого возможно.

Пріѣзжаетъ онъ къ намъ съ женой аккуратно въ назначенный день и часъ, заранѣе извѣстивъ свидѣтелей, которые собираются и ждутъ всѣ, несмотря на рабочую пору, съ утра.

У насъ въ домѣ также нарушается обычный порядокъ дня. Всѣ взволнованы необычайностью предстоящаго.

Маша—дочь моя—считаетъ необходимымъ придать нашей террасѣ нѣсколько болѣе торжественный и оффиціальный видъ. Для этой цѣли она уноситъ со стола букетъ, отодвигаетъ цвѣты и раскладываетъ бюваръ, перья и карандаши, тетради бумаги и самую большую чернильницу, какая находится въ домѣ.

Тетушка въ гостиной занимаетъ гостью—молодую и нарядную петербургскую даму.

Земскій начальникъ въ фуляровой свѣтлой рубашкѣ и свѣтломъ галстукѣ, въ петербургскомъ дачномъ костюмѣ, прохаживается съ папиросой по террасѣ. Онъ подшучиваетъ надъ стараніями Маши, надъ нашимъ настроеніемъ и возбужденными лицами. По его словамъ, у него такихъ дѣлъ по десяти въ день, потому что вездѣ точно такіе же мошенники и мерзавцы, и его собственные луга всѣ вытравлены. Разница только въ томъ, что ему жаловаться некому.

Тетушка скромно освѣдомляется: должна ли она удалиться на время разбирательства? Мы съ Машей остаемся въ качествѣ свидѣтельницъ.

Супруга начальника, „земская начальница“, какъ ее называютъ иногда, изъявляетъ непремѣнное желаніе остаться посмотрѣть, „какъ онъ все это дѣлаетъ“.

— Въ камерѣ у него грязно и духота всегда. Я больше пяти минутъ выдержать не могу,—говоритъ она и, не снимая перчатокъ, садится въ качалку въ углу.—А здѣсь чудесно у васъ. Какой видъ! Сережа, я говорю, не правда ли напоминаетъ Знаменское у графа? Передай, пожалуйста, вѣеръ.

— Можетъ быть, нуженъ бинокль?

— Нѣтъ, бинокля не нужно. У меня глаза хорошіе. Я все увижу, что мнѣ нужно, вблизи и вдали. Имѣйте въ виду, что на этотъ разъ васъ самихъ будутъ строго судить, господинъ строгій судья. Да, говорятъ, онъ теперь сталъ строгій. Вначалѣ стѣснялся

и конфузился,—смѣясь, поясняетъ она, оправляя шумящую юбку и обращаясь къ намъ.—А теперь ничего, привыкъ.

Судья передаетъ вѣеръ и отходитъ къ столу съ чернильницей, любезно приглашая остаться всѣхъ дамъ.

Онъ рѣшительно не хочетъ выйти изъ роли добраго знакомаго и свѣтскаго человѣка, садится въ плетеное кресло нога на ногу въ желтыхъ башмакахъ, закуриваетъ папиросу и къ совершенному негодованію тетушки и нашему общему изумленію даже не надѣваетъ цѣпи.

Наша дѣвушка—хорошенькая Ѳеня въ бѣломъ фартучкѣ, бѣжитъ за свидѣтелями и подсудимымъ.

Вскорѣ всѣ безъ шапокъ появляются между клумбами съ георгинами передъ ступеньками террасы въ цвѣтникѣ. У всѣхъ смущенныя и выжидающія лица.

Ждать приходится, впрочемъ, не долго.

— Гдѣ же герой?—освѣдомляется судья и надѣваетъ pince-nez.—А, типическій экземпляръ! Я вамъ скажу—обѣщаетъ въ будущемъ.

— Андрей Титовъ!—вызываетъ онъ.

Андрей вздрагиваетъ и выступаетъ впередъ.

— Гм... да! Ломброзо нашелъ бы его uomo delinquente, навѣрное. Вырождающійся субъектъ, нѣтъ сомнѣнія. Ты что же, любезнѣйшій, на чужихъ поляхъ, оказывается, пасешь скотъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе.

— „Никакъ нѣтъ"... А въ солдатахъ служилъ?

— Не служилъ, ваше благородіе.

— А я, было, думалъ... „Никакъ нѣтъ и точно такъ",—замѣчаетъ онъ, обращаясь къ дамамъ.—По этому ихъ всегда можно узнать. Ну такъ какъ же? Не пасешь? Кто же, по твоему, пасетъ?

— А... „не могу знать"—Ну все какъ водится, репертуаръ извѣстный, хоть и не записывай.

И онъ, дѣйствительно, не записываетъ. Онъ куритъ, разсматриваетъ ногти, улыбается Машѣ и, предложивъ еще нѣсколько вопросовъ подсудимому, не давъ себѣ труда даже опросить всѣхъ вызванныхъ свидѣтелей, постановляетъ приговоръ.

— Вѣроятно, дамы не пожелаютъ особенно суровой кары преступнику?—любезно освѣдомляется онъ, окидывая взглядомъ дамъ.

— При чемъ же могутъ быть тутъ наши желанія?—съ достоинствомъ, видимо сдерживаясь, возражаетъ тетушка.

Судья взглядываетъ на нее и тотчасъ же спохватывается.

— Я хочу сказать, что и законъ... Законъ не налагаетъ суроваго наказанія въ подобныхъ случаяхъ. Клеверъ вѣдь былъ скошенный, — поясняетъ онъ, подвигаетъ большую чернильницу и быстро крупными штрихами исписываетъ листъ.

Андрей приговаривается къ тремъ рублямъ штрафа, за которые, въ случаѣ несостоятельности, можетъ отсидѣть при арестномъ домѣ шесть дней.

Приговоръ этотъ тутъ же, не вставая, судья прочитываетъ вслухъ и затѣмъ отпускаетъ всѣхъ.

У Андрея непріятное, съ легкими подергиваніями болѣзненное и нервное лицо. Въ этотъ день онъ блѣднѣе обыкновеннаго. Я вижу, какъ онъ, бокомъ ступая огромными сапогами, спускается по широкимъ ступенямъ, какъ дергаются его губы и онъ дерзкимъ, вызывающимъ тономъ, не понижая голоса, говоритъ:

— Что жъ, сказать все можно. Васъ много, я одинъ.

Но судья уже всталъ изъ-за стола.

Смѣясь и жестикулируя, онъ уже разсказываетъ громко о любительскомъ спектаклѣ у сосѣдей, о Знаменскомъ, о графахъ Т. и не слышитъ ничего. Слышатъ Андрея свидѣтели и я, и какъ это ни странно, а этими словами Андрей выражаетъ впечатлѣніе, которое остается также и въ моей душѣ.

Я не могу въ первую минуту дать себѣ отчета о причинѣ этого впечатлѣнія, но этотъ, въ мою пользу постановленный, приговоръ оставляетъ меня взволнованной и неудовлетворенной. Въ первый разъ мнѣ приходится видѣть разбирательство у земскаго начальника. Несмотря на несомнѣнность вины и справедливость обвиненія, что-то не убѣдительное, не мотивированное, произвольное чувствуется въ этомъ приговорѣ, постановленномъ съ двухъ словъ въ цвѣтникѣ веселымъ бариномъ въ легонькомъ галстучкѣ, съ папиросой въ зубахъ.

Дня черезъ два я встрѣчаю Андрея въ праздникъ по дорогѣ въ церковь.

Онъ идетъ съ женой Таней, когда-то большой моей любимицей, въ отсидку. Оба кланяются мнѣ весело и привѣтливо, какъ будто между нами ровно ничего не произошло, а еще черезъ нѣсколько дней Андрюшка, какъ ни въ чемъ не бывало, появляется со стадомъ въ нашихъ лугахъ.

Михайло Ильичъ только машетъ рукой.

VI.

Столкновенія съ Ивашинцами, къ сожалѣнію, не ограничиваются войной съ пастухами. Насъ ожидаютъ новыя, гораздо болѣе чувствительныя непріятности.

Лѣсникъ—дядя Алексѣй—старый, вѣчно заплатанный и рваный, напоминающій какую-то большую, нескладную птицу—человѣкъ, застаетъ съ поличнымъ Лубка—Ивашинскаго мужика въ то время, какъ тотъ готовился увезти у насъ изъ рощи полъ-сажени заготовленныхъ дровъ.

Преступленія противъ собственности очень часты въ здѣшнихъ краяхъ. Тащатъ все: снопы съ поля, доски изъ купальни, половицы изъ мякинницы, мѣшки съ зерномъ изъ риги. Мужики другъ у друга воруютъ изъ амбаровъ хлѣбъ, но всего больше, всего охотнѣе и безнаказаннѣе воруютъ лѣсъ помѣщичій и казенный вездѣ, гдѣ могутъ достать. Цѣлыя деревни занимаются деревянными издѣліями, давнымъ-давно вырубивъ до корня собственный лѣсной надѣлъ. Покупаютъ еще, случается, партіями дубы на кресты; остальное же сплошь получается вольнымъ промысломъ, и цѣлыя вотчины извѣстны имъ въ околоткѣ. Шипиловцы, Шипиловская порода, Шипиловская вотчина—презрительныя названія. Всѣ хорошо знаютъ, что подъ ними подразумѣвается.

Съ утра у насъ молотятъ.

У меня разомъ сжимается сердце непріятнымъ предчувствіемъ, когда я вижу въ окно процессію—лѣсника, его сына и Михаила Ильича, которые медленно идутъ по красному двору къ крыльцу. Значитъ, навѣрное что-нибудь важное, если старикъ бросилъ молотьбу, да и Алексѣй рѣдко является съ добрыми вѣстями.

— Что случилось?

— Да вотъ къ вашему здоровью. Оплошка тутъ у насъ, было, вышла грѣшнымъ дѣломъ. Дрова, было, украли.

— Какія дрова? Кто укралъ?

— Да въ рощѣ полсаженки березовыя, которыя по веснѣ на Молодомъ рѣзаны, да не перевезены, помните? Ну Лубокъ, стало быть, Ивашинскій притрафился, по чернотропу ихъ видно перевезти хотѣлъ, да не поспѣлъ. Я его запримѣтилъ: что, молъ, часто въ рощу похаживать сталъ? Грибовъ, молъ, сейчасное время нѣту. Какіе теперь грибы! Съ Пашуткой съ вечера и караулили. Чуть онъ подъѣхалъ, наваливать сталъ, мы тутъ, стало быть, и прихлопнули.

— Гдѣ же онъ самъ-то Лубокъ?

— А дома сидитъ, нейдетъ. Я ему и то говорю: шелъ бы ты, молъ, Лубокъ, самъ къ барынѣ, повинился бы госпожѣ. Что жъ, можетъ, и проститъ. Ну, не хочетъ, нейдетъ.

Алексѣй проводитъ чернымъ, напоминающимъ древесный сучокъ, пальцемъ надъ мокрыми, желтыми усами, поправляетъ на головѣ въ видѣ шапки воронье гнѣздо и смотритъ на меня бокомъ, по-птичьи, однимъ глазомъ, выжидая: что, молъ, на это скажешь?

Что я могу сказать!

Я чувствую всей моей душой, что дорого бы дала за то, чтобы дрова были безслѣдно украдены, чтобы ко мнѣ не приставали и мнѣ не приходилось рѣшать вопросъ, который я не знаю какъ рѣшить.

Простить... Но вѣдь никто и не проситъ прощенія у меня.

— Нѣтъ ужъ, барыня, теперь нечего думать прощать,—говоритъ Михайло Ильичъ, словно угадывая мои мысли.—Когда на экое дѣло пошелъ, долженъ за него отвѣтствовать. Нейдетъ! Небось прійдетъ, когда позовутъ.

— Что же намъ дѣлать, Михайло Ильичъ?

— А что дѣлать! Земскому начальнику подавать, одно дѣло. Ну помилуйте—скажите, какой же это порядокъ будетъ во имѣніи, когда черезъ свою собственность непріятности будемъ терпѣть. Вотъ они и свидѣтели на лицо, не отопрутся.

Опять свидѣтели, земскій начальникъ, опять судъ!

Но ничего другого придумать нельзя. По лицу Михаила Ильича я вижу, что будетъ верхомъ безтактности съ моей стороны уклониться отъ его предложенія. Да и свидѣтели лѣсники! Невозможно этого сдѣлать, хотя бы только изъ за нихъ. Ради чего они будутъ въ другой разъ караулить, подстерегать, отбивать украденное? Бросить все, махнуть рукой — значитъ прямо деморализировать всѣхъ.

— Дороги сейчасъ плохія, не поѣдетъ къ намъ баринъ самъ, да и вашей милости не изъ чего безпокоиться. А извольте написать заявленіе на мое имя, чтобы все значитъ, какъ слѣдуетъ, форменно было, и чтобы ихъ, стало быть, двоихъ во свидѣтели постановить.

Такъ именно и приходится поступить.

Я чуть-чуть задерживаюсь и не тороплюсь съ подачей заявленія, все еще надѣясь, что изъ Ивашина придетъ кто-нибудь. Ну, не самъ Лубокъ, такъ хоть жена, сынъ. Но никто не идетъ.

Михайло Ильичъ ѣдетъ въ городъ „къ субботѣ“ и является ко мнѣ за заявленіемъ. Задерживать долѣе не имѣетъ смысла.

Дѣло сдѣлано. Остается ждать результатовъ.

Спустя нѣкоторое время, въ усадьбѣ получается увѣдомленіе о томъ, что дѣло наше назначено къ слушанію и Михайло Ильичъ, захвативъ съ собой въ телѣгу свидѣтелей, отправляется въ качествѣ довѣреннаго лица.

Помимо непріятнаго перваго впечатлѣнія отъ разбирательства у земскаго начальника, кромѣ естественнаго нежеланія заводить ссору, судиться съ близкими сосѣдями, есть еще одно обстоятельство, которое удерживаетъ меня и въ которомъ я могу сознаться только себѣ самой: я просто боюсь этого Лубка.

Это—широкоплечій, дюжій мужикъ огромнаго роста съ густыми, совсѣмъ черными, косматыми волосами на, кажущейся также огромной, головѣ. Лица его я какъ слѣдуетъ никогда не могла разглядѣть. Что-то потупленное, темное, бородатое и скуластое... Онъ единственный изъ Ивашинскихъ мужиковъ, съ которымъ я

никогда не разговаривала, ни разу не видала его на своихъ чтеніяхъ. Слава о немъ идетъ самая плохая: онъ и судился, сидѣлъ въ острогѣ, воровалъ, гдѣ что плохо лежитъ у своихъ же деревенскихъ мужиковъ.

И вотъ этого человѣка земскій начальникъ приговариваетъ за наши дрова на три мѣсяца въ острогъ.

— Кто же это дѣло зналъ!—говоритъ Михайло Ильичъ, возвращаясь послѣ суда и сообщая мнѣ приговоръ.—Я было думалъ, оштрафуетъ онъ его опять рубля на три. Ну, хоть по дорогой цѣнѣ, скажемъ, на пять рублей. А то вонъ какое дѣло вышло. Черезъ то, барыня, дѣло вышло, черезъ самое это дровно, что порублено оно, стало быть, и въ саженки покладено. А кабы бревно какое ни на есть срубилъ и уволокъ, скажемъ, первое дерево въ лѣсу, хоть бы тебѣ и двадцати аршинъ—много бы ему легче было. Да вотъ скажите на милость, на все свое положеніе. А мы вотъ и не знали.

Да, а мы вотъ и не знали. Опять не знали! Опять полное отсутствіе хотя бы самыхъ элементарныхъ юридическихъ свѣдѣній, незнаніе положеній и законовъ, относящихся къ какой бы то ни было области житейскихъ отношеній. „Положеніе" относительно дровъ и лѣса совершенно также неизвѣстно мнѣ какъ и Михаилу Ильичу, современной помѣщицѣ Коробочкѣ, какъ вѣроятно и прежней.

Я замѣчаю смущеніе на всегда спокойномъ лицѣ Михаила Ильича. Онъ неохотно разсказываетъ подробности о судѣ и уходитъ къ себѣ.

Я тоже поворачиваюсь, чтобы уйти, но Алексѣй неожиданно наклоняется къ самому моему плечу, такъ что я вздрагиваю и шепчетъ на ухо:

— Пригрозился, слышь, убить. Безпремѣнно, говоритъ, я ее теперь убью.

— Кто? Кого?

— Да Лубокъ... тебя.

— Да за что же?

— Черезъ ее, говоритъ, въ острогъ попалъ. Легкое ли, говоритъ, дѣло, три мѣсяца въ острогѣ отсиживать. Не разстанусь теперь, говоритъ, поколь ее не убью. Побожился. Мнѣ все одно, говоритъ, не выкрутиться. На него, слышь, Ивашинцы, свои мужики подавать хотятъ за поджогъ. Можетъ помните, когда Милкина изба горѣла въ самое во Вздвиженье? Ну, дознались, выходитъ это онъ, самый этотъ Лубокъ, онъ ее и поджогъ черезъ сноху черезъ свою, черезъ Милкину Марью.

Алексѣй прибавляетъ совершенно неожиданныя подробности относительно Марьи, но я уже плохо слушаю его. Простота и

увѣренность, съ которыми онъ сообщаетъ мнѣ о намѣреніи Лубка меня убить, почему-то сразу болѣзненно дѣйствуютъ на меня.

— Богъ знаетъ, что такое! Убить... меня. И какъ они это легко говорятъ. Убить... Не можетъ быть. Что за вздоръ! Да онъ просто пьянъ и не помнитъ, что говоритъ.

— Я-то пьянъ. Нѣ-ѣтъ, я не пьянъ. Гдѣ мнѣ было пить. По твоему дѣлу хлопоталъ, а и сейчасъ зубами щелкаю, не согрѣюсь никакъ. Гдѣ говорилъ! Извѣстно, не на площади говорилъ. Объ эвтакомъ дѣлѣ на площади не станетъ кричать. А говорилъ тихимъ манеромъ, вмѣстѣ ѣхали. Убью ее, говоритъ, и подъ Ивашинскій мостъ сволоку, только и всего. Что-жъ, нѣшто онъ острогу не видалъ. Его Ивашинцы на пожарѣ живого въ огонь было бросили. Кому острогъ, а ему добрый домъ. Стаканчикъ-то прикажите Машенькѣ за ваше здоровье поднести. Одежонка плохая, сапоги худые, зазябъ.

Такъ вотъ оно что! Алексѣй въ самомъ дѣлѣ не пьянъ. Въ голосѣ его слышна убѣдительность, такъ что непохоже, чтобы онъ все это выдумалъ самъ. Вѣроятно, Лубокъ дѣйствительно говорилъ ему. Такое для всѣхъ неожиданно строгое наказаніе не могло не ожесточить, не разсердить его и въ первую минуту подъ вліяніемъ озлобленія онъ наговорилъ угрожающихъ словъ. Но отъ слова до дѣла еще далеко. Поэтому нечего безпокоиться и пугаться заранѣе. Лучше всего призвать и разспросить обо всемъ Михаила Ильича.

Я въ первый разъ вижу непріятное, трусливое и малодушное выраженіе въ лицѣ Михаила Ильича, когда онъ приходитъ, и я предлагаю ему свой вопросъ. Онъ становится, какъ всегда, на привычное мѣсто у печки на коврикѣ, но сейчасъ же отводитъ глаза, не смотритъ на меня и отвѣчаетъ, оглянувшись кругомъ и понизивъ голосъ почти до шопота.

— Я бы не совѣтовалъ вамъ, барыня, и говорить-то про эти слова. Мужикъ такой нескладный, Богъ съ имъ совсѣмъ.

— Такъ что-жъ мнѣ дѣлать, Михайло Ильичъ?

— А ничего сейчасъ сдѣлать нельзя. Сказать ему, чтобы экихъ словъ не выражалъ, такъ онъ отопрется сейчасъ, тебя же въ дуракахъ поставитъ. А совѣтую я вашей милости въ ту сторону по отдаленности не ходить, какъ бы не вышло чего. Въ усадьбу-то онъ можетъ не отважится, не прійдетъ.

— Да онъ сейчасъ здѣсь?

— Здѣсь. На недѣлю, на двѣ ли до острогу его домой отпустили. Мужики его, слышь, на поруки берутъ, что никуда, стало быть, не сбѣжитъ.

— Да вѣдь они его, говорятъ, когда былъ пожаръ, хотѣли бросить въ огонь.

— Ну, мало ли чего говорятъ! Хотѣли, да вотъ не бросили же. Съ эстимъ человѣкомъ вязаться кому тоже охота прійдетъ. Я, признаться, на судѣ впервой его хорошо-то и разглядѣлъ.

— А можетъ быть, онъ ничего и не говорилъ? Можетъ быть, Алексѣй все самъ выдумалъ, навралъ?

— Ну, конечное дѣло Лексѣй, завсегда онъ языкомъ непокойный. А только что-жъ изъ того, что говорилъ—не говорилъ... Не въ томъ дѣло, а что онъ Лубокъ... Опасный онъ человѣкъ, барыня.

И опять непривычное, малодушное выраженіе на почтенномъ, спокойномъ лицѣ, и я чувствую, какъ вмѣсто облегченія и успокоенія послѣ разговора, холодное ощущеніе жуткой, личной опасности понемногу вползаетъ въ душу и остается въ ней.

Опасный человѣкъ... Не даромъ я всегда пугалась его огромной фигуры наверху размытой потоками, желто-глинистой Ивашинской горы. Но что же, однако, дѣлать? Вѣдь не сидѣть же мнѣ въ самомъ дѣлѣ арестованной въ имѣніи, не ходить въ Ивашино, не ходить въ церковь, перемѣнить всѣ свои привычки, мѣста для прогулокъ, показать, что я испугалась и трушу... Это было бы несносно и, наконецъ, просто унизительно.

Съ другой стороны, почему Михайло Ильичъ думаетъ, что Лубокъ способенъ привести угрозу въ исполненіе, убить меня именно на дорогѣ, съ тѣмъ, чтобы стащить подъ мостъ? Что мѣшаетъ ему придти сюда, въ усадьбу?

Я давно не проводила зиму въ деревнѣ и теперь, когда мнѣ предстоитъ эта зима, вспоминаю блаженное чувство совершеннаго спокойствія и безопасности въ былыя времена въ большомъ помѣщичьемъ домѣ, населенномъ какъ улей, съ цѣлымъ штатомъ домашней и дворовой прислуги, со сторожемъ, колотившимъ въ доску, и другимъ, отвѣчавшимъ ему протяжно и уныло колоколомъ въ нашей церкви. Какъ хорошо было слушать эти звуки и подъ нихъ засыпать и просыпаться съ сладкою увѣренностью, что все покойно кругомъ, что есть добрыя души, которыя берегутъ этотъ покой.

Измѣнились ли люди, или прошли тѣ времена, но я давно уже не держу сторожа, убѣдившись по опыту въ совершенной его безполезности. Взять неизвѣстнаго, случайнаго человѣка на подобную должность — не имѣетъ смысла. Я пробовала брать, тщательно выбирая изъ надежныхъ сосѣднихъ мужиковъ. Они охотно соглашались на мои условія, прельщались жалованьемъ, возможностью проводить день у себя и приходить къ намъ ночевать. Но ночлегомъ и полученіемъ жалованья дѣло и ограничивалось. Трудовой, рабочій день давалъ себя чувствовать рабочей усталостью. Заморившійся на работѣ, человѣкъ оказывался безсильнымъ бороться со

сномъ, и въ сонномъ кухонномъ царствѣ прибавлялся только лишній членъ, лишній голосъ въ многоголосномъ храпѣ, прервать который оказались бы безсильными пушечные выстрѣлы, а не то что наши призывы и слабые голоса.

Мы съ Машей продѣлали опытъ въ самомъ чистомъ видѣ. Позднимъ вечеромъ мы вышли какъ-то на крыльцо и принялись кричать во всю силу легкихъ и горла, кричать такъ, что больно было голосовымъ связкамъ и не сразу удалось отдышаться послѣ крика.

Намъ говорили на другой день, что крикъ былъ слышенъ въ Ивашинѣ, откуда, дѣйствительно, отзывались собаки, но никто въ нашей мирной усадьбѣ не отозвался. Мы пошли и застали сторожа спавшимъ въ семейной. Не проснулся никто даже и при нашемъ появленіи...

Этотъ опытъ сдѣлалъ въ хозяйствѣ экономію въ семь рублей въ мѣсяцъ, и съ того времени я уже не возобновляла попытки найти недреманное око, предоставивъ все на волю Божію.

Ничего другого въ сущности, нельзя сдѣлать и теперь въ дѣлѣ съ Лубкомъ. Михайло Ильичъ правъ. Остается собрать все свое мужество и молчать, не говорить никому. Помочь все равно не поможетъ никто. Зачѣмъ же отнимать у близкихъ людей лучшее благо жизни—покой.

VII

«Ночь ты ноченька,
Ночка темная,
Ночка темная,
Ночь осенняя».
«Ночи темныя, осеннія...»
Изъ народныхъ пѣсенъ.

Городскіе жители навѣрное не могутъ представить себѣ, что такое деревенская, осенняя ночь.

Быстро сгущаясь, падаютъ на землю короткіе сумерки. Въ шесть часовъ уже совершенно темно. Такъ темно, что какъ будто и не можетъ уже быть темнѣй, а между тѣмъ, все еще сгущается темнота, становится все непрогляднѣе. Это сырость изъ земли, пропитавшейся непрерывными, осенними дождями, ползетъ вверхъ и соединяется съ сыростью, падающею сверху, съ беззвѣзднаго, нависшаго неба. Образуется совершенная, кромѣшная тьма. Не видать собственной, протянутой передъ глазами, руки.

Бѣда путнику, котораго застанетъ въ дорогѣ эта темнота. Но дороги непроѣзжія давно. Уже и днемъ мало ѣзды, и ни одинъ смѣльчакъ не отважится двинуться въ путь въ подобную ночь.

Кругомъ Спасскаго ни свѣта, ни жилья. Ивашинскія избы повернуты темной стороной. Только на горѣ, въ сосѣднемъ имѣніи,

за четыре версты, чуть брезжитъ одинокій, слабый, мерцающій огонекъ. Но вѣдь не оттуда же ждать помощи, если бы... Если бы случилось что-нибудь.

За двѣнадцать лѣтъ моего пребыванія въ здѣшнихъ краяхъ на моей памяти было совершено два преступленія, убили двоихъ человѣкъ, не считая неизвѣстныхъ труповъ, подобранныхъ на большой дорогѣ и на шоссе. Въ первомъ случаѣ была „пьянымъ дѣломъ обоюдная драка“, какъ выражаются мужики, окончившаяся смертью одного изъ противниковъ; во второмъ—судъ Линча надъ завѣдомымъ, всѣмъ извѣстнымъ воромъ, Ивашинскимъ мужикомъ, десятки лѣтъ кормившимся своимъ воровствомъ и разорявшимъ народъ. Его убили на мѣстѣ преступленія, въ клѣти богатаго мужика, била вся деревня, кто чѣмъ попало. При немъ нашли цѣлый арсеналъ всевозможныхъ воровскихъ приспособленій: инструменты, отмычки всѣхъ родовъ, ключи, ножи, револьверъ и даже отраву для собакъ.

Вообще преданія здѣсь мрачныя. Невеселые разсказы передаются и о сравнительно недавнихъ временахъ, предшествовавшихъ освобожденію. Въ нашемъ флигелѣ, въ той самой комнатѣ, которую занимаю я, умеръ, заживо сгорѣлъ на рукахъ фаворитки, простой крестьянской дѣвушки —бывшій владѣлецъ имѣнія, горькій пьяница, послѣдній представитель когда-то богатаго и знатнаго рода. О похожденіяхъ его сохранилось множество разсказовъ, между прочимъ, о томъ, какъ его топили въ мельничномъ омутѣ въ самую масляницу свои же, озлобившіеся на него за дѣвокъ, Ивашинскіе мужики.

Я встрѣчаю въ церкви старушку въ черномъ платьѣ, черномъ платкѣ, съ восковымъ, одутловатымъ лицомъ. Это бывшая послѣдняя возлюбленная послѣдняго Ивашинскаго барина. Говорятъ, у нея деньги есть. Лубокъ ея родной братъ. Говорятъ, онъ ее душилъ, чтобы деньги отнять, но вб-время услыхали и не дали задушить.

Что онъ сдѣлаетъ со мной?

Придетъ ночью, выломаетъ окно и, когда начнетъ душить, некому будетъ отбивать и защищать, потому что никакой защиты у насъ нѣтъ. Наше мертвое, сонное царство еще непробуднѣе спитъ въ эти долгія, осеннія ночи. „Уснешь—умрешь“, какъ любятъ они говорить.

Пріѣзжаетъ Московскій случайный гость—земскій дѣятель, не стѣсняющійся бездорожьемъ.

Я разсказываю ему свои страхи и сомнѣнія, передаю подробно исторію съ дровами, и съ тревогой и надеждой смотрю ему прямо въ лицо, ожидая услышать опроверженіе, веселыя насмѣшки надъ женскою слабостью и трусостью, и, къ удивленію, слышу совсѣмъ другое.

— Да разумѣется, доживетесь до грѣха въ своей трущобѣ,— съ неудовольствіемъ заявляетъ энергичный, молодой дѣятель, поклонникъ модныхъ, экономическихъ ученій, крупной промышленности и городской жизни. Помилуйте, кто же живетъ теперь въ деревняхъ! Развѣ можно теперь жить въ деревняхъ! Пьянство, дикость, разбой... Каждый день въ газетахъ извѣстія изъ деревень и хуторовъ: „нашли по утру съ размозженными головами". Что же, вы этого желаете? Уѣзжайте-ка, пока голова цѣла. Переселяйтесь въ городъ.

„Эхъ ночи темныя, осеннія..."

Ночь. Въ окно, въ отверстіе ставня смотритъ непроглядная темнота. Тихо. Все спитъ въ маленькомъ флигелѣ. Только нѣтъ-нѣтъ, да налетитъ на уголъ съ поля сумасшедшій порывъ осенняго, безудержнаго вѣтра и вслѣдъ за нимъ, разстревоженный, долго плачетъ и стонетъ ставень, выводя одну и ту же безконечную, жалобную ноту. Что въ ней, въ этой жалобѣ? Чья-нибудь бѣдная душа вьется около, оплакивая бззвозвратно минувшее? Чьи руки отворяли и запирали эти старыя, маленькія, облупившіяся, сѣрыя ставни? Что видали онѣ, смотря въ долгія ночи въ нескромныя, плохо завѣшанныя окна?

Поэты воспѣваютъ ночь, „ночь свѣтлую, ночь ласковую съ темными очами"... Но въ эту ночь нѣтъ луча свѣта, потухъ и послѣдній, одинокій огонекъ. Надъ полміромъ раскинулся ночной, темный покровъ. Подъ нимъ легче зрѣютъ преступные замыслы, разгораются людскія страсти, совершаются ночныя преступленія. Ночь-потатчица, укрывательница, безстыдная сообщница! Безконечная, безсонная ночь...

Кто-то словно взялся за ставень, что-то скрипнуло...

Но нѣтъ, нѣтъ. Собаки не лаютъ, молчатъ. Значитъ, спокойно все. Или, можетъ быть, онѣ уже отравлены?

Что я сдѣлаю, если засну и проснусь вдругъ отъ слабаго шума, легкаго шороха и увижу, наклоненное надъ собой, мужичье темное, обросшее лицо?

„Каждый день въ газетахъ печатаютъ"... Значитъ нѣтъ въ этомъ ничего необыкновеннаго. Это можетъ случиться со мной, точно такъ же, какъ случается съ другими. Въ газетахъ появится извѣщеніе о „небезъизвѣстной въ литературѣ, помѣщицѣ Коробочкѣ"... Нашли поутру съ размозженною головою, въ крови...

Господи, тоска! Какая тоска, Боже мой! Когда же конецъ? Когда день и свѣтъ?

Собаки залаяли. Онѣ долго лаютъ, подвывая слегка, потомъ замолкаютъ. Никто, по обыкновенію, не выходитъ на лай. Но вотъ гдѣ-то дверь отворилась, что-то стукнуло... Господи! Идутъ... Сюда... Что это? Что?..

Въ колѣняхъ слабость такая, точно подсѣкли ихъ, сердце неудержимо бьется, руки дрожатъ, не попадаютъ на спички на столѣ.

Никого. Все затихло опять и лаю не слышно. И всего только два дня. Голова слаба. Мысли путаются. Если стукъ повторится, у меня помутится сознаніе. Я буду кричать на весь домъ, на все Спасское...

Нѣтъ, я не буду кричать. Богъ дастъ, я умру раньше, нежели онъ успѣетъ подойти ко мнѣ.

Стучитъ маятникъ. Ползутъ праздные, ночные часы... Три, четыре часа... Пять, и все тоже. Та же темнота, полная слабыхъ, таинственныхъ звуковъ ночи, не слышныхъ днемъ. Скрипы и шорохи, будто чье-то дыханье, чьи-то глубокіе вздохи, замирающіе въ тишинѣ...

Въ расщелившемся, старомъ ставнѣ обозначается мутно-бѣлое, расползающееся пятно.

Господи, наконецъ! Утро, свѣтъ!

Я жива и засыпаю въ ту же минуту мертвымъ, каменнымъ сномъ.

VIII.

Двухнедѣльное пребываніе на порукахъ Лубка сильно дѣйствуетъ на мое здоровье, вызывая угнетенное настроеніе и упадокъ духа, которые, къ тому же, всѣми силами необходимо скрывать отъ окружающихъ.

Наконецъ до Спасскаго доходитъ извѣстіе: Лубка угнали съ утра.

Лѣсникъ Алексѣй обязательно увѣдомляетъ меня, передавая подлинныя слова: теперь не убилъ, послѣ острогу похвалялся-говорилъ, убью. Мое отъ меня не уйдетъ.

Но угрозы эти уже не имѣютъ прежняго значенія.

Къ тому же, надо полагать, что въ страданіи, какъ и въ страхѣ, какъ и въ наслажденіи организму положенъ извѣстный предѣлъ, дальше котораго чувствительность уже не можетъ идти. За нимъ начинается потеря возбудимости, равнодушіе, апатія.

Въ сущности, размышляя спокойно, мало было основаній особенно сильно пугаться пьяной угрозы, хотя бы и завѣдомо дурного мужика; важно то, что вообще приходится жить въ самыхъ печальныхъ условіяхъ въ смыслѣ безопасности. Въ семи верстахъ отъ Спасскаго находится извѣстный, весьма почитаемый монастырь; въ него стекается во всѣ времена года самый пестрый народъ съ разнообразными цѣлями и помимо богомолья. Попадаются оборванцы, которые просятъ милостыню на французскомъ языкѣ, а иногда даже и не милостыню, а съ развязнымъ видомъ просятъ „папиросочки покурить“. Изъ монастыря они снова разбредаются на всѣ стороны. Ничего не будетъ невѣроятнаго, если

такого рода прохожій человѣкъ, пробираясь большой дорогой мимо Спасскаго, поинтересуется разспросить хотя бы въ томъ же Ивашинѣ о составѣ семьи, о нашемъ убогомъ штатѣ и попробуетъ воспользоваться чѣмъ возможно, тѣмъ болѣе, что въ глазахъ крестьянъ наша скромная обстановка кажется все же роскошной, а маленькія средства представляются цѣлымъ состояніемъ.

Городскіе знакомые удивляются, какъ можемъ мы продолжать жить при подобныхъ условіяхъ. Удивляться однако нечему. Живутъ люди, когда не могутъ иначе жить, и у кратеровъ, и на плавучихъ льдинахъ. Ко всему привыкаетъ человѣкъ. День проходитъ среди не прерывающейся хозяйственной суетни, къ вечеру усталость валитъ съ ногъ. Мы стараемся ложиться позднѣе и возможно дольше не гасить огонь, а въ четыре часа утра, задолго до свѣта уже поднимается Михаилъ Ильичъ и въ усадьбѣ начинается новый день, начинается рабочая жизнь.

Большая ошибка въ настоящее время держаться стараго взгляда на деревенскую жизнь: въ деревнѣ мирное времяпровожденіе, отдыхъ, спокойствіе, дня некуда дѣвать. Все это совершенно невѣрныя представленія. Деревенскій день весь разобранъ и занятъ такъ, что не хватаетъ часовъ, и приходится сокрушаться съ героиней Островскаго, что „Господь укоротилъ дни, дни на умаленіе пошли“.

Какъ бы ни были велики хозяйственные и административные таланты управляющаго, необходимо хозяину самому быть въ курсѣ всего, совершающагося въ имѣніи въ каждое время года, въ теченіе каждаго дня Въ хозяйствѣ нѣтъ ничего незначительнаго, не стоющаго вниманія. Все соединено между собою тѣснѣйшею, неразрывною связью, какъ въ живомъ организмѣ. Любите ли вы хозяйство, или нѣтъ, интересуетъ ли оно васъ или нѣтъ, разъ оно ведется у васъ, вы должны выказывать къ нему постоянный, неослабѣвающій интересъ.

Отношеніе ко всему происходящему вокругъ, отношеніе хозяина—одна изъ главныхъ дѣйствующихъ пружинъ всего, ибо въ комъ же можете вы возбудить чувства, которыхъ нѣтъ въ васъ самихъ? Кто станетъ хлопотать, дѣйствовать, тратить силы и душевную энергію? А безъ нихъ все сейчасъ же остановится, какъ въ испорченныхъ часахъ, разложится и распадется, какъ трупъ.

Какъ всякое живое дѣло, хозяйство имѣетъ свойство незамѣтно затягивать, увлекать человѣка. Благодаря сложности и разнообразію входящихъ въ него элементовъ, почти каждый можетъ найти себѣ въ немъ дѣло по вкусу и по способностямъ. Кто не увлекается полеводствомъ, можетъ увлечься скотомъ, птицей, наконецъ огородомъ, деревьями, садомъ. Дѣла хватитъ вволю въ каждомъ случаѣ и только о спокойствіи уже не можетъ быть рѣчи; его по нынѣшнимъ временамъ слѣдуетъ искать въ другомъ мѣстѣ.

Утро. Въ тепломъ, низкомъ хлѣвѣ только что постлали свѣжую, недавно обмолоченную солому. Пахнетъ ригой и навозомъ. Въ первую минуту съ надворья кажется темно, но глаза привыкаютъ и понемногу начинаютъ различать цвѣтъ и фигуры знакомыхъ любимцевъ—телятъ. Наивныя, съ мягкими и мокрыми носами телячьи морды тянутся со всѣхъ сторонъ. Большіе, ясные глаза пугливо и внимательно смотрятъ изъ подъ длинныхъ, рѣдкихъ рѣсницъ. Что-то потянуло сзади. Оборачиваюсь. Это маленькій теленокъ-сосунокъ забралъ въ ротъ полу полушубка и собирается жевать. Потихоньку освобождаю полу. Онъ загибаетъ въ бокъ голову и лижетъ и мусолитъ руку длиннымъ, жесткимъ шершавымъ языкомъ.

— Царенокъ! Ахъ ты мой царь! Батюшка ты мой!—восторженно восклицаетъ скотница, поднося въ посудинѣ парное, дымящееся молоко и принимается поить рыжаго, бѣломордаго сосунка. — Самая это сладкая скотинка. Пей, батюшка мой, пей царекъ,—ласково понукаетъ она, цѣлуя и пригибая телячью мордочку къ молоку.—И солощая же телка! Не хватаетъ отъ матери прибавляемъ отъ Душеньки,—съ довольнымъ видомъ поясняетъ она

Нарядная, темная съ бѣлымъ телочка постарше стоитъ вся на свѣту противъ узкаго окошка, пошевеливая челюстями съ торчащими былинками пахучаго, зеленаго сѣна; у нея мягкая, словно нарочно остриженная чолка на лбу, синіе глаза и два твердые бугорка—зачатки будущихъ роговъ на маленькой, красивой головѣ.

Выростутъ эти рога и разлучатъ насъ впослѣдствіи, и я уже не буду смѣть, какъ теперь, теребить ея косматую чолку, обнимать за шею и гладить и полегоньку толкать, отгонять отъ себя, когда она, не унимаясь, тянется въ десятый разъ за кусочкомъ чернаго круто-посоленнаго хлѣба, которымъ я кормлю ее изъ рукъ.

Телята самый милый, ласковый, привязчивый народъ на скотномъ дворѣ. Коровы уже совсѣмъ не то. Достаточно одной бодливой коровы для того, чтобы у другихъ могла явиться охота подражать ей, и такимъ образомъ, говорятъ, бывали случаи, что коровы запарывали на смерть собственную, знакомую и любимую скотницу

Въ каждомъ стадѣ есть всегда своя главная корова „хозяйка“, у которой въ подчиненіи всѣ другія. Она первая подходитъ къ водопою, отгоняетъ всѣхъ съ любого мѣста на пастбищѣ. Главенство это устанавливается само собою и совсѣмъ не такъ, какъ можно было бы предположить: хозяйкой нерѣдко оказывается совсѣмъ не старая и не самая крупная корова, а самая „строгая“, какъ выражаются пастухи. Такимъ образомъ нравственныя качества и здѣсь берутъ перевѣсъ.

Время водопоя одно изъ самыхъ важныхъ для скота въ продолженіи дня и нигдѣ характеръ животнаго не выказывается съ такой опредѣленностью, какъ у колоды съ водой.

Скотникъ „парень съ глупиной“, смотря по времени года, въ полушубкѣ или черномъ, валенаго сукна подпоясанномъ армякѣ, растворяетъ поочередно въ разныхъ мѣстахъ ворота на скотномъ дворѣ.

Первыми выходятъ лошади. Онѣ идутъ неторопливо, спокойно, ровняясь другъ за другомъ, разомъ обступаютъ колоду съ двухъ сторонъ и безшумно втягиваютъ въ себя воду, такъ что сейчасъ же нужно прибавлять, накачивать еще. Лошади пьютъ разомъ помногу, но пьютъ резонно такъ сказать, сколько требуется, напьются и отойдутъ, пофыркивая слегка, не толкаясь и не мѣшая другъ другу. Только длинноногій, совсѣмъ юный еще жеребенокъ суетится подлѣ матери то съ одной, то съ другой стороны, но и онъ, и всѣ другія тѣмъ же порядкомъ, напившись, помотывая головами, спокойно возвращаются въ свои стойла.

Большія телки, такъ называемыя нетели, выбѣгаютъ рѣзвѣе, нерѣдко выдѣлывая съ телячьей граціей курбеты и прыжки по двору, прежде чѣмъ подойти къ водѣ, хотя тоже дружно пьютъ по нѣскольку разъ нагибая и поднимая морды, съ которыхъ стекаютъ и падаютъ крупныя, свѣтлыя капли.

Но вотъ отворяются главныя ворота, гремятъ отвязываемыя цѣпи и одна за другой выходятъ всѣ теперь уже доморощенныя, не породистыя, но все же рослыя и красивыя, сытыя коровы.

Колода такъ велика, что пятерымъ хватитъ мѣста стать въ рядъ, не стѣсняя другъ друга; но становится за разъ не больше двухъ, трехъ. Почти каждая изъ пьющихъ считаетъ долгомъ отогнать сосѣдку взмахомъ длинныхъ, кривыхъ, часто острыхъ роговъ, которыми онѣ наносятъ другъ другу иногда очень опасныя, долго не заживающія раны.

Хозяйка „Улыбка“, колыхаясь грузнымъ корпусомъ на крѣпкихъ ногахъ, подошла, двумя взмахами роговъ на обѣ стороны разогнала сосѣдокъ, даже и быка, который скромно примостился у краешка, не давая сдачи, и только косится темнымъ глазомъ на потупленной мордѣ, припавшей къ водѣ. А сама обидчица даже и не пьетъ; она стоитъ, поднявъ голову, задумчиво пошевеливая челюстями, пока скотникъ взмахомъ кнута не заставитъ ее отойти и уступить мѣсто другимъ.

Необходимо слѣдить каждый разъ, чтобы успѣла подойти и напиться въ свою очередь каждая корова, чтобы, наскучивъ стоять, не заторопился и не погналъ назадъ раньше времени скотникъ. Количество молока зависитъ не только отъ корму, но также и отъ количества и свойства питья, а молоко представляетъ собой пока единственный, постоянный доходъ, который получается нами отъ хозяйства.

Л. Нелидова.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

КРЫМСКІЕ ОЧЕРКИ.

Ай-Петри.

Море бѣснуется, стонетъ,
Волны, какъ горы, вздымаетъ,
Съ ревомъ ихъ гонитъ и съ грохотомъ бьетъ о гранитъ,
Гложетъ утесъ и шатаетъ,
Жадно обломки хоронитъ,
Вновь набѣгаетъ и дикимъ проклятьемъ гремитъ...

Черныя тучи несутся,
Дышутъ зловѣще бѣдою,
Ринуться въ битву, какъ демоновъ сонмы, спѣшатъ...
Птицы надъ бездной морскою
Въ хищномъ предчувствіи вьются...
Заревомъ адскимъ пылаетъ багровый закатъ...

Только испытанный въ спорѣ,
Горъ своихъ витязь могучій,
Смотритъ Ай-Петри спокойно и гордо съ высотъ,—
Знаетъ: разсѣются тучи,
Стихнетъ безсильное море,
И въ ореолѣ побѣдное солнце взойдетъ.

А. Колтоновскій.

ЗАПИСКИ ВРАЧА.

Я кончилъ курсъ на медицинскомъ факультетѣ семь лѣтъ назадъ. Изъ этого читатель можетъ видѣть, чего онъ въ правѣ ждать отъ моихъ записокъ. Записки мои—это не записки стараго, опытнаго врача, подводящаго итоги своимъ долгимъ наблюденіямъ и размышленіямъ, выработавшаго опредѣленные отвѣты на всѣ сложные вопросы врачебной науки, этики и профессіи; это также не записки врача-философа, глубоко проникшаго въ суть науки и вполнѣ овладѣвшаго ею. Я—обыкновеннѣйшій средній врачъ, съ среднимъ умомъ и средними знаніями; я самъ путаюсь въ противорѣчіяхъ, я рѣшительно не въ силахъ разрѣшить многіе изъ тѣхъ тяжелыхъ, настоятельно требующихъ рѣшенія вопросовъ, которые возникаютъ передо мною на каждомъ шагу. Единственное мое преимущество,—что я еще не успѣлъ стать человѣкомъ профессіи, и что для меня еще ярки и сильны тѣ впечатлѣнія, къ которымъ современемъ невольно привыкаешь. Я буду писать о томъ, что̀ я испытывалъ, знакомясь съ медициной, чего я ждалъ отъ нея и что̀ она мнѣ дала, буду писать о своихъ первыхъ самостоятельныхъ шагахъ на врачебномъ поприщѣ и о впечатлѣніяхъ, вынесеннымъ мною изъ моей практики. Постараюсь писать *все*, ничего не утаивая, и постараюсь писать искренно.

I.

Я учился въ гимназіи хорошо, но, какъ и большинство моихъ товарищей, науку гимназическую презиралъ до глубины души. Наука эта была для меня тяжелою и непріятною повинностью, которую для чего-то необходимо было отбыть, но которая сама по себѣ не представляла для меня рѣшительно никакого интереса: что мнѣ было до того, въ какомъ вѣкѣ написано „Слово Даніила-Заточника“, чей сынъ былъ Оттонъ Великій и какъ будетъ страдательный залогъ отъ „persuadeo tibi“? Развитіе мое шло помимо школы, помимо школы пріобрѣтались и интересовавшія меня знанія.

Все это рѣзко измѣнилось, когда я поступилъ въ университетъ. На первыхъ двухъ курсахъ медицинскаго факультета читаются теоретическіе естественно научные предметы,—химія, физика, ботаника, зоологія, анатомія, физіологія. Эти науки давали знаніе, настолько для меня новое и настолько важное, что совершенно завладѣли мною: все вокругъ меня и во мнѣ самомъ, на что я раньше смотрѣлъ глазами дикаря, теперь становилось яснымъ и понятнымъ; и меня удивляло, какъ могъ я дожить до двадцати лѣтъ, ничѣмъ этимъ не интересуясь и ничего не зная. Каждый день, каждая лекція несли съ собою новыя для меня „открытія": я былъ пораженъ. узнавъ, что мясо, то самое мясо, которое я ѣмъ въ видѣ бифштекса и котлетъ, и есть тѣ таинственные „мускулы", которые мнѣ представлялись въ видѣ какихъ-то клубковъ сѣроватыхъ нитей; я раньше думалъ, что изъ желудка твердая пища идетъ въ кишки, а жидкая—въ почки; мнѣ казалось, что грудь при дыханіи расширяется *оттого*, что въ нее какою-то непонятною силою вводится воздухъ; я зналъ о законахъ сохраненія матеріи и энергіи, но въ душѣ совершенно не вѣрилъ въ нихъ. Впослѣдствіи мнѣ пришлось убѣдиться, что и большинство такъ называемыхъ образованныхъ людей имѣетъ не менѣе младенческія представленія обо всемъ, что находится передъ ихъ глазами, и это ихъ не тяготитъ. Они покраснѣютъ отъ стыда, если не сумѣютъ отвѣтить, въ какомъ вѣкѣ жилъ Людовикъ XIV, но легко сознаются въ незнаніи того, что такое угаръ и отчего свѣтится въ темнотѣ фосфоръ.

Что касается анатоміи, то часто приходится слышать, какою тяжелою и непріятною стороною ея изученія является необходимость препарировать трупы. Дѣйствительно, нѣкоторые изъ товарищей довольно долго не могли привыкнуть къ виду анатомическаго театра, наполненнаго ободранными трупами съ мутными глазами, оскаленными зубами и скрюченными пальцами; одному товарищу пришлось даже перейти изъ-за этого на другой факультетъ: онъ сталъ страдать галлюцинаціями, и ему казалось по ночамъ, что изъ всѣхъ угловъ комнаты къ нему ползутъ окровавленныя руки, ноги и головы. Но лично я привыкъ къ трупамъ довольно скоро и съ увлеченіемъ просиживалъ цѣлые часы за препаровкою, раскрывавшею передо мною всѣ тайны человѣческаго тѣла; въ теченіе семи-восьми мѣсяцевъ я ревностно занимался анатоміей, цѣликомъ отдавшись ей,—и на это время взглядъ мой на человѣка какъ-то удивительно упростился. Я шелъ по улицѣ, слѣдя за идущимъ передо мною прохожимъ, и онъ былъ для меня не болѣе, какъ живымъ трупомъ: вотъ теперь у него сократился glutaeus maximus, теперь—quadriceps femoris; эта выпуклость на шеѣ. обусловлена мускуломъ sternocleidomastoideus;

онъ наклонился, чтобъ поднять упавшую тросточку,—это сократились musculi recti abdominis и потянули къ тазу грудную клѣтку. Близкіе, дорогіе мнѣ люди стали въ моихъ глазахъ какъ-то двоиться: эта дѣвушка,—въ ней столько оригинальнаго и славнаго, отъ ея присутствія на душѣ становится хорошо и свѣтло, а между тѣмъ все, составляющее ее, мнѣ хорошо извѣстно, и ничего въ ней нѣтъ особеннаго: на ея мозгѣ тѣ же извилины, что и на сотняхъ видѣнныхъ мною мозговъ, мускулы ея также насквозь пропитаны жиромъ, который дѣлаетъ столь непріятнымъ препарированіе женскихъ труповъ, и вообще въ ней нѣтъ рѣшительно ничего привлекательнаго и поэтическаго.

Еще болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ предлагаемыя знанія, произвелъ на меня методъ, царившій въ этихъ знаніяхъ. Онъ велъ впередъ осторожно и неуклонно, не оставляя безъ тщательной провѣрки самой ничтожной мелочи, строго контролируя каждый шагъ опытомъ и наблюденіемъ; и то, что въ этомъ пути было пройдено, было пройдено окончательно, возможности не было, что придется воротиться назадъ. Методъ этотъ такъ обаятельно дѣйствовалъ на умъ, потому что являлся не въ видѣ школьныхъ правилъ отвлеченной логики, а съ необходимостью вытекалъ изъ самой сути дѣла: каждый фактъ, каждое объясненіе факта какъ будто сами собою твердили золотыя слова Бэкона: „non fingendum aut excogitandum, sed inveniendum, quid natura faciat aut ferat, — не выдумывать, не измышлять, а искать, что дѣлаетъ и несетъ съ собою природа“. Можно было не знать даже о существованіи логики,—сама наука заставила бы усвоить свой методъ успѣшнѣе, чѣмъ самый обстоятельный трактатъ о методахъ; она настолько воспитывала умъ, что всякое уклоненіе отъ прямого пути въ ней же самой, — вродѣ „непрерывной зародышевой плазмы“ Вейсмана или теорій зрѣнія, — прямо рѣзало глаза своею ненаучностью.

На второмъ курсѣ подготовительные, теоретическіе предметы закончились. Я сдалъ полулекарскій экзаменъ. Начались занятія въ клиникахъ.

Здѣсь характеръ получаемыхъ знаній рѣзко измѣнился. Вмѣсто отвлеченной науки, на первый планъ выдвинулся живой человѣкъ; теоріи воспаленія, микроскопическіе препараты опухолей и бактерій смѣнились подлинными язвами и ранами. Больные, искалѣченные, страдающіе люди безконечною вереницею потянулись передъ глазами; легкихъ больныхъ въ клиники не принимаютъ,— все это были страданія тяжелыя, серьезныя. Ихъ обиліе и разнообразіе произвели на меня ошеломляющее дѣйствіе; меня поразило, какая существуетъ масса страданій, какое разнообразіе самыхъ утонченныхъ, невѣроятныхъ мукъ заготовила намъ природа,— мукъ, при одномъ взглядѣ на которыя на душѣ становилось жутко.

Вскорѣ послѣ начала клиническихъ занятій въ клинику старшихъ курсовъ былъ положенъ огородникъ, заболѣвшій столбнякомъ. Мы ходили смотрѣть его. Въ палатѣ стояла тишина. Больной былъ мужикъ громаднаго роста, плотный и мускулистый, съ загорѣлымъ лицомъ; весь облитый потомъ, съ губами, перекошенными отъ безумной боли, онъ лежалъ на спинѣ, ворочая глазами; при малѣйшемъ шумѣ, при звонѣ конки на улицѣ или стукѣ двери внизу, больной начиналъ медленно выгибаться: затылокъ его сводило назадъ, челюсти судорожно впивались одна въ другую, такъ что зубы трещали, и страшная, длительная судорога спинныхъ мышцъ приподнимала его тѣло съ постели; отъ головы во всѣ стороны расходилось по подушкѣ мокрое пятно отъ пота. Двѣ недѣли назадъ, больной работалъ босикомъ на огородѣ и занозилъ себѣ большой палецъ ноги; эта пустячная заноза вызвала то, что я теперь видѣлъ...

Ужасно было не только то, что существуютъ подобныя муки; еще ужаснѣе было то, какъ *легко* онѣ пріобрѣтаются, какъ мало гарантированъ отъ нихъ самый здоровый человѣкъ. Двѣ недѣли назадъ всякій бы позавидовалъ богатырскому здоровью этого самаго огородника... Шелъ по двору крѣпкій парень-конюхъ, поскользнулся и ударился спиною о корыто; и вотъ онъ ужъ шестой годъ лежитъ у насъ въ клиникѣ: ноги его висятъ, какъ плети, больной ими не можетъ двинуть, онъ мочится и ходитъ подъ себя; безпомощный, какъ грудной ребенокъ, онъ лежитъ такъ дни, мѣсяцы, годы, лежитъ до пролежней, и нѣтъ надежды, что когда-нибудь воротится прежнее... Вотъ акцизный чиновникъ съ воспаленіемъ сѣдалищнаго нерва, доведенный страданіями до бѣшенства, кричитъ профессору:

— Подлецы вы всѣ, шарлатаны! Да убейте же вы меня, ради Создателя,—одного только я у васъ прошу!

Въ хорошій лѣтній вечеръ онъ посидѣлъ на росистой травѣ...

Каждую минуту, на каждомъ шагу насъ подстерегаютъ опасности; защититься отъ нихъ невозможно, потому что онѣ слишкомъ разнообразны, бѣжать некуда, потому что онѣ вездѣ. Само здоровье наше—это не спокойное состояніе организма; при глотаніи, при дыханіи въ насъ ежеминутно проникаютъ миріады бактерій, внутри нашего тѣла непрерывно образуются самые сильные яды; незамѣтно для насъ, всѣ силы нашего организма ведутъ отчаянную борьбу съ вредными веществами и вліяніями, и мы никогда не можемъ считать себя обезпеченными отъ того, что, можетъ быть, вотъ въ эту самую минуту силъ организма не хватило, и наше дѣло проиграно. И тогда изъ небольшой царапины развивается рожа, флегмона или гнилокровіе, незначительный ушибъ ведетъ къ образованію рака или саркомы, легкій бронхитъ отъ открытой форточки переходитъ въ чахотку...

Нужны какія-то идеальныя, для нашей жизни совершенно необычныя условія, чтобъ болѣзнь стала дѣйствительно „случайностью“; при настоящихъ же условіяхъ болѣютъ всѣ: бѣдные болѣютъ отъ нужды, богатые—отъ довольства; работающіе — отъ напряженія, бездѣльники—отъ праздности; неосторожные—отъ неосторожности, осторожные — отъ осторожности. Во всѣхъ людяхъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ гнѣздится разрушеніе, организмъ начинаетъ разлагаться, даже еще не успѣвъ развиться. Въ Бостонѣ были изслѣдованы зубы у четырехъ тысячъ школьниковъ, и оказалось, что здоровые зубы, особенно у дѣтей старше десяти лѣтъ, *составляютъ исключеніе*; въ Баваріи среди пятисотъ учениковъ народныхъ школъ было найдено лишь *трое* съ совершенно здоровыми зубами. Д-ръ Бабесъ вскрылъ въ Будапештской больницѣ сто дѣтскихъ труповъ, и у семидесяти четырехъ изъ нихъ онъ нашелъ въ бронхіальныхъ железахъ туберкулезныя палочки; а всѣ эти сто дѣтей умерли отъ различныхъ не туберкулезныхъ болѣзней... Ужъ дѣти встаютъ послѣ сна съ „заспанными“, гноящимися глазами; ужъ ребенкомъ каждый страдаетъ хроническимъ насморкомъ и не можетъ обойтись безъ носового платка, всѣхъ прямо удивила бы мысль, что здоровому человѣку носовой платокъ совершенно не нуженъ. Что же касается достигшихъ зрѣлости женщинъ, то онѣ ужъ нормально, физіологически, осуждены каждый мѣсяцъ болѣть въ теченіе нѣсколькихъ дней...

Съ новымъ и страннымъ чувствомъ я приглядывался къ окружавшимъ меня людямъ, и меня все больше поражало, какъ мало среди нихъ здоровыхъ; почти каждый чѣмъ-нибудь да былъ боленъ. Міръ начиналъ казаться мнѣ одною громадною, сплошною больницею. Да, это становилось все несомнѣннѣе: нормальный человѣкъ—это человѣкъ больной; здоровый представляетъ собою лишь счастливое уродство, рѣзкое уклоненіе отъ нормы.

Когда я въ первый разъ приступилъ къ изученію теоретическаго акушерства, я, раскрывъ книгу, просидѣлъ за нею всю ночь напролетъ; я не могъ отъ нея оторваться; подобный тяжелому горячечному кошмару, развертывался передо мною „нормальный“, „физіологическій“ процессъ родовъ. Брюшные органы, скомканные и придавленные беременною маткою, типически-болѣзненныя родовыя потуги, весь этотъ ужасный путь, который ребенокъ проходитъ при родахъ, это невѣроятное несоотвѣтствіе размѣровъ, — все здѣсь было чудовищно-ненормально, вплоть до тѣхъ рубцовъ на животѣ, по которымъ узнается хоть разъ рожавшая женщина... Помню хорошо, какъ сегодня, и первые роды, на которыхъ я присутствовалъ. Роженица была молодая женщина, жена мелкаго почтоваго чиновника, второродящая. Она лежала на спинѣ, съ обнаженнымъ громаднымъ животомъ, безпомощно

уронивъ руки, съ выступившими на лбу капельками пота; когда ее схватывали потуги, она сгибала колѣни и стискивала зубы, стараясь сдержать стоны, и все-таки стонала.

— Ну, ну, сударыня, потерпите немножко!—невозмутимо-спокойнымъ голосомъ уговаривалъ ее ассистентъ.

Ночь была безконечно-длинна. Роженица ужъ перестала сдерживаться; она стонала на всю палату, всхлипывая, дрожа и заламывая пальцы, стоны отдавались въ корридорѣ и замирали гдѣ-то далеко подъ сводами. Послѣ одного особенно сильнаго приступа потугъ больная схватила ассистента за руку; блѣдная, съ измученнымъ лицомъ, она смотрѣла на него жалкимъ, умоляющимъ взглядомъ.

— Докторъ, скажите, я не умру?—спрашивала она съ тоскою.

Утромъ въ клинику пришелъ навѣдаться о состояніи роженицы ея мужъ, взволнованный и растерянный. Я присматривался къ нему съ тяжелымъ, непріязненнымъ чувствомъ: это былъ у нихъ второй ребенокъ,—значитъ, онъ *зналъ*, что женѣ его предстоятъ всѣ эти муки, и все-таки пошелъ на это... Только поздно вечеромъ роды стали приходить къ концу. Показалась головка, все тѣло роженицы стало судорожно сводиться въ отчаянныхъ усиліяхъ вытолкнуть изъ себя ребенка; ребенокъ наконецъ вышелъ; онъ вышелъ съ громадною кровяною опухолью на лѣвой сторонѣ затылка, съ изуродованнымъ, длиннымъ черепомъ. Роженица лежала въ забытьи, съ надорванною промежностью, плавая въ крови.

— Роды были легкіе и мало-интересные,—сказалъ ассистентъ.

Это все тоже было „нормально"!.. И дѣло тутъ не въ томъ, что „цивилизація" сдѣлала роды труднѣе: въ тяжелыхъ мукахъ женщины рожали всегда, и ужъ древній человѣкъ былъ пораженъ этою странностью и не могъ объяснить ее иначе, какъ проклятіемъ Бога.

Описанныя впечатлѣнія ложились на душу одно за другимъ, безъ перерыва, все усиливая густоту красокъ.

Однажды ночью я проснулся. Мнѣ снилось, что я шелъ по какому-то узкому, темному переулку; на меня наѣхала карета, ударила дышломъ въ бокъ, и у меня образовался pneumothorax. Я сѣлъ на постели. Блѣдная ночь смотрѣла въ окно, вентиляторъ, перетершій смазку, наполнялъ тишину яростнымъ, прерывистымъ хрипомъ; въ кухнѣ плакалъ больной ребенокъ квартирной хозяйки. Все видѣнное и передуманное въ послѣднее время вдругъ встало передо мною, и я ужаснулся, до чего человѣкъ не защищенъ отъ случайностей, на какомъ тонкомъ волоскѣ виситъ всегда его здоровье. Только бы его, здоровья,—съ нимъ ничего не страшно, никакія испытанія; его потерять значитъ потерять все; безъ него нѣтъ свободы, нѣтъ независимости, человѣкъ ста-

новится рабомъ окружающихъ людей и обстановки; оно—высшее и необходимѣйшее благо, а между тѣмъ удержать его такъ трудно! Пришлось бы *всю жизнь*, всѣ свои силы положить на это; но вѣдь обидно же и смѣшно ставить себѣ это цѣлью жизни. Притомъ, все равно, ничего не достигнешь даже въ томъ случаѣ, если только для этого и жить. Беречься? Но этимъ теряешь приспособляемость: птица безнаказанно спитъ подъ дождемъ, мокрая до послѣдняго перышка,—мы бы при такихъ условіяхъ получили смертельную простуду. Да и какъ беречься? Мы *ничего* не знаемъ, отчего происходитъ ракъ, саркома, масса нервныхъ страданій, сахарная болѣзнь, большинство мучительныхъ накожныхъ болѣзней. Какъ ни берегись, а можетъ быть, черезъ годъ въ это время я ужъ буду лежать, пораженный pemphigo foliaceo; вся кожа при этой болѣзни покрывается вялыми пузырями, пузыри лопаются и обнажаютъ подкожный слой, который больше не заростаетъ; и человѣкъ, лишенный кожи, не знаетъ, какъ сѣсть, какъ лечь, потому что самое легкое прикосновеніе къ тѣлу вызываетъ жгучія боли. Объ этомъ смѣшно думать? Но вѣдь и тотъ больной съ pemphigus'омъ, котораго я надняхъ видѣлъ въ клиникѣ, полгода назадъ тоже былъ совершенно здоровъ и не ждалъ бѣды. Ни одинъ часъ здоровья намъ не гарантированъ. Между тѣмъ хочется жить, жить и быть счастливымъ, а это невозможно... И для чего любовь со всею ея поэзіей и счастьемъ? для чего любовь, если отъ нея столько мукъ? Да неужели же „любовь“ является не насмѣшкою надъ любовью, если человѣкъ рѣшается причинить любимой женщинѣ тѣ муки, которыя я видѣлъ въ акушерской клиникѣ? Страданье, страданье безъ конца, страданіе во всевозможныхъ видахъ и формахъ,—вотъ въ чемъ вся суть и вся жизнь человѣческаго организма.

Вскорѣ это страданіе встало передо мною въ реальной формѣ. У меня на лѣвой рукѣ подмышкою находится небольшая родинка; ни съ того, ни съ сего она вдругъ начала расти, стала болѣзненной; я боялся вѣрить глазамъ, но она съ каждымъ днемъ увеличивалась и становилась все болѣзненнѣе; опухоль достигла величины лѣсного орѣха. Сомнѣнія быть не могло: изъ родинки у меня развивалась саркома, та страшная меланосаркома, которая обыкновенно и развивается изъ невинныхъ родинокъ. Какъ на эшафотъ, пошелъ я на пріемъ къ нашему профессору-хирургу.

— Профессоръ, у меня, кажется... саркома на рукѣ,—сказалъ я обрывающимся голосомъ.

Профессоръ внимательно посмотрѣлъ на меня.

— Вы медикъ третьяго курса?—спросилъ онъ.

— Да.

— Покажите вашу саркому.

Я раздѣлся. Профессоръ срѣзалъ ножницами тонкую ножку, на которой держалась опухоль.

— Вы себѣ натерли родинку рукавомъ, больше ничего. Возьмите себѣ на память вашу саркому,—добродушно улыбнулся онъ, подавая мнѣ маленькій мясистый комочекъ.

Я ушелъ сконфуженный и радостный, и стыдно мнѣ было за мою ребяческую мнительность. Но спустя нѣкоторое время я сталъ замѣчать, что со мною творится что-то неладное: появилась общая вялость и отвращеніе къ труду, аппетитъ былъ плохъ, меня мучила постоянная жажда; я началъ худѣть, по тѣлу то тамъ, то здѣсь стали образовываться нарывы; мочеотдѣленіе было очень обильно; я изслѣдовалъ мочу на сахаръ,—сахару не оказалось. Всѣ симптомы весьма подходили къ несахарному мочеизнуренію (diabetes insipidus). Съ тяжелымъ чувствомъ перечитывалъ я главу объ этой болѣзни въ учебникѣ Штрюмпеля: „Причины несахарнаго мочеизнуренія еще совершенно темны... Большинство больныхъ принадлежитъ къ юношескому и среднему возрасту, мужчины подвержены этой болѣзни нѣсколько чаще женщинъ... Родство этой болѣзни съ сахарною болѣзнью очевидно, иногда одна изъ нихъ переходитъ въ другую... Болѣзнь можетъ тянуться годы и даже десятки лѣтъ, исцѣленія крайне рѣдки“...

Я пошелъ къ профессору-терапевту. Не высказывая своихъ подозрѣній, я просто разсказалъ ему все, что со мною дѣлается. По мѣрѣ того, какъ я говорилъ, профессоръ все больше хмурился.

— Вы полагаете, что у васъ diabetes insipidus,—рѣзко сказалъ онъ.—Это очень хорошо, что вы такъ прилежно изучаете Штрюмпеля: вы не забыли рѣшительно ни одного симптома. Желаю вамъ такъ же хорошо отвѣтить о діабетѣ на экзаменѣ. Поменьше курите, больше ѣшьте и двигайтесь, и бросьте думать о діабетѣ.

II.

Предметомъ нашего изученія сталъ живой, страдающій человѣкъ. На эти страданія было тяжело смотрѣть; но вначалѣ еще тяжелѣе было то, что именно эти-то страданія и нужно было изучать. У больного съ вывихомъ плеча—порокъ сердца, хлороформировать нельзя, и вывихъ вправляютъ безъ наркоза; фельдшера крѣпко вцѣпились въ больного, онъ бьется и вопитъ отъ боли, а нужно внимательно слѣдить за пріемами профессора, вправляющаго вывихъ; нужно быть глухимъ къ воплямъ оперируемаго, не видѣть корчащагося отъ боли тѣла, душить въ себѣ жалость и волненіе. Съ непривычки это было очень трудно, и вниманіе постоянно двоилось; приходилось убѣждать себя, что вѣдь это *не мнѣ* больно, что вѣдь я самъ совершенно здоровъ, а больно *дру-*

гому. Потоки крови при хирургическихъ операціяхъ, стоны роженицъ, судороги столбнячнаго больного, —все это вначалѣ сильно дѣйствовало на нервы и мѣшало изученію; ко всему этому нужно было привыкнуть.

Впрочемъ, привычка эта вырабатывается скорѣе, чѣмъ можно бы думать, и я не знаю случая, чтобъ медикъ, одолѣвшій препаровку труповъ, отказался отъ врачебной дороги вслѣдствіе неспособности привыкнуть къ стонамъ и крови. И слава Богу, разумѣется, потому, что такое относительное „очерствѣніе" не только необходимо, но прямо желательно; объ этомъ не можетъ быть и спора. Но въ изученіи медицины на больныхъ есть другая сторона, несравненно болѣе тяжелая и сложная, въ которой далеко не все столь же безспорно.

Мы учимся на больныхъ; съ этою цѣлью больные и принимаются въ клиники; если кто изъ нихъ не захочетъ показываться и давать себя изслѣдовать студентамъ, то его немедленно, безъ всякихъ разговоровъ, удаляютъ изъ клиники. Между тѣмъ такъ ли для больного безразличны всѣ эти изслѣдованія и демонстраціи?

Разумѣется, больного при этомъ стараются по возможности щадить. Но прежде всего это не всегда выполнимо; по необходимости приходится переступать границу, если, напримѣръ, больной страдаетъ рѣдкою, поучительною болѣзнью, или если въ клиникѣ мало матеріала; послѣднее же случается не только въ маленькихъ университетскихъ городахъ, но и въ столичныхъ; такъ, вотъ что мы узнаемъ изъ рапорта проф. Эйхвальда въ конференцію Медико-Хирургической Академіи: въ 70-хъ годахъ первое терапевтическое отдѣленіе клиническаго госпиталя одновременно служило матеріаломъ для упражненій студентовъ третьяго курса, пятаго и учащихся женщинъ, „что, конечно, было очень обременительно для больныхъ. Послѣдніе не только жаловались неоднократно на эти упражненія, приписывая имъ ухудшеніе своего состоянія, но даже нерѣдко требовали на этомъ основаніи выписки изъ клиники".

Въ общемъ однако должно признать, что подобные случаи представляютъ исключеніе; обыкновенно при учебныхъ изслѣдованіяхъ больного строго соблюдается правило, чтобъ эти изслѣдованія не причиняли ему ни малѣйшаго вреда. Но дѣло тутъ не въ одномъ только непосредственномъ вредѣ. Передо мною встаетъ полутемная палата во время вечерняго обхода; мы стоимъ съ стетоскопами въ рукахъ вокругъ ассистента, который демонстрируетъ намъ на больномъ амфорическое дыханіе. Больной, рабочій бумагопрядильной фабрики, — въ послѣдней стадіи чахотки; его молодое, страшно исхудалое лицо слегка синюшно, онъ дышитъ быстро и поверхностно, въ глазахъ, устремленныхъ въ потолокъ, сосредоточенное, ушедшее въ себя страданіе.

— Если вы приставите стетоскопъ къ груди больного,—объясняетъ ассистентъ,—и въ то же время будете постукивать рядомъ ручкою молоточка по плессиметру, то услышите ясный, металлическій, такъ наз. „амфорическій“ звукъ... Пожалуйста, коллега! — обращается онъ къ студенту, указывая на больного.— Ну-ка, голубчикъ, повернись на бокъ!.. Поднимись, сядь!..

И рѣжущимъ глаза контрастомъ представляется это одинокое страданіе, служащее предметомъ равнодушныхъ объясненій и упражненій; кто другой, а самъ больной чувствуетъ этотъ контрастъ очень сильно.

На тяжелыхъ больныхъ, въ учебномъ отношеніи какъ разъ особенно цѣнныхъ, всякое изслѣдованіе не въ цѣляхъ леченія дѣйствуетъ крайне угнетающимъ образомъ. Насколько сильно въ нихъ отвращеніе къ такого рода изслѣдованіямъ, лучше всего показываетъ то обстоятельство, что сколько-нибудь состоятельные люди именно по этой причинѣ не ложатся въ клиники, хотя во всѣхъ другихъ отношеніяхъ въ клиникѣ они найдутъ больше удобствъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Въ 1878 году при Медико-Хирургической Академіи была образована коммиссія для изысканія средствъ къ увеличенію больничнаго матеріала въ Клиническомъ Госпиталѣ. Коммиссія предложила, между прочимъ, увеличить въ госпиталѣ число безплатныхъ мѣстъ; „учрежденіе платныхъ мѣстъ,—заявила она,—непрактично, ибо люди состоятельные не идутъ въ клиники изъ опасенія, что изслѣдованія и упражненія учащихся причинятъ имъ безпокойство“. Въ 1880 году конференція возбудила новое ходатайство объ увеличеніи числа безплатныхъ гражданскихъ мѣстъ, ссылаясь на то, что „платныя мѣста остаются почти весь годъ незанятыми“.

Безплатныя мѣста, разумѣется, никогда не останутся незанятыми, объ этомъ ужъ позаботится всемогущая царица-нужда... Говорятъ: больному всѣ эти изслѣдованія и упражненія, можетъ быть, и непріятны, но зато онъ даромъ лечится въ клиникѣ и пользуется образцовымъ уходомъ. Совершенно вѣрно; но состоятельные люди пользуются образцовымъ уходомъ *безъ этого*; и у меня не разъ возникалъ вопросъ,—что стало бы съ медицинскою школою, если бы всѣ были состоятельны? Вѣроятно, ей пришлось бы очень круто; по крайней мѣрѣ, ужъ и въ настоящее время замѣчаются попытки огражденія больныхъ отъ изслѣдованія ихъ съ учебными цѣлями. Такъ напримѣръ, въ 1893 году въ Берлинѣ произошла стачка рабочихъ кассъ противъ больницы Charité; въ числѣ требованій, выставленныхъ стачечниками, было такое: „больнымъ должна быть предоставлена полная свобода соглашаться или не соглашаться на пользованіе ими для цѣлей преподаванія“. Если бы больнымъ была вездѣ предоставлена такая свобода, то многіе и многіе изъ

нихъ отвѣтили бы намъ: „Оставьте меня въ покоѣ; я понимаю, что для науки это нужно, но мнѣ слишкомъ тяжело, и мнѣ не до науки".

Но вотъ больной умираетъ. Тѣ же правила, которыя требуютъ отъ больныхъ, чтобъ они безпрекословно давали себя изслѣдовать учащимся, предписываютъ также обязательное вскрытіе всякаго, умершаго въ университетской больницѣ.

Каждый день по утрамъ въ прихожей и у подъѣзда клиники можно видѣть толпу просительницъ, цѣлыми часами поджидающихъ ассистента. Когда ассистентъ проходитъ, онѣ останавливаютъ его и упрашиваютъ отдать имъ безъ вскрытія умершаго ребенка, мужа, мать. Здѣсь иногда приходится видѣть очень тяжелыя сцены... Разумѣется, на всѣ просьбы слѣдуетъ категорическій отказъ. Не добившись ничего отъ ассистента, просительница идетъ дальше, мечется по всѣмъ начальствамъ, добирается до самого профессора и падаетъ ему въ ноги, умоляя не вскрывать умершаго:

— Вѣдь болѣзнь у него извѣстная,—что жъ его еще послѣ смерти терзать?

И здѣсь, конечно, она встрѣчаетъ тотъ же отказъ: вскрыть умершаго необходимо—безъ этого клиническое преподаваніе теряетъ всякій смыслъ. Но для матери вскрытіе ея ребенка часто составляетъ не меньшее горе, чѣмъ сама его смерть; даже интеллигентныя лица большею частью крайне неохотно соглашаются на вскрытіе близкаго человѣка, для невѣжественнаго же бѣдняка оно кажется чѣмъ-то прямо ужаснымъ; я не разъ видѣлъ, какъ фабричная, зарабатывающая по сорокъ копѣекъ въ день, совала ребенка ассистенту трехрублевку, пытаясь взяткою спасти своего умершаго отъ „поруганія". Конечно, такой взглядъ на вскрытіе—предразсудокъ, но горе матери отъ этого не легче. Вспомните вопль некрасовской Тимоѳеевны надъ умершимъ Демушкой:

Я не ропщу,
Что Богъ прибралъ младенчика,
А больно то, зачѣмъ они
Ругалися надъ нимъ?
Зачѣмъ, какъ черны вороны,
На части тѣло бѣлое
Терзали?.. Неужли
Ни Богъ, ни царь не вступятся?..

Однажды лѣтомъ я былъ на вскрытіи дѣвочки, умершей отъ крупознаго воспаленія легкихъ. Большинство товарищей разъѣхалось на каникулы, присутствовали только ординаторъ и я. Служитель огромнаго роста, съ черной бородой, вскрылъ трупъ и вынулъ органы. Умершая лежала съ запрокинутой назадъ головою, широко зіяя окровавленною грудобрюшною полостью; на бѣломъ мра-

морѣ стола, въ лужахъ алой крови, темнѣли вынутыя внутренности. Прозекторъ разрѣзывалъ ножомъ на деревянной дощечкѣ правое легкое.

— Вы что тутъ дѣлаете, а?—вдругъ раздался въ дверяхъ задыхающійся голосъ.

На порогѣ стоялъ человѣкъ въ пиджакѣ, съ рыжею бородкою; лицо его было смертельно блѣдно и искажено ужасомъ. Это былъ мѣщанинъ-сапожникъ, отецъ умершей дѣвочки; онъ шелъ въ покойницкую узнать, когда можно одѣвать умершую, ошибся дверью и попалъ въ секціонную.

— Что вы тутъ дѣлаете, разбойники?!—завопилъ онъ, трясясь и уставясь на насъ широко раскрытыми глазами. У прозектора замеръ ножъ въ рукѣ.

— Ну, ну, чего тебѣ тутъ? Ступай!—сказалъ поблѣднѣвшій служитель, идя на встрѣчу мѣщанину.

— Ребятъ здѣсь свѣжуете, а?!—кричалъ тотъ съ какимъ-то плачущимъ воемъ, судорожно топаясь на мѣстѣ и тряся сжатыми кулаками.—Вы что съ моей дѣвочкой исдѣлали?

Онъ рванулся впередъ. Служитель схватилъ его сзади подмышки и потащилъ вонъ; мѣщанинъ уцѣпился руками за косякъ двери и закричалъ: „караулъ!..“

Служителю удалось наконецъ, вытолкать его въ корридоръ и запереть дверь на ключъ. Мѣщанинъ долго еще ломился въ дверь и кричалъ „караулъ“, пока прозекторъ не кликнулъ въ окно сторожей, которые увели его.

Если у этого человѣка заболѣетъ другой ребенокъ, то онъ разорится на леченіе, предоставитъ ребенку умереть безъ помощи, но въ клинику его не повезетъ: для отца это поруганіе дорогого ему трупа,—слишкомъ высокая плата за леченіе.

Сказать кстати, право вскрывать умершихъ больныхъ присвоили себѣ, помимо клиникъ, и вообще всѣ больницы,—присвоили совершенно самовольно, потому что законъ имъ такого права не даетъ; обязательныя вскрытія производятся по закону только въ судебно медицинскихъ цѣляхъ. Но я не знаю ни одной больницы, гдѣ бы по желанію родственниковъ умершій выдавался имъ безъ вскрытія; сами же родственники и не подозрѣваютъ, что они имѣютъ право *требовать* этого. Вскрытіе каждаго больного, хотя бы умершаго отъ самой „обыкновенной“ болѣзни, чрезвычайно важно для врача: оно указываетъ ему его ошибки и способы избѣжать ихъ, пріучаетъ къ болѣе внимательному и всестороннему изслѣдованію больного, даетъ ему возможность уяснить себѣ во всѣхъ деталяхъ анатомическую картину каждой болѣзни; безъ вскрытій не можетъ выработаться хорошій врачъ, безъ вскрытій не можетъ развиваться и совершенствоваться врачебная наука.

Необходимо, чтобъ всѣ это понимали какъ можно яснѣе и добровольно соглашались на вскрытіе близкихъ. Но покамѣстъ этого нѣтъ; и вотъ больницы достигаютъ своего тѣмъ, что вскрываютъ умершихъ помимо согласія родственниковъ; послѣдніе унижаются, становятся передъ врачами на колѣни, суютъ имъ взятки, — все напрасно; изъ боязни вскрытія, близкіе нерѣдко всѣми мѣрами противятся помѣщенію больного въ больницу, и онъ гибнетъ дома вслѣдствіе плохой обстановки и неразумнаго ухода... Въ больницѣ, гдѣ я впослѣдствіи работалъ, произошелъ однажды такой случай: лежалъ у насъ мальчикъ лѣтъ пяти съ брюшнымъ тифомъ; у него появились признаки прободенія кишечника; въ такихъ случаяхъ прежде всего необходимъ абсолютный покой больного. Вдругъ мать потребовала у дежурнаго врача немедленной выписки ребенка; никакихъ уговоровъ она не хотѣла слушать; „все равно ему помирать, а дома помретъ, такъ хоть не будутъ анатомировать". Дежурный врачъ былъ принужденъ выписать мальчика; по дорогѣ домой онъ умеръ... Это происшествіе вызвало среди врачей нашей больницы много толковъ; говорили, разумѣется, о дикости и жестокости русскаго народа, обсуждали вопросъ. имѣлъ ли право дежурный врачъ выписать больного, виноватъ ли онъ въ смерти ребенка нравственно или юридически, и т. п. Но вѣдь тутъ интересенъ и другой вопросъ: насколько долженъ былъ быть силенъ страхъ матери передъ вскрытіемъ, если для избѣжанія его она рѣшилась поставить на карту даже жизнь своего ребенка! Дежурный врачъ, конечно, былъ человѣкъ не „дикій" и не „жестокій"; но характерно, что ему и въ голову не пришелъ самый, казалось бы, естественный выходъ: обязаться передъ матерью, въ случаѣ смерти ребенка, не вскрывать его.

Но кому особенно приходится терпѣть изъ-за того, что мы принуждены изучать медицину на людяхъ, — это лечащимся въ клиникахъ женщинамъ. Тяжело вспоминать, потому что приходится краснѣть за себя, но я сказалъ, что буду писать *все*.

Пропедевтическая клиника. На эстраду къ профессору, въ сопровожденіи двухъ студентовъ-кураторовъ, взошла молодая женщина, больная плевритомъ. Прочитавъ анамнезъ, студентъ подошелъ къ больной и дотронулся до закутывавшаго ея плечи платка, показывая жестомъ, что нужно раздѣться. Мнѣ кровь бросилась въ лицо: это былъ первый случай, когда передъ нами вывели молодую паціентку. Больная сняла платокъ, кофточку, и спустила до пояса рубашку; лицо ея было спокойно и гордо. Ее начали выстукивать, выслушивать. Я сидѣлъ, весь красный, стараясь не смотрѣть на больную; мнѣ казалось, что взгляды всѣхъ товарищей устремлены на меня; когда я поднималъ глаза, передо мною было все то же гордое, холодное, прекрасное лицо, склоненное надъ

блѣдною грудью; какъ будто совсѣмъ не ея тѣло ощупывали эти чужія мужскія руки. Наконецъ лекція кончилась. Вставая, я встрѣтился взглядомъ съ сосѣдомъ-студентомъ, мнѣ почти незнакомымъ; какъ-то вдругъ мы прочли другъ у друга въ глазахъ одно и тоже, враждебно переглянулись и быстро отвели взгляды въ стороны.

Было ли во мнѣ какое-нибудь сладострастное чувство въ то время, когда больная обнажалась на нашихъ глазахъ? Было, но очень мало; главное, что было,—это *страхъ* его. Но потомъ, дома, воспоминаніе о происшедшемъ приняло тонко-сладострастный оттѣнокъ, и я съ тайнымъ удовольствіемъ думалъ о томъ, что впереди предстоитъ еще много подобныхъ случаевъ.

И случаевъ, разумѣется, было очень много. Особенно помнится мнѣ одна больная, Анна Грачева, поразительно-хорошенькая дѣвушка лѣтъ восемнадцати. У нея былъ порокъ сердца съ очень характернымъ предсистолическимъ шумомъ; профессоръ рекомендовалъ намъ почаще выслушивать ее. Подойдешь къ ней,—она послушно и спокойно скидываетъ рубашку и сидитъ на постели, обнаженная до пояса, пока мы одинъ за другимъ выслушиваемъ ее. Я старался смотрѣть на нее глазами врача, но я не могъ не видѣть, что у нея красивыя плечи и грудь, я не могъ не видѣть, что и товарищи мои что-то ужъ слишкомъ интересуются предсистолическимъ шумомъ, и мнѣ было стыдно этого. И именно потому, что я чувствовалъ нечистоту нашихъ взглядовъ, мнѣ особенно больно становилось за эту дѣвушку: какая сила заставляетъ ее обнажаться передъ нами, пройдетъ ли для нея все это даромъ? И я старался прочесть на ея красивомъ, почти еще дѣтскомъ лицѣ всю исторію ея пребыванія въ нашей клиникѣ, какъ возмутилась она, когда впервые была принуждена предстать передъ всѣми нагою, и какъ ей пришлось примириться съ этимъ, потому что дома нѣтъ средствъ лечиться, и какъ постепенно она привыкла...

На амбулаторный пріемъ нашего профессора-сифилидолога пришла молодая женщина съ запискою отъ врача, который просилъ профессора опредѣлить, не сифилитическаго ли происхожденія сыпь у больной.

— Гдѣ у васъ сыпь?—спросилъ профессоръ больную.

— На рукѣ.

— Ну, это пустяки. Бывшіе фурункулы. Еще гдѣ?

— На груди,—запнувшись, отвѣтила больная.—Но тамъ совсѣмъ то же самое.

— Покажите!

— Да тамъ то же самое, нечего показывать, — возразила больная, краснѣя.

— Ну, а вы намъ все-таки покажите: мы о-чень любопытны!—съ юмористическою улыбкою произнесъ профессоръ.

*

Послѣ долгаго сопротивленія больная наконецъ сняла кофточку.

— Ну, это тоже пустяки, — сказалъ профессоръ. — Больше нигдѣ нѣтъ? Скажите вашему доктору, что у васъ нѣтъ ничего серьезнаго.

Тѣмъ временемъ ассистентъ, оттянувъ у больной сзади рубашку, осмотрѣлъ ея спину.

— Сергѣй Ивановичъ, вотъ еще!—вполголоса произнесъ онъ.

Профессоръ заглянулъ больной за рубашку.

— А-а, это дѣло другое! — сказалъ онъ. — Раздѣньтесь совсѣмъ,—пойдите за ширмочку... Слѣдующая!

Больная медленно ушла за ширму. Профессоръ осмотрѣлъ нѣсколько другихъ больныхъ.

— Ну, а что та наша больная? Раздѣлась она?—спросилъ онъ.

Ассистентъ побѣжалъ за ширму. Больная стояла одѣтая и плакала. Онъ заставилъ ее раздѣться до рубашки. Больную положили на кушетку и, раздвинувъ ноги, стали осматривать; ее осматривали долго,—осматривали мерзко, гнусно...

— Одѣвайтесь!—сказалъ наконецъ профессоръ.—Трудно еще, господа, сказать что-нибудь опредѣленное, — обратился онъ къ намъ, вымывъ руки и вытирая ихъ полотенцемъ.—Вотъ что, голубушка,—приходите-ка къ намъ еще разъ черезъ недѣлю.

Больная уже одѣлась. Она стояла, тяжело дыша и неподвижно глядя въ полъ широко открытыми глазами.

— Нѣтъ, я больше не приду!—отвѣтила она дрожащимъ голосомъ и, быстро повернувшись, ушла.

— Чего это она? — съ недоумѣніемъ спросилъ профессоръ, оглядывая насъ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, ко мнѣ зашла одна знакомая курсистка. Я разсказалъ ей описанный случай.

— Да, тяжело!—сказала она.—Но въ концѣ концовъ, что же дѣлать? Иначе учиться нельзя,—приходится мириться съ этимъ.

— Совершенно вѣрно. Но отвѣтьте мнѣ вотъ на что: если бы *вамъ* предстояло нѣчто подобное, — только представьте себѣ это ясно,—пошли ли бы вы къ намъ?

Она помолчала.

— Не пошла бы... Ни за что! — виновато улыбнулась она, съ дрожью поведя плечами.—Лучше бы умерла!

А вѣдь она глубоко уважала науку и понимала, что „иначе учиться нельзя". Та же ничего этого не понимала; она только знала, что ей нечѣмъ заплатить частному доктору и что у нея трое дѣтей.

Эта-то нужда и гонитъ бѣдняковъ въ клиники на пользу науки и школы. Они не могутъ заплатить за леченіе деньгами,

и имъ приходится платить за него своимъ тѣломъ. Но такая плата для многихъ слишкомъ тяжела, и они предпочитаютъ умирать безъ помощи. Вотъ что, напримѣръ. говоритъ извѣстный нѣмецкій гинекологъ проф. Гофмейеръ: „Преподаваніе въ женскихъ клиникахъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, затруднено естественною стыдливостью женщинъ и вполнѣ понятнымъ отвращеніемъ ихъ къ демонстраціямъ передъ студентами. На основаніи своего опыта я думаю, что въ маленькихъ городкахъ вообще едва ли было бы возможно вести гинекологическую клинику, если бы всѣ безъ исключенія паціентки не хлороформировались для цѣлей изслѣдованія. Притомъ изслѣдованіе, особенно производимое неопытною рукою, часто крайне чувствительно, а изслѣдованіе большимъ количествомъ студентовъ въ высшей степени непріятно. На этомъ основаніи въ большинствѣ женскихъ клиникъ паціентки демонстрируются и изслѣдуются подъ хлороформомъ... Менѣе всего непосредственно примѣнима для преподаванія гинекологическая амбулаторія, по крайней мѣрѣ, въ маленькихъ городкахъ. Кто хочетъ получить отъ нея дѣйствительную пользу, долженъ самъ изслѣдовать больныхъ. А именно это особенно непріятно для больныхъ. *Страхъ передъ подобными изслѣдованіями въ присутствіи студентовъ или даже самими студентами*,—у насъ, по крайней мѣрѣ,—*часто превозмогаетъ у паціентокъ потребность въ помощи*".

Если разсуждать отвлеченно, то такая щепетильность можетъ казаться безсмысленною: вѣдь студенты—тѣ-же врачи, а врачей стѣсняться нечего. Но дѣло сразу мѣняется, когда ставишь самого себя въ положеніе этихъ больныхъ. Мы, мужчины, менѣе стыдливы, чѣмъ женщины; тѣмъ не менѣе, по крайней мѣрѣ, я лично ни за что не согласился бы, чтобъ меня, совершенно обнаженнаго, вывели на глаза сотни женщинъ, чтобъ меня женщины ощупывали, изслѣдовали, разспрашивали *обо всемъ*, ни передъ чѣмъ не останавливаясь. Тутъ мнѣ ясно, что, если щепетильность эта и безсмысленна, то считаться съ нею все-таки очень слѣдуетъ.

И тѣмъ не менѣе—„иначе учиться нельзя", это несомнѣнно. Въ средніе вѣка медицинское преподаваніе ограничивалось однѣми теоретическими лекціями, на которыхъ комментировались сочиненія арабскихъ и древнихъ врачей; практическая подготовка учащихся не входила въ задачи университета. Еще въ сороковыхъ годахъ нашего столѣтія въ нѣкоторыхъ захолустныхъ нѣмецкихъ университетахъ, по свидѣтельству Пирогова, „учили дѣлать кровопусканіе на кускахъ мыла и ампутаціи—на брюквѣ". Къ счастью медицины и больныхъ, времена эти миновали безвозвратно, и жалѣть объ этомъ преступно: нигдѣ отсутствіе практической подготовки не можетъ принести столько вреда, какъ въ врачебномъ дѣлѣ. А практическая подготовка невозможна безъ всего описаннаго.

Здѣсь мы наталкиваемся на одно изъ тѣхъ противорѣчій, которыя еще такъ часто будутъ встрѣчаться намъ впослѣдствіи: существованіе медицинской школы,—школы гуманнѣйшей изъ всѣхъ наукъ,—немыслимо безъ попранія самой элементарной гуманности. Пользуясь невозможностью бѣдняковъ лечиться на собственныя средства, наша школа обращаетъ больныхъ въ манекены для упражненій, топчетъ безъ пощады стыдливость женщины, увеличиваетъ и безъ того немалое горе матери, подвергая жестокому „поруганію" ея умершаго ребенка; но не дѣлать этого школа не можетъ: по доброй волѣ мало кто изъ больныхъ согласился бы служить наукѣ.

Какой изъ этого возможенъ выходъ, я рѣшительно не знаю; я знаю только, что медицина необходима, и иначе учиться нельзя; но я знаю также, что если бы нужда заставила *мою* жену или сестру очутиться въ положеніи той больной у сифилидолога, то я сказалъ бы, что мнѣ нѣтъ дѣла до медицинской школы, и что нельзя такъ топтать личность человѣка только потому, что онъ бѣденъ.

III.

На третьемъ курсѣ, недѣли черезъ двѣ послѣ начала занятій, я въ первый разъ былъ на вскрытіи. На мраморномъ столѣ лежалъ худой, какъ скелетъ, трупъ женщины лѣтъ за сорокъ. Профессоръ патологической анатоміи, въ кожаномъ фартукѣ, надѣвалъ, балагуря, гуттаперчевыя перчатки; рядомъ съ нимъ, въ бѣломъ халатѣ, стоялъ профессоръ-хирургъ, въ клиникѣ котораго умерла женщина. На скамьяхъ, окружавшихъ амфитеатромъ секціонный столъ, тѣснились студенты.

Хирургъ замѣтно волновался; онъ нервно крутилъ усы и притворно-скучающимъ взглядомъ блуждалъ по рядамъ студентовъ; когда профессоръ-патологъ отпускалъ какую-нибудь шуточку, онъ спѣшилъ предупредительно улыбнуться; вообще въ его отношеніи къ патологу было что-то заискивающее, какъ у школьника передъ экзаменаторомъ. Я смотрѣлъ на него, и мнѣ странно было подумать, неужели это тотъ самый грозный NN., который такимъ величественнымъ олимпійцемъ глядитъ въ своей клиникѣ?

— Отъ перитонита умерла?—коротко спросилъ патологъ.

— Да.

— Оперирована?

— Оперирована.

— Угу!—промычалъ патологъ, чуть дрогнувъ бровью, и приступилъ къ вскрытію.

Ассистентъ-прозекторъ сдѣлалъ на трупѣ длинный кожный

разрѣзъ отъ подбородка до лоннаго сочлененія. Патологъ осторожно вскрылъ брюшную полость и сталъ осматривать воспаленную брюшину и склеившіяся кишечныя петли... Хирургъ ужъ наканунѣ высказалъ намъ въ клиникѣ предполагаемую имъ причину смерти больной: опухоль, которую онъ хотѣлъ вырѣзать, оказалась сильно сращенною съ внутренностями; вѣроятно, при удаленіи этихъ сращеній былъ незамѣтно пораненъ кишечникъ, и это повело къ гнилостному воспаленію брюшины. Вскрытіе подтвердило его предположеніе. Патологъ отыскалъ пораненное мѣсто и, вырѣзавъ кусокъ кишки съ ранкою, послалъ его на тарелкѣ студентамъ. Студенты съ любопытствомъ разсматривали маленькую зловѣщую ранку, окруженную гнойнымъ налетомъ; хирургъ хмурился и крутилъ усы. Я съ пристальнымъ, злораднымъ вниманіемъ слѣдилъ за нимъ: вотъ-онъ, судъ, гдѣ безпощадно раскрываются и казнятся всѣ ихъ грѣхи и ошибки! Эта женщина пришла къ нему за помощью, и именно благодаря его помощи лежала теперь передъ нами; интересно, знаютъ ли это близкіе умершей, объяснилъ ли имъ операторъ причину ея смерти?..

Вскрытіе кончилось. Въ своемъ эпикризѣ патологъ заявилъ, что перитонитъ былъ несомнѣнно вызванъ пораненіемъ кишечника, но что при той массѣ сращеній и перемычекъ, которыми изобиловала опухоль, замѣтить такое пораненіе было очень не легко, и въ столь тяжелыхъ операціяхъ ни одинъ самый лучшій хирургъ не можетъ быть гарантированъ отъ несчастныхъ случайностей.

Профессора любезно пожали другъ другу руки и ушли. Студенты повалили къ выходу.

Странное и тяжелое впечатлѣніе произвело на меня это первое видѣнное мною вскрытіе. „Перитонитъ былъ вызванъ пораненіемъ кишечника; такое пораненіе трудно замѣтить, несчастныя случайности бываютъ у лучшихъ хирурговъ“... Какъ все это просто! Какъ будто рѣчь идетъ о неудавшемся химическомъ опытѣ, гдѣ вся суть только въ самой неудачѣ! Причины этой неудачи констатируются вполнѣ спокойно, виновникъ ея, если и волнуется, то волнуется лишь вслѣдствіе самолюбія... А между тѣмъ дѣло идетъ ни больше, ни меньше, какъ о погубленной человѣческой жизни, о чемъ-то безмѣрно-страшномъ, гдѣ неизбѣжно долженъ встать вопросъ: смѣетъ ли подобный операторъ продолжать заниматься медициной? Врачъ, цѣлитель, убивающій больного! Вѣдь это такое вопіющее противорѣчіе, которое допустить прямо немыслимо. А между тѣмъ никто этого противорѣчія какъ будто и не замѣчалъ.

Я испытывалъ такое ощущеніе, какъ будто попалъ въ школу къ авгурамъ. Мы—тѣ же будущіе авгуры, насъ стѣсняться не-

чего, и вотъ насъ посвящали въ изнанку дѣла; профаны могутъ возмущаться существованіемъ этой изнанки и ея рѣзкимъ отличіемъ отъ лицевой стороны, мы же должны пріучаться смотрѣть на дѣло „шире"...

Чѣмъ дальше шло теперь мое знакомство съ медициной, тѣмъ все больше усиливалось у меня то впечатлѣніе, которое я вынесъ изъ перваго вскрытія. Въ клиникахъ, на теоретическихъ лекціяхъ, на вскрытіяхъ, въ учебникахъ,—вездѣ было то же самое. Рядомъ съ тою парадною медициною, которая лечитъ и воскрешаетъ, и для которой я сюда поступилъ, передо мною все шире развертывалась другая медицина, немощная, безсильная, ошибающаяся и лживая, берущаяся лечить болѣзни, которыхъ не можетъ опредѣлить, старательно опредѣляющая болѣзни, которыхъ завѣдомо не можетъ вылечить. Въ руководствахъ я встрѣчалъ описанія болѣзней, которыя оканчивались замѣчаніемъ: „діагнозъ этой болѣзни возможенъ лишь на секціонномъ столѣ",—какъ будто такой своевременный діагнозъ кому-нибудь нуженъ! Передъ нами выводили ребенка съ туберкулезнымъ pyo-pneumothorax'омъ; худой и изсохшій, съ торчащими костями и синюшнымъ лицомъ, онъ сидѣлъ, быстро и часто дыша; когда его клали на спину, онъ начиналъ кашлять такъ, что, казалось, сейчасъ вывернутся всѣ его внутренности. Профессоръ съ серьезнымъ видомъ, какъ будто совершалъ что-то очень важное, опредѣлялъ у него границы тупости, степень смѣщенія средостѣнія и т. п. Я слѣдилъ за профессоромъ, затаивая усмѣшку: сколько трудовъ кладетъ онъ на изслѣдованіе, и все это лишь для того, чтобъ въ концѣ концовъ сказать намъ, что больной безнадеженъ и что вылечить его мы не въ состояніи! Какой въ такомъ случаѣ смыслъ въ самомъ діагнозѣ? Какъ этотъ діагнозъ ни будь тонокъ, все-таки по существу дѣла онъ сводится лишь къ мольеровскому: „они вамъ скажутъ по-латыни, что ваша дочь больна". Все это было жалко и смѣшно. Мнѣ вспоминалось опредѣленіе сути медицины, данное Мефистофелемъ:

Der Geist der Medicin ist leicht zu fassen:
Ihr durchstudirt die gross und kleine Welt,
Um es am Ende gehn zu lassen,
Wie's Gott gefällt *).

Въ леченіи болѣзней меня поражала чрезвычайная шаткость и неопредѣленность показаній, обиліе предлагаемыхъ противъ каждой болѣзни средствъ—и рядомъ съ этимъ крайняя неувѣренность въ дѣйствительности этихъ средствъ. „Леченіе аневризмъ аорты,—говорится, напр., въ руководствѣ Штрюмпеля,—до сихъ

*) «Духъ медицины понять нетрудно: вы тщательно изучаете и большой, и малый міръ, чтобъ въ концѣ концовъ предоставить всему идти, какъ угодно Богу».

поръ даетъ еще очень сомнительные результаты; тѣмъ не менѣе, въ каждомъ данномъ случаѣ мы въ правѣ испробовать тотъ или другой изъ рекомендованныхъ способовъ". „Чтобъ предотвратить повтореніе припадковъ грудной жабы,—говорится тамъ же,—рекомендовано очень много средствъ: мышьякъ, сѣрнокислый цинкъ, азотнокислое серебро, бромистый калій, хининъ и др. Попробовать какое-либо изъ этихъ средствъ не мѣшаетъ, но вѣрнаго успѣха обѣщать себѣ не слѣдуетъ". И такъ безъ конца. „Можно попробовать то-то", „нѣкоторые очень довольны тѣмъ-то", „не мѣшаетъ испытать то-то"... Я пришелъ сюда, чтобъ меня научили, какъ вылечить больного, а мнѣ предлагаютъ „пробовать", да еще безъ всякаго ручательства за успѣхъ!

То и дѣло мнѣ теперь приходилось узнавать вещи, которыя все больше колебали во мнѣ уваженіе и довѣріе къ медицинѣ. Фармакологія знакомила насъ съ цѣлымъ рядомъ средствъ, *завѣдомо* совершенно недѣйствительныхъ, и тѣмъ не менѣе рекомендовала намъ употреблять ихъ. Положимъ, намъ неясна болѣзнь паціента, и нужно выждать ея выясненія, или болѣзнь неизлечима, а симптоматическихъ показаній нѣтъ; „но вѣдь вы не можете оставить больного безъ лекарства", и вотъ въ этихъ случаяхъ и слѣдовало назначать „безразличныя" средства; для подобныхъ назначеній въ медицинѣ существуетъ даже спеціальный терминъ: „прописать лекарство, *ut aliquit fiat*" (сокращ. вм. „ut aliquid fieri videatur, чтобъ больному казалось, будто для него что-то дѣлаютъ"). И опять-таки профессоръ сообщалъ намъ все это съ самымъ серьезнымъ и невозмутимымъ видомъ; я смотрѣлъ ему въ глаза, смѣясь въ душѣ, и думалъ: „ну, развѣ же ты не авгуръ? И развѣ мы съ тобою не разсмѣялись бы, подобно авгурамъ, если бы увидѣли, какъ нашъ больной поглядываетъ на часы, чтобъ не опоздать на десять минутъ съ пріемомъ назначенной ему жиденькой кислоты съ сиропомъ?.." Вообще, какъ я видѣлъ, въ медицинѣ существуетъ не мало довольно-таки поучительныхъ „спеціальныхъ терминовъ"; есть, напримѣръ, терминъ: „ставить діагнозъ *ex juvantibus*, на основаніи того, что помогаетъ": больному назначается извѣстное леченіе, и, если данное средство помогаетъ, значитъ, больной боленъ такою-то болѣзнью; второй шагъ дѣлается раньше перваго, и вся медицина ставится вверхъ ногами: не зная болѣзни, больного лечатъ, чтобъ на основаніи результатовъ леченія опредѣлить, отъ этой ли болѣзни слѣдовало его лечить!

Я начиналъ все больше проникаться полнѣйшимъ медицинскимъ нигилизмомъ,—тѣмъ нигилизмомъ, который такъ характеренъ для всѣхъ полузнаекъ. Мнѣ казалось, что я теперь понялъ всю суть медицины, понялъ, что въ ея владѣніи находится два-

три дѣйствительныхъ средства, а все остальное—лишь „латинская кухня“, „ut aliquid fiat“; что съ своими жалкими и несовершенными средствами діагностики она блуждаетъ въ темнотѣ и только притворяется, будто что-нибудь знаетъ. Разговаривая о медицинѣ съ не-медиками, я многозначительно улыбался и говорилъ, что, сознаваясь откровенно, „вся наша медицина“—одно лишь шарлатанство.

Какимъ образомъ изъ всего, только что описаннаго, могъ я сдѣлать такое рѣзкое и рѣшительное заключеніе? Мнѣ кажется, основаніемъ этому мнѣ послужило то очень распространенное мнѣніе, которое безсознательно раздѣлялъ и я: „ты—врачъ, значитъ, ты долженъ умѣть узнать и вылечить всякую болѣзнь; если же ты этого не умѣешь, то ты—шарлатанъ“. Я закрывалъ глаза на средства и предѣлы науки, на то, что она дѣлаетъ, и смѣялся надъ нею за то, что она не дѣлаетъ *всего*. Такъ именно и относится къ медицинѣ большинство не думающихъ людей... Въ 1893 г. на петербургской гигіенической выставкѣ въ числѣ другихъ патолого-анатомическихъ препаратовъ былъ выставленъ „сердечный полипъ, случайно найденный при вскрытіи“. Полипъ этотъ чрезвычайно разсмѣшилъ фельетониста одной большой петербургской газеты: вотъ, дескать, такъ эскулапы наши! Хорошія у нихъ бываютъ „случайныя“ находки!.. Та же гигіеническая выставка, такъ много показавшая, что даетъ медицина, для г. фельетониста не существуетъ: изъ всей выставки онъ видитъ только этотъ „случайно найденный полипъ“ и обливаетъ за него презрѣніемъ врачей и медицину, даже не интересуясь узнать, *возможно* ли при жизни открыть такой полипъ. Для врачей не должно быть ничего невозможнаго, — вотъ точка зрѣнія, съ которой судитъ большинство; съ этой же точки зрѣнія судилъ и я.

Одинъ случай произвелъ во мнѣ полный переворотъ. Въ нашу хирургическую клинику поступила женщина лѣтъ подъ пятьдесятъ съ большою опухолью въ лѣвой сторонѣ живота. Кураторомъ къ этой больной былъ назначенъ я. На обязанности студента-куратора лежитъ изслѣдовать даннаго ему больного, опредѣлить его болѣзнь и слѣдить за ея теченіемъ; когда больного демонстрируютъ студентамъ, кураторъ излагаетъ передъ аудиторіей исторію его болѣзни, сообщаетъ, что онъ нашелъ у него при изслѣдованіи, и высказываетъ свой діагнозъ; послѣ этого профессоръ указываетъ куратору на его промахи и недосмотры, подробно изслѣдуетъ больного и ставитъ свое распознаваніе. Опухоль у моей больной занимала всю лѣвую половину живота, отъ подреберья до подвздошной кости. Что это была за опухоль, изъ какого органа она исходила? Ни разспросъ больной, ни изслѣдованіе ея не давали на это никакихъ, хоть сколько-нибудь ясныхъ указаній; съ со-

вершенно одинаковою вѣроятностью можно было предположить кистому яичника, саркому забрюшинныхъ железъ, эхинококкъ селезенки, гидронефрозъ, ракъ поджелудочной железы. Я рылся во всевозможныхъ руководствахъ и вотъ что находилъ въ нихъ:

„Съ гидронефрозомъ очень легко смѣшать эхинококкъ почки; мы много разъ видѣли также мягкія саркоматозныя опухоли почекъ, относительно которыхъ мы были увѣрены, что имѣли дѣло съ гидронефрозомъ" („Частная хирургія" Тильманса).

„Ракъ почки нерѣдко принимался за забрюшинныя опухоли железъ, опухоли яичника, селезенки, большіе подпоясничные нарывы и т. п." (Штрюмпель).

„При кистахъ яичника встрѣчаются очень непріятныя діагностическія ошибки... Дифференціальное распознаваніе кисты яичника отъ гидронефроза оказывается наиболѣе опаснымъ подводнымъ камнемъ, такъ какъ гидронефрозъ, если онъ великъ, представляетъ при наружномъ изслѣдованіи совершенно такую же картину; поэтому, подобнаго рода діагностическія ошибки очень нерѣдки" („Гинекологія" Шредера).

„Клиническіе симптомы рака поджелудочной железы почти никогда не бываютъ настолько ясны, чтобъ можно было поставить вѣрный діагнозъ" (Штрюмпель).

Скептически и враждебно настроенный къ медицинѣ, я съ презрительной улыбкой перечитывалъ эти признанія въ ея безсиліи и неумѣлости. Я какъ будто прямо былъ доволенъ тѣмъ, что не могу оріентироваться въ моемъ случаѣ: моя ли вина, что наша, съ позволенія сказать, „наука" не даетъ мнѣ для этого никакой надежной руководящей нити? У моей больной опухоль живота,—вотъ все, что я могу сказать, если хочу отнестись къ дѣлу сколько-нибудь добросовѣстно; вырабатывать же изъ себя шарлатана я не имѣю никакого желанія и не стану „увѣренно" объявлять, что имѣю дѣло съ гидронефрозомъ, зная, что это легко можетъ оказаться и саркомой, и эхинококкомъ, и чѣмъ угодно.

Пришло время демонстрировать мою больную. Ее внесли на носилкахъ въ аудиторію, меня вызвали къ ней. Я прочелъ анамнезъ больной и изложилъ, что нашелъ у нея при изслѣдованіи.

— Какой же вашъ діагнозъ?—спросилъ профессоръ.

— Не знаю,—отвѣтилъ я насупившись.

— Ну, приблизительно?

Я молча пожалъ плечами.

— Случай, положимъ, дѣйствительно не изъ легкихъ,—сказалъ профессоръ и приступилъ самъ къ разспросу больной.

Сначала онъ предоставилъ самой больной разсказать объ ея болѣзни. Для меня ея разсказъ послужилъ основою всему моему изслѣдованію; профессоръ же придалъ этому разсказу очень

мало значенія. Выслушавъ больную, онъ сталъ тщательно и подробно разспрашивать ее о состояніи ея здоровья до настоящей болѣзни, о началѣ заболѣванія, о всѣхъ отправленіяхъ больной въ теченіе болѣзни; и ужъ отъ одного этого умѣлаго разспроса картина получилась совершенно другая, чѣмъ у меня: передъ нами развернулся не рядъ безсвязныхъ симптомовъ, а совокупная жизнь больного организма во всѣхъ его отличіяхъ отъ здороваго. Послѣ этого профессоръ перешелъ къ изслѣдованію больной; онъ обратилъ наше вниманіе на консистенцію опухоли, на то, смѣщается ли она при дыханіи больной, находится ли въ связи съ маткою, какое положеніе она занимаетъ относительно нисходящей толстой кишки и т. д., и т. д. Наконецъ, профессоръ приступилъ къ выводамъ. Онъ шелъ къ нимъ медленно и осторожно, какъ слѣпой, идущій по обрывистой горной тропинкѣ; ни одного самаго мелкаго признака онъ не оставилъ безъ строгаго и внимательнаго обсужденія; чтобъ объяснить какой-нибудь ничтожный симптомъ, на который я и вниманія-то не обратилъ, онъ ставилъ вверхъ дномъ весь огромный арсеналъ анатоміи, физіологіи и патологіи; онъ самъ шелъ навстрѣчу всѣмъ противорѣчіямъ и неясностямъ и отходилъ отъ нихъ, лишь добившись полнаго ихъ объясненія... И въ концѣ концовъ, когда, сопоставивъ добытыя данныя, профессоръ пришелъ къ діагнозу: „ракъ-мозговикъ лѣвой почки“,— то это само собою вытекло изъ всего предыдущаго.

Я слушалъ, пораженный и восхищенный; такими жалкими и ребяческими казались мнѣ теперь и мое изслѣдованіе, и весь мой скептицизмъ!.. Спутанная и неясная картина, въ которой, по моему, было *невозможно* разобраться, стала совершенно ясной и понятной; и это было достигнуто на основаніи такихъ ничтожныхъ данныхъ, что смѣшно было подумать...

Черезъ недѣлю больная умерла. Опять, какъ тогда, на секціонномъ столѣ лежалъ трупъ, опять вокругъ двухъ профессоровъ тѣснились студенты, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдя за вскрытіемъ. Профессоръ-патологъ извлекъ изъ живота умершей опухоль величиною съ человѣческую голову, тщательно изслѣдовалъ ее и объявилъ, что передъ нами—*ракъ-мозговикъ лѣвой почки*... Мнѣ трудно передать то чувство восторженной гордости за науку, которое овладѣло мною, когда я услышалъ это. Я разсматривалъ лежавшую на деревянномъ блюдѣ мягкую окровавленную опухоль, и вдругъ мнѣ припомнился нашъ деревенскій староста Власъ, ярый ненавистникъ медицины и врачей. „Какъ доктора могутъ знать, что у меня въ нутрѣ дѣлается? Нешто они могутъ видѣть насквозь?“—спрашивалъ онъ съ презрительной усмѣшкой. Да, тутъ видѣли именно насквозь...

Отношеніе мое къ медицинѣ рѣзко измѣнилось. Приступая къ

ея изученію, я ждалъ отъ нея *всего*; увидѣвъ, что всего медицина дѣлать не можетъ, я заключилъ, что она не можетъ дѣлать *ничего*; теперь я видѣлъ, какъ *много* все-таки можетъ она, и это „многое“ преисполняло меня довѣріемъ и уваженіемъ къ наукѣ, которую я такъ еще недавно презиралъ до глубины души.

Вотъ передо мною больной; онъ лихорадитъ и жалуется на боли въ боку; я выстукиваю бокъ: притупленіе звука показываетъ, что въ этомъ мѣстѣ грудной клѣтки легочный воздухъ замѣненъ болѣзненнымъ выдѣленіемъ; но гдѣ именно находится это выдѣленіе,—въ легкомъ или въ полости плевры? Я прикладываю руку къ боку больного и заставляю его громко произнести: „разъ, два, три!“ Голосовая вибрація грудной клѣтки на больной сторонѣ оказывается ослабленною; это обстоятельство съ такою же вѣрностью, какъ если бы я видѣлъ все собственными глазами, говоритъ мнѣ, что выпотъ находится не въ легкихъ, а въ полости плевры.—У больного парализована лѣвая нога; я ударяю ему молоточкомъ по колѣнному сухожилію,—нога высоко вскидывается; это указываетъ на то, что пораженіе лежитъ не въ периферическихъ нервахъ, а гдѣ-нибудь выше ихъ выхода изъ спинного мозга; но гдѣ именно? Я тщательно изслѣдую, сохранила ли кожа свою чувствительность, поражены ли другія конечности, правильно ли функціонируютъ головные нервы и пр.,—и могу наконецъ съ полною увѣренностью сказать: пораженіе, вызвавшее въ данномъ случаѣ параличъ лѣвой ноги, находится въ корѣ центральной извилины праваго мозгового полушарія, недалеко отъ темени... Какая громадная, многовѣковая подготовительная работа была нужна для того, чтобъ выработать такіе на видъ простые пріемы изслѣдованія, сколько для этого требовалось наблюдательности, генія, труда и знанія! И какія большія области уже завоеваны наукою! Выслушивая сердце, можно съ точностью опредѣлить, какой именно изъ его четырехъ клапановъ дѣйствуетъ неправильно, и въ чемъ заключается причина этой неправильности,—въ сращеніи клапана или его недостаточности; соотвѣтственными зеркалами мы въ состояніи осмотрѣть внутренность глаза, носоглоточное пространство, гортань, влагалище, даже мочевой пузырь и желудокъ; невидимая, загадочная и непонятная „зараза“ разгадана, мы можемъ теперь приготовлять ее въ чистомъ видѣ въ пробиркѣ и разсматривать подъ микроскопомъ. При акушерствѣ съ почти математическою точностью изученъ весь сложный механизмъ родовъ, опредѣлены всѣ факторы, обусловливающіе тотъ или иной поворотъ младенца, и искусственные пріемы помощи строго согласуются съ этимъ сложнымъ естественнымъ движеніемъ... Ребенку выжигаютъ раскаленнымъ желѣзомъ носовыя раковины, предварительно смазавъ ихъ кокаиномъ: живое

тѣло шипитъ, кругомъ пахнетъ горѣлымъ мясомъ, а ребенокъ сидитъ, улыбаясь и спокойно выдыхая изъ ноздрей дымъ...

Но всего не перечислить. Конечно, многое, еще очень многое не достигнуто, но все это лишь вопросъ времени, и намъ трудно себѣ даже представить, какъ далеко пойдетъ наука. Вѣдь еще нѣсколько лѣтъ назадъ показалась бы нелѣпостью самая мысль о томъ, что человѣческое тѣло возможно въ буквальномъ смыслѣ видѣть насквозь; теперь же, благодаря Рёнтгену, эта нелѣпость стала дѣйствительностью. Сорокъ лѣтъ назадъ, у хирурговъ *три четверти* оперированныхъ умирало отъ гнойнаго зараженія; гнойное зараженіе было проклятіемъ хирургіи, о которое разбивалось все искусство оператора. „Я ничего положительнаго не знаю сказать объ этой страшной казни хирургической практики,—съ отчаяніемъ писалъ Пироговъ въ 1854 году.— Въ ней все загадочно: и происхожденіе, и образъ развитія. До сихъ поръ она въ такой же степени неизлечима, какъ ракъ".— „Если я оглянусь на кладбища,—пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,— гдѣ схоронены зараженные въ госпиталяхъ, то не знаю, чему болѣе удивляться: стоицизму ли хирурговъ, занимающихся еще изобрѣтеніемъ новыхъ операцій, или довѣрію, которымъ продолжаютъ еще пользоваться госпитали у общества"... Явился Листеръ, ввелъ антисептику, она смѣнилась еще болѣе совершенною асептикою, и хирурги изъ безсильныхъ рабовъ гнойнаго расположенія стали его господами; въ настоящее время, если оперированный умираетъ отъ гнойнаго зараженія, то виновата въ этомъ не наука, а операторъ.

Если ужъ въ настоящее время сдѣлано такъ много, то что же дастъ наука въ будущемъ! Передо мною раскрывались такія свѣтлыя перспективы, что становилось весело за жизнь и за человѣка. Истинная дорога найдена, и свернуть съ нея ужъ невозможно. Natura parendo vincitur,—природу побѣждаетъ тотъ, кто ей повинуется; будутъ поняты всѣ ея законы, и человѣкъ станетъ надъ нею неограниченнымъ властителемъ. Тогда исчезнетъ и теперешнее одностороннее леченіе и искусственное предупрежденіе болѣзней: человѣкъ научится развивать и дѣлать непобѣдимыми цѣлебныя силы своего собственнаго организма, ему не будутъ страшны ни зараза, ни простуда, не будутъ нужны ни очки, ни пломбировка зубовъ, не будутъ извѣстны ни мигрени, ни неврастеніи. Будутъ сильные, счастливые и здоровые люди, и они будутъ рождаться отъ сильныхъ и здоровыхъ женщинъ, которыя не будутъ знать ни акушерскихъ щипцовъ, ни хлороформа, ни спорыньи.

Чѣмъ дальше шло теперь мое знакомство съ медициной, тѣмъ больше она привлекала меня къ себѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ меня

все больше поражало, какой колоссальный кругъ наукъ включаетъ въ себя ея изученіе; это обстоятельство сильно смущало меня. Каждый день приносилъ съ собою такую массу новыхъ, совершенно разнородныхъ, но одинаково необходимыхъ знаній, что голова шла кругомъ; заняты мы были съ утра до вечера, не было времени читать не только что-либо постороннее, но даже по той же медицинѣ. Это была какая-то горячка, какое-то лихорадочное метаніе изъ клиники въ клинику, съ лекціи на лекцію, съ курса на курсъ; какъ въ быстро поворачиваемомъ калейдоскопѣ, предъ нами смѣнялись самыя разнообразныя вещи: резекція колѣна, лекція о свойствахъ наперстянки, безумныя рѣчи паралитика, наложеніе акушерскихъ щипцовъ, значеніе Сиденгама въ медицинѣ, зондированіе слезныхъ каналовъ, способы окрашиванія леффлеровыхъ бациллъ, мѣстонахожденіе подключичной артеріи, массажъ, признаки смерти отъ задушенія, стригущій лишай, системы вентиляціи, теоріи блѣдной немочи, законы о домахъ терпимости и т. д., и т. д. Все это приходилось воспринимать совершенно механически; желаніе продумать воспринятое, остановиться на томъ или другомъ падало подъ напоромъ сыпавшихся все новыхъ и новыхъ знаній; и эти новыя знанія приходилось складывать въ себѣ такъ же механически и утѣшаться мыслью: „потомъ, когда у меня будетъ больше времени, я все это обдумаю и приведу въ порядокъ". А между тѣмъ полученныя впечатлѣнія постепенно блѣднѣли, поднявшіеся вопросы забывались и утрачивали интересъ, усвоеніе становилось поверхностнымъ и ученическимъ.

Думать и дѣйствовать самостоятельно намъ въ теченіе всего нашего курса почти не приходилось. Профессора на нашихъ глазахъ искусно справлялись съ самыми трудными операціями, систематически рѣшали сложныя загадки, именуемыя больными людьми, а мы... мы слушали и смотрѣли; все казалось простымъ, стройнымъ и очевиднымъ. Но если мнѣ случайно попадался больной на сторонѣ, то каждый разъ оказывалось что-нибудь, что ставило меня въ совершенный тупикъ. Вначалѣ меня это не огорчало: вѣдь я еще студентъ, многаго еще не знаю,—узнаю я это впереди. Но время шло, знанія мои пріумножались; былъ оконченъ пятый курсъ, ужъ начинались выпускные экзамены, а я чувствовалъ себя попрежнему безпомощнымъ и неумѣлымъ, неспособнымъ ни на какой сколько-нибудь самостоятельный шагъ. Между тѣмъ я видѣлъ, что стою ничуть не ниже моихъ товарищей; напротивъ, я стоялъ выше большинства... Что же выйдетъ изъ насъ?

Выпускные экзамены тянулись около четырехъ мѣсяцевъ. На медицинскомъ факультетѣ экзамены эти особенно трудны вслѣд-

ствіе подавляющей массы предметовъ. Въ теченіе курса я занимался много и обладаю хорошими способностями; тѣмъ не менѣе мнѣ приходилось во время экзаменовъ работать по десяти-двѣнадцати часовъ въ сутки. Знанія требовались громадныя, и по крайней мѣрѣ три четверти изъ нихъ представляли совершенно ненужный балластъ, который по сдачѣ экзамена немедленно выбрасывался изъ памяти. Для большинства профессоровъ ихъ спеціальность заслоняетъ собою все остальное, и они отдѣляютъ въ ней важное отъ неважнаго, не поднимаясь выше своей спеціальности. Одинъ мой товарищъ „провалился" по анатоміи, потому что не зналъ, одѣта ли двѣнадцатиперстная кишка брюшиною или нѣтъ,—вопросъ, для анатома очень интересный, но для врача не имѣющій рѣшительно никакого значенія. Нужно было знать, что лейцинъ есть параоксифениламидобензойная кислота, нужно было умѣть перечислить названія нѣсколькихъ десятковъ суррогатовъ молока, причемъ каждое изъ этихъ названій было для насъ пустымъ звукомъ; нужно было знать всѣ химическія реакціи на атропинъ,—реакціи, изъ которыхъ сами мы не продѣлали ни одной.

Еще важнѣе было знать коньки каждаго экзаменатора,—коньки, часто удивительно-безсмысленные. Тотъ, кто не зналъ этихъ коньковъ, проваливался навѣрняка. Любимымъ вопросомъ одного профессора былъ слѣдующій: „у какого животнаго, если ему поставить клизму, вода пойдетъ черезъ ротъ?" Профессоръ общей терапіи задалъ мнѣ на экзаменѣ вопросъ: „какая разница въ томъ, примете ли вы ложку холодной воды внутрь или выльете ее себѣ на голову?" Тотъ, кто говорилъ профессору дерматологу, что проказа заразительна, получалъ неудовлетворительную отмѣтку; у профессора общей хирургіи неудовлетворительную отмѣтку получалъ тотъ, кто говорилъ, что проказа не заразительна. Вообще исходъ экзамена вполнѣ зависѣлъ отъ личности и характера экзаменатора: „добрый" профессоръ пропускалъ во врачи студента, который трехмѣсячному ребенку назначалъ пять капель опійной настойки,—строгій проваливалъ студента, который не зналъ, какими дѣйствіями обладаетъ нарцеинъ,—совершенно ничтожная составная часть того же опія.

Такая чисто школьная постановка дѣла превращаетъ экзамены въ уродливую и очень неумную комедію; вмѣсто дѣйствительныхъ знаній, которыми долженъ обладать всякій врачъ, на экзаменахъ требуется невообразимая мѣшанина, помнить которую возможно только для экзамена. Когда-то Вирховъ мечталъ о томъ, чтобъ всѣ врачи черезъ опредѣленные промежутки лѣтъ подвергались повторнымъ экзаменамъ; при настоящемъ положеніи дѣла проектъ этотъ, самъ по себѣ чрезвычайно разумный, совершенно неосуществимъ: вездѣ у насъ экзамены поставлены такъ, что сдать ихъ

могутъ только юнцы съ молодою памятью, хотя бы они при этомъ не обладали никакою врачебною опытностью и никакими сколько-нибудь основательными врачебными знаніями.

Особенно рѣзко обстоятельство это бросается въ глаза при экзаменахъ на доктора медицины; на этихъ экзаменахъ требуется то же, что и на врачебныхъ, только въ еще большемъ объемѣ. Получается странное явленіе: я знаю одного стараго врача, выдающагося практика, въ то же время хорошо извѣстнаго и въ наукѣ своими учеными трудами; чтобъ получить мѣсто главнаго врача больницы, ему нужно имѣть степень доктора; но онъ ужъ неспособенъ на зазубриваніе всѣхъ школьныхъ премудростей, требуемыхъ для экзамена, и остается „лекаремъ". Между тѣмъ многіе изъ моихъ товарищей,—люди научно-необразованные и совершенно неопытные,—сейчасъ же послѣ лѣкарскихъ экзаменовъ, на свѣжую память, приступили къ докторскимъ—и легко получили „ученую степень" доктора. Такая профанація ученой степени существуетъ у насъ только по отношенію къ медицинѣ: докторъ исторіи или математики, не бросившій своего предмета, въ любой моментъ сможетъ сдать экзаменъ по своей спеціальности; всякій выдающійся ученый по исторіи или математикѣ легко сможетъ, если захочетъ, получить ученую степень. Докторъ же медицины, если его экспромптомъ поставить черезъ пять лѣтъ снова на экзаменъ, долженъ будетъ лишиться своей степени; съ другой стороны, ни одинъ выдающійся врачъ не сможетъ безъ долгой подготовки сдать экзамена на ученую степень,—развѣ только экзаменаторы, во вниманіе къ его заслугамъ, отнесутся къ нему „снисходительно", т.-е. будутъ требовать отъ него дѣйствительнаго пониманія медицины, а не знанія на-зубокъ ни на что ненужныхъ мелочей.

IV.

Выпускные экзамены кончились. Насъ пригласили въ актовую залу, мы подписали врачебную клятву и получили дипломы. Въ дипломахъ этихъ, украшенныхъ государственнымъ гербомъ и большою университетскою печатью, удостовѣрялось, что мы съ успѣхомъ сдали всѣ испытанія, какъ теоретическія, такъ и практическія, и что медицинскій факультетъ призналъ насъ достойными степени лекаря, „со всѣми правами и преимуществами, сопряженными по закону съ этимъ званіемъ".

Съ тяжелымъ и нерадостнымъ чувствомъ покидалъ я нашу alma mater. То, что въ теченіе послѣдняго курса я начиналъ сознавать все яснѣе, теперь встало передо мною во всей своей наготѣ: я, обладающій какими-то отрывочными, совершенно неусвоенными и непереваренными знаніями, привыкшій только смотрѣть

и слушать, а отнюдь не дѣйствовать, не знающій, какъ подступиться къ больному, я—врачъ, къ которому больные станутъ обращаться за помощью! Да что буду я въ состояніи дать имъ?.. Всѣ мои товарищи испытывали то же самое, что я. Мы съ горькою завистью смотрѣли на тѣхъ счастливцевъ, которые были оставлены ординаторами при клиникахъ; они могли продолжать учиться, имъ предстояло работать не на свой страхъ, а подъ руководствомъ опытныхъ и умѣлыхъ профессоровъ. Мы же, всѣ остальные,—мы должны были идти въ жизнь самостоятельными врачами, не только съ „правами и преимуществами", но и съ *обязанностями*, „сопряженными по закону съ этимъ званіемъ"...

Нѣкоторымъ изъ моихъ товарищей посчастливилось попасть въ больницы; другіе поступили въ земство; третьимъ, въ томъ числѣ и мнѣ, пристроиться никуда не удалось, и намъ осталось одно—попытаться жить частной практикой.

Я поселился въ небольшомъ губернскомъ городѣ средней Россіи. Пріѣхалъ я туда въ исключительно-благопріятный моментъ: незадолго передъ тѣмъ умеръ жившій на окраинѣ города врачъ, имѣвшій довольно большую практику. Я нанялъ квартиру въ той же мѣстности, вывѣсилъ на дверяхъ дощечку: „докторъ такой-то", и сталъ ждать больныхъ.

Я ждалъ ихъ—и въ то же время больше всего боялся именно того, чтобы они не явились. Каждый звонокъ заставлялъ испуганно биться мое сердце, и я съ облегченіемъ вздыхалъ, узнавъ, что звонился не больной. Сумѣю ли я поставить діагнозъ, сумѣю ли назначить леченіе? Знанія мои были далеко не настолько прочны, чтобы я чувствовалъ себя способнымъ пользоваться ими экспромптомъ. Хорошо, если у больного окажется такая болѣзнь, при которой можно будетъ ждать: тогда я пропишу что-нибудь безразличное и потомъ справлюсь дома, что въ данномъ случаѣ слѣдуетъ дѣлать. Но если меня позовутъ къ больному, которому нужна немедленная помощь? Вѣдь къ такимъ-то именно больнымъ начинающихъ врачей обыкновенно и зовутъ... Что я тогда стану дѣлать?

Есть книга д-ра Луи Блау: „Діагностика и терапія при угрожающихъ опасностью болѣзненныхъ симптомахъ". Я купилъ эту книгу и всю ее проконспектировалъ въ свою записную книжку, дополнивъ конспектъ кое-чѣмъ изъ учебниковъ. Всякая болѣзнь была по симптомамъ подведена мною подъ рубрики, въ такомъ, напр., родѣ: *Сильная одышка*: 1) крупъ, 2) ложный крупъ, 3) отекъ гортани, 4) спазмъ гортани, 5) бронхіальная астма, 6) отекъ легкихъ, 7) крупозная пнеймонія, 8) уремическая астма, 9) плевритъ, 10) пнеймотораксъ. При каждой изъ болѣзней были перечислены ея симптомы и указано соотвѣтственное леченіе. Этотъ

конспектъ сослужилъ мнѣ большую службу, и я долго еще, года два, не могъ обходиться безъ его помощи. Когда меня звали къ больному съ сильною одышкою, я, подъ предлогомъ записи больного, раскрывалъ записную книжку, смотрѣлъ, подъ какую изъ перечисленныхъ болѣзней подходитъ его болѣзнь, и назначалъ соотвѣтственное лѣченіе.

Въ той мѣстности, гдѣ я поселился, по близости врачей не было; понемногу больные стали обращаться ко мнѣ; вскорѣ среди мѣстныхъ обывателей у меня образовалась практика, для начинающаго врача сравнительно недурная.

Между прочимъ я лечилъ жену одного сапожника, женщину лѣтъ тридцати; у нея была дизентерія. Дѣло шло хорошо, и больная уже поправлялась, какъ вдругъ однажды утромъ у нея появились сильнѣйшія боли въ правой сторонѣ живота. Мужъ немедленно побѣжалъ за мною. Я изслѣдовалъ больную: весь животъ былъ при давленіи болѣзненъ, область же печени была болѣзненна до того, что до нея нельзя было дотронуться; желудокъ, легкія и сердце находились въ порядкѣ, температура была нормальна. Что это могло быть? Я перебиралъ въ памяти всевозможныя заболѣванія печени и не могъ остановиться ни на одномъ; всего естественнѣе было поставить новое заболѣваніе въ связь съ существовавшею уже болѣзнью; при дизентеріи иногда встрѣчаются нарывы печени; но противъ нарыва говорила нормальная температура. Впрыснувъ больной морфій, я ушелъ въ полномъ недоумѣніи. Къ вечеру температура съ потрясающимъ ознобомъ поднялась до 40°, у больной появилась легкая одышка, а боли въ печени стали еще сильнѣе. Теперь для меня не было сомнѣнія: какъ слѣдствіе дизентеріи, у больной образуется нарывъ печени; опухшая печень давитъ на легкое, и этимъ объясняется одышка. Я былъ очень доволенъ тонкостью своего діагноза.

Но разъ у больной нарывъ печени, то необходима операція. (Въ клиникѣ это такъ легко сказать!) Я сталъ уговаривать мужа помѣстить жену въ больницу; я говорилъ ему, что положеніе крайне серьезно, что у больной — нарывъ въ внутренностяхъ, и что, если онъ вскроется въ брюшную полость, то смерть неминуема. Мужъ долго колебался, но наконецъ внялъ моимъ убѣжденіямъ и свезъ жену въ больницу.

Черезъ два дня я пошелъ справиться о состояніи больной. Прихожу въ больницу, вызываю палатнаго ординатора. Оказывается, у моей больной... *крупозное воспаленіе легкихъ!* Я не вѣрилъ ушамъ. Ординаторъ провелъ меня въ палату и показалъ больную... Я вспомнилъ, что даже не догадался спросить ее о кашлѣ, даже не изслѣдовалъ вторично ея легкихъ, такъ я обрадовался ознобу, и такъ ясно показался онъ мнѣ говорящимъ за

мой діагнозъ; правда, мнѣ приходила въ голову мысль, что легкія не мѣшало бы изслѣдовать еще разъ; но больная такъ кричала при каждомъ движеніи, что я прямо не рѣшался поднять ее, чтобы какъ слѣдуетъ выслушать.

— Но вѣдь у нея сильно болѣзненны печень и весь животъ,— въ смущеніи сказалъ я.

— Да, печень немного болѣзненна,—отвѣтилъ врачъ;—хотя болѣе болѣзненна правая плевра.

— Да и весь животъ болѣзненъ.

Я чуть дотронулся до ея живота, больная вскрикнула. Ординаторъ вступилъ съ нею въ разговоръ, сталъ разспрашивать, какъ она провела ночь, и постепенно всю руку погрузилъ въ ея животъ, такъ что больная даже не замѣтила.

— Ну-ка, матушка, сядь!—сказалъ онъ.

— Охъ, не могу!

— Ну-ну, пустяки! Садись!

И она сѣла. И ее можно было выстукать, выслушать, и я увидѣлъ типическую крупозную пнеймонію, типичнѣе которой ничего не могло быть...

Какъ могъ я такъ поверхностно и небрежно произвести изслѣдованіе? Вѣдь необходимо каждаго больного, на что бы онъ ни жаловался, изслѣдовать съ головы до ногъ, — это намъ не уставали твердить всѣ наши профессора. Да, они намъ твердили это достаточно, и на экзаменѣ я сумѣлъ бы привести массу примѣровъ, самымъ неопровержимымъ образомъ доказывающихъ необходимость слѣдовать этому правилу. Но теорія—одно, а практика—другое: на дѣлѣ мнѣ было прямо смѣшно начать изслѣдовать носъ, глаза или пятки у больного, который жаловался, напр., на разстройство желудка. Правила, подобныя указанному, усваиваются лишь однимъ путемъ, когда не теорія, а собственный опытъ заставитъ почувствовать и сознать всю ихъ практическую важность. Собственный же опытъ былъ намъ въ клиникахъ совершенно недоступенъ.

Характерно также то, что въ своемъ распознаваніи я остановился на самой рѣдкой изъ всѣхъ болѣзней, которыя можно было предположить. И въ моей практикѣ это было не единичнымъ случаемъ: кишечныя колики я принималъ за начинающійся перитонитъ; гдѣ былъ геморрой, я открывалъ ракъ прямой кишки и т. п. Я былъ очень мало знакомъ съ обыкновенными болѣзнями,— мнѣ прежде всего приходила въ голову мысль о видѣнныхъ мною въ клиникахъ самыхъ тяжелыхъ, рѣдкихъ и „интересныхъ“ случаяхъ.

Тѣмъ не менѣе при распознаваніи болѣзней я все-таки еще хоть сколько-нибудь могъ чувствовать подъ ногами почву: діа-

гнозы ставились въ клиникахъ на нашихъ глазахъ, и, если сами мы принимали въ ихъ постановкѣ очень незначительное участіе, то, по крайней мѣрѣ, *видѣли* достаточно. Но что было для меня ужъ совершенно невѣдомою областью, это — теченіе болѣзней и дѣйствіе на нихъ различныхъ лечебныхъ средствъ; съ тѣмъ и другимъ я былъ знакомъ исключительно изъ книгъ; если одного и того же больного за время его болѣзни намъ демонстрировали четыре-пять разъ, то это было ужъ хорошо. Въ теченіе всего моего студенчества систематически слѣдить за ходомъ болѣзни я имѣлъ возможность только у тѣхъ десяти-пятнадцати больныхъ, при которыхъ состоялъ кураторомъ; а это все равно, что ничего.

Однажды, мѣсяца черезъ два послѣ начала моей практики, я получилъ приглашеніе пріѣхать къ женѣ одного суконнаго фабриканта; это былъ первый случай, когда меня позвали въ богатый домъ; до того времени практика моя ограничивалась ремесленниками, мелкими торговцами, офицерскими вдовами и т. п.

— Вы, докторъ, давно кончили курсъ? — былъ первый вопросъ, съ которымъ ко мнѣ обратилась больная, молодая и интеллигентная дама лѣтъ подъ тридцать.

Мнѣ очень хотѣлось сказать: „два года“, но было неловко, и я сказалъ правду.

— Ну, вотъ, я очень рада! — удовлетворенно произнесла больная.—Вы, значитъ, стоите на высотѣ науки; откровенно говоря, я гораздо больше вѣрю молодымъ врачамъ, чѣмъ всѣмъ этимъ „извѣстностямъ“: тѣ все перезабыли и только стараются гипнотизировать насъ своею извѣстностью.

У больной оказался острый сочленовный ревматизмъ, — какъ разъ такая болѣзнь, противъ которой медицина имѣетъ вѣрное, специфическое средство въ видѣ салициловой кислоты. Для начала практики нельзя было желать случая, болѣе благопріятнаго.

— Долго, докторъ, протянется ея болѣзнь?—спросилъ меня въ передней мужъ больной.

— Нѣ-ѣтъ!—отвѣтилъ я.—Теперь съ каждымъ днемъ боли будутъ меньше, состояніе будетъ улучшаться. Только слѣдите за тѣмъ, чтобъ лекарство принималось аккуратно.

Черезъ два дня я получилъ отъ него записку: „Милостивый Государь! Женѣ моей не только не стало лучше, но ей совсѣмъ плохо. Будьте добры пріѣхать“.

Я пріѣхалъ. У больной раньше были поражены правое колѣно и лѣвая ступня; теперь къ этому присоединились боли въ лѣвомъ плечевомъ суставѣ и лѣвомъ колѣнѣ. Больная встрѣтила меня холоднымъ и враждебнымъ взглядомъ.

— Вотъ, докторъ, вы говорили, что скоро все пройдетъ,— сказала она.—У меня вовсе не проходитъ, а напротивъ, стано-

вится все хуже. Такія страшныя боли,—Господи! Я и не думала, что возможны такія страданія!

Вотъ тебѣ и салициловый натръ,—специфическое средство!.. Я молча сталъ снимать вату съ пораженныхъ суставовъ, смазанныхъ мазью изъ хлороформа и вазелина.

— Что это, мазь ли пахнетъ мертвечиной, или ужъ я начинаю заживо разлагаться?—ворчала больная.—Умирать, такъ умирать, мнѣ все равно, но только почему это такъ мучительно?

— Полноте, сударыня, ну, можно ли такъ падать духомъ!—сказалъ я.—Тутъ никакой и рѣчи не можетъ быть о смерти, скоро вы будете совершенно здоровы.

— Ну, да, вы мнѣ это говорите для того, чтобъ меня утѣшить... А долго я въ такомъ случаѣ буду еще мучиться?

Я далъ неопредѣленный отвѣтъ и обѣщался придти завтра.

Назавтра боли значительно уменьшились, температура опустилась, больная смотрѣла бодро и весело. Она горячо пожала мнѣ руку.

— Ну, кажется, наконецъ, начинаю поправляться!—сказала она.—Ужъ надоѣла же я вамъ, докторъ, признайтесь! Такая нетерпѣливая, просто срамъ! Ужъ меня мужъ и то стыдитъ... Скажите, теперь можно надѣяться, что пойдетъ на выздоровленіе?

— Безусловно!.. Вы хотѣли, чтобъ салициловый натръ подѣйствовалъ моментально,—это невозможно. Такъ быстро, какъ вы желали, онъ не дѣйствуетъ, но зато дѣйствуетъ вѣрно. Только пока во всякомъ случаѣ продолжайте еще принимать его.

— Я очень потѣю отъ него, ночью пришлось смѣнить три рубашки.

— А звону въ ушахъ нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ продолжайте, если не хотите, чтобъ процессъ снова обострился.

— Ой, нѣтъ, нѣтъ, не хочу!—засмѣялась она.—Лучше готова смѣнить хоть десять рубашекъ.

Пріѣзжаю на слѣдующій день, вхожу къ больной. Она даже не пошевельнулась при моемъ приходѣ, наконецъ, неохотно повернула ко мнѣ голову; лицо ея спалось, подъ глазами были синіе круги.

— А у меня, докторъ, боли появились въ правомъ плечѣ!—медленно произнесла она, съ ненавистью глядя на меня.—Всю ночь не могла заснуть отъ боли, хотя очень аккуратно принимала вашу салицилку. Для васъ это, не правда ли, очень неожиданно?

Увы, совершенно вѣрно! Для меня это было очень неожиданно... Я, можетъ быть, поступилъ легкомысленно, обѣщавъ съ самаго начала быстрое излеченіе: учебники мои оговаривались, что иногда

салициловый натръ остается при ревматизмѣ недѣйствительнымъ; но чтобъ, разъ начавшись, дѣйствіе его ни съ того, ни съ сего способно было прекратиться, — этого я совершенно не предполагалъ. Книги не могли излагать дѣла иначе, какъ схематически, но могъ ли и я, руководствовавшійся исключительно книгами, быть не схематичнымъ?

При прощаніи меня больше не просили приходить. Какъ это ни было для меня оскорбительно, но въ душѣ я былъ радъ, что отдѣлался отъ своей паціентки: измучила она меня чрезвычайно.

Впрочемъ, мало радостей давала мнѣ и вообще моя практика. Я теперь постоянно находился въ страшно нервномъ состояніи. Какъ ни низко цѣнилъ я свои врачебныя знанія, но, когда дошло до дѣла, мнѣ пришлось убѣдиться, что я оцѣнивалъ ихъ все-таки слишкомъ высоко. Почти каждый случай съ такою наглядностью раскрывалъ передо мною все съ новыхъ и новыхъ сторонъ всю глубину моего невѣжества и неподготовленности, что у меня опускались руки. Полученныя мною въ университетѣ знанія представляли изъ себя хаотическую груду, въ которой я не могъ оріентироваться и передъ которою стоялъ въ полнѣйшей безпомощности. Моя книжная, отвлеченная наука, не провѣренная мною въ жизни, постоянно обманывала меня; въ ея твердыя и неподвижныя формы никакъ не могла уложиться живая жизнь, а сдѣлать эти формы эластичными и подвижными я не умѣлъ. Въ своихъ діагнозахъ и предсказаніяхъ насчетъ дальнѣйшаго теченія болѣзни я то и дѣло ошибался такъ, что боялся показаться паціентамъ на глаза. Когда меня спрашивали, какого вкуса будетъ прописываемое мною лекарство, я не зналъ, что отвѣтить, потому что самъ не только никогда не пробовалъ его, но даже и не видалъ. Я приходилъ въ ужасъ при одной мысли,—что̀, если меня вдругъ позовутъ на роды? За время моего пребыванія въ университетѣ я видѣлъ всего лишь пятеро родовъ, и единственное, что я въ акушерствѣ зналъ твердо,—это то, съ какими опасностями сопряжено веденіе родовъ неопытною рукою... Жизнь больного человѣка, его душа были мнѣ совершенно неизвѣстны; мы баричами посѣщали клиники, проводя у постели больного по десяти-пятнадцати минутъ; мы съ грѣхомъ пополамъ изучали *болѣзни*, но о больномъ *человѣкѣ* не имѣли даже самаго отдаленнаго представленія.

Но что ужъ говорить о такихъ тонкостяхъ, какъ психологія больного человѣка. Мнѣ то и дѣло приходилось становиться втупикъ передъ самыми простыми вещами, я не зналъ и не умѣлъ дѣлать того, что знаетъ любая больничная сидѣлка. Я говорилъ окружавшимъ: „Поставьте больному клизму, положите припарку“, и боялся, чтобъ меня не вздумали спросить: „А какъ это нужно

сдѣлать?“ Такихъ „мелочей“ намъ не показывали; вѣдь это дѣло фельдшеровъ, сидѣлокъ, а врачъ долженъ только отдать соотвѣтственное приказаніе. Но въ моемъ распоряженіи не было ни фельдшеровъ, ни сидѣлокъ, а окружавшіе обращались за указаніями ко мнѣ... Пришлось отложить въ сторону большія, „серьезныя“ руководства и взяться за книги вродѣ „Ухода за больными“ Бильрота,—учебника, предназначеннаго для сестеръ милосердія. И я, на выпускномъ экзаменѣ артистически сдѣлавшій на трупѣ ампутацію колѣна по Сабанѣеву,—я теперь старательно изучалъ, какъ нужно поднять слабаго больного и какъ поставить мушку.

Недалеко отъ меня жилъ на покоѣ отказавшійся отъ практики старикъ-докторъ Иванъ Семеновичъ N. Если до него случайно дойдутъ эти строки, то пусть онъ лишній разъ приметъ отъ меня горячую благодарность за участіе, которое онъ проявлялъ ко мнѣ въ то тяжелое для меня время. Я откровенно разсказывалъ ему о своихъ недоумѣніяхъ и ошибкахъ, совѣтовался обо всемъ, чего не понималъ, даже таскалъ его къ своимъ паціентамъ; съ чисто отеческою отзывчивостью Иванъ Семеновичъ всегда былъ готовъ придти ко мнѣ на помощь и своими знаніями, и опытностью, и всѣмъ, чѣмъ могъ. И каждый разъ, когда мы съ нимъ стояли у постели больного, онъ,—спокойный, находчивый и увѣренный въ себѣ, и я,—безпомощный и робкій, мнѣ казалось вопіющей безсмыслицей, что оба мы съ нимъ равноправные товарищи, имѣющіе одинаковые дипломы.

Я лечилъ одного мелочного лавочника. У него былъ очень тяжелый сыпной тифъ, осложнившійся правостороннимъ паротитомъ (воспаленіемъ околоушной железы). Однажды, рано утромъ, жена лавочника прислала ко мнѣ мальчика съ просьбою придти немедленно; мужу ея за ночь стало очень худо, и онъ задыхается. Я пришелъ. Больной былъ въ полубезсознательномъ состояніи, онъ дышалъ тяжело и хрипло, какъ будто ему что-то сдавило горло; при каждомъ вдохѣ подреберья втягивались глубоко внутрь; засохшая слизь коричневою пленкою покрывала его зубы и края губъ, пульсъ былъ очень слабъ. Опухоль железы мѣшала больному раскрыть, какъ слѣдуетъ, ротъ, и мнѣ не удалось осмотрѣть полости рта и зѣва. Я поспѣшилъ домой, яко бы за шприцемъ, чтобъ впрыснуть больному камфору, и сталъ пересматривать въ учебникѣ главу о тифѣ. Что можетъ при тифѣ вызвать затрудненное дыханіе? Единственное, на что указывалъ учебникъ, было отекъ гортани вслѣдствіе воспаленія черпаловидныхъ хрящей. Въ этомъ случаѣ моя записная книжка указывала слѣдующее леченіе: „энергическія слабительныя; глотать кусочки льда; если ничего не помогаетъ, немедленно трахеотомія“. Я воротился къ больному,

впрыснулъ ему подъ кожу камфору, назначилъ ледъ и одно изъ самыхъ энергическихъ слабительныхъ,—колоквинту.

Черезъ нѣсколько часовъ я пришелъ снова. Колоквинта подѣйствовала, но дыханіе больного стало еще болѣе затрудненнымъ. Оставался одинъ исходъ—трахеотомія. Я отправился къ Ивану Семеновичу. Онъ внимательно выслушалъ меня, покачалъ головою и поѣхалъ со мною.

Осмотрѣвъ больного, Иванъ Семеновичъ заставилъ его сѣсть, набралъ въ гуттаперчевый баллонъ теплой воды и, введя наконечникъ между зубами больного, проспринцовалъ ему ротъ; вышла масса вязкой, тягучей слизи. Больной сидѣлъ, кашляя и перхая, а Иванъ Семеновичъ продолжалъ энергично спринцовать; какъ онъ не боялся, что больной захлебнется?.. Съ каждымъ новымъ спринцованіемъ слизь выдѣлялась снова и снова; я былъ пораженъ, что такое невѣроятное количество слизи могло умѣститься во рту человѣка.

— Ну, ну, откашляйтесь, плюньте! — громко и властно повторялъ Иванъ Семеновичъ. И больной пришелъ въ себя, и плевалъ...

Дыханіе его стало совершенно свободнымъ.

— А я ему колоквинту назначилъ,—сконфуженно произнесъ я, когда мы вышли отъ больного.

— Ай-ай-ай! — сказалъ Иванъ Семеновичъ, покачавъ головою.—Такому слабому! Этакъ не долго и убить человѣка!.. Да и какое могло быть къ ней показаніе? Просто, человѣкъ безъ сознанія, глотаетъ плохо,—понятно, во рту разная дрянь и накопилась.

Въ книгахъ не было указанія на возможность подобнаго „осложненія" при тифѣ; но развѣ книги могутъ предвидѣть всѣ мелочи? Я былъ въ отчаяніи: я такъ глупъ и несообразителенъ, что не гожусь во врачи, я только способенъ дѣйствовать по-фельдшерски, по готовому шаблону. Теперь мнѣ смѣшно вспомнить объ этомъ отчаяніи: студентамъ очень много твердятъ о необходимости индивидуализировать каждый случай, но *умѣнье* индивидуализировать достигается только опытомъ.

Съ каждымъ днемъ моей практики передо мною все настойчивѣе вставалъ вопросъ: по какому-то невѣроятному недоразумѣнію я сталъ обладателемъ врачебнаго диплома, имѣю ли я на этомъ основаніи право считать себя врачомъ? И жизнь съ каждымъ разомъ все убѣдительнѣе отвѣчала мнѣ: нѣтъ, не имѣю!

Наконецъ, произошелъ одинъ случай. И теперь еще, когда я вспоминаю о немъ, мною овладѣваютъ тоска и ужасъ. Но разсказывать, такъ ужъ все разсказывать.

На самомъ краю города, въ убогой лачугѣ, жила вдова-прачка

съ тремя дѣтьми. Двое изъ нихъ умерли отъ скарлатины въ больницѣ; вскорѣ послѣ ихъ смерти заболѣлъ и послѣдній,—худой, некрасивый мальчикъ, лѣтъ восьми. Мать ни за что не захотѣла отвезти его также въ больницу и рѣшила лечить дома. Она обратилась ко мнѣ. У мальчика была скарлатина въ очень тяжелой формѣ; онъ бредилъ и метался, температура была 41°, пульсъ почти не прощупывался. Осмотрѣвъ больного, я сказалъ матери, что наврядъ ли и онъ выживетъ. Прачка упала передо мною на колѣни.

— Батюшка, спасите его!.. Послѣдній онъ у меня остался! Растила его, кормильца, на старость... Сколько могу, заплачу вамъ, вѣкъ на васъ даромъ стирать буду!

Жизнь мальчика около недѣли висѣла на волоскѣ. Наконецъ, температура понемногу опустилась, сыпь поблѣднѣла; больной началъ приходить въ себя. Явилась надежда на благопріятный исходъ. Мнѣ дорогъ сталъ этотъ чахлый, некрасивый мальчикъ, съ лупившейся на лицѣ кожей и апатичнымъ взглядомъ. Счастливая мать восторженно благодарила меня.

Спустя нѣсколько дней, у больного снова появилась лихорадка, а правыя подчелюстныя железы опухли и стали болѣзнены. Опухоль съ каждымъ днемъ увеличивалась. Само по себѣ это не представляло большой опасности: въ худшемъ случаѣ железы нагноились бы, и образовался бы нарывъ. Но для меня такое осложненіе было крайне непріятно. Если образуется нарывъ, то его нужно будетъ прорѣзать; разрѣзъ придется дѣлать на шеѣ, въ которой находится такая масса артерій и венъ. Что, если я порѣжу какой-нибудь крупный сосудъ, сумѣю ли я справиться съ кровотеченіемъ? Я до сихъ поръ еще *ни разу* не касался ножомъ живого тѣла; видѣть, я видѣлъ всѣ самыя сложныя и трудныя операціи, но теперь, предоставленный самому себѣ, боялся прорѣзать простой нарывъ.

Въ начальной стадіи воспаленія железъ очень хорошо дѣйствуютъ втиранія сѣрой ртутной мази; примѣненныя во-время, эти втиранія нерѣдко обрываютъ воспаленіе, не доводя его до нагноенія. Я рѣшилъ втереть моему больному сѣрую мазь. Опухоль была очень болѣзнена, и поэтому на первый разъ я втеръ мазь насильно. На слѣдующій день мальчикъ глядѣлъ бодрѣе, пересталъ ныть, температура понизилась; онъ улыбался и просилъ ѣсть. Железы были значительно менѣе болѣзнены. Я вторично втеръ въ опухоль мазь, на этотъ разъ сильнѣе. Мать почти молилась на меня и горько жалѣла, что не позвала меня къ двумъ умершимъ дѣтямъ; тогда бы и тѣ остались живы.

Когда я назавтра пришелъ къ больному, я нашелъ въ его состояніи рѣзкую перемѣну. Мальчикъ лежалъ на спинѣ, пово-

ротивъ голову на бокъ, и непрерывно стоналъ; въ правой надключичной ямкѣ, ниже первоначальной опухоли, краснѣла большая новая опухоль. Я поблѣднѣлъ и съ бьющимся сердцемъ сталъ изслѣдовать больного. Температура была 39,5°; правый локтевой суставъ распухъ и былъ такъ болѣзненъ, что до руки нельзя было дотронуться. Мать, хотя сильно обезпокоенная, съ довѣріемъ и надеждою слѣдила за мною... Я вышелъ, какъ убитый; дѣло было ясно: своими втираніями я разогналъ изъ железы гной по всему тѣлу, и у мальчика начиналось общее гноекровіе, отъ котораго спасенія нѣтъ.

Весь день я въ тупомъ оцѣпенѣніи пробродилъ по улицамъ; я ни о чемъ не думалъ, и только весь былъ охваченъ ужасомъ и отчаяніемъ. Иногда въ сознаніи вдругъ ярко вставала мысль: *„да вѣдь я убилъ человѣка!“* И тутъ нельзя было ничѣмъ обмануть себя: дѣло не было бы яснѣе, если бы я прямо перерѣзалъ мальчику горло.

Больной прожилъ еще полторы недѣли; каждый день у него появлялись все новые и новые нарывы,—въ суставахъ, въ печени, въ почкахъ... Мучился онъ безмѣрно, и единственное, что оставалось дѣлать, это впрыскивать ему морфій. Я посѣщалъ больного по нѣскольку разъ въ день. При входѣ меня встрѣчали страдальческіе глаза ребенка на его осунувшемся, потемнѣвшемъ лицѣ; стиснувъ зубы, онъ все время слабо и протяжно стоналъ. Мать ужъ знала, что надежды нѣтъ.

Наконецъ, однажды,—это было подъ вечеръ,—войдя въ лачугу прачки, я увидѣлъ своего паціента на столѣ. Все кончилось... Съ какимъ-то острымъ и мучительнымъ любопытствомъ я подошелъ къ трупу. Заходящее солнце освѣщало восковое, исхудалое лицо мальчика, онъ лежалъ, наморщивъ брови, какъ будто скорбно думая о чемъ-то,—а я, его убійца, смотрѣлъ на него... Осиротѣвшая мать рыдала въ углу. По голымъ стѣнамъ лачуги висѣла пыльная паутина, отъ грязнаго земляного пола несло сыростью, было холодно-холодно и пусто. Рыданія сдавили мнѣ горло. Я подошелъ къ матери и сталъ ее утѣшать.

Черезъ полчаса я собрался уходить. Прачка вдругъ засуетилась, торопливо полѣзла въ сундукъ и протянула мнѣ засаленную трехрублевку.

— Примите, батюшка... за труды...— сказала она. — Ужъ какъ вы старались, спаси васъ Царица Небесная!

Я отказался. Мы стояли съ нею въ полутемныхъ сѣнцахъ.

— Не судилъ, видно, Богъ!—проговорилъ я, стараясь не смотрѣть въ глаза прачки.

— Его святая воля... Онъ лучше знаетъ,—отвѣтила прачка,

и губы ея снова запрыгали отъ рыданій.—Батюшка мой, спасибо тебѣ, что жалѣлъ мальчика!..

И она, плача, упала передо мною на колѣни, и старалась поцѣловать мнѣ руку, благодаря меня за мою ласковость и доброту...

Нѣтъ! Все бросить, отъ всего отказаться, и ѣхать въ Петербургъ учиться, хотя бы тамъ пришлось умереть съ голоду!

V.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я записался на курсы въ Еленинскомъ Клиническомъ Институтѣ; этотъ институтъ основанъ спеціально для желающихъ усовершенствоваться врачей. Но, походивъ туда нѣкоторое время, я убѣдился, что курсы эти немного дадутъ мнѣ; дѣло велось тамъ совсѣмъ такъ же, какъ въ университетѣ: мы опять смотрѣли, смотрѣли — и только; а смотрѣлъ я ужъ и безъ того достаточно. Эти курсы очень полезны для врачей, уже практиковавшихъ, у которыхъ въ ихъ практикѣ назрѣло много вопросовъ, требующихъ разрѣшенія; для насъ же, начинающихъ, они имѣютъ мало значенія: главное, что намъ нужно,—это больницы, въ которыхъ бы мы могли работать подъ контролемъ опытныхъ руководителей.

Я сталъ искать себѣ мѣста хотя бы за самое ничтожное вознагражденіе, чтобъ только можно было быть сытымъ и не ночевать на улицѣ: средствъ у меня не было никакихъ. Я исходилъ всѣ больницы, былъ у всѣхъ главныхъ врачей; они выслушивали меня съ холодно-любезнымъ, скучающимъ видомъ и отвѣчали, что мѣстъ нѣтъ, и что вообще я напрасно думаю, будто можно гдѣ-нибудь попасть въ больницу сразу на платное мѣсто. Вскорѣ я и самъ убѣдился, какъ наивны были такія мечты. Въ каждой больницѣ работаютъ даромъ десятки врачей; тѣ изъ нихъ, которые хотятъ получать нищенское содержаніе штатнаго ординатора, должны дожидаться этого по пяти, по десяти лѣтъ; большинство же на это вовсе и не разсчитываетъ, а работаетъ только для пріобрѣтенія того, что имъ должна была дать, но не дала школа.

Учрежденія, особенно городъ, широко пользуются у насъ такимъ положеніемъ вещей и эксплуатируютъ трудъ врача въ невѣроятныхъ размѣрахъ. Въ Копенгагенѣ городъ служитъ дѣлу медицинскаго образованія, щедро давая въ своемъ госпиталѣ мѣста молодымъ врачамъ, причемъ ограничиваетъ ихъ службу двумя годами, чтобъ затѣмъ очистить мѣсто для новыхъ врачей; во Франціи той же цѣли служатъ городскія больницы всѣхъ городовъ. У насъ же въ 1894 году въ петербургской думѣ однимъ изъ гласныхъ было внесено предложеніе *совсѣмъ уничтожить жало-*

ванье больничнымъ врачамъ, такъ какъ всегда найдется достаточно врачей и даровыхъ. „Врачи,—заявилъ онъ,—должны быть ужъ тому рады, что ихъ допускаютъ въ больницы"...

Я махнулъ рукою на надежду пристроиться и опредѣлился въ больницу „сверхштатнымъ". Нуждаться приходилось сильно: по вечерамъ я подстригалъ „бахромки" на своихъ брюкахъ и зашивалъ черными нитками расползавшіеся штиблеты; прописывая больнымъ порціи, я съ завистью перечитывалъ ихъ, потому что самъ питался чайною колбасою. Въ это крутое для меня время я испыталъ и понялъ явленіе, казавшееся мнѣ прежде совершенно непонятнымъ,—какъ можно пьянствовать съ голоду. Теперь, когда я проходилъ мимо трактира, меня такъ и тянуло въ него; мнѣ казалось высшимъ блаженствомъ подойти къ ярко-освѣщенной стойкѣ, уставленной вкусными закусками, и выпить рюмку-другую водки; странно, что меня, полуголоднаго и вовсе не алкоголика, главнымъ образомъ привлекала именно водка, а не закуски. Когда у меня заводился въ карманѣ рубль, я не могъ побороть искушенія и напивался пьянымъ. Ни до этого времени, ни послѣ, когда я питался, какъ слѣдуетъ, водка совершенно не тянула меня къ себѣ.

Работать въ больницѣ приходилось много. При этомъ я видѣлъ, что трудъ мой прямо *нуженъ* больницѣ, и что любезность, съ которою мнѣ „позволяли" въ ней работать, была любезностью предпринимателя, „дающаго хлѣбъ" своимъ рабочимъ; разница была только та, что за мою работу мнѣ платили не хлѣбомъ, а однимъ лишь позволеніемъ работать. Когда, усталый и разбитый, я возвращался домой послѣ безсоннаго дежурства и ломалъ себѣ голову, что бы по-питательнѣе купить себѣ на восемь копѣекъ для обѣда, меня охватывали злоба и отчаяніе: неужели за весь свой трудъ я не имѣю права быть хоть сытымъ?

И я начиналъ жалѣть, что бросилъ свою практику и пріѣхалъ въ Петербургъ. Бильротъ говоритъ: „Только врачъ, не имѣющій ни капли совѣсти, можетъ позволить себѣ самостоятельно пользоваться тѣми правами, которыя ему даетъ его дипломъ". А кто въ этомъ виноватъ? Не мы! Сами устраиваютъ такъ, что намъ нѣтъ другого выхода,—пускай сами же и платятся!..

Кромѣ своей больницы, я продолжалъ посѣщать нѣкоторые курсы въ Клиническомъ Институтѣ, а также работалъ и въ другихъ больницахъ. И вездѣ я воочію убѣждался, какъ мало значенія придаютъ въ медицинскомъ мірѣ нашему врачебному диплому „со всѣми правами и преимуществами, сопряженными по закону съ этимъ званіемъ". У насъ въ больницѣ долгое время каждое мое назначеніе, каждый діагнозъ строго контролировались старшимъ ординаторомъ, гдѣ я ни работалъ, меня допускали къ

леченію больныхъ, а тѣмъ болѣе къ операціямъ, лишь убѣдившись на дѣлѣ, а не на основаніи моего диплома, что я способенъ дѣйствовать самостоятельно. Въ Надеждинскомъ родовспомогательномъ заведеніи врачъ, желающій научиться акушерству, въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ имѣетъ право только изслѣдовать роженицъ и смотрѣть на операціи; по истеченіи трехъ мѣсяцевъ онъ сдаетъ colloquium, и лишь послѣ этого его допускаютъ къ операціямъ подъ руководствомъ старшаго дежурнаго ассистента... Можетъ ли пренебреженіе къ нашимъ „правамъ" идти дальше? Дипломъ признаетъ меня полноправнымъ врачомъ, законъ, подъ угрозою суроваго наказанія, *обязываетъ* меня являться по вызову акушерки на трудные роды, а здѣсь мнѣ не позволяютъ провести самостоятельно даже самыхъ легкихъ родовъ, и поступаютъ, разумѣется, вполнѣ основательно.

„Я требую,—писалъ въ 1874 году извѣстный нѣмецкій хирургъ Лангенбекъ,—чтобы всякій врачъ, призванный на поле сраженія, обладалъ оперативною техникою настолько же въ совершенствѣ, насколько боевые солдаты владѣютъ военнымъ оружіемъ"... Кому, дѣйствительно, можетъ придти въ голову послать въ битву солдатъ, которые никогда не держали въ рукахъ ружья, а только видѣли, какъ стрѣляютъ другіе? А между тѣмъ врачи повсюду идутъ не только на поле сраженія, а и вообще въ жизнь неловкими рекрутами, не знающими, какъ взяться за свое оружіе.

Медицинская печать всѣхъ странъ истощается въ усиліяхъ добиться устраненія этой вопіющей несообразности, но всѣ ея усилія остаются тщетными. Почему?.. Я рѣшительно не въ состояніи объяснить себѣ этого... Кому невыгодно понять необходимость практической подготовленности врача? Не обществу, конечно,—но вѣдь и не самимъ же врачамъ, которые все время не устаютъ твердить этому обществу: „вѣдь мы учимся на *васъ*, мы пріобрѣтаемъ опытность цѣною *вашей* жизни и здоровья!.."

В. Вересаевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

СІОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНІЕ СРЕДИ ЕВРЕЕВЪ.

Въ послѣднее время во внутренней жизни еврейской массы не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ замѣчается крупное общественное движеніе, охватывающее съ каждымъ годомъ все большіе круги населенія и становящееся, такъ сказать, всенароднымъ. Движеніе это, мало замѣтное въ первоначальной стадіи своего развитія подъ именемъ палестинофильства, стало привлекать къ себѣ всеобщее вниманіе съ тѣхъ поръ, какъ руководители его, окрестивъ его болѣе громкимъ названіемъ сіонизма, стали усиленно пропагандировать его и демонстрировать передъ глазами цивилизованнаго міра путемъ созыва ежегодныхъ, такъ называемыхъ, «всемірныхъ сіонистскихъ конгрессовъ». Такихъ конгрессовъ, начиная съ августа 1897 г. до сихъ поръ, состоялось четыре: первые три въ Базелѣ, а послѣдній—въ августѣ настоящаго года—въ Лондонѣ. На конгрессахъ этихъ собираются представители сіонистовъ всего міра: рядомъ съ многочисленными делегатами изъ Россіи, Австріи, Германіи, Франціи и балканскихъ государствъ встрѣчаются тамъ также делегаты изъ Соед. Штатовъ Сѣв. Америки, изъ Канады, Аргентинской республики и даже Марокко и Трансвааля. Такихъ делегатовъ на каждый конгрессъ обыкновенно собирается нѣсколько сотъ человѣкъ, число же посѣтителей изъ посторонней публики доходитъ до нѣсколькихъ тысячъ. Конгрессы обыкновенно продолжаются 3—4 дня и ведутся по всѣмъ правиламъ парламентаризма: господствуетъ преимущественно нѣмецкій языкъ, какъ языкъ, наиболѣе всѣмъ понятный, однако рѣчи, дебаты и даже рефераты произносятся и на другихъ языкахъ: русскомъ, французскомъ, англійскомъ, на жаргонѣ и даже на древнееврейскомъ языкѣ. Гласности отводится тамъ самое широкое мѣсто, и почти всѣ выдающіяся европейскія и американскія газеты (не говоря уже о спеціально еврейскихъ) имѣютъ тамъ своихъ представителей. Отчеты о засѣданіяхъ конгрессовъ, о болѣе выдающихся рѣчахъ и принятыхъ резолюціяхъ можно встрѣчать во всѣхъ большихъ европейскихъ и русскихъ газетахъ. Спеціально въ еврейскомъ мірѣ сіонистское движеніе заняло первенствующее мѣсто, разсужденія и споры о сіонизмѣ не сходятъ со столбцовъ еврейскихъ газетъ и журналовъ,

возникла цѣлая сіонистская литература, посвященная разъясненію сущности этого движенія, его задачъ и цѣлей, доводамъ за и противъ него. Однимъ словомъ, если спросить, чѣмъ теперь умственно живетъ еврейство, чѣмъ оно волнуется и тревожится, то можно безошибочно сказать: сіонизмомъ.

При такихъ условіяхъ, мы думаемъ, не безъинтересно будетъ познакомить читателей «Міра Божія» съ сущностью этого движенія, его задачами и цѣлями, равно какъ и съ исторіей его возникновенія и съ тѣми условіями, которыя его вызвали на свѣтъ Божій. Такое крупное общественное движеніе, охватившее обширные круги еврейскаго населенія, заслуживаетъ серьезнаго вниманія не только съ точки зрѣнія культурно-общественной, но и народно-психологической, указывая на тѣ чаянія и надежды, которыя волнуютъ теперь современное еврейство, и на тѣ пути и средства, которыми значительная часть еврейскаго населенія надѣется разрѣшить такъ называемый «еврейскій вопросъ».

I.

Сущность сіонизма заключается въ стремленіи извѣстной части евреевъ къ пріобрѣтенію постояннаго, охраняемаго публичнымъ правомъ, убѣжища (öffentlich-rechtlich gesicherte Heimstätte) на исторической землѣ ихъ предковъ, т.-е. въ Палестинѣ. Такое строго опредѣленное направленіе движеніе это получило лишь недавно, всего года 4—5 тому назадъ, послѣ того, какъ во главѣ его стали молодой талантливый вѣнскій публицистъ и драматургъ д-ръ Теодоръ Герцль и извѣстный авторъ «Парадоксовъ» и «Вырожденія» Максъ Нордау. Оба эти писателя до сихъ поръ были совершенно чужды еврейству. Герцль писалъ остроумные фельетоны въ «N. Fr. Presse» и сочинялъ пьесы для театра, а Максъ Нордау писалъ свои знаменитые философско-публицистическіе этюды и занимался врачебной практикой въ Парижѣ. Но вотъ въ 1895 году Герцль выпускаетъ брошюру «Der Iudenstaat», которая сразу привлекаетъ къ нему всеобщее вниманіе. Въ брошюрѣ этой авторъ выступаетъ со смѣлымъ проектомъ образованія еврейскаго государства, которое должно положить конецъ существованію еврейскаго вопроса. Авторъ не указываетъ страны, которая должна служить осуществленіемъ его мечты; выборъ этой страны долженъ быть предоставленъ всенародному голосованію. Для него важно лишь, чтобы такая страна была найдена и чтобы въ нее поскорѣе былъ переселенъ если не весь еврейскій народъ, то, по крайней мѣрѣ, значительная часть его. Авторъ подробно развиваетъ планъ этого переселенія, указываетъ средства его осуществленія, краткими, но мѣткими и выразительными штрихами рисуетъ будущее соціально-экономическое и политическое устройство новаго государства, не упустивъ изъ виду и формы правленія, и длины рабочаго дня, и даже формы государ-

ственнаго герба... Эта утопія, по своей наивной смѣлости и фантастичности, не уступающая всѣмъ другимъ, доселѣ извѣстнымъ утопіямъ, нашла тѣмъ не менѣе горячій откликъ въ нашъ реальный, трезвый вѣкъ, среди, казалось бы, реальнѣйшаго и трезвѣйшаго народа въ мірѣ. Дѣло въ томъ, что Герцль только въ рѣзкой и утопической формѣ высказалъ то, что уже давно составляло предметъ стремленій значительной части еврейскаго народа, только въ болѣе простой и менѣе утопичной формѣ, въ видѣ такъ называемаго палестинофильства.

Возникновеніе палестинофильства относится къ началу 80-хъ годовъ, къ эпохѣ первыхъ еврейскихъ погромовъ. Страшныя бѣдствія, обрушившіяся тогда на голову евреевъ послѣ того, какъ небо казалось столь яснымъ и уравненіе ихъ въ правахъ съ остальнымъ населеніемъ составляло въ ихъ глазахъ лишь вопросъ ближайшаго будущаго; многочисленные погромы, пронесшіеся тогда, подобно урагану, по всему югу Россіи, подвергая жизнь сотенъ тысячъ ни въ чемъ неповинныхъ еврейскихъ семействъ насилію и имущество ихъ разоренію; травля, которой тогда же подверглись евреи со стороны извѣстной части русской печати; новыя законодательныя ограниченія, обрушившіяся тогда на голову евреевъ, въ видѣ правилъ 3-го мая 1882 года, воспретившихъ евреямъ вновь селиться въ деревняхъ и селеніяхъ и поставившихъ значительную часть еврейскаго населенія въ совершенно безвыходное положеніе,—все это вызвало сильную реакцію въ средѣ какъ еврейской массы, такъ и еврейской интеллигенціи, выразившуюся, съ одной стороны, въ массовой эмиграціи евреевъ изъ Россіи, а съ другой стороны, въ сильномъ умственномъ броженіи среди еврейскихъ интеллигентовъ, задавшихся мучительнымъ вопросомъ: что же дальше? Эмиграція евреевъ изъ Россіи обратилась тогда въ какое-то стихійное явленіе, чуть ли не въ повальное бѣгство: бѣжали безъ оглядки въ Сѣверную Америку, въ Африку, въ Аргентину, въ Палестину; толпы эмигрантовъ валялись безъ пристанища, безъ куска хлѣба въ Бродахъ, въ Кенигсбергѣ, въ Бременѣ, Гамбургѣ, Константинополѣ и Яффѣ. Стало ясно, что такъ дальше оставить дѣло нельзя, что возникшее эмиграціонное движеніе, принявшее стихійный характеръ, слѣдуетъ какъ-нибудь урегулировать, направить по опредѣленному руслу, иначе оно грозитъ неисчислимыми бѣдствіями всему еврейству. Тогда среди еврейской интеллигенціи возникли двѣ партіи: такъ называемыхъ *американцевъ* и *палестинцевъ*. Первые ратовали за то, чтобы направить эмиграціонное движеніе исключительно въ Америку, куда, впрочемъ, оно и безъ того преимущественно и двигалось. Доводы этой партіи заключались въ томъ, что Соедин. Штаты представляютъ страну свободы и равенства, страну молодую и богатую, въ которой трудъ во всевозможныхъ видахъ и формахъ можетъ найти достаточно вознаграждающее приложеніе, а потому именно здѣсь прежде всего должны искать себѣ убѣжища тѣ, которыхъ гоненія и преслѣдованія, правовыя

ограниченія и тяжелое экономическое положеніе заставили взять въ руки посохъ и котомку и отправиться въ чужіе края. Палестинцы, наоборотъ, утверждали, что разъ эмиграціонное движеніе началось, то слѣдуетъ воспользоваться имъ для колонизаціи Палестины, исторической родины евреевъ, представляющей единственную страну, гдѣ они могутъ найти пріютъ и убѣжище и не чувствовать себя *чужими*. Эмиграція въ Америку, по мнѣнію представителей этой партіи, представляетъ только палліативъ, можетъ лишь временно облегчить участь переселенцовъ, но не гарантируетъ имъ прочнаго и мирнаго убѣжища въ будущемъ; стоитъ накопиться въ Америкѣ значительному числу евреевъ, и антисемитизмъ и тамъ возгорится съ такой же силой, какъ и въ странахъ Стараго Свѣта.

Практическій споръ о болѣе цѣлесообразномъ направленіи эмиграціи и выборѣ для нея соотвѣтствующей страны вскорѣ, такимъ образомъ, обратился въ болѣе глубокій идейный споръ о будущихъ судьбахъ еврейскаго народа, о причинахъ тяготѣющихъ надъ нимъ гоненій и преслѣдованій, о средствахъ избавленія отъ этихъ преслѣдованій въ будущемъ. Особенно надѣлала много шуму вышедшая тогда въ Берлинѣ на нѣмецкомъ языкѣ и вскорѣ переведенная и на русскій языкъ брошюра анонимнаго автора подъ заглавіемъ «Autoemanzipation», принадлежавшая, какъ впослѣдствіи выяснилось, перу одного изъ ветерановъ русско-еврейской интеллигенціи, одесскаго д-ра Пинскера. Въ этой брошюрѣ, написанной съ большимъ талантомъ и чисто юношескимъ жаромъ, авторъ, какъ врачъ, ставитъ діагнозъ больному организму, именуемому еврейскимъ народомъ, и приходитъ къ заключенію, что причина преслѣдованій и гоненій, которымъ евреи подвергаются въ теченіе стольких вѣковъ, заключается не въ религіозной нетерпимости, не въ экономической борьбѣ, а въ антипатіи къ евреямъ, какъ представителямъ чужой расы, какъ къ пришельцамъ, не имѣющимъ собственнаго угла, собственной родины, и живущимъ всегда въ качествѣ нахлѣбниковъ среди чужихъ народовъ. Поэтому единственное рѣшеніе вѣкового еврейскаго вопроса, по мнѣнію автора, заключается въ отысканіи евреями для себя какого-либо собственнаго убѣжища, гдѣ бы они не чувствовали себя чужими и гдѣ бы они могли зажить нормальной національной жизнью. Авторъ не рѣшается высказаться за ту или другую страну; рѣшеніе этого вопроса онъ предоставляетъ будущему; для него важно лишь, чтобы народъ проникся самосознаніемъ и убѣжденіемъ, что спасеніе его зависитъ не отъ развитія идеи гуманности и просвѣщенія среди другихъ народовъ, а отъ него самого, отъ его собственныхъ силъ и средствъ, поскольку они будутъ всецѣло направлены имъ къ самоосвобожденію и къ пріобрѣтенію имъ собственной территоріи, чтобы зажить наконецъ на своей землѣ и перестать скитаться между другими народами и быть вездѣ чужимъ.

Само сабою разумѣется, что отъ такой пастановки вопроса до

признанія Палестины той обѣтованной страной, въ которой должно произойти будущее возрожденіе еврейства, оставался одинъ только шагъ. Въ самомъ дѣлѣ, на какую другую территорію евреи могутъ предъявлять больше притязаній, чѣмъ на палестинскую, служившую колыбелью ихъ исторіи и въ теченіе всего періода ихъ разсѣянія по чужимъ странамъ составляющую постоянный предметъ ихъ мечтаній и упованій? И вотъ къ мысли о необходимости пріобрѣтенія для евреевъ собственной территоріи присоединилась новая мысль, что этой территоріей должна быть непремѣнно Палестина и что колонизація послѣдней не должна быть разсматриваема, какъ случайное, временное явленіе, а должна быть признана всенароднымъ дѣломъ, какъ начало коренного рѣшенія еврейскаго вопроса, какъ фундаментъ будущаго великаго національнаго зданія. Такимъ образомъ возникло палестинофильство, пріобрѣвшее вскорѣ значительное число приверженцовъ среди еврейской интеллигенціи и привлекшее на свою сторону почти всю повременную еврейскую печать, каковы журналъ «Гашахаръ», газеты «Гамелицъ,» «Гацефира» и т. д. Изъ русско-еврейской періодической печати сторону палестинофильства принялъ издававшійся тогда «Разсвѣтъ», гдѣ г. Лиліенблюмъ, еще раньше д-ра Пинскера, въ рядѣ статей, отпечатанныхъ потомъ отдѣльной книжкой, подъ заглавіемъ: «О возрожденіи еврейскаго народа на святой землѣ», выступилъ съ проповѣдью тѣхъ же идей; два другихъ издававшихся тогда русско-еврейскихъ органа—«Восходъ» и «Русскій Еврей»—стали въ оппозицію къ этому теченію, высказываясь лишь за колонизацію Америки, въ видѣ временной мѣры для облегченія бѣдственнаго положенія евреевъ, и отстаивая старую доктрину, что единственнымъ разрѣшеніемъ еврейскаго вопроса является ассимиляція съ прочими народами и стремленіе къ достиженію среди нихъ равноправія, каковое несомнѣнно будетъ имъ даровано съ теченіемъ времени, по мѣрѣ развитія среди народныхъ массъ идеи гуманности и просвѣщенія.

Само собою разумѣется, распространнеіе палестинофильской идеи нисколько не помѣшало эмиграціонному движенію евреевъ въ Америку идти своимъ чередомъ, и можно безошибочно сказать, что со времени первыхъ еврейскихъ погромовъ до сихъ поръ эмигрировало евреевъ въ Америку отъ 800.000 до 1 мил. душъ. Палестинофильство, однако, лишило эмиграцію въ Америку идейнаго характера, вслѣдствіе чего она продолжала совершаться и теперь совершается въ безпорядочномъ видѣ, каждымъ на свой страхъ и рискъ, безъ матеріальной и моральной поддержки со стороны остающихся. Только заграничные евреи по временамъ оказывали поддержку эмигрантамъ, подвергавшимся несчислимымъ лишеніямъ и страданіямъ въ портовыхъ городахъ и вынужденнымъ обращаться къ помощи своихъ собратьевъ на чужбинѣ. Зато эмиграція въ Палестину, гораздо меньшая по размѣрамъ, носила вполнѣ идейный характеръ. Первая колонія «Ришонъ Леціонъ» была

основана въ Палестинѣ въ 1882 г. партіей молодыхъ интеллигентныхъ евреевъ изъ Россіи, т. н. «билуйцевъ», т. е. «сподвижниковъ дома Іакова»; за этой колоніей послѣдовали другія, не смотря на то, что основаніе колоній стоило неимовѣрныхъ трудовъ и усилій, съ одной стороны, вслѣдствіе скудости средствъ колонистовъ, а съ другой— вслѣдствіе неисчислимыхъ препятствій, которыя колонисты встрѣчали со стороны турецкой администраціи. Эмигранты, однако, одушевленные идеей возрожденія еврейскаго народа на исторической родинѣ, преодолѣвали всѣ препятствія и затрудненія, съ жаромъ предаваясь земледѣльческому труду, въ первое время весьма плохо ихъ вознаграждавшему. Бѣдственное положеніе этихъ честныхъ тружениковъ возбуждало къ нимъ горячее сочувствіе среди интеллигентной части еврейскаго населенія, приходившей къ нимъ на помощь своими посильными лептами. Вмѣстѣ съ тѣмъ колоніями заинтересовался одинъ изъ парижскихъ Ротшильдовъ, принявшій ихъ подъ свое покровительство. Такимъ образомъ то, что не удалось ни въ Соединенныхъ Штатахъ, ни въ Канадѣ, ни въ Аргентинѣ, ни въ Южной Африкѣ, удалось въ Палестинѣ. Между тѣмъ какъ во всѣхъ этихъ земледѣльческихъ странахъ par excellence евреи, не смотря на массовую эмиграцію въ теченіе 20 лѣтъ, не могли основаться на земледѣльческихъ началахъ и устроить сколько-нибудь порядочныя колоніи, и даже въ Аргентинѣ, гдѣ спеціально для этой цѣли было затрачено столько денегъ барономъ Гиршемъ и устроеннымъ имъ колонизаціоннымъ обществомъ, опытъ устройства еврейскихъ земледѣльческихъ колоній оказался неудачнымъ,—въ Палестинѣ, гдѣ этого всего меньше можно было ожидать по условіямъ почвы и климата, еврейскій земледѣльческій трудъ въ теченіе 20 лѣтъ вполнѣ прочно укрѣпился, и въ настоящее время тамъ насчитывается десятка два еврейскихъ колоній, существованіе и дальнѣйшее процвѣтаніе которыхъ не только вполнѣ обезпечено, но произведенія которыхъ, въ видѣ палестинскихъ винъ, недавно удостоились на Парижской выставкѣ награды золотой медалью.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что указаннымъ успѣхомъ колоніи эти въ значительной степени обязаны не только матеріальной, но и моральной поддержкѣ, которую колонисты съ самаго начала своей дѣятельности встрѣтили со стороны своихъ единовѣрцевъ въ Россіи. Поддержка эта, первоначально неопредѣленная и разрозненная, получила болѣе планомѣрный и раціональный характеръ съ основаніемъ въ 1890 г. въ Одессѣ оффиціально утвержденнаго «общества вспомоществованія евреямъ земледѣльцамъ и ремесленникамъ въ Сиріи и Палестинѣ», число членовъ котораго въ настоящее время достигаетъ около 5.000, съ ежегоднымъ бюджетомъ, колеблющимся между 40 000 и 60.000 рублей. Помимо членскихъ взносовъ въ это общество, у многихъ евреевъ вошло въ обычай ознаменовать всякое радостное семейное событіе какимъ-либо пожертвованіемъ, хотя бы очень мелкимъ, въ пользу колонизаціи Палестины:

соберется ли нѣсколько евреевъ на обрядъ обрѣзанія новорожденнаго, или на свадьбѣ, если только въ средѣ собравшихся находятся «палестинцы», тотчасъ между присутствующими начинается сборъ пожертвованій и черезъ нѣсколько времени вы прочтете въ еврейской газетѣ, что такія-то лица, собравшись на такомъ-то торжествѣ у такого-то, вспомнивъ объ участи своихъ единовѣрцевъ тружениковъ въ Палестинѣ, пожертвовали... кто 18 к. (18—хай—символъ жизни), кто 36 к., кто 1 р. 80 к. и т. д. Какъ ни незначительны, а подчасъ и комичны эти пожертвованія, изъ нихъ въ теченіе года все-таки составляется порядочная сумма, служащая для поддержки колоній, устройства въ нихъ школъ и библіотекъ, и во всякомъ случаѣ они свидѣтельствуютъ о той трогательной симпатіи, которую встрѣчаетъ палестинская идея въ средѣ самыхъ бѣдныхъ классовъ еврейскаго населенія.

II.

Описанное движеніе имѣло мѣсто, главнымъ образомъ, въ Россіи, и заграничные евреи примкнули къ нему лишь въ весьма слабой степени. Нѣсколько кружковъ «любителей Сіона» (chowewe Zion), образовавшихся въ тотъ же періодъ времени на Западѣ: въ Берлинѣ (Esra), Вѣнѣ (Kadimah), Лондонѣ, Нью-Іоркѣ, равно какъ и въ нѣкоторыхъ городахъ Галиціи и Румыніи, были слишкомъ разрозненны, слишкомъ малодѣятельны, чтобы имѣть какое-либо существенное значеніе. Для западнаго еврейства палестинофильство, въ томъ видѣ, въ какомъ оно проявилось въ Россіи, представляло совершенную terram incognitam. Между тѣмъ, въ теченіе послѣднихъ 15—20 лѣтъ, антисемитизмъ сдѣлалъ значительные успѣхи и на Западѣ. Агитація Штекера, Альварта и K° въ Германіи, безчинства Шенерера, Люгера и ихъ приверженцевъ въ Австріи, агитація Дрюмона и процессъ Дрейфуса во Франціи, преслѣдованія и гоненія въ Румыніи не могли не вызвать сильной реакціи и среди западнаго еврейства. То, что 15 лѣтъ тому назадъ обусловило появленіе въ Россіи «Автоэмансипаціи» д-ра Пинскера, вызвало теперь на Западѣ появленіе «der Judenstaat» Герцля. Правда, идея созданія новаго еврейскаго государства въ Палестинѣ и на Западѣ не была новою. Въ 60-хъ годахъ ее проповѣдывалъ весьма энергично и съ большимъ одушевленіемъ одинъ нѣмецко-еврейскій писатель, редакторъ «Rheinische Zeitung» и горячій поборникъ идей «Молодой Германіи» Гессъ, въ изданной имъ спеціально для этого книгѣ «Rom und Jerusalem. Die letzte Nationalitätsfrage». Въ поэтической формѣ та же идея нашла себѣ выраженіе еще въ 50-хъ годахъ въ двухъ англійскихъ романахъ: «Танкредъ» Биконсфильда и «Даніель Деронда» Джорджъ Эліота. Но, само собою разумѣется, оба названныхъ произведенія представляли лишь художественный интересъ и никакихъ практическихъ послѣдствій имѣть не могли; призывъ же Гесса оказался оди-

нокимъ, не привлекшимъ ничьего вниманія. Совершенно другія послѣдствія, однако, имѣло появленіе «Еврейскаго государства» Герцля. Для успѣха новой идеи нельзя было выбрать болѣе удобнаго момента, чѣмъ настоящій, когда, съ одной стороны, вслѣдствіе упомянутыхъ выше обстоятельствъ, призывъ Герцля долженъ былъ найти откликъ въ извѣстной части западнаго еврейства, а съ другой стороны онъ встрѣтилъ готовую почву и среди русскихъ евреевъ въ описанномъ выше палестинофильскомъ движеніи. Для русскихъ евреевъ призывъ Герцля не былъ новостью, а оказался лишь новой варіаціей на старую тему, какъ бы исправленнымъ и дополненнымъ изданіемъ «Автоэмансипаціи» Пинскера, составленнымъ лишь въ болѣе смѣлыхъ и абсолютныхъ формулахъ и предложеніяхъ. То, что Пинскеръ считалъ необходимымъ философски обосновать и подкрѣпить аргументами, Герцль взялъ какъ нѣчто рѣшенное, абсолютное, не нуждающееся въ подтвержденіи, а лишь въ детальномъ развитіи. Въ одномъ, однако, онъ сходится съ авторомъ «Автоэмансипаціи»—въ нерѣшительности относительно выбора страны для будущаго еврейскаго государства. Вопросъ этотъ первоначально и для Герцля представлялся безразличнымъ. Когда же, однако, онъ познакомился съ палестинофильскимъ движеніемъ въ Россіи и убѣдился, что идея его можетъ пользоваться успѣхомъ и найти многихъ приверженцевъ, если на знамени ея будетъ написано «Сіонъ»,—онъ не преминулъ вскорѣ выставить на своемъ знамени это имя. Такимъ образомъ, прежнее палестинофильское движеніе обратилось въ новое—сіонистское, въ своихъ основаніяхъ сходное съ первымъ, но во многихъ деталяхъ значительно отъ него различающееся. Въ палестинофильской идеѣ политическій моментъ отодвинутъ на задній планъ; онъ существуетъ только въ туманной дали, какъ идеалъ далекаго будущаго, о которомъ позволительно только мечтать въ тиши ночной, но не серьезно думать, а тѣмъ менѣе открыто говорить. Ближайшая задача палестинофильства—колонизація Палестины, медленная, спокойная, безъ шума и треска, безъ домогательства какихъ-либо правъ и гарантій. Эта медленная, тяжелая работа должна продолжаться до тѣхъ поръ, пока въ Палестинѣ образуется еврейское населеніе, достаточно многочисленное, достаточно прочно укоренившееся на родной почвѣ, чтобы имѣть право и быть въ состояніи въ той или иной формѣ требовать себѣ автономіи. Пусть этотъ моментъ наступитъ черезъ 100, черезъ 200, чрезъ какое угодно число лѣтъ, палестинофильству до этого дѣла нѣтъ; для него важно лишь осуществленіе ближайшихъ задачъ, будущее же предоставляется волѣ судебъ. Сіонизмъ, наоборотъ, политическій моментъ (конечно, пока въ весьма ограниченной формѣ) выдвигаетъ на первый планъ, онъ ищетъ въ Палестинѣ не простого убѣжища для еврейскаго народа, а убѣжища, охраняемаго публичнымъ правомъ, онъ даже считаетъ колонизацію Палестины до полученія такой гарантіи вредной. Средствами для достиженія своей цѣли онъ считаетъ, съ одной сто-

роны, сильную агитацію, стремящуюся къ тому, чтобы пріобрѣсти на свою сторону наибольшее число приверженцевъ среди самихъ евреевъ и расположить въ свою пользу общественное мнѣніе и другихъ народовъ, а съ другой стороны — созданіе особаго корпоративнаго лица, обладающаго значительными матеріальными средствами, которое осуществляло бы на дѣлѣ задачи сіонизма, вело бы отъ своего имени переговоры съ турецкимъ правительствомъ и добилось бы отъ него соотвѣтствующей хартіи, а затѣмъ взяло бы въ свои руки дѣло колонизаціи. Средствомъ для агитаціи внутренней—среди самихъ евреевъ—должно служить образованіе кружковъ, пропагандирующихъ сіонистскую идею какъ въ своей собственной средѣ, такъ и въ средѣ постороннихъ лицъ. Согласно отчету послѣдняго лондонскаго конгресса, такихъ кружковъ въ настоящее время насчитывается свыше тысячи. Средствомъ для внѣшней пропаганды сіонистской идеи, для привлеченія къ ней вниманія другихъ народовъ служатъ созываемые ежегодно сіонистскіе конгрессы, происходящіе публично, при условіяхъ самой широкой гласности. Всѣми сіонистскими дѣлами, равно и организаціей конгрессовъ, завѣдуютъ исполнительный комитетъ—Actionscomité, засѣдающій въ Вѣнѣ, предсѣдателемъ котораго состоитъ вышеупомянутый д-ръ Герцль, вообще являющійся не только иниціаторомъ, но и руководителемъ и вождемъ всего движенія. Что касается корпоративнаго лица или финансоваго орудія, для осуществленія матеріальныхъ задачъ сіонизма, то таковой инструментъ созданъ въ формѣ колоніальнаго банка съ основнымъ капиталомъ въ 2 милл. фунт. стер., выпущеннымъ въ количествѣ 2 милл. акцій, по 1 ф. каждая. Пока подписано около 360.000 акцій, составляющихъ сумму въ $3^1/_2$ милл. руб., причемъ подавляющее большинство акціонеровъ—подписавшіеся на 1, на 2, на 3 акціи, не болѣе. По числу акціонеровъ это самый демократическій банкъ въ мірѣ, и едва ли существуетъ гдѣ-либо еще такой банкъ, который имѣлъ бы такое громадное число акціонеровъ, т.-е. былъ бы такъ популяренъ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова.

Таковы характеръ и направленіе сіонистскаго движенія, по скольку они опредѣлились въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ сіонизмъ выступилъ на сцену, занявъ мѣсто прежняго палестинофильства. Необходимо, однако, замѣтить, что уже въ теченіе этого короткаго періода времени сіонизмъ успѣлъ пережить извѣстную эволюцію, дифференцироваться и видоизмѣниться. Уже на первомъ базельскомъ конгрессѣ, при установленіи сіонистской программы, горячій споръ возбудилъ вопросъ, слѣдуетъ ли стремиться къ убѣжищу, гарантированному международнымъ правомъ (völkerrechtlich gesicherte Heimstätte), какъ того желалъ иниціаторъ движенія, д-ръ Герцль, или достаточно ограничиться одной хартіей султана, обезпечивающей права будущихъ колонистовъ. Послѣ долгихъ дебатовъ нашли среднюю формулу, которую можно толковать различнымъ образомъ, именно, что

евреи должны стремиться къ пріобрѣтенію убѣжища, «охраняемаго публичнымъ правомъ» (öffentlich-rechtlich gesicherte Heimstätte). Далѣе, долго происходили пререканія между различными фракціями по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли поддерживать существующія еврейскія колоніи въ Палестинѣ и поощрять дальнѣйшую колонизацію, или воздержаться отъ всякой дѣятельности въ этомъ направленіи до полученія хартіи отъ турецкаго правительства. Руководитель движенія, согласно основной его тенденціи, стоялъ за послѣднее; на послѣднемъ лондонскомъ конгрессѣ, однако, одержало верхъ первое стремленіе. Наконецъ, предметомъ крупнаго разногласія во мнѣніяхъ послужилъ такъ называемый «культурный вопросъ». Въ этомъ отношеніи особую позицію занялъ одинъ изъ крупнѣйшихъ и наиболѣе выдающихся еврейскихъ писателей г. Ахадъ-Гоомъ (псевдонимъ), выступившій съ проповѣдью о необходимости предварительнаго духовнаго усовершенствованія еврейскаго народа въ духѣ національизма раньше, чѣмъ онъ сдѣлается достойнымъ сіонистской миссіи. Самый Сіонъ имѣетъ для указаннвго писателя интересъ лишь постольку, поскольку онъ можетъ служить духовнымъ центромъ для объединеннаго въ національномъ духѣ еврейства, а не какъ матеріяльный центръ, о которомъ теперь преждевременно и думать. Другіе, не заходя такъ далеко, тѣмъ не менѣе тоже находили, что безъ предварительной долгой внутренней культурной работы политическій сіонизмъ не можетъ имѣть успѣха, а потому усилія сіонистовъ должны прежде всего быть направлены въ эту сторону, къ развитію національнаго самосознанія народа, къ распространенію среди массы знанія еврейскаго языка, еврейской исторіи и литературы, при одновременномъ пріобщеніи ея къ общей культурѣ. Стремленіе это, встрѣтившее первоначально также сильное противодѣйствіе со стороны такъ называемыхъ политическихъ сіонистовъ, въ концѣ концовъ, въ свою очередь, восторжествовало. На послѣднемъ лондонскомъ конгрессѣ не только признана была культурная дѣятельность для сіонистовъ обязательною, но многіе даже пришли къ сознанію необходимости включить въ програму сіонизма заботу объ экономическомъ благосостояніи массы. Такимъ образомъ, сіонизмъ мало-по-малу потерялъ свои рѣзкія черты, и чѣмъ дальше, тѣмъ ближе онъ возвращается къ своему прототипу—палестинофильству, отъ котораго, какъ мы говорили выше, онъ отличался только въ деталяхъ, но совершенно съ нимъ сходился въ основаніяхъ. Тѣмъ не менѣе, сіонистское движеніе и теперь не должно быть уподоблено прежнему палестинофильскому, значительно превосходя послѣднее какъ по своимъ размѣрамъ, охватывая самые широкіе круги населенія, между тѣмъ какъ прежнее палестинофильское движеніе составляло лишь удѣлъ небольшой части еврейской интеллигенціи, такъ и по своей интенсивности, вызывая чрезвычайное напряженіе силъ и такую затрату энергіи и труда на внутреннюю культурную работу въ указанномъ выше направленіи (развитіе самосознанія еврейской массы, распространеніе среди

нея просвѣщенія и т. д.), въ сравненіи съ которой дѣятельность прежнихъ палестинофиловъ кажется совершенно ничтожной.

III.

Однако, сіонизмъ, насколько можно заключить изъ предыдущаго, представляетъ собою не только практическое движеніе, но и опредѣленную доктрину, извѣстное міровоззрѣніе, имѣющее свои философскія основанія. Постараемся изложить въ краткихъ чертахъ эти основанія и разсмотрѣть тѣ доводы, которые обыкновенно приводятся pro и contra сіонизма.

Причина существованія вѣкового еврейскаго вопроса, согласно ученію сіонистовъ, заключается не въ религіозной враждѣ, не въ экономической борьбѣ, а въ ненормальномъ положеніи, которое занимаетъ еврейскій народъ, вотъ уже 18 вѣковъ, среди другихъ народовъ, какъ народъ *чужой*, не имѣющій собственной родины, и въ то же время, несмотря на всевозможныя гоненія и преслѣдованія, перетерпѣнныя имъ въ теченіе ряда вѣковъ, не могущій слиться съ другими и окончательно умереть, какъ національная особь. По фигуральному выраженію автора «Автоэмансипаціи», міръ узрѣлъ въ этомъ народѣ зловѣщій призракъ мертвеца, бродящаго среди живыхъ. Это таинственное появленіе блуждающаго мертвеца-народа, лишеннаго единства и внутренней организаціи, не имѣющаго клочка земли, не живущаго болѣе и все же остающагося среди живыхъ,—этотъ странный образъ, который едва ли еще разъ встрѣчается въ исторіи, не могъ не произвести глубокаго впечатлѣнія на воображеніе народовъ. И если чувство страха передъ призракомъ есть нѣчто врожденное человѣку, то страхъ предъ призракомъ еврейства, въ теченіе столѣтій переходя изъ рода въ родъ, все болѣе и болѣе укрѣплялся. На-ряду съ другими безсознательными суевѣрными представленіями, инстинктами, предубѣжденіями, и юдофобія получила право гражданства у всѣхъ народовъ, съ которыми евреи вступали въ сношенія. Юдофобія—это разновидность боязни привидѣній; какъ психозъ, она наслѣдственна, и какъ болѣзнь, въ теченіе тысячелѣтій переходящая по наслѣдству—неизлѣчима.

Разъ предубѣжденность человѣческаго рода противъ евреевъ покоится на природныхъ и неискоренимыхъ началахъ, имѣющихъ глубокія антропологическія и соціальныя основанія, то, имѣя въ виду медленность человѣческаго прогресса, надо отказаться отъ мысли побѣдить эту предубѣжденность, точно такъ же, какъ другія наслѣдственныя болѣзненныя предрасположенія. Пока великая гуманитарная идея объединитъ всѣ народы земли, можетъ пройти цѣлый рядъ столѣтій, и до тѣхъ поръ народъ, который вездѣсущъ и нигдѣ не дома, и притомъ вездѣ въ меньшинствѣ, всегда будетъ являться для всякаго народнаго организма какъ бы кускомъ инороднаго тѣла. Законодательная эмансипація евреевъ—это кульми-

національный пунктъ успѣха настоящаго вѣка по отношенію къ нимъ. Но законодательная эмансипація не есть общественная эмансипація, и съ провозглашеніемъ первой евреи еще не освобождаются отъ исключительности своего общественнаго положенія. Она всецѣло будетъ являться постулатомъ логики, права и правильно понятыхъ интересовъ, но ее никогда не признаютъ *естественнымъ* выраженіемъ человѣческаго *чувства*, и поэтому она нигдѣ и не являлась въ качествѣ чего-то вполнѣ естественнаго, нигдѣ она не пускала достаточно глубокихъ корней, чтобы о ней не приходилось болѣе говорить. Эмансипація евреевъ во Франціи, а затѣмъ и въ Германіи не спасла евреевъ отъ антисемитизма, свирѣпствующаго въ этихъ странахъ съ не меньшей силой, чѣмъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ евреи и законодательнымъ путемъ подвержены разнымъ стѣсненіямъ. Противъ евреевъ всѣ и всюду вооружены: въ отсталыхъ и въ передовыхъ странахъ, и тамъ, гдѣ народныя массы проникнуты глубокимъ религіознымъ чувствомъ, и тамъ, гдѣ царствуетъ полный религіозный индиферентизмъ, и тамъ, гдѣ культура мало развита, и тамъ, гдѣ населеніе вооружено средствами экономической борьбы даже въ гораздо большей степени, чѣмъ евреи. Такимъ образомъ, всѣ нареканія и обвиненія, преслѣдованія и ограниченія, которымъ подвергаются евреи, являются слѣдствіемъ не религіозной вражды, не экономическаго антагонизма, не обособленности или различія въ міросозерцаніи, а чисто психологическаго фактора—крайняго неуваженія къ еврейскому народу со стороны другихъ націй, которыя видятъ въ немъ народъ *безпочвенный* въ буквальномъ значеніи этого слова, не имѣющій собственнаго угла, собственной культуры, вездѣ и всюду стремящійся примыкать къ чужой культурѣ, а между тѣмъ не могущій настолько ассимилироваться съ окружающими народами, чтобы совершенно уничтожить свою индивидуальность. Люди привыкли уважать только тѣхъ, кто твердо стоитъ на собственныхъ ногахъ, кто не нуждается въ ихъ милости, въ ихъ терпимости. Пусть сегодня равноправный съ ними членъ потеряетъ свое имущество, свой домъ, свои права—и отношеніе ихъ къ нему совершенно измѣнится: уваженіе смѣнится сожалѣніемъ, сожалѣніе перейдетъ въ пренебреженіе, пренебреженіе—въ презрѣніе, презрѣніе—въ ненависть. Такова, при нынѣшней стадіи культурнаго развитія человѣчества, психологія людская (объ исключеніяхъ нечего говорить), и съ этой психологіей слѣдуетъ считаться не только отдѣльнымъ лицамъ въ людскомъ общежитіи, но и народамъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Съ этой психологіей слѣдуетъ считаться и евреямъ. Вотъ уже 2000 лѣтъ, какъ они живутъ разсѣянными по всему лицу земли, не имѣя собственнаго угла, собственнаго дома, собственнаго культурнаго центра, собственной почвы, которую всѣ другіе могли бы считать исключительно имъ принадлежащею, воздѣланною ихъ трудомъ, орошаемою ихъ потомъ и кровью, и въ этомъ ихъ вина передъ человѣчествомъ,

которую послѣднее не можетъ имъ простить и которая является главной причиной всѣхъ ихъ бѣдствій. Единственное поэтому средство исцѣленія вѣкового недуга, именуемаго еврейскимъ вопросомъ,—это созданіе такого центра, гдѣ бы евреи чувствовали себя, наконецъ, дома, гдѣ бы они, наконецъ, могли зажить собственной національной жизнью, развивать свои матеріальныя и духовныя силы во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности на собственной территоріи, начиная съ земледѣльческаго труда и кончая высшей духовной культурой. Возродившись на новой родинѣ, евреи, наконецъ, пріобрѣтутъ себѣ то уваженіе среди другихъ народовъ, котораго они были до сихъ поръ лишены, отношеніе народовъ, вслѣдствіе этого, радикально измѣнится и къ тѣмъ евреямъ, которые останутся жить среди нихъ; народы, наконецъ, увидятъ въ евреяхъ людей, достойныхъ уваженія, ни въ чемъ имъ не уступающихъ и, слѣдовательно, имѣющихъ одинаковое съ ними право на безпрепятственное существованіе и развитіе.

Всемірная исторія текущаго времени какъ бы призвана служить евреямъ союзникомъ въ этомъ отношеніи. Мы видимъ, какъ націи, раньше не дерзавшія мечтать о своемъ возрожденіи, въ теченіе какихъ-нибудь десятилѣтій воскресли къ новой жизни. Если національныя стремленія нѣкоторыхъ возродившихся на нашихъ глазахъ народовъ имѣли внутреннее оправданіе, то можетъ ли возникнуть вопросъ о правѣ евреевъ на возрожденіе? Евреи больше этихъ народовъ причастны къ международной культурной жизни, больше ихъ имѣютъ заслугъ предъ человѣчествомъ; евреи имѣютъ за собою свое прошлое, исторію, общее опредѣленное происхожденіе, неувядаемую жизненность, непоколебимую вѣру и безпримѣрный мартирологъ, и болѣе чѣмъ предъ какой бы то ни было націей согрѣшили предъ ними всѣ народы. Все это совершенно достаточно для того, чтобы признать ихъ совершенно способными и достойными имѣть свое отечество.

Наиболѣе удобною страною для возрожденія евреевъ на новыхъ національныхъ началахъ, призванною служить въ будущемъ для нихъ новымъ отечествомъ, является Палестина, ихъ старая, историческая родина, гдѣ впервые возникла и расцвѣла еврейская цивилизація, положившая основаніе всемірной цивилизаціи. Идея возвращенія евреевъ въ Палестину не нова, а ужъ цѣлыхъ 2000 лѣтъ таится въ глубинѣ народной души. Въ теченіе своей многовѣковой страдальческой жизни въ изгнаніи еврейскій народъ находилъ утѣшеніе *въ мечтахъ* о Палестинѣ, о возрожденіи къ новой лучшей жизни на старой родинѣ. Мечтамъ этимъ посвящены лучшія еврейскія молитвы, и онѣ же воспѣты въ самыхъ трогательныхъ стихахъ замѣчательнѣйшимъ еврейскимъ поэтомъ среднихъ вѣковъ, раби Іегудой Галеви. То, что таилось въ глубинѣ народной души, какъ мистическій идеалъ, какъ фантастическое вѣрованіе, обставленное разными чудесами, должно быть облечено въ реальную форму, въ практическую программу. Находясь въ

полной гармоніи съ задушевнѣйшими стремленіями народа, движеніе это можетъ разсчитывать на полную симпатію къ нему народной массы, а слѣдовательно, и на полный внутренній успѣхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно можетъ разсчитывать и на внѣшній успѣхъ, на благопріятное отношеніе къ нему другихъ народовъ, которые, помимо нравственныхъ мотивовъ сочувствія этому движенію, должны быть заинтересованы матеріально въ его успѣхѣ, видя въ немъ если не коренное рѣшеніе еврейскаго вопроса, то, по крайней мѣрѣ, радикальное средство ежегоднаго удаленія излишковъ населенія, не находящаго себѣ пропитанія дома. Что касается Турціи, то ей иммиграція евреевъ принесетъ одну только пользу, внесши жизнь и культуру въ край, въ теченіе многихъ вѣковъ представлявшій совершенную пустыню, обогативъ страну новымъ трудолюбивымъ населеніемъ, поднявъ цѣнность ея земли, расширивъ размѣры ея государственныхъ доходовъ и обогативъ ея разстроенные финансы. Переселившись на новую почву, евреи составятъ культурное населеніе, мирно и лойяльно живущее подъ скипетромъ султана, занятое исключительно своимъ моральнымъ и физическимъ возрожденіемъ на новой родинѣ. Работа надъ этимъ національнымъ возрожденіемъ и усовершенствованіемъ потребуетъ столько времени, будетъ настолько всецѣло поглощать духовныя и матеріальныя силы народа, что въ теченіе многихъ десятковъ, а можетъ быть и сотенъ лѣтъ, для политическаго элемента, въ широкомъ значеніи этого слова не останется мѣста, и въ этомъ отношеніи Турція можетъ оставаться совершенно спокойной.

IV.

Изложивъ сущность сіонистской доктрины, поскольку она вытекаетъ изъ различныхъ брошюръ и печатныхъ рѣчей руководителей этого движенія, обратимся къ тѣмъ возраженіямъ, которыя эта доктрина вызвала въ спеціальной литературѣ какъ въ Россіи, такъ и заграницей, преимущественно со стороны самихъ же евреевъ.

Главную оппозицію сіонизмъ встрѣтилъ со стороны нѣмецкихъ раввиновъ и буржуазной интеллигенціи. Ортодоксальные раввины увидѣли въ этомъ движеніи, нѣкоторымъ образомъ, вмѣшательство въ дѣло Провидѣнія, предвосхищеніе воли Божества. По мнѣнію ортодоксовъ, возвращеніе евреевъ изъ изгнанія, обѣщанное Богомъ еврейскому народу устами пророковъ и составляющее догматъ еврейской религі и должно совершиться при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, по пришествіи особаго избранника Божія — мессіи. Всякая попытка ускорить этотъ конецъ свѣтскими средствами есть вмѣшательство въ планы и предначертанія Провидѣнія и должно быть рѣшительно осуждена еврейской религіей. Съ другой стороны, и просвѣщенные, реформатскіе раввины, совсѣмъ отвергающіе мессіанскую идею, также возстаютъ

противъ сіонизма, но уже по другимъ основаніямъ. По мнѣнію этой группы оппонентовъ, еврейскій народъ составляетъ не націю, а религіозное сообщество, на долю котораго выпала спеціальная историческая миссія—распространеніе идеи единобожія среди другихъ народовъ. Миссія эта до сихъ поръ еще не закончена: вмѣстѣ съ монотеизмомъ юдаизмъ призванъ также распространить принципы высшей морали, требованія справедливости и прогресса. Именно въ разсѣяніи еврейскаго народа среди другихъ народовъ, дающемъ ему возможность исполнять это свое провиденціальное назначеніе, и заключается его raison d'être, именно для этой цѣли онъ и является «избраннымъ народомъ». Всякая попытка уничтожить это разсѣяніе, собрать разрозненныя части во единую націю и возродить ее на собственной территоріи—есть грѣхъ противъ предначертаній исторіи, противъ мудрости Провидѣнія, избравшей еврейскій народъ для осуществленія опредѣленной исторической цѣли.

Другія возраженія противъ сіонизма носятъ менѣе мистическій характеръ и имѣютъ болѣе реальныя основанія. Одни изъ этихъ возраженій направлены противъ основныхъ посылокъ сіонизма, другія касаются средствъ его осуществленія. По мнѣнію оппонентовъ первой группы, такъ называемыхъ ассимиляторовъ, основная посылка сіонизма, что вражда къ евреямъ имѣетъ глубокія антропологическія основанія, что она составляетъ неизбѣжное явленіе, которое будетъ существовать если не вѣчно, то, во всякомъ случаѣ, еще очень долгое время, что эта основная посылка не вѣрна, а потому не вѣренъ и дѣлаемый изъ нея выводъ, что евреямъ остается единственное средство борьбы противъ этой вражды—*уйти* отъ нея. Вражда къ евреямъ есть пережитокъ стараго времени, въ ней находитъ отголосокъ и старая религіозная нетерпимость, и экономическая борьба, и расовый антагонизмъ, она питается, съ одной стороны, темными силами, таящимися въ нѣдрахъ народныхъ массъ, ихъ неразвитостью, бѣдностью, соціальными невзгодами, а съ другой стороны—недостатками самихъ евреевъ, воспитанными въ нихъ многовѣковой жизнью въ гетто въ качествѣ беззащитныхъ, отверженныхъ паріевъ общества. Чѣмъ шире и глубже будетъ распространяться просвѣщеніе среди народныхъ массъ, чѣмъ болѣе гуманитарныя идеи будутъ одерживать верхъ надъ темными силами, чѣмъ болѣе народныя массы будутъ эмансипироваться отъ соціальныхъ золъ и бѣдствій, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ являются причиной и источникомъ моральныхъ недуговъ, бичующихъ современное человѣчество, а съ другой стороны, чѣмъ развитѣе станетъ сама еврейская масса, чѣмъ рѣшительнѣе она освободится отъ средневѣковыхъ предразсудковъ и непригдядныхъ моральныхъ чертъ, унаслѣдованныхъ ею отъ пребыванія въ гетто, тѣмъ крѣпче станетъ связь ея съ окружающимъ христіанскимъ населеніемъ, преграды, отдѣлявшія евреевъ отъ христіанъ, мало-по-малу уничтожатся и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнутъ

и внѣшнія правовыя отличія, и внутренняя взаимная непріязнь, мѣшавшія слiянію евреевъ съ ихъ христіанскими соотечественниками. Рѣшеніе еврейскаго вопроса поэтому слѣдуетъ искать не въ туманной дали Востока, а на той самой почвѣ, на которой они живутъ теперь; оно должно заключаться, съ одной стороны, въ неустанной борьбѣ евреевъ за свою равноправность, а съ другой—въ ревностномъ ихъ стремленіи къ слiянію съ ихъ христіанскими соотечественниками, въ общей съ ними неутомимой культурной работѣ.

Такимъ образомъ, сіонистское рѣшеніе еврейскаго вопроса не только діаметрально противоположно рѣшенію, къ которому стремятся ассимиляторы, но послѣднее совершенно исключаетъ первое. По мнѣнію ассимиляторовъ, сіонизмъ даже прямо вреденъ для евреевъ. Признавая безуспѣшность борьбы за равноправіе, сіонизмъ не только ослабляетъ энергію народа, необходимую для этой борьбы, но можетъ еще заставить отвернуться отъ евреевъ тѣхъ друзей ихъ изъ христіанъ, которые готовы были имъ раньше помогать въ этой борьбѣ и которые поневолѣ должны будутъ опустить руки, видя, что сами евреи признаютъ безполезнымъ и безуспѣшнымъ бороться за свои права. Съ другой стороны, сіонисты даютъ опасное орудіе антисемитамъ обвинять евреевъ въ отсутствіи патріотизма, въ стремленіи къ обособленности, въ преслѣдованіи задачъ и цѣлей, ничего общаго не имѣющихъ съ идеалами и цѣлями, къ которымъ стремятся ихъ христіанскіе соотечественники,—обвиненія, противъ которыхъ евреямъ и безъ того приходится энергично бороться. Движеніе сіонистовъ даетъ христіанскимъ народамъ право отказать «на законномъ основаніи» евреямъ въ ихъ притязаніяхъ стать полноправными гражданами ссылкой на то, что разъ они добиваются новаго отечества, они этимъ самымъ доказываютъ, что интересы стараго отечества имъ чужды, а потому и недостойны они пользоваться въ этомъ старомъ отечествѣ полными правами, наравнѣ съ другими гражданами. А такъ какъ подавляющее большинство еврейскаго народа и не помышляетъ о новомъ отечествѣ, кромѣ небольшой кучки сіонистовъ, то стремленія этой кучки должны принести огромный вредъ всему еврейскому народу, компрометируя его въ глазахъ другихъ народовъ, среди которыхъ онъ живетъ и призванъ жить въ будущемъ на вѣчныя времена.

Другіе оппоненты, оставляя въ сторонѣ основную посылку сіонизма, возражаютъ главнымъ образомъ противъ возможности его осуществленія на практикѣ. По мнѣнію этихъ оппонентовъ, если бы даже весь еврейскій народъ поголовно рѣшилъ переселиться въ Палестину, еслибъ даже необходимыя для этого колоссальныя, почти неисчислимыя средства были налицо, то нельзя было придумать страну, болѣе непригодную для этой цѣли, чѣмъ Палестина. Св. Земля является колыбелью христіанскихъ святынь для всего міра, и трудно думать, чтобы христіанскіе народы согласились допустить евреевъ утвердиться въ этой

землѣ. Если даже теперь скрытая религіозная вражда между евреями и христіанами весьма часто, при первомъ удобномъ случаѣ, вспыхиваетъ яркимъ пламенемъ, производя разныя опустошенія, то можно себѣ представить, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ могло бы привести переселеніе евреевъ въ Св. Землю; послѣдняя стала бы очагомъ постоянныхъ столкновеній и стычекъ, постоянныхъ смутъ и волненій, которыя создали бы на Востокѣ «еврейскій вопросъ» въ еще болѣе острой формѣ, чѣмъ тотъ, который существуетъ въ настоящее время на Западѣ. Но даже помимо этого, оставляя вопросъ о христіанскихъ святыняхъ въ сторонѣ, евреи, переселившись въ Палестину, попали бы изъ огня да въ полымя, очутившись въ опасномъ сосѣдствѣ съ дикими, необузданными племенами, противъ звѣрскихъ нападеній которыхъ они должны были бы постоянно защищаться, не говоря уже о фанатизмѣ и изувѣрствѣ самихъ турокъ, которые проявили себя съ такой силой въ болгарскихъ ужасахъ, въ армянской рѣзнѣ и т. под., и которые, конечно, пришлось бы имъ не разъ на себѣ испытать. Вмѣсто желаннаго убѣжища, сулящаго миръ и покой, они встрѣтили бы на новой территоріи новыя преслѣдованія, предъ которыми блѣднѣли бы гоненія и преслѣдованія, которымъ они подвергались на старыхъ мѣстахъ жительства.

Но даже оставляя въ сторонѣ всѣ эти соображенія, допуская, что Палестина въ политическомъ и этнографическомъ отношеніи дѣйствительно могла бы представлять для евреевъ столь желанное ими убѣжище,—самая реализація ихъ переселенія является абсолютно неосуществимой. По своему пространству, по естественнымъ условіямъ своей почвы и климата, страна эта едва въ состояніи вмѣстить, а тѣмъ болѣе прокормить болѣе милліона жителей. Уже болѣе 2.000 лѣтъ страна эта остается запущенной и невоздѣланной; почва ея, каменистая и песчаная, при сильномъ недостаткѣ воды, исключаетъ возможность широкаго развитія въ ней хлѣбопашества и другихъ полезныхъ культурныхъ растеній, за исключеніемъ одного только виноградарства. Съ большимъ трудомъ и усиліями, съ большими лишеніями и бѣдствіями, на этой почвѣ едва бы могъ прокормиться милліонъ людей, между тѣмъ число евреевъ на земномъ шарѣ превышаетъ 10 милліоновъ. Если даже удастся переселить туда одинъ милліонъ евреевъ, то куда же дѣнутся остальные девять милліоновъ? Но этого мало. При самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, при самомъ сильномъ напряженіи всѣхъ силъ народа, едва ли мыслимо переселеніе въ Палестину ежегодно болѣе 20.000 евреевъ. На переселеніе, такимъ образомъ, одного милліона потребуется minimum 50 лѣтъ, на переселеніе двухъ милліоновъ—100 лѣтъ, т.-е. эмиграція не превыситъ естественнаго ежегоднаго прироста еврейскаго населенія въ старыхъ мѣстахъ ихъ жительства. Такимъ образомъ, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, послѣ всѣхъ усилій и жертвъ, евреи останутся, по прежнему, тамъ, гдѣ они жили

до сихъ поръ, еврейскій вопросъ, по прежнему, останется неразрѣшеннымъ и вся затѣя окажется безплодной, не приведшей ни къ какой цѣли.

V.

Такова въ краткихъ чертахъ сущность главныхъ доводовъ, которые выставляются противъ сіонизма его противниками изъ разнообразныхъ лагерей еврейства. Само собою разумѣется, доводы эти не остаются безъ возраженій. Въ отвѣтъ на заявленіе ортодоксальныхъ раввиновъ, что для возвращенія въ Палестину необходимо раньше ожидать пришествія мессіи, защитники сіонизма указываютъ на то, что даже темная масса настолько успѣла ужъ развиться, что она не ждетъ болѣе своего спасенія отъ совершенія разныхъ чудесъ; трезвый духъ еврейскаго народа ему подсказываетъ, что онъ долженъ добиваться своего избавленія отъ своего вѣкового ненормальнаго положенія реальными средствами, а не искать его въ мистическихъ упованіяхъ. Ссылка западно-европейскихъ просвѣщенныхъ раввиновъ на историческую миссію еврейскаго народа—распространять идею единобожія и принципы морали среди другихъ народовъ,—миссію, выполненіе которой именно только и возможно, благодаря разсѣянію еврейскаго народа среди другихъ народовъ,—опровергается защитниками сіонизма тѣмъ, что если таковая миссія дѣйствительно и существовала, то она ужъ давно блистательно выполнена, что народы больше не нуждаются въ этомъ учителѣ, что они могутъ уже сами двигать цивилизацію и прогрессъ безъ помощи евреевъ и что вмѣсто того, чтобы постоянно заботиться о чужой культурѣ, имъ не мѣшало бы, наконецъ, подумать о созданіи собственной на собственной почвѣ. Въ отвѣтъ на утвержденіе, что антисемитизмъ является печальнымъ пережиткомъ прошлаго и что съ развитіемъ просвѣщенія среди темныхъ массъ и распространеніемъ среди нихъ гуманитарныхъ идей, онъ долженъ исчезнуть со всѣми своими печальными послѣдствіями, уступивъ мѣсто полному сліянію евреевъ съ христіанами,—сіонисты указываютъ на то, что антисемитизмъ существуетъ въ самыхъ передовыхъ странахъ современной Европы—Франціи и Германіи, что если онъ и исчезнетъ подъ вліяніемъ гуманитарныхъ идей, то развѣ только въ весьма отдаленномъ будущемъ, и что евреямъ гораздо легче ожидать осуществленія сіонистской идеи, чѣмъ наступленія этого отдаленнаго будущаго. Что касается практической неосуществимости сіонистской идеи, то защитники ея ссылаются на то, что они вовсе не думаютъ о переселеніи всѣхъ евреевъ въ Палестину, а для нихъ достаточно, если тамъ образуется матеріальный и духовный національный еврейскій центръ, съ населеніемъ въ одинъ-два милліона, который поднялъ бы престижъ евреевъ въ глазахъ европейскихъ народовъ и возвысилъ бы ихъ въ ихъ собственныхъ глазахъ. Пусть подавляющее большинство еврейскаго народа остается въ

Европѣ, достаточно, чтобы часть этого народа обрѣла опять свою собственную родину и зажила на ней національною жизнью, чтобы европейскіе народы почувствовали уваженіе ко всему еврейскому народу и измѣнили свои отношенія къ нему. Переселятся тѣ, которымъ на старой родинѣ будетъ тѣсно, которые будутъ чувствовать матеріальную и духовную потребность въ такомъ переселеніи, тѣ же, которые такой потребности не будутъ имѣть, останутся жить тамъ, гдѣ жили ихъ отцы и дѣды. Этимъ также разрѣшается вопросъ о патріотизмѣ. Очевидно, что отъ тѣхъ, которые будутъ переселяться, даже самые ярые враги не въ правѣ будутъ требовать патріотическихъ чувствъ къ прежней родинѣ, хотя весьма вѣроятно, такія чувства будутъ не разъ ими проявляться, какъ это мы видимъ, напр., и теперь у еврейскихъ эмигрантовъ въ Лондонѣ, Нью-Іоркѣ и т. под., продолжающихъ культивировать русскій языкъ на своихъ новыхъ мѣстахъ жительства, почитать и любить ея литературу, сохранять ея нравы и обычаи. Тѣ же, которые предпочтутъ оставаться на старой родинѣ, уже этимъ самымъ докажутъ, что они признаютъ эту родину своимъ отечествомъ, что они другого отечества не ищутъ и не желаютъ имѣть и что, слѣдовательно, они не могутъ заслужить упрека въ отсутствіи патріотизма. Содѣйствіемъ къ переселенію своихъ братьевъ въ другую страну они столь же мало могутъ заслужить упрекъ, какъ мало его заслуживаютъ нѣмцы или англичане, содѣйствующіе своимъ братьямъ переселиться за океанъ и пріобрѣсти тамъ новое отечество. Существованіе отдѣльнаго еврейскаго центра нисколько не будетъ препятствовать евреямъ быть вѣрными и преданными гражданами тѣхъ странъ, въ которыхъ они останутся жить, точно такъ же, какъ существованіе Германіи, или Франціи, или Румыніи нисколько не мѣшаетъ нѣмцамъ въ Америкѣ и Россіи, или французамъ въ Швейцаріи и Канадѣ, или румынамъ въ Венгріи оставаться вѣрными гражданами этихъ странъ. Евреи и до сихъ поръ никогда не переставали считать страну, въ которой они родились, своимъ отечествомъ; наоборотъ, именно христіане отказывали имъ въ правѣ предъявлять свои патріотическія чувства, считать себя гражданами данной страны, сынами даннаго отечества. Что касается мнѣнія антисемитовъ, то было бы дѣтской наивностью со стороны евреевъ, еслибъ они въ своихъ поступкахъ и дѣлахъ стали сообразоваться съ тѣмъ, какого мнѣнія объ этихъ поступкахъ будутъ антисемиты и что они скажутъ, такъ какъ нѣтъ такого злого дѣянія, въ которомъ антисемиты не были бы готовы упрекнуть евреевъ, и наоборотъ, что бы ни дѣлали евреи, антисемиты всегда будутъ находить въ ихъ поступкахъ поводъ къ обвиненіямъ и упрекамъ. Для людей же не зараженныхъ антисемитизмомъ и смотрящихъ на вещи безъ предубѣжденій, переселеніе части евреевъ въ Палестину едва ли будетъ служить основаніемъ отказать всѣмъ остальнымъ евреямъ въ правѣ

домогаться признанія ихъ полноправными гражданами, разъ они сами себя таковыми признаютъ.

Разъ сіонизмъ ограничиваетъ свою задачу стремленіемъ къ переселенію, даже въ далекомъ будущемъ, не всѣхъ евревъ, а только извѣстной части еврейскаго народа, то отпадаетъ и другое возраженіе, заключающееся въ томъ, что Палестина не въ состояніи вмѣстить и прокормить нѣсколько милліоновъ имѣющихъ туда переселиться евреевъ. Для одного-двухъ милліоновъ людей, по мнѣнію сіонистовъ, въ Палестинѣ мѣста еще будетъ довольно. Въ одной Галилеѣ, во время разрушенія второго храма, согласно историку Грецу, жило около трехъ милліоновъ евреевъ. Что имъ тогда лучше жилось, чѣмъ ихъ потомкамъ въ чертѣ еврейской осѣдлости, можно заключить изъ словъ Тацита, разсказывающаго, что тогдашніе евреи имѣли corpora salubria et laboris patientia *). По Томсону, одна Іорданская долина, при раціональномъ орошеніи, сможетъ прокормить полмилліона населенія. Если же прибавить Іудею, Заіорданье и нѣкоторыя мало обитаемыя полосы, прилегающія къ Палестинѣ съ сѣвера и юго-востока, то окажется, что Палестина представляетъ достаточно простора для массовой эмиграціи евреевъ. Если Палестина была когда-то «страною, текущей медомъ и молокомъ», то трудно допустить, что съ теченіемъ времени ея климатъ и почва подверглись такому коренному измѣненію, что она окажется не въ состояніи быть кормилицей своихъ новыхъ обитателей. Полковникъ Кондеръ, многіе годы проживщій въ Палестинѣ, категорически утверждаетъ, что страна эта очень легко могла бы прокормить населеніе въ десять разъ больше того, которое она кормитъ теперь. При современныхъ успѣхахъ сельскохозяйственной техники и несомнѣнныхъ дальнѣйшихъ усовершенствованіяхъ въ этой области въ будущемъ, климатическія и естественныя условія почвы не имѣютъ уже того рѣшающаго значенія на производительность земли, какое они имѣли въ прежнее время, и если Палестина могла служить колыбелью цивилизацій въ прежнее время, то можно смѣло разсчитывать, что люди энергичные и трудолюбивые, вооруженные новѣйшими усовершенствованіями, будутъ въ состояніи развить въ ней цивилизацію и сдѣлать ея почву достаточно производительной для прокормленія населенія. Помимо земледѣлія, виноградарства и всевозможныхъ видовъ сельскаго хозяйства, евреи могутъ тамъ заниматься промышленностью, развивать широкую фабрично-заводскую дѣятельность, сдѣлать ее бойкимъ центромъ международнаго торговаго оборота и транзитной торговли. Географическое положеніе Палестины между Европой, Азіей и Африкой какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ такой цѣли. Что касается опасенія турецкихъ звѣрствъ, то историческій опытъ показываетъ, что евреи всегда уживались самымъ мирнымъ образомъ съ турками, никогда не

---

*) Тѣла здоровыя и въ трудѣ выдержаныя.

подвергаясь съ ихъ стороны преслѣдованіямъ, и въ настоящее время пользуются въ Турціи всѣми, наравнѣ съ другими, правами, кромѣ военныхъ. Наконецъ, послѣднее возраженіе, касающееся святыхъ мѣстъ, сіонисты опровергаютъ тѣмъ, что они вовсе не стремятся занять тѣ мѣста, которыя имѣютъ священное значеніе для христіанскаго міра. Въ сіонистскій идеалъ не входятъ, ни возстановленіе храма, ни возвращеніе въ Іерусалимъ, а національное возрожденіе на родной почвѣ; почва эта и безъ того достаточно обширна, чтобы сіонисты могли водрузить на ней свое знамя, устранивъ себя въ самомъ началѣ отъ такихъ мѣстъ, которыя, представляя святыню для христіанскаго міра, могли бы въ будущемъ служить ареной для различныхъ недоразумѣній.

VI.

Познакомившись съ исторіей возникновенія сіонистскаго движенія, доктриной, положенной въ его основаніе, доводами, приводимыми противъ него, и возраженіями его защитниковъ; позволимъ себѣ въ заключеніе высказать нѣсколько мыслей по поводу этого движенія.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что доктрина, положенная въ основу сіонизма, проникнута пессимистическимъ духомъ, не имѣющимъ оправданія въ дѣйствительности. Доктрина эта предполагаетъ, что предубѣжденность человѣческаго рода противъ евреевъ покоится на природныхъ и неискоренимыхъ началахъ, имѣющихъ глубокія антропологическія и соціальныя основанія, что, какъ психозъ, она наслѣдственна и какъ болѣзнь, въ теченіе тысячелѣтій переходившая изъ рода въ родъ, она неизлѣчима. Но мало ли было другихъ предубѣжденій, отъ которыхъ человѣчество, тѣмъ не менѣе успѣло избавиться? Развѣ, напр., боязнь вѣдьмъ не была такимъ же психозомъ, переходившимъ изъ рода въ родъ и въ свое время казавшимся также неизлѣчимымъ? Если предубѣжденность противъ евреевъ успѣла пережить всѣ другія средневѣковыя предубѣжденія и сохранилась до сихъ поръ, то отсюда не слѣдуетъ, что она будетъ существовать вѣчно. Отъ средневѣковой предубѣжденности противъ евреевъ, когда ихъ тысячами жгли на кострахъ, до нынѣшней предубѣжденности противъ нихъ, даже той, которая обнаруживается въ вспыхивающихъ по временамъ антиеврейскихъ безпорядкахъ, огромная разница. При той напряженности, которой эта предубѣжденность достигла въ средніе вѣка, эмансипація евреевъ, въ теченіе нынѣшняго вѣка осуществленная если не цѣликомъ, то, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени почти во всѣхъ государствахъ Западной Европы и шедшая рука объ-руку съ пріобщеніемъ евреевъ къ общеевропейской культурѣ, является значительнымъ шагомъ впередъ. Если этотъ процессъ не завершился еще полной эмансипаціей евреевъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ, если онъ затягивается разными уклоненіями

въ сторону, а подчасъ даже движеніемъ вспять, то это является слѣдствіемъ разныхъ обстоятельствъ, сложившихся неблагопріятно для этого процесса именно въ теченіе этого столѣтія. Оба эти движенія должны были отразиться самымъ печальнымъ образомъ на судьбѣ евреевъ. Національная теорія отождествила идею государства съ идеей національности, благодаря чему евреи были признаны чуждымъ элементомъ въ современномъ государственномъ организмѣ, мѣшающимъ ему правильно развиваться, а потому подлежащимъ всяческому на него воздѣйствію. Съ другой стороны, недобросовѣстные люди, пользуясь тѣмъ, что евреи, въ силу историческихъ условій, очутились главнымъ образомъ въ рядахъ третьяго сословія, старались направить противъ нихъ существующее антибуржуазное движеніе, отождествляя евреевъ съ буржуазіей, выставляя ихъ виновниками всѣхъ золъ и несчастій постигающихъ бѣдныя массы и направляя послѣднія на евреевъ, съ цѣлью отвлечь ихъ вниманіе отъ дѣйствительныхъ причинъ тяготѣющихъ надъ ними бѣдствій. Само собою разумѣется, что такое заблужденіе не можетъ продолжаться очень долго. Рано или поздно, трудящіяся массы поймутъ, что евреевъ столь же нелѣпо отождествлять съ буржуазіей, какъ нелѣпо отождествлять Ротшильда съ еврействомъ. Уже и теперь замѣчается поворотъ въ настроеніи трудящихся массъ по отношенію къ евреямъ въ Германіи, гдѣ впервые возникла антисемитическая пропаганда подъ флагомъ партіи «христіанскихъ соціалистовъ» съ пресловутымъ Штекеромъ во главѣ, старавшейся отождествлять въ глазахъ народа реформу экономическихъ и соціальныхъ отношеній съ борьбой противъ еврейства и одно время успѣвавшей дѣйствительно отуманить народъ въ этомъ отношеніи. Въ настоящее время антисемитическое движеніе въ Германіи значительно ослабло, послѣ того, какъ предъ глазами трудящихся массъ выяснилась вся моральная и научная несостоятельность ихъ учителей изъ христіанскихъ соціалистовъ. Ошибка сіонизма поэтому заключается въ томъ, что онъ временныя явленія, обусловливаемыя исключительными причинами, принимаетъ за нѣчто постоянное, незыблемое. Стараясь въ своихъ посылкахъ стать на широкую почву исторіи, претендуя освѣтить еврейскій вопросъ во всю его глубину, по скольку онъ обрисовывается сквозь цѣлый рядъ вѣковъ, и вслѣдствіе этого, отрицая всякое значеніе за осуществленной нѣкоторыми европейскими народами эмансипаціей евреевъ, какъ за явленіемъ, имѣвшимъ временный характеръ, сіонизмъ какъ разъ дѣлаетъ ту самую ошибку, которой онъ такъ старательно желаетъ избѣжать, оставляя безъ вниманія серьезныя пріобрѣтенія, сдѣланныя евреями въ теченіе нынѣшняго вѣка на пути къ своей эмансипаціи, свидѣтельствующія объ историческомъ прогрессѣ, и выставляя на видъ, какъ нѣчто незыблемое и постоянное, наступившія въ концѣ вѣка уклоненія въ сторону отъ этого пути, обусловленныя упомянутыми выше исключительными обстоятельствами, имѣющими несомнѣнно переходящій характеръ.

Если, такимъ образомъ, трудно согласиться съ основной посылкой сіонизма, пессимистически относящейся къ человѣческому прогрессу и отрицающей всякое движеніе впередъ въ области гуманитарныхъ идей, то, съ другой стороны, нельзя не признать дѣйствительности того психологическаго момента, который выдвигается сіонизмомъ, какъ одна изъ основныхъ причинъ предубѣжденнаго отношенія другихъ народовъ къ евреямъ, и который заключается въ отсутствіи среди другихъ народовъ уваженія къ еврейскому народу, какъ народу скитальческому, не имѣющему собственнаго угла и вынужденному искать пріюта у другихъ,—какъ народу, слѣдовательно, неимущему, нищему. Этотъ моментъ дѣйствительно играетъ весьма существенную роль въ настроеніи народныхъ массъ по отношенію къ евреямъ, и сіонизмъ, если его цѣли осуществятся, навѣрное будетъ имѣть извѣстное вліяніе на измѣненіе этого настроенія, возвративъ еврейскому народу то уваженіе, котораго онъ былъ лишенъ до сихъ поръ въ глазахъ другихъ. Но само собою разумѣется, обстоятельство это можетъ явиться лишь косвеннымъ результатомъ осуществленія сіонизма, и, конечно, не въ достиженіи этого результата заключаются его цѣли и задачи, хотя весьма можетъ быть, что именно это обстоятельство было однимъ изъ существеннѣйшихъ мотивовъ, вліявшихъ на возниковеніе сіонизма. Каковы бы, впрочемъ, ни были первоначальные мотивы, вызвавшіе его къ жизни каковы бы ни были результаты въ будущемъ, въ случаѣ его осуществленія, каковы бы ни были, наконецъ, его шансы на осуществленіе, сіонизмъ уже самъ по себѣ составляетъ крупное явленіе въ жизни еврейства, какъ совершенно самостоятельное стремленіе значительной части еврейскаго народа къ національному возрожденію на родной почвѣ на началахъ высшей европейской культуры. Государство, о которомъ сіонисты мечтаютъ, будетъ государствомъ свободы и справедливости, а не государствомъ эксплуатаціи. Какъ движеніе прогрессивное, стремящееся развить національное самосознаніе въ еврейскомъ народѣ, расширить его умственный и нравственный кругозоръ, вселить въ него духъ свободы и самостоятельности, направить его стремленія къ извѣстному идеалу, сіонизмъ несомнѣнно можетъ вызвать только симпатію и одобреніе. Является ли это движеніе отголоскомъ всеобщаго националистическаго движенія, охватившаго въ послѣднее время всѣ европейскіе народы, или оно имѣетъ болѣе глубокія основанія въ вѣковомъ народномъ идеалѣ о возвращеніи въ Палестину,—идеалѣ, изъ мистическаго обращенномъ въ реальный, — сіонистское движеніе, во всякомъ случаѣ, стремится осуществить гуманитарныя цѣли гуманитарными средствами, и въ этомъ его право на всеобщее уваженіе и признаніе. Несомнѣнно, что разрѣшенія своей вѣковой проблемы евреи должны искать не на Востокѣ, а на Западѣ, гдѣ жизнь ихъ сплетена тысячами нитей съ жизнью европейскихъ народовъ и почву котораго они въ такой же мѣрѣ въ правѣ считать своею, какъ и другіе народы. Путь

къ этому разрѣшенію лежитъ въ общей съ этими народами культурной работѣ, въ общемъ трудѣ на общую пользу. Но путь этотъ нисколько не исключаетъ права извѣстной части евреевъ стремиться къ національному возрожденію на исторической почвѣ ихъ предковъ. Если національныя стремленія нѣкоторыхъ возродившихся на нашихъ глазахъ народовъ имѣли внутреннее оправданіе, то нельзя отказать въ такомъ оправданіи и еврейскому народу, находящемуся въ несоизмѣримо худшемъ положеніи, чѣмъ всѣ другіе. Стремленіе къ національному возрожденію составляетъ естественное неотъемлемое право всякаго угнетеннаго народа, если онъ обладаетъ для этого достаточной жизнеспособностью, достаточными, если не матеріальными, то умственными и нравственными силами и средствами. Увѣнчается ли сіонистское движеніе успѣхомъ—объ этомъ мы не беремся судить, такъ какъ здѣсь мы попадемъ только въ область болѣе или менѣе рискованныхъ предположеній и догадокъ. Одно несомнѣнно, что сіонистское движеніе стремится осуществить свои цѣли культурными средствами. «Раньше, чѣмъ переселиться въ Палестину и зажить тамъ національной жизнью, мы должны работать надъ собою, чтобы стать достойными такой высокой цѣли», говорятъ сіонисты, и въ этомъ духѣ и дѣйствуютъ: устраиваютъ самообразовательные кружки, учреждаютъ образцовые хедера (школы), библіотеки, читальни, вечерніе и субботніе курсы, распространяютъ среди темной массы знаніе и просвѣщеніе, издаютъ популярныя, общеполезныя книги и брошюры, произносятъ просвѣтительныя проповѣди и т. д. Такая культурная работа уже сама по себѣ помимо ея конечной цѣли, въ высшей степени симпатична, такъ какъ она ведетъ къ поднятію умственнаго и нравственнаго уровня еврейской темной массы, къ развитію въ ней самосознанія и самодѣятельности, къ проникновенію въ ея будничную сѣрую жизнь духовнаго интереса, высшаго культурнаго идеала. Уже стремленіе къ достиженію этихъ цѣлей совершенно достаточно, чтобы даже люди, далекіе отъ еврейства, отнеслись къ сіонистскому движенію съ одобреніемъ и сочувствіемъ.

Б. Арндтъ.

НА ГОРОДСКОЙ СТѢНѢ.

Р. Киплинга.

Переводъ съ англійскаго Л. Р.

«Тогда спустила она ихъ изъ окна посредствомъ веревки, ибо домъ ея стоялъ на стѣнѣ горсда и она жила на ней».

Кн. Іис. Навина, II, 15.

Лалунъ принадлежала къ членамъ профессіи—древнѣйшей въ мірѣ. Она происходила по прямой линіи отъ Лилитъ, которая, какъ всѣмъ извѣстно, существовала задолго до нашей праматери Евы. Не важное мнѣніе составилось на западѣ о профессіи Лалунъ: тамъ по поводу нея пишутся брошюры и раздаются молодежи, чтобы поддержать и охранять нравственность. На востокѣ, гдѣ профессія эта переходитъ по наслѣдству отъ матери къ дочери, никто о ней не пишетъ брошюръ и не считаетъ постыднымъ это занятіе, что служитъ яснымъ доказательствомъ того, какъ неспособенъ востокъ къ управленію даже и своими собственными дѣлами.

Настоящимъ супругомъ Лалунъ, такъ какъ даже дамамъ и этой профессіи на востокѣ полагается имѣть мужа, было высокое и густое жужубовое дерево. Мать Лалунъ, бывшая замужемъ за фиговымъ деревомъ, издержала десять тысячъ рупій на свадьбу дочери, ее благословили сорокъ семь священниковъ той церкви, вѣру которой исповѣдывала мать, не пожалѣвшая, кромѣ того, раздать при этомъ обстоятельствѣ пять тысячъ въ пользу бѣдныхъ. Таковъ ужъ былъ обычай этой страны. Выгода имѣть мужемъ жужубовое дерево была очевидна: нечего бояться затронуть его чувства, и притомъ оно не обладаетъ внушительною наружностью.

Мужъ Лалунъ росъ въ долинѣ, лежавшей надъ городскими стѣнами, а домъ Лалунъ стоялъ на восточной части стѣны и выходилъ окнами на рѣку. Еслибъ кто-нибудь свалился съ широкаго подоконника, то пролетѣлъ бы внизъ на тридцать футовъ, до самаго дна рва, окружавшаго городъ. Но если хотѣли спокойно наслаждаться изъ окна пейзажемъ, то могли видѣть стада скота, спускавшіяся къ водопою, уче-

никовъ правительственнаго колледжа, играющихъ въ крикетъ, высокую траву и деревья, окаймлявшія рѣчной берегъ, а дальше—широкія дюны, красноватыя могилы усопшихъ императоровъ, еще дальше—на другомъ берегу—сквозь раскаленный отъ жары туманъ виднѣлся отблескъ снѣжныхъ Гималаевъ.

Вали Дадъ обыкновенно проводилъ цѣлые часы, лежа на этомъ подоконникѣ. Это былъ молодой магометанинъ, который дорого заплатилъ за свое англійское воспитаніе и отлично сознавалъ это. Отецъ отправилъ его въ миссіонерную школу за пріобрѣтеніемъ премудрости, которую онъ и впиталъ въ себя больше, чѣмъ того желали и отецъ, и миссіонеры.

Когда отецъ умеръ и Вали Дадъ сдѣлался независимымъ, онъ провелъ цѣлыхъ два года, производя опыты надъ всѣми религіозными вѣрованіями земного шара и прочиталъ за это время цѣлую кучу книгъ, которыя никогда не принесли никому пользы. Затѣмъ, совершивъ безплодную попытку одновременно сдѣлаться членомъ церквей римско-католической и пресвитеріанской (миссіонеры учуяли его фальшь и называли всяческими оскорбительными именами, не понявъ, что его смущаетъ) онъ познакомился съ Лалунъ на городской стѣнѣ и сдѣлался самымъ постояннымъ изъ всѣхъ ея многочисленныхъ поклонниковъ.

Голова Вали Дада могла бы свести съ ума современныхъ англійскихъ художниковъ, и они не преминули бы изображать ее при самыхъ невѣроятныхъ обстановкахъ, а наши женщины-романистки въ восторженныхъ выраженіяхъ описали бы красоту его лица на девятистахъ страницахъ. Въ дѣйствительности это былъ чистокровный мусульманинъ, съ изящно очерченными бровями, тонкими ноздрями, обладавшій маленькими руками и ногами и усталымъ взглядомъ. По праву своего двадцати двухъ-лѣтняго возраста, Вали Дадъ гордился прекрасной черной бородой, которую нѣжно холилъ и старательно умащалъ благовоніями. Жизнь его какъ будто распадалась на двѣ половины: брать у меня книги для чтенія и ухаживать за Лалунъ, сидя на подоконникѣ ея окна. Онъ слагалъ въ честь этой красавицы пѣсни, которыя распѣваются въ городѣ и до сего времени, начиная отъ улицы торговцевъ баранами, до улицы кузнецовъ. Въ самой лучшей пѣснѣ говорится, что красота Лалунъ была до такой степени неотразима, что смутила сердце британскаго правительства, которое въ силу этого лишилось обычнаго спокойствія ума. Вотъ эти-то именно слова и распѣваются на улицахъ, но если вы вникните въ нихъ со вниманіемъ и обладаете ключомъ къ ихъ объясненію, то замѣтите въ нихъ троякую игру словъ: на «красоту», «сердце» и «спокойствіе ума»; тогда смыслъ получится приблизительно слѣдующій: «лукавство Лалунъ смутило администрацію правительства и погубило такого-то и такого-то изъ его слугъ»! Когда Вали Дадъ поетъ эту пѣсню, его глаза блестятъ, какъ горячіе угольи, а Лалунъ, кокетливо откинувшись на свои подушки, бросаетъ въ него

пучки жасмина. Но прежде всего необходимо объяснить характеръ этого верховнаго правительства, которое стоитъ выше всего, ниже всего, сзади всего. Изъ Англіи пріѣзжаютъ джентльмены, проводятъ нѣсколько недѣль въ Индіи, совершаютъ прогулку по равнинамъ этого громаднаго сфинкса, и затѣмъ—исписываютъ цѣлые томы объ его жизни и обычаяхъ, критикуя или восхваляя ихъ, смотря по тому, чѣмъ вдохновляетъ каждаго изъ нихъ собственное невѣжество. Разумѣется, всѣмъ извѣстно, какъ ведетъ себя верховное правительство, но никто, даже само это правительство, не знаетъ ничего объ администраціи имперіи. Изъ году въ годъ шлетъ Англія новыхъ рекрутовъ для первыхъ рядовъ все продолжающейся битвы, которая оффиціально зовется гражданской индійской службой. Рекруты погибаютъ, убивая себя непосильной работой, разстраивая свои нервы, принося въ жертву свое здоровье и надежды, для того, чтобы предохранить страну отъ смерти и болѣзни, отъ голода и войнъ, чтобы научить ее держаться и стоять на своихъ ногахъ. Конечно, этого никогда не будетъ, но химера такъ привлекательна, что эти мечтатели готовы отдать за нее свою жизнь. Итакъ, изъ года въ годъ дѣло продолжается; страну двигаютъ впередъ, тихонько подталкивая ее, лаская, обуздывая ея страсти, стараясь доказать ей, что она можетъ самостоятельно держаться на своихъ собственныхъ ногахъ. Если она сдѣлаетъ хоть небольшой шагъ впередъ, вся заслуга его приписывается туземцамъ, англичане уступаютъ имъ мѣсто и скромно очищаютъ фронтъ. Если же, напротивъ, постигнетъ какая-нибудь неудача, выступаютъ впередъ англичане, чтобы выслушать порицаніе. Излишняя снисходительность въ этомъ отношеніи породила у туземцевъ твердое убѣжденіе, что они способны управлять своей страной, чему также слѣпо вѣрятъ и многіе англичане, потому что мысль эта была имъ предложена на изысканномъ языкѣ и приправлена новѣйшимъ политическимъ соусомъ.

Существуютъ еще и другіе люди, хотя и не получившіе блестящаго образованія, но, тѣмъ не менѣе, обольщающіе себя бреднями и мечтами; они также надѣются управлять страной по своему, другими словами, приправивъ ее краснымъ соусомъ. Само собою разумѣется, что подобные люди должны встрѣтиться среди двухсотъ-милліоннаго населенія, и еслибъ не было надзора, они могли бы произвести безпорядокъ и даже нечаянно опрокинуть громадный идолъ, называемый Pax Britannica, который, по словамъ газетъ, стоитъ между Пешаверомъ и мысомъ Комориномъ.

Если зарѣ суднаго дня суждено загорѣться завтра, то вы увидите, какъ верховное правительство «будетъ принимать мѣры» для успокоенія народнаго возбужденія и разставлять часовыхъ у могилъ, чтобы мертвецы выходя изъ нихъ, строились въ порядкѣ. Самый младшій изъ нашихъ гражданскихъ чиновниковъ возьметъ на свою отвѣтственность арестъ самого архангела Гавріила, если послѣдній во время не предъя-

витъ разрѣшенія «производить музыку и всякій шумъ», какъ сказано по формѣ.

Изъ всего этого можете заключить, насколько сурово обходится верховное правительство съ простыми смертными, которые хотятъ поколебать существующій порядокъ. И дѣйствительно, не выражается ни малѣйшаго признака внутренняго волненія, не производится ни малѣйшаго шума, ни одна душа ничего не знаетъ о томъ, что происходитъ. Когда достаточныя доказательства собраны, взвѣшены, одобрены—механизмъ приходитъ въ движеніе, и мечтатель исчезаетъ изъ среды своихъ друзей и единомышленниковъ. Онъ продолжаетъ пользоваться гостепріимствомъ правительства, въ извѣстныхъ предѣлахъ совершенно свободенъ въ своихъ движеніяхъ, но онъ никоимъ образомъ не долженъ имѣть общеніе съ другими мечтателями, своими братьями. Одинъ разъ въ шесть мѣсяцевъ верховное правительство удостовѣряется, что онъ здоровъ и живъ и оффиціально подтверждаетъ его существованіе. Никто не протестуетъ противъ его удаленія, потому что немногочисленные его знакомцы дрожатъ при мысли быть заподозрѣнными въ какихъ-либо сношеніяхъ съ нимъ. Ни одна газета не коснется ни за что этого случая, никогда не выскажется въ защиту его, ибо индійскія газеты, зная, что кроется въ лживой поговоркѣ: «перо сильнѣе шпаги», привыкли двигаться впередъ боязливо и осмотрительно.

Теперь вамъ извѣстно все, что нужно было узнать о Вали Дадѣ, воспитаніи массъ и верховномъ правительствѣ. Но я еще не описалъ Лалунъ. Для этого нужно, какъ сказалъ Вали Дадъ: «тысячу золотыхъ перьевъ и чернила, растворенныя мускусомъ». Ее по очереди сравнивали съ луной, съ озеромъ Диль-Сагара, съ крапчатой перепелкой, съ газелью, солнцемъ въ пустынѣ, зарей, звѣздами, молодымъ бамбукомъ. Всѣ эти сравненія только доказываютъ, что она обладала поразительной красотой, соотвѣтствующей туземному идеалу, который почти такой же, какъ на западѣ.

Ея глаза и волосы темны, брови черны, какъ піявки, крошечный ротикъ говоритъ всегда умныя рѣчи. Ея совсѣмъ маленькія ручки собирали большія деньги; ея совсѣмъ миніатюрныя ножки растоптали много людскихъ сердецъ. Но какъ поетъ Вали Дадъ: «Лалунъ есть Лалунъ, и, сказавъ это, вы только приблизились къ началу познанія».

Домикъ на городской стѣнѣ былъ какъ разъ достаточенъ для того, чтобы вмѣщать въ своихъ стѣнахъ Лалунъ, ея служанку и кошечку въ серебряномъ ошейникѣ. Большая люстра граненаго хрусталя, розоваго съ голубымъ, спускалась съ потолка пріемной залы. Какой то маленькій набабъ преподнесъ эту мерзость Лалунъ, и она берегла ее изъ вѣжливости. Полъ въ этой комнатѣ былъ сдѣланъ изъ полированнаго шунамскаго дерева и бѣлѣлъ точно заквашенное молоко. Въ одной стѣнѣ было окно съ затѣйливо вырѣзанной деревянной рѣшеткой; повсюду разбросаны мягкія подушки и толстые ковры; трубка Лалунъ,

украшенная серебромъ и бирюзой, помѣщалась на особомъ коврѣ и блестѣла отъ этого еще сильнѣе. Вали Дадъ изображалъ въ этой комнатѣ почти такую же неподвижную мебель, какъ хрустальная люстра. Какъ я уже упоминалъ, онъ постоянно лежалъ на широкомъ подоконникѣ и размышлялъ о жизни, о смерти и также о Лалунъ... больше всего о Лалунъ!

Шаги всѣхъ молодыхъ людей города направлялись невольно къ этой двери... Но далеко не всѣ переступали ея порогъ, такъ какъ Лалунъ была разборчивая особа, съ медлительной рѣчью, сдержаннымъ характеромъ, нисколько не любившая оргій, которыя почти всегда кончаются ссорой и дракой.

— Если я ничего не стою, то считаю себя недостойной этой чести,— говорила Лалунъ.—Если же стою чего-нибудь, то это будетъ недостойно меня.

И фраза эта имѣла двоякій смыслъ.

На время душныхъ апрѣльскихъ и майскихъ ночей, кажется, весь городъ собирался въ маленькой, бѣлой комнаткѣ Лалунъ. Шіахи, принадлежавшіе къ самой строгой и нетерпимой сектѣ, суфизы, утратившіе всякую вѣру въ пророка и едва вѣрившіе въ Бога, индусскіе жрецы, идущіе на югъ на большія ярмарки центральной Индіи,— пандиты (ученые) въ черномъ одѣяніи, съ очками на носу и тяжестью неудобоваримой науки на желудкѣ, сикки*)—съ новостями о послѣднемъ скандалѣ въ Золотомъ храмѣ**); священники съ красными глазами, пришедшіе съ другой стороны границы, похожіе на волковъ и каркавшіе, какъ вороны; было нѣсколько человѣкъ, носившихъ ученыя университетскія степени, весьма достойные, прекрасные ораторы. Всѣхъ этихъ людей, и еще многихъ другихъ, могли вы встрѣтить въ бѣлой залѣ домика на городской стѣнѣ. Вали Дадъ, лежа на подоконникѣ, слушалъ ихъ разговоры.

— Это—салонъ Лалунъ,—говорилъ мнѣ Вали Дадъ,—онъ носитъ эклектическій характеръ. Скажите, развѣ нельзя примѣнить къ нему это названіе? Я никогда не видалъ подобной смѣси, развѣ только въ

---

*) Сикки—воинственная и очень многочисленная секта въ Индіи. Они получили свое названіе (сиккъ—ученикъ) вслѣдствіе того, что секта ихъ была основана царемъ-гуру (учителемъ) Нанакомъ въ XVI в. Догматы этой секты очень мало извѣстны, потому что все ученіе содержится послѣдователями въ строжайшей тайнѣ. Сикки—строгіе Монотеисты, не имѣютъ кастъ, хоронятъ своихъ покойниковъ, избѣгаютъ суевѣрій, ненавидятъ мусульманъ, ведутъ довольно строгую нравственную жизнь. Они никогда не переходили ни въ мусульманство, ни въ браманизмъ, ни въ христіанство, далеко не расположены къ англичанамъ. Каждый сиккъ прибавляетъ къ своему имени слово «синхъ»—левъ.

**) Золотой храмъ выстроенъ въ 1581 г. четвертымъ царемъ-учителемъ сикковъ Раммъ-Дассомъ на берегу озера Алеритсара (озеро безсмертія). Погружаясь въ его воды, сикки получаютъ безсмертіе и отпущеніе грѣховъ.

франкмассонской ложѣ. Мнѣ пришлось разъ обѣдать тамъ съ жидомъ... іудеемъ!

Онъ плюнулъ въ городской ровъ, извинившись, что не могъ не поддаться національному чувству.

— Хотя я невѣрующій и горжусь этимъ, но до сихъ поръ не могу перестать ненавидѣть жидовъ. Лалунъ никогда не допускаетъ сюда ни одного жида.

— Но, скажите ради Бога, что же дѣлаютъ здѣсь всѣ эти господа?—прервалъ я его.

— Предаются тому занятію, которое составляетъ проклятіе нашего отечества! Они разговариваютъ; подобно аѳинянамъ, они поучаются, разсказывая постоянно что-нибудь новое. Спросите Жемчужину, она сейчасъ докажетъ вамъ, насколько извѣстны ей городскія и провинціальныя новости. Лалунъ знаетъ обо всемъ.

— Лалунъ, — спросилъ я наудачу, она бесѣдовала съ мужчиной изъ секты курдовъ, явившимся неизвѣстно откуда,—когда 175-й полкъ выступаетъ въ Агру?

— Онъ совсѣмъ не выступитъ,—отвѣчала Лалунъ, не поворачивая головы.—Вмѣсто него посылаютъ 118-й. Полкъ, про который вы спрашиваете, черезъ 3 мѣсяца пойдетъ въ Лукноу, если приказъ не отмѣнятъ.

— Вотъ видите,—сказалъ Вали Дадъ,—такъ и случится, безъ всякаго сомнѣнія. Развѣ можно узнать больше изъ вашихъ газетъ и телеграммъ? Была ли когда-нибудь наказана европейская нація даромъ болтовни? О! Индія не перестаетъ цѣлые вѣка болтать и шляться по базарамъ до тѣхъ поръ, пока не увидитъ дефилирующихъ солдатъ. Послѣдствія сего... въ томъ, что вы въ настоящее время у насъ, вмѣсто того, чтобы издыхать съ голоду въ своемъ отечествѣ, и — въ томъ, что я не магометанинъ, а — продуктъ... скверный продуктъ! А еще—въ томъ (и я обязанъ этимъ исключительно вамъ и всѣмъ вашимъ), что я не могу докончить ни одной фразы, не приведя цитаты изъ вашихъ писателей!

Онъ выпустилъ густой клубъ дыма изъ своей трубки, полуиронически, полугрустно вздохнувъ о погибшихъ надеждахъ своей юности. Вали Дадъ постоянно вздыхалъ то о томъ, то о другомъ—о родинѣ въ судьбѣ которой отчаявался, о религіи, въ которую не вѣровалъ больше, о жизни англичанъ, которую былъ окончательно неспособенъ понимать!

Лалунъ, наоборотъ, не вздыхала никогда. Она наигрывала пѣсенки на своей гитарѣ, и слушать, какъ она поетъ: «О, павлинъ, спой еще!» всегда доставляло новое наслажденіе.

Она знала всѣ пѣсни, когда-либо положенныя на музыку, начиная съ военныхъ пѣсенъ юга, которыя разжигаютъ стариковъ противъ молодежи и послѣднюю противъ государства, — до любовныхъ пѣсенъ

сѣвера, въ которыхъ среди поцѣлуевъ слышатся удары шпагъ, горныя ущелья наполняются сражающимися, возлюбленнаго отрываютъ отъ возлюбленной и онъ кричитъ: «Аи! аи!» Она умѣла приготовлять для трубки табакъ, имѣющій райскій ароматъ, дымъ котораго васъ медленно возносилъ до самыхъ дверей рая. Она вышивала причудливые узоры золотомъ и серебромъ, безшумно танцовала, освѣщенная лучомъ луны, скользящимъ въ окно. Знала, кромѣ того, сердца мужчинъ, сердце города,—мужей, которымъ жены были вѣрны, и такихъ, которымъ измѣняли. Ей было извѣстно столько тайнъ правительства, что объ этомъ не совсѣмъ умѣстно распространяться здѣсь. Ея служанка, Назгебанъ, разсказывала, что всѣ ея драгоцѣнности, навѣрное, стоятъ не меньше десяти тысячъ англійскихъ фунтовъ, и когда-нибудь явится воръ, который обокрадетъ и убьетъ ее. На это Лалунъ отвѣчала, что въ такомъ случаѣ весь городъ разорветъ этого вора въ клочки, и всякому это извѣстно.

Она взяла гитару, сѣла на окно и запѣла старинную пѣсню, сложенную въ вооруженномъ лагерѣ такой же дѣвушкой, какъ она, наканунѣ рѣшительной битвы, когда волны Джумны текли красныя отъ крови, когда Сиваджи убѣжалъ въ Дели, сдѣлавъ не останавливаясь пятьсотъ миль, съ турецкимъ жеребцомъ позади своей лошади, перекинувъ черезъ сѣдло другую, такую же Лалунъ. Пѣсня кончалась словами: «Рискуя своей головой», и все общество повторяло хоромъ этотъ припѣвъ.

— Рискуя своей головой!—повторилъ мнѣ по-англійски Вали Дадъ.— По милости вашего правительства, всѣ наши головы охраняются, а благодаря снисходительности дарованнаго мнѣ образованія, — онъ коварно подмигнулъ глазомъ,—я могу даже сдѣлаться замѣтнымъ членомъ мѣстной администраціи, а современемъ, быть можетъ, и членомъ законодательнаго собранія.

— Запрещено разговаривать по-англійски!—сказала Лалунъ, снова склонившись надъ гитарой.

Общество опять подхватило припѣвъ и голоса понеслись отъ городскихъ стѣнъ къ почернѣвшей крѣпости Амара, возвышавшейся надъ городомъ. Никто не знаетъ точно пространства, занимаемаго крѣпостью Амара. Нѣсколько вѣковъ тому назадъ ее строили три императора, и разсказываютъ, что подъ ея стѣнами, на протяженіи многихъ миль, тянутся длиннѣйшія подземелья. Они населены призраками, отрядомъ крѣпостной артиллеріи и ротой пѣхоты. Въ свои лучшіе дни подземелья вмѣщали до десятка тысячъ людей и рвы его наполнялись трупами.

— «Рискуя своей головой!»—повторяла Лалунъ во весь голосъ.

Надъ крѣпостной стѣной показалась сѣдая старческая голова. Грубый, рѣзкій голосъ, повторивъ послѣдній куплетъ, продолжалъ пѣсню дальше; словъ ея я не понялъ, но Лалунъ и Вали-Дадъ слушали со вниманіемъ.

— Кто это?—спросилъ я.—Кто же это, тамъ?

— Умный человѣкъ,—отвѣчалъ Вали Дадъ.—Совсѣмъ ребенкомъ онъ сражался противъ васъ въ 1846 г., затѣмъ началъ снова въ 1855 г., пытался сдѣлать тоже въ 1871-мъ, но вы быстро шагнули впередъ въ искусствѣ разрывать людей на части вашими снарядами. Теперь онъ старъ, но не прочь драться еще, если представится случай.

— Значитъ, онъ—вагаби? Почему же поетъ онъ эту пѣсню, если онъ вагаби, или сиккъ?

— Не знаю,—отвѣчалъ Вали Дадъ,—быть можетъ онъ отступился отъ своей вѣры. Быть можетъ, хочетъ стать королемъ, а можетъ быть уже—король. Я не знаю его имени.

— Вы лжете, Вали Дадъ. Если вамъ извѣстна его жизнь, то извѣстно и имя.

— Совершенно вѣрно, я принадлежу къ націи лгуновъ. Предпочитаю не называть его, догадайтесь сами.

Лалунъ окончила пѣсню, и указавъ на крѣпость рукой, просто сказала:

— Кемъ-Синхъ.

— Гм!—проворчалъ Вали Дадъ.—Если Жемчужинѣ угодно было назвать вамъ его, то она, просто, сошла съ ума.

Я перевелъ эту фразу Лалунѣ, которая отъ души смѣялась надъ ней.

— Я говорю всегда то, что мнѣ слѣдуетъ сказать. Кемъ-Синха держали въ Бурмѣ въ тюрьмѣ; тамъ оставался онъ до тѣхъ поръ, пока умъ его не сдѣлался другимъ. Такъ далеко заходитъ доброта правительства! Замѣтивъ это, его прислали въ свою страну, чтобы онъ взглянулъ на нее передъ смертью. Онъ сдѣлался совсѣмъ старикомъ, но когда увидалъ землю, принадлежавшую ему, память стала понемногу возвращаться къ нему. Кромѣ того, здѣсь живы еще многіе, которые помнятъ его.

— Преинтересная развалина! —сказалъ Вали Дадъ, раскуривая трубку.—Онъ возвратился въ страну, переполненную политическими и преобразовательными реформами, но, какъ сказала Жемчужина, многіе здѣсь еще не забыли его. Да, когда-то это былъ великій человѣкъ! Въ Индіи никогда уже больше не будетъ великихъ людей. Всѣ начнутъ раболѣпствовать съ пеленокъ передъ чужими богами и сдѣлаются гражданами—«наши сограждане, достойные сограждане»—развѣ не такъ называютъ ихъ туземные газеты?

Вали Дадъ пришелъ въ дурное настроеніе; Лалунъ смотрѣла изъ окна и улыбалась. Я вышелъ, раздумывая о Кемъ-Синхѣ, который былъ когда-то живымъ дѣятелемъ исторіи, стоя во главѣ тысячи партизановъ; онъ могъ бы теперь быть царькомъ, еслибъ не существовало власти вышеупомянутаго верховнаго правительства.

Капитанъ, начальствовавшій надъ крѣпостью Амара, находился въ отпуску, но замѣнявшій его лейтенантъ часто посѣщалъ клубъ, гдѣ я

его и встрѣчалъ. Какъ-то я спросилъ его: правда ли, что политическій арестантъ присланъ въ крѣпость? Лейтенантъ сейчасъ же далъ мнѣ подробныя разъясненія: онъ начальствовалъ въ первый разъ надъ крѣпостью и честь эта немного тяготила его.

— Да, дней восемь тому назадъ, мнѣ прислали одного человѣка, настоящаго джентльмена, кто бы онъ ни былъ. Разумѣется, я сдѣлалъ для него все, что могъ. Онъ привезъ съ собой двухъ слугъ, серебряную посуду и самъ похожъ на туземнаго офицера. Я называю его Субхадаръ-Саибъ. «Вотъ что, Субхадаръ-Саибъ, — сказалъ я ему,— вы ввѣрены моему надзору. Будьте увѣрены, что я не стану къ вамъ относиться черезчуръ строго, но помогайте же и сами мнѣ немножко. Вся крѣпость въ вашемъ распоряженіи, начиная отъ шеста, на которомъ виситъ флагъ, до дна рва включительно; я буду радъ развлечь васъ чѣмъ могу, только не злоупотребляйте этимъ. Дайте мнѣ слово, что не сдѣлаете попытки къ побѣгу, Субхадаръ-Саибъ, и я честью клянусь, что за вами не будутъ слѣдовать по пятамъ». Я разсчиталъ, что лучшій способъ дѣйствія—идти на прямикъ, и клянусь Юпитеромъ, не ошибся! Старикъ далъ мнѣ слово и прогуливается теперь по всему двору, такой же довольный, какъ подстрѣленный воронъ. Онъ— славный малый! Разсматриваетъ съ интересомъ, куда онъ попалъ, для чего предназначаются зданія, которыми онъ окруженъ. Когда его привезли, я долженъ былъ расписаться на голубомъ листѣ, засвидѣтельствовать, что принялъ его особу и т. п. и понимаете, отвѣчаю, чтобы онъ не убѣжалъ. Но все-таки, глупо слѣдить, какъ за ребенкомъ, за молодцомъ, который можетъ годиться тебѣ въ дѣды, не такъ ли? Заходите какъ-нибудь въ крѣпость, я вамъ покажу его.

По причинамъ, которыя обнаружатся дальше, я не попалъ въ крѣпость, пока Кемъ-Синхъ находился въ ея стѣнахъ. Я только и ограничился знакомствомъ съ его сѣдой головой, видѣнной мною изъ окна Лалунъ,—съ головой и рѣзкимъ голосомъ. Но туземцы разсказывали мнѣ, что съ каждымъ днемъ, чѣмъ больше глядѣлъ онъ на крѣпость Амара и ея красивыя окрестности, все больше возвращалась къ нему память, и вмѣстѣ съ ней ненависть къ правительству англичанъ, которая почти сгладилась въ далекой Бирмѣ. Съ утра до полудня и съ вечера до поздней ночи, шагалъ онъ, клокоча бѣшенствомъ, по восточной части крѣпости, уносясь мыслью въ безумныя мечты, хрипя военныя пѣсни, каждый разъ какъ слышалъ пѣніе Лалунъ на городской стѣнѣ. По мѣрѣ того, какъ росла близость между лейтенантомъ его тюремщикомъ, онъ облегчалъ передъ нимъ свою душу, снимая съ нея тяжесть какой-нибудь страсти, давившей его прежде.

— Саибъ! — говорилъ онъ, ударяя палкой по парапету, — когда я былъ молодъ, саибъ, я принадлежалъ къ тѣмъ двадцати тысячамъ всадниковъ, которые выступили изъ города и разъѣзжали по этой самой долинѣ. Я предводительствовалъ сотней, саибъ, потомъ—тысячью, пятью тысячами, а теперь...

Онъ указалъ пальцемъ на своихъ двухъ слугъ.

— Но съ перваго дня до нынѣшняго, я не оставилъ желанія перерѣзать горло—если явится возможность—всѣмъ англичанамъ въ этой странѣ. Стерегите меня хорошенько, саибъ, чтобы я не убѣжалъ и не возвратился къ тѣмъ, которые только и ждутъ послѣдовать за мной. Тамъ—въ Бурмѣ я забылъ о нихъ; но теперь, какъ только вернулся на родину, вспомнилъ обо всемъ.

— А вы не забыли о томъ, что дали честное слово не подводить меня?—спросилъ лейтенантъ.

— Да, вамъ, и только одному вамъ,—отвѣчалъ Кемъ-Синхъ,—я далъ это обѣщаніе, потому что у васъ хорошее лицо. Когда придетъ моя очередь, саибъ, я не стану вѣшать васъ и рѣзать вамъ горло.

— Благодарю васъ,—серьезно отвѣчалъ лейтенантъ, смотря на рядъ пушекъ, которыя меньше чѣмъ въ полчаса могли бы превратить въ пыль весь городъ.—Вернемся назадъ, Кемъ-Синхъ. Послѣ обѣда поболтаемъ опять!

Кемъ-Синхъ усаживался на подушкѣ у ногъ лейтенанта, пилъ большими глотками анисовую водку и разсказывалъ удивительныя исторіи о крѣпости Амара, бывшей въ старину дворцомъ,—исторіи о Бегумѣ и Рани, замученныхъ здѣсь на смерть, да, въ этой самой залѣ, гдѣ теперь служатъ обѣдню! Онъ разсказывалъ о Собраонѣ такія вещи, слушать которыя лейтенантъ не могъ безъ краски негодованія, заливавшей его лицо; говорилъ о возстаніи куковъ *), на которое возлагались такія громадныя надежды. Но никогда не говорилъ онъ о 1857 годѣ, считая себя гостемъ лейтенанта, а это такой годъ, о которомъ ни одинъ человѣкъ, ни бѣлый, ни черный разсказывать не станетъ.

Только одинъ разъ, когда анисовая водка ударила ему въ голову, у него вырвались слова:

— Саибъ, поговоримъ теперь по поводу того, что произошло между Собраономъ и возстаніемъ куковъ: мы всегда удивлялись, какъ могла рука ваша остановиться наносить удары, и какъ, удержавъ ее, вы не обратили всю страну въ громадную тюрьму? Я слышалъ теперь, что вы чествуете людей нашей націи и собственными руками уничтожаете тотъ страхъ передъ именемъ англичанъ, которой составляетъ вашу силу и защиту. Это безуміе. Развѣ можно смѣшать воду съ масломъ? Въ 1857 году...

— Меня тогда еще не было на свѣтѣ, Субхадаръ-Саибъ,—перервалъ его молодой офицеръ, и Кемъ-Синхъ, покачиваясь, пошелъ къ себѣ.

Лейтенантъ передавалъ мнѣ эти разговоры въ клубѣ, и разумѣется мое желаніе видѣть Кемъ-Синха все возрастало. Но Вали Дадъ, рас-

*) Куки—тайная политическая секта сикковъ, отлично организованная, но также мало извѣстная. Члены ея связаны страшными клятвами никогда не выдавать тайнъ своего ученія и безпрекословно повиноваться своимъ начальникамъ. Всѣ куки отличаются еще большей враждебностью къ англичанамъ, чѣмъ сикхи.

тянувшись на окнѣ маленькаго домика на городской стѣнѣ, говорилъ, что жестоко идти смотрѣть, бѣднаго старика, а Лалунъ упрекала меня въ томъ, что я собираюсь предпочесть общество сѣдого Синха ей самой.

— Здѣсь — табакъ, разговоры, много друзей и всѣ городскія новости. А главное — я, я! Я буду вамъ разсказывать сказки, пѣть пѣсни, а Вали Дадъ станетъ нашептывать великую англійскую чепуху! Неужели вамъ пріятнѣе смотрѣть тамъ на это животное въ клѣткѣ? Пойдете завтра, если такъ ужъ нужно, а сегодня хотѣли придти сюда такой-то и такой-то — поболтаемъ объ интересныхъ вещахъ.

Случилось такъ, что завтра не настало никогда. Теплая погода запоздавшихъ дождей быстро смѣнилась холодами въ началѣ октября, и я не замѣтилъ, какъ прошло время. Комендатъ крѣпости вернулся изъ отпуска и по законамъ іерархіи принялъ подъ свое начальство и заключеннаго въ ней. Капитанъ былъ человѣкъ не особенно любезный, называлъ всѣхъ туземцевъ неграми, что, кромѣ отвратительнаго образованія, доказывало грубѣйшее невѣжество.

— За какимъ чортомъ, приставили двоихъ людей для наблюденія за этомъ черномазымъ негромъ? — спросилъ онъ.

— Я думаю, — отвѣчалъ лейтенатъ, — что это льститъ его тщесловію. Людямъ приказано не надоѣдать ему, и онъ считаетъ ихъ присутствіе за почесть, воздаваемую его важной особѣ, бѣдное старое животное!

— Я не желаю отрывать англійскихъ солдатъ отъ ихъ служебныхъ занятій. Замѣните ихъ туземными солдатами.

— Сикками? — удивлено спросилъ молодой офицеръ.

— Сикками, патанами, доградами, всѣ они — одинъ и тотъ же сбродъ.

Своимъ обращеніемъ капитанъ сильно оскорблялъ стараго бунтовщика. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда онъ былъ арестованъ во второй разъ, на него смотрѣли какъ на тигра, и ему нравилось это. Но онъ забылъ, что за пятнадцать лѣтъ свѣтъ шагнулъ впередъ и много лейтенантовъ сдѣлались капитанами.

— Что, этотъ боровъ — капитанъ все еще командуетъ въ крѣпости? — каждое утро спрашивалъ Кемъ-Синхъ у своего стража.

Тотъ отвѣчалъ: «Такъ точно, Субхадаръ-Саибъ!» проникнутый почтительностью къ его лѣтамъ и важной осанкѣ. Ни одинъ человѣкъ изъ стражи не зналъ, кто былъ арестантъ.

Всѣ эти дни множество народа собиралось у Лалунъ и маленькая бѣлая комнатка никогда не слыхала такой болтовни.

— Греки, — говорилъ Вали Дадъ, не пореставашій брать у меня книги для чтенія, — жители города Аѳинъ постояно поучались изъ разговоровъ, крѣпко запирали своихъ женщинъ, потому что бо́льшая часть послѣднихъ была глупа. Отсюда получило начало существованіе гетеръ — вѣрно ли это слово? — которыя были интересны и далеко не глупы. Всѣ греческіе философы наслаждались ихъ обществомъ. Раз-

скажите мнѣ, другъ, что происходитъ теперь въ Греціи и другихъ странахъ Европы? А ваши женщины—тоже глупы?

— Вали Дадъ! Никогда не разговаривайте со мной о вашихъ женщинахъ и не будемъ говорить о нашихъ. Мы не поймемъ другъ друга.

— Да, пожалуй, но любопытно, что мы собираемся здѣсь подъ кровлей этой простой... Какъ назовете вы ее?

Онъ указалъ чубукомъ своей трубки на Лалунъ.

— Лалунъ есть Лалунъ и никто другой,—откровено сказалъ я.—Но если вы займете въ свѣтѣ мѣсто, какое вамъ слѣдуетъ, Вали Дадъ, если вы оставите свои пустыя мечтанія...

— То я буду носить англійскіе панталоны и сюртукъ, могу сдѣлаться защитникомъ магометанъ. Могу быть даже допущенъ къ партіи тенниса у главнаго правительственаго чиновника, въ которой на одной сторонѣ играютъ англичане, а на другой—туземцы, для поощренія соціанальныхъ отношеній между обоими народами имперіи. Сердце моего сердца,—быстро орбатился онъ къ Лалунъ,—саибъ говоритъ, что я долженъ тебя покинуть.

— Саибъ всегда болтаетъ нелѣпости,—смѣясь возразила Лалунъ.—Въ этомъ домѣ я—королева, а ты—король. Саибъ,—она подняла руки надъ головой и на минуту задумалась, — саибъ будетъ нашимъ визиремъ, твоимъ и моимъ, Вали Дадъ, такъ какъ онъ сказалъ, что ты долженъ меня оставить!

— Пусть такъ и будетъ!—отвѣчалъ онъ. Другъ! согласны принять это доходное мѣстечко?—Лалунъ! какое же жалованье назначить намъ ему?

Но Лалунъ начала пѣть, и въ продолженіи цѣлаго вечера не было никакой возможности добиться отъ нея и Вали Дада какого-нибудь разумнаго отвѣта.

Когда умолкала Лалунъ, Вали Дадъ начиналъ декламировать персидскіе стихи съ тройной игрой словъ, заканчивавшей каждый куплетъ. Нѣкоторые каламбуры были не вполнѣ приличны, но всѣ очень смѣшны; эта декламація продолжалась до тѣхъ поръ, пока человѣкъ крупнаго сложенія, одѣтый въ черное, съ золотымъ пенснэ на носу, не шепнулъ своего имени Лалунъ. Вали Дадъ сейчасъ же увелъ меня подъ сѣнь темной ночи, гдѣ мы долго шагали по обширному саду, наполненному розами, а онъ извергалъ безчисленныя ереси относительно религіи, правительства и образа жизни каждаго изъ насъ.

Приближался Мохоррумъ, великій магометанскій праздникъ скорби, и то, что проповѣдывалъ Вали Дадъ противъ религіознаго фанатизма, исключило бы изъ послѣдователей Магомета самаго свободомыслящаго. Вокругъ насъ благоухали розовые кусты, надъ нами сіяли звѣзды, а со стороны всѣхъ магометанскихъ кварталовъ города доносилась звучная барабанная дробь Мохоррума.

Надо вамъ замѣтить, что городъ почти поровну раздѣляется между индусами и магометанами, а такъ какъ исповѣдующіе ту и другую ре-

лигію принадлежатъ къ воинственному племени, то религіозное празднество непремѣнно влечетъ за собой много предлоговъ для ссоръ. Если индусы могутъ, лучше сказать,—если власти обнаружатъ слабость это дозволить, то они сами устраиваютъ какой-нибудь свой небольшой праздникъ во время всеобщихъ завываній о мученикахъ Гассанѣ о Гуссейнѣ — герояхъ Мохоррума. Такъ называемыя таціи — изображенія ихъ гробницъ — сдѣланныя изъ золотой раскрашенной бумаги, несутъ подъ аккомпаниментъ криковъ, воплей, музыки, съ факелами и дикими завываніями по улицамъ города. Маршрутъ заранѣе строго предписывается полиціей, и отряды полисменовъ сопровождаютъ каждую тацію, изъ опасенія, чтобы индусы не пускали въ нее каменьями и спокойствіе англійской королевы, равно какъ и головы ея вѣрноподданныхъ, не пострадали отъ этого. Время Мохоррума въ томъ городѣ, гдѣ всегда дерутся съ такимъ удовольствіемъ, является наиболѣе непріятнымъ и хлопотливымъ для всякаго лица, занимающаго какой-нибудь оффиціальный постъ, ибо если произойдетъ свалка, то отвѣтятъ за нее правительственные чиновники, а не туземцы. Первые обязаны предвидѣть все, и не прибѣгая къ излишнимъ предосторожностямъ, должны тѣмъ не менѣе обладать твердою увѣренностью, что принятыя ими мѣры достаточны.

— Вслушайтесь въ эти барабаны!—сказалъ Вали Дадъ.—Они даютъ вѣрное представленіе о сердцѣ народа, которое настолько же шумливо, насколько пусто! Чѣмъ, думаете вы, въ этомъ году окончится Мохоррумъ? Мнѣ кажется, будетъ изрядная потасовка!

Онъ скользнулъ въ боковую улицу, оставивъ меня одного со звѣздами и соннымъ полицейскимъ патрулемъ.

Я отправился домой спать и видѣлъ во снѣ, какъ Вали Дадъ предавалъ разграбленію городъ, а я былъ визиремъ и, въ знакъ моего достоинства, носилъ серебряную трубку Лалунъ.

Весь слѣдующій день по городу гремѣли барабаны Мохоррума, а индусскія депутаціи, проливая слезы, осаждали уполномоченнаго представителя власти, увѣряя его, что будутъ перерѣзаны магометанами до появленія слѣдующей зари.

— Вотъ это,—конфиденціально сообщалъ представитель власти начальнику полиціи,—и служитъ, болѣе или менѣе, положительнымъ указаніемъ на то, что индусы надѣлаютъ намъ хлопотъ. Не приготовить ли намъ для нихъ маленькій сюрпризъ? Я предупредилъ вожаковъ той и другой партіи, что если они не послушаютъ моихъ совѣтовъ, тѣмъ будетъ хуже для нихъ.

Въ этотъ вечеръ у Лалунъ было опять многочисленое собраніе, состоявшее изъ людей, которыхъ я еще не встрѣчалъ, за исключеніемъ толстаго господина въ золотомъ пенснэ. Вали Дадъ растянулся въ оконной нишѣ, болѣе чѣмъ когда-либо презрительно настроенный противъ своихъ единовѣрцевъ. До насъ долеталъ трескъ барабановъ,

*

когда процессіи, проводивъ каждую тацію, сходились вмѣстѣ на широкой равнинѣ за городомъ, готовясь къ тріумфальному возвращенію и дефилированію по городу. Всѣ улицы пылали отъ разставленныхъ факеловъ. Только одна крѣпость Амара была молчалива и черна.

Когда грохотъ барабановъ прекратился, въ комнатѣ нѣсколько минутъ царило молчаніе.

— Первую тацію пронесли!—сказалъ Вали Дадъ, смотрѣвшій изъ окна на равнину.

— Довольно рано, — замѣтилъ человѣкъ въ пенснэ. — Только половина девятаго.

Общество поднялось, чтобы расходиться.

— Нѣкоторые изъ этихъ людей прибыли изъ Лондона, — сказалъ Лалунъ съ уходомъ послѣдняго человѣка.—Они принесли мнѣ кирпичнаго чаю, который продаютъ въ Россіи, и чайникъ изъ Пешавера. Покажите мнѣ, какъ англійскія memsahib (дамы) готовятъ чай.

Этотъ кирпичный чай былъ отвратителенъ. Когда мы проглотили его, Вали Дадъ предложилъ мнѣ прогуляться по улицамъ.

— Я почти убѣжденъ, что сегодня ночью произойдетъ свалка. Весь городъ ждетъ этого, а vox populi—vox Dei, какъ говорятъ бабу (ученые). Предупреждаю, что всю ночь лошадь моя будетъ стоять у воротъ Падшаи, если хотите проѣхаться и посмотрѣть. Только, вѣдь, это отвратительное зрѣлище. Ну, какое удовольствіе находятъ люди въ томъ, что безпрестанно повторяютъ: «Йя-Гассанъ, Йя-Гуссейнъ»—двадцать тысячъ разъ въ теченіе ночи?

Всѣ процессіи—ихъ было двадцать двѣ—теперь возвратились въ стѣны города. Барабаны грохотали сильнѣе, чѣмъ прежде, толпа завывала «Йя-Гассанъ, Йя-Гуссейнъ», колотя себя въ грудь, мѣдные инструменты гудѣли на всѣхъ перекресткахъ, магометанскіе проповѣдники разсказывали жалостливыя исторіи о своихъ мученикахъ. Не было никакой возможности сдѣлать ни одного шага въ другомъ направленіи, чѣмъ двигалась толпа, такъ какъ улицы были не шире двадцати футовъ. Въ индусскихъ кварталахъ всѣ лавки были заперты и окна закрыты ставнями. Когда показалась первая тація, блестящее сооруженіе футовъ десяти въ вышину, двигаясь въ неясномъ сумракѣ улицы Всадниковъ, которую несли на плечахъ человѣкъ двадцать сильныхъ мужчинъ, ловко пущенный камень раздробилъ ей бокъ, сдѣланный изъ талька и золоченой бумаги.

— Прими въ свои руки, Творецъ!—пробормоталъ нечестивый Вали Дадъ въ то время, какъ сзади насъ неистово заревѣла толпа, а туземный полицейскій сталъ съ силою проталкивать сквозь нея свою лошадь. За первымъ ударомъ послѣдовалъ второй, тація покачнулась на основаніи и остановилась.

— Впередъ, именемъ Сирхара, впередъ! — кричалъ полицейскій. — Послышался зловѣщій трескъ открывающихся ставень, толпа съ бѣшенымъ рычаньемъ остановилась передъ домомъ, откуда вылетѣли камни.

И буря разразилась сразу не только на улицѣ Всадниковъ, но и въ полудюжинѣ другихъ. Таціи качались, какъ лодки на зыбкомъ морѣ; факелы, привязанные къ концамъ длинныхъ палокъ, нагибались и выпрямлялись вокругъ нихъ; мужчины кричали: «индусы безчестятъ наши таціи! бить ихъ! бить! Идемъ къ ихъ храмамъ! Отмстимъ за вѣру!» Шесть или восемь полицейскихъ, размахивая своими палками, колотили направо и налѣво изо всей силы, надѣясь заставить подвигаться процессію, но скоро были смяты сами: множество индусовъ хлынуло на улицы и побоище сдѣлалось общимъ. Немного дальше, гдѣ таціи еще оставались неприкосновенными, барабаны и вопли «Йя-Гассанъ, Йя-Гуссейнъ!» продолжались, но не надолго. Проповѣдники, стоявшіе на перекресткахъ улицъ, выломали деревянныя ножки, на которыхъ держались ихъ импровизированныя каѳедры, и колотили ими направо и налѣво во имя вѣры. Изъ всѣхъ домовъ сыпался каменный дождь, попадавшій въ друзей и недруговъ, стоявшихъ на улицѣ плотной дико ревущей толпой; одна изъ тацій вспыхнула, ее спустили на землю на перекресткѣ улицы, и она изображала пылающій барьеръ между мусульманами и индусами. Затѣмъ, толпа снова ринулась впередъ, и Вали Дадъ оттащилъ меня къ каменной оградѣ колодца.

— Я говорилъ, что это подготовляется съ самаго начала! — крикнулъ онъ мнѣ на ухо съ такой страстностью, которой, казалось, было мало мѣста при его безграничномъ скептицизмѣ.—Камни были приготовлены заранѣе въ домахъ. Пусть берегутся свиньи индусы! Сегодня вечеромъ мы передушимъ коровъ въ ихъ храмахъ!

Быстро двигались тацiя за таціей; нѣкоторыя сверху до низу пылали, другія были разорваны въ клочки; толпа, несущая ихъ, неистово орала, ударяясь во время поспѣшнаго бѣгства въ двери домовъ. Наконецъ, мы замѣтили причину такого быстраго движенія: окружной полицейскій надзиратель, малый лѣтъ двадцати, собралъ тридцать констеблей и гналъ толпу по улицамъ. Его старая сѣрая кляча покорно протискивалась черезъ народъ, а громадный арапникъ въ рукахъ не переставалъ дѣйствовать ни на секунду.

— Они понимаютъ, что у насъ не хватаетъ полиціи, чтобы удержать ихъ,—крикнулъ онъ мнѣ, вытирая кровавый рубецъ на лицѣ.—О! они отлично это понимаютъ! Нѣтъ ли кого въ клубѣ на помощь намъ? Двигайтесь же, дьяволы!

Арапникъ хлестнулъ по спинамъ, которыя напрасно пытались защищаться, констебли снова принялись разсыпать палками и ружейными прикладами удары направо и налѣво. Вали Дадъ вполголоса посылалъ проклятія; съ крѣпости Амара взвилась сначала одна ракета, слѣдомъ за ней—другая. Это былъ знакъ къ выступленію войска.

Петиттъ, важное административное лицо, покрытый пылью и потомъ, но со спокойной улыбкой на лицѣ, гарцовалъ на лошади по очищенной уже улицѣ, сопровождая главную кучку зачинщиковъ.

— Пока еще ни одного убитаго!—закричалъ онъ мнѣ.—Я заставлю ихъ пробѣгаться до зари.—Не позволяйте имъ останавливаться! Пусть бѣгутъ рысью до прибытія войска.

Вся тактика обороны просто-на-просто состояла въ томъ, чтобы заставить бунтовщиковъ находиться въ непрестанномъ движеніи. Еслибъ имъ дали время остановиться, перевести духъ, они сейчасъ же подожгли бы какой-нибудь домъ. Тогда задача возстановить порядокъ сдѣлалась бы очень трудной, почти невозможной. Пожаръ производитъ на толпу такое же дѣйствіе, какъ видъ крови на дикихъ животныхъ.

Слухъ объ уличной свалкѣ долетѣлъ до клуба, и высыпавшіе оттуда мужчины начали помогать гнать по улицамъ ревущую толпу, вооружившись чѣмъ попало, хлыстами, палками, ремнями. Зрѣлище было странное: отъ тацій остались однѣ пустыя носилки, полиція также исчезла. Только кое-гдѣ нѣкоторыя муниципальныя власти - индусы тщетно умоляли своихъ единовѣрцевъ успокоиться. Въ благодарность за эти совѣты, толпа осыпала ихъ насмѣшками и дергала за сѣдыя бороды. Люди машинально наносили удары палками, хватали другъ друга за горло, ругаясь, хрипя отъ бѣшенства, колотя кулаками въ двери домовъ.

— Хорошо еще, что они прибѣгаютъ только къ естественному оружію,—сказалъ я Вали Даду,—не то погибла бы половина города.

Сказавъ это, я обернулся и посмотрѣлъ на него. Ноздри его были расширены, глаза устремлены въ одну точку и онъ тихо билъ себя въ грудь. Толпа все двигалась и шумѣла; кучка мусульманъ тѣсно сжимала нѣсколькихъ индусовъ-фанатиковъ; вдругъ Вали Дадъ бросился отъ меня съ крикомъ: «Йя-Гассанъ, Йя-Гуссейнъ!» въ самую середину драки, и я потерялъ его изъ виду. Повернувъ въ боковую улицу, я добрался до воротъ Падшаи, гдѣ стояла лошадь Вали Дада, и оттуда поскакалъ въ крѣпость. Вдали отъ города шумъ превратился въ глухой ревъ. Войска, получивъ приказъ выстроиться безъ шума около крѣпости, казались совершенно спокойными. Двѣ роты туземной пѣхоты, отрядъ туземной кавалеріи и рота англійскихъ пѣхотинцевъ у стѣнъ крѣпости ждали команды выступать. Мнѣ больно сознаться, что у всѣхъ на лицахъ выражалась радость, преступная радость, случаю «позабыться чуточку».

Правда, старый комендатъ ворчалъ, что ему не даютъ спать, и англичане старались наружно выказать дурное расположеніе духа, но сердца всѣхъ молодыхъ офицеровъ радостно бились и шепотъ пробѣгалъ по рядамъ.

— Безъ боевыхъ патроновъ! Это постыдно! Отвратительно! Неужели, эти животныя устоятъ противъ насъ? Намъ не позволяютъ даже обнажить шпагу! Ура! Вотъ четвертая ракета! Сдвинь ряды! Маршъ!

Крѣпостная артиллерія, до послѣдней минуты обольщавшая себя мечтой, что ей прикажутъ на разстояніи ста аршинъ произвести бом-

бардировку города, вытянулась вдоль парапета надъ восточными воротами, привѣтствуя криками англійскую пѣхоту, которая скорымъ шагомъ приближалась къ главнымъ воротамъ. Кавалерія донеслась галопомъ до воротъ Падшаи, а туземная пѣхота тихо подвигалась къ воротамъ Мясниковъ. Появленіе войскъ явилось непріятнымъ сюрпризомъ для бунтовщиковъ, въ особенности послѣ того, какъ они сдѣлали нападеніе на полицію, мѣшавшую имъ поджигать дома индусовъ. Центръ стычки былъ въ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ кварталахъ; восточная и южная части города были погружены въ мракъ и тишину. Я торопливо добрался до домика Лалунъ, собираясь попросить послать когонибудь на поиски Вали Дала. Домъ былъ не освѣщенъ, но дверь открыта, и я ощупью поднялся по лѣстницѣ. Маленькая лампа въ бѣлой комнаткѣ кидала свѣтъ на Лалунъ и ея служанку, перевѣсившихся до половины корпуса изъ окна, задыхавшихся отъ усилій поднять какую-то тяжесть, которая съ трудомъ поддавалась имъ.

— Ты опоздалъ... Очень запоздалъ!—сказала запыхавшаяся Лалунъ, не поворачивая головы.—Помоги же, глупецъ, если ты не потерялъ всѣ свои силы около тацій. Тащи же! Мы съ Назибанъ не въ силахъ больше! О, саибъ! Это вы? Индусы загнали палками въ ровъ старика мусульманина и убьютъ его совсѣмъ, если найдутъ опять! Ради Бога, помогите намъ поднять его!

Я схватилъ обѣими руками длинный красный шелковый поясъ, спускавшійся изъ окна, и мы стали изо всѣхъ силъ тащить его втроемъ. На концѣ пояса висѣло что-то очень тяжелое, которое ругалось на незнакомомъ языкѣ каждый разъ, какъ ударялось объ стѣну.

— Тащите, тащите же!—умоляла Лалунъ.

Вдругъ, пара коричневыхъ рукъ уцѣпилась за окно и почтенный мусульманинъ перекувырнулся на полъ. Подбородокъ его былъ обвязанъ платкомъ, тюрбанъ съѣхалъ на самые глаза; весь онъ былъ въ пыли и казался взбѣшеннымъ.

Лалунъ закрыла лицо руками и произнесла нѣсколько словъ, которыхъ я не разслышалъ какъ слѣдуетъ, но понялъ, что дѣло шло о Вали Дадѣ.

Вдругъ, къ моему полнѣйшему удовольствію, она обвила мою шею руками и стала нашептывать мнѣ нѣжныя рѣчи, которыя я не торопился прерывать. Назибанъ изъ деликатности отвернулась къ громадному сундуку съ драгоцѣнностями, стоявшему въ углу комнаты и начала рыться въ немъ. Сидѣвшій на полу мусульманинъ глядѣлъ на насъ свирѣпымъ взглядомъ.

— Окажи мнѣ еще услугу, саибъ, потому что ты явился кстати, сказала Лалунъ.—Проводи (какъ сладко было слышать, какъ Лалунъ говорила мнѣ «ты»), проводи черезъ городъ этого бѣднаго старика! Вездѣ солдаты, а онъ такъ дряхлъ и разбитъ! Доведи его до Кумхарзенскихъ воротъ; тамъ онъ найдетъ повозку, которая доставитъ его

домой. Это — мой другъ... а ты... больше чѣмъ другъ, потому я и прошу тебя!

Назибанъ, наклонившись къ старику, сунула ему что-то въ поясъ, я помогъ ему подняться и мы вышли на улицу. Пересѣкая городъ съ востока къ западу, невозможно было не натолкнуться на войска и толпу. Не доходя до поворота на улицу Всадниковъ, я услыхалъ кричавшихъ во все горло англійскихъ солдатъ: «Ну, дьяволы! Ну, бездѣльники! Подвигайтесь!» и рычанье толпы, на которую сыпались удары ружейныхъ прикладовъ. Ни одного штыка не было извлечено изъ ноженъ, солдаты колотили карабинами по голымъ спинамъ туземцевъ. Взявъ старика за кисть руки, я ощутилъ надѣтый на ней браслетъ — желѣзный обручъ, который носили сикки, но ни малѣйшаго подозрѣнія не мелькнуло въ моей головѣ, потому что десять минутъ тому назадъ Лалунъ еще обвивала меня своими руками. Три раза насъ оттирала толпа, и когда мы миновали англійскую пѣхоту, то встрѣтили кавалерію сикковъ, гнавшую впереди себя рукоятками своихъ копій цѣлую толпу изступленныхъ фанатиковъ.

— Кто эти собаки?—спросилъ старикъ.

— Конница сикковъ,—отвѣчалъ я.

Съ большимъ трудомъ протискались мы до ряда лошадей, расположенныхъ во фронтѣ. Уполномоченный округа былъ окруженъ толпой членовъ клуба, такъ много помогавшихъ полиціи въ качествѣ добровольцевъ-констеблей.

— Мы заставимъ ихъ побѣгать до свѣту,—сказалъ Петиттъ.—Гдѣ вы подобрали эту образину?—обратился онъ ко мнѣ.

Я только успѣлъ отвѣтить:—«Онъ подъ защитой Сиркара»,—какъ волна народа, бѣгущая отъ туземныхъ пѣхотинцевъ, отбросила насъ на сотню аршинъ ближе къ Кумхарзенскимъ воротамъ и Петиттъ исчезъ, какъ тѣнь.

— Я не понимаю... ничего не вижу... все это ново для меня, — простоналъ мой спутникъ.—Сколько войска въ городѣ?

— Вѣроятно, человѣкъ пятьсотъ—отвѣчалъ я.

— Столько народу перебили пятьсотъ англичанъ, и между ними есть сикки! Конечно, я старъ, но... новыя Кумхарзенскія ворота? Кто же разрушилъ прежнихъ каменныхъ львовъ? Я старъ теперь, саибъ... очень старъ... увы, я не могу держатся на ногахъ!..

Онъ упалъ на землю у Кумхарзенскихъ воротъ, гдѣ все было покойно. Высокій человѣкъ въ золотомъ пенснэ выступилъ изъ темноты.

— Вы очень добры, что довели сюда моего стараго друга,—сказалъ онъ мнѣ пріятнымъ голосомъ.—Это—землевладѣлецъ изъ Алкалы. Ему не слѣдовало оставаться въ городѣ, который охватили религіозныя страсти. Со мной здѣсь есть повозка. Право, вы очень добры. Не поможете ли мнѣ усадить его въ повозку? Уже очень поздно.

Мы втолкнули старика въ наемную телѣгу, стоявшую у самыхъ оротъ, и я направился къ домику на городской стѣнѣ.

———

Солдаты гоняли толпу взадъ и впередъ, пока полиція не крикнула: «По домамъ! Расходитесь по домамъ!» и арапникъ надзирателя началъ снова хлестать направо и налѣво. Кучки англійскихъ солдатъ, по пяти, шести человѣкъ, взявъ другъ друга за руки, съ ружьями за спиной, очищали улицы, слѣдуя по пятамъ за индусами и магометанами съ громкими криками и пѣснями. Никогда еще религіозный энтузіазмъ не попирался подобными мѣрами, никогда еще несчастные бунтовщики не бывали такъ сломлены усталостью, никогда не бывало у нихъ такихъ разбитыхъ ногъ, какъ у этихъ, которые собирались нарушить общественное спокойствіе. Ихъ выгоняли изъ всѣхъ норъ, изъ всѣхъ закоулковъ, изъ-за оградъ колодцевъ и приказывали расходиться по домамъ; если не было пристанища—тѣмъ хуже для нихъ.

Достигнувъ до двери Лалунъ, я споткнулся на человѣка, лежавшаго на ея порогѣ. Онъ нервно рыдалъ и руки его бились о землю, какъ крылья птицы. Это былъ невѣрующій Вали Дадъ,—безъ обуви, безъ тюрбана, съ пѣной на губахъ, съ разодранной, окровавленной грудью, которой онъ колотился о землю. Сломанный факелъ вспыхивалъ около него, а дрожащія губы шептали: «Йя Гассанъ! Йя Гуссейнъ», когда я склонился къ нему. Я втащилъ его на нѣсколько ступеней лѣстницы, бросилъ камень въ окно Лалунъ и поспѣшилъ вернуться къ себѣ.

Большинство улицъ уже было спокойно; ихъ со свистомъ подметалъ предразсвѣтный вѣтеръ. Среди площади передъ мечетью склонился человѣкъ надъ лежавшимъ трупомъ, которому ружейный прикладъ, или бамбуковая палка проломила черепъ

— Нельзя безъ того, чтобы одинъ человѣкъ не умеръ за весь народъ,—проговорилъ Петиттъ грубымъ голосомъ, приподнимая изуродованную голову.—Эти скоты начинаютъ слишкомъ показывать зубы!

Издали доносилась веселая пѣсня солдатъ, разгонявшихъ послѣднихъ фанатиковъ по домамъ.

. . . .

Вы, конечно, уже догадались о томъ, что послѣдовало дальше? А я не былъ такъ догадливъ. Когда распространился слухъ, что Кемъ-Сингхъ бѣжалъ изъ крѣпости, мнѣ, дѣйствующему лицу этого бѣгства, не пришло въ голову сблизить съ этимъ обстоятельствомъ ни особу въ золотомъ пенснэ, ни Лалунъ, ни самого себя. Мнѣ также не пришла мысль, что Вали Дадъ долженъ былъ служить бѣглецу проводникомъ по городу, что руки Лалунъ обвили мою шею, съ цѣлью помѣшать мнѣ замѣтить, какъ служанка сунула мятежнику деньги, что Лалунъ воспользовалась мною и моимъ бѣлымъ лицомъ, какъ лучшей охраной, чѣмъ Вали Дадъ. Все, что я узналъ вначалѣ, состояло въ томъ, что пока крѣпость Амара была занята прекращеніемъ возмущенія, Кемъ-Сингхъ воспользовался этимъ и бѣжалъ самъ вмѣстѣ съ двумя сикками, приставленными къ нему.

Позже я понялъ все, и Кемъ-Синхъ со своей стороны понялъ также. Онъ убѣжалъ къ тѣмъ, которыхъ зналъ когда-то, давно; но одни изъ его прежнихъ друзей уже умерли, другіе измѣнили свои убѣжденія. Онъ обратился къ молодымъ, но могучая власть его имени уже не существовала для нихъ. Вся молодежь находилась на службѣ въ туземныхъ войскахъ, или въ канцеляріяхъ правительства.. Кемъ-Синхъ не могъ предложить имъ ни пенсій, ни орденовъ, ни поддержки, ничего—кромѣ славной смерти отъ ружейной пули. Онъ писалъ письма, разсылалъ обѣщанія; но письма попали въ дурныя руки. Низшій полицейскій офицеръ, незначительный помощникъ, выслѣдилъ его по этимъ письмамъ, разсчитывая получить за это повышеніе.

Кромѣ того, Кемъ-Синхъ сталъ старъ, анисовую водку доставать стало трудно, онъ оставилъ свою серебряную посуду въ крѣпости Амара вмѣстѣ со своей теплой постелью. Особа въ золотомъ пенснэ должна была объявить тѣмъ, у кого служила, что Кемъ-Синхъ въ качествѣ вожака не стоитъ денегъ, затраченныхъ на то, чтобы вырвать его изъ тюрьмы.

— Велико милосердіе этихъ идіотовъ-англичанъ! — воскликнулъ Кемъ-Синхъ, когда ему объяснили положеніе вещей.—Я охотно вернусь въ крѣпость Амара, и честь этого будетъ принадлежать мнѣ. Дайте мнѣ новую одежду, чтобы явиться въ ней въ крѣпость.

Итакъ въ одинъ прекрасный день, Кемъ-Синхъ постучался въ крѣпостныя ворота и предсталъ предъ капитаномъ и лейтенантомъ. Волосы у того и другого начали сѣдѣть вслѣдствіе писемъ, которыя сыпались градомъ каждый день изъ Симлы, съ надписью на конвертахъ: «совершенно секретно».

— Вотъ, я и вернулся, капитанъ-саибъ! — сказалъ онъ. — Не приставляйте ко мнѣ сторожей. Тамъ—ничего нельзя больше сдѣлать!

Черезъ недѣлю я увидалъ его въ первый разъ, и онъ заговорилъ со мной такъ, какъ будто между нами было когда-то тайное согласіе.

— Вы отлично вывертывались, Саибъ. Я въ особенности восхищался вашимъ лукавствомъ, которое вы съ такимъ хладнокровіемъ выказали передъ англійскими солдатами, стоя рядомъ со мной, со мной, котораго они навѣрное разорвали бы въ клочки. Въ крѣпости Оолтагара томится человѣкъ, которому слѣдуетъ помочь. Вотъ планъ крѣпости: я нарисую его на пескѣ...

Но я не слушалъ его, а думалъ о томъ, что все-таки былъ «визиремъ» Лалунъ.

ДВѢ РѢЧИ БЕРТЕЛО*).

I.

Эволюція методовъ въ химическихъ производствахъ.

(Рѣчь, произнесенная при открытіи международнаго конгресса прикладной химіи 23-го іюня 1900 г.).

I.

Древнему Египту было уже извѣстно искусство химическаго превращенія вещества, какъ то показываютъ предметы, найденные въ мѣдныхъ рудникахъ Синая, драгоцѣнныя вещи и камни, извлеченные изъ могилъ. Пять тысячъ лѣтъ тому назадъ умѣли уже добывать мѣдь, красить стекло, эмаль, матеріи, съ неменьшимъ искусствомъ, чѣмъ это дѣлаемъ мы теперь. Но въ этихъ производствахъ единственнымъ руководителемъ былъ слѣпой эмпиризмъ, дошедшій до всего ощупью и застывшій въ неподвижности, подобной той, какую мы встрѣчаемъ теперь у китайцевъ. Зная нравы и обычаи египтянъ, можно не сомнѣваться, что мастерства эти сопровождались у нихъ религіозными и таинственными обрядами и заклинаніями, предназначенными для возбужденія воли высшихъ силъ,—обычай, который удержался втеченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. Для химіи, какъ и для другихъ наукъ, греческіе философы претворили практику промышленности въ раціоналистическія теоріи и мистицизму болѣе древнихъ народовъ противопоставили первое научное построеніе. Построеніе это было, конечно, несовершенно и затемнено разными фантастическими идеями; но тѣмъ не менѣе оно имѣло силу руководить учеными и ремесленниками въ теченіе болѣе чѣмъ 20 столѣтій. Матерія, говорили философы, едина, но способна существовать въ формѣ 4-хъ субстанцій, или элементовъ: земли, воды, воздуха и огня,—элементовъ, могущихъ превращаться

*) Бертело—знаменитый французскій химикъ, членъ и непремѣнный Секретарь Французской Академіи Наукъ, а также и одинъ изъ «Сорока безсмертныхъ» (т. е. членъ Французской Академіи).

одинъ въ другой. Такимъ образомъ, изъ единой матеріи, при извѣстномъ искусствѣ, можно воспроизвести всѣ тѣла, существующія въ природѣ. Такъ, напримѣръ, можно превратить въ серебро ртуть, этотъ жидкій металлъ, прибавляя къ нему твердый элементъ. Измѣняя пропорцію твердаго элемента въ свинцѣ или оловѣ, равнымъ образомъ, возможно превратить ихъ въ серебро. Съ этой точки зрѣнія прибавленіемъ къ мѣди соотвѣтствующаго количества красящаго вещества, какъ, напр., сѣры или сѣрнистаго мышьяка, можно было бы окрасить красный металлъ въ бѣлый и, такимъ образомъ, получить серебро. Другое какое-нибудь красящее вещество превращало бы бѣлые металлы въ желтый и такимъ образомъ производило бы золото. Такова была предполагаемая роль философскаго камня, дѣйствующаго самыми небольшими количествами, какъ дѣйствуютъ красящія вещества, съ тѣхъ поръ вошедшія въ употребленіе для окраски стеколъ, или же пурпуръ, со временъ глубокой древности употребляющійся для окраски матерій. Этой теоріи не доставало только опытной повѣрки; но египетскіе ювелиры думали, что представляютъ и ее, приводя въ доказательство нѣкоторые рецепты полученныхъ тогда сплавовъ—бронзы, латуни, электрума; употребленіе этихъ сплавовъ сохранилось и до нашего времени. Но, говорили тогда, здѣсь недостаточно человѣческаго искусства, нужно прибѣгнуть къ силамъ природы при помощи мистическихъ манипуляцій,— и призракъ этихъ послѣднихъ окончательно разсѣялся не болѣе столѣтія тому назадъ. Химіи приписывали также всемогущество въ созиданіи богатствъ, благодаря превращенію матеріи. Философскій камень, какъ полагали, можетъ быть извлеченъ изъ веществъ самыхъ обыкновенныхъ, которыя встрѣчаются повсюду, прямо у насъ подъ ногами.

Эта мечта нашихъ предковъ не осуществляется ли современными химиками каждый день? Не они ли творцы богатствъ, созидаемыхъ изъ простыхъ веществъ, благодаря человѣческому знанію и труду?

Но въ концѣ концовъ все же появились и идеи, болѣе реальныя, и новые методы—плодъ опытовъ, безостановочно производимыхъ въ лабораторіяхъ греко-египетскихъ алхимиковъ. Такъ, алхимическая номенклатура выражала уже отношенія, существующія между металломъ и тѣлами происходящими отъ него, какъ при помощи механическихъ дѣйствій (листочки, металлическіе опилки), такъ и химическихъ (металлъ кальцинированный, заржавленный, т.-е. окисленный, или соединенный съ сѣрой, сплавы), а также и отношенія между металломъ и его рудами. Такимъ образомъ выяснилось первое понятіе о постоянствѣ металлическихъ элементовъ и стало служить руководствомъ въ металлургической практикѣ. Понятіе это было освящено съ тѣхъ поръ символическимъ обозначеніемъ, подобнымъ знакамъ современной химіи.

Съ этого момента появились общіе методы. Такъ напримѣръ, точно опредѣлено примѣненіе сухого и мокраго пути, примѣненіе порожденное операціями, надъ поверхностной и глубокой окраской металловъ, сте-

колъ и матерій; явился также способъ обжиганія, затѣмъ приготовленіе и употребленіе такъ называемыхъ божественныхъ водъ, т.-е. дѣятельныхъ жидкостей, содержащихъ кислоты, щелочи, главнымъ образомъ амміакъ, получавшійся изъ мочи, многосѣрнистыя соединенія, способныя окрашивать металлы, и т. д. Здѣсь лежитъ начало большинства теперешнихъ реакцій, совершаемыхъ при обыкновенной температурѣ. Таковы были первые способы правильнаго химическаго анализа и, скажемъ потихоньку, фальсификаціи пищевыхъ продуктовъ, драгоцѣнностей и монетъ; въ наукѣ дурное и хорошее—неразлучны. Наконецъ, были изобрѣтены аппараты для дистилляціи, возгонки и открыты нѣкоторыя летучія масла, напр., терпентинъ.

Всѣ эти свѣдѣнія, методы и химическія производства были занесены на папирусы, въ трактаты алхимиковъ, сочиненія древности, дошедшія до насъ.

Наука древнихъ сдѣлалась наукой среднихъ вѣковъ, переданная отчасти техническими традиціями мастерскихъ, отчасти же сирійцами и арабами; послѣдніе мало что прибавили, вопреки ошибочному утвержденію, распространенному до нашихъ дней. Съ XII по XIV в. на Западѣ совершалось пробужденіе научнаго духа и промышленной предпріимчивости. Въ это время появились въ химіи новые методы. Усовершенствованная фабрикація металловъ приводитъ къ производству могущественныхъ машинъ для цѣлей индустріи и войны. Болѣе глубокое знакомство съ солями и, между прочимъ съ селитрою, этимъ существеннымъ элементомъ таинственнаго греческаго огня византійцевъ, устанавливаетъ новыя различія. Вполнѣ ознакомились съ селитрой только около VIII вѣка. Употребленіе ея привело въ XIV столѣтіи къ открытію пороха: необходимость обладать наиболѣе совершеннымъ оружіемъ была во всѣ времена однимъ изъ могущественныхъ возбудителей нашей промышленности. Дистилляція ведетъ къ открытію огненной воды, т.-е. алкоголя, открытія не вѣрно приписаннаго арабамъ; дистилляція выдѣляетъ эссенціи или активныя вещества растеній—а въ XIV вѣкѣ даетъ минеральныя кислоты—азотную, сѣрную, соляную.

Я ограничусь этимъ краткимъ резюме объ эпохѣ происхожденія химіи, когда наука и индустрія были связаны между собой самымъ постояннымъ и тѣснымъ образомъ. Послѣдующіе успѣхи методовъ и практики химіи, равно какъ и ея приложеній въ различныхъ родахъ промышленности, медицинѣ, агрономіи въ эпоху возрожденія были поразительны, но перечисленіе ихъ завело бы меня слишкомъ далеко. Я предпочитаю методамъ этой эпохи, столь яснымъ въ однихъ пунктахъ и столь темнымъ и ошибочнымъ въ другихъ, вслѣдствіе неточности общихъ взглядовъ на строеніе вещества, противопоставить тѣ открытія, которыя преобразовали нашу науку въ концѣ XVIII столѣтія, благодаря перевороту, происшедшему въ представленіи о природѣ элементовъ. Я хочу показать, какъ эти новыя идеи дали необыкновенный

толчокъ промышленности и произвели въ ней самыя неожиданныя перемѣны. Однако, мы видимъ, что раньше еще, чѣмъ человѣчество использовало всѣ плоды этихъ теорій о вѣсомой матеріи, въ наши дни являются новыя и еще болѣе глубокія теоріи о динамическомъ состояніи вещества. Теоріи эти производятъ въ наше время переворотъ въ методахъ химіи не менѣе значительный, чѣмъ тотъ, который произошелъ, благодаря открытіямъ конца предыдущаго вѣка. Эта огромная выставка, которой мы всѣ—ученые и промышленники—принесли плоды нашихъ трудовъ, даетъ первое обозрѣніе этихъ теорій; такъ будемъ же привѣтствовать новый періодъ въ химіи, который начинается съ даннаго момента. Чтобы понять характеръ и всю важность его, необходимо возстановить въ памяти тѣ измѣненія, которыя претерпѣли химическія производства въ началѣ XIX вѣка.

II.

Производство искусственной соды представляетъ въ этомъ отношеніи наиболѣе законченный типъ; дѣйствительно, оно покоится на основномъ принципѣ, по которому простыя тѣла, введенныя въ реакцію, сохраняютъ неизмѣнными свой вѣсъ и природу. Отсюда происходитъ цѣлый рядъ химическихъ вѣсовыхъ равенствъ, которыми мы руководствуемся какъ въ лабораторіяхъ, такъ и на заводахъ. Въ данномъ случаѣ, для производства соды, нужно взять тѣло, содержащее натрій. Такимъ тѣломъ является морская соль, наиболѣе дешевый и въ изобиліи встрѣчающійся матеріалъ. Для превращенія морской соли въ соду химиками былъ выработанъ цѣлый рядъ реакцій, послужившихъ не только для фабрикаціи соды, но и другихъ тѣлъ, необходимыхъ при различныхъ химическихъ производствахъ, какъ-то кислотъ, щелочей, веществъ возстановляющихъ, окисляющихъ и обезцвѣчивающихъ. Вы знаете, какъ съ начала XIX вѣка это производство, выполняемое по способу Леблана, легло въ экономическую основу большинства вашихъ производствъ. Циклъ превращеній начинается съ вещества, разлагающаго морскую соль, т. е. съ сѣрной кислоты, добывавшейся вначалѣ сжиганіемъ сѣры, позже—сжиганіемъ сѣрнаго колчедана, матеріала еще болѣе дешеваго. Сѣрная кислота, въ свою очередь, является точкой отправленія при приготовленіи множества другихъ продуктовъ, въ особенности для приготовленія почти всѣхъ кислотъ; но наиболѣе важнымъ изъ всѣхъ этихъ продуктовъ является искусственная сода. Итакъ, дѣйствіемъ сѣрной кислоты морская соль превращается въ сѣрнокислый натрій и соляную кислоту; затѣмъ сѣрнокислый натрій, при дѣйствіи на него угля, превращается въ углекислый натрій. Такимъ образомъ, достигнута первоначальная цѣль—фабрикація дешевой и типичной щелочи. Слѣдствіемъ же этого явилось много другихъ производствъ, между прочимъ и мыла. Но нужно было утилизировать

и остальные продукты, полученные въ главномъ циклѣ реакцій, что и позволили сдѣлать новыя химическія теоріи Лавуазье и его современниковъ. Хлоръ хлористаго натрія не былъ потерянъ: онъ былъ перенесенъ въ соляную кислоту, которая отчасти утилизировалась какъ кислота, отчасти же шла для производства водорода съ помощью металловъ. Съ другой стороны, изъ соляной кислоты возстановлялся хлоръ; этотъ элементъ въ свободномъ состояніи или соединенный съ щелочными металлами, въ видѣ солей хлористой и хлорноватой кислотъ, употребляется для бѣлѣнія тканей, для дезинфекціи и во множествѣ другихъ окисляющихъ реакцій.

Итакъ, цѣлый рядъ химическихъ производствъ, создающихъ громадныя богатства и капиталы, явился слѣдствіемъ чисто научныхъ открытій, ознаменовавшихъ собой послѣдніе года XVIII столѣтія. Эти производства не переставали развиваться въ продолженіе XIX вѣка у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, принося ежегодно много сотенъ милліоновъ.

Не только каждое изъ этихъ спеціальныхъ производствъ непрерывно совершенствовалось, но были сдѣланы счастливыя попытки для измѣненія самаго принципа приготовленія искусственной соды. Вмѣсто того, чтобы разлагать морскую соль сѣрной кислотой, затѣмъ углемъ-оперируя сухимъ путемъ, при которомъ сѣра сѣрной кислоты или терялась, или получалась въ видѣ такого соединенія, изъ котораго ее трудно было извлечь,—удалось превратить хлористый натрій въ углекислый мокрымъ путемъ, при участіи постоянно возстановляющагося амміака. Такимъ образомъ, въ принципѣ по крайней мѣрѣ, не терялся ни одинъ элементъ. Отсюда новая могущественная промышленность, въ циклъ которой уже не входитъ производство кислотъ. Началась борьба между этими двумя различными методами приготовленія соды; въ наши дни она еще болѣе усложнилась благодаря методамъ, покоющимся на совершенно другихъ принципахъ.

Но раньше чѣмъ говорить объ этомъ, необходимо напомнить объ успѣхахъ металлургіи, сдѣланныхъ подъ вліяніемъ открытія кислорода и изслѣдованій природы горѣнія. Разъ сталъ извѣстнымъ составъ окисловъ и природа горѣнія, то способы, которыми добывали изъ различныхъ рудъ желѣзо, мѣдь, цинкъ и пр. металлы, вышли изъ области темнаго эмпиризма, до тѣхъ поръ исключительно ими руководившаго; мы смогли построить доменныя печи, эти колоссальныя химическія фабрики, необходимыя для постройки желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ, мостовъ, зданій и машинъ всѣхъ родовъ. Въ то же время точный анализъ веществъ и искустное примѣненіе газовъ, какъ веществъ окисляющихъ или возстановляющихъ, позволило очистить чугунъ и придать, дешевымъ способомъ, желѣзу и стали качества, предъявляемыя новыми приложеніями ихъ въ промышленности. Появились и новые

металлы: натрій, магній, алюминій, употребленіе которыхъ растетъ съ каждымъ днемъ.

Менѣе полустолѣтія тому назадъ слѣдствіемъ быстраго развитія химіи явился новый родъ ея успѣховъ. Въ предыдущемъ вѣкѣ ограничивались извлеченіемъ заключенныхъ въ растеніяхъ веществъ—въ сыромъ видѣ; химія же преемниковъ Лавуазье пошла дальше: ею были найдены способы систематическаго употребленія кислотъ и щелочей, позволяющіе извлекать изъ растеній алкалоиды, имѣющіе столь важное значеніе въ медицинѣ.

Однако, новые методы, явившіеся прямымъ послѣдствіемъ научныхъ открытій нашей эпохи, уже на пути къ тому, чтобы измѣнить все это; они произведутъ въ химической промышленности такой колоссальный прогрессъ, который превзойдетъ все, что даютъ намъ процессы, совершающіеся въ живой природѣ. Я говорю о синтезѣ органическихъ веществъ. Едва предвидѣнный полстолѣтія тому назадъ, онъ въ теченіе всего нѣсколькихъ лѣтъ твердо установилъ свои основы—далъ полные синтезы изъ элементовъ такихъ веществъ, какъ ацетиленъ, этиленъ, форменъ, наиболѣе простые изъ углеводородовъ. Затѣмъ последовательнымъ осложненіемъ этихъ соединеній явились синтезы бензина и вообще всѣхъ углеводородовъ. Повторяю, эти вещества играютъ роль точекъ отправленія, исходя изъ которыхъ мы смогли изъ элементовъ получить полный синтезъ этиловаго, метиловаго, а также и другихъ алкоголей. Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ явился синтезъ жирныхъ тѣлъ и сахаровъ, а въ принципѣ и всѣхъ органическихъ веществъ. Слѣдуя по этому пути, направляемому въ одно и то же время раціональными опытами и общими методами, которые были выяснены этими опытами, синтезъ въ наши дни идетъ гигантскими шагами.

Упомянемъ сначала о фабрикаціи искусственныхъ красящихъ веществъ, добываемыхъ изъ каменноугольнаго дегтя, неизмѣримо болѣе разнообразныхъ и часто болѣе красивыхъ, чѣмъ краски, извлекаемыя изъ растеній. Затѣмъ слѣдуетъ синтезъ духовъ и лѣкарственныхъ веществъ. Нужно ли останавливаться долго на открытіяхъ, сдѣланныхъ въ области взрывчатыхъ веществъ, и теоріяхъ, давшихъ точныя руководящія понятія и замѣнившія собой эмпиризмъ? Можно ли забыть химическія производства, относящіяся къ освѣщенію: свѣтильный газъ, керосинъ, ацетелинъ? Я не могу исчерпать всего этого. Всюду синтезъ открылъ безграничную будущность приложеніямъ нашихъ химическихъ теорій, наиболѣе тонкихъ и деликатныхъ.

Но наука никогда не останавливается. За каждымъ пріобрѣтеннымъ успѣхомъ не замедлитъ появиться новый, который его превосходитъ, но, однако, не противорѣчитъ ему. Независимо отъ теорій, которыя руководили общей химіей и ея промышленными приложеніями въ теченіе трехъ четвертей вѣка, появились идеи болѣе

глубокія—представленія объ источникахъ всякой энергіи и спеціально—энергіи химической. Таковы плоды открытія абстрактныхъ принциповъ, управляющихъ превращеніемъ силъ природы однихъ въ другія. Развитіе этихъ идей продолжается до сихъ поръ безостановочно. Онѣ имѣютъ и будутъ имѣть въ будущемъ самыя важныя и широкія приложенія во всѣхъ родахъ промышленности, гдѣ только примѣняются физическіе, механическіе и химическіе законы; эти же идеи производятъ перевороты во всѣхъ методахъ. Рѣчь моя идетъ о задачахъ наиболѣе важныхъ и успѣхахъ наиболѣе современныхъ, можетъ быть наиболѣе важныхъ среди тѣхъ, которые характеризуютъ всемірную выставку 1900 года.

III.

До послѣдняго времени химиками руководили въ ихъ изысканіяхъ методовъ отношенія вѣса и функцій и смутныя представленія о такъ называемомъ химическомъ сродствѣ. Но эти представленія достигли внезапной точности и стали руководящими, благодаря появленію термохиміи и теоріи объ эквивалентности и превращеніяхъ силъ. Дѣйствительно, термохимія даетъ точныя представленія о работѣ, совершаемой въ каждой химической реакціи, а это, въ свою очередь, даетъ возможность вычислить à priori работу, необходимую для совершенія данной реакціи. Недостаточно знать, какъ это предполагали раньше, природу и распредѣленіе атомовъ; необходимо, кромѣ того, опредѣлить энергіи, приведенныя въ дѣйствіе для измѣненія расположенія атомовъ,—энергію общую и энергію свободную. Если дѣло идетъ о сложномъ тѣлѣ, образующемся съ выдѣленіемъ энергіи и при прямомъ дѣйствіи элементовъ другъ на друга, то достаточно будетъ для полученія его исполнить всѣ условія, опредѣляющія эту реакцію. Таково, напримѣръ, производство сѣрной кислоты, гдѣ дѣйствуютъ послѣдовательныя или одновременныя реакціи сѣры, кислорода и воды. Въ другихъ случаяхъ задача болѣе сложна и вначалѣ была даже признана недостижимой. Таковы, напр., синтезы изъ элементовъ—ацетилена и углеводородовъ, вообще образованіе сложныхъ органическихъ тѣлъ изъ ихъ естественныхъ производителей—воды и угольной кислоты. Трудность, долго непонимаемая, образованія подобныхъ тѣлъ, состояла въ необходимости поглощенія теплоты, иначе говоря, въ потребленіи энергіи посторонней, не принадлежащей данной системѣ веществъ. Вотъ два основныхъ и противоположныхъ типа химическихъ реакцій, наблюдаемыхъ въ химическихъ соединеніяхъ, какъ на заводахъ, такъ и въ лабораторіяхъ. Но въ большинствѣ химическихъ превращеній участвуютъ и тотъ, и другой; я хочу сказать, что эти превращенія происходятъ при смѣнѣ реакцій, то положительно, то отрицательно термическихъ. Чтобы выйти изъ слѣпого эмпиризма, необходимо знать количество и родъ молеку-

лярной работы, играющей роль въ этихъ различныхъ реакціяхъ, работы, измѣряемой термохиміей. Энергія, которая управляетъ ими, можетъ быть, конечно, происхожденія самаго различнаго и здѣсь приложимы, конечно, основные принципы эквивалентности и превращенія силъ, будетъ ли дѣло касаться энергій чисто-механическихъ, или энергій возбужденныхъ теплотой, свѣтомъ, электричествомъ, или, наконецъ, энергій химическихъ, заимствованныхъ у другихъ одновременныхъ химическихъ реакцій. Это послѣднее заимствованіе совершается или прямымъ путемъ, или путемъ двойныхъ разложеній, сила которыхъ опредѣляется и вычисляется à priori термохиміей.

Энергія, которою снабжаютъ невѣсомые дѣятели, особенно должна привлечь наше вниманіе, такъ какъ, во-1-хъ, теплота, напр., считалась во всѣ времена однимъ изъ главныхъ факторовъ химическихъ явленій, и, во-2-хъ, въ нашу эпоху въ наукѣ, какъ и въ индустріи, появился цѣлый рядъ спеціальныхъ методовъ, благодаря электричеству, этому главному дѣятелю и въ превращеніи и въ перенесеніи энергій—механической, физической и химической всякихъ родовъ.

Такъ, простой и каменный уголь, эти старые химическіе производители энергіи—теплоты, выдѣляемой при соединеніи ихъ съ кислородомъ воздуха, въ настоящее время замѣняются паденіемъводы, производящимъ энергію чисто механическую. Кромѣ того, уголь находится въ ограниченномъ и поэтому исчерпаемомъ количествѣ, чего нельзя сказать о паденіи воды, такъ какъ эта энергія заимствована у солнца,—а истощенія послѣдней человѣчество никогда не увидитъ.

Съ введеніемъ этихъ новыхъ, невѣсомыхъ дѣятелей въ промышленность, она перестаетъ быть преимуществомъ странъ, богатыхъ углемъ. Теперь научное развитіе народовъ болѣе, чѣмъ ихъ благопріятное положеніе, обезпечиваетъ перевѣсъ въ мирной борьбѣ цивилизаціи. Будущее, безъ сомнѣнія, представитъ намъ въ этомъ отношеніи много другихъ неожиданностей; я хочу сказать—много другихъ формъ утилизаціи неистощимой энергіи, которая можетъ быть заимствована или у солнечной теплоты, или же у центральной теплоты земли. Вслѣдствіе этого произойдетъ громадное перемѣщеніе, уже начавшееся, міровыхъ промышленныхъ центровъ.

Электричество даетъ намъ способы наиболѣе удобные и могущественные, какъ для превращенія химической энергіи въ теплоту и свѣтъ, такъ и для преобразованія этихъ послѣднихъ въ новыхъ агентовъ химическихъ реакцій. Такъ, открытіе Вольтова столба, явившееся прямымъ результатомъ дѣйствія нѣкоторыхъ химическихъ реакцій, дало возможность Дэви, въ началѣ этого вѣка, выдѣлить щелочные металлы и получить свѣтъ электрической дуги. Съ тѣхъ поръ употребленіе электрической батареи породило прекрасныя производства гальванопластики, золоченія, серебренія, никкелированія металловъ. Въ наши дни производство это ушло далеко впередъ. Батарею, производящую до-

рого и ограниченное количество электричества, замѣнили въ послѣднiе 30 лѣтъ электромагнитныя машины, дающiя электричество болѣе дешевымъ способомъ и чисто-механическимъ путемъ, т.-е. посредствомъ моторовъ, приводимыхъ въ движенiе огнемъ или паденiемъ воды. Количества электричества, такимъ образомъ производимаго, громадны. Элекричество, въ свою очередь, можетъ быть превращено извѣстными аппаратами, въ разнаго рода энергiю, въ томъ числѣ и химическую. Превращенiе это совершается прямымъ или косвеннымъ путемъ—тепловой энергiей, получаемой въ электрической печи, при помощи электричества же.

Самое измѣренiе энергiи, утилизированной въ этихъ взаимныхъ превращенiяхъ явленiй электричества въ явленiя химическiя и обратно, производится термохимическимъ путемъ, напр., при электролизѣ.

Прошу извиненiя въ томъ, что слишкомъ долго останавливался на понятiяхъ нѣсколько абстрактныхъ. Если я это дѣлаю, то только потому, что примѣненiе этихъ научныхъ теорiй породило дивную систему новыхъ методовъ, появившихся только вчера, но совершающихъ въ химическихъ производствахъ самые неожиданные перевороты. Простымъ электролизомъ, при обыкновенной температурѣ, начинаютъ приготовлять на заводахъ щелочи и кислоты и конкурировать съ цѣлой системой производствъ, основанныхъ на томъ приготовленiи искусственной соды, которое такъ долго казалось послѣднимъ словомъ науки. Началась борьба изъ-за цѣны продуктовъ и, должно быть, побѣда останется за электричествомъ. Электролизъ растворовъ даетъ также методы окисленiя и возстановленiя, неистощимые по плодовитости. Этимъ способомъ мы теперь приготовляемъ въ большомъ количествѣ соли хлористой, хлорноватой кислотъ и, позвольте мнѣ прибавить, соли пиросѣрной кислоты, явившiеся послѣдними, но не менѣе полезными. Электролизъ хлористыхъ и другихъ солей сухимъ путемъ былъ не менѣе богатъ по результатамъ. Не только натрiй, приготовленный этимъ путемъ, явится, можетъ быть, источникомъ искусственной соды, но электролизомъ извлекаютъ изъ глины металлъ алюминiй, такъ дешево и въ такихъ количествахъ, что онъ грозитъ вытѣснить нѣкоторые изъ старыхъ металловъ, примѣненiе которыхъ въ индустрiи было столь выгодно. Электрическая печь стала теперь, благодаря работамъ Муассана, всемiрнымъ аппаратомъ для приготовленiя металловъ, раньше считавшихся неплавкими. Кальцiумъ карбидъ, полученный съ помощью электрической печи, даетъ возможность дешево приготовлять ацетиленъ, съ такимъ трудомъ полученный мною 40 лѣтъ тому назадъ. Теперь ацителенъ снабжаетъ наиболѣе яркимъ свѣтомъ, какой только существуетъ, и, безъ сомнѣнiя, недалекъ тотъ день, когда онъ явится въ лабораторiи источникомъ прямыхъ синтезовъ и дастъ дешевый способъ приготовленiя бензина, щавелевой кислоты, можетъ быть, алкоголя.

*

IV.

До сихъ поръ я говорилъ объ электролизѣ, производимомъ мокрымъ и сухимъ путемъ. Но это еще не всѣ формы, подъ которыми электричество призвано играть роль въ химіи. Существуетъ еще прерывистый разрядъ (искра и дуга) и электрическое истеченіе. Благодаря дѣйствію электрической искры и дуги произведенъ старый и прекрасный синтезъ Кавендиша азотной кислоты, а затѣмъ синтезъ изъ элементовъ ацетилена и ціанистой кислоты. Кромѣ того, элекртическая дуга является существеннымъ дѣятелемъ электрической печи.

Примѣненіе электрическаго истеченія или тихаго разряда до сихъ поръ было болѣе ограничено. Въ промышленности оно употребляется только для приготовленія озона, вещества, примѣненіе котораго въ гигіенѣ съ каждымъ днемъ увеличивается. Но это только одна изъ точекъ отправленія. Реакціи, происходящія при дѣйствіи истеченія, пріобрѣли въ наукѣ такой объемъ и значеніе, что скоро не преминутъ войти и въ практику. Въ особености фиксація свободнаго азота органическими соединеніями будетъ играть въ будущемъ громадную роль. Этотъ процессъ идетъ такъ сильно и такъ легко при затратѣ естественной энергіи, которою можно хорошо управлять, что въ ближайшемъ будущемъ электрическое истеченіе явится главнымъ методомъ для фиксаціи атмосфернаго азота. Такимъ образомъ, лабораторное искусство вступитъ въ конкуренцію и съ растительнымъ царствомъ, дающимъ сложныя органическія соединенія, и съ минеральнымъ, снабжающимъ теперь соединеніями азота промышленность и земледѣліе. Я не буду долѣе останавливаться на фиксаціи азота, призванной, можетъ быть, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ содѣйствовать производству всевозможныхъ родовъ пищевыхъ продуктовъ, которые человѣкъ умѣлъ до сихъ поръ только заимствовать у живыхъ существъ. Здѣсь, какъ и въ многомъ другомъ, химическій синтезъ внушаетъ самыя неограниченныя надежды. Онъ не только призванъ соперничать съ недостаточнымъ или слишкомъ дорогимъ производствомъ натуральныхъ продуктовъ, какъ это показано съ такимъ блескомъ воспроизведеніемъ ализарина, индиго, духовъ и въ ближайшемъ будущемъ алколоидовъ, употребляющихся въ медицинѣ, синтезъ предназначенъ не только для того, чтобы замѣнить вещества, накопленныя въ землѣ въ теченіе многихъ вѣковъ и поглощаемыя промышленностью съ ужасающей быстротой, что особенно страшно для народовъ, благоденствіе которыхъ основано на этихъ природныхъ сбереженіяхъ; нѣтъ, синтезъ, благодаря непредвидѣнному прежде могуществу созидательнаго научнаго генія, съ каждымъ днемъ извлекаетъ изъ небытія, на блага человѣчества, неистощимое количество новыхъ тѣлъ, подобныхъ и даже болѣе совершенныхъ, чѣмъ натуральные продукты. Лучше, чѣмъ таинственная магія, лучше, чѣмъ вѣра древности, современная наука воздвигаетъ горы и осуществляетъ мечты и чудеса.

Она безъ конца создаетъ богатства, которыя еще никѣмъ не были похищены силой или хитростью; она стремится къ нивеллировкѣ состояній—черезъ всемірный ростъ капиталовъ, къ невеллировкѣ знанія—черезъ посредство какъ самаго широкаго, непрерывнаго публикованія научныхъ открытій, такъ, въ особенности, общаго поднятія образованія, открытаго и доступнаго всѣмъ. Ненависть между людьми, народами и индивидуумами рождается изъ невѣжества и эгоизма; наука же безостановочно старается ихъ уменьшить, такъ какъ она не принадлежитъ ни частному лицу, ни какому-нибудь одному народу. Она учитъ насъ, что всѣ граждане одного отечества, что всѣ цивилизованные народы всего свѣта солидарны между собой. Наука не знаетъ національностей; она нѣмецкая, англійская, итальянская, русская, японская также какъ и французская. Она идетъ впередъ, благодаря и маленькимъ націямъ, и большимъ; каждая вноситъ свой трудъ для всеобщей работы. Вотъ почему, повторяю, всѣ цивилизованные народы солидарны. Всякая потеря, понесенная однимъ изъ нихъ, является потерей для всего человѣчества, благодаря безплодному истребленію существующихъ цѣнностей, и въ то же время моральная, такъ какъ ослабляетъ необходимую связь, соединяющую людей между собой. Когда истины эти будутъ преподаваться и проникнутъ въ умы наиболѣе высокихъ слоевъ аристократіи и наиболѣе низкихъ слоевъ демократіи, тогда поймутъ, что истинный законъ человѣческихъ интересовъ не есть законъ борьбы и эгоизма, но законъ любви. Вотъ какимъ образомъ наука, которая насъ сегодня соединяетъ, провозглашаетъ конечною цѣлью своего ученія—всемірную солидарность и братство!

II.

Лавуазье.

(Рѣчь, произнесенная при открытіи памятника Лавуазье въ Парижѣ 27-го іюля 1900 года).

Милостивые государи! Торжество, на которое мы васъ сегодня пригласили отъ имени Института, города Парижа и республики, есть блестящее доказательство цивилизаціи нашего вѣка и выраженіе благодарности тѣмъ, которые посвятили себя служенію человѣчеству. Въ самомъ дѣлѣ, слава Лавуазье исключительно основана на великихъ научныхъ открытіяхъ, которыя въ одно и то же время преобразовали общія представленія человѣческаго ума о строеніи міра и безгранично обогатили промышленность современныхъ народовъ, чѣмъ способствовали ихъ умственному, нравственному и матеріальному освобожденію. Таково значеніе современной науки. Вождями ея славы являются геніальные представители науки—Галилей, Ньютонъ, Лейбницъ, Ла-

вуазье. Соединеніе этихъ именъ показываетъ, что всѣ народы принимаютъ участіе въ общемъ трудѣ: ни одинъ изъ нихъ въ этомъ отношеніи не можетъ претендовать на монополію въ чистой или прикладной наукѣ.

Лавуазье оказалъ важную, съ философской точки зрѣнія, услугу людямъ; онъ установилъ основной законъ, который управляетъ химическими превращеніями матеріи; заслуга его не менѣе велика и съ практической точки зрѣнія, такъ какъ законъ этотъ явился основой многочисленныхъ производствъ, построенныхъ на этихъ превращеніяхъ, и, наконецъ, этотъ законъ послужилъ исходной точкой законностей, найденныхъ съ тѣхъ поръ въ гигіенѣ и медицинѣ. Поистинѣ, Лавуазье является однимъ изъ великихъ благодѣтелей человѣчества! Вотъ почему поставленъ памятникъ, который возвышается передъ вашими глазами, произведеніе нашего знаменитаго скульптора Баріа; вотъ что сдѣлано благодаря успѣху международной подписки, въ которой учатвовали ученые обоихъ полушарій; нѣмцы, англичане, американцы, русскіе, итальянцы, всѣ народы присоединились къ французамъ для торжественнаго засвидѣтельствованія ихъ благодарности и ихъ уваженія. Это торжество вполнѣ заслужено открытіями Лавуазье, столь способствовавшими приращенію и увеличенію наслѣдства, общаго всему человѣчеству. Я долженъ прежде всего поблагодарить представителей народовъ, собравшихся передъ этимъ памятникомъ, поставленнымъ на одной изъ главныхъ площадей Парижа.

Такая честь въ прежнія времена предоставлялась лишь военнымъ и государственнымъ людямъ, обагрявшимъ землю кровью, очень часто безъ всякой пользы для народа, предавшаго въ ихъ руки свою судьбу и свое счастье. Можетъ ли философъ смотрѣть на ихъ дѣянія иначе, какъ съ глубокой грустью? Теперь болѣе просвѣщенные народы начинаютъ ставить на первый планъ славу ученыхъ, мыслителей и художниковъ. Въ будущемъ, твердо на это надѣемся, возвеличатъ память людей, послужившихъ человѣчеству и предадутъ забвенію людей крови и интригъ, которые вносили въ жизнь только порабощеніе и несчастіе... Остановимся на работахъ Лавуазье, которыя всѣ связаны съ однимъ основнымъ его открытіемъ, всѣ вытекаютъ изъ представленія о химическомъ строеніи матеріи и о различіи между вѣсомыми тѣлами и невѣсомыми дѣятелями: теплотой, свѣтомъ, электричествомъ, вліяніе которыхъ испытываютъ на себѣ вѣсомыя тѣла. Открытіе этого различія перевернуло прежнія представленія, удержавшіяся съ древности до конца прошлаго вѣка. Четыре элемента, соотвѣтствующіе различнымъ физическимъ состояніямъ вещества—земля, вода, воздухъ и огонь составляли, согласно представленію древнихъ, всѣ вещества, существующія въ природѣ. Соединяя эти элементы между собой въ различныхъ пропорціяхъ и различными способами, можно получить всѣ тѣла и превращать одни въ другія; отсюда господствующее въ средніе вѣка

мнѣніе о превращеніи металловъ. Несмотря на то, что всѣ многочисленные опыты серьезныхъ ученыхъ никогда не могли показать на дѣлѣ этого превращенія, точно также, какъ они не успѣли въ этомъ и въ наши дни, предразсудки держатся крѣпко, въ особенности, если опираются на мистическія идеи. До конца прошлаго вѣка царило еще одно заблужденіе не менѣе капитальное, чѣмъ «превращеніе»,—это представленіе объ измѣняемости вѣса тѣлъ подъ вліяніемъ теплоты, измѣняемости, казалось, подтверждаемой всемірнымъ, повседневнымъ наблюденіемъ, совершенно также, какъ движеніе солнца вокругъ земли. Я хочу сказать, что измѣняемость вѣса тѣлъ казалось констатирована въ химіи, благодаря употребленію вѣсовъ, примѣнявшихся съ самыхъ первыхъ шаговъ нашей науки. Одно изъ самыхъ странныхъ заблужденій—это утвержденіе, что вѣсы въ химіи введены всего въ концѣ прошлаго столѣтія. На самомъ дѣлѣ объ употребленіи вѣсовъ упоминается въ сочиненіяхъ, написанныхъ 1600 лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ ими постоянно пользовались какъ въ химіи, такъ и въ ремеслахъ: изображеніе ихъ встрѣчается на древнихъ памятникахъ Египта. Такимъ образомъ, во всѣ времена всѣми было наблюдаемо, что тѣла подъ вліяніемъ теплоты теряютъ часть своего вѣса и исчезаютъ, что и случается, напр., съ горючими тѣлами, каковы уголь, масла, органическія вещества. Отсюда мнѣніе, державшееся до временъ Лавуазье и основанное на кажущейся очевидности, что вѣсомая матерія можетъ превращаться въ теплоту и исчезать. Наоборотъ, при условіяхъ обратныхъ, теплота можетъ быть закрѣплена и превращается въ вещество видимое и вѣсомое. Замѣтимъ, что въ этомъ не предполагали никакого созиданія: основной принципъ, что ничто не теряется, ничто не создается, былъ провозглашенъ, какъ одна изъ основъ науки съ древнихъ временъ. Только элементы, какъ ихъ понимали тогда, считались неизмѣняемыми. Представленія такого рода породили много теорій и между ними теорію о флогистонѣ, придуманную Сталемъ вначалѣ XVIII столѣтія. Казалось, что флогистонъ связывалъ между собой большинство химическихъ явленій, приписываемыхъ дѣйствію теплоты. Горючія тѣла считались богатыми флогистономъ или фиксированной теплотой. Таково было состояніе науки около 1772 года, когда появился Лавуазье. Десяти лѣтъ ему было достаточно, чтобы совершенно преобразовать химію. Онъ установилъ точными опытами капитальное различіе, неизвѣстное до него, между природою тѣлъ и теплотой и другими дѣятелями, способными измѣнять тѣла—различіе между вѣсомыми тѣлами и невѣсомыми агентами: теплотой, свѣтомъ, электричествомъ, агентами, вмѣшательство которыхъ никогда не измѣняетъ вѣса тѣлъ. Двѣ причины способствовали заблужденію предшественниковъ Лавуазье: во-первыхъ, появленіе газовъ, едва предвидѣнныхъ прежде и которыхъ до начала XVIII столѣтія не умѣли ни взвѣшивать, ни различать одинъ отъ другого, и во-вторыхъ—не-

знаніе состава воздуха и воды, принимавшихся тогда элементами неразложимыми.

Одного человѣка не хватило бы на всю совокупность изысканій, благодаря которымъ установлены свойства газовъ, составъ воздуха и воды. Въ этомъ отношеніи, несомнѣнно, Лавуазье пользовался работами своихъ предшественниковъ и современниковъ. Но его главная и геніальная заслуга состояла въ томъ, что онъ показалъ связь между отдѣльными фактами и далъ имъ вѣрное объясненіе. Выяснимъ же всю важность и истинный характеръ его дѣла.

На первый взглядъ уголь, сѣра, масло исчезаютъ во время горѣнія и разсѣиваются въ атмосферѣ. Горючія тѣла, слѣдовательно, теряютъ свойство быть вѣсомыми и превращаются въ теплоту. Наоборотъ, металлы при обжиганіи увеличиваются въ вѣсѣ, явленіе менѣе замѣтное, такъ какъ оно требуетъ точныхъ измѣреній, взвѣшиванія. Нѣкоторые наблюдатели продѣлали ихъ, но они сочли себя въ правѣ заключить, что теплота, употребленная при обжиганіи металловъ, превращалась въ этотъ моментъ въ вѣсомую матерію.

Вотъ два основныхъ вопроса, которыми занялся Лавуазье. Первое его открытіе заключалось въ установленіи точными опытами истиннаго значенія явленій горѣнія тѣлъ и обжиганія металловъ. Онъ показалъ, что воздухъ участвуетъ въ этихъ явленіяхъ вѣсомымъ элементомъ, въ немъ заключающимся, и прибавленіе котораго объясняетъ увеличеніе вѣса при обжиганіи металловъ, причемъ это увеличеніе равно потерѣ вѣса воздуха. Этотъ самый вѣсомый элементъ воздуха, образуетъ при сгораніи угля, сѣры, масла—газообразныя соединенія, вѣсъ которыхъ Лавуазье также опредѣлилъ. Онъ установилъ, такимъ образомъ, чего не было сдѣлано до него, неизмѣняемость вѣса тѣлъ во время химическихъ превращеній, а также и то, что ни теплота, ни другіе подобные ей дѣятели не увеличиваютъ и не уменьшаютъ вѣса тѣлъ. Это основное различіе между вѣсомой матеріей и невѣсомыми агентами, является однимъ изъ великихъ открытій, какія только были когда-нибудь сдѣланы. Оно составляетъ основаніе современныхъ физическихъ, химическихъ и механическихъ наукъ. Лавуазье пошелъ еще дальше, и благодаря ему, мы глубже проникли въ самое строеніе вѣсомой матеріи. Онъ показалъ, что эта послѣдняя, во всѣхъ извѣстныхъ намъ опытахъ, является какъ бы составленной извѣстнымъ числомъ неразлагаемыхъ элементовъ или простыхъ тѣлъ, которые соединяются между собой и образуютъ всѣ сложныя тѣла. Природа и количество этихъ элементовъ остаются неизмѣненными, какія бы безчисленныя метаморфозы не пре, терпѣли простыя или сложныя тѣла во время какъ естественныхъ такъ и искусственныхъ, лабораторныхъ, воздѣйствій на нихъ. Вѣсъ каждаго изъ элементовъ остается постояннымъ, точно также, какъ и вѣсъ совокупности ихъ соединеній.

Вотъ новая основная истина, истина эмпирическая, констатирован-

ная для всѣхъ дѣйствій, производимыхъ всѣми извѣстными намъ до сего дня силами, истина, независимая отъ того, какихъ теорій и представленій мы держимся о единствѣ матеріи и каковы теоретическія возможности, могущія появиться въ будущемъ и непредвидѣнныя теперь. Эти силы, эти дѣятели безконечно превосходятъ всѣ средства къ которымъ прибѣгали алхимики среднихъ вѣковъ. Отсюда ясно, что вѣра въ превращеніе металловъ, въ философскій камень, поскольку она казалась реализированной прежде, основывалась на иллюзіяхъ и призракахъ, иногда мистическихъ, чаще же шарлатанскихъ. Два основныхъ закона природы: различіе между вѣсомыми тѣлами и невѣсомыми агентами и неизмѣняемость природы и вѣса простыхъ тѣлъ, установленные Лаувазье, дали ему возможность сдѣлать важные выводы о строеніи кислотъ и металлическихъ окисловъ, о составѣ воздуха, воды, о роли теплоты въ химіи, о животной теплотѣ, о сущности дыханія.

Считаемъ необходимымъ вкратцѣ резюмировать все это, прежде чѣмъ показать, каковы были послѣдствія этихъ открытій въ XIX вѣкѣ, какъ они явились въ одно и то же время точкой отправленія теоретическихъ идей химиковъ, физиковъ, физіологовъ и базисомъ чрезвычайно полезныхъ для человѣчества приложеній въ гигіенѣ, медицинѣ, агрономіи и въ безчисленныхъ промышленныхъ производствахъ, покоющихся также на химическихъ превращеніяхъ матеріи.

Напомнимъ сначала, что Лавуазье, опираясь всегда на измѣреніи общаго вѣса тѣлъ, какъ твердыхъ, жидкихъ, такъ и газообразныхъ, открылъ и доказалъ роль кислорода въ образованіи металлическихъ окисловъ и большинства кислотъ. Этимъ самымъ онъ выяснилъ истинный характеръ горѣнія, составъ, до того неизвѣстный, угольной кислоты, простую природу угля, сѣры, фосфора, свойствами которыхъ объяснялись факты, приписываемые до того флогистину; съ другой стороны кислородъ, водородъ, азотъ приняли въ химіи роль, приписываемую раньше теплотѣ. Наконецъ, онъ опредѣлилъ общій составъ органическихъ тѣлъ; всѣмъ этимъ, выясненнымъ точными опытами, мы обязаны исключительно ему.

Что же нужно приписать лично Лаувазье въ открытіи состава воздуха и воды, въ которомъ принимали участіе также Пристлей и Кавендишъ? Слишкомъ долго выяснять это подробно; достаточно сказать, что онъ, и только онъ, удалилъ изъ ученія о составѣ воздуха и воды, ложное представленіе о флогистонѣ, поддерживаемое его современниками.

Всѣ эти открытія, совершенныя въ десятилѣтній періодъ и съ необыкновеннымъ жаромъ и энергіей, не являлись простымъ констатированіемъ отдѣльныхъ фактовъ; наоборотъ, это были выводы, логически вытекающіе изъ двухъ основныхъ законовъ, обязанныхъ появленіемъ своимъ генію Лавуазье, выводы, опытнымъ путемъ только подтвержденные.

Такъ, химики и физики внезапно перешли отъ представленія объ элементахъ древнихъ, разсматриваемыхъ до тѣхъ поръ какъ субстанціи, къ объясненію, которое превратило эти элименты въ явленія чисто физическаго, а не химическаго порядка; говорю о трехъ основныхъ состояніяхъ вещества—твердомъ, жидкомъ и газообразномъ, которыми, въ принципѣ, могутъ владѣть всѣ тѣла, какъ простые, такъ и сложные. Разбирая именно этотъ вопросъ, Лавуазье предсказалъ возможность полученія жидкаго воздуха, что и было осуществлено только «на-дняхъ». Элементъ, соотвѣтствовавшій теплотѣ и носившій также названіе калорическаго, признавался невѣсомой жидкостью. Оставалось сдѣлать только одинъ шагъ—вычеркнуть и теплоту изъ числа субстанцій, т.-е. разсматривать ее, какъ это сдѣлалъ Лапласъ еще въ 1780 году, а мы дѣлаемъ это теперь, какъ живую силу частицъ вѣсомой матеріи.

Я не стану останавливаться дальше на выводахъ и опытахъ Лавуазье, касающихся теплоты, ея измѣренія и роли въ химіи. Но нельзя обойти молчаніемъ геніальнаго открытія, чрезвычайно важнаго для физіологіи и медицины, касающагося причинъ животной теплоты и химизма дыханія. Лавуазье былъ приведенъ къ нему, слѣдуя, какъ всегда съ неизмѣняемымъ постоянствомъ, выводамъ своихъ первыхъ открытій о процессахъ горѣнія. Если вѣрно, что теплота, выдѣляемая при химическихъ реакціяхъ, является въ большинствѣ случаевъ результатомъ сгоранія, то, разсуждалъ Лавуазье, то же самое должно быть и по отношенію къ животной теплотѣ.

Во времена Лавуазье причина развитія животной теплоты была совершенно неизвѣстна, хотя Пристлеемъ и было замѣчено, что кислородъ воздуха является существеннымъ элементомъ дыханія, а Блэкъ уже отмѣтилъ что выдыхаемый воздухъ отягченъ «тяжелымъ воздухомъ». Эти факты были извѣстны, но ихъ не связывали вмѣстѣ и не относили къ причинамъ развитія животной теплоты. Лавуазье же сдѣлалъ изъ нихъ выводы, открывъ, какъ всегда, постоянную связь между всѣми этими явленіями. Если онъ съумѣлъ это сдѣлать, то не только потому, что установилъ истинный составъ тяжелаго воздуха, какъ состоящаго изъ углерода и кислорода--отсюда и названіе угольной кислоты, но отчасти и потому, что ему же удалось опредѣлить элементарный составъ веществъ, составляющихъ тѣло животныхъ. Это были основанія, необходимыя для разумнаго пониманія наблюденныхъ фактовъ. Опираясь на нихъ, Лавуазье нашелъ, что дыханіе есть не что иное, какъ медленное горѣніе, т.-е. соединеніе органическихъ веществъ съ кислородомъ воздуха; горѣніемъ этимъ обусловливается въ одно и тоже время появленіе угольной кислоты и развитіе теплоты, поддерживающей человѣческій организмъ, при почти постоянной температурѣ. Весь животный организмъ, по крайней мѣрѣ у высшихъ животныхъ, подчиненъ этому закону,—и Лавуазье устанавливаетъ связь между большинствомъ функцій организма, причина и механизмъ которыхъ до того не были из-

вѣстны. Такъ, пища сравнивается имъ съ горючимъ матеріаломъ: пищевареніемъ она перерабатывается и превращается въ продукты, могущіе войти въ кровь; съ другой стороны, при дыханіи проникаетъ изъ воздуха въ легкія, а слѣдовательно, и въ кровь, кислородъ, необходимый для сгоранія веществъ, поступившихъ въ кровь послѣ переработки ихъ въ пищеварительномъ аппаратѣ. Такимъ образомъ, кислородъ съ одной стороны, и вещества, переработанныя изъ пищи, съ другой, а также соединенія ихъ, разносятся во всѣ части тѣла; результатомъ же всего этого является горѣніе и выдѣленіе теплоты; угольная кислота, развиваемая при горѣніи, выдѣляется черезъ легкія.

Такова общая связь между явленіями, установленная Лавуазье; онъ только нѣсколько колебался относительно мѣста, гдѣ происходитъ это горѣніе. Лавуазье выясняетъ основныя причины животной теплоты и постояннаго потребленія энергіи, необходимой для поддержанія жизни. Здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ своихъ работахъ, онъ установилъ точки отправленія современной науки.

Я представилъ вамъ все, что сдѣлалъ Лавуазье; но необходимо въ общихъ чертахъ показать, какими послѣдствіями сказались они какъ въ чистой химіи, такъ и въ ея многочисленныхъ приложеніяхъ. Я буду кратокъ, такъ какъ, чтобы нарисовать подобную картину, необходимо было бы представить исторію большинства физическихъ наукъ въ XIX вѣкѣ. Но все же я настаиваю на томъ, что представленіе о работахъ такого ученаго будетъ неправильнымъ и неполнымъ, если не показать всего того, что является слѣдствіемъ и результатомъ этихъ работъ. Представленіе о неизмѣняемости вѣса простыхъ тѣлъ господствуетъ нынѣ въ химіи; это представленіе является наиболѣе вѣрнымъ проводникомъ во всѣхъ нашихъ изысканіяхъ и позволяетъ слѣдить за всѣми измѣненіями, претерпѣваемыми даннымъ элементомъ, а затѣмъ найти его во всей неприкосновенности.

Такова научная основа всѣхъ нашихъ химическихъ уравненій о составѣ и строеніи тѣлъ и происхожденіе новой и странной алгебры, которая поразила математиковъ времени Лавуазье послѣ появленія его работъ.

Современная атомная теорія не могла бы быть создана, если бы продолжали считать за аксіому участіе теплоты и подобныхъ ей агентовъ въ образованіи вѣсомыхъ тѣлъ. Это является также твердой основой для всѣхъ нашихъ анализовъ. Различныя производства, въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя пользуются какъ обыкновенными, такъ и рѣдкими металлами, нашли въ ней точку опоры и вѣрнаго руководителя во всѣхъ своихъ операціяхъ. Въ прикладной химіи взвѣшиваніе потери и прибыли вещества основывается также на этомъ основномъ законѣ.

Въ частности, истинная роль воздуха и воды въ химическихъ явленіяхъ стала ясна только послѣ работъ Лавуазье. Я только что гово-

рилъ, какъ этотъ ученый объяснилъ образованіе кислотъ и металлическихъ окисловъ участіемъ кислорода и разложеніе этихъ послѣднихъ углемъ. Точно также, слѣдуя тому же принципу, онъ показалъ, какъ разложеніемъ воды объясняется выдѣленіе водорода при дѣйствіи кислотъ на большинство металловъ. Всѣ эти явленія окисленія и разложенія, понятыя впервые такимъ образомъ, стали примѣняться во всѣхъ нашихъ большихъ фабрикахъ кислотъ, щелочей, красящихъ, пахучихъ, лѣкарственныхъ веществъ, а также и въ металлургическихъ производствахъ. Слѣпой эмпиризмъ уступилъ мѣсто техникѣ, которая съ каждымъ днемъ все болѣе совершенствуется, такъ какъ для нея стала ясной связь между точками отправленія и результатами. Я могъ бы привести безчисленныя тому доказательства изъ исторіи индустріи XIX вѣка, но я долженъ быть краток.

Примѣненіе новыхъ идей къ агрономіи были не менѣе важны, хотя развитіе ихъ въ этой области шло гораздо медленнѣе. Сначала была констатирована благодаря Лавуазье, существенная разница между химическимъ составомъ растеній и животныхъ, причемъ найдено, что первыя состоятъ, главнымъ образомъ, изъ трехъ элементовъ—углерода, водорода и кислорода, тогда какъ вторыя содержатъ, кромѣ того, азотъ. Животныя живутъ на счетъ растеній, которыя сгораютъ въ ихъ тканяхъ подъ медленнымъ дѣйствіемъ кислорода. Только растенія образуютъ органическія вещества изъ элементовъ воды и угольной кислоты воздуха. Всѣ эти истины могли быть открыты только благодаря новымъ представленіямъ, созданныхъ Лавуазье. Онѣ же явились основой практической агрономіи. Теорія удобренія органическими и неорганическими веществами, фиксація атмосфернаго азота нѣкоторыми почвами, необходимость возстановленія элементовъ пахотной земли, правила, которыми нужно руководствоваться при разведеніи животныхъ—все это опирается на фактахъ и идеяхъ о строеніи простыхъ и сложныхъ тѣлъ, установленныхъ въ концѣ XVIII вѣка.

Физіологія, гигіена и терапевтика извлекли изъ нихъ не менѣе. Благодаря этимъ же представленіямъ было опредѣлено, какую пищу слѣдуетъ давать человѣку и животному для поддержанія ихъ силъ, смотря по роду работы, выполняемой ими, при томъ такъ, чтобы не было ни дефицита въ необходимыхъ пищевыхъ продуктахъ, ибо это приводитъ къ прогрессивному ослабленію организма, ни излишка, производящаго разстройство здоровья и болѣзнь. Знакомство съ составомъ воздуха и пропорціями газовъ, благопріятными и вредными для дыханія, знаніе состава питьевой и минеральныхъ водъ, химическія дѣйствія на различные органы и условія ихъ выдѣленія, химическая роль септическихъ и антисептическихъ веществъ,—всѣ эти вопросы были подняты и выяснены только благодаря свѣту, пролитому новыми идеями, при участіи методовъ, которые явились послѣдствіемъ ихъ. Я упомяну еще о приложеніи этихъ идей къ изученію взрывчатыхъ веществъ, играю-

щихъ столь большую роль въ индустріи и военномъ искусствѣ. Напомнимъ, кромѣ того, о результатахъ, которые съумѣли извлечь изъ новыхъ химическихъ теорій—науки, на первый взглядъ совершенно чуждыя имъ; я хочу сказать объ историческомъ и археологическомъ изученіи памятниковъ и другихъ остатковъ прежнихъ цивилизацій путемъ химическаго анализа. Но я остановлюсь на этомъ перечнѣ всѣхъ приложеній и выводовъ сдѣланныхъ изъ новыхъ теорій, пущенныхъ въ обращеніе Лавуазье 100 лѣтъ тому назадъ. Мнѣ необходимо сдѣлать оговорку. Я вовсе не хочу претендовать, что Лавуазье является единственнымъ и непосредственнымъ создателемъ всѣхъ тѣхъ открытій, которыя были мною перечислены. Но все же очевидно, что имъ былъ заложенъ прочный фундаментъ, на которомъ построено зданіе современной химіи и безъ котораго эти открытія не могли бы быть сдѣланы. Имъ же былъ поднятъ горящій факелъ истинъ, къ которымъ мы прибѣгаемъ ежедневно. И поэтому-то, по всей справедливости ему принадлежитъ часть славы въ открытіяхъ современной науки и индустріи.

Я думаю, что самое лучшее будетъ окончить настоящую рѣчь, воспроизведеніемъ нѣсколькихъ словъ самого Лавуазье изъ «Мемуаровъ Академіи» 1793 года. Слова эти покажутъ, съ какимъ глубокимъ чувствомъ говорилъ этотъ великій геній о значеніи и обязанностяхъ науки и человѣческой солидарности: «Послужить человѣчеству и заплатить долгъ родинѣ можно и не будучи призваннымъ къ исполненію общественныхъ функцій, касающихся организаціи и созиданія государства. Физикъ въ тиши лабораторіи можетъ также служить родинѣ; онъ можетъ надѣяться своими работами уменьшить ту сумму зла, которая тяготѣетъ надъ человѣчествомъ, увеличить его радости и довольство и такимъ образомъ достичь славнаго имени—благодѣтеля человѣчества».

Перев. съ франц. В. Агафоновъ.

ВЪ БУРЮ.

...Несется корабль, а навстрѣчу съ волны на волну,
Какъ мячикъ, суденышко утлое скачетъ...
Кто, дерзкій, пойдетъ этой ночью ко дну?
Надъ кѣмъ завтра чайка заплачетъ?..

Не горсть удальцовъ на просторъ изъ неволи бѣжитъ,
Иль въ край неизвѣстный за счастьемъ и славой;
Не грозная шайка добычу слѣдитъ,
Готовясь къ потѣхѣ кровавой...

То—дѣти нужды, слуги жадной корысти людской,
Богатство чужое везутъ изъ-за моря,
За хлѣбъ свой убогій—безстрашной рукой
Съ ревущей пучиною споря.

Какъ призракъ, ихъ парусъ мелькнулъ и растаялъ во мглѣ...
А море вослѣдъ имъ хохочетъ и стонетъ...
Примчитъ ли ихъ бѣшеный вѣтеръ къ землѣ,
Иль въ безднѣ кипящей схоронитъ?..

А. Колтоновскій.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Прошлый годъ въ литературѣ.—Воспоминанія и юбилеи.—Скудные итоги художественнаго творчества.—Ростъ читателя.—Читатель и печать.—Полное собраніе сочиненій Гюи де-Мопасана.—Пессимизмъ Мопасана.—Гдѣ причина безнадежнаго міросозерцанія этого автора.—Мопасанъ—жертва разлагающейся французской буржуазіи.—К. В. Назарьева.

Истекшій годъ въ литературѣ, какъ и подобаетъ концу столѣтія, былъ годомъ воспоминаній, годомъ итоговъ и юбилеевъ, на которыхъ воздавалась честь прошлому въ поученіе и назиданіе настоящему. Дружественное участіе общества въ этихъ литературныхъ торжествахъ было едва-ли не самымъ цѣннымъ фактомъ, доказывавшимъ, что литература не стоитъ одиноко въ ряду явленій нашей общественности, что возникла и окрѣпла живая связь между писателемъ и обществомъ, и если пока эта связь не такъ ощутительна, какъ можно я должно желать, все же унылое щедринское опредѣленіе взаимныхъ отношеній—«писатель пописываетъ, читатель почитываетъ»—въ значительной степени потеряло свою силу. Правда, далеко нашимъ юбилеямъ до такого единодушнаго, почти всенароднаго чествованія нашихъ писателей, какимъ былъ въ Варшавѣ юбилей Сенкевича, судя по описаніямъ этого торжества. Мы не то, что не умѣемъ воздавать должное, а скорѣе отчасти стыдимся проявлять чувства во всю мѣру ихъ силы. Это вообще отличительная черта русской натуры—стыдливость чувства, нѣкая сдержанность, отсутствіе паѳоса и экспансивности. Почему и наши юбилеи, помимо разныхъ прочихъ причинъ, всегда отдаютъ нѣкоторымъ холодкомъ, мѣшающимъ подняться глубоко скрытому чувству и выразиться съ силой, которая согрѣла бы и одушевила какъ участниковъ, такъ и зрителей. Правда и то, что и разныя прочія причины подчасъ выростаютъ въ странныя формы и создаютъ условія, которыя способны и совсѣмъ потушить искорку только-только разгорающагося огонька общественныхъ симпатій. Бѣдная наша общественность, и много приходится претерпѣть ей мытарствъ, пока она проявитъ себя хотя-бы и такъ, какъ на нашихъ юбилеяхъ, и потому все же истекшій годъ будетъ отмѣченъ ими въ исторіи.

На ряду съ юбилеями приходится помянуть и нѣсколько свѣжихъ могилъ. Смерть Михайлова-Шеллера не была неожиданностью, покойный писатель давно хворалъ и нѣкоторые газеты даже упредили событіе своими некрологами. Въ лицѣ его сошелъ со сцены одинъ изъ славныхъ могиканъ шестидесятыхъ годовъ, много сдѣлавшій для развитія нашего юношества, любимымъ писателемъ котораго онъ остается и до днесь, о чемъ свидѣтельствуютъ каталоги нашихъ провинціальныхъ библіотекъ. Его многочисленные романы и повѣсти привлекаютъ юныхъ читателей не художественностью образовъ, не выдающейся красотой формы или увлекательностью содержанія, а, если можно такъ выразиться, необычайной душевной чистотой самого автора, которою онъ надѣляетъ и своихъ героевъ, возбуждая въ душѣ читателя лучшія стремленія, возвышенные порывы къ борьбѣ за все доброе и прекрасное, о чемъ такъ пылко мечтаетъ здоровая и бодрая

юность. Шеллеръ незамѣнимъ въ этомъ отношеніи, и какъ хорошее чтеніе на зарѣ нашихъ дней, когда «сердца для чести живы», его произведенія долго будутъ играть видную и благотворную роль. И долго спустя, когда жизнь успѣетъ уже наслоить въ душѣ много грубыхъ напластованій, много черствости, себялюбія и низменныхъ житейскихъ страстишекъ, какія чистыя воспоминанія оживаютъ въ памяти каждаго его читателя въ связи съ его Шуповымъ, «Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ», «Гнилыми болотами», которыми зачитывался когда-то. Пусть все это представляется теперь и много иначе, и много вѣрнѣе, чѣмъ изображено авторомъ,—ничто не въ силахъ стереть перваго отраднаго впечатлѣнія, когда сердце билось такимъ негодованіемъ и въ умѣ назрѣвали геройскія рѣшенія. За эти незабвенныя минуты,—кто разъ пережилъ ихъ,—многіе читатели благодарны Шеллеру, и не одно сердце тоскливо сжалось, когда разнеслась вѣсть о кончинѣ этого писателя.

Шеллеръ завершилъ циклъ своего творчества и послѣдніе годы уже не писалъ. Съ нимъ сошла въ могилу сила, уже законченная, давшая много, но, пожалуй, все, что дать могла. Иное приходится сказать о смерти Владиміра Соловьева, котораго мы привыкли видѣть полнымъ жизни, бодрымъ и энергичнымъ, рѣзко, ярко, смѣло выступавшимъ съ своимъ словомъ въ каждомъ общемъ дѣлѣ. И слово его всегда было оригинально, всегда вызывало живѣйшіе споры, что одно уже свидѣтельствуетъ, сколько въ покойномъ было жизни и той энергіи мысли, которая умѣетъ находить вездѣ новое и живое. Умъ безпокойный, пребывавшій постоянно въ бореніи, Соловьевъ безспорно оригинальнѣйшая личность въ послѣдней четверти прошлаго вѣка, каждый шагъ которой запечатлѣнъ особой умственной благодатью, даже тогда, когда онъ, по общему мнѣнію, несомнѣнно ошибался. Въ этихъ ошибкахъ билась все та же воинствующая мысль, стремившаяся пробить новый путь или расширить проторенный. Но когда онъ былъ правъ, какой мощи и красоты достигала тогда его мысль!.. Его неожиданная смерть нанесла глубокій ущербъ русскому обществу, которое имѣло полное право ждать дальнѣйшаго роста его личности и новыхъ плодовъ его неутомимой мысли. Онъ далъ много и имя его глубоко врѣзано въ исторію русской мысли, но и унесъ онъ много зачатковъ, для расцвѣта которыхъ нужно было только время. Онъ умеръ въ полной силѣ умѣ и сердца, въ расцвѣтѣ своей литературной дѣятельности, на что указываютъ его «Три разговора подъ пальмами» и начатый грандіозный трудъ о Платонѣ.

Переходя къ литературнымъ итогамъ прошлаго года, приходится отмѣтить ихъ общую скудность. За весь годъ не появилось ни одного крупнаго произведенія въ той или иной области, а художественная литература была особенно бѣдна. Интересно между прочимъ, что это явленіе оскудѣнія замѣчается не только у насъ, но и въ западной литературѣ, гдѣ тоже на протяженіи цѣлаго года не появилось ничего выдающагося. Такое затишье, можетъ быть, знаменуетъ будущее обиліе. По крайней мѣрѣ, уже теперь началось печатаніе новаго романа Зола «Трудъ», въ Берлинѣ появилась на сценѣ «нѣмецкаго театра» новая драма Гауптмана, у насъ газеты уже возвѣстили о новомъ произведеніи Толстого, его драмѣ «Трупъ». Самымъ виднымъ, пожалуй, если не по размѣрамъ, то по неоспоримымъ художественнымъ достоинствамъ, было небольшое, но прекрасно написанное и глубокое по замыслу произведеніе г. Чехова «Въ оврагѣ» и его «Дядя Ваня». Максимъ Горькій началъ было очень интересно задуманную вещь «Мужики», но, повидимому, остался самъ недоволенъ ею и прекратилъ печатаніе. По прежнему, этотъ замѣчательный художникъ продолжаетъ привлекать къ себѣ и публику, и критику, если судить по новымъ критическимъ этюдамъ, посвященнымъ выясненію его художестваннаго таланта. Кромѣ книги о немъ г. Соловьева, появилась работа г. Боцяновскаго и въ «Ежегодникѣ» коллегіи Павла Галагана большая статья г. Александровскаго.

Если не качественный, то количественный ростъ литературы продолжается неизмѣнно, чтò видно не только по развитію текущей печати, но главнымъ образомъ по массѣ выходящихъ книгъ. Особенно богата переводная литература, въ которой почти одновременно появляются многочисленныя изданія, только что вышедшія въ оригиналѣ. Фактъ безспорно отрадный, указывающій на ростъ читателя, который предъявляетъ все большія требованія. Вопросъ объ этомъ читателѣ возникъ, между прочимъ, и въ печати, по поводу интереснаго сообщенія кн. Волконскаго о ростѣ провинціальнаго читателя и объ отношеніи послѣдняго къ текущей печати. За послѣднюю четверть вѣка, несомнѣнно, народился новый читатель, явившійся изъ тѣхъ слоевъ населенія, которые раньше не имѣли ничего общаго съ литературой. Положимъ, мы еще и теперь далеки отъ того времени, о которомъ мечталъ Некрасовъ, когда

«Дадутъ понять крестьянину,
Что розь портретъ портретику,
Что книга книгѣ розь;
Когда мужикъ не Блюхера
И не милорда глупаго—
Бѣлинскаго и Гоголя
Съ базара понесетъ».

Но съ распространеніемъ грамотности съ одной стороны, съ другой — съ общимъ ростомъ культуры интересъ къ чтенію, къ книгѣ сталъ проникать и въ такіе углы, гдѣ прежде книга встрѣчалась какъ рѣдкость и за предѣлы помѣщичьей усадьбы не выходила. Замѣчательно, насколько ясна связь между распространеніемъ книги вообще и промышленнымъ развитіемъ. Такъ, мы приводили въ декабрьской книгѣ нашего журнала выдержки изъ интереснаго доклада г. Пѣшехонова о сравнительномъ распространеніи газеты, изъ котораго видно, что въ южныхъ губерніяхъ приходится по двѣ газеты на губернію, въ Поволжьѣ около $1^1/_2$, а въ средней Россіи только $^2/_5$ на губернію, сѣверныя же и пріозерныя лишены вовсе газетъ. Если съ этими данными сравнить цифры, приводимыя ежегодно въ «журнальной статистикѣ» нашего журнала, то получается полное почти совпаденіе. Главная масса читателей нашего, напр., журнала оказывается тоже на югѣ и въ Поволжьѣ, если исключить, конечно, столицы и большіе университетскіе центры. Средняя Россія — это страна земледѣльческаго труда по преимуществу, гдѣ и промышленность сохранила еще первоначальный характеръ домашняго производства. Югъ, напротивъ, это царство крупной промышленности, желѣзодѣлательной и горной, развившейся, можно сказать, чуть не вчера и все еще развивающейся. То же можно сказать и о Поволжьи, съ его огромнымъ торговымъ движеніемъ и крупной промышленностью, все болѣе основывающейся на берегахъ Волги.

Такія, хотя и скудныя еще, данныя характеризуютъ до извѣстной степени новаго читателя. Прежде, лѣтъ 20—30 назадъ, это былъ по преимуществу интеллигентъ — помѣщикъ, врачъ, чиновникъ, для котораго книга, журналъ, газета, были пріятнымъ отдохновеніемъ отвлеченіемъ отъ житейской прозы. Въ нихъ онъ искалъ подтвержденія своихъ взглядовъ, видѣлъ свою компанію, свое общество, гдѣ онъ строго выбиралъ лишь то, что болѣе или менѣе приближалось къ его убѣжденіямъ. Такое отношеніе къ текущей печати сохранилось до извѣстной степени и теперь, но новый читатель принесъ и новыя требованія: онъ хочетъ больше всего знаній, фактовъ, разнообразія содержанія. Въ книгѣ, въ газетѣ, въ журналѣ онъ ищетъ расширенія узкихъ рамокъ своей жизни, которая, вообще, такъ небогата и однообразна. Этотъ новый читатель, поднимающійся изъ низшихъ слоевъ общества, похожъ на юношу, только что вступающаго въ жизнь. Онъ жаденъ на впечатлѣнія, не отдавая себѣ яснаго отчета въ ихъ достоинствѣ, лишь бы они были ярче, свѣжѣе, обильнѣе. Отсюда и тѣ перемѣны въ печати, которыя замѣчены разными кри-

тиками ея,—фактическая сторона сильно растетъ въ ущербъ тому, что прежде отводилось разсужденію. Длинныя, нѣсколько тяжеловѣсныя передовицы сильно сократились, зато выросъ рядъ отдѣловъ, посвященныхъ изложенію фактовъ. То же надо сказать и о книгѣ, которая сократилась въ размѣрѣ, за то выросла количественно, такъ сказать, разбилась на массу небольшихъ книжекъ, сжатыхъ и дешевыхъ, которыхъ новый читатель поглощаетъ тысячами. Но это не мѣшаетъ ея серьезности, такъ какъ самыя, повидимому, тяжеловѣсныя для чтенія вещи идутъ тѣмъ не менѣе отлично, насколько можно судить по количеству все новыхъ и новыхъ изданій. Количество послѣднихъ просто подавляетъ сравнительно съ количествомъ, напр., выходящихъ журналовъ. Число экземпляровъ, въ которыхъ расходятся наиболѣе распространенные журналы, просто ничтожно передъ тѣми сотнями тысячъ книгъ, начиная съ десятикопѣечной брошюрки и до рублевыхъ и дороже изданій. Центръ тяжести чтенія все болѣе, такимъ образомъ, перемѣщается. Съ одной стороны, это небольшія дешевыя газеты, съ другой — книги. Большая газета и журналъ остаются и теперь достояніемъ избранной публики, массовый читатель ускользаетъ отъ ихъ вліянія, предпочитая болѣе доступную ему и по цѣнѣ, и по содержанію мелкую прессу и небольшую книгу.

Большое удовлетвореніе даетъ ему и мѣстная печать, которая, не смотря на свою юность—средній возрастъ меньше 14 лѣтъ, является теперь важнымъ и сильнымъ соперникомъ столичной. Не говоря уже о томъ, что она значительно дешевле, въ тоже время она проще, доступнѣе и... содержательнѣе. Послѣднее не только въ томъ смыслѣ, что она отводитъ много мѣста своимъ мѣстнымъ интересамъ, которые, понятно, живо затрогиваютъ и мѣстнаго читателя, но она серьезнѣе, сосредоточеннѣе, не только даетъ больше фактовъ, выбираемыхъ ею изъ извѣстій столичной печати, но и подбираетъ ихъ строже и внимательнѣе. Если взять провинціальную печать въ массѣ, то, за рѣдкими исключеніями, она серьезнѣе столичной. Это показываетъ, что новый читатель, который ее въ значительной степени создалъ, гораздо требовательнѣе, чѣмъ можно было бы думать. Это объясняется тѣмъ, что онъ свою газету не просто пробѣгаетъ между дѣломъ, а основательно изучаетъ, прочитывая ее отъ доски до доски. Она даетъ ему содержаніе на цѣлый день, а иногда и много дольше, такъ какъ лучшія статьи обсуждаются и сохраняются долго спустя послѣ появленія, и нерѣдко подвергаются весьма обстоятельной и разрушительной критикѣ, которая подчасъ и высказывается автору или редакціи лично, иногда въ весьма наивной, но по большей части дѣловитой формѣ. Столичный авторъ или редакція большею частью имѣютъ дѣло и считаются съ критикой своего же собрата, тогда какъ въ провинціи это — весь городъ и рѣдко соперникъ, ибо мало городовъ, гдѣ бываетъ не одна, а двѣ-три газеты. Отсюда болѣе ощутительное сознаніе своей отвѣтственности и большая личная щепетильность, болѣе вдумчивое и серьезное отношеніе къ своему дѣлу, на которое большинство провинціальной пишущей братіи до сихъ поръ смотритъ какъ на своего рода миссію. И они правы, конечно, когда съ горечью указывали въ собраніи союза взаимопомощи русскихъ писателей на легковѣсность сообщеній столичной печати о провинціальныхъ нуждахъ и фактахъ. «Вырвать изъ мѣстной газеты какой-нибудь фактъ,—говоритъ сотрудникъ «Орловскаго Вѣстника», г. Лемке, въ «Сѣверномъ Курьерѣ»,—влѣпить его въ свой «провинціальный» отдѣлъ и, ничтоже сумняся, строить на этомъ массу умозаключеній—явленіе въ столичной прессѣ, къ ея великому стыду, обычное, заурядное. Что фактъ этотъ находится въ самой тѣсной связи съ очень многими другими, о которыхъ въ этомъ нумерѣ даннаго провинціальнаго органа не упомянуто; что у этого факта есть уже своя исторія; что о немъ еще раньше говорилось много въ разныхъ отдѣлахъ газеты; что, наконецъ, онъ требуетъ къ себѣ внимательнаго и вдум-

чиваго отношенія—все это не приходитъ въ голову ни завѣдующему отдѣломъ столичной газеты, ни тѣмъ болѣе довѣряющей ему редакціи». Тутъ много правды, хотя и односторонней, такъ какъ отводить слишкомъ много мѣста провинціи не позволяютъ свои специфическія задачи. Но мы привели это мѣсто, какъ очень характерное для опредѣленія метода работы провинціальнаго работника печати, для котораго его дѣло прежде всего служеніе, и какъ таковое, оно требуетъ полной преданности, полнаго вниманія и самаго безкорыстнаго къ себѣ отношенія. И дѣйствительно, въ значительной части провинціальная печать во всѣхъ этихъ отношеніяхъ безупречна.

Ростъ читателя и въ связи съ нимъ книгоиздательства и провинціальной печати едва ли не самыя видныя явленія нашего культурнаго подъема въ концѣ минувшаго вѣка. Если принять во вниманіе, что это явленіе, можно сказать, чуть не вчерашняго дня, что еще лѣтъ двадцать-тридцать назадъ книга и газета въ провинціи были рѣдкостью, скорѣе пріятною случайностью, чѣмъ обыденнымъ фактомъ, то не указываетъ ли это на возможность нѣкоторыхъ свѣтлыхъ перспективъ въ ближайшемъ будущемъ?

Одновременно съ этимъ сравнительно быстрымъ наростаніемъ умственныхъ интересовъ, наблюдается, какъ мы видимъ, и другое явленіе, лежащее въ основѣ его, если не какъ перво-причина, то какъ одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ. Мы имѣемъ въ виду тотъ поразительно быстрый переворотъ, какой произошелъ въ нашемъ хозяйствѣ за это же время. Изъ натуральнаго земледѣльческаго оно стало товарно-промышленнымъ, вдвинувъ Россію въ общій міровой круговоротъ и тѣмъ связавъ насъ неразрывными узами съ общечеловѣческой культурой. Говорить теперь о нашей самобытности, объ особыхъ путяхъ развитія, нарочито для насъ созданныхъ, едва ли возможно, и тѣмъ менѣе еще—строить на такомъ мнимомъ основаніи особые прогнозы и предсказанія о судьбахъ русскаго народа.

Девятнадцатый вѣкъ былъ для послѣдняго только продолженіемъ движенія, начавшагося еще задолго, но получившаго особо ускоренный темпъ именно въ этомъ вѣкѣ. Мы стали европейцами, которымъ ничто европейское не чуждо. Не касаясь ничего другого, остановимся только на нашей великой литературѣ, которая стоитъ теперь на уровнѣ любой западной, не только всѣми признана, какъ равноправная по силѣ и геніальности русскаго народа, но нѣкоторыми признается даже выше, съ чѣмъ мы, положимъ, не вполнѣ согласны. Хотя дѣйствительно, единственный міровой геній въ литературѣ нынѣ—Левъ Толстой, и онъ—русскій. Еще недавно возникло въ Европѣ даже литературно-художественное общество имени Толстого, лишнее доказательство того вліянія, какое русская литература оказываетъ на западную. Сравнительно недавно европейскій читатель почти не зналъ русскаго писателя. Только Тургеневу особенно посчастливилось, и то не столько благодаря его таланту, насколько многочисленнымъ связямъ съ французскими писателями. Теперь, напротивъ, даже второстепенные русскіе писатели переведены и переизданы и завоевали себѣ не меньшую популярность, чѣмъ у себя на родинѣ. И какъ бы въ подтвержденіе этого вліянія русской литературы на западную, въ послѣдней стали раздаваться предостерегающіе голоса противъ увлеченія «русскимъ духомъ» и т. п. Сто лѣтъ назадъ, наши предки зачитывались «Письмами русскаго путешественника», этимъ дѣтскимъ лепетомъ восторженнаго юноши предъ чудесами европейской культуры, и автору этихъ писемъ едва ли приходило въ голову, что наступитъ время, когда Европа будетъ зачитываться твореніями его соотечественниковъ, искать въ нихъ этическихъ указаній и рѣшеній самыхъ жгучихъ вопросовъ современности.

При оцѣнкѣ этого культурнаго факта огромной важности, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что своихъ успѣховъ русская литература добилась по истинѣ кровавой

борьбой. Ея каждый шагъ былъ запечатлѣнъ великими жертвами, каждое завоеваніе было совершено съ великими муками.—Оглянемся назадъ, какая вереница блѣдныхъ тѣней съ «вѣнкомъ терновымъ на челѣ!» Радищевъ съ «кубкомъ яда полнымъ», на порогѣ столѣтія какъ бы указующій тотъ путь, которымъ надлежало идти русской литературѣ на ея Голгофу. Безумный Батюшковъ, съ недопѣтой пѣснью на устахъ. Чаадаевъ—первый русскій философъ, объявленный сумасшедшимъ. Грибоѣдовъ съ его «милліономъ терзаній», не нашедшихъ и по нынѣ утоленія. Трагическая личность Пушкина, который палъ жертвою великаго, непосильнаго для одного человѣка подвига—облагородить и поднять свое общество на степень человѣка. Онъ, какъ Святогоръ-богатырь, думалъ, что можетъ поднять землю, и «ушелъ въ нее по колѣна», подавленный этою тягой. Мы до сихъ поръ питаемся отъ духа его, но самъ онъ, «духовной жаждою томимъ», всю жизнь «влачился въ пустынѣ», окружавшей его, и пуля Дантеса, быть можетъ, была для него величайшимъ благодѣяніемъ. А рядомъ съ нимъ «другой еще невѣдомый избранникъ», павшій на зарѣ своего развитія, титаническій Лермонтовъ. Далѣе измученный сомнѣніями, подавленный ужасомъ предъ нарисованной имъ же безсмертной картиной русской жизни—Гоголь. Полузадавленный Бѣлинскій, только въ письмахъ могшій раскрыть свою душу, и всею жизнью подтвердившій правду своего завѣта—«литературѣ рассейской жизнь и кровь моя». Цѣпи Достоевскаго, «въ крови кнутомъ изсѣченная муза» Некрасова, муки изгнанниковъ Огарева и Герцена, безвременная смерть Добролюбова и Писарева—вотъ они, этапы мученическаго развитія этой литературы, которая составляетъ нынѣ нашу славу и гордость. Вспомнимъ и тѣхъ невѣдомыхъ міру малыхъ сихъ, имя же имъ легіонъ, изъ которыхъ состояла армія русской печати, по каплямъ, по крупицамъ проводившихъ въ сознаніе русскаго народа то, что создали великаго его лучшіе творцы и духовные вожди. Муки ихъ никому неизвѣстны, но онѣ не меньшія, ибо каждому въ мѣру силъ его.

Но въ концѣ концовъ все же создалось изъ этой крови, мукъ и терзаній величавое зданіе, на вѣки нерушимое, которое именуется русскою литературой. «Такъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ»,—и булатъ былъ выкованъ на диво. Своимъ сіяніемъ, остротой и непреодолимою силою размаха онъ восхищаетъ насъ и служитъ залогомъ лучшихъ обѣтованій. И онъ—твореніе девятнадцатаго вѣка. За это одно уже минувшій вѣкъ заслуживаетъ великой благодарности, какъ бы ни былъ труденъ пройденный путь. Эта литература завѣщаетъ намъ рядъ великихъ задачъ, поставленныхъ ею, но далеко не рѣшенныхъ, и устами великаго поэта призываетъ къ дальнѣйшей работѣ:

Трудись по силамъ и желай,
Чтобъ трудъ былъ вѣчно сладокъ;
Чтобъ испустить послѣдній вздохъ
Не въ праздности,—въ работѣ,
Какъ старый песъ мой, что издохъ
Надъ гаршнепомъ въ болотѣ.

Во французской литературѣ послѣдней четверти вѣка есть писатель, произведенія котораго могутъ служить какъ бы послѣднимъ словомъ французской буржуазіи, нашедшей въ немъ не только превосходнаго изобразителя своихъ нравовъ, но и своего судью, высказавшаго ей все, что составляетъ ея сущность. Сто лѣтъ назадъ третье сословіе Франціи выступило на міровую арену во всей мощи только что начавшаго жить политически сословія, выдвинуло рядъ удивительныхъ силъ на всѣхъ поприщахъ общественной жизни и яркихъ талантовъ въ литературѣ. Кульминаціонной точки развитія оно достигло въ серединѣ вѣка и въ эпоху второй имперіи начало медленно, но неуклонно разлагаться. Въ первую эпоху его выразителемъ можно считать Бомарше. Его Фигаро, полный неодолимой жизнерадостности, кипучій, несокрушимый, готовый на все,

потому что считаетъ себя въ правѣ посягнуть на все и быть всѣмъ,—вотъ образъ того сословія, которое ниспровергло старый порядокъ и осуществило программу Сіэса. Въ серединѣ столѣтія оно еще мощно, жадно любитъ жизнь и побѣдоносно завоевываетъ ее. Въ литературѣ это—Бальзакъ, съ его безконечной плодовитостью, грандіозными планами обогащенія, здоровымъ юморомъ и рѣзкой сатирой, реалистъ до мозга костей, котораго жизнь радуетъ сама по себѣ. Но уже со второй половины вѣка въ побѣдномъ гимнѣ буржуазіи начинаютъ слышаться нотки усталости и разочарованія, которыя послѣ разгрома переходятъ въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ въ скорбный, глухой стонъ Гюи де-Мопасана, съ его надрывающей сердце жалобой на одиночество и отсутствіе цѣли въ жизни.

Герой Гюи де-Мопасана не просто французъ, онъ французъ-парижанинъ, и этимъ опредѣляется все содержаніе этого типа. Въ Парижѣ, какъ въ фокусѣ, сосредоточивается все самое яркое въ жизни Франціи, именно здѣсь и буржуазія получила наиболѣе яркое свое выраженіе. Какъ нѣкогда Парижъ былъ мѣстомъ ея героической борьбы за права человѣка, такъ въ послѣднюю четверть вѣка Парижъ сталъ ареной самыхъ смѣлыхъ и циническихъ подвиговъ разнузданныхъ аппетитовъ буржуазіи. Принципъ «обогащайтесь!»—брошенный нѣкогда съ трибуны однимъ изъ самыхъ популярныхъ буржуазныхъ министровъ-мыслителей (Гизо),—превратился пятьдесятъ лѣтъ спустя въ принципъ «наслаждайтесь». Буржуазія осуществила его съ такимъ же успѣхомъ, какъ и первый, и довела въ Парижѣ культъ наслажденія до апогея, до той ступени, гдѣ наслажденіе радостями жизни сливается съ преступленіемъ. Мопасанъ явился превосходнымъ изобразителемъ этой вакханаліи временъ упадка французской буржуазіи, которую онъ представляетъ пораженному читателю въ безконечномъ разнообразіи, начиная отъ жалкой семьи мелкаго чиновника, лавочника, рантьера и до высшихъ представителей ея—воротилъ биржи, политики, прессы. Но при всемъ разнообразіи типовъ предъ нами все время въ сущности одно лицо—парижанинъ или парижанка, которые силятся взять отъ жизни все, что она можетъ дать по части наслажденія.

Уровень развитія этого излюбленнаго героя Мопасана весьма не высокъ. Наиболѣе цѣльно и всесторонне онъ изображенъ въ романѣ «Милый другъ», въ которомъ заключаются всѣ типы и безчисленные персонажи его мелкихъ разсказовъ. «Милый другъ» прежде всего здоровое, сильное животное, дерзкое при удачѣ и трусливое, растерянное въ минуту пораженія. Онъ—типичный буржуа, который, захлебываясь отъ восторга, кричалъ сначала «въ Берлинъ! въ Берлинъ!»—а послѣ первыхъ пораженій удиралъ во всѣ лопатки, сдавая крѣпости съ двухсотъ-тысячными арміями и въ видѣ реванша своему патріотическому чувству разстрѣливая тысячами коммунаровъ. «Милый другъ» не имѣетъ никакихъ широкихъ плановъ, никакихъ высокихъ порывовъ, ничего захватывающаго, поднимающаго его надъ прозой жизни. Онъ—сама умѣренность и аккуратность во всемъ, что имѣетъ идейную подкладку. Въ политикѣ онъ сторонникъ того правительства, которое у власти, и готовъ служить любому, разъ оно гарантируетъ ему опредѣленную плату. Чѣмъ больше послѣдняя, тѣмъ больше его патріотизмъ, и потому онъ съ легкимъ сердцемъ измѣняетъ любому правительству, если видитъ въ этомъ для себя выгоду. Въ прессѣ онъ—бандитъ, продающій свое перо тому, кто больше дастъ. Въ жизни онъ преслѣдуетъ одну цѣль—больше денегъ и въ особенности женщинъ. Въ свои отношенія къ нимъ онъ вноситъ тѣ же принципы—дерзость и нахальство и преуспѣваетъ, какъ и на всѣхъ другихъ поприщахъ. Для него не существуетъ ничего высокаго, священнаго, предъ чѣмъ онъ преклонился бы или отступилъ въ почтительномъ страхѣ. Онъ обманываетъ друга, помогшаго ему взобраться на первую ступень лѣстницы, ведущей къ успѣху, и у постели умирающаго договаривается съ

его женой о будущемъ бракѣ съ ней. Онъ бьетъ своихъ любовницъ, выдаетъ довѣренныя ему тайны, соблазняетъ дочь женщины, съ которой вступилъ въ интимную связь не по любви, а изъ самыхъ низкихъ разсчетовъ выгоды,—и вездѣ торжествуетъ, не встрѣчая отпора. Иначе и быть не можетъ, такъ какъ все буржуазное общество таково же, и если «Милаго друга» осуждаютъ, то лишь изъ зависти къ его успѣхамъ.

Таковъ герой, проходящій во всѣхъ романахъ, повѣстяхъ, безчисленныхъ разсказахъ Мопасана,—и рядомъ съ нимъ его подруга—парижанка, созданіе, утонченное по внѣшности и примитивно-простое и грубое по внутреннему содержанію. Для нея все сводится къ одному—нравиться мужчинамъ, чтобы быть наряжаемой и ласкаемой. О любви, которая наполняетъ какъ будто ея жизнь, здѣсь нѣтъ и рѣчи. Буржуазка-парижанка, пожалуй, еще гнуснѣе «милаго друга». У послѣдняго иногда въ глубинѣ души просыпается какой-то смутный страхъ, что не все въ жизни сводится къ наслажденію, что, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ есть нѣчто болѣе высокое и что оно можетъ вдругъ заявить свои права. Отсюда его смущеніе прежде всего передъ смертью. Онъ не любитъ думать о ней и всячески отворачивается отъ всего, что напоминаетъ ему о смерти. И подъ вліяніемъ этого смутнаго страха онъ иной разъ воздерживается отъ прямой подлости. Не такова буржуазка, для которой въ буквальномъ смыслѣ слова нѣтъ предѣла въ паденіи и ничего священнаго, даже въ смерти. Замѣчательно, что у Мопасана рядомъ съ побѣдоноснымъ «милымъ другомъ» есть всегда типъ усталаго резонера, который наводитъ тоску на «милаго друга» своими унылыми рѣчами. Далѣе мы увидимъ, какое значеніе для самого Мопасана получаетъ этотъ пресытившійся резонеръ пессимистъ. Но среди массы выведенныхъ Мопасаномъ женщинъ нѣтъ ни одной, которая задумывалась бы надъ вопросами болѣе глубокаго свойства, чѣмъ о платьяхъ, любовныхъ интрижкахъ, побѣдахъ надъ соперницами и т. п. Мопасанъ безподобно рисуетъ ихъ внѣшность, всѣ соблазны ихъ тѣла, всѣ изгибы ихъ примитивной души, и въ общемъ получается образъ отталкивающаго совершенства. Одинъ только разъ онъ дѣлаетъ попытку дать какъ будто болѣе чистый образъ, въ романѣ «Жизнь» въ лицѣ добродѣтельной графини, всю жизнь страждущей отъ этой добродѣтели. Но это единственное, пожалуй, не живое лицо въ галлереѣ Мопасана, гдѣ, напротивъ, всѣ женскіе типы такъ и искрятся и сверкаютъ жизнью и правдой. Лица мужчинъ у него несравненно блѣднѣе, однообразнѣе и скучнѣе.

Но Мопасанъ не только художникъ. Онъ философъ и поэтъ, отсюда его проникающее нарисованную имъ картину буржуазіи — презрѣніе къ ней и глубокій пессимизмъ. Среди его безчисленныхъ разсказовъ есть одинъ — «Пышка», въ которомъ это презрѣніе къ буржуазіи выражено съ поразительной яркостью. «Пышка»—одно изъ «милыхъ, но погибшихъ созданій»—попадаетъ, благодаря случаю, въ компанію путешественниковъ, состоящую изъ различныхъ представителей французскаго мѣщанства. Эта компанія ѣдетъ изъ Бордо въ одинъ изъ городовъ сѣвернаго департамента. Дѣло происходитъ въ печальную эпоху нѣмецкаго погрома. Застигнутые въ дорогѣ снѣжной бурей, фешенебельные буржуа испытываютъ голодъ, такъ какъ не запаслись провизіей, привыкнувъ къ тому, что за деньги вездѣ все можно достать дорогой. Одна «Пышка» оказывается болѣе прозорливой и, любя поѣсть, запаслась доброй корзиной съ провизіей. Съ обычнымъ художественнымъ юморомъ Мопасанъ описываетъ мученія голода почтенной компаніи, созерцающей, какъ «Пышка», уничтожаетъ свои припасы. Презрѣніе къ ней, какъ къ «падшему созданію», не позволяетъ остальнымъ обратиться къ ея великодушію, но «Пышка», хотя и глубоко оскорбленная ихъ нескрываемымъ къ ней отношеніемъ, сама отдаетъ имъ свои запасы, которые они и уничтожаютъ съ жадностью, не выказавъ ей ни

малѣйшей благодарности. Затѣмъ они попадаютъ въ небольшой городокъ по дорогѣ, занятый нѣмецкимъ аванпостомъ, и здѣсь дѣло осложняется. Нѣмецкій офицеръ задерживаетъ всю компанію и условіемъ пропуска ставитъ.... «Пышку». Послѣдняя рѣшительно и смѣло отвергаетъ его требованіе. Тогда высокофешенебельная компанія пускаетъ въ ходъ всѣ хитрости, чтобы побудить бѣдную «Пышку» уступить, ни мало не смущаясь позорностью самаго требованія и даже упрекая ее въ недостаткѣ... патріотизма. Послѣ долгой борьбы, не встрѣчая поддержки въ своихъ случайныхъ товарищахъ, «Пышка» уступаетъ общему настоянію, и обрадованная компанія поскорѣе выбирается изъ городка, запасшись на дорогу массой провизіи. Только огорченная, подавленная и опозоренная «Пышка» забыла о себѣ, и разсказъ заканчивается сценой, какъ торжествующая компанія уплетаетъ свои припасы, а злополучная «Пышка», всѣми отвергнутая, осмѣянная и презираемая, заливается слезами отъ стыда, голода, безсильной ярости и непреоборимой ненависти къ этой сытой и наглой компаніи, которая считаетъ себя представительницей всей лучшей Франціи.

Этотъ безподобно написанный разсказъ — настоящая пощечина буржуазной Франціи, той буржуазіи, которая позорно сдала побѣдителю армію въ Седанѣ и народную честь въ Версалѣ, купивъ этимъ возможность разсчитаться съ бунтующимъ народомъ и длить вакханалію, начатую имперіей и продолжающуюся во всю при республикѣ. Созерцая эту буржуазію, проникая ее насквозь всевидящимъ окомъ художника, Мопасанъ содрогается отъ отвращенія и презрѣнія къ ней. Но онъ самъ—кость отъ кости той-же буржуазіи, плоть отъ плоти ея, и потому не видитъ, не слышитъ ничего, кромѣ того общества, которое изобразилъ такъ, что послѣ него не остается другимъ художникамъ добавлять что-либо. И онъ впадаетъ въ безнадежнѣйшій пессимизмъ, въ безъисходное отчаяніе. Его страданія тѣмъ невыносимѣе, что онъ, сознавая свое одиночество въ этомъ разлагающемся въ обществѣ, чувствуетъ, что ему тѣмъ не менѣе не уйти отъ него, такъ какъ другого общества онъ не знаетъ, болѣе того—представить себѣ не можетъ.

Въ прекрасномъ, настоящемъ стихотвореніи въ прозѣ, разсказѣ «Одиночество» онъ изобразилъ эту муку души, не находящей себѣ отвѣта въ томъ мірѣ, который ее окружаетъ. Послѣ веселаго обѣда въ кругу друзей, разсказчикъ удаляется съ однимъ изъ собесѣдниковъ и при видѣ влюбленныхъ парочекъ, пріютившихся въ тѣни деревьевъ на бульварѣ, повѣряетъ испытываемую имъ муку одиночества.

«Бѣдные люди!—говоритъ онъ.—Я питаю къ нимъ не отвращеніе, а жалость. Среди всѣхъ тайнъ человѣческой жизни есть одна, которую я проникъ: наше великое мученіе въ жизни заключается въ томъ, что мы постоянно одни, и всѣ наши усилія, всѣ наши дѣйствія направлены лишь къ тому, чтобы избѣжать этого одиночества.. Блаженни нищіе духомъ, говоритъ Писаніе. Они имѣютъ иллюзію счастья. Они не чувствуютъ наше бѣдственное одиночество, не блуждаютъ въ жизни, какъ я, не зная другого прикосновенія, кромѣ прикосновенія локтей, не вѣдая иной радости, какъ эгоистичное удовлетвореніе понимать, видѣть, угадывать и страдать безъ конца отъ сознанія нашего вѣчнаго одиночества... Да, никто не понимаетъ другъ друга, что бы ни думали, что бы ни говорили, что бы ни дѣлали. Знаетъ ли земля, что происходитъ вотъ на этихъ звѣздахъ, брошенныхъ огненнымъ посѣвомъ въ пространствахъ такъ далеко, что мы видимъ свѣтъ только нѣкоторыхъ изъ нихъ, между тѣмъ, какъ безчисленное количество другихъ потеряно среди безконечности, и все же такъ близко, что они, можетъ быть, составляютъ одно цѣлое, какъ молекулы тѣла? Такъ вотъ, человѣкъ знаетъ не болѣе того, что происходитъ въ другомъ человѣкѣ».

Этотъ мотивъ постоянно повторяется у Мопасана, какъ однообразный при-

нѣвъ къ скучной, давно ему пріѣвшейся житейской сказкѣ. Онъ рисуетъ всю пошлость мѣщанства, всю низменность его желаній, страстей и интересовъ, съ дрожью отвращенія уходитъ отъ этого общества сытыхъ и довольныхъ лавочниковъ и рентьеровъ и съ ужасомъ останавливается. Ему некуда идти, внѣ этого общества онъ еще болѣе одинокъ. И онъ снова и снова возвращается туда же. Хотя это общество, по его словамъ, — общество «обезьянъ», но оно на время спасаетъ его отъ другой муки, которая также неустанно точитъ его. Мука эта—вѣчный страхъ смерти. Онъ преслѣдуетъ его на каждомъ шагу, и разочарованный и пресыщенный резонеръ, который своими унылыми рѣчами о бренности всего земного преслѣдуетъ «милаго друга», отравляя ему наслажденіе его побѣдами, становится вѣчнымъ спутникомъ Мопасана. Вслушайтесь въ пѣсенку этого спутника, и вы поймете, что самъ Мопасанъ былъ по существу буржуазнымъ философомъ. «Чего вы ждете? Любви? Еще нѣсколько поцѣлуевъ и все вамъ надоѣстъ. А затѣмъ дальше что? Деньги? На что? Платить женщинамъ? Нечего сказать, счастье! Чтобы ѣсть много, разжирѣть и цѣлыми ночами кричать отъ подагры? А еще что? Слава? Къ чему она служитъ, если ее нельзя срывать подъ видомъ любви. А затѣмъ? Въ концѣ все же смерть». Такъ говоритъ унылый резонеръ, пресытившійся всѣмъ, что составляетъ цѣль и смыслъ жизни буржуа. Ахъ, если бы можно было вѣчно не стариться, вѣчно любить и не пресыщаться—вотъ была бы истинная радость, не омраченная и свѣтлая! И ничего, ни намека даже на возможность болѣе высокихъ интересовъ, болѣе высокаго существованія. Разъ невозможенъ постоянный, длящійся до безконечности пиръ, начинаются муки буржуазной души, которая трепещетъ въ чаяніи надвигающейся смерти. «Теперь я ее (смерть) вижу такъ близко подлѣ себя, что испытываю желаніе протянуть руку и оттолкнуть ее. Она покрываетъ землю и наполняетъ пространство. Я ее вездѣ нахожу. Насѣкомыя, раздавленныя на дорогѣ, опадающіе листья, сѣдой волосъ въ бородѣ пріятеля мучитъ мое сердце и кричитъ мнѣ: «Вотъ она!» Она портитъ мнѣ все, что я дѣлаю, вижу, ѣмъ, пью, люблю, свѣтъ луны, восходъ солнца, необъятное море, чудныя рѣки, воздухъ лѣтнихъ вечеровъ, когда такъ легко дышится... И никогда никто не возвращается, никогда... За что уцѣпиться? Куда обратиться съ криками о помощи? Во что вѣрить? Всѣ религіи безтолковы съ ихъ ребяческою моралью съ ихъ эгоистическими обѣщаніями, чудовищно глупыми. Только смерть несомнѣнна». Эта нелѣпая выходка противъ религіи чрезвычайно характерна для буржуа конца XIX в. Сто лѣтъ назадъ онъ былъ «либрпансеромъ», вольтерьянцемъ, и щеголялъ своимъ безвѣріемъ. Тогда онъ былъ полонъ юношескою отвагой и снисходительно кивалъ Богу въ знакъ нѣкоего дружественнаго сочувствія. «Если бы Бога не было, то надо было бы его изобрѣсти», говорилъ онъ тогда въ увѣренности, что при случаѣ онъ способенъ даже и на это. А теперь, одряхлѣвшій и опустившійся, онъ готовъ примириться съ Богомъ, только по старой привычкѣ не можетъ не поторговаться съ нимъ.

Чувство одиночества и страхъ смерти такова подкладка пессимизма Мопасана, который вполнѣ искрененъ. Его сумасшествіе подтвердило, что для него это не была игра словами, кокетничанье для приданія себѣ большаго интереса въ глазахъ прекрасныхъ читательницъ. Онъ палъ жертвою окружавшей его пустоты, которую не могъ наполнить ничѣмъ, такъ какъ ни мысли, ни чувства его не могли вырваться изъ того же буржуазнаго круга, гдѣ онъ родился и пустилъ глубокіе корни. Въ своихъ произведеніяхъ, при кажущемся ихъ разнообразіи, Мопасанъ вращается исключительно въ этомъ кругу. Онъ не далъ ни одного типа не изъ буржуазной среды. Рисуетъ ли онъ крестьянина, это все тотъ же мелкій рантьеръ, который всю жизнь ухлопалъ въ накопленіе своей кубышки. Изображаетъ ли рабочаго, это непремѣнно хозяинъ, готовый черту

заложить душу, лишь бы захватить повыгоднѣе заказецъ и сорвать при этомъ добрый кушъ. Его солдаты тѣже буржуйчики, только въ красныхъ штанахъ, мечтающіе не о чести родины, а о томъ, какъ бы хорошо поскорѣе спровадить всѣхъ пруссаковъ домой, чего бы это ни стоило, а самимъ завалиться подъ жирный бокъ своей Маріетты. Мы не можемъ привести ни-одного очерка, въ которомъ Мопасанъ хотя бы намекнулъ, что не вся же Франція превратилась въ стадо жирныхъ, отъѣвшихся свиней, если и страдающихъ подчасъ, такъ развѣ отъ одышки да отъ связаннаго съ ней страха, какъ бы не хватилъ карачунъ. Народъ ему представляется именно въ образѣ стада. Въ «Орля» герой заноситъ въ дневникъ 14 іюля (день національнаго праздника): «Сегодня праздникъ республики. Я гулялъ по улицамъ. Шутихи и флаги занимали меня, какъ ребенка. А между тѣмъ, очень глупо радоваться въ назначенныя числа, по приказу правительства. Народъ—это слабоумное стадо, то глупо терпѣливое, а то дико-мятежное. Ему говорятъ: «развлекайся»,—онъ развлекается. Ему говорятъ: «иди драться съ сосѣдомъ»,—онъ идетъ драться. Ему говорятъ: «подавай голосъ за императора»—онъ подаетъ голосъ за императора. Затѣмъ ему говорятъ: «подавай голосъ за республику»,—и онъ вотируетъ за республику. Тѣ, которые имъ управляютъ, также дураки, съ тою лишь разницей, что вмѣсто того, чтобы повиноваться людямъ, они подчиняются принципамъ. Принципы же могутъ быть только глупы, безсодержательны и ложны, по одному уже тому, что они принципы, иначе говоря—какія то идеи, считаемыя дознанными и непоколебимыми въ этомъ мірѣ, гдѣ нельзя быть увѣреннымъ ни въ чемъ, разъ даже свѣтъ—иллюзія и звукъ—иллюзія».

Мучимый этимъ презрѣніемъ ко всѣмъ и ко всему, Мопасанъ не имѣлъ въ душѣ не то что положительнаго идеала, но даже представленія о возможности таковаго, что еще болѣе сближало его съ буржуазнымъ обществомъ, гдѣ всякіе идеалы не въ авантажѣ обрѣтаются. Онъ долженъ былъ или самъ опошлиться, какъ его герои, или покончить такъ, какъ герой его «Орля». Огромный талантъ, пожалуй, самый сильный и яркій, какой явился во Франціи въ концѣ вѣка, спасъ Мопасана отъ опошлѣнія, но не могъ спасти отъ сумасшествія. Читая Мопасана, проникаешься жалостью и состраданіемъ къ этой чуткой и нѣжной душѣ, которая глубоко страдаетъ при видѣ пошлости, описываемой его чуднымъ перомъ, чувствуешь, что художникъ мѣстами корчится отъ отвращенія и готовъ бросить недоконченную страницу, такъ тошно ему зрѣть эти вѣчные адюльтеры, эту жадность низкой толпы сытыхъ мѣщанъ, ихъ звѣриныя ссоры изъ-за жирнаго куска, изъ-за красивой самки. Но, бросивъ ихъ, онъ отдается всецѣло во власть «Орля», страннаго невидимаго созданія, бороться съ которымъ ему не по силамъ. «Орля»—это призракъ больной фантазіи, населяющей пустоту, которую ощущаетъ художникъ вокругъ себя, чудовищными видѣніями, новыми существами. «Новое существо? Отчего бы и нѣтъ? Оно навѣрно должно было явиться! Почему намъ, людямъ, быть послѣдними? Мы его не видимъ, точно такъ же, какъ и многихъ другихъ, созданныхъ прежде насъ? Вѣдь это потому, что природа его совершеннѣе, стала тоньше и законченнѣе нашего, такого слабаго, столь неудачно задуманнаго, снабженнаго органами, постоянно тяжелыми, напрягаемыми, подобно слишкомъ сложнымъ пружинамъ. Наше тѣло вѣдь живетъ какъ растеніе и какъ животное, тяжело питаясь воздухомъ, травой, мясомъ, представляя собой животную машину, подверженную болѣзнямъ, уродованію, гнилости, одышкѣ, машину неисправную, глупую и причудливую, замѣчательно скверно устроенную, произведеніе грубое и вмѣстѣ хрупкое, проба существа, которое могло бы выйти разумнымъ и превосходнымъ». И вотъ вмѣсто этого неуклюжаго человѣческаго существа мерещится больному художнику другое, неопредѣленное, странное.

могущественное, въ одно и то же время обаятельное и отталкивающее. Онъ пытается бороться съ нимъ и кончаетъ полнымъ сумасшествіемъ.

Трагическая судьба Мопасана—это своего рода memento для французской буржуазіи. Слишкомъ замкнувшись въ узенькій кругъ только личныхъ интересовъ, она утратила жизнеспособность и стала разлагаться явно для всѣхъ. Рядъ скандаловъ, въ родѣ пресловутой дрейфусіады, удивившихъ міръ,—вотъ единственное проявленіе ея жизни за послѣдніе годы. Такъ долго длиться, конечно, не можетъ, и лучшая часть этой буржуазіи, ея интеллектуальныя силы, уже поняла это. Понемногу начинается движеніе къ сближенію съ народомъ, пока еще на почвѣ чисто умственныхъ интересовъ. Оно выразилось въ созданіи цѣлаго ряда народныхъ университетовъ какъ въ Парижѣ, такъ и въ провинціи, въ которыхъ умственная аристократія страны братски протягиваетъ руку демократіи, съ цѣлью поднять уровень ея образованія, съ одной стороны, съ другой — самой получить толчокъ къ новому движенію впередъ. Такое единеніе съ демократіей только и можетъ вырвать буржуазію изъ того застоя, въ которомъ она пребываетъ уже такъ давно и который довелъ ее до полнаго нравственнаго крушенія, такъ превосходно изображеннаго Гюи де-Мопасаномъ.

Въ декабрѣ скончалась отъ острой болѣзни одна изъ весьма видныхъ въ журналистикѣ женщинъ-писательницъ, Капитолина Валерьяновна Назарьева. Выступивъ на литературное поприще еще въ семидесятыхъ годахъ, покойная писательница работала больше 20-ти лѣтъ, изо дня въ день, въ текущей печати, написавъ около 50-ти романовъ и повѣстей, драмъ и разсказовъ, не считая массы мелкихъ замѣтокъ и фельетоновъ. Какъ журнальный работникъ, Назарьева отличалась рѣдкой добросовѣстностью и аккуратностью, и статьи ея въ «Сынѣ Отечества» за подписью «Левинъ», если и не были особенно оригинальны, всегда проводили хорошую мысль, отмѣчали заслуживающій вниманія общественный фактъ и такъ или иначе будили совѣсть и сознаніе читателя. Будучи беллетристкой по призванію, Назарьева могла бы создать гораздо лучшія вещи, чѣмъ эта масса романовъ и повѣстей, написанныхъ спѣшно, расплывчатыхъ или скомканныхъ. Необходимость работы, скудный гонораръ, которымъ она оплачивалась, вынуждали къ торопливому писанію, сдѣлавшему имя покойной нарицательнымъ для такого рода беллетристики. Но и при этой спѣшности большая часть работъ покойной писательницы написаны вполнѣ литературно, проникнуты гуманнымъ чувствомъ и мѣстами не лишены несомнѣннаго художественнаго дарованія, которому тяжелыя жизненныя условія не дали расцвѣсть.

Назарьева представляла наиболѣе чистый типъ женщины-труженицы въ литературѣ, народившійся лѣтъ тридцать тому назадъ. Теперь такихъ неутомимыхъ труженицъ очень много, и онѣ завоевали себѣ вполнѣ равноправное положеніе, завѣдуя цѣлыми самостоятельными отдѣлами, переводами и компиляціями. Въ области переводовъ онѣ почти вытѣснили мужской трудъ, въ особенности по беллетристикѣ. Но Назарьевой и ея сверстницамъ принадлежитъ честь, что онѣ завоевали эту область для женскаго труда. Именно ихъ энергія, способность къ труду, выдержанная и доказанная, добросовѣстность въ работѣ—создали женщинѣ журналисткѣ ея современное положеніе. Думаемъ, поэтому, что имя Назарьевой не будетъ забыто въ исторіи женскаго вопроса въ Россіи, какъ одной изъ тѣхъ, которымъ на своихъ плечахъ пришлось вынести всю тяжесть первыхъ шаговъ на новомъ поприщѣ.

А. Б.

НА РАЗНЫЯ ТЕМЫ.

I.

О культурной буржуазности. — Новая драма Гауптмана. — Изъ новѣйшей литературы о Нитцше.

Когда десять лѣтъ тому назадъ я впервые сознательнымъ и взрослымъ человѣкомъ попалъ за границу, и, между прочимъ, въ Берлинъ, я былъ ошеломленъ прежде всего интенсивностью матеріальной культуры запада. Впечатлѣнія эти были, впрочемъ, для меня не вполнѣ вновѣ: я выросъ отчасти въ Германіи и съ внѣшнимъ строемъ западно-европейской жизни былъ уже знакомъ. До извѣстной степени мнѣ былъ не чуждъ и внутренній складъ или, выражаясь заѣзженнымъ словомъ, «психологія» нѣмецкой жизни. Но, несмотря на это, и тогда богатство и интенсивность матеріальной культуры, и удивительная, доходящая до подчиненія, приспособленность къ ней западнаго человѣка произвели на меня громадное и неизгладимое впечатлѣніе.

Я знаю, что многихъ русскихъ интеллигентовъ эта мощная матеріальная культура и эта приспособленность подавляютъ и раздражаютъ. Культура всюду лѣзетъ имъ въ глаза, своимъ блескомъ и шумомъ не даетъ покою нервамъ. И добро бы только это! Нѣтъ, русскаго интеллигента, попавшаго за границу, всего больше раздражаетъ то, что, за этой громадой матеріальной культуры, не только доступной, но даже навязчивой, онъ какъ-то не въ силахъ нащупать симпатичной и родственной ему «души». То, что ему, прирожденному идеалисту, рисовалось въ радужныхъ краскахъ общественнаго идеализма, предстаетъ передъ нимъ, какъ что-то сѣрое, лишенное подъема, «буржуазное». «Идеализма» либо нѣтъ, либо ключъ къ нему никакъ не хочетъ попасть въ руки нашего искателя широкихъ и подымающихъ идеаловъ. Многіе носятъ въ себѣ это неудовлетворенное чувство, затаивъ его, борясь съ нимъ, даже не признаваясь себѣ въ немъ; у другихъ отъ этого чувства рождается дальнѣйшее скептическое отношеніе къ западной культурѣ и они начинаютъ себя чувствовать маленькими Герценами; третьи мирятся съ сѣрыми тонами дѣйствительности, съ ея недостаточно идеалистическимъ характеромъ, ради ея вполнѣ осязательныхъ матеріальныхъ и культурныхъ преимуществъ, покорно выносятъ филистерство и даже привязываются къ нему. Четвертые,—но къ четвертымъ принадлежитъ пишущій эти строки и ему неудобно говорить отъ себя въ третьемъ лицѣ, не предупредивъ о томъ читателя.

Русскій искатель идеаловъ правъ, если онъ находитъ, что буржуазный характеръ современной западной культуры налагаетъ свой глубокій отпечатокъ и на «небуржуазную» часть европейскаго общества. Но онъ неправъ въ своемъ недовольствѣ и нетерпѣніи, поскольку онъ забываетъ, что преодолѣніе цѣлой культурной полосы, полосы буржуазности, составляетъ огромную задачу, требуетъ не болѣе, не менѣе, какъ созданія «новаго человѣка». Разсчитывая, что онъ найдетъ эту задачу на западѣ близкой къ окончательному разрѣшенію,

нашъ идеалистъ ошибался, и ошибался онъ потому, что умалялъ размѣры задачи.

Соціальная борьба нашего времени задается освобожденіемъ человѣка отъ рабскаго подчиненія матеріальнымъ условіямъ его бытія, освобожденіемъ отъ голода, холода и всяческой нужды. Если въ этомъ—счастье, то, конечно, соціальная борьба есть борьба за счастье. Буржуазное міровоззрѣніе и жизнепониманіе видитъ въ этомъ счастьѣ предѣлъ и высшую точку всѣхъ желаній. Ея излюбленная цѣль—довольство. Буржуазность есть культъ довольства. Поскольку въ этомъ культѣ довольства сходятся какъ удовлетворенные современностью, такъ и неудовлетворенные ею, постольку они одинаково буржуазны по духу. Тѣ условія, которыя мы объединяемъ подъ названіемъ «довольство», безусловно необходимы, какъ средство для дальнѣйшаго подъема человѣка и человѣчества; буржуазность начинается лишь тамъ, гдѣ это средство становится объектомъ культа, превращается въ верховную цѣль и въ высшую цѣнность, словомъ заполняетъ религіозное сознаніе людей. Къ сожалѣнію, эта культурная буржуазность составляетъ самую характерную особенность, какъ бы духовную сущность современнаго человѣка. Она—оборотная сторона мощнаго культурнаго прогресса XIX вѣка. Ею одинаково поражены какъ удовлетворенные, такъ и неудовлетворенные современностью.

И этимъ послѣднимъ нужно напоминать, что довольство есть средство, а не цѣль, что цѣль лежитъ дальше, гораздо дальше... Къ самымъ мощнымъ разрушителямъ культа довольства принадлежитъ Нитцше, и въ этомъ отношеніи нѣтъ ему равнаго среди борцовъ съ культурной буржуазностью.

Долженъ сказать, что мысли о глубоко въѣвшейся въ современнаго человѣка буржуазности особенно живо пробудились во мнѣ, когда я попалъ въ Берлинѣ на второе представленіе новой пьесы Гауптмана «Михаилъ Крамеръ».

Гауптманъ принадлежитъ, какъ и Нитцше, къ небольшой кучкѣ безстрашныхъ борцовъ съ культурной буржуазностью. Въ немъ меньше, гораздо меньше силы и содержанія, чѣмъ въ Нитцше, но онъ тѣмъ не менѣе крупная величина. Мы представляемъ себѣ, что Гауптманъ въ Германіи Богъ вѣсть какъ популяренъ, а между тѣмъ его новая пьеса провалилась на первомъ представленіи, а на второмъ небольшой «Deutsches Theater» былъ даже не полонъ. Гауптманъ, очевидно, становится не интересенъ здѣшней публикѣ. Я думаю, что это плохой знакъ для публики, а не для Гауптмана. Его новая вещь, если хотите, не сценична, въ ней мало дѣйствія и т. п., но въ ней очень много истинной поэзіи, и превосходно разыгранная артистами «Deutsches Theater» она должна была бы по меньшей мѣрѣ заинтересовать берлинскую публику. Но эта почтенная публика, повидимому, слишкомъ тупа для подобныхъ вещей.

Пьеса удивительно проста по своему сюжету. У художника Михаила Крамера даровитый, но безпутный сынъ. Отецъ страшно любитъ сына, но въ то же время между нимъ и сыномъ постепенно выросла стѣна. Сынъ боится отца, и отецъ не находитъ себѣ доступа къ его душѣ. Такъ юноша постепенно все больше и больше погрязаетъ въ своемъ безпутствѣ и тѣмъ все больше и больше отталкиваетъ отъ себя отца. Это какое-то безвыходное роковое недоразумѣніе, для созданія котораго соединяется все: и характеръ отца и сына, и буржуазная семейная обстановка, наконецъ, несчастное соединеніе въ сынѣ тонкой чувствительной нервно-психической организаціи съ уродливою внѣшностью. Отецъ не только любитъ сына, какъ свое дѣтище, онъ видитъ въ немъ художника, котораго считаетъ гораздо даровитѣе самого себя,—художника, возбуждающаго огромныя надежды. Отецъ Крамеръ со дня рожденія сына ожидалъ отъ него многаго. «Я думалъ себѣ: не я, но ты. Я думалъ: не я, но, быть можетъ, ты»—такъ разсказываетъ Крамеръ другому художнику о тѣхъ надеждахъ, которыя онъ связывалъ съ сыномъ, и съ горечью прибавляетъ: «мой сынъ негодяй».

Поэтому-то передъ нами не только драма отца, но и драма художника-идеалиста, для котораго искусство есть религія, который видитъ, какъ гибнетъ лучшее его твореніе — даровитый сынъ.

Несчастный молодой уродъ, глубоко одинокій, оскорбленный въ своихъ лучшихъ чувствахъ, неудачникъ, затравленный пошлыми буржуазными удачниками, кончаетъ самоубійствомъ.

Послѣдній актъ пьесы проникнутъ глубокимъ лирическимъ настроеніемъ. Отецъ, человѣкъ съ самобытной и стремящейся ввысь душой, преодолѣваетъ свое ужасное горе: передъ гробомъ сына ему раскрывается великая тайна смерти и онъ смиряется передъ ея «величествомъ». Отъ бездыханнаго тѣла сына для него исходитъ новый свѣтъ. «То, что запечатлѣно на его лицѣ, — говоритъ онъ о мертвомъ, — все это было въ немъ и раньше. Я чувствовалъ это въ немъ, я зналъ это, и все таки я не могъ достать этотъ кладъ. А теперь этотъ кладъ поднятъ смертью. Теперь, все свѣтло кругомъ него, и этотъ свѣтъ исходитъ отъ него, отъ его лица, и я лечу на этотъ свѣтъ, точно черная опьянѣвшая бабочка. Свѣчи! Свѣчи! Какъ странно! Я сжегъ не одну свѣчу! Я видѣлъ пламя многихъ свѣчей! Но это другой свѣтъ. Я васъ пугаю, Лахманъ. Есть люди, которые пугаются. Но я того мнѣнія, что пугаться нечего на свѣтѣ. Любовь, говорятъ, такъ же сильна, какъ смерть. Но не колеблясь, можно сказать обратное: смерть такъ же кротка, какъ любовь. Слышите, смерть оклеветана, и это величайшій обманъ на свѣтѣ! Смерть самая кроткая форма жизни: она шедевръ вѣчной любви. (Крамеръ отворяетъ окно, доносится негромкій звонъ вечернихъ колоколовъ, Крамеръ вздрагиваетъ отъ холода). Великая жизнь—ознобъ, холодъ въ перемежку съ жаромъ. Вы то же самое сдѣлали Сыну Божію! Вы продолжаете ему дѣлать то же, что тогда. Но такъ же, какъ тогда, онъ не умретъ. Колокола говорятъ, слышите! Они разсказываютъ улицѣ исторію обо мнѣ и моемъ сынѣ. И они говорятъ, что никто изъ насъ не потерянъ. Совершенно явственно, слово за словомъ, слышенъ ихъ разсказъ. Сегодня это случилось, сегодня день! Звонъ колоколовъ больше значитъ, чѣмъ церковь, призывъ къ трапезѣ больше, чѣмъ хлѣбъ. Къ какому берегу мы пристанемъ, куда мы несемся? Почему мы радостно кричимъ навстрѣчу неизвѣстному, мы маленькіе люди, брошенные на произволъ судьбы въ огромномъ пространствѣ. Точно мы знаемъ, куда мы идемъ! Такъ и я испускалъ радостные крики. И что я зналъ? Я знаю, что меня ждутъ не земныя празднества и не небо поповъ. Ни то, ни это, но что, что же такое, въ концѣ концовъ???»

Такимъ мистическимъ аккордомъ заканчивается новая драма Гауптмана. Мистицизмъ Гауптмана не новость. Онъ достаточно сказался въ «Ганнеле». Я помню, какъ за этотъ мистицизмъ бѣдному Гауптману досталось въ свое время отъ театральнаго критика «Neue Zeit», извѣстнаго Франца Меринга. Сколько буржуазной пошлости было однако въ этой передовой и позитивной критикѣ, которая не могла простить Гауптману, что онъ въ душу бѣдной дѣвочки вложилъ религіозную мечту. Какъ эта мечта компрометировала и Ганнеле и ея творца въ глазахъ положительныхъ людей, которые все «научно» рѣшили и побѣдоносно упразднили всѣ тайны...

Литература о Нитцше *) все растетъ и растетъ. Крупной новинкой въ этой области является этюдъ Ю. Цейтлера объ эстетикѣ Нитцше **). Здѣсь сдѣлана первая, болѣе или менѣе обстоятельная попытка истолковать Нитцше съ эсте-

*) См., между прочимъ, только что вышедшую брошюру: «Fr. Nietzsche» von Dr. Paul Ernst («Moderne Essays zur Kunst und Litteratur», herausg. von Dr. Hans Landsberg. Heft. I). Berlin. 1900.

**) «Nietzsches Aesthetik» von Julius Zeitler. Leipzig. 1900. (Hermann Seemann Nachfolger).

тической точки зрѣнія. Основная мысль автора состоитъ въ томъ, что Нитцше всю свою жизнь колебался между діонисовскимъ и аполлоновскимъ началомъ, между началомъ стихійнаго художественнаго опьяненія, трагическаго экстаза и началомъ яснаго и разумнаго отраженія, проникнутаго чувствомъ мѣры, ровнаго и спокойнаго. Вся внутренняя борьба въ Нитцше, вся смѣна его воззрѣній и настроеній сводится къ борьбѣ между этими двумя эстетическими началами, и этой борьбой питалось и творчество Нитцше, какъ моралиста. Я не увѣренъ въ томъ, что я вполнѣ точно передаю мысль автора, который очень часто отклоняется въ сторону и занимается различными мелочами, забывая объ основной проблемѣ. Но, если мысль Цейтлера совпадаетъ съ тѣмъ, что я только что сказалъ, то мнѣ кажется, что онъ правъ: корень всей философіи, и въ частности морали Нитцше лежитъ въ его эстетикѣ, и вся борьба, всѣ превращенія въ Нитцше опредѣляются его двоебожіемъ, борьбой въ его душѣ Діониса и Аполлона.

Съ этой точки зрѣнія яркій свѣтъ падаетъ и на ту эпоху Нитцше, когда онъ, этотъ прирожденный эстетикъ, поклонялся наукѣ и отрицалъ искусство. Эта наука, ради которой мнимый «позитивистъ» Нитцше отпалъ отъ искусства, въ сущности являлась для него не чѣмъ инымъ, какъ тѣмъ же богомъ Аполлономъ, богомъ ясности и мѣры, который въ то время возобладалъ въ его душѣ надъ Діонисомъ. Прощаясь съ искусствомъ, Нитцше даетъ чувствовать, какъ онъ любитъ его. Объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующее чудесное мѣсто: «Какъ въ старости люди вспоминаютъ юность и справляютъ праздники воспоминаній, такъ же точно человѣчество вскорѣ будетъ относиться къ искусству, почитая въ немъ трогательную память своихъ юношескихъ радостей. Быть можетъ, никогда люди не проникали такъ глубоко и такъ душевно въ искусство, какъ теперь, когда чарованіе смерти носится вокругъ него. Мнѣ вспоминается тотъ греческій городъ въ Нижней Италіи, который разъ въ годъ еще справлялъ свои греческія празднества, со скорбью и плачемъ о томъ, что иностранное варварство все больше и больше торжествуетъ надъ родными нравами; никогда нигдѣ не наслаждались такъ своимъ эллинизмомъ, никогда не пили этого золотого нектара съ такимъ упоеніемъ, какъ среди этихъ отмирающихъ эллиновъ. Скоро будутъ смотрѣть на художника, какъ на дивный остатокъ, и оказывать ему, какъ странному чужеземцу, съ силой и красотой котораго было связано счастье прежнихъ временъ, почести, которыя мы неохотно оказываемъ себѣ подобнымъ. Быть можетъ, лучшее въ насъ унаслѣдовано отъ тѣхъ чувствованій прежнихъ временъ, къ которымъ мы теперь врядъ ли можемъ приблизиться непосредственнымъ путемъ. Солнце уже закатилось, но небо нашей жизни еще сверкаетъ и свѣтится имъ, хотя мы больше его уже и не видимъ». Съ такою любовью писалъ объ искусствѣ Нитцше въ то время, когда онъ прославлялъ рѣзкій горный воздухъ науки, котораго боятся и за который порочатъ науку духовно разслабленные, т. е. художники.

Это прославленіе науки и отрицаніе искусства представляло реакцію противъ предшествующаго періода, когда Нитцше былъ страстнымъ ученикомъ и поклонникомъ Шопенгауера и Рихарда Вагнера, когда онъ былъ, какъ пытается показать Цейтлеръ, роднымъ братомъ по духу нѣмецкихъ романтиковъ. «Нитцше нельзя, правда, назвать прямымъ потомкомъ романтики, но въ немъ выразилось то же самое направленіе духа. Въ его лицѣ романтика снова подняла голову. У него такъ много точекъ соприкосновенія съ ней, что нужно изумляться, какъ до сихъ поръ никто не изслѣдовалъ нитей, связующихъ его съ романтиками. Юношеское развитіе Нитцше обнаруживаетъ поразительный параллелизмъ съ тѣмъ маленькимъ кружкомъ пламенныхъ и упоенныхъ мечтателей, которые въ Іенѣ избрали своимъ вождемъ Шеллинга и въ Гёте почитали своего главу. Все, что характеризуетъ романтику, что дѣлаетъ романти-

ковъ оригинальными, все это мы находимъ у Нитцше: культъ безсознательнаго, метафизику, магію и мистику художественнаго энтузіазма, который видитъ въ художникѣ пророка и святого, смѣшеніе разныхъ искусствъ, уничтоженіе границъ между ними, поклоненіе инстинкту и даже обожествленіе безсознательнаго въ противоположность разсудку, сознательности, интеллекту, наконецъ, эстетическое противоположеніе аполлоновскаго и діонисовскаго. Все это обще Нитцше съ романтикой. Нитцше всегда гордился тѣмъ, что онъ создалъ понятіе діонисовскаго. Тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что и въ этомъ отношеніи пріоритетъ принадлежитъ романтикѣ... Параллелизмъ между романтиками и Нитцше хорошо доказывается тѣмъ, что и романтики уже прониклись красотой аттической трагедіи. И оба художественныя божества Нитцше были имъ хорошо знакомы. Такъ, Фридрихъ Шлегель говорилъ о «тихой разсудительности Аполлона и о божественномъ опьянѣніи Діониса»... Для того, чтобы ясность Аполлона внесла вновь порядокъ въ путанную и заикающуюся рѣчь опьяненнаго діонисовскаго человѣка, онъ долженъ призвать Аполлона. Въ Гёте романтики выхваляли, правда, «аполлоновское»—но они все-таки не прощали ему отсутствія геніальной безсознательности» (Цейтлеръ, l. с. 72—73, 77—78).

Близость Нитцше-Діониса къ романтикѣ дѣйствительно не можетъ подлежать сомнѣнію. Не даромъ духовнымъ отцомъ и «воспитателемъ» Нитцше былъ Шопенгауеръ, который въ сущности имѣлъ такъ много общаго съ презираемымъ имъ философскимъ вождемъ романтики Шеллингомъ. Но родство съ романтикою не мѣшаетъ Нитцше перваго и третьяго періода быть совершенно самобытнымъ духомъ. То же можно сказать о близости Нитцше второго періода къ Гете. Въ особенности оригиналенъ Нитцше, какъ творецъ Заратустры. Нитцше создалъ Заратустру въ состояніи такого энтузіазма, который, я думаю, безпримѣренъ въ исторіи личнаго литературнаго творчества. Богъ Діонисъ снова овладѣлъ философомъ-художникомъ и заговорилъ въ немъ съ потрясающей силой. Работая надъ Заратустрой, Нитцше писалъ своей сестрѣ въ 1883 г.: «Я хочу покончить съ этой работой и отдѣлаться отъ того напряженія чувства, которое влечетъ за собой такое творчество. Мнѣ часто приходила мысль, что я отъ чего-нибудь такого умру». «Ты не можешь составить себѣ преувеличеннаго представленія о силѣ такихъ родовъ. Но въ этомъ и заключается ихъ опасность». Въ 1888 г. въ автобіографическомъ наброскѣ «Ecce homo» Нитцше спрашиваетъ: можетъ ли кто нибудь, въ концѣ XIX вѣка, ясно представить себѣ то, что поэты сильныхъ эпохъ называли вдохновеніемъ? и такъ описываетъ состояніе, въ которомъ онъ самъ творилъ Заратустру.

«Понятіе «откровеніе» (Offenbarung) въ томъ смылѣ, что внезапно, съ несказанной точностью и тонкостью что-либо глубоко потрясающее и переворачивающее душу становится видимымъ, становится слышимымъ—это понятіе отражаетъ простой фактъ. Ты слышишь, но не ищешь; ты берешь—и не справляешься о томъ, кто тебѣ даетъ; точно молнія сверкаетъ мысль, съ необходимостью, безъ колебанія въ формѣ—я тогда тутъ не выбиралъ. Это—состояніе восхищенія, огромная сила котораго иногда прорывается цѣлымъ потокомъ слезъ, восхищенія, при которомъ поступь непроизвольно дѣлается то бурной, то замедленною; это—бытіе внѣ себя съ самымъ яснымъ ощущеніемъ тонкихъ вздрагиваній всего тѣла, до пятокъ, и обливанія холодомъ; это—такое глубокое чувство счастья, въ которомъ самое болѣзненное и мрачное ощущается не какъ нѣчто противоположное счастью, но какъ обусловленное имъ, какъ его требованія, какъ необходимая краска въ этомъ морѣ свѣта... Все тогда совершается въ высшей степени непроизвольно, но въ то же время съ бурнымъ ощущеніемъ свободы, необусловленности, мощи, божественности. Самое замѣчательное тутъ—непроизвольность образовъ; не различаешь, что образъ, что сравненіе, все дается само собой, какъ самое точное, самое великое, самое простое выраженіе.

Кажется, какъ говоритъ однажды Заратустра, будто вещи сами идутъ къ художнику и ищутъ быть образами... Таковъ мой опытъ вдохновенія; я не сомнѣваюсь, что необходимо уйти на тысячелѣтія назадъ, чтобы найти кого-либо, кто сказалъ бы мнѣ: «Я испыталъ то же самое».

Мнѣ думается, что въ этихъ словахъ Нитцше нѣтъ ни тѣни бахвальства, ни даже преувеличенія; вѣрность ихъ удостовѣрена болѣзнью и смертью философа. Эти признанія дѣлаютъ еще болѣе понятной болѣзнь Нитцше: если въ такомъ творчествѣ можно видѣть болѣзненное явленіе, то, съ другой стороны, его можно разсматривать какъ роковую силу, которая окончательно подточила надломленную нервнопсихическую организацію Нитцше.

Болѣзнь Нитцше и до сумашествія была въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ (14—15) страшной мукой. «Мое существованіе—писалъ онъ въ 1880 г. одному пріятелю—есть *ужасная тягость*; я давно бы сбросилъ съ себя это бремя, если бы я не производилъ именно въ этомъ состояніи страданія и почти абсолютнаго отреченія отъ міра—самыхъ поучительныхъ наблюденій и опытовъ въ духовно-нравственной области—эта любовная жажда познанія возноситъ меня на высоты, на которыхъ я оказываюсь побѣдителемъ надъ всѣми муками и надъ всей безнадежностью. Въ общемъ я счастливѣе, чѣмъ когда либо въ моей жизни, и все-таки—постоянныя боли, впродолженіи нѣсколькихъ часовъ ощущеніе, близкое къ морской болѣзни, частичный параличъ, при которомъ мнѣ трудно говорить, и въ видѣ разнообразія бѣшеные припадки. (Послѣдній припадокъ вызвалъ у меня рвоту въ теченіе трехъ дней и ночей и я жаждалъ смерти). Я не могу читать. Я очень рѣдко могу писать. Я не могу имѣть общенія съ людьми. Я не могу слушать музыку *). Я долженъ быть одинъ и ходить гулять, пользоваться горнымъ воздухомъ, питаться молокомъ и яйцами. Всѣ внутреннія средства оказались безполезными, я не принимаю никакихъ лѣкарствъ.... Моимъ утѣшеніемъ являются мои мысли и преспективы».

Врядъ ли можно сомнѣваться, что въ послѣднихъ произведеніяхъ и заявленіяхъ Нитцше чуется его ужасный конецъ. Болѣзненно звучитъ самоувѣренность, съ которой онъ говоритъ о себѣ. Въ 1877 году онъ еще писалъ одному своему заочному знакомому, что тотъ найдетъ въ немъ (Нитцше) «весьма простого человѣка, который не очень много мнитъ о себѣ». А въ концѣ 80-хъ г. мы встрѣчаемъ уже такія заявленія:

«Между нами будь сказано, возможно, что я первый философъ современности и даже можетъ быть нѣчто еще большее, нѣчто рѣшающее и роковое, что стоитъ на грани двухъ тысячелѣтій. За такое особенное положеніе приходится постоянно платиться—не болѣе и болѣе растущимъ, но болѣе и болѣе холоднымъ рѣжущимъ отчужденіемъ. И каковы же наши милые нѣмцы!...... Въ Германіи, хотя мнѣ уже 45 лѣтъ и я издалъ, приблизительно, 15 сочиненій (среди нихъ одно non plus ultra—Заратустру), въ Германіи не появилось еще ни одной, хоть нѣсколько порядочной рецензіи, хотя бы объ одной изъ моихъ книгъ. Здѣсь пробавляются словами: «эксцентрическій», «патологическій», «психическій». Нѣтъ недостатка въ дурныхъ и клеветническихъ намекахъ на меня; въ журналахъ ученыхъ и неученыхъ господствуетъ безудержно враждебный тонъ—но почему же никто никогда противъ этого не протестуетъ? Почему же никто не чувствуетъ себя оскорбленнымъ, когда меня ругаютъ? Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ ни одного утѣшенія, ни одной капли человѣчности, ни одного дуновенія любви».

«Своего Заратустру я считаю самымъ глубокимъ произведеніемъ, существующимъ на нѣмецкомъ языкѣ, и по языку тоже самымъ совершеннымъ. Но для того чтобы понять это, нужны цѣлыя поколѣнія, которыя внутренне пережили

---

*) Нитцше былъ страстный музыкантъ.

бы тѣ душевныя состоянія, на почвѣ которыхъ могло возникнуть мое произведеніе... Я думаю, что мои сочиненія являются первоклассными по богатству психологическихъ наблюденій, по безстрашію передъ самымъ опаснымъ, по возвышенной свободѣ духа. Въ отношеніи искусства изложенія и художественныхъ требованій—я тоже не боюсь никакихъ сравненій. Съ нѣмецкимъ языкомъ меня связываетъ продолжительная любовь, тайная близость, глубокое почитаніе! Все—это достаточныя основанія для того, чтобы не читать никакихъ книгъ, выходящихъ на этомъ языкѣ».

И въ этихъ болѣзненно самоувѣренныхъ заявленіяхъ,—объективную правильность которыхъ въ значительной мѣрѣ, впрочемъ, мы увѣрены, подтвердитъ исторія нѣмецкой литературы,—рядомъ съ огромнымъ самолюбіемъ ярко выступаетъ другая черта Нитцше—его внутреннее благородство, та Vornehmheit, которую такъ вѣрно подмѣтилъ Зиммель.

Въ недавно появившемся первомъ томѣ «Собранія писемъ» Нитцше *), откуда я заимствую только что приведенныя заявленія, заключается вообще много чрезвычайно интереснаго для характеристики и личности, и духовнаго развитія знаменитаго философа. При случаѣ я воспользуюсь этимъ драгоцѣннымъ матеріаломъ въ связи съ другой литературой о Нитцше. Въ скоромъ времени появится русскій переводъ изящнаго этюда Лихтенберже о Нитцше и тогда будетъ удобный случай вернуться къ Нитцше и, въ частности, къ его письмамъ, въ которыхъ, пожалуй, не меньше мастерства и глубины, чѣмъ въ его произведеніяхъ, предназначавшихся для печати.

Петръ Струве.

Берлинъ. Декабрь 1900.

---

*) Friedrich Nietzsches Gesammelte Briefe. Herausgegeben von Peter Gast und Dr. Arthur Seidl. Berlin u. Leipzig (Schuster. Löffler) 1900.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Народные дома и театры. Въ декабрѣ состоялось открытіе народнаго дома въ Петербургѣ. Зданіе это было первоначально проектировано извѣстнымъ художникомъ, профессоромъ архитектуры А Н. Померанцевымъ для послѣдней всероссійской выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ въ немъ размѣщенъ былъ художественный отдѣлъ. Зданіе цѣликомъ было выстроено изъ желѣза и дерева. Желѣзный остовъ зданія, вѣсящій свыше 50.000 пуд. и стоящій 150.000 р., былъ сдѣланъ на Невскомъ механическомъ заводѣ. Для выставки этотъ остовъ былъ отдѣланъ снаружи и внутри деревомъ, выкрашенъ, отштукатуренъ 12-ю различными миѳологическими художественными группами работы разныхъ скульпторовъ. Послѣ выставки зданіе, бывшее въ вѣдѣніи министерства финансовъ, подарено было послѣднимъ с.-петербургскому попечительству о народной трезвости.

Въ Петербургъ былъ перевезенъ только металлическій остовъ зданія. Первоначальный проектъ его здѣсь подвергся значительнымъ измѣненіямъ и дополненіямъ. Въ Петербургѣ весь металлическій остовъ обложенъ кирпичемъ, а въ верхнихъ частяхъ зданія, кромѣ того, феллолитомъ, обладающимъ, какъ извѣстно, свойствами несгораемости, непромерзаемости и проч.

Зданіе представляетъ собою изящный, умѣло скомпанованный образецъ стиля ренессансъ. Длина его по лицевому фасаду простирается до 70 саж., при ширинѣ въ 14 саж., въ средней части оно увѣнчано величественнымъ стекляннымъ куполомъ, высотою въ 20 саж.

Зданіе расположено въ глубинѣ Александровскаго городского парка, на Петербургской сторонѣ, и лицевымъ фасадомъ обращено къ Кронверкскому проспекту. Передъ нимъ, благодаря вырубленнымъ деревьямъ, теперь получилась обширная площадь Главный входъ въ зданіе устроенъ въ серединѣ, подъ куполомъ. Изъ раздѣвальной посѣтитель попадаетъ въ громадную круглую залу подъ куполомъ. Налѣво отъ него начинается зрительная зала театра, направо— залъ для устройства народныхъ гуляній, концертовъ, выставокъ и проч. Длина зрительной залы 18 саж., ширина 14 саж. Въ партерѣ устроено 38 рядовъ креселъ съ подъемными сидѣніями. Здѣсь могутъ помѣститься 1.200 человѣкъ платныхъ посѣтителей. Затѣмъ, на балконахъ, окружающихъ залу, въ 20-ти ложахъ (на 10 чел. каждая) и галлерeѣ могутъ помѣститься отъ 1.500 до 2.000 зрителей.

Въ новомъ театрѣ попечительства о народной трезвости, также какъ и въ Таврическомъ саду, цѣны мѣстамъ назначены чрезвычайно дешевыя, т.-е. отъ 1 руб. до 15 коп. За входъ въ зданіе взимается 10 к. Кромѣ платныхъ зрителей, занимающихъ мѣста въ креслахъ, около 2.000 человѣкъ могутъ помѣщаться стоя и смотрѣть представленія безплатно.

Направо отъ входа расположена грандіозная зала для устройства народныхъ гуляній, размѣрами нѣсколько больше зрительной залы въ театрѣ. Здѣсь со всѣхъ четырехъ сторонъ устроенъ также балконъ въ 2 саж. шириною. Въ случаѣ надобности, здѣсь появляется особая выдвижная изъ-подъ пола открытая сцена. Тотчасъ за этимъ помѣщеніемъ, подъ прямымъ угломъ къ нему, расположена двухэтажная 30-ти-саженная столовая зала. Къ залѣ примыкаютъ двѣ величественныя колоннады террасы, предъ которыми въ лѣтнее время будутъ разбиты цвѣтники.

Во всемъ зданіи одновременно могутъ вмѣститься отъ 5 до 6 тысячъ человѣкъ. Зданіе построено съ строгимъ соблюденіемъ всѣхъ новѣйшихъ требованій архитектуры, гигіены, безопасности и проч.

Въ смыслѣ пожарной безопасности при постройкѣ зданія приняты особенно обширныя мѣры. Такъ, напримѣръ, во всемъ зданіи отсутствуетъ дерево, — конечно, за исключеніемъ мебели; въ тѣхъ же немногихъ мѣстахъ, гдѣ безъ него обойтись было нельзя, дерево предварительно пропитано особымъ составомъ, придающимъ ему свойства несгораемости, по системѣ англичанина Гобье. Сцена отъ зрительной залы, помимо обычнаго антрактнаго занавѣса, въ случаѣ надобности можетъ быть моментально совершенно изолирована особымъ металлическимъ занавѣсомъ. Затѣмъ сцена снабжена особой системой водопроводныхъ трубъ, размѣщенныхъ надъ нею сверху, посредствомъ которыхъ при малѣйшей опасности въ теченіе $1^1/_2$—2 минутъ, сцена сплошь заливается водою. Кромѣ того, при 16-ти главныхъ входахъ, ведущихъ съ разныхъ сторонъ въ зданіе, здѣсь еще устроено 12 запасныхъ выходовъ, снабженныхъ особой системы русскаго изобрѣтателя, техника, князя Джевахова замками, соединенныхъ электрическими проводами, благодаря которымъ всѣ эти массивныя двери, посредствомъ простого нажима одной кнопки въ дежурномъ отдѣленіи, моментально отпираются и открываются.

Въ декабрѣ же состоялось въ Каменецъ-Подольскѣ открытіе народнаго дома имени Пушкина. По словамъ корреспондента «Русск. Вѣд.», первоначально въ Пушкинскомъ домѣ предполагалось соединить народную аудиторію со сценою для театральныхъ представленій, залу для народныхъ баловъ, читальню съ библіотекою, складъ для продажи народныхъ изданій и чайную. На осуществленіе этого проекта было ассигновано, согласно указанію одного изъ мѣстныхъ архитекторовъ, до 40 тыс. руб., но точныхъ разсчетовъ, смѣтъ и плановъ составлено не было. По разнымъ причинамъ, Пушкинскій народный домъ обошелся, однако, безъ малаго въ 100.000 руб. Объ этомъ можно было бы не жалѣть, если бы качества зданія отвѣчали его стоимости и удовлетворяли требованіямъ первоначальнаго проекта. Къ сожалѣнію, этого-то и нѣтъ. Въ особенности бросается въ глаза то, что почти все зданіе цѣликомъ занято подъ зрительную залу. Въ ней свободно можетъ помѣститься 700 чел., но половина этой публики должна входить въ залу не раздѣваясь, ибо достаточныхъ помѣщеній для верхняго платья не имѣется. Не имѣется также при театральной залѣ не только фойэ, но и какого бы то ни было помѣщенія, куда въ антрактахъ могла бы выйти, по крайней мѣрѣ, курящая часть публики. Единственныя комнаты, устроенныя при залѣ, это—чайная и читальня, но не хочется думать, чтобы ихъ обращали въ курильни. Эти комнаты, кромѣ того, такъ не велики, что едва ли въ состояніи вмѣстить болѣе 100 чел. Не видимъ мы также, куда будутъ выносить и гдѣ можно было бы хранить тотъ громадныхъ размѣровъ подвижной полъ зрительной залы, который устроенъ съ наклономъ къ сценѣ и долженъ быть удаляемъ при устройствѣ въ залѣ народныхъ баловъ и т. п. увеселеній. Во всемъ народномъ домѣ, дѣйствительно, образцово и изящно устроена и обставлена только сцена, благодаря чему уже и теперь она привлекаетъ особое вниманіе частныхъ антрепренеровъ.

6-го ноября минулъ годъ со дня открытія въ Варшавѣ перваго народнаго театра. Возникновеніе его имѣетъ единственную въ своемъ родѣ, не лишенную интереса исторію.

Существующее здѣсь попечительство о народной трезвости устраиваетъ въ лѣтнее время еженедѣльныя народныя гулянья, имѣющія благодаря своей разнообразной программѣ большой успѣхъ среди рабочаго населенія. Съ наступленіемъ осеннихъ холодовъ гулянья подъ открытымъ небомъ сами собой прекратились, и приходилось подумать о замѣнѣ ихъ другими развлеченіями, и вотъ попечительство задалось мыслью устроить общедоступный народный театръ. Осуществленіе этой мысли встрѣтило рядъ, казалось, непреодолимыхъ препятствій, какъ: отсутствіе помѣщенія, средствъ, артистовъ. Помѣщеніе для театра нашлось, однако, въ манежѣ, правда, весьма мало приспособленномъ для этой цѣли; затѣмъ началась лихорадочная дѣятельность по оборудованію театра, и благодаря энергіи устроителей черезъ нѣсколько недѣль все было готово къ его открытію. Дѣятельность созданнаго при помощи такихъ усилій театра за первый годъ его существованія была болѣе, чѣмъ успѣшна. Число посѣтителей за истекшій годъ доходитъ до 230.000, что вмѣстѣ съ присутствовавшими на представленіяхъ труппы народнаго театра во время народныхъ гуляній дастъ около 400.000 зрителей,—цифру и для Варшавы, безспорно, внушительную. Стоило взглянуть на этихъ людей съ глазами, прикованными къ сценѣ, чтобы понять, насколько чутко относится публика къ тому, что представляется на сценѣ. Изъ 55-ти пьесъ, поставленныхъ за годъ въ театрѣ, «Укрощеніе строптивой» Шекспира и «Ганеле» Гауптмана принадлежали къ наиболѣе охотно посѣщаемымъ публикою. Всего спектаклей труппа народнаго театра дала 407, изъ которыхъ 344 было вечернихъ. Театръ вмѣщаетъ въ себѣ 115 зрителей, цѣны мѣстамъ колеблются между 5 к. и 1 р. 50 к., такъ что при полномъ сборѣ выручка театра составляла 4 р. 65 к. Дохода театръ за первый годъ принесъ свыше 70.000 р., расходъ же на всѣ статьи, включая и содержаніе труппы въ 41 человѣкъ, достигалъ 67.637 р. Таковы цифровыя данныя, касающіяся нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ сторонъ дѣятельности народнаго театра. Если такіе плодотворные результаты могли быть достигнуты при полномъ отсутствіи средствъ, то съ упроченіемъ положенія театра и съ перенесеніемъ его изъ теперешняго импровизированнаго помѣщенія въ болѣе подходящее зданіе, какимъ явится проектируемый здѣсь народный дворецъ, на постройку котораго уже имѣется 250.000 р.,—народный театръ станетъ незамѣнимымъ орудіемъ для достиженія какъ соціальной цѣли попечительства—борьбы съ пьянствомъ, такъ и болѣе общей—художественно-гуманитарнаго воспитанія массъ.

Попытка перехода отъ участковаго землепользованія къ общинному. «Рус. Вѣдомости» приводятъ выдержку изъ доклада г. Мамадышскаго, напечатаннаго въ «Трудахъ подсекціи статистики X съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ гор. Кіевѣ 1898 года», изданныхъ черниговскимъ земствомъ, «о попыткѣ перехода отъ участковаго землевладѣнія къ общинному», которая наблюдалась среди крестьянъ Перкинской волости, Моршанскаго уѣзда, Тамбовской губерніи. Этотъ вопросъ, самъ по себѣ имѣющій большой принципіальный интересъ, въ данномъ случаѣ заслуживаетъ особаго вниманія вслѣдствіе той судьбы, которая постигла возбужденное крестьянами ходатайство о разрѣшеніи измѣнить форму землепользованія. Попытка населенія цѣлой волости совершить переходъ къ общинному землевладѣнію не приняла реальной формы, встрѣтивъ неожиданно массу внѣшнихъ, чисто—формальныхъ препятствій, при своемъ осуществленіи, со стороны высшей мѣстной администраціи. Въ виду интереса,

который представляетъ исторія этой «попытки», мы остановимся на ней нѣсколько подробнѣе.

Въ 1872 г. крестьяне названной волости постановили приговоромъ, утвержденнымъ надлежащей властью, перейти отъ общиннаго владѣнія къ подворному. Этотъ единственный случай во всемъ уѣздѣ мотивировался въ приговорѣ такими соображеніями. Благодаря невысокому качеству почвы, эксплуатація земли могла дать удовлетворительные результаты только при усиленномъ удобреніи, чего отдѣльные хозяева не желали дѣлать въ виду существующаго обычая передѣлять поля черезъ каждые два года. Наиболѣе дальновидные изъ нихъ поняли, что при существующихъ условіяхъ общиннаго владѣнія нельзя ожидать развитія интенсивныхъ пріемовъ культивировки земли, невозможенъ земледѣльческій прогрессъ, и съ помощью энергичнаго волостного старшины Иванова уговорили общество постановить раздѣлъ земли на подворные участки. Приводя эти данные, докладчикъ замѣчаетъ, что новая форма владѣнія была «навязана совершенно искусственно и насильно имѣвшимъ большое вліяніе старшиной». Изъ наблюденій и разговоровъ съ крестьянами можно было вывести, что они вовсе не сочувствовали проводимой мѣрѣ и что формальное согласіе съ ихъ стороны было дано совершенно безсознательно. Крестьяне до послѣдняго времени не понимали измѣненія, которое произошло въ формѣ эксплуатаціи земельныхъ угодій. Они не хотѣли признавать, что у нихъ установилось личное землевладѣніе и что передѣлежка земли уже невозможна. Полнаго перехода къ новому способу владѣнія у крестьянъ собственно не состоялось: вездѣ остались въ нераздѣльномъ владѣніи выгоны и лѣсныя угодья, а частью усадебныя и пахотныя. Двадцать пять лѣтъ прошло послѣ приговора 1872 года. Казалось бы, что за такой долгій промежутокъ сознаніе выгоды и преимущества участковаго землепользованія должно было проникнуть и укрѣпиться въ умѣ крестьянина; на самомъ дѣлѣ это было совсѣмъ не такъ. 4-го апрѣля 1896 г. перкинское общество постановляетъ приговоръ, по которому дѣленіе полевой пахатной земли на подворные участки признается крайне неудобнымъ и которымъ возбуждаетъ ходатайство передъ высшимъ начальствомъ о разрѣшеніи раздѣлять землю на наличныя души. Въ ходатайствѣ указывалось, что подворное хозяйство не соотвѣтствуетъ семейному быту, при которомъ земельный надѣлъ долженъ увеличиваться или уменьшаться въ зависимости отъ количества членовъ семьи, а также и натуральной повинности, которая возлагается на семью несоотвѣтственно земельному надѣлу, а числу взрослыхъ членовъ. Приговоръ этотъ былъ утвержденъ земскимъ начальникомъ. Противъ этого приговора однако возсталъ мѣстный старшина, сынъ прежняго, которому при новыхъ условіяхъ владѣнія пришлось бы разстаться съ 17-ю десятинами, такъ какъ при переходѣ отъ подворнаго владѣнія къ общинному на его долю пришлось бы всего семь десятинъ, что, конечно, вовсе не входило въ его разсчеты. Теперь понятно, почему старшина въ настоящее время противодѣйствуетъ введенію общиннаго владѣнія. Въ виду этого, крестьяне составили новый приговоръ, въ которомъ было оговорено, что земля старшины не поступаетъ въ общій передѣлъ. Крестьяне готовы были на всѣ уступки, соглашались уплатить за старшину выкупъ, лишь бы тотъ не тормозилъ передѣла и далъ бы возможность скорѣе развязаться съ ненавистной системой подворнаго владѣнія. Ходатайство крестьянъ, несмотря на все это, не получило удовлетворенія. Представленный въ уѣздный съѣздъ приговоръ не былъ утвержденъ на томъ основаніи, что на послѣднемъ сходѣ не участвовало двое крестьянъ и въ приговорѣ не былъ обозначенъ «срокъ передѣла и не произведенъ разсчетъ душевыхъ участковъ, причитающихся на каждаго изъ домохозяевъ».

Какова дальнѣйшая судьба ходатайства, неизвѣстно, но въ скоромъ времени жители волости получили слѣдующее объявленіе отъ начальника губерніи: «До

свѣдѣнія моего дошло, что нѣкоторые изъ вашихъ односельчанъ изъ своекорыстныхъ видовъ подстрекаютъ общество крестьянъ с. Перкина къ составленію приговора о переходѣ отъ подворнаго пользованія надѣльною землей къ общинному. Предупреждаю васъ, что ваши совѣтники вовсе не думаютъ о вашей пользѣ, а заботятся только о своей собственной выгодѣ, что они уговариваютъ васъ перейти къ общинному землевладѣнію только потому, что ссужая васъ деньгами, хотятъ отобрать отъ неисправныхъ своихъ должниковъ землю не черезполосно, какъ это приходится имъ дѣлать теперь, при подворномъ пользованіи, а къ одной межѣ, что, конечно, для нихъ выгоднѣе. Затѣмъ разъясняю вамъ, что приговоръ о переходѣ отъ участковаго землепользованія къ общинному по закону,—п. 7-й ст. 51 Общ. Пол. о крестьянахъ и разъясненія правительствующаго сената № 3.345-й 1878 г.,—долженъ быть составленъ непремѣнно всѣми домохозяевами единогласно, т. е. буде хотя одинъ домохозяинъ на такой передѣлъ не изъявитъ своего согласія, то приговоръ не будетъ допущенъ къ исполненію. Если же, сохрани Богъ, вы дозволите себѣ, несмотря на запрещенія вашего начальства, приступить къ передѣлу самовольно, то понесете весьма тяжкое наказаніе, а ваши совѣтчики и подстрекатели, какъ бы богаты они ни были, будутъ наказаны вдвое. Настоящее мое объявленіе предписываю вывѣсить на видномъ мѣстѣ въ волостномъ правленіи и оглашать его на сходкахъ общества крестьянъ с. Перкина». Такой приказъ отъ губернатора разомъ прекратилъ среди крестьянъ всякіе толки о передѣлѣ и переходѣ къ общинному владѣнію.

Расхищеніе башкирскихъ лѣсовъ. Исторія хищенія башкирскихъ земель, столь прогремѣвшая въ 80-хъ годахъ, начинаетъ понемногу забываться. По словамъ корреспондента «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», теперь назрѣваетъ новая исторія въ томъ же родѣ—расхищеніе башкирскихъ лѣсовъ. На эти лѣса посягаютъ и не безуспѣшно разные уральскіе заводы (Урало-Волжское металлургическое общество, Симскіе заводы гг. Балашевыхъ, Инзерское горнопромышленное общество и т. д.). Какъ происходитъ это посягательство, лучше всего видно изъ разсказываемой авторомъ исторіи хищенія башкирскихъ лѣсовъ администраціей Бѣлорѣцкихъ горныхъ заводовъ находящихся въ южномъ Уралѣ, въ самомъ центрѣ благословенной Башкиріи.

«Башкирскіе лѣса давно уже смущаютъ покой администраціи заводовъ и не разъ то тотъ, то другой представитель заводовъ «дѣлалъ подходы» къ собственникамъ ихъ—вотчиннымъ башкирамъ. Не разъ въ глубь башкирскаго царства снаряжались цѣлыя экспедиціи, съ цѣлью «позондировать почву»; но башкиры остаются глухи и не чувствительны ко всѣмъ нѣжностямъ и ухаживаніямъ, проявляемымъ посланцами отъ заводовъ. Администрацію заводовъ такой неделикатный образъ дѣйствія башкиръ, видимо тревожилъ не на шутку. Наконецъ, терпѣніе «насадителей культуры и промышленности» лопнуло: они рѣшили прибѣгнуть къ одному изъ современныхъ способовъ завладѣнія башкирскою землею.

«Способъ этотъ крайне простой и заключается въ слѣдующемъ: желающій владѣть башкирскими землями, не старается законно пріобрѣсти ихъ, не старается пріобрѣсти даже и незаконно, а просто-на-просто завладѣваетъ землею по праву имущественно сильнаго. При такомъ способѣ завладѣнія, обыкновенно, разсуждаютъ такимъ образомъ: заявлю, что земля моя, буду эксплуатировать а тамъ пусть доказываютъ, что я заняль чужую землю. Пока идетъ судъ да дѣло, я успѣю кое-чѣмъ попользоваться. Да и послѣ-то, еще посмотримъ, чья возьметъ...

«Къ такому-то именно способу завладѣнія башкирскою землею прибѣгло общество Бѣлорѣцкихъ заводовъ. Захватъ земли не маленькій: захвачена цѣлая

лѣсная дача. Исторія захвата рисуется въ слѣдующемъ видѣ. Въ концѣ апрѣля текущаго года довѣренные башкиръ Заитовскаго общества, Китайской волости, подали, кому слѣдуетъ, жалобу на администрацію Бѣлорѣцкихъ горныхъ заводовъ, въ которой они просили помощника лѣсничаго Инзерскаго казеннаго лѣсничества освидѣтельствовать порубку лѣса, произведенную Бѣлорѣцкимъ заводоуправленіемъ въ ихъ, башкиръ, вотчинной дачѣ. Жалоба башкиръ истекала изъ того факта, что заводоуправленіе игнорировало башкиръ, какъ собственниковъ дачи, и заявляло, что рубка лѣса производится не въ башкирской дачѣ, а въ заводской. Столь безцеремонное заявленіе, носившее всѣ признаки желанія завладѣть чужою собственностью путемъ простого захвата, конечно, не могло понравиться башкирамъ. Они выбрали изъ своей среды уполномоченныхъ, которые и начали «дѣло». Начальство уважило просьбу довѣренныхъ и назначенъ былъ день освидѣтельствованія произведенной заводоуправленіемъ порубки.

«Передъ освидѣтельствованіемъ отъ заводоуправленія былъ затребованъ планъ на дачу и запродажная запись, а также предложено было выслать со стороны заводовъ депутата, который бы могъ указать межевые знаки и проч. Эти требованія заводами не были исполнены. Рѣшено было произвести освидѣтельствованіе безъ участія депутата, по имѣвшимся у помощника лѣсничаго плановымъ даннымъ. Результатъ освидѣтельствованія показалъ, что рубка лѣса произведена была не въ заводской, а въ башкирской дачѣ, что лѣсъ вырубался какъ для пожога руды, такъ и для возведенія построекъ на желѣзномъ рудникѣ, подъ названіемъ «Саганъ юртъ».

«Конечно, все это «освидѣтельствованіе» порубки, съ цѣлью якобы возстановленія права башкиръ, было простою комедіею и въ глазахъ чиновъ лѣсничества, и въ глазахъ самихъ башкиръ. Чины лѣсничества прекрасно знали, что означенная лѣсная дача составляетъ собственность башкиръ и никогда Бѣлорѣцкимъ заводамъ она не принадлежала. О «правѣ» заводовъ на нее вопросъ возникалъ еще въ въ 1887 г, но тогда же бывшій управляющій мѣстнымъ управленіемъ государственныхъ имуществъ, а нынѣ вице-директоръ корпуса лѣсничихъ д. с. с. Ольшевскій призналъ эту дачу принадлежащею не заводамъ, а башкирамъ-вотчинникамъ Заитовскаго общества.

«Заводоуправленіе не командировало на освидѣтельствованіе порубки своего депутата, а сочло за нужное и лучшее послать своего служащаго, нѣкоего Лапина, которому даны были секретныя инструкціи по устройству угощенія для башкиръ передъ свидѣтельствованіемъ порубки. Угощеніе было устроено, разныхъ благъ земныхъ наобѣщано башкирамъ было три короба, но башкиры «продаться» не выказали ни малѣйшаго желанія.

«— Какъ ни угощай, какъ ни подмасливай, а земля наша, а не заводская. Не дадимъ заводамъ земли.

«Простымъ освидѣтельствованіемъ порубки дѣло, разумѣется, не кончилось. По требованію довѣренныхъ башкиръ, помощникомъ лѣсничаго Инзерскаго казеннаго лѣсничества былъ составленъ протоколъ за самовольную порубку лѣса. Сумма взысканія по казенной таксѣ, согласно закона 7-го апрѣля 1897 года, опредѣлена въ 7.700 р., а по земской таксѣ—свыше 14.100 р.

«Прошло 2 мѣсяца, а о протоколѣ не было ни слуху-ни духу. Наконецъ, 4-го августа 1900 года на рудникъ Саганъ-юртинскій пріѣзжаетъ лѣсничій Инзерскаго лѣсничества г. Коссовскій и объявляетъ башкирамъ, что дача принадлежитъ не имъ, а обществу Бѣлорѣцкихъ горныхъ заводовъ. Изумленію башкиръ, конечно, не было предѣла.

«— Наша дача, не дадимъ заводамъ! Обманъ, не вѣримъ!

«Оправившись немного отъ неожиданнаго заявленія г. Коссовскаго, башкиры стали просить лѣсничаго показать имъ планъ на дачу, указать межи дачи и т. п., но подобное показываніе, видимо, не входило въ планъ дѣйствія какъ

самого г. Коссовскаго, такъ и прибывшаго сюда же заводскаго лѣсничаго г. Керберъ.

«Показать какой-либо планъ они категорически отказались, а вмѣсто этого требовали подписанія какой-то бумаги. Башкиры, въ свою очередь, наотрѣзъ отказались что-либо подписывать, заподозрѣвъ обманъ и «подвохъ».

«— Подпишись, а въ бумагѣ-то сказано, что признаемъ дачу не нашей, а заводской...

«Спрашивается, зачѣмъ же пріѣзжали къ башкирамъ гг. Коссовскій и Керберъ? Ужъ не надѣялись ли они такъ или иначе убѣдить башкиръ, что земля принадлежитъ не имъ, а заводамъ? Наконецъ, не было-ли принято со стороны заводовъ какихъ-либо мѣръ, чтобы склонить башкиръ въ свою сторону? Всѣ эти вопросы невольно напрашиваются, потому что наблюденія надъ расхищеніемъ башкирскихъ земель всегда совершались и совершаются не просто, а «съ обстановочкой», съ угощеніями, съ спаиваніями, подарками, уговорами и проч. Извѣстны случаи, когда хищники башкирской землицы устраивали по истинѣ Валтазаровы пиры, чтобы одурманенные водкой полуголодные башкиры сдѣлали то, что хотѣлось хищнику. Въ башкирскія деревни тянулись подводы съ боченками вина, чая, сахара, гнались лошади для праздничной трапезы и проч.

«Подробное знакомство «съ подоплекой» настоящаго дѣла указываетъ, что администраціи Бѣлорѣцкихъ заводовъ тоже не чужда была отмѣченныхъ выше пріемовъ завзятыхъ хищниковъ въ Башкиріи. Оказывается, что за день до пріѣзда на Саганъ-юртинскій рудникъ гг. Коссовскаго и Керберъ на рудникѣ происходило какое-то необычайное пиршество, участниками котораго были башкиры Заитовскаго общества. Башкиры «угощеніе» приняли, поблагодарили за хлѣбъ-соль, но ничего опредѣленнаго не обѣщали.

«Наступилъ рѣшительный день. Объявлено, что сегодня пріѣдетъ лѣсничій. Снова башкиры очутились въ чести, для нихъ снова устроили угощеніе, снова имъ стали сулить кучи золота, много арака и махана. Говорятъ, что г. Керберъ выдалъ на угощеніе «башкиришекъ» цѣлыхъ 60 рублей. Снова башкиры пили, ѣли, снова благодарили гостепріимныхъ добрыхъ и ласковыхъ хозяевъ, но опредѣленнаго опять-таки ничего не обѣщали. Пріѣхалъ г. Коссовскій и сталъ убѣждать подписать какую-то бумагу, заявивъ предварительно, что лѣсная дача принадлежитъ не башкирамъ, а заводамъ. Результатъ этихъ увѣщаній уже извѣстенъ, башкиры отказались признать принадлежащую имъ землю заводскою и просили передать ихъ «дѣло» на разсмотрѣніе мѣстнаго управленія государственныхъ имуществъ.

«Такія-то вотъ дѣла творятся до днесь въ глуши Башкиріи, гдѣ кстати до сихъ поръ почему то нѣтъ ни одного частнаго печатнаго органа. А крѣпкая нужда въ немъ чувствуется».

Русскіе поселенцы въ Канадѣ. Въ печати не разъ указывалось на значительное выселеніе въ Канаду нѣмцевъ менонитовъ изъ нашихъ южныхъ губерній и въ послѣднее время духоборовъ. Въ текущемъ году въ Канадѣ учреждено первое русское консульство. Назначенный на постъ консула г. Струве въ отчетѣ объ объѣздѣ своего консульскаго округа, напечатанномъ въ 6-мъ выпускѣ издаваемаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ «Сборника консульскихъ донесеній», сообщаетъ о поселившихся въ странѣ русскихъ эмигрантахъ слѣдующія свѣдѣнія. Заимствуемъ ихъ въ передачѣ «Русскихъ Вѣдомостей».

Духоборовъ насчитывается въ настоящее время въ Канадѣ около 7.200. Разселены они въ 60-ти деревняхъ, въ провинціяхъ Манитобѣ и Саскачеванѣ. 34 деревни расположены въ окрестностяхъ города Іорктона, 13—на Лебяжьей рѣкѣ (Swan river), нѣсколько сѣвернѣе Іорктона, и 13—близъ города Принца Альберта. По пріѣздѣ въ Іорктонъ, еще на станціи желѣзной дороги г. Струве

былъ пораженъ тѣмъ, что вокругъ него только и слышалась русская рѣчь: поѣздъ встрѣчала цѣлая толпа духоборовъ. Въ городѣ имѣется русскій кварталъ съ постоялыми дворами для пріѣзжающихъ по своимъ дѣламъ духоборовъ, аптека съ большою вывѣскою по-русски; въ лавкахъ приказчики начинаютъ говорить по-русски; при закупкахъ, дѣлаемыхъ духоборами, считаютъ на рубли и на копѣйки, вмѣсто долларовъ и центовъ; канадское правительство содержитъ при своемъ мѣстномъ административномъ бюро особаго русскаго переводчика. Консулъ побывалъ въ духоборческихъ поселеніяхъ, расположенныхъ подъ Іорктономъ, верстахъ въ 30—40, около Чортова озера, называемаго теперь озеромъ Добраго Духа. Здѣсь подрядъ на протяженіи 15—20-ти верстъ раскинуты шесть деревень: Благосклоновка, Новогорѣльское, Новоселовка, Утѣшеніе, Новотроицкое и Горѣловка. Среди другихъ поселеній на сѣверо-востокѣ отъ Іорктона, въ деревнѣ Потерпѣвшее, проживаетъ извѣстная духоборческая старостиха Анастасія Васильевна Веригина; въ настоящее время ей болѣе 80-ти лѣтъ.

Канадское правительство отвело духоборамъ земли на общихъ основаніяхъ по 160-ти акровъ на каждаго достигшаго 18-ти лѣтъ работника, предоставило имъ исключительное право селиться деревнями, снабдило при пріѣздѣ сѣменами и даже построило для первой партіи поселенцевъ, прибывшей зимой, особыя казармы. Тѣмъ не менѣе, несмотря на поддержку правительства и на помощь, оказываемую духоборамъ квакерами, матеріальное положеніе нашихъ эмигрантовъ пока весьма незавидное. Недостатокъ средствъ лишаетъ ихъ возможности обзавестись необходимымъ инвентаремъ для земледѣльческихъ занятій, и большая часть поселенцевъ вынуждена искать заработка внѣ деревень. Крайне неблагопріятно отозвался на духоборахъ и небывалый до настоящаго года въ Канадѣ послѣдній неурожай. Обыкновенно все растетъ и зрѣетъ въ южной Манитобѣ необыкновенно быстро; озимыхъ посѣвовъ не знаютъ вовсе; земля настолько плодородна, что поля засѣваются пшеницею по два года подрядъ, принося каждый разъ до 35-ти и свыше бушелей зерна съ акра. Мѣстность по характеру своему—совершенно наша русская степь, ровная какъ полотно, съ необозримыми полями пшеницы, съ разбросанными кое-гдѣ группами деревьевъ, подъ которыми ютятся небольшія фермы или хутора. Верхній покровъ степи составляетъ толстый слой чернозема, достигающій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до восьми футовъ глубины. За пріисканіемъ заработка духоборы обращаются въ имѣющіеся въ главнѣйшихъ центрахъ Канады такъ-называемые переселенческіе дома (immigration house). Въ Виннипегѣ г. Струве засталъ въ такомъ домѣ до 150 переселенцевъ, отправленныхъ вскорѣ на работы въ юго-западную Манитобу; женщинамъ пріискиваютъ занятія въ самихъ городахъ; по преимуществу занимаются онѣ стиркою бѣлья, зарабатывая по 10 центовъ въ часъ, или по одному доллару за день.

Часть духоборовъ устроилась въ деревняхъ на общинныхъ началахъ: все у нихъ общее: и земля, и лошади, и коровы, и мука; мужчины, ушедшіе на заработки, присылаютъ деньги въ общую кассу. Такимъ деревнямъ живется сравнительно легче, хотя и скота недостаетъ, и вспаханныхъ и засѣянныхъ полей еще чрезвычайно мало; встрѣчаются огороды, но и тѣ сильно пострадали отъ весеннихъ морозовъ, побившихъ даже картофель. Гораздо печальнѣе положеніе деревень, въ которыхъ каждая семья ведетъ хозяйство особо; собственно говоря, никакого хозяйства у нихъ пока не имѣется: у кого есть лошадь, у кого корова, у кого плугъ, а у кого и ничего нѣтъ; въ огородахъ посѣяно немного пшеницы на пробу и на сѣмена; землю зачастую вскапывали лопатами, а иногда впрягали въ плугъ женщинъ и пахали. Самое лучшее, что есть у духоборовъ, это — построенныя ими самими избы, обмазанныя снаружи и внутри глиною, съ большими русскими печами, о которыхъ въ Канадѣ никакого понятія до сихъ поръ не имѣли.

Большое участіе въ духоборахъ принимаютъ, какъ извѣстно, квакеры, предоставившіе имъ самую возможность переселиться въ Канаду и не оставляющіе ихъ и на новыхъ мѣстахъ. Близъ деревень, расположенныхъ около озера Добраго Духа, они открыли элементарную школу для дѣтей духоборовъ, гдѣ обучаютъ ихъ англійскому языку, грамотѣ и ариѳметикѣ; дѣти охотно посѣщаютъ школу и удивляютъ учителей своими способностями и воспріимчивостью. Въ Іорктонѣ г. Струве встрѣтился съ молодымъ учителемъ-квакеромъ изъ Кембриджа, прибывшимъ въ Канаду со спеціальною цѣлью изучить условія, при которыхъ въ духоборческихъ деревняхъ можно было бы учредить цѣлый рядъ новыхъ школъ. Независимо отъ преподавательской дѣятельности квакеры, посѣщая время-отъ-времени духоборовъ, читаютъ имъ религіозныя проповѣди и зачастую оказываютъ имъ и матеріальную помощь. Незадолго до пріѣзда русскаго консула ихъ навѣстилъ извѣстный филадельфійскій богачъ, квакеръ І. Эльвингтонъ, передавшій правительственному агенту на покупку для духоборовъ овецъ, къ которымъ они привыкли и въ которыхъ постоянно нуждаются, до 12.000 долларовъ.

Нежелательной съ точки зрѣнія канадскаго правительства является агитація среди духоборовъ русскихъ штундистовъ, которые подбиваютъ поселенцевъ отправляться на заработки въ Калифорнію. Г. Струве довелось встрѣтить нѣсколько партій духоборовъ уже на пути въ Калифорнію. Отправляются они на условіяхъ заработка по 2 доллара въ сутки на своихъ харчахъ, но съ непремѣннымъ обязательствомъ отработать сперва свой проѣздъ по желѣзной дорогѣ туда и обратно, всего на сумму до 90 долларовъ. Духоборовъ цѣнятъ въ Канадѣ какъ прекрасныхъ работниковъ, не пьющихъ и честныхъ, и, какъ заявляетъ г. Струве, очень не желали бы выселенія ихъ въ Калифорнію. Канадскій премьеръ г. Лорье въ бесѣдѣ съ нашимъ консуломъ заявилъ ему, что о постоянномъ поселеніи въ Калифорніи духоборамъ нечего и думать, такъ какъ хозяйничать тамъ можно только съ значительными оборотными средствами, необходимыми для предварительныхъ ирригаціонныхъ работъ, составляющихъ тамъ непремѣнное условіе всякаго хозяйства.

Въ Регинѣ, главномъ административномъ центрѣ сѣверо-западныхъ областей: Ассинибойи, Саскачевани, Альберта и Аттабаски, г. Струве встрѣтился съ ходоками отъ проживающихъ въ Россіи молоканъ, задумавшихъ также переселиться въ Канаду и пріискивающихъ подходящія свободныя земли. Повидимому, Канада становится чѣмъ-то въ родѣ обѣтованной земли для всѣхъ нашихъ сектантовъ.

На югъ отъ Виннипега, между Эмерсономъ и Морденомъ, поселены по преимуществу нѣмцы, что видно уже изъ названій встрѣчающихся здѣсь городовъ: Альтона, Гретна, Розенфельдъ, Рейландъ, Винклеръ и проч. Это все менониты, переселившіеся изъ Россіи въ 1874 и 1875 годахъ и все время съ самаго начала движенія продолжающіе привлекать сюда своихъ «братьевъ». Иниціаторомъ менонитскаго переселенія изъ Россіи въ Канаду былъ баденскій уроженецъ Геспелеръ, нынѣ депутатъ избирательнаго округа Розенфельдъ и предсѣдатель провинціальнаго парламента Манитобы. Нѣмцы-фермеры поддерживаютъ постоянныя сношенія съ Россіей; живутъ они въ Канадѣ настоящими помѣщиками и ведутъ свое хозяйство превосходно; самые богатые изъ нихъ владѣютъ участками отъ 600 акровъ и болѣе; обрабатываютъ они поля сами со своими дѣтьми и лишь съ немногими наемными рабочими; дома ихъ полно и довольно богато обставлены, а хозяйственныя постройки, машины и скотъ положительно образцовыя; всѣ они отличаются хлѣбосольствомъ и съ удовольствіемъ вспоминаютъ о Россіи.

Примѣръ менонитовъ даетъ основаніе надѣяться, что и духоборы устроятся въ Канадѣ, въ концѣ концовъ, вполнѣ удовлетворительно. Не слѣдуетъ забывать,

что за первыми уже четверть вѣка пребыванія въ странѣ, значительный опытъ и бо̀льшая освѣдомленность въ особенностяхъ края. Залогомъ преуспѣянія духоборческихъ поселеній служитъ высокій нравственный уровень нашихъ сектантовъ, ихъ необыкновенное трудолюбіе, трезвость и выносливость.

По словамъ г. Струве, канадское правительство стало въ послѣднее время тяготиться крайнею обособленностью менонитовъ. Располагая средствами, они содержатъ значительное число собственныхъ школъ, и обходятся безъ англійскихъ; въ тѣхъ менонитскихъ поселеніяхъ, гдѣ послѣднія изрѣдка и встрѣчаются, нѣмцы-колонисты стараются имѣть учителей, говорящихъ и преподающихъ по-нѣмецки. Отчужденность менонитовъ заставляетъ руководящія сферы Канады приравнивать ихъ въ политическомъ отношеніи къ духоборамъ, также отличающимся совершенно исключительною обособленностью и проникнутыхъ къ тому же несогласными съ задачами колоніальнаго правительства явно коммунистическими тенденціями. Во всякомъ случаѣ, ни духоборы, ни менониты не поддаются ассимиляціи съ окружающимъ населеніемъ, между тѣмъ какъ система спорадическаго разселенія колонистовъ, которой придерживалось и продолжаетъ придерживаться канадское правительство, преслѣдуетъ, главнымъ образомъ, именно эту цѣль.

Сектанты въ Кіевской губерніи. В. И. Бородаевская прочитала въ «Союзѣ писателей» докладъ о сектантахъ въ Кіевской губерніи. Сущность доклада, по словамъ «Россіи», заключалась въ слѣдующемъ. По свидѣтельству докладчицы, лично объѣздившей Кіевскую губернію, послѣдняя буквально испещрена сектами. Отчасти это объясняется тѣмъ, что съ XVI вѣка здѣсь происходила борьба малороссовъ съ польскимъ гнетомъ, въ которой религіозные мотивы переплетались съ гражданскими. Первыми пропагандистами баптистскаго движенія, занесеннаго сюда изъ Херсонской губ., были поляки. Съ 60-хъ годовъ къ нимъ стали примыкать и православные, и католики. Въ мѣстныхъ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» сначала свидѣтельствовали о «замѣчательно добрыхъ нравахъ баптистовъ», но потомъ мѣстное духовенство, а вслѣдъ за нимъ и православное населеніе, стало относиться къ нимъ все враждебнѣе и враждебнѣе. Вскорѣ возникъ рядъ судебныхъ процессовъ, которые еще болѣе способствовали росту сектъ. Когда послѣ гоненій баптизмъ былъ до нѣкоторой степени узаконенъ, преслѣдованія баптистовъ все-таки продолжались благодаря тому, что мѣстная духовная власть отожествляетъ ихъ со штундистами, подъ названіемъ неоштундистовъ, штундобаптистовъ и пр. Баптисты отрицаютъ обряды, у нихъ нѣтъ молитвъ за усопшихъ, предполагается, что каждый при жизни долженъ заслужить прощеніе своимъ грѣхамъ, они не признаютъ постовъ и иконъ, грамотность ставятъ очень высоко. Замѣчательна въ нихъ поразительная стойкость убѣжденія. «Воны якъ зачнутъ говориты, то й батюшкамъ лыхо», говоритъ о нихъ населеніе. Еще покойный Никаноръ, сравнивая православныхъ съ католиками и штундистами, говорилъ: «Въ какой церкви можно умереть, не зная и не изучая своей вѣры? Только у насъ»! Нерѣдко предлогомъ къ гоненіямъ служило насильственное погребеніе умершихъ баптистовъ по православному обряду. Одинъ становой приставъ, отказывая мѣстному батюшкѣ въ содѣйствіи полиціи, пояснялъ, что ни одна статья закона не воспрещаетъ баптистамъ хоронить мертвыхъ по своему обряду. Когда, наконецъ, послѣ заступничества изъ Петербурга разсылка баптистовъ по монастырямъ была прекращена, многіе баптисты сами стали тяготиться своею іерархіею и дисциплиной, строгимъ соблюденіемъ субботняго дня, доведеннымъ до воспрещенія готовить въ праздникъ пищу и пр. Тогда въ ихъ средѣ стали возникать новыя, болѣе мистическія теченія. Крестьянинъ Кривенко увѣровалъ, напр., что будетъ вознесенъ на небо, чувствовалъ, что у него растутъ крылья, и даже слышалъ

голоса ангеловъ: «Пилипъ, Пилипъ, скачи на небо». Бросившись на этотъ зовъ съ высоты, онъ разбился о каменный полъ. Другой мистикъ собралъ народъ, чтобы всѣ видѣли, какъ онъ будетъ вознесенъ и, бросившись съ клуни, разбился на смерть.

Въ г. Торощи жилъ колесникъ Малеванный. Вмѣстѣ съ четырьмя другими баптистами изучалъ евангеліе. Они рѣшили, что весь новый завѣтъ—рядъ притчъ, которыя нужно понимать аллегорически. Даже жизнь Христа еще впереди. Они вѣровали, что скоро наступитъ царство Божіе, и въ одномъ изъ припадковъ религіознаго экстаза признали, что Малеванный именно и есть «первенецъ—спаситель». Вѣсть объ этомъ быстро разнеслась по окрестностямъ, со всѣхъ сторонъ къ дому колесника стали стекаться толпы народа. Къ самой избѣ его богомольцы ползли на колѣняхъ, падали къ ногамъ Малеваннаго, одѣтаго въ бѣлую одежду, изукрасили его комнаты бархатомъ и пр. Полиція арестовала Малеваннаго, который, по испытаніи въ психіатрической больницѣ, былъ признанъ сумасшедшимъ, но вѣра въ него быстро распространилась среди населенія. Выпущенный на свободу, онъ, подъ вліяніемъ общаго поклоненія, снова сталъ играть ту же роль, послѣ чего былъ опять арестованъ и помѣщенъ въ сумасшедшій домъ въ Казани. Сношенія съ своими послѣдователями онъ поддерживаетъ при помощи посланій. Выдержки изъ посланій Малеваннаго, прочитанныя докладчицей, поражаютъ удивительной силой слова, бичующей правдой обличенія. Проф. Сикорскій въ изслѣдованныхъ имъ типахъ малевановцевъ нашелъ всѣ признаки исторіи, призналъ ихъ душевно-больными, но съ его діагнозомъ трудно согласиться, потому что, повидимому, онъ не принималъ въ разсчетъ всего того, что вынесли на себѣ эти люди отъ темныхъ и невѣжественныхъ сельскихъ властей. Малевановцы признаютъ только духовное крещеніе, отвергаютъ всякіе обряды и догматы. Въ символическомъ толкованіи евангелія, подъ Христомъ понимаютъ распятую на землѣ правду, подъ помилованнымъ разбойникомъ—торжествующее зло. Сборники псалмовъ, которые они поютъ на религіозныхъ собраніяхъ, большею частью заимствованы отъ баптистовъ. Такіе сборники вмѣстѣ съ евангеліемъ обыкновенно отбираются у нихъ полиціей. Человѣкъ, по ихъ понятію, есть храмъ Бога живого. Гробы—это грѣхи, воскресеніе—освобожденіе отъ грѣховъ. Праздниковъ у нихъ совсѣмъ нѣтъ. Для насъ всѣ дни воскресные, потому что мы воскресли,—говорятъ они. Дни отдыха отъ работы они приноравливаютъ къ православнымъ праздникамъ для того, чтобы не вызывать излишнихъ столкновеній и недоразумѣній. Въ загробную жизнь они не вѣрятъ. Одинъ сектантъ говорилъ, что «тѣ цѣпляются за небо, кто не хочетъ понять истину на землѣ». Они не относятся враждебно ни къ церкви, ни къ костелу, признавая необходимость духовнаго авторитета для неразумныхъ людей. Они отказываются отъ накопленія богатствъ и берутъ только на пропитаніе. Одинъ подрядчикъ, примкнувшій къ малевановщинѣ, совершенно отказался отъ барышничества чужимъ трудомъ. Религіозныя собранія ихъ запрещены закономъ, установившимъ возрастающія наказанія за первое, второе и послѣдующія посѣщенія. Но тяжелѣе самаго наказанія пересылка молящихся, прибывшихъ изъ сосѣднихъ селъ по этапамъ черезъ уѣздные города. Текстъ нѣкоторыхъ изъ псалмовъ ихъ позаимствованъ изъ стихотвореній Хомякова. Музыка псалмовъ, исполненная въ перерывахъ доклада особымъ хоромъ, удивительно гармонична и торжественна.

Переселенцы въ Степной области. Въ «Россіи» находимъ подробности описаніе переселенческаго движенія въ Степной области.

«Способъ перевозки въ товарныхъ вагонахъ, скученность въ тѣсныхъ ящикахъ, грязь и духота, быстрота (!?) передвиженія порождаютъ массу инфекціонныхъ заболѣваній и много смертей, особенно среди дѣтей. Въ Челябинскѣ нѣтъ ни достаточ-

ной врачебной помощи, ни достаточнаго помѣщенія. Многимъ переселенцамъ приходится переносить и холодъ, и дождь, подъ открытымъ небомъ. Поѣздная администрація мало церемонится съ живымъ грузомъ, и иной разъ подолгу переселенцы сидятъ на открытыхъ платформахъ разныхъ полустанковъ или въ вагонахъ на запасныхъ путяхъ въ ожиданіи, пока снизойдетъ свыше милость, и ихъ повлекутъ дальше Вмѣсто того, чтобы везти переселенцевъ быстрѣе, ихъ везутъ «хозяйственнымъ способомъ», по дешевому тарифу, который, въ концѣ-концовъ, оказывается для мужика дорогимъ и накладнымъ. Первая станція «Петропавловскъ». Здѣсь остается значительный процентъ переселяющихся на новыя мѣста, одна часть направляется къ сѣверу въ Тобольскую губернію, другая—къ югу въ Акмолинсную область; о бытѣ переселенцевъ, отправившихся въ этомъ послѣднемъ направленіи, и сообщаетъ авторъ цитируемой статьи. Изъ Петропавловска переселенцамъ приходится двигаться къ югу болѣе 200—300 верстъ, а многимъ верстъ 400—700, въ Кокчетавскій, Акмолинскій и Атбасарскій уѣзды.

«Изъ нихъ Кокчетавскій уѣздъ — лѣсной, а Атбасарскій и Акмолинскій, исключая незначительныхъ частей,—степные. Главный характеръ послѣднихъ уѣздовъ масса солонцовъ съ плохой растительностью, масса малыхъ и крупныхъ озеръ незначительной глубины, по большей части съ соленой или болотистой водой и берегами, покрытыми осокой и камышомъ, недостатокъ рѣкъ, разбросанные повсюду холмы и рѣдкій кустарникъ съ тощей зеленью.

«Въ Петропавловскѣ переселенцы встрѣчаютъ мало помощи и еще меньше нравственной поддержки. Безъ разбора мѣста выхода изъ Россіи ихъ гурьбами направляютъ къ югу, лишь бы поскорѣе отъ нихъ избавиться. Первый вопросъ—какимъ образомъ двигаться? Нужно пріобрѣтать телѣги, нужны лошади или быки. Не имѣя понятія о цѣнахъ на мѣстный скотъ, переселенцы бросаются на базары, устраиваемые киргизами, татарами и казаками, и покупаютъ лошадей, часто старыхъ, но ловкими торговцами отремонтированныхъ заново и подкормленныхъ за зиму. Степныя киргизскія лошади требуютъ иного ухода, чѣмъ русскія. Послѣ пути въ 60—70 верстъ имъ необходима выстойка, прежде чѣмъ пускаютъ ихъ къ корму и водѣ. Выстойка эта—3 часа по меньшей мѣрѣ. Крестьяне же, не имѣя объ этомъ понятія или не привыкши къ подобному обращенію, на остановкахъ отпрегши коней изъ телѣги, пускаютъ ихъ къ корму и водѣ. Этимъ лошадь здѣшнюю сразу подрываешь. Двѣ-три подобныхъ остановки, и лошади уже служить не могутъ, а протащивъ телѣгу съ имуществомъ верстъ 300—400, онѣ годны лишь на убой киргизу.

«Потративъ много силъ и средствъ, переселенцы, наконецъ, добираются до крестьянскаго начальника. Съ его разрѣшенія они идутъ на свой участокъ, если впередъ таковой выбрали ходоки отъ ихъ общества, или идутъ выбирать одинъ изъ свободныхъ, если ходоковъ изъ Россіи крестьяне не посылали.

«Большинство переселенцевъ, въ силу необходимости, садится на указанное мѣсто въ надеждѣ кое какъ устроиться. Здѣсь снова тяжелая борьба, опять сидѣніе безъ достаточной пищи, безъ хлѣба, нерѣдко безъ хорошей воды. Такіе участки не являются единичными; нарѣзанные послѣ поверхностнаго осмотра производителями работъ и оффиціально утвержденные, участки эти часто, и часто фактически, оказываются мало годными для крестьянъ и въ отношеніи земли, и въ отношеніи воды. Земля плохо родитъ, благодаря массѣ камней, песка, обилію солонцовъ, сѣнокосовъ почти нѣтъ, вода въ очень ограниченномъ количествѣ и часто солоноватая. Притомъ рѣчки, при которыхъ разбиваются поселки, мелководны, лѣтомъ усыхаютъ.

«Встрѣчаются участки съ совершенно негодною для употребленія водою, въ подобныхъ мѣстностяхъ приходится изыскивать воду буреніемъ, чтобы устроить колодцы, но нерѣдко достаютъ лишь горько-соленую воду. Что же остается дѣ-

лать крестьянамъ въ такомъ случаѣ? Снова бѣжать, но куда? Назадъ въ Россію—нѣтъ средствъ, все прожито; въ другое мѣсто, на другой участокъ—но это значитъ снова подвергать себя опасности черезъ годъ, другой бросить новое гнѣздо, а тогда и бѣжать нельзя будетъ, и силы, и средства,—все убыло».

Въ заключеніе газета дѣлаетъ слѣдующій важный выводъ:

«Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ: 1) участки нарѣзывать меньше числомъ, лучше качествомъ, для чего заблаговременно ихъ обслѣдовать тщательнымъ образомъ въ отношеніи земли и воды; 2) селить съ большимъ разборомъ переселенцевъ на вновь нарѣзанныхъ участкахъ; 3) перевозить крестьянъ на новыя мѣста въ болѣе чистыхъ и просторныхъ помѣщеніяхъ и немедленно же ихъ водворять на мѣсто жительства; 4) озаботиться доставкою рогатаго скота и лошадей, избавляя крестьянъ отъ эксплуатаціи барышниковъ».

Превышеніе власти. 27-го ноября въ окружномъ судѣ разсматривалось дѣло о приставѣ 2-го стана Тамбовскаго уѣзда Алексѣѣ Михайловичѣ Крюковскомъ, обвинявшемся въ превышеніи власти. Въ началѣ засѣданія товарищъ прокурора Шариковъ просилъ судъ вести засѣданіе при закрытыхъ дверяхъ, но судъ отказалъ въ этомъ.

11-го сентября 1899 года, въ 6 час. 30 мин. утра, въ с. Бондаряхъ, въ квартиру учительницы М. Г. Лавровской, когда она еще лежала въ постели и была не одѣта, явился полицейскій сотскій Пономаревъ и сказалъ, что у него есть письмо, которое онъ можетъ передать только лично ей. Когда Лавровская встала съ постели и протянула руку, чтобы взять письмо, Пономаревъ, сорвавъ дверь, ворвался въ спальню и, схвативъ Лавровскую за руки, вмѣстѣ съ полицейскимъ урядникомъ Кречмаржевскимъ потащили ее не одѣтую въ залъ, куда въ это время явился приставъ Крюковской съ полицейскимъ урядникомъ Дубровскимъ и понятыми. На вопросъ Лавровской, почему такъ съ нею поступаютъ, Крюковской сначала никакого опредѣленнаго отвѣта не далъ, а затѣмъ объявилъ, что у ней долженъ быть произведенъ обыскъ, такъ какъ она живетъ по подложному паспорту. Послѣ этого Лавровской позволено было одѣться тутъ же въ залѣ, въ присутствіи Крюковскаго и урядниковъ, хотя она и просила дозволить ей сдѣлать это въ спальнѣ. Затѣмъ Крюковской отправилъ ее съ урядникомъ Дубровскимъ въ больницу къ земскому врачу Солтыкову, для освидѣтельствованія ея пола, самъ же остался въ ея квартирѣ для производства обыска. Сначала врачъ Солтыковъ не соглашался подвергнуть Лавровскую освидѣтельствованію; потомъ же, сдавшись на убѣжденія Крюковского, освидѣтельствовалъ Лавровскую, хотя она и не соглашалась на это. Послѣ освидѣтельствованія Лавровской, Крюковской отправился вмѣстѣ съ ней на ея квартиру, гдѣ, извиняясь, объяснилъ ей, что съ ней было такъ поступлено потому, что онъ боялся, что она употребитъ въ дѣло револьверъ. Когда Лавровскую тащили изъ спальни въ залъ, то съ ней такъ грубо обращались, что у нея на тѣлѣ оказались багроваго цвѣта кровоподтеки, удостовѣренные свидѣтельствомъ врача, по заключенію котораго эти кровоподтеки могли произойти отъ удара палкой или нажима рукой.

На судебномъ слѣдствіи выяснилось, что проживающій въ селѣ Бондаряхъ купецъ Егоровъ, по порученію дяди своего Бѣлкина, просилъ пристава Крюковского освидѣтельствовать Лавровскую, подозрѣвая, что она мужчина и находится въ любовной связи съ женою Бѣлкина. По объясненію Крюковского, онъ, получивъ 10-го сентября такое заявленіе и предполагая, что подъ именемъ учительницы Лавровской скрывается мужчина — уголовный или государственный преступникъ, приступилъ 11-го сентября къ обыску и освидѣтельствованію Лавровской, не производя предварительнаго дознанія или спроса жителей с. Бондарей. Рѣшительныя мѣры при обыскѣ приняты были имъ изъ

опасенія, что Лавровская могла застрѣлиться изъ револьвера, который, по слухамъ, она имѣла при себѣ, но котораго на самомъ дѣлѣ у ней совсѣмъ не оказалось. Сотскій Пономаревъ показалъ, что никакого письма къ Лавровской онъ не имѣлъ, а сослался на письмо, чтобы не возбудить въ ней подозрѣнія. Когда, взломавъ дверь, онъ ворвался въ спальню, то схватилъ Лавровскую за руки, а затѣмъ, прикрывъ ее одѣяломъ, онъ вмѣстѣ съ урядникомъ вынесъ ее въ залъ, гдѣ и посадили на кресло. Все это онъ и урядникъ дѣлали по приказаніямъ Крюковскаго. Купецъ Егоровъ объяснилъ, что дядя его Бѣлкинъ передалъ ему два письма, писанныя отъ лица мужчины, будто бы, Лавровскою, хотя и безъ ея подписи; въ нихъ рѣчь шла, между прочимъ, о какомъ-то ребенкѣ. Бѣлкинъ поручилъ Егорову передать письма приставу Крюковскому съ просьбою произвести обыскъ и освидѣтельствованіе Лавровской. По объясненію квартирной хозяйки Лавровской, до настоящаго происшествія у Лавровской, содержавшей частное училище, обучалось 15 и 16 дѣвочекъ, а теперь всего 4—5, что во время обыска повреждена мебель и платье Лавровской.

Товарищъ прокурора Шариковъ просилъ судъ отнестить къ Крюковскому снисходительно, потому что онъ дѣйствовалъ въ убѣжденіи, что Лавровская дѣйствительно мужчина, и подъ ея именемъ скрывается важный уголовный или даже государственный преступникъ, и что превышеніе Крюковскимъ власти не имѣло важныхъ послѣдствій, почему представитель обвиненія предлагалъ примѣнить къ Крюковскому 343 статью, вмѣсто 341-ой, подъ которую было подведено преступленіе Крюковскаго прокурорскимъ надзоромъ въ обвинительномъ актѣ.

Представитель гражданской истицы-Лавровской пом. прис. пов. И. Д. Мягковъ обращалъ вниманіе суда на то, что обстоятельства, при которыхъ допущено было Крюковскимъ превышеніе власти, придаютъ дѣлу особенно важное значеніе въ юридическомъ и общественномъ отношеніи: преступленіе это совершено было надъ беззащитной дѣвушкой, цѣлыхъ 8 лѣтъ проживавшей въ с. Бондаряхъ, она, несомнѣнно, была извѣстна жителямъ этого селенія; тѣмъ не менѣе Крюковской рѣшился на обыскъ и насильственное освидѣтельствованіе Лавровской, не потрудившись произвести предварительное дознаніе путемъ опроса мѣстныхъ жителей. Объяснивъ, что дѣйствія Крюковскаго причинили Лавровской и матеріальный ущербъ, вслѣдствіе поврежденія при обыскѣ ея мебели и одежды, а также вслѣдствіе уменьшенія у нея, послѣ происшествія числа ученицъ, г. Мягковъ просилъ присудить съ Крюковскаго въ пользу Лавровской 200 рублей.

Защитникъ Крюковскаго, пр. пов. Ивинскій, старался доказать, что подсудимый дѣйствовалъ вполнѣ нравственно и законно, и если бы не поступилъ такъ, то могъ бы быть обвиненъ въ бездѣйствіи власти.

Судъ призналъ Крюковскаго виновнымъ по 343 ст. ул. о наказ. и приговорилъ къ вычету шести мѣсяцевъ изъ времени его службы, а гражданскій искъ оставить безъ удовлетворенія.

Итакъ, порокъ наказанъ, правда восторжествовала. Но есть въ этой исторіи еще одинъ дѣятель, поведеніе котораго представляется возмутительнымъ больше всего. Это—врачъ Солтыковъ. Существуетъ прямая статья закона, по которой отвѣтственность за незаконныя постановленія начальства падаетъ также и на исполнителей. Какимъ же образомъ этотъ врачъ, зная прекрасно всю незаконность требованій становаго, могъ освидѣтельствовать учительницу противъ ея желаній? Значитъ, онъ совершилъ грубое насиліе. Врачъ этотъ, очевидно, не достоинъ своего званія. Было бы очень желательно, если бы врачи высказали свое мнѣніе по поводу столь недостойнаго поведенія своего товарища.

Чествованіе Генриха Сенкевича. Заимствуемъ изъ «Варшавскаго Дневника» подробности о чествованіи Генриха Сенкевича, состоявшемся 9-го декабря въ Варшавѣ, по случаю его двадцатипятилѣтняго юбилея:

Чествованіе началось молебствіемъ въ костелѣ Св. Креста, которое совершилъ предсѣдатель юбилейнаго комитета, епископъ-суфраганъ варшавской діэцезіи ксендзъ К. Рушкевичъ, въ сослуженіи многочисленнаго духовенства. Молебствіе началось въ 11 ч. утра. Богато убранный костелъ былъ переполненъ представителями мѣстной интеллигенціи. Передъ костеломъ на Краковскомъ предмѣстьѣ собралась густая толпа лицъ, не попавшихъ въ костелъ, куда пускали только по билетамъ. Во время богослуженія хоръ кафедральнаго костела исполнилъ торжественную мессу, а баритонъ здѣшней оперы г. Громбчевскій пропѣлъ во время offertorium молитву, сочиненную мѣстнымъ композиторомъ г. Рженко на слова молитвы изъ романа Сенкевича «Огнемъ и мечомъ».

Богослуженіе закончилось послѣ 12 часовъ, и публика направилась въ ратушу, гдѣ въ Александровскомъ залѣ должна была состояться главная часть чествованія—врученіе юбиляру дара отъ имени польскаго народа.

Въ 1 часъ дня юбилейный комитетъ ввелъ на эстраду юбиляра, котораго публика привѣтствовала бурею аплодисментовъ и криками «браво!», «виватъ!», «niech żyje!». Хоръ пѣвчихъ общества исполнилъ красивую хоровую пѣсню г. Машинскаго «Вѣрьте, рыцари...» написанную на слова Г. Сенкевича. Затѣмъ предсѣдатель юбилейнаго комитета обратился къ юбиляру съ рѣчью, въ которой указалъ на заслуги романиста предъ польскимъ народомъ и вручилъ ему дарственный актъ на имѣніе «Обленгорекъ», пріобрѣтенное комитетомъ на собранныя съ этой цѣлью пожертвованія. Громъ долго не смолкавшихъ рукоплесканій и крики привѣтствовали это подношеніе. Глубоко тронутый юбиляръ низко кланялся. Вмѣстѣ съ врученіемъ дарственнаго акта четыре маленькія дѣвочки поднесли юбиляру четыре альбома съ подписями лицъ, сдѣлавшихъ пожертвованія на «Обленгорекъ».

Когда улеглось всеобщее волненіе, на эстрадѣ начали появляться депутаціи, присланныя разными обществами, учрежденіями и корпораціями для врученія юбиляру подарковъ и адресовъ.

Первою появилась на эстрадѣ делегація изъ Кракова, отъ тамошняго университета, въ составѣ ректора и профессора Ягеллонскаго университета графа Ст. Тарновскаго и г. Моравскаго. За нею слѣдовали депутаціи: отъ Львовскаго университета, отъ Торнскаго общества друзей науки, отъ кассы взаимопомощи польскихъ литераторовъ и публицистовъ (послѣднія двѣ депутаціи поднесли Сенкевичу дипломы на званіе почетнаго члена), отъ редакціи «Русской Мысли», поднесшей юбиляру массивный серебрянный ящикъ въ древне-русскомъ стилѣ съ надписью «Генриху Сенкевичу» (по-польски)—«Русская Мысль» (по-русски) и адресомъ на двухъ языкахъ, отъ «Познанскаго Дневника», отъ служащихъ Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги, отъ приказчиковъ книжныхъ магазиновъ, отъ поклонницъ таланта Сенкевича, отъ кружка петербургскихъ поэтовъ (?) отъ сосѣдей «Обленгорека», отъ поляковъ изъ Москвы, Вильны, Кіева, Одессы, Витебска, Харькова, Прибалтійскихъ губерній, Волынской губ., изъ Познани, Цѣшина (въ Силезіи), Чикаго, отъ славянскихъ народовъ австрійской имперіи, отъ чешскаго общества въ Варшавѣ и др. Появленіе каждой депутаціи публика встрѣчала аплодисментами. Особенно горячій пріемъ встрѣтили депутаціи изъ Кракова, Львова, Вильны, Познани и отъ «Русской Мысли».

Когда закончилось шествіе депутацій, Сенкевичъ обратился къ собравшимся съ благодарственною рѣчью, въ которой провелъ параллель между настоящимъ чествованіемъ и тѣми, которыя устраивались въ старину людямъ, оказавшимъ какія-либо заслуги своему народу. Но въ то время трудились въ пользу на-

рода мечомъ; теперь же этотъ трудъ проявляется въ иной формѣ. «Мой трудъ,—сказалъ Сенкевичъ,—увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Я достигъ славы у своихъ, почета у чужихъ, счастья и благосостоянія. Одного не доставало только мнѣ: родной земли, той земли, на которой родились мы всѣ. И вотъ народъ въ день моего скромнаго юбилея подноситъ мнѣ въ даръ то, чего мнѣ не доставало,—землю». Рѣчь свою юбиляръ закончилъ пожеланіемъ: «Да процвѣтаетъ великое сердце народа, которое умѣетъ такъ любить и цѣнить заслуги». Волненіе юбиляра передалось и слушателямъ, многія дамы плакали.

Чествованіе въ залѣ ратуши закончилось хоровою «Рыцарскою пѣснью», исполненною «Лютнею».

Вечеромъ въ Большомъ театрѣ состоялось юбилейное представленіе, а затѣмъ раутъ, устроенный въ честь юбиляра кассою взаимопомощи польскихъ литераторовъ и публицистовъ въ купеческомъ клубѣ.

Союзъ взаимопомощи русскихъ писателей отправилъ Генриху Сенкевичу, привѣтственный адресъ слѣдующаго содержанія. «Глубокоуважаемый собратъ! Союзъ русскихъ писателей привѣтствуетъ знаменитаго соплеменнаго романиста по случаю двадцатипятилѣтняго юбилея его славной дѣятельности. Вашъ гибкій и разносторонній талантъ встрѣтилъ горячихъ и многочисленныхъ почитателей въ русской читающей публикѣ съ первыхъ вашихъ дебютовъ на литературномъ поприщѣ. Въ семидесятыхъ годахъ «Отечественныя Записки», въ которыхъ появились у насъ первые переводы вашихъ деревенскихъ очерковъ, сблизили и какъ бы пріобщили ваше имя къ плеядѣ писателей, особенно дорогихъ русскому читателю. Вы стали для насъ своимъ человѣкомъ, и съ неустаннымъ вниманіемъ у насъ слѣдили за развитіемъ вашей художественной силы, разраставшейся въ ширь и въ глубь. Въ длиной галлереѣ художественныхъ образовъ вы обхватили и разные классы общества и различныя историческія эпохи; въ вашихъ произведеніяхъ поочередно выступаютъ типы изъ крестьянской среды въ ихъ трогательной простотѣ и сложныя положительныя и отрицательныя личности интеллигентныхъ классовъ. Бытописатель-романистъ чередовался съ романистомъ-психологомъ, художникъ, котораго привлекали грандіозныя событія мірового значенія,—съ чуткимъ и наблюдательнымъ путешественникомъ, умѣвшимъ воспроизводить въ художественной формѣ чужой бытъ подъ чужимъ солнцемъ, за близкими и дальними морями. Изобразивъ кризисъ пессимизма въ больной душѣ, вы вернулись къ вѣрѣ въ положительное свойство добра и въ великое значеніе любви. Любуясь вашими художественными созданіями, мы горячо желаемъ вамъ продолжать на многіе годы съ неизмѣннымъ успѣхомъ вашу блестящую литературную дѣятельность».

Изъ русскихъ журналовъ.

Академія художествъ въ пятидесятые годы. *Г. Л. Жемчужниковъ* заканчиваетъ свои «Воспоминанія изъ прошлаго» («Вѣстн. Европы, дек.») На этотъ разъ они касаются занятій автора живописью въ Академіи художествъ и знакомства съ различными художниками. Въ Академіи это былъ періодъ (50-е годы) господства классицизма, учениковъ держали на безконечномъ копированіи античныхъ моделей, то въ уменьшенномъ, то въ увеличенномъ видѣ; сюжеты разрабатывались только аллегорическіе и миѳологическіе. «Отъ рисунка требовались не толковость и пониманіе, а убійственная тщательность и нелѣпая отдѣлка, которую мы называли «конопаткой». Задаваемые намъ ежемѣсячные эскизы были жеваны и пережеваны всѣми академіями Европы: все тѣ же Аяксы, Ахиллесы, Геркулесы, Андромеды или «Построеніе ковчега» и т. п.». При-

*

томъ профессора относились къ занятіямъ учениковъ апатично. «Рисуя въ классахъ по вечерамъ, въ темнотѣ, при масляныхъ лампахъ, производившихъ духоту и копоть, ученики не получали отъ дежурныхъ преподавателей объясненій. Бывали и такіе дежурные, которые постоянно ставили одну и ту же голову или фигуру въ свое дежурство. Нѣкоторые преподаватели не только не брали карандаша въ руки, чтобы показать ученику его ошибки, но даже цѣлый мѣсяцъ не подходили къ нему. Черезъ мѣсяцъ ученикъ видѣлъ на своемъ рисункѣ какой-нибудь №, не понимая причины, по которой ему поставили тотъ или другой номеръ». Выше всего цѣнилось знаніе антиковъ, и лучшіе художники, какъ, напр., Егоровъ, могли нарисовать наизусть, начавши съ любой точки, каждую голову антика, каждую статую. Рутина классицизма парализовала даже крупные таланты, заставляя ихъ вращаться въ заколдованномъ кругу античныхъ образцовъ и изгоняя изъ сферы искусства живую натуру. Копируя натурщиковъ, художникъ не имѣлъ права точно слѣдовать оригиналу, онъ обязанъ былъ исправлять натуру сообразно тѣмъ художественнымъ формамъ, которыя извлекались изъ античнаго искусства и изъ изученія анатоміи. Когда однажды авторъ воспоминаній, въ бытность свою въ деревнѣ, прельстился красивыми мѣстными костюмами, народными типами и пейзажами и сдѣлалъ нѣсколько рисунковъ, эти рисунки были забракованы учеными педантами: «Когда, батюшка, будешь умѣть рисовать антиковъ и натурщиковъ, сумѣешь нарисовать и эти пустяки. Искусство не того требуетъ», — сказалъ ему Егоровъ. Да и какого разнообразія или обновленія искусства новыми темами можно было ждать отъ тогдашнихъ художниковъ, въ большинствѣ вышедшихъ изъ крѣпостного крестьянства или мѣщанства и лишенныхъ всякаго образованія. Такъ, тотъ же знаменитый академикъ Егоровъ только подъ старость и совершенно случайно узналъ, что есть родъ литературныхъ произведеній, называемый романами или повѣстями. «Однажды,—разсказываетъ г. Жемчужниковъ,—я увлекъ его чтеніемъ какого-то романа. Егоровъ съ большимъ вниманіемъ слушалъ, безпокоился, возмущался, послѣ чтенія сильно волновался и даже плохо спалъ по ночамъ. Желая успокоить его, я сказалъ: «Вѣдь, это только разсказъ, все сочинено, а не дѣйствительно такъ происходило».

«— Эхъ, батюшка!.. Что-жъ ты мнѣ этого не сказалъ!..»

Другой художникъ, Бернардскій, тоже изъ крестьянъ, не имѣя никакого понятія ни о соціализмѣ, ни о коммунизмѣ, бывалъ на собраніяхъ у Петрашевскаго, былъ арестованъ въ числѣ его сообщниковъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Когда его въ сопровожденіи солдатъ привели для допроса въ коммисеію, «оробѣвшій Бернардскій стоялъ смиренно передъ блестящимъ собраніемъ генераловъ».

«— Вы коммунистъ?—послѣдовалъ вопросъ».

«— Нѣтъ я Бернардскій,—отвѣтилъ подсудимый. Посмотрѣли на него генералы, тихо переговорили между собой и приказали освободить его изъ заключенія». Полную революцію произвелъ въ академіи Брюлловъ; онъ тоже былъ воспитанъ на классическомъ искусствѣ, но не чуждался и натуры, и отъ учениковъ, копирующихъ съ натуры, сталъ требовать точнаго воспроизведенія оригинала. Но ученики, привыкшіе къ механической работѣ, вдались въ противоположную крайность—стали пренебрегать антиками и рабски передавали видимое. Впрочемъ, Брюлловъ рано умеръ, и введенное имъ реалистическое направленіе не удержалось, а было немедленно заглушено побѣдоноснымъ классицизмомъ, имѣвшимъ въ себѣ живучесть узкой, но ясной и обработанной системы. Что за дѣло, что подъ гнетомъ этой отупляющей системы творчеству не было простора и дарованіе глохло, за то не надо было гнаться за жизнью, не надо было заботиться о новыхъ путяхъ, а механически твердить одно и то же. Опять пошло томительное копированіе антиковъ, увеличеніе, уменьше-

ніе ихъ,—и въ результатѣ авторъ съ горечью восклицаетъ: «Не такъ слѣдовало учиться, теряя безполезно время!» И далѣе онъ говоритъ: «Охлажденіе къ академіи и ея мертвящей атмосферѣ наступило полное; безвозвратно прошло время, когда я любилъ всей душой святилище искусствъ и входилъ въ него съ трепетомъ сердца. Я оставилъ академію...» Любопытна и судьба художниковъ въ Николаевское время. Уже не разъ упомянутый Егоровъ былъ дѣйствительно выдающимся талантомъ, работалъ въ Италіи, прославился тамъ, такъ что папа предлагалъ ему сдѣлаться его придворнымъ живописцемъ; имп. Александръ I далъ ему прозвище «знаменитый»; онъ былъ назначенъ профессоромъ Академіи и приглашенъ учителемъ къ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ. Но имп. Николай не одобрилъ его работу въ церкви Измайловскаго полка и уволилъ его отъ службы, такъ что послѣдніе годы жизни знаменитый художникъ держался на границѣ нужды.

Женскія общества попеченія о молодыхъ дѣвицахъ въ Лондонѣ. *Г. Ан Ар-вичъ* знакомитъ съ двумя лондонскими обществами попеченія о молодыхъ работницахъ («Вѣстн. Евр.»). Одно изъ нихъ, «Союзъ клубовъ для молодыхъ дѣвушекъ», имѣетъ въ настоящее время 35 клубовъ въ различныхъ частяхъ города. Въ клубы принимаются дѣвушки не моложе 16 лѣтъ съ членскимъ взносомъ въ 4 рубля въ годъ, прислуга платитъ половину. При клубахъ имѣются библіотеки съ безплатною выдачею книгъ для чтенія. Разъ въ недѣлю устраивается обыкновенно музыкальный и литературный вечеръ, также разъ въ недѣлю—танцы; остальные же вечера посвящаются занятіямъ англійскимъ языкомъ, ариѳметикой, разными рукодѣліями, рисованіемъ, пѣніемъ, музыкой и гимнастикой. Для поощренія занятій ежегодно устраиваются публичныя соревновательныя собранія для испытанія успѣховъ въ музыкѣ, пѣніи и гимнастикѣ, а также выставки работъ, причемъ наиболѣе успѣвшія награждаются призами и преміями. Члены союза заботятся о томъ, чтобы доставлять молодымъ работницамъ полезныя развлеченія, снабжаютъ ихъ билетами на концерты и выставки, водятъ въ парки, академіи, знакомятъ съ историческими памятниками и т. д.; лѣтомъ стараются доставить имъ отдыхъ и за небольшую плату помѣщаютъ гдѣ-нибудь за городомъ. Другое общество—«Общество христіанскаго союза для молодыхъ женщинъ», также заботится объ умственномъ и профессіональномъ развитіи своихъ членовъ, доставляетъ имъ разумныя развлеченія и образовательныя пособія, но вся дѣятельность его проникнута религіознымъ духомъ: главною своею цѣлью это общество ставитъ религіозно-моральное воспитаніе своихъ членовъ. Съ этою цѣлью каждой дѣвушкѣ назначаютъ корреспондента, который въ письмахъ преподаетъ ей нравственныя наставленія и совѣты. Поэтому и въ клубахъ танцы не допускаются, но вмѣсто того читаются проповѣди, поются гимны, ведутся религіозныя бесѣды и общія молитвы. Какъ во всѣхъ подобныхъ религіозныхъ братствахъ, ради обузданія, вводится строжайшая дисциплина, а для поощренія въ нравственномъ совершенствованіи создаются противныя евангельскому ученію іерархическія дѣленія: достойныхъ награждаютъ повышеніемъ въ слѣдующую ступень и особымъ значкомъ съ правомъ вести религіозныя бесѣды, а дальнѣйшая, высшая ступень уже даетъ право произносить проповѣди.

Письмо Чаадаева. Напечатанное г. Гершензономъ («Вѣстн. Евр.») письмо Чаадаева къ графу Сиркуру (1845 г.) не является новостью, оно было уже напечатано въ томъ же «Вѣстникѣ Европы» 1873 г. № 11, въ числѣ другихъ писемъ, подъ заглавіемъ «Неизданныя рукописи П. Я. Чаадаева»; притомъ, какъ видно изъ вступительнаго комментарія и изъ самаго текста сдѣланнаго имъ перевода (подлинникъ написанъ по-французски), издатель не уловилъ той тонкой ироніи, которая проходитъ черезъ все письмо и которая лучше передана даже въ плохомъ переводѣ 1873 года. Весь интересъ письма именно и заключается въ

насмѣшливомъ пересказѣ оффиціально-народническихъ взглядовъ Шевырева съ его благоговѣйнымъ преклоненіемъ передъ величіемъ русской старины. Чаадаевъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ очень опредѣленно высказывается противъ тенденціи «новой школы», готовой превратить всю русскую исторію «въ ретроспективную утопію, въ заносчивый апоѳеозъ русскаго народа»; извѣстно, что онъ настолько отрицательно относился къ русскому прошлому, что единственно спасительный путь для Россіи видѣлъ въ католичествѣ: очевидно, что его никакъ нельзя заподозрѣть въ солидарности съ Шевыревымъ; напротивъ, письмо подчеркиваетъ контрастъ собственной точки зрѣнія Чаадаева со взглядами Шевырева, въ переводѣ же и комментаріяхъ г. Гершензона этотъ контрастъ пропадаетъ, такъ какъ выходитъ, что къ разсужденіямъ Шевырева Чаадаевъ относится совершенно серьезно.

Аскетизмъ и исторія русской общественности въ изображеніи г. Скабичевскаго. *Г. А. Скабичевскій* въ статьѣ «Аскетическіе недуги въ нашей современной передовой интеллигенціи» («Русск. Мысль», октябрь и ноябрь) ставитъ себѣ обличительную задачу — отмѣтить болѣзненную наклонность къ аскетизму въ русскомъ обществѣ. Г. Скабичевскій «смотритъ въ корень» и корни русскихъ аскетическихъ тенденцій усматриваетъ глубоко. Съ одной стороны, физическая природа Россіи съ унылыми дремучими лѣсами, неоглядными степями, трескучими морозами, стономъ вѣтра и воемъ волковъ, съ другой— набѣги хищниковъ, вліяніе суровой византійской религіозной морали — все это накладывало печать мрачнаго унынія на міросозерцаніе русскаго человѣка. Если прибавимъ сюда недовольство жизнью вслѣдствіе житейскихъ неурядицъ — «угнетенія семейнаго, гражданскаго, экономическаго», то исчерпаемъ весь циклъ причинъ, ведущихъ къ «особеннаго рода психической болѣзни, присущей людямъ высшихъ ступеней развитія *наравнѣ* съ низшими», — именно аскетизму. Впрочемъ, г. Скабичевскій согласенъ признать, что у послѣднихъ, т. е. «низшихъ» — эта «психическая болѣзнь» принимаетъ новую и столь же, надо признаться, неожиданную форму — «запойнаго пьянства». «Всѣ перечисленныя нами причины при условіи болѣе низкой степени культурности и умственнаго развитія ведутъ и къ запойному пьянству». Размахъ мысли г. Скабичевскаго, какъ видимъ, очень широкій,—и притомъ не только въ пространствѣ, но и во времени: развитіе аскетизма онъ ведетъ по прямой линіи—отъ Ѳеодосія Печерскаго, читая житіе котораго «вы забываете порою, что все разсказываемое въ жизнеописаніи происходило не въ наше время, а безъ малаго 900 лѣтъ тому назадъ», — и вплоть до нашихъ дней. Очень близки нашему времени и указы 1648 года о запрещеніи пѣсенъ, игрищъ, музыки, плясокъ, качанья на качеляхъ и т. п.: эти указы оставили слѣды и въ современныхъ намъ нравахъ. «Чѣмъ же какъ не своего рода историческимъ атавизмомъ можно объяснить запрещеніе пѣть на городскихъ улицахъ, изгнаніе изъ столицъ шарманщиковъ, гудочниковъ, гармонистовъ, раечниковъ и прочихъ уличныхъ музыкантовъ. Развѣ и до сихъ поръ не случается вамъ читать въ газетахъ, какъ иной слишкомъ усердный урядникъ возьметъ и запретитъ вдругъ въ деревняхъ, находящихся въ его вѣдѣніи, и посидѣлки, и хороводы, и пѣсни по улицамъ селъ». За то авторъ не можетъ нарадоваться, вспоминая, какимъ шумнымъ весельемъ отличался Петербургъ въ 60-е годы. «Пишущій эту статью впродолженіи всей своей жизни не запомнитъ, чтобы Петербургъ когда-либо былъ такимъ веселымъ городомъ, какъ въ первую половину 60-хъ годовъ до 1866 года... Кромѣ трехъ - четырехъ зимнихъ кафе-шантановъ и лѣтнихъ садовъ, какіе мы имѣемъ нынѣ, въ то время существовали десятки танцклассовъ, какъ для той сѣро-мѣщанской публики, какая нынѣ посѣщаетъ подобныя заведенія, такъ и для изысканной и кутившей на широкую ногу»... Затѣмъ «биръ-галле съ обширными залами», которыя «посѣщались не одними лакеями,

дворниками и городовыми, подобно нынѣшнимъ портернымъ, но людьми всѣхъ сословій и обоихъ половъ»... Кромѣ того, были открыты «рестораны съ музыкой», «на всѣхъ перекресткахъ улицъ завывали шарманки, скрипѣли волынки, стонали гармоники», бродили раечники, Петрушка, акробаты и т. д. «И никому не приходило въ голову въ то время, чтобы этимъ нарушалось общественное благоустройство». Никому, правда, тоже не приходило въ голову до сихъ поръ доказывать «жизнерадостность» 60-хъ годовъ съ этой точки зрѣнія, но тѣмъ больше заслуга г. Скабичевскаго: теперь, благодаря его личнымъ воспоминаніямъ, мы знаемъ, гдѣ крылся источникъ настроенія эпохи великихъ реформъ: въ «танцклассахъ» и «ресторанахъ съ музыкой». Слѣдя съ этой точки зрѣнія за приливами и отливами общественнаго настроенія въ прошломъ, авторъ изображаетъ періоды разлитія жизнерадостности при Петрѣ, Екатеринѣ и въ первые годы царствованія Александра I, и періоды сгущенія общественной атмосферы съ мистическимъ и аскетическимъ мракомъ—въ концѣ царствованія Екатерины, при Павлѣ и во вторую половину эпохи Александра I. Наступленіе реакціи вызывало обыкновенно къ жизни героевъ аскетизма, такъ въ Николаевское время выступили мистики и аскеты — Гоголь, художникъ Ивановъ, Витбергъ и друг. «Развѣ не своего рода аскетами были и юные политики кружка Сандунова и Герцена, увлекавшіеся бывшими въ то время въ модѣ во Франціи идеями христіанскаго соціализма... Стоитъ вспомнить только, какимъ восторженнымъ мистикомъ сдѣлался Герценъ въ Вяткѣ подъ вліяніемъ вышеозначенныхъ французскихъ писателей, Витберга и исполненныхъ религіозныхъ экстазовъ писемъ невѣсты. Наконецъ, развѣ не напоминали собой средневѣковыхъ анахоретовъ члены кружка Бѣлинскаго и М. Бакунина въ концѣ 30-хъ годовъ». Даже въ 60-е годы, вопреки праздничному настроенію, выплылъ вѣками взлелѣянный аскетическій идеалъ въ лицѣ Рахметова и завоевалъ первое мѣсто въ ряду современныхъ типовъ. «Рахметовъ, отрицавшій не только всѣ радости жизни, но и насущныя потребности человѣческой природы, доходившій ради закаленія себя до такихъ самоистязаній, что спалъ на гвоздяхъ,—развѣ не представлялся точнѣйшимъ сколкомъ средневѣковыхъ борцовъ и истязателей плоти?» Итакъ, Рахметовъ, Гоголь и въ туманной дали—Ѳеодосій Печерскій: вотъ преемственная связь явленій русскаго аскетизма. Сюда же въ эту линію аскетовъ или психически-больныхъ людей авторъ вводитъ и юношей 70-хъ и 80-хъ годовъ, которые бросали университеты и «подобно миссіонерамъ первыхъ вѣковъ христіанства, отправлялись проповѣдовать передовыя европейскія идеи среди темныхъ и неграмотныхъ трудящихся массъ». Наконецъ, г. Скабичевскій самъ замѣтилъ, что онъ зашелъ слишкомъ далеко, и нашелъ нужнымъ сдѣлать оговорку: «да не подумаетъ читатель, чтобы я отожествлялъ съ аскетизмомъ всякій альтруизмъ и безкорыстное увлеченіе идеей. Ничуть не бывало». Читатель, прочтя эти слова, начинаетъ бояться за судьбу новой философіи русской общественности. Но пусть онъ успокоится: эта оговорка имѣетъ чисто формальный характеръ; она только на всякій случай ограждаетъ автора отъ нападокъ критика, которому бы вздумалось поставить на видъ г. Скабичевскому такое простое возраженіе. Въ существо же его изложенія эта оговорка не вноситъ никакихъ поправокъ. По прежнему авторъ недоумѣваетъ, почему люди, посвящающіе себя служенію идеѣ, отказываются отъ личнаго счастья и радостей жизни. Къ счастью, впрочемъ, для автора и его житейской философіи, оказывается, что не всѣ у насъ на Руси такіе чудаки. «Я далекъ отъ того, чтобы полагать, будто поголовно всѣ русскіе люди заражены аскетизмомъ. Не надо забывать, что и во время самыхъ страшныхъ эпидемій, вродѣ чумы, не все же населеніе заражается и вымираетъ. Жертвами мора дѣлаются, конечно, наиболѣе слабые и расположенные къ заболѣванію», — напримѣръ, Бѣлинскій, Герценъ, авторъ Рахметова и т. д. Въ противуположность этимъ «слабымъ» и

зачумленнымъ, есть тысячи и милліоны здоровыхъ и сильныхъ, «которые честно и усердно исполняютъ какой-либо посильный трудъ, любятъ ближнихъ, готовы бываютъ, *если понадобится*, жизнь свою положить за нихъ, но не дѣлаютъ изъ этого какую-либо особенную профессію и не чуждаются тѣхъ или другихъ радостей жизни». Къ чему, въ самомъ дѣлѣ такія крайности, если можно «любить ближнихъ» и пить пиво и имѣть «приличный мужской костюмъ»; «если понадобится» (вѣроятно, для борьбы съ указаннымъ выше «угнетеніемъ семейнымъ, гражданскимъ и экономическимъ») «положить жизнь» за нихъ, то пожалуй и это можно;—но вѣдь это не «надобится». Итакъ, да здравствуетъ жизнерадостность, «рестораны съ музыкой» и «танцклассами», и да излѣчатся русскіе обыватели отъ «психической болѣзни» Герценовъ и Бѣлинскихъ! Затѣмъ, г. Скабичевскій разбираетъ три женскихъ романа по поводу которыхъ и написано предисловіе объ аскетизмѣ: «Мертвая зыбь» Лѣтковой, «Въ чужомъ гнѣздѣ» Ельцовой и «Раздолье» Барвенковой. Въ героиняхъ этихъ трехъ романовъ онъ выслѣживаетъ пережитки аскетизма и вновь призываетъ отказаться отъ героическаго самоотреченія, какъ явленія болѣзненнаго и неизбѣжно переходящаго въ противоположную крайность — въ разгулъ страстей; вмѣсто того, онъ рекомендуетъ «благоразумно пользоваться всѣми дарами природы и культуры».

О воспитаніи общественныхъ привычекъ въ нашей школѣ. *Г. В. Вахтеровъ* («Рус. Мысль», ноябрь) цѣлымъ рядомъ свидѣтельствъ и отзывовъ народныхъ учителей доказываетъ, что грамотность вноситъ въ сельскій міръ болѣе правильное и серьезное пониманіе общественныхъ интересовъ. «Грамотные,—по единодушнымъ заявленіямъ учителей,—оказываются въ общественныхъ дѣлахъ болѣе надежными, чѣмъ неграмотные, они осмысленнѣе защищаютъ общественные интересы; въ нихъ школы на сельскихъ сходахъ находятъ всегда жаркихъ защитниковъ». «Между грамотными и неграмотными недавно выразилась большая разница: грамотные стояли за школу, а неграмотные за шинокъ». «Грамотные постепенно получаютъ преобладающее значеніе на сходахъ, такъ какъ къ ихъ голосу начинаетъ прислушиваться другая часть населенія». Бывшіе ученики одной народной школы по собственной иниціативѣ устроили общество трезвости, организовали народныя чтенія, открыли книжный складъ, народную библіотеку и чайную и проектируютъ учрежденіе ремесленной школы. Въ Саратовской губ. въ вопросѣ о борьбѣ съ саранчей рельефно обнаружилось это различіе между грамотными и неграмотными. Тогда какъ старшее поколѣніе, не знавшее школы, высказывалось рѣшительно противъ какихъ бы то ни было мѣръ для борьбы съ саранчей и даже проводило ту мысль, что противъ «Божьей кары» грѣхъ бороться,—младшее поколѣніе всецѣло стояло за необходимость принять мѣры и, приспособляясь къ божественной точкѣ зрѣнія стариковъ, искусно пріискивало аргументы для ихъ убѣжденія. Затѣмъ авторъ приводитъ цѣлый рядъ фактовъ, показывающихъ, какъ сильно возбуждаютъ общественныя чувства даже вечерніе классы и воскресныя школы. «Хорошо бы хоть въ маломъ да послужить міру,—пишетъ одинъ ученикъ,—да что? Отъ насъ этого не требуютъ». «Хотѣлъ бы я погибнуть для людей или за людей,—пишетъ другой,—послужить орудіемъ хоть небольшого освобожденія». Школьникъ 14-ти лѣтъ пишетъ: «Вспомнилась мнѣ книга про великихъ людей, и думается, они жили не для своей пользы, а для блага людей; и хочется мнѣ быть такому,—вѣдь все возможно человѣку; отъ этой думы у меня сжимается сердце, эта дума не выходитъ изъ головы». Вообще, послужить міру, постоять за родину, погибнуть за людей, жить для общаго блага помогать, жалѣть другихъ,—вотъ мотивы, преобладающіе въ замѣткахъ и дневникахъ наиболѣе развитыхъ школьниковъ. Г. Вахтеровъ призываетъ дѣятелей по народному образованію сдѣлать дальнѣйшій шагъ въ этомъ направленіи

и, не довольствуясь воспитаніемъ общественныхъ чувствъ и инстинктовъ, ввести въ школу конкретную практику общественной работы. Еще Песталоцци далъ примѣръ такого воспитанія дѣятельной любви въ дѣтяхъ: однажды послѣ всеобщаго пожара въ Альтдорфѣ онъ предложилъ воспитанникамъ завѣдуемаго имъ пріюта принять къ себѣ дѣтей погорѣльцевъ, оставшихся безъ крова, подѣлиться съ ними всѣмъ—и постелью, и одеждой и пищей; дѣти съ восторгомъ отозвались на это предложеніе и съ большой нѣжностью заботились о своихъ новыхъ товарищахъ. Извѣстно, что въ американскихъ школахъ практикуются уроки или игры въ «парламентскую практику», съ произнесеніемъ рѣчей и обсужденіемъ законовъ. И у насъ, по предложенію г. Вахтерова, можно было бы ввести въ школы такого рода порядки или игры, которыя бы могли служить подготовленіемъ для будущихъ общественныхъ обязанностей крестьянина. Напр., «почему бы не попробовать устроить всю школьную дисциплину и порядки на началахъ существующаго сельскаго самоуправленія? Почему бы не предоставить ученикамъ права выбирать своего школьнаго старосту и судей»? Затѣмъ, хорошимъ воспитательнымъ средствомъ можетъ служить возложеніе на учениковъ заботъ объ устройствѣ, пополненіи и содержаніи библіотеки, также составленіе коллекцій по естественной исторіи, далѣе полезно было бы поощрять разнаго рода артельныя предпріятія, напр., покупку въ складчину учебныхъ пособій; въ степныхъ мѣстностяхъ слѣдуетъ привлекать дѣтей къ посадкѣ деревьевъ и т. д. Вообще, у насъ детально, до тонкостей разработаны техническіе пріемы, напр. для обученія каллиграфіи, и ничего не сдѣлано для подготовленія учениковъ къ будущей общественной дѣятельности. «Но мы вѣримъ,—говоритъ г. Вахтеровъ,—что настанетъ время, когда воспитаніе общественныхъ чувствъ и привычекъ къ общественной дѣятельности будетъ считаться самой главной задачей школы и станетъ во главу угла всѣхъ школьныхъ порядковъ». Относительно введенія въ школу игръ, воспроизводящихъ практику сельскаго самоуправленія, г. Вахтеровъ приводитъ свой собственный опытъ. Однажды въ общежитіи одной сельской школы, когда тамъ находилось около 30 дѣтей обоего пола, авторъ предложилъ имъ сыграть въ волостной сходъ. «Дѣти съ восторгомъ согласились, и мы приступили къ баллотировкѣ должностныхъ лицъ, большинствомъ голосовъ выбрали старшину и волостныхъ судей. Избранники были очень довольны выборами. Затѣмъ мы стали составлять смѣту предполагаемыхъ волостныхъ расходовъ, чтобы потомъ сдѣлать разверстку по числу душъ волостныхъ платежей». При этомъ дѣти очень скупо назначали жалованье писарю и старшинѣ, но оказались очень щедрыми, когда рѣчь зашла объ ассигновкѣ на школу, на библіотеку-читальню, на волшебный фонарь и картины народныхъ чтеній и на сиротскій пріютъ. Затѣмъ, дѣти въ большинствѣ безъ затрудненія справились съ счетной задачей по разверсткѣ суммы расходовъ на душу и на дворъ. «Послѣ того, мы перешли къ игрѣ въ волостной судъ. Передъ судомъ предсталъ мальчикъ съ просьбою взыскать съ другого школьника просроченный долгъ. Сначала нѣкоторые изъ судей высказались-было за строгія мѣры и немедленное взысканіе и долга, и роста; но потомъ всѣ мы перешли на сторону отвѣтчика и стали мирить тяжущихся. И не трудно было замѣтить, какъ обрадовались всѣ дѣти, когда дѣло окончилось миромъ, истецъ согласился подождать и уменьшить проценты, а отвѣтчикъ обѣщалъ уплатить при первой возможности». Можемъ только выразить глубокое сочувствіе прекрасной мысли г. Вахтерова помощью самыхъ разнообразныхъ средствъ, находящихся въ распоряженіи школьнаго учителя, воспитывать соціальныя привычки въ ученикахъ. Школьная рутина часто до такой степени тяготѣетъ надъ преподаваніемъ, что учителя всѣ свои усилія употребляютъ лишь на грамматическую и каллиграфическую дрессировку учениковъ. Но просвѣтительная роль учителя должна быть выше, и стоитъ только

учителю проникнуться сознаніемъ важности этого рода воспитательныхъ задачъ,— способы примѣненія коллективныхъ работъ и упражненія общественныхъ инстинктовъ въ школѣ явятся сами собой.

Особенности избирательной борьбы въ Англіи. *Г. Д. Сатуринъ* («Жизнь», ноябрь), представляя нѣсколько живыхъ сценъ и характеристикъ изъ послѣднихъ парламентскихъ выборовъ въ Англіи, останавливается, между прочимъ, на описаніи обычнаго процесса избирательной борьбы въ Англіи. Этотъ процессъ состоитъ изъ четырехъ актовъ; *регистраціи, канвассированія, агитаціи* и *баллотировки*. Избиратель можетъ подать свой голосъ только подъ условіемъ регистраціи или предварительнаго занесенія своего имени въ избирательный списокъ. Но такъ какъ многіе избиратели относятся индифферентно къ политической борьбѣ и не вносятъ своихъ именъ, и наоборотъ другіе вписываютъ свои имена, не имѣя на то права,—то отсюда вытекаетъ двойная задача кандидатовъ и ихъ агентовъ: съ одной стороны разыскивать уклоняющихся, формировать изъ нихъ себѣ приверженцевъ и заносить ихъ имена въ списки, съ другой—провѣрять составленные списки и исключать изъ нихъ сторонниковъ враждебнаго кандидата, если они вошли, не имѣя на то права. Кромѣ того, такъ какъ по закону право голоса имѣетъ только тотъ, кто прожилъ въ извѣстномъ округѣ не менѣе 12 мѣсяцевъ передъ выборами, то кандидаты стараются выслѣдить тѣхъ обывателей, которые выѣхали изъ округа въ теченіе послѣдняго года, но сохраняютъ право вотировать въ старомъ мѣстѣ жительства. Залучить этихъ избирателей на свою сторону и такъ или иначе доставить ихъ къ мѣсту баллотировки — является одною изъ сложныхъ и дорого стоющихъ операцій. Но еще болѣе труднымъ и деликатнымъ является второй моментъ избирательнаго процесса—канвассированіе. Оно состоитъ въ томъ, что кандидатъ разсылаетъ всѣмъ избирателямъ даннаго округа манифестъ, въ которомъ излагаетъ свою программу и критикуетъ программу противника. Вслѣдъ за этимъ кандидатъ и его помощники обходятъ всѣ дома округа и при помощи всевозможныхъ средствъ стараются склонить на свою сторону хозяина или хозяйку: здѣсь пускается въ ходъ и убѣжденіе, и обѣщанія, и комплименты, и ядовитыя выходки по адресу соперника. Но и соперникъ пользуется тѣмъ же оружіемъ. Канвассированіе является специфически-англійскимъ обычаемъ и практикуется съ давнихъ поръ. Въ настоящее время въ канвассированіи принимаютъ энергичное участіе дамы. Цѣлыми часами онѣ бѣгаютъ по лѣстницамъ рабочихъ квартиръ, раздаютъ брошюры, прокламаціи, убѣждаютъ колеблющихся, разыскиваютъ тѣхъ, которыхъ не застали дома, провѣряютъ и исправляютъ избирательные списки; кромѣ того, днемъ онѣ устраиваютъ уличные митинги, а по вечерамъ говорятъ въ закрытыхъ собраніяхъ. Въ виду того, что въ канвассированіи принимаютъ участіе преимущественно богатыя леди, стоящія на сторонѣ консервативной партіи, то политическая агитація женщинъ въ Англіи окрашена въ консервативный цвѣтъ: это вводитъ въ заблужденіе либеральныхъ лидеровъ, которые отказываются дать женщинамъ избирательныя права, опасаясь тѣмъ усилить консервативную партію. Однако, это недоразумѣніе рѣшительно опровергнуто политическимъ опытомъ Новой Зеландіи и южной Австраліи. Любопытно, что и тамъ реформа была произведена консерваторами и клерикалами въ разсчетѣ на усиленіе своихъ рядовъ женскими голосами. Между тѣмъ, выборы въ Новой Зеландіи и Австраліи, произведенные при участіи женщинъ, усилили численность демократической партіи въ парламентѣ и упрочили положеніе радикальнаго министерства. Женщины, большинство которыхъ принадлежитъ къ низшимъ классамъ, высказались тамъ открыто противъ религіозныхъ школъ, противъ кабатчиковъ и пивоваровъ и т. п. Третій актъ избирательной борьбы составляютъ партійные митинги и рѣчи кандидатовъ и ихъ единомышленниковъ. Кромѣ рѣчей, на убѣжденіе избирателей должны дѣйствовать безчи-

сленныя гигантскія афиши и картины, развѣшанныя всюду — и на заборахъ, и на стѣнахъ, и на окнахъ, и на дверяхъ. Послѣдній актъ борьбы—баллотировка—требуетъ большой осмотрительности. Избирательный день продолжается отъ 8 часовъ утра до 8 вечера. Рабочіе, возращаясь съ работы домой лишь къ 7 часамъ, могутъ, слѣдовательно, вотировать только въ 8-мъ часу. Чтобы избѣжать скученности и дать возможность всѣмъ рабочимъ подать свои бюллетени до 8 часовъ, кандидатамъ и ихъ товарищамъ приходится цѣлый день сновать по округу, побуждать избирателей вотировать возможно раньше, чтобы очистить послѣдній часъ для рабочихъ. Далѣе, г. Сатуринъ приводитъ интересныя свѣдѣнія о распредѣленіи партій въ Англіи. Партійный составъ палаты общинъ, начиная съ 1874 г., очень убѣдительно показываетъ, какъ либеральное большинство мало-по-малу таетъ и уступаетъ мѣсто консервативному, получившему на послѣднихъ выборахъ перевѣсъ въ 132 голоса. Однако, цифра возрастанія консервативныхъ депутатовъ все-таки ниже дѣйствительныхъ успѣховъ партіи, такъ какъ въ либеральномъ лагерѣ въ послѣднее время образовалась фракція либераловъ-имперіалистовъ, стоящая гораздо ближе къ консерваторамъ, чѣмъ къ либераламъ, но пока формально еще не присоединившаяся къ правой. Но если мы обратимся отъ числа мѣстъ къ числу поданныхъ за каждую партію голосовъ, то получимъ гораздо болѣе точную политическую физіономію страны. Въ настоящее время въ парламентскихъ странахъ нѣтъ соотвѣтствія между численной силой партіи въ странѣ и количествомъ ея представителей въ парламентѣ. Это зависитъ, съ одной стороны, отъ неравенства избирательныхъ округовъ, съ другой—отъ принципа большинства, при чемъ перевѣсъ одного голоса при выборахъ равносиленъ перевѣсу въ нѣсколько тысячъ голосовъ. Устранить это несоотвѣтствіе можно только введеніемъ пропорціональнаго представительства (попытка такого представительства сдѣлана въ прошломъ году въ Бельгіи), т. е. депутатскія мѣста должны распредѣляться между партіями пропорціонально тому числу голосовъ, которое получено каждой партіей во всей странѣ. Въ Англіи главныя партіи отличаются замѣчательною устойчивостью и неподвижностью. На каждые пять англичанъ двое—обязательно либералы, двое—консерваторы, а пятый—величина неизвѣстная, которая и даетъ перевѣсъ той или другой сторонѣ. Въ послѣднее время этотъ подвижной элементъ все рѣшительнѣе переходитъ на сторону консерваторовъ. Кромѣ того, богатые люди тоже отдѣляются отъ либераловъ и примыкаютъ къ консерваторамъ, а это лишаетъ либеральную партію необходимыхъ средствъ для выставленія своихъ кандидатовъ (извѣстно, что избирательная борьба въ Англіи стоитъ очень дорого). Наконецъ, ростъ консервативной партіи объясняется еще и тѣмъ, что въ послѣдніе 5 лѣтъ въ нее вошло огромное большинство (82%) молодого поколѣнія. Замѣчателенъ и тотъ фактъ, что въ то время, какъ континентальныя столицы стягиваютъ къ себѣ прогрессивные элементы, Лондонъ дѣлается все болѣе твердыней консерватизма.

Свидѣтельство очевидца объ Аракчеевѣ. Въ воспоминаніяхъ П. А. Папкова («Историческій Вѣстникъ», декабрь) воспроизводятся съ живостью непосредственнаго свидѣтеля ужасы аракчеевскаго режима. «Въ Грузинѣ съ деревнями розги и батоги дѣйствовали, можно сказать, безпрерывно. Кромѣ того, имѣлись колодки, которыя надѣвались провинившемуся на шею. Въ нихъ втыкались палки, торчащія въ разныя стороны, что лишало окончательно несчастнаго возможности какъ бы то ни было лечь и измучивало его». Чтобы увеличить доходность имѣнія съ помощью прироста населенія, «Аракчеевъ утверждалъ къ новому году списокъ дѣвокъ, назначаемыхъ къ замужеству, и соотвѣтствующихъ жениховъ изъ крестьянъ. Если у новобрачныхъ родится не сынъ, а дочь, полагался штрафъ, то-есть порка, въ случаѣ мертваго ребенка—тоже порка, а если вовсе не было новорожденнаго, то полагался тоже штрафъ—

холстомъ или чѣмъ инымъ». Но Аракчеевъ не довольствовался безпрерывными жестокими наказаніями, онъ заставлялъ еще наказанныхъ подавать въ контору заявленія, въ которыхъ они каялись въ своихъ провинностяхъ и благодарили благодѣтеля за то, что онъ ихъ наставляетъ на хорошій путь. Далѣе Папковъ разсказываетъ о жестокой расправѣ съ извѣстной сподвижницей Аракчеева Настасьей Минкиной. «Преслѣдуя одну изъ дворовыхъ дѣвушекъ за ея красивую наружность, Минкина выхватила однажды изъ ея рукъ раскаленные щипцы и стала ими жечь ея лицо и вырывать кусками обожженное тѣло. Дѣвушка едва могла вырваться изъ рукъ своей мучительницы и побѣжала къ своему брату, который былъ поваромъ на кухнѣ. Ея братъ, увидавъ сестру въ такомъ видѣ, обезумѣлъ отъ злости, схватилъ кухонный ножъ, побѣжалъ въ домъ Минкиной и зарѣзалъ ее на мѣстѣ». Папковъ очень рѣшительно и увѣренно обвиняетъ Бенигсена въ измѣнѣ, въ сношеніяхъ съ Наполеономъ. Этимъ тайнымъ соглашеніемъ объясняетъ онъ, между прочимъ, самоувѣренность въ передвиженіяхъ французовъ въ битвѣ подъ Фридландомъ, между тѣмъ, какъ отъ главнокомандующаго Бенигсена было разослано распоряженіе не открывать пальбы противъ французовъ. Папковъ нарушилъ это распоряженіе, приказалъ стрѣлять изъ орудій, произвелъ въ рядахъ французовъ «ужасное смятеніе и опустошеніе» и вызвалъ отступленіе, при этомъ Папковъ Фридландское пораженіе превращаетъ въ побѣду. За это дѣло, вмѣсто суда, онъ былъ награжденъ георгіевскимъ крестомъ самимъ императоромъ Александромъ. Впослѣдствіи, занимая должность петербургскаго оберъ-полиціймейстера, Папковъ задался цѣлью разоблачить измѣну Бенигсена, перехватывалъ его письма и окончательно убѣдился въ справедливости своихъ подозрѣній. Онъ разузналъ, гдѣ хранится переписка Бенигсена съ Наполеономъ, произвелъ въ этой квартирѣ обыскъ, но потерпѣлъ неудачу: «переписка пылала въ каминѣ, когда полиція вошла въ комнату». Намъ представляются сомнительными эти обвиненія Бенигсена и въ виду хвастливаго тона Папкова, и потому, что онъ не приводитъ ни одного факта, подтверждающаго его подозрѣнія. Правда, подобнаго рода слухи и подозрѣнія, вѣроятно, вслѣдствіе непонятной растерянности русскаго войска подъ Фридландомъ, ходили въ то время въ рядахъ союзной арміи; по крайней мѣрѣ извѣстный Гарденбергъ высказываетъ даже предположеніе о существованіи цѣлаго заговора съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ во главѣ, съ цѣлью принудить Александра заключить съ Наполеономъ миръ. Душой этого заговора Гарденбергъ называетъ Бенигсена.

Земцы новой формаціи. Хроника внутренней жизни «Русскаго Богатства» за ноябрь, посвящена наблюденіямъ надъ эволюціей нашего земства. До сихъ поръ вниманіе печати было привлечено, главнымъ образомъ, внѣшними измѣненіями и ограниченіями земской дѣятельности; но за это время успѣлъ произойти рѣшительный переворотъ во внутреннемъ строѣ земской жизни, переворотъ способный вызвать серьезную тревогу за будущее земства. Отовсюду доносятся сообщенія о «новыхъ флагахъ», о «новыхъ людяхъ», о «дѣятеляхъ новой формаціи», появившихся въ земствѣ. Новый духъ выразился, напр., въ систематическихъ гоненіяхъ на печать, въ клерикальныхъ тенденціяхъ, именно, въ стремленіи замѣнить земскую школу, церковно-приходской. Чтобы ближе присмотрѣться къ этому «новому теченію», авторъ пользуется характеристиками земскихъ дѣятелей сотрудника «Новаго Времени», г. Глинки, который объѣхалъ внутреннія губерніи и опубликовалъ свои бесѣды съ земцами. Само собой разумѣется, что г. Глинка чистосердечно восторгается новыми дѣятелями, которые «съ философской простотой относятся ко всѣмъ вопросамъ и, не задаваясь отвлеченными принципами, черпаютъ житейскую мудрость въ указаніяхъ самой жизни». Напр., одинъ изъ нихъ земскими дѣятелями считаетъ земскихъ начальниковъ и даже предлагаетъ подчинить имъ земство. Земскіе

начальники, по его словамъ, по крайней мѣрѣ «свои люди», а кормятъ земство «чужіе», пришлые, пріѣзжающіе издалека на собранія; они являются каждый со своей программой, со своими теоріями, со своми идеалами, они образованы, обладаютъ даромъ слова и увлекаютъ за собой собраніе. Можно было бы думать, что мѣстные люди имѣютъ, по крайней мѣрѣ, одно преимущество — знаніе мѣстныхъ условій. Но и на этой позиціи постоянно побиваютъ ихъ бюро и спеціалисты изъ «наѣзжихъ элементовъ». Девизомъ новой земской программы выставляется «экономія» и прежде всего требуется сокращеніе расходовъ на школы. Однако, принципъ экономіи проводится далеко не безусловно; въ одномъ земствѣ было отказано въ ассигновкѣ на постройку женской учительской семинаріи и въ то же время разрѣшено отпустить 45 тысячъ рублей на конюшни для помѣщенія лошадей, жертвуемыхъ земству государственнымъ коннозаводствомъ. Наконецъ, совсѣмъ безцеремонно заявляетъ новыя требованія аткарскій земецъ Бартеневъ: «Существовавшее до сихъ поръ направленіе было крайне односторонне—земство тратило всѣ свои средства на помощь крестьянству и ничего не дѣлало для остальныхъ сословій... Пора теперь земству принять иное направленіе». Послѣдняя сессія земскихъ собраній даетъ много иллюстрацій къ этому безпринципному и своекорыстному «новому вѣянію».

«Вѣстникъ Всемірной Исторіи» за 1900 годъ. Присматриваясь къ «Вѣстнику Всемірной Исторіи» за первый годъ изданія, мы должны сказать, что этотъ журналъ производитъ впечатлѣніе смутное и пестрое. Въ проспектѣ изданія редакція ставитъ задачу журнала, между прочимъ, въ томъ, чтобы съ помощью историческихъ знаній способствовать «выработкѣ міросозерцанія и идеала личнаго и общественнаго». Что касается собиранія матеріала, то, по мнѣнію редакціи, это не есть дѣло «органа исторической печати»: «для документовъ и матеріаловъ есть архивы»,—журналъ же будетъ давать лишь обработанные и приведенные въ систему факты. Кромѣ того, редакція обѣщаетъ отзываться историческими справками на современные вопросы, выясненію которыхъ можетъ помочь ознакомленіе съ прошлымъ. Въ этихъ случаяхъ «современность, соприкасаясь такимъ образомъ съ исторіей, облекаетъ въ плоть и кровь образы прошлаго и—*прошлое говоритъ*». Намѣренія, конечно, очень хорошія, но посмотримъ, въ какой степени выдержана въ изданіи эта физіономія журнала, и о чемъ именно тамъ *говоритъ прошлое?*—«Антоній Поссевинъ и Истома Шевригинъ», «Бабиды (страница персидской исторіи)», «Послѣдній храмовникъ», «Іоаннъ Гутенбергъ», «Возникновеніе миланской коммуны», «Римскій поэтъ Терентій на западно-европейской сценѣ», «Католичество и религіозная нетерпимость въ средніе вѣка», «Изъ легендъ древней Японіи» и т. д., и т. д. Для міросозерцанія и отвѣта на современные вопросы, какъ видимъ, матеріалъ болѣе чѣмъ скудный. Прибавимъ еще сюда подробный, но чисто внѣшній, фактическій пересказъ исторіи французской революціи, продолжающійся отъ 2-й по 12-ю книжку журнала. Въ видѣ рѣдкихъ оазисовъ попадаются въ журналѣ и статьи, болѣе соотвѣтствующія своему назначенію, напр. «Италія и Савойскій домъ», «И. В. Лопухинъ», «Декабристъ Оболенскій» и др. Есть среди статей и такія, подъ которыми подписаны извѣстныя имена; но и по содержанію и по способу изложенія, онѣ, въ большинствѣ, менѣе всего могутъ служить выполненію задачъ, поставленныхъ редакціею. Къ этому разряду относится, напр., статья Н. Коркунова «Четыре проекта Сперанскаго», съ большими выписками изъ подлиннаго текста проектовъ; эта статья была бы вполнѣ умѣстна въ спеціальномъ научномъ органѣ, но никакъ не въ популярно-историческомъ журналѣ. Если отъ этого случайнаго матеріала обратимся къ тому, что, повидимому, составляетъ главную характерную особенность «Вѣстника Всемірной Исторіи», то найдемъ, что этотъ характерный

матеріалъ удовлетворяетъ нѣкоторымъ другимъ цѣлямъ редакціи, хотя и не формулируемымъ въ ея проспектахъ, но, очевидно, преслѣдуемымъ ею. Излюбленною формою журнальнаго творчества является у «Вѣстника Всемірной Исторіи»—нѣчто среднее между исторіей и романомъ. Если, съ одной стороны, считается необходимымъ вносить исторію въ романъ, то, съ другой, очень часто романъ вносится въ исторію. Характернымъ образчикомъ подобнаго смѣшаннаго жанра можетъ служить маленькій историческій очеркъ самого редактора-издателя г. С. Сухонина: «Послѣдніе Горбатые-Шуйскіе». Во-первыхъ, этотъ маленькій, въ $3^1/_2$ страницы, разсказъ о казни князя Александра Горбатаго-Шуйскаго съ сыномъ снабженъ тяжеловѣснымъ аппаратомъ учености: цѣлую треть страницы занимаютъ ссылки на ученые источники. Во-вторыхъ, на основѣ простой лѣтописной схемы разводятся сантиментально-риторическія украшенія, во вкусѣ Карамзина, причемъ эти риторическіе узоры совсѣмъ не сливаются съ основнымъ содержаніемъ разсказа. Напр.: «Вошло солнце, чтобы видѣть новое кровавое дѣло, одну изъ черныхъ страницъ исторіи, несмываемое пятно съ царствованія Іоанна» и т. д. Неужели это нехитрое мастерство нужно на что-нибудь? Затѣмъ, ту же исторію-романъ или романъ-исторію представляетъ изъ себя дневникъ кронпринцессы Софіи-Шарлотты, жены царевича Алексѣя Петровича, напечатанный во 2-й книжкѣ журнала. Этотъ дневникъ—завѣдомо фальсифицированный: что за бѣда,—если онъ не годится какъ исторія, онъ можетъ годиться какъ романъ,—граница между тѣмъ и другимъ не рѣзко проводится редакціей. Наконецъ, преобладающимъ матеріаломъ «Вѣстника Всемірной Исторіи» являются уже прямо историческіе романы не особенно высокаго разбора. Какъ видимъ, между широковѣщательными претензіями, заявленными редакціей, и этими неприхотливыми даяніями—нѣтъ ничего общаго. Но помимо содержанія и литературнаго мастерства, возьмемъ образчикъ тона журнальныхъ статей. По поводу сообщенія Л. Майкова о ссорѣ между Гончаровымъ и Тургеневымъ (напечатаннаго въ «Русской Старинѣ», I) сотрудникъ «Вѣстника Всемірной Исторіи» (книжка 4) замѣчаетъ, что въ данномъ случаѣ между двумя писателями повторилось недоразумѣніе, какое возникло между Бобчинскимъ и Добчинскимъ: «Э! говорю я Петру Ивановичу...»—«Нѣтъ, Петръ Ивановичъ, это я сказалъ э!» Исторія одного изъ этихъ «э!», приключившуюся съ Тургеневымъ и Гончаровымъ, и разсказываетъ г. Майковъ». Эта пошло-развязная выходка является, повидимому, однимъ изъ средствъ оживить тусклое и унылое содержаніе журнала. Но у редакціи для этихъ цѣлей есть и другія яркія краски. Это, во-первыхъ, уже упомянутыя извѣстныя имена, подписанныя, правда, подъ статьями или мелкими, или случайными. Во-вторыхъ, это—показные документы, громкіе по титулу и пустые по содержанію. Къ такимъ относится, напр., «Переписка графа І. А. Каподистрія», извѣстнаго дѣятеля времени Александра I. Письма адресованы графинѣ Эдлингъ, къ которой Коподистрія относился съ чувствомъ рыцарскаго почитанія. Поэтому, письма сплошь наполнены галантными изліяніями почтительныхъ чувствъ и сообщеніями о внѣшнихъ мелочахъ жизни; чего-либо цѣннаго въ историческомъ смыслѣ эти письма совсѣмъ не даютъ. Такого рода документы имѣютъ красивый видъ на обложкѣ журнала и, значитъ, могутъ сослужить извѣстную службу. Но редакція не ограничивается всѣми этими рекламными пріемами, — она и прямо отъ себя многократно выступаетъ съ прямой рекламой. Послѣ претенціознаго проспекта изданія, помѣщеннаго въ 1-й книжкѣ, уже во 2-й она спѣшитъ сообщить: «Горячо откликнулось на нашъ призывъ русское общество и въ особенности тотъ вдумчивый русскій читатель, со скромными средствами къ жизни и большими духовными запросами, для котораго главнымъ образомъ и предназначалось наше изданіе. Прошло едва шесть недѣль со дня выхода первой книжки, а все изданіе этой книжки уже распро-

дано, и слѣдующая печатается въ двойномъ количествѣ экземпляровъ. «Въ 11-й книжкѣ редакція опять заявляетъ, что она не только читателемъ, но и самой собой совершенно довольна. «Идя по сравнительно новому пути, не замыкаясь въ узкомъ кругѣ архивныхъ фактовъ и документовъ, стремясь включить въ нашу программу всю область живой творческой человѣческой мысли, исходящей отъ фактовъ и порождающей факты,—мы всегда высказывали нашу мысль до конца и при томъ въ формѣ возможно яркой и доступной». И опять слѣдуетъ упоминаніе объ «общемъ сочувствіи, встрѣтившемъ изданіе въ литературной средѣ». «Мы, можетъ быть, идемъ еще неполнымъ ходомъ, но мы идемъ по вѣрному пути, и продолжать нашу работу при такихъ условіяхъ наша обязанность». По какому пути идетъ редакція въ дѣйствительности, мы отчасти видѣли; если она считаетъ этотъ путь «вѣрнымъ», очень жаль, и тѣмъ болѣе жаль, если она пойдетъ по нему «полнымъ ходомъ». Будемъ, однако, надѣяться, въ интересахъ читателей, что редакція не станетъ упорствовать на своемъ «вѣрномъ» пути, что она приведетъ содержаніе журнала въ большее соотвѣтствіе съ его задачами; отчасти она исполнила уже по отношенію къ библіографическому отдѣлу, принявшему съ нѣкоторыхъ поръ болѣе серьезный и дѣльный характеръ.

За границей.

Англійская общественная жизнь. Въ политикѣ очень часто бываютъ неожиданности. Послѣ окончанія общихъ выборовъ въ Англіи, давшихъ министерству Солисбюри большинство въ 134 голоса, англійское правительство могло уже смотрѣть на будущее и не опасаться за свое дальнѣйшее существованіе. Можно было думать, что страна одобряетъ политику англійскаго правительства, но оказывается это не совсѣмъ такъ. Въ англійскомъ общественномъ мнѣніи замѣчается глухое недовольство; южно-африканская война затягивается, сопротивленіе буровъ не только не сломлено до сихъ поръ, какъ было объявлено, но распространилось по всей территоріи южно-африканскихъ республикъ. Это обстоятельство вызываетъ смутную тревогу, такъ же какъ и перспектива платить по счету, который будетъ теперь представленъ странѣ. Кромѣ того, глухое недовольство и негодованіе вызываютъ также варварскія мѣропріятія англійскихъ главнокомандующихъ въ южной Африкѣ, ихъ обращеніе съ женщинами и дѣтьми буровъ, ограбленіе и разореніе фермъ и т. п. Надо отдать справедливость англичанамъ, они не замалчиваютъ всѣхъ этихъ фактовъ и въ англійской печати и на общественныхъ собраніяхъ то и дѣло раздаются голоса, требующіе привлеченія къ отвѣтственности виновныхъ и прекращенія кровопролитія.

По мнѣнію многихъ, хорошо знакомыхъ съ англійскимъ національнымъ характеромъ, симптомы, указывающіе на серьезный поворотъ въ общественномъ мнѣніи, возрастаютъ съ каждымъ днемъ. Министры уже другимъ тономъ говорятъ о войнѣ, а Чэмберленъ называетъ буровъ «мужественнымъ» противникомъ. Бродрикъ отзывается о южно-африканской войнѣ, какъ о «самой достославной изъ всѣхъ войнъ, какія когда-либо вели англичане, сражаясь за свою свободу и независимость». Онъ соглашается, что это «несчастная война» и сожалѣетъ о томъ, что она произошла! Вообще, какъ далеко мы теперь отъ тѣхъ выспреннихъ рѣчей, какія произносились англійскими министрами въ началѣ войны!

Даже самаго яраго сторонника войны должны бы заставить призадуматься опубликованные списки потерь, понесенныхъ англичанами. Правда, эти списки очень не полны (напр., число убитыхъ въ апрѣлѣ и маѣ офицеровъ

показано только въ октябрѣ), но, тѣмъ не менѣе, они могутъ навести на весьма грустныя размышленія. Если сравнить различныя оффиціальныя данныя, то окажется, что къ концу декабря число выбывшихъ изъ строя не вслѣдствіе ранъ, а вслѣдствіе заболѣванія тифомъ, доходитъ до 20.000. Съ сентября война считается «оффиціально» уже оконченной и военное министерство опубликовываетъ списки раненыхъ, убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ не каждую недѣлю, какъ прежде, а только разъ въ мѣсяцъ. Но эти цифры далеко не указываютъ на окончаніе войны. Общія потери англичанъ ранеными, убитыми и взятыми въ плѣнъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ по окончаніи войны (т.-е. по 1-е декабря) равняются 2.620 чел., изъ коихъ 134 офицера! Цифра достаточно краснорѣчивая. Столь же краснорѣчивыми намъ должны показаться цифры, если мы сравнимъ общее число убитыхъ, раненыхъ и взятыхъ въ плѣнъ англичанъ (по оффиціальнымъ источникамъ) съ предполагаемымъ числомъ бурскаго войска. Въ точности численность этого войска неизвѣстна, но, во всякомъ случаѣ, даже со всѣми натяжками, нельзя насчитать больше 40.000. Потери англичанъ за время войны равняются почти такому же числу и, слѣдовательно, на каждаго бура въ строю приходился одинъ англичанинъ, выбитый изъ строя. Неудивительно послѣ этого, что англійскіе министры заговорили теперь о «мужественномъ и храбромъ противникѣ». Если они говорили раньше, что каждый англійскій воинъ—герой, то какъ же надо назвать послѣ этого бурскихъ воиновъ, противъ которыхъ оказываются безсильными 210.000 войска, находящіяся теперь въ распоряженіи лорда Китченера въ южной Африкѣ!

Затянувшаяся южно-африканская война и несвоевременно возникшіе безпорядки въ Китаѣ, безъ сомнѣнія, создаютъ для Англіи очень трудное положеніе въ политическомъ отношеніи. Но, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, всѣ думали, что англійскому правительству не грозятъ больше никакіе сюрпризы въ области внутренней политики, въ особенности со стороны Ирландіи. Ирландскій вопросъ какъ-то сошелъ со сцены со смертью Гладстона и, заслоненный разными другими событіями, пересталъ волновать публику. Либералъ-уніонисты все болѣе укрѣплялись въ своемъ рѣшеніи не допускать раздѣленія имперіи, единство которой возведено было въ священнѣйшій догматъ съ момента расцвѣта имперіализма въ Англіи. Да и среди либераловъ уже встрѣчалось не мало такихъ, которые готовы были раскаяваться въ томъ, что они принесли когда-то въ жертву химерѣ и единство партіи, и ея популярность, и власть. Имперіалитская же партія, съ лордомъ Розберри во главѣ, открыто отвергала, вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ наслѣдіемъ Гладстона—послѣдняго англійскаго государственнаго дѣятеля идеалиста,—и его ирландскую политику.

Итакъ Homerule считался погребеннымъ. Къ тому же и сами ирландцы, казалось, были такъ поглощены своими внутренними партійными распрями, что всякая связь между ними и либералами была уже нарушена. Между тѣмъ, статсъ-секретарь по ирландскимъ дѣламъ Бальфуръ и его главный помощникъ Плункетъ, съ своей стороны, также старались убить Homerule посредствомъ задабриванія сельскаго населенія Ирландіи, которому они дѣлали разныя поблажки. Казалось, дѣло шло на ладъ, но вдругъ сцена перемѣнилась.

Оранжисты, эти ультра-фанатики, испугались за свои привилегіи и возстали противъ политики кабинета. Они лишили полномочій Плункета и вынудили Бальфура покинуть ирландское министерство, а теперь объявляютъ войну всѣмъ, кто измѣняетъ прежнимъ традиціямъ боевой политики и «Times» изъ всѣхъ силъ поддерживаетъ ихъ.

Въ то же время ирландскіе націоналисты заключили между собою перемиріе и возстановили единство въ своихъ рядахъ, сгруппировавшись около Редмонда, котораго они признали своимъ лидеромъ. Въ настоящее время въ парламентъ вступили опять около ста ирландскихъ депутатовъ, рѣшительныхъ и неприми-

римыхъ, такъ что при такихъ условіяхъ легко могутъ возобновиться времена Парнеля, тѣмъ болѣе, что въ данный моментъ въ Ирландіи подготовляется новое аграрное движеніе. Національное движеніе въ Ирландіи только тогда имѣло силу, когда оно поддерживалось недовольствомъ сельскаго населенія. Парнель отлично понималъ это; оттого-то онъ и создалъ аграрную лигу, которая была его главнымъ орудіемъ побѣды. О'Брайнъ послѣдовалъ примѣру своего прежняго лидера и возстановилъ національную лигу. Теперь эта лига уже начала свои дѣйствія вездѣ въ деревняхъ и можетъ, когда захочетъ, вызвать сильное волненіе. Но не только католическая Ирландія начинаетъ волноваться; протестантскій и англо-саксонскій Ульстеръ тоже неспокоенъ. Фермеры, утомленные притѣсненіями и эксплуатаціей ландлордовъ, уже не вѣрятъ больше ни въ какія обѣщанія и требуютъ коренной аграрной реформы. Въ этомъ требованіи объединяются всѣ ирландцы, протестанты и католики. Агитація въ Ирландіи растетъ и ирландскій вопросъ, какъ грозный призракъ, снова выдвигается на сцену.

Въ прошломъ мѣсяцѣ состоялся интересный митингъ общества соціальныхъ реформаторовъ, созванный архидіакономъ Синклеромъ съ цѣль обсужденія вопроса о распространеніи движенія въ пользу организаціи различныхъ соціальныхъ учрежденій въ странѣ. Предсѣдателемъ митинга былъ каноникъ Ульберфорсъ, вестминстерскій архидіаконъ, который въ своей рѣчи указалъ на громадное воспитательное значеніе существующихъ въ Лондонѣ соціальныхъ учрежденій, устроенныхъ для рабочаго населенія, и на необходимость увеличить число этихъ учрежденій, которыхъ слишкомъ мало, чтобы удовлетворить всѣмъ потребностямъ этого населенія. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ союзъ соціальныхъ реформаторовъ попробовалъ организовать клубы для рабочихъ, мужчинъ и женщинъ, и первая проба оказалась настолько удачна, что теперь во всѣхъ рабочихъ центрахъ возникаютъ клубы, часто по иниціативѣ самихъ же рабочихъ. Въ заключеніе ораторъ распространился о той благотворной роли, которую играютъ клубы въ дѣлѣ распространенія трезвости.

Слѣдующій ораторъ, графъ Грей, разсказалъ о своемъ посѣщеніи рабочихъ клубовъ въ Ньюкэстлѣ. Число членовъ въ этихъ клубахъ достигаетъ уже теперь 1.400 человѣкъ. Организаторъ ихъ, мистеръ Смитъ, нашелъ способъ отвлечь рабочихъ отъ кабаковъ и т. п. заведеній, гдѣ они прежде проводили свободное время. Устроенные имъ клубы оказались въ данномъ случаѣ прекраснымъ проводникомъ; рабочіе очень охотно шли туда, такъ какъ въ помѣщеніи клуба они находили то, чего были лишены дома, просторъ и удобства, развлеченіе въ видѣ книгъ и журналовъ и полную свободу проводить время какъ имъ вздумается, при условіи лишь вести себя прилично, въ противномъ случаѣ грозило исключеніе изъ клуба. Но это послѣднее условіе еще ни разу не было нарушено. «Было бы, конечно, желательно,—прибавилъ ораторъ,— чтобы такіе «Смитовскіе клубы» (Smith clubs) распространились по всей Англіи, такъ какъ ихъ воспитательноо значеніе для народа несомнѣнно».

Дальнѣйшая часть засѣданія была исключительно посвящена обсужденію вопроса объ организаціи фонда для устройства клубовъ въ различныхъ рабочихъ центрахъ. По приблизительному разсчету нужно не болѣе 40 фунтовъ стерл. для начала и поддержки до тѣхъ поръ, пока учрежденіе не станетъ на собственныя ноги. Митингъ вотировалъ резолюцію, въ которой обществу соціальныхъ реформаторовъ предлагается открыть подписку и пополнить изъ собственныхъ фондовъ недостающую сумму, необходимую для учрежденія еще нѣсколько клубовъ въ лондонскихъ рабочихъ кварталахъ и въ окрестностяхъ.

Англійская печать нѣсколько встревожена извѣстіемъ изъ Бомбея, что индійская секта туговъ, которую считали давно уже исчезнувшей, внезапно опять появилось въ Деканѣ и уже заявила о себѣ цѣлымъ рядомъ ритуаль-

ныхъ убійствъ. Англійское правительство въ Индіи вело ожесточенную войну съ тугами, многіе годы уже о нихъ ничего не было слышно, за послѣдніе мѣсяцы однако въ Деканѣ сплошь да рядомъ стала исчезать паломники, трупы которыхъ потомъ находили на уединенныхъ тропинкахъ, причемъ на этихъ трупахъ не бывало замѣтно никакихъ знаковъ насилія. Сначала на это обстоятельство не обратили особеннаго вниманія, но затѣмъ, когда такіе случаи стали очень часто повторяться, власти всполошились. Послѣ продолжительныхъ поисковъ и при помощи мѣстныхъ сыщиковъ, удалось напасть на слѣдъ и четверо убійцъ арестованы. Относительно ихъ принадлежности на сектѣ туговъ не существуетъ уже никакихъ сомнѣній, но они упорно хранятъ молчаніе и до сихъ поръ ничего не удалось узнать относительно организаціи этой секты и мѣста ея собраній. Разслѣдованіе продолжается и по всему округу разосланы патрули, но ничего еще не открыто, хотя недавно снова былъ найденъ трупъ со всѣми признаками ритуальнаго убійства.

Женскій эмиграціонный союзъ въ Лондонѣ издалъ на дняхъ свой пятнадцатый годовой отчетъ, изъ котораго видно, что южно-африканская война уменьшила доходы союза и эмиграція въ южную Африку временно совершенно прекратилась. Тѣмъ не менѣе за этотъ годъ союзъ оказалъ поддержку 298 лицамъ и помогъ имъ эмигрировать. Въ это число вошли 240 одинокихъ женщинъ, 15 семействъ, 8 одинокихъ мужчинъ и восемь мальчиковъ. Большинство эмигрантовъ отправилось въ Канаду, другіе же выбрали Африку, австралійскія колоніи и Новую Зеландію; 63 человѣка переселились въ Соединенные Штаты, одинъ въ Египетъ, одинъ въ Китай и двое въ Мексику.

Союзъ дѣлаетъ тщательный выборъ между женщинами, которымъ онъ помогаетъ эмигрировать и отдаетъ предпочтеніе женщинамъ средняго сословія, имѣющимъ какую-нибудь профессію. Взятыя эмигрантками суммы до сихъ поръ всегда аккуратно выплачивались ими и союзъ получаетъ благопріятныя извѣстія о положеніи и дѣятельности эмигрантокъ. Очень многимъ изъ нихъ удалось прекрасно устроиться на чужбинѣ.

Два конгресса въ южной Африкѣ. Въ Паарлѣ, хорошенькомъ старинномъ городѣ Капской колоніи, который называютъ «Меккой африкандеровъ», состоялся первый женскій политическій конгрессъ въ южной Африкѣ. Въ теченіе войны расовыя чувства голландскаго населенія Капской колоніи подверглись очень сильному испытанію, такъ какъ среди голландскихъ колонистовъ врядъ ли найдется дюжина такихъ, которые не имѣютъ болѣе или менѣе близкихъ родственниковъ въ рядахъ буровъ, сражающихся противъ англичанъ. По словамъ англійскихъ же корреспондентовъ чувства эти еще усилились, благодаря поведенію англійскихъ командировъ. Въ особенности сильно возмущены были всѣ голландскіе колонисты тѣмъ, что англійскія военныя власти выслали въ портъ Елизаветъ голландскихъ женщинъ и дѣтей изъ Фауссамита, Егерсфонтейна и др. южныхъ провинцій Оранжевой республики, причемъ этихъ женщинъ и дѣтей провели по улицамъ города въ сопровожденіи солдатъ со штыками, словно военноплѣнныхъ. Военныя власти, въ оправданіе своего обращенія съ женщинами и дѣтьми, говорили, что они, эти женщины и дѣти, не только сообщали свѣдѣнія непріятелю, но даже сражались въ его рядахъ съ англичанами. Но если бы даже это обвиненіе и было справедливо, то, по мнѣнію голландскихъ колонистовъ, женщины, поступавшія такимъ образомъ, ни въ какомъ случаѣ не заслуживали осужденія, такъ какъ вѣдь это «война за независимость!» Насколько были возмущены голландскіе колонисты такимъ поведеніемъ англійскихъ военныхъ властей, доказывается уже тѣмъ, что они обратились въ штабъ въ Капштатѣ съ просьбою отдать имъ на поруки всѣхъ этихъ плѣнницъ съ дѣтьми, обязуясь кормить ихъ и одѣвать и даже наблю-

дать за ними, если это будетъ нужно. Но предложеніе это было отвергнуто, мѣстному члену парламента Джемсу Молшено, хлопотавшему объ этомъ, было объявлено, что по личному распоряженію самого лорда Робертса, женщины должны быть высланы въ такой городъ, гдѣ нѣтъ ни одной голландской семьи. Поэтому то мѣстомъ ссылки избранъ портъ Елизаветъ.

Этотъ фактъ до такой степени возмутилъ голландскихъ женщинъ въ колоніи, что они рѣшили созвать конгрессъ, чтобы протестовать противъ поступковъ англійскихъ главнокомандующихъ, сожиганія фермъ, забиранія въ плѣнъ женщинъ и дѣтей и т. п. Мѣстомъ собранія этого конгресса была выбрана обширная площадка, на которой росли прекрасные вѣтвистые старые дубы, вблизи одной изъ самыхъ живописныхъ и богатыхъ фермъ въ округѣ. Въ назначенный день къ этому мѣсту стали стекаться участники и участницы, пріѣзжавшіе и на спеціальныхъ поѣздахъ, и въ экипажахъ, и на велосипедахъ, изо всѣхъ городовъ и селъ отъ Веллингстона до Капштадта. Собралось около 2000 человѣкъ. Было не мало мужчинъ, но еще больше женщинъ и почти всѣ онѣ были въ траурѣ, что конечно подтверждаетъ тѣсную связь, существующую между ними и республиканцами сражающимися за свою родину.

Конгрессъ открылся чтеніемъ библіи и пѣніемъ псалмовъ и только послѣ этого начали произносить рѣчи. Почти всѣ рѣчи были произнесены на голландскомъ языкѣ и только три ораторши, миссъ Молшено, миссъ Гринъ и мистрисъ Зауэръ говорили по англійски. Предсѣдательница мистриссъ Роосъ въ своей рѣчи очень ярко изобразила ужасъ войны. «Мы удалены здѣсь отъ театра военныхъ дѣйствій; сказала она—и поэтому намъ трудно представить себѣ все, что тамъ творилось и что тамъ испытываютъ люди, все равно, какъ трудно человѣку, имѣющему комфортабельное жилище, вполнѣ ясно представить себѣ, что испытываетъ бездомный. А тамъ на театрѣ войны, теперь много бездомныхъ женщинъ и дѣтей, которыя должны проводить ночи подъ защитою какого нибудь кустарника или обгорѣлой, разрушенной стѣны своего прежняго жилища. Просыпаясь утромъ, онѣ не знаютъ, куда имъ идти и гдѣ найти пристанище и пищу для себя и своихъ голодныхъ дѣтей.... Такое варварское разрушеніе жилища, лишеніе крова беззащитныхъ—все это дѣлается по приказанію «величайшаго воина» Англіи — такъ называютъ въ Англіи лорда Робертса, и большинство англійскаго народа восхваляетъ и превозноситъ его. Но мы считаемъ это безчестіемъ для англійскаго имени и такъ какъ мы—англійскіе подданные, то безчестіемъ и для себя!».

Другая ораторша мистриссъ Коопменсъ, очень краснорѣчиво доказывала, что сожиганіе бурскихъ фермъ англичанами не ведетъ ни къ чему. «Вѣдь оно только лишаетъ буровъ ихъ собственности,—воскликнула она,—но отнюдь не лишаетъ ихъ мужества! Развѣ возможно примиреніе послѣ такихъ поступковъ? Вѣдь буры тоже люди!»

Затѣмъ она заговорила о положеніи бурскихъ женщинъ. «Эти женщины, за все время войны, ни разу не покинули своихъ мѣстъ и свято выполняли свой долгъ, какъ матери и жены,—сказала она.—Онѣ заботились о снабженіи своихъ мужей всѣмъ необходимымъ и бурскую женщину можно смѣло назвать идеаломъ жены и матери. Онѣ снабдили всѣмъ необходимымъ бурскую армію, англичанамъ же продовольствіе войска стоило нѣсколько милліоновъ. Англійскіе офицеры и солдаты застали бурскихъ женщинъ за работой на одинокихъ фермахъ. Казалось бы, что они невольно должны были снять шапки передъ такими мужественными и преданными женщинами! но нѣтъ, они не поступили такъ, и сожгли и разорили фермы, и лишили крова женщинъ, дѣтей, стариковъ и больныхъ! Но пламя, сжигавшее фермы, уничтожило и нѣчто больше—оно уничтожило ту связь, которая постепенно образовалась между англичанами и африкандерами. Подумали ли объ этомъ въ Англіи? Африкандерскіе потомки

*

голландцевъ и гугенотовъ не могутъ быть прикованы къ Англіи, а только могутъ быть привязаны къ ней узами взаимнаго довѣрія и интересовъ. Мы протестуемъ противъ такихъ позорныхъ дѣйствій и протестуемъ во имя тѣхъ англичанъ, которые не принимали въ нихъ участія и осуждаютъ ихъ!».

Въ заключеніе ораторша съ паѳосомъ говорила объ угрызеніяхъ совѣсти. «Англійскихъ офицеровъ будетъ вѣчно преслѣдовать образъ лишенныхъ крова женщинъ и дѣтей, въ отчаяніи ломающихъ руки, при видѣ своихъ горящихъ жилищъ!» воскликнула она.

Самая сильная рѣчь была сказана миссъ Молшено, англичанкой, дочерью бывшаго перваго министра Капской колоніи сэра Джона Молшено. Она говорила экспромтомъ и въ каждомъ словѣ ея можно было замѣтить, что она гордится великимъ прошлымъ своего отечества. Поэтому ей тяжело было сознавать, что Англія теперь запятнала себя въ южной Африкѣ своимъ поведеніемъ, и миссъ Молшено сильно волновалась и лишь вскользь упомянула о южно-африканской войнѣ, но зато очень много распространялось о томъ, что потомки британскихъ, голландскихъ, французскихъ и германскихъ колонистовъ въ южной Африкѣ дожны образовать одну великую политическую партію, какъ южноафриканцы и имѣть въ виду только интересы Южной Африки: «Они должны стремиться къ образованію одной великой націи — южноафриканской!» сказала она.

Всѣ резолюціи выражали протестъ противъ поведенія англичанъ въ южной Африкѣ. Рѣшено опубликовать эти резолюціи и распространить ихъ по всему міру. Что же касается оффиціальнаго англійскаго заявленія насчетъ окончанія войны и присоединенія республики, то оно было совершенно игнорировано конгрессомъ.

Другой конгрессъ происходилъ 6-го декабря въ Уорчестерѣ, въ Капской колоніи. Это былъ «африкандерскій конгрессъ», на которомъ присутствовало до 10.000 делегатовъ голландскаго населенія Южной Африки, собравшихся для обсужденія судьбы бурскихъ республикъ и ихъ обитателей. Африкандеры, связанные узами крови съ бурами, конечно, не могутъ относиться равнодушно къ ихъ судьбѣ и для этого сзываютъ конгрессъ, чтобы совмѣстно обсудить мѣры, которыя должны быть предложены британскому правительству съ цѣлью разрѣшенія южно-африканскаго кризиса.

Уорчестеръ—небольшой хорошенькій и чистенькій городокъ съ 6.000 жителей, лежитъ на желѣзной дорогѣ, соединяющей республики съ Капскою колоніей и удаленъ отъ Капштадта на 120 километровъ. Окрестности города лѣтомъ представляли прежде пустыню, но благодаря трудолюбивому голландскому населенію и здѣсь, какъ и въ Капской колоніи, и въ Наталѣ, пустыня обратилась въ цвѣтущій садъ. Сюда-то съѣхались теперь африкандеры со всѣхъ мѣстъ колоніи и маленькій городокъ никогда еще не видалъ такого наплыва посѣтителей. Огромное большинство остановилось лагеремъ, за городомъ, такъ какъ найти помѣщеніе въ городѣ оказалось невозможно. Англійскія колоніальныя власти, опасаясь безпорядковъ въ виду такого наплыва, разставили вокругъ города отряды канадцевъ и австралійцевъ, а на холмахъ воздвигли цѣлую батарею изъ десяти пушекъ. Эти военныя приготовленія указывали, что англичане скорѣе боятся возстанія африкандеровъ, нежели безпорядковъ. Но каждый ораторъ на конгрессѣ неизмѣнно начиналъ свою рѣчь завѣреніями въ своей лойяльности, какъ подданный Великобританіи, хотя самая рѣчь и носила подчасъ довольно-таки зажигательный характеръ. Всѣ резолюціи, вотированныя конгрессомъ, требовали прекращенія войны, являющейся серьезнымъ бѣдствіемъ для всей Южной Африки и ея населенія и признанія независимости обѣихъ республикъ, такъ какъ безъ этого условія никакой прочный миръ не можетъ существовать въ этой странѣ. Конгрессъ закрылся при громкихъ восторжен-

ныхъ крикахъ всѣхъ делегатовъ, привѣтствовавшихъ чтеніе и вотированіе резолюцій. Но ни безпорядковъ, ни волненій въ городѣ не произошло и пушки были увезены англичанами назадъ. Въ отвѣтъ же на этотъ конгрессъ въ Капштадтѣ состоялся банкетъ въ честь Мильнера и отъѣзжающаго лорда Робертса и на этомъ банкетѣ произносились рѣчи, конечно, другого характера, чѣмъ тѣ, которыя были произнесены на конгрессѣ.

Школьная реформа въ Германіи и другія дѣла. Очень много толковъ въ германской печати возбуждаетъ предстоящая реформа средней школы; какъ извѣстно, германскій императоръ высказался въ пользу дальнѣйшаго преобразованія школы въ духѣ реформъ, начатыхъ въ 1892 году и имѣющихъ цѣлью уравненіе правъ тѣхъ школъ, въ которыхъ получается общее образованіе. Въ Германіи существуютъ три рода такихъ школъ: гимназія, реальная гимназія и высшее реальное училище и теперь имѣется въ виду расширить права реальныхъ школъ, измѣнить нѣсколько ихъ програму, сдѣлавъ въ ней нѣкоторыя добавленія, такъ, чтобы она больше отвѣчала современнымъ требованіямъ и давала бы болѣе основательную подготовку къ дальнѣйшимъ профессіональнымъ курсамъ.

Германская печать вообще относится очень сочувственно къ проектируемой реформѣ, но въ указѣ императора Вильгельма объ этомъ предметѣ есть одинъ пунктъ, который возбудилъ весьма оживленные толки въ печати. Вильгельмъ II придаетъ очень большое значеніе знанію англійскаго языка и настаиваетъ на необходимости обратить на него въ гимназіяхъ больше вниманія. Онъ находитъ, что преподаваніе англійскаго языка должно быть введено въ перемежку съ греческимъ языкомъ во всѣхъ классахъ этихъ школъ, за исключеніемъ трехъ высшихъ. Тамъ, гдѣ условія благопріятствуютъ такой перемѣнѣ, то въ трехъ высшихъ классахъ французскій языкъ долженъ быть также замѣненъ англійскимъ языкомъ, причемъ французскому языку будутъ обучаться только желающіе. Что же касается высшихъ реальныхъ школъ, то императоръ находитъ, что програму преподаванія географіи слѣдуетъ расширить въ трехъ высшихъ классахъ. Относительно преподаванія греческаго языка въ гимназіяхъ императоръ Вильгельмъ высказываетъ мнѣніе, что оно слишкомъ изобилуетъ разными техническими подробностями, которыя совершенно безполезны и только затрудняютъ учащихся. По мнѣнію императора, учитель греческаго языка долженъ больше стараться развивать въ своихъ ученикахъ эстетическую способность понимать и восхищаться образцами греческаго искусства и умѣть уловить связь, существующую между древнимъ міромъ и современною цивилизаціей. При обученіи иностраннымъ языкамъ больше всего слѣдуетъ обращать вниманіе на то, чтобы ученики могли бѣгло объясняться и понимали бы произведенія иностранныхъ авторовъ. Преподаваніе исторіи, по мнѣнію императора, также грѣшитъ большими недостатками. Прежде всего недостаточно обращено вниманіе на исторію Германіи въ XIX вѣкѣ и игнорируются многіе изъ очень важныхъ періодовъ древней исторіи. Должно также обратить больше вниманія на фактическія условія воспитанія, установить болѣе цѣлесообразнымъ образомъ промежутки между уроками и т. п. Императоръ также высказывается противъ выпускныхъ экзаменовъ и выражаетъ надежду, что они скоро будутъ отмѣнены, такъ какъ они не оправдали ожиданій и не только не уменьшаютъ, но даже скорѣе содѣйствуютъ переполненію университетовъ. Въ заключеніе императоръ выражаетъ надежду, что указанныя реформы принесутъ пользу всѣмъ обучающимся въ средней школѣ и уменьшатъ антагонизмъ, существующій между представителями классической и современной системы воспитанія.

Императоръ Вильгельмъ написалъ этотъ указъ во время своего плаванія на кораблѣ «Kaiser Wilhelm II» и германскія газеты въ общемъ отнеслись

довольно благопріятно къ его взглядамъ, и только то, что онъ слишкомъ большое значеніе придаетъ англійскому языку, вызвало не совсѣмъ сочувственныя комментаріи въ германской печати. Большинство газетъ, соглашаясь съ императоромъ, что знаніе англійскаго языка, безъ сомнѣнія, имѣетъ большое значеніе, находятъ все-таки, что не слѣдуетъ дѣлать его обученіе обязательнымъ и замѣнять имъ греческій языкъ въ гимназіяхъ, такъ какъ тогда ученики будутъ лишены преимуществъ классическаго образованія. Но нѣкоторыя газеты высказываютъ при этомъ опасеніе, что такое предпочтеніе, отдаваемое англійскому языку передъ французскимъ, вызоветъ многочисленныя и вполнѣ справедливыя возраженія, намекая на то, что перемѣна въ воззрѣніяхъ императора на классическое образованіе вызвана, быть можетъ, даже перемѣною политическаго настроенія. Во всякомъ случаѣ, вопросъ о замѣнѣ въ классическихъ гимназіяхъ греческаго языка англійскимъ остается пока открытымъ.

Къ слушанію лекцій въ Берлинскомъ университетѣ въ этомъ году допущена 371 женщина; изъ нихъ 253 нѣмки и 118 иностранокъ. Самая старшая изъ этихъ студентокъ, учительница, 61 года, слушаетъ лекціи филологіи и исторіи. Число учащихся въ этомъ году женщинъ въ Берлинскомъ университетѣ уменьшилось противъ прошлаго года. «Berliner Tageblatt» приписываетъ это обстоятельство тому, что въ этомъ году поступило меньше русскихъ студентокъ, чѣмъ въ прошломъ. Съ 1896 года возрастаніе числа учащихся женщинъ въ Берлинскомъ университетѣ шло въ слѣдующемъ порядкѣ: въ первый семестръ 1896 года поступило 40 женщинъ, во второй—96; въ слѣдующемъ году: 116 и 193; затѣмъ въ дальнѣйшіе годы: 169 и 241; 186 и 431; и въ этомъ году 371. Въ числѣ этихъ послѣднихъ находятся 19 замужнихъ женщинъ и 4 вдовы.

Въ настоящее время очень дѣятельно ведутся переговоры и приготовленія къ предстоящей въ этомъ году англо-германской антарктической экспедиціи. Главный организаторъ этого научнаго предпріятія, предсѣдатель лондонскаго географическаго общества сэръ Клементсъ Мэркгемъ, нарочно ѣздилъ въ Берлинъ для переговоровъ относительно разныхъ подробностей устройства этой двойной экспедиціи. Планъ экспедиціи уже готовъ. Англійское правительство выдало 45 000 ф. ст. на эту экспедицію, еще 45.000 собраны подпиской, но надѣются собрать еще 20.000, для того, чтобы экспедиція была вполнѣ обезпечена на три года. Германія жертвуетъ такую же сумму. Британское судно «Discovery», спеціально выстроенное для этой цѣли въ Дёнди, въ Шотландіи, будетъ спущено на воду въ мартѣ. Оно выстроено по образцу китоловныхъ судовъ. Германское же судно строится въ Килѣ, но еще неизвѣстно, какъ оно будетъ называться. Образцомъ для этого судна послужилъ знаменитый корабль Нансена «Fram», но съ нѣкоторыми измѣненіями, такъ какъ Антарктическій океанъ гораздо болѣе бурный, нежели Сѣверный Ледовитый.

Начальникомъ англійской экспедиціи назначенъ капитанъ Скоттъ, 30-тилѣтній флотскій офицеръ, считающійся однимъ изъ лучшихъ и способнѣйшихъ офицеровъ британскаго флота. Выборъ палъ на такого молодого моряка потому, что, по мнѣнію опытныхъ людей, антарктическая экспедиція требуетъ слишкомъ большой затраты физическихъ силъ и люди, достигшіе 40-лѣтняго возраста, уже слишкомъ стары для подобнаго предпріятія. Капитанъ Скоттъ не бывалъ никогда въ полярныхъ странахъ, не обладаетъ опытностью въ полярныхъ путешествіяхъ, но этотъ недостатокъ съ избыткомъ вознаграждается его теоретическими познаніями и большимъ запасомъ энергіи и физическаго здоровья, такъ что его считаютъ вполнѣ подходящимъ человѣкомъ для такого порученія.

Эпизодъ изъ жизни китайскаго императора. Внутреннія условія жизни китайскаго двора вообще очень мало извѣстны внѣшнему міру, а со времени переворота 1898 г. все, что совершилось при этомъ дворѣ, было покрыто самою непроницаемою тайной. Только теперь, послѣ того, какъ европейскіе отряды проникли въ запретный городъ и заняли императорскій дворецъ, становится извѣстнымъ кое-что изъ интимной жизни китайскаго императора. На основаніи разсказовъ плѣнныхъ евнуховъ императорскаго двора и другихъ придворныхъ чиновниковъ, можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о жизни императора послѣ переворота, между прочимъ, одна изъ самыхъ распространенныхъ японскихъ газетъ, издающаяся въ Іокагамѣ «Nitchi-Nitchi-Schimbun», передаетъ со словъ евнуха, двадцать лѣтъ состоявшаго при императорѣ, слѣдующій эпизодъ изъ жизни этого послѣдняго.

Послѣ переворота 1898 г., императоръ былъ заключенъ въ домѣ, выстроенномъ на маленькомъ островѣ «Іингъ-Таи», лежащемъ посрединѣ озера. Островъ соединялся съ берегомъ посредствомъ подъемнаго моста, который опускался лишь въ экстренныхъ случаяхъ. Стража, вооруженная съ головы до ногъ, была приставлена къ императору, и денно и нощно наблюдала за нимъ по приказанію вдовствующей императрицы и Тунгъ-Фу сіанга. Для собственныхъ услугъ императору были оставлены только трое прислужниковъ. Пищу для императора приносили изъ дворца, но зачастую онъ боялся къ ней притронуться, опасаясь, что туда подсыпали яду. Каждое утро, подъ строгимъ присмотромъ, его водили къ вдовствующей императрицѣ, которой онъ долженъ былъ выражать почтеніе и преданность ежедневно, но ему запрещено было въ разговорахъ съ нею касаться политическихъ дѣлъ и вопросовъ. Въ первый годъ своего пребыванія въ плѣну на островѣ, онъ былъ очень боленъ и ничѣмъ не интересовался, но потомъ его здоровье значительно поправилось и онъ сталъ тяготиться своимъ плѣномъ.

Законная супруга императора, племянница вдовствующей императрицы, по общимъ отзывамъ, очень напоминаетъ своимъ характеромъ свою тетку и при этомъ обладаетъ некрасивою и несимпатичною наружностью. Съ теткою у нея всегда была очень тѣсная дружба и ужъ одного этого было достаточно, чтобы испортить жизнь ея супругу. Однимъ словомъ, супружеское счастье молодого императора оставляло желать многаго. Молодая императрица, также какъ и всѣ другія лица при дворѣ, играла роль шпіона вдовствующей императрицы и доносила ей обо всемъ, что говорилъ или дѣлалъ императоръ. Ничего нѣтъ удивительнаго, что несчастный императоръ возненавидѣлъ свою супругу почти также, какъ и свою тетку, но за то сердце его плѣнилось одною изъ дамъ императорскаго гарема, камеръ-югнферой имератрицы, принцессою Ченъ. Эта молодая принцесса была не только очень красива, но умна, добра и мужественна. Она рѣшила во что-бы-то ни стало спасти императора и придумывала для этого разные способы. Но супруга императора, вообще не любившая ее за красоту и ревновавшая къ ней своего супруга, догадалась о ихъ взаимной склонности и тотчасъ же донесла объ этомъ вдовствующей императрицѣ. Несчастную молодую принцессу немедленно схватили и заключили въ тюрьму, въ подвальное помѣщеніе дворца, куда не проникалъ ни одинъ солнечный лучъ. Тамъ бѣдняжка провела въ заточеніи почти два года, обдумывая средства къ побѣгу и постоянно переходя отъ отчаянія къ надеждѣ. Ее больше всего тревожила и огорчала участь императора, но ея тюремщики такъ боялись вдовствующей императрицы, что она никогда не могла отъ нихъ добиться ни одного слова и не знала, что съ нимъ. Только когда иностранные отряды подошли къ Пекину, ея тюремщики, страхъ которыхъ передъ грозною императрицей нѣсколько поунялся, согласились передать отъ нея вѣсточку императору. Но, къ несчастью для нея, шпіоны Тунгъ-Фу сіанга перехватили отвѣтъ императора и въ ту же ночь бѣд-

ная молодая принцесса была заключена въ мѣшокъ и брошена въ колодезь. На другой день дворъ бѣжалъ изъ Пекина въ паническомъ страхѣ, не взявъ съ собою даже необходимыхъ вещей. Это было печальное бѣгство, подъ проливнымъ дождемъ и даже тѣ, кто не любилъ вдовствующей императрицы, пожалѣли о ней въ эту минуту, такъ какъ она, видимо, очень страдала и поминутно вытирала слезы. Но больше всѣхъ страдалъ все-таки, конечно, молодой императоръ, узнавшій объ участи молодой принцессы, которую онъ любилъ. Жена его всячески старалась снова сблизиться съ нимъ, но онъ упорно молчалъ и не отвѣчалъ ей ни на одинъ изъ ея вопросовъ. Вообще, съ того момента, какъ онъ узналъ о смерти принцессы, императоръ пересталъ интересоваться окружающимъ и совершенно безучастно относился ко всему, что происходило въ Пекинѣ. Совладалъ ли онъ со своимъ горемъ теперь—неизвѣстно.

Изъ хроники женскаго движенія. Феминизмъ не только въ Европѣ заявляетъ о своихъ правахъ. Какъ оказывается, на востокѣ также начинается женское движеніе. Въ Японіи, напримѣръ, императрица очень сочувствуетъ эмансипаціи женщинъ и старается объ отмѣнѣ многихъ старинныхъ обычаевъ, стѣсняющихъ дѣятельность и свободу женщинъ. Между прочимъ, японскія женщины всецѣло ей обязаны тѣмъ, что теперь для нихъ открыта драматическая карьера. Старинные японскіе обычаи не допускали женщинъ на подмостки театра, но императрица усиленно хлопотала объ отмѣнѣ этого правила; она пригласила театральныхъ режиссеровъ изъ Европы и приказала перевести на японскій языкъ лучшія произведенія европейской драматической литературы: шекспировскія трагедіи, Гёте, Шиллера и др. Согласно японскимъ законамъ, посѣщеніе школы обязательно какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ до 14-тилѣтняго возраста. По почину же императрицы, кромѣ народныхъ школъ, въ разныхъ городахъ Японіи открыты теперь и высшія школы для дѣвочекъ, гдѣ преподаются, кромѣ другихъ образовательныхъ предметовъ, и иностранные языки: англійскій, нѣмецкій и французскій. Императрица заботится также объ открытіи женщинамъ доступа къ различнымъ профессіямъ. Благодаря ея ходатайству, женщины допускаются теперь на почтовую и телеграфную службу. Въ Японіи есть даже одна женщина, г-жа Тель-Сино, которая готовится въ Токіо къ адвокатской профессіи. Императрица оказываетъ ей покровительство и по всей вѣроятности она будетъ первая женщина-адвокатъ въ Японіи. Въ этомъ отношеніи Японія опередила даже многія европейскія страны. Японскія газеты говорятъ, что три японскія аристократки-милліонерши, поощряемыя императрицей, намѣреваются основать женскій университетъ и къ осуществленію этого плана будетъ приступлено въ этомъ году.

Въ Шанхаѣ, по словамъ «Frauenbewegung», нѣсколько образованныхъ китаянокъ основали женскую газету, въ которой, между прочимъ, они намѣрены начать походъ противъ разныхъ китайскихъ обычаевъ, касающихся женщинъ. Очень много поработали въ дѣлѣ просвѣщенія китайскихъ женщинъ американскія и англійскія женщины-врачи и многія китаянки всецѣло имъ обязаны своимъ развитіемъ.

Въ такихъ большихъ городахъ, какъ Шанхай, Кантонъ и др., встрѣчаются среди китаянокъ образованныя женщины, съ завистью взирающія на своихъ японскихъ сестеръ, для которыхъ начинается заря новой жизни. Между прочимъ, въ Японіи открываются въ скоромъ времени профессіональныя и торговыя школы для женщинъ.

Туземное образованное общество въ Индіи недавно понесло тяжелую потерю въ лицѣ талантливой писательницы и журналистки Баналата Деби, умершей на 21-мъ году жизни. Она родилась въ Бенгаліи. Отецъ ея, извѣстный соціальный реформаторъ въ Индіи, бабу Сасипада, съ дѣтства воспитывалъ ее такимъ обра-

зомъ, чтобы она впослѣдствіи могла продолжать начатое имъ дѣло. Дѣйствительно, какъ только Баналата вышла изъ школы, то немедленно же начала, подъ руководствомъ своего ученаго отца, свою общественную и литературную дѣятельность. Она основала женскій союзъ и газету «Anthapore», въ которой сотрудничали только женщины. Газета эта пользуется большою популярностью и ее можно найти почти въ каждомъ индусскомъ домѣ. Баналата принимала самое дѣятельное участіе въ соціальномъ движеніи въ Индіи и смерть ея составляетъ большую утрату, тѣмъ болѣе, что въ данный моментъ еще нѣтъ никого, кто бы могъ замѣнить ее и пользовался бы такимъ же вліяніемъ, какимъ пользовалась она.

Недавно первая женская коллегія «Smith College» въ Норзегэмптонѣ (Соединенные Штаты) отпраздновала свой двадцатипяти-лѣтній юбилей. По этому случаю, конечно, состоялось торжественное собраніе въ честь старѣйшаго женскаго университета въ Америкѣ. Предсѣдательница женской коллегіи Бринъ Мауръ, миссъ Карей Томасъ, въ своей рѣчи обрисовала жизнь студентокъ въ прежніе годы. Прежде всѣ они обязаны были жить въ интернатѣ и «Smith College» была первымъ учрежденіемъ, отказавшимся отъ такой системы и даровавшимъ свободу своимъ слушательницамъ, которыя живутъ теперь на собственныхъ квартирахъ въ городѣ и благодаря этому Норзегэмптонъ пріобрѣлъ физіономію настоящаго университетскаго городка. Благодаря широкой свободѣ, которой пользуются студентки «Smith College», и тому, что коллегія эта усвоила себѣ програму мужскихъ коллегій, популярность ея въ Соединенныхъ Штатахъ очень велика и, по числу слушательницъ, коллегія эта занимаетъ теперь десятое мѣсто въ ряду всѣхъ другихъ 491 коллегій Соединенныхъ Штатовъ.

Ростъ американскихъ городовъ. Въ прошломъ году 1-го іюня была произведена въ Соединенныхъ Штатахъ народная перепись и теперь американскія газеты сообщаютъ въ общихъ чертахъ ея результаты, дающіе понятіе о ростѣ и развитіи американскаго союза за послѣднее десятилѣтіе. Населеніе союза по даннымъ этой послѣдней переписи простирается до 76.295.220 человѣкъ, причемъ на долю новой колоніи, Гавайской (Сандвичевы острова), приходится 154.001. Противъ 1890 г., когда была произведена послѣдняя перепись, населеніе Соединенныхъ Штатовъ возросло на 21 процентъ. Принимая во вниманіе медленный приростъ населенія, наблюдаемый въ большинствѣ европейскихъ государствъ, приходится считать результаты переписи, полученные въ Соединенныхъ Штатахъ, въ высшей степени благопріятными, тѣмъ болѣе, что новые законы эмиграціи сильно ограничили наплывъ пришлаго населенія въ Соединенные Штаты, и слѣдовательно, такое значительное увеличеніе населенія за послѣдніе десять лѣтъ надо приписать естественному приросту. Въ этомъ отношеніи очень любопытны сравнительныя цифры прироста населенія со времени первой переписи, приводимыя одною американскою газетой. Первая перепись была произведена въ 1790 г. и тогда цифра неселенія равнялась 3.929.214. Согласно постановленіямъ американской конституціи, перепись народонаселенія должна производиться черезъ каждые десять лѣтъ и въ слѣдующія десятилѣтія были получены слѣдующія цифры: въ 1800 году — 5.308.483; въ 1810 — 7.239.881; въ 1820 — 9.633.822; въ 1830 — 12.866.020; въ 1840 — 17.069.453; въ 1850 — 23.191.876; въ 1860 — 31.443.321; въ 1870 — 38.558.371; въ 1880 — 50.155.783; въ 1890 — 62.622.250; въ 1900 — 76.295.220.

Эти цифры указываютъ, какъ быстро развивались Соединенные Штаты. Въ теченіе ста лѣтъ, несмотря на свои очень скромныя начала, американскій союзъ превзошелъ численностью своего народонаселенія почти всѣ европейскія государства, за исключеніемъ Россіи. Самый большой приростъ населенія, разу-

мѣется, въ центральныхъ штатахъ и только въ одномъ штатѣ (Невада) населеніе уменьшилось за послѣднее десятилѣтіе и съ 45.761 упало до 42.334 человѣкъ.

Еще интереснѣе наблюдать ростъ американскихъ городовъ. По даннымъ послѣдней переписи, въ Соединенныхъ Штатахъ насчитывается три города съ населеніемъ болѣе милліона, а если мы будемъ считать Бруклинъ отдѣльнымъ городомъ, какъ это дѣлали раньше, то такихъ городовъ окажется четыре. Эти города слѣдующіе: Нью-Іоркъ съ 3.457.202 жит.; Чикаго съ 1.698.578 жит.; Филадельфія съ 1.293.697 жит. и, наконецъ, Бруклинъ въ 1.167.581 жит. Нью-Іоркъ теперь можетъ считаться вторымъ городомъ на свѣтѣ по числу населенія; первымъ все-таки считается Лондонъ. Но Нью-Іоркъ все же не можетъ сравниться съ Чикаго по быстротѣ своего роста. Въ этомъ отношеніи Чикаго не имѣетъ себѣ равнаго нигдѣ на свѣтѣ. Онъ былъ основанъ въ 1829 году на берегу озера Мичиганъ. Вначалѣ это была небольшая деревушка, но уже въ 1837 г., вслѣдствіе постройки канала, деревушка эта превратилась въ городокъ съ 4.179 жителями. Черезъ пятнадцать лѣтъ въ Чикаго уже было 20.023 жит.; въ 1870 г. по переписи значилось 298.977, а въ 1880 г.— 503.185. Въ 1890 г. число это увеличилось болѣе чѣмъ вдвое, т. е. достигло 1.099.850. Ростъ другихъ большихъ городовъ совершился не такъ быстро какъ Чикаго и второе мѣсто, послѣ Чикаго, занимаетъ въ этомъ отношеніи Филадельфія. Въ общемъ, въ настоящее время въ Соединенныхъ Штатахъ насчитывается 38 городовъ, имѣющихъ болѣе 100.000 жителей, тогда какъ въ 1890 г. такихъ городовъ было всего 28, въ 1880—20, а въ 1870 г. только 14.

Если мы сравнимъ съ этими цифрами данныя, полученныя въ различныхъ европейскихъ государствахъ во время европейской переписи, то результаты будутъ слѣдующіе: въ Великобританіи и Ирландіи, по переписи 1891 г., городовъ, населеніе которыхъ превышаетъ 100.000, значится 30. Въ Германіи послѣдняя перепись была произведена въ 1895 г. и такихъ городовъ оказалось 28; Франція (перепись 1896 г.) имѣетъ всего 12 такихъ большихъ городовъ; въ Россіи, по переписи 1897 г., такихъ городовъ 16; въ Италіи—12; а въ Австро-Венгріи по переписи 1890 г. значились всего шесть городовъ болѣе чѣмъ со стотысячнымъ населеніемъ.

Американская печать чрезвычайно гордится такими результатами послѣдней всенародной переписи и видитъ въ нихъ несомнѣнное доказательство возрастанія могущества и благосостоянія великаго сѣверо-американскаго союза. При этомъ американскія газеты еще болѣе настаиваютъ на признаніи доктрины Монроэ, — въ силу которой весь американскій континентъ долженъ быть достояніемъ только американскихъ народовъ,—руководящимъ началомъ для всей американской политики. То, что въ Америкѣ еще есть колоніи европейскихъ державъ, американцы считаютъ не нормальнымъ явленіемъ, которое непремѣнно должно уступить съ теченіемъ времени нормальному порядку вещей, т.-е. когда ни въ сѣверной, ни въ южной, не останется больше европейскихъ владѣній и всѣ американскія государства организуются подъ верховнымъ управленіемъ Соединенныхъ Штатовъ.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

О роли женщинъ въ обществѣ. — Плѣнные буры на островѣ св. Елены. — Книга китайскаго императора о реформахъ Китая.—Лѣтнія школы для городскихъ дѣтей въ Америкѣ.

Лэди Понсонби начинаетъ свои статьи о роли женщинъ въ обществѣ, помѣщаемыя ею въ англійскомъ журналѣ «Nineteenth Century», характеристикой французскихъ женщинъ XVIII вѣка. «Онѣ были очаровательны, умны и пользовались огромнымъ вліяніемъ въ обществѣ,—говоритъ лэди Понсонби.—Англійскія женщины въ томъ же вѣкѣ далеко не имѣютъ ни того значенія, ни того вліянія въ своемъ обществѣ. Но во Франціи женщина царила безконтрольно. Ея царство было подготовлено предшествовавшими вѣками, когда, вмѣсто всякихъ нравственныхъ законовъ, на первомъ планѣ были поставлены правила благовоспитанности. Изысканная вѣжливость, изящество манеръ и разговора были необходимымъ условіемъ принадлежности къ «parfaite bonne compagnie», но, тѣмъ не менѣе, этотъ кодексъ изящныхъ манеръ и поведенія, требовавшій отъ каждаго безусловнаго знанія и подчиненія правиламъ свѣтскихъ приличій, содѣйствовалъ во Франціи развитію понятія о чести. «Tout est perdu fors l'honneur»—было характернымъ выраженіемъ для этой эпохи. Поклоненіе золотому тельцу нарушило современемъ строгую приверженность этому кодексу чести и приличій и общество допустило послабленія, которыхъ раньше оно никогда не допускало въ своихъ приговорахъ и постановленіяхъ; въ XVIII вѣкѣ нарушеніе этого кодекса не допускалось и не оправдывалось ничѣмъ. Жизнь женщины также подчинялась ему, хотя на первый взглядъ и можетъ показаться, что никогда еще понятія о женской чести не были такъ слабы и нравы не были такъ распущены, какъ въ этомъ вѣкѣ. Но при ближайшемъ изученіи общества XVIII вѣка, это оказывается не совсѣмъ такъ. Несмотря на грубость и непристойность нѣкоторыхъ поступковъ и выраженій, съ нашей точки зрѣнія, атмосфера общества XVIII вѣка не была порочной и въ ней заключалось больше жизненности и силы, чѣмъ заключается въ современной атмосферѣ французскаго общества. Жизнь женщины всегда была окружена тайной и никто не зналъ въ дѣйствительности, была ли у нея связь или ея отношенія ограничивались только тѣмъ, что называлось тогда «liaison d'amitie avouée et avouable». Во всякомъ случаѣ, въ обществѣ не рѣшались говорить открыто о такихъ связяхъ и это указываетъ, что общество подчинялось кодексу, требовавшему соблюденія правилъ чести, даже въ безчестіи и подвергавшему остракизму тѣхъ, кто нарушаетъ эти правила. Конечно, и тогда были женщины, презиравшія всякіе кодексы и приличія, но это были послѣдовательности «femmes galantes» XVII вѣка и тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ свои безразсудства, женщины эти избѣгали пошлости и грубости, затѣмъ, что касается женщины французской аристократіи, то, несомнѣнно, онѣ должны были получать прекрасное воспитаніе, иначе онѣ не могли бы пользоваться такимъ значеніемъ и вліяніемъ въ обществѣ. Оказать неуваженіе женщинѣ считалось преступленіемъ, не заслуживающимъ ни малѣйшаго снисхожденія. Женщина царила не только въ семьѣ, но вліяла и на государственныя дѣла, и для этого, конечно, она должна была обладать выдающимся умомъ, а этотъ умъ, соединенный съ изяществомъ ея манеръ и тактомъ, составляло ея главную силу».

Но мало-по-малу картина мѣняется. Лэди Понсонби, восхищающаяся французскими женщинами XVIII вѣка, находитъ, что въ XIX вѣкѣ началось паденіе французской женщины. Утонченныя, остроумныя «spirituelles», хотя и безпутныя подчасъ, но всегда изящныя и презирающія всякую пошлость женщины начала XVIII вѣка, исчезли; ихъ замѣнили скучающія и сбившіяся съ пути

женщины, часто не знающія чего онѣ хотятъ. Демонъ скуки, всецѣло овладѣвшій ими, заставилъ ихъ искать развлеченій въ скандалахъ, интригахъ, различныхъ похожденіяхъ, результатами которыхъ явилось отвращеніе къ себѣ, къ друзьямъ, къ обществу, ко всему на свѣтѣ! Преданность въ любви, въ дружбѣ, самоотверженіе въ брачной жизни и глубокая привязанность встрѣчаются у женщинъ XVII и начала XVIII вѣка, но и слѣда ихъ уже нельзя открыть къ концу XVIII вѣка. Естественность замѣнилась искусственностью. Преданность религіи также исчезла и осталось лишь внѣшнее соблюденіе формальной стороны, такъ какъ этого требовали приличія. Любовь и счастье въ бракѣ возбуждали насмѣшки и супружеское счастье называлось мѣщанскимъ. Всякая «grande passion» считалась безуміемъ и исчезло все то, что прежде признавалось главнымъ стимуломъ жизни, а вмѣсто этого во французскомъ обществѣ воцарилась пустота—«le néant». «Ни слѣда истиннаго чувства, ни струи свѣжаго воздуха, ни луча свѣта нельзя было открыть въ этой насыщенной скукой атмосферѣ»,—говоритъ лэди Понсонби. — Разумѣется, такое положеніе вещей должно было отразиться не только на нравственномъ, но и на физическомъ состояніи женщины. Онѣ стали страдать нервною слабостью, меланхоліей и всевозможными воображаемыми болѣзнями. На сцену явились доктора и посовѣтовали перемѣну режима. Они предписали физическія упражненія на свѣжемъ воздухѣ и занятія для ума. Женщины французскаго общества, съ тѣмъ же лихорадочнымъ возбужденіемъ, съ какимъ онѣ прежде стремились отыскивать новыя наслажденія, новыя развлеченія, принялись за изученіе естественныхъ наукъ, метафизики и т. д., и безумное стремленіе къ удовольствіямъ и наслажденіямъ всякаго рода смѣнилось столь же пылкимъ стремленіемъ къ знанію, но и это стремленіе не могло доставить имъ того счастья, котораго онѣ такъ жаждали. По мнѣнію лэди Понсонби, французское общество безсознательно устремлялось къ своей погибели. Это общество точно также не предвидѣло и царства террора, но когда терроръ наступилъ, то оно мужественно покорилось своей судьбѣ.

Лэди Понсонби находитъ много аналогіи между французскими женщинами XVIII вѣка и современными англійскими женщинами, но въ первой статьѣ лишь вскользь говоритъ объ этомъ сходствѣ, откладывая, по всей вѣроятности, болѣе подробное изслѣдованіе этой аналогіи до слѣдующей статьи, которая будетъ называться «Англія въ XIX вѣкѣ».

Въ томъ же номерѣ «Nineteenth Century» описывается посѣщеніе плѣнныхъ буровъ на островѣ св. Елены. Авторъ этого описанія, мистриссъ Гринъ, разсказываетъ свои впечатлѣнія и не стѣсняясь заявляетъ, что лагерь плѣнныхъ буровъ на островѣ — это юдоль скорби. «Я знаю, что противъ моего заявленія возстанутъ всѣ на островѣ, — говоритъ она, — такъ какъ жители острова гордятся здоровымъ климатомъ своей страны. Но Дедвудъ подъ вліяніемъ зимнихъ дождей превращается въ настоящее болото, а лѣтомъ страдаетъ отъ недостатка воды. Прибавьте къ этому, что люди, находящіеся въ этомъ лагерѣ, были привезены на островъ пять мѣсяцевъ тому назадъ, послѣ того, какъ они около трехъ мѣсяцевъ пробыли въ заточеніи на судахъ, питались только сухарями и солониной и почти лишены были свѣжаго воздуха, такъ какъ имъ разрѣшалось проводить только одинъ часъ въ сутки на палубѣ. Помѣщеніе на судахъ имъ было отведено крайне тѣсное и грязное, переполненное насѣкомыми и можно себѣ представить, что должны были выстрадать эти люди, которые даже не имѣли возможности смѣнить въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ ту одежду, которая на нихъ была въ день борьбы». Въ числѣ плѣнныхъ находилось много такихъ, которые вынесли уже всѣ ужасы осады въ Паадербергѣ. Естественно, что ихъ здоровье было далеко не въ блестящемъ состояніи. Особенно жалко было смотрѣть на мальчиковъ, которыхъ

въ лагерѣ плѣнныхъ довольно много. Но они съ такою же покорностью, какъ и взрослые, переносятъ свою судьбу.

Изъ разговоровъ съ плѣнными мистриссъ Гринъ вынесла впечатлѣніе, что ихъ больше всего озабочиваетъ судьба ихъ страны. «Какъ вы рѣшились идти на войну?—спросила она одного старика 65 лѣтъ съ дрожащими руками.—Я помолился Богу,—отвѣтилъ онъ,—и поручилъ Ему мою семью. Просто удивительно какъ Господь подкрѣпилъ насъ! Никто не пролилъ ни одной слезы. Одна дочь принесла мое ружье, другая принесла мою перевязь, а моя жена (ей 63 года) уложила мою сумку. Онѣ были такъ спокойны, что никто бы не подумалъ, что я уѣзжаю на войну. Я исполнилъ долгъ солдата. Я сдѣлалъ то, что долженъ былъ сдѣлать. Это странно; но въ пылу борьбы вы вовсе не думаете о томъ, что дѣлается около васъ. Вы стрѣляете и о дальнѣйшемъ не заботитесь. Какъ это происходитъ—я не знаю, но такъ бываетъ съ каждымъ человѣкомъ. Но за то какъ ужасно вспомнить объ этомъ потомъ! Когда я теперь вспоминаю о томъ, что происходило около меня, то меня пробираетъ дрожь. Повѣрьте мнѣ, я не могу удержаться отъ слезъ по ночамъ, когда думаю о тѣхъ страданіяхъ, которыхъ я былъ свидѣтелемъ. Я горюю и о вдовахъ, оставшихся въ Англіи, совершенно также какъ и о нашихъ вдовахъ. Я знаю, что я теперь плѣнникъ и долженъ покоряться. Но я радъ, что намъ оставили нашу библію и я могу сидѣть спокойно и читать ее».

Мистриссъ Гринъ говоритъ, что ее поразило количество стариковъ, больныхъ и дряхлыхъ, среди плѣнныхъ въ Дедвудѣ. Эти несчастные стояли уже на краю могилы и при взглядѣ на нихъ невольно возникала мысль, что ихъ привезли сюда по ошибкѣ. Одинъ изъ этихъ стариковъ, совершенно глухой разбитый параличомъ, имѣлъ девять сыновей и столько же братьевъ на войнѣ. Онъ пріѣхалъ въ лагерь, чтобы навѣстить ихъ и въ это время попалъ въ плѣнъ и очутился на островѣ св. Елены. Мистриссъ Гринъ справедливо возмущается такими фактами. Не такіе факты, конечно, могутъ заставить враговъ Англіи примириться съ нею.

«Revue des Revues» печатаетъ статью одного китайца, члена партіи реформъ «Po-Wang-Wacy» доказывающаго, что члены китайской либеральной партіи не менѣе цивилизованы, чѣмъ европейцы. Авторъ статьи разсказываетъ, кромѣ того, о книгѣ, которая была написана китайскимъ императоромъ, изложившимъ въ ней свои взгляды на прогрессъ Китая. «Императоръ Квангсу мечталъ о возрожденіи Китая,—говоритъ авторъ статьи,—о распространеніи европейской цивилизаціи, но когда онъ захотѣлъ мирнымъ путемъ ввести тѣ самыя реформы, которыя ему навязываютъ теперь съ оружіемъ въ рукахъ, то онъ не встрѣтилъ нигдѣ ни малѣйшей поддержки въ томъ самомъ дипломатическомъ корпусѣ, среди тѣхъ самыхъ людей, которые теперь такъ громко кричатъ о цивилизаціи и репрессаліяхъ».

Книга, которую написалъ императоръ, произвела громадное впечатлѣніе въ Китаѣ. Она называлась «Единственная надежда Китая», была поднесена однимъ изъ самыхъ могущественныхъ вице-королей имперіи и напечатана по приказанію самого императора, повелѣвшаго распространить ее по всему государству Китая и читать всѣмъ. Въ этой книгѣ императоръ обсуждаетъ всѣ вопросы, касающіеся Китая. Онъ говоритъ, что Китай, упрямо оставаясь на одномъ мѣстѣ, неминуемо падетъ и сдѣлается добычею запада. Императоръ настаиваетъ на реформахъ во всѣхъ отрасляхъ китайской жизни, администраціи, воспитанія и т. д. Онъ ставитъ Японію въ примѣръ Китаю и выражаетъ желаніе, чтобы китайскіе студенты, также какъ и ихъ японскіе собратья, ѣздили бы въ Европу, въ Англію, Францію, Германію, для ближайшаго ознакомленія съ европейскою цивилизаціей, европейскою наукой. «Только расширеніе

образованія, распространеніе просвѣщенія, могутъ спасти Китай отъ той опасности, которою ей угрожаетъ обскурантизмъ и культъ древнихъ традицій», говоритъ императоръ. Въ заключеніе онъ посвящаетъ нѣсколько главъ своей книги печати, которую онъ желалъ бы видѣть свободной и распространяющей знаніе и свѣтъ въ народѣ.

Познакомивъ читателя съ содержаніемъ книги императора, авторъ статьи далѣе говоритъ о партіи реформъ, во главѣ которой попрежнему находится Кангъ-Ювей. Къ несчастью, преслѣдованія, которымъ подвергалась эта партія въ Китаѣ, сократили число ея представителей. Глава партіи находится въ изгнаніи, но вокругъ него сгруппировались китайцы, сочувствующіе идеямъ прогресса. Партія реформъ добивается отмѣны тѣхъ древнихъ обычаевъ, которые управляютъ Китаемъ уже 5.000 лѣтъ и желаетъ превратить допотопный ретроградный Китай въ современное прогрессивное государство. Партія реформъ насчитываетъ все-таки нѣсколько милліоновъ своихъ сторонниковъ въ Китаѣ, несмотря на то, что славные вожди партіи находятся въ изгнаніи. Приверженцы идеи реформъ встрѣчаются даже въ самыхъ маленькихъ деревушкахъ. Главная резиденція общества находится въ Макао, а филіальныя отдѣленія: въ Гонконгѣ, Гонолулу, Санъ-Франциско, Ванковерѣ, Сеттлѣ, Портландѣ, Такомеи и Лосъ-Анжелосъ, въ Монреалѣ и Нью-Іоркѣ.

Вообще партія реформъ получаетъ много пожертвованій съ разныхъ сторонъ, а теперь капиталъ ея превышаетъ нѣсколько сотъ милліоновъ франковъ. Партія издаетъ въ видахъ распространенія своей пропаганды три газеты на китайскомъ языкѣ.

«Безъ сомнѣнія,—говоритъ авторъ статьи,—партія реформъ возстаетъ противъ императрицы. Одинъ изъ ея членовъ, Хунгъ-Ли, студентъ Станфордскаго университета, вызвалъ своимъ рвеніемъ и своею пропагандой противъ варварскаго режима императрицы дипломатическую переписку между Пекиномъ и Вашингтономъ, которая имѣла цѣлью прекратить его антидинастическую дѣятельность въ Китаѣ. Но члены партіи реформъ, ежедневно посылающіе вдовствующей императрицѣ угрозы смерти, конечно, не обращаютъ вниманія на всѣ эти дипломатическія ноты. Эмиграція приверженцевъ этой партіи все возрастаетъ, Въ Калифорніи число ихъ достигло 100.000. Съ замѣчательнымъ искусствомъ они усвоили себѣ всѣ обычаи запада и теперь китайцы стоятъ тамъ во главѣ важнѣйшихъ банковъ и всевозможныхъ промышленныхъ предпріятій. Коммерческія операціи китайцевъ такъ значительны, что въ Санъ-Франциско признано даже нужнымъ издавать ежедневную китайскую газету: «Извѣстія Востока и Запада». Это единственная китайская газета, издающаяся за предѣлами имперіи.

«Положеніе дѣлъ въ Китаѣ, вслѣдствіе ошибокъ европейской дипломатіи, въ высшей степени запутано. Союзники, какъ ихъ называетъ европейская печать, очутились въ безвыходномъ положеніи и болѣе заняты тѣмъ, какъ бы помѣшать сосѣду извлечь какую-нибудь выгоду изъ даннаго положенія, нежели чѣмъ-либо другимъ. Однако, китайцы слишкомъ хорошо помнятъ событія 1842 и 1860 г., чтобы вѣрить въ искренность мирныхъ заявленій. Притомъ же онъ все-таки чувствуетъ себя достаточно сильнымъ, чтобы сопротивляться державамъ, выславшимъ противъ него небольшіе отряды. Существуетъ только одинъ способъ выбраться державамъ изъ затрудненій—это соединиться съ партіей реформъ. Только опираясь на эту партію можно будетъ заставить Китай вступить на путь реформы и открыть свои двери международной торговлѣ».

«Forum» описываетъ успѣхи движенія, возникшаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Америкѣ, въ пользу организаціи лѣтнихъ занятій для дѣтей, съ цѣлью, главнымъ образомъ, избавить городскихъ дѣтей отъ дурного вліянія уличной жизни въ теченіе свободныхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. По словамъ

«Forum'а», въ Америкѣ пришли къ заключенію, что перерывъ школьныхъ занятій во время лѣтнихъ вакацій, часто отзывается очень дурно на нравственности и поведеніи дѣтей и на этомъ пунктѣ сходятся, какъ народныя наблюденія, такъ и школьные отчеты и полицейская статистика. Въ виду этого, лѣтъ шесть тому назадъ, по частному почину нѣсколькихъ американскихъ гражданъ были организованы лѣтнія школы (vacation schools) въ двадцати городахъ и результаты получились превосходные. Занятія въ этихъ школахъ продолжаются шесть недѣль въ іюлѣ и августѣ, но посѣщеніе лѣтнихъ школъ не носитъ обязательнаго характера. Школы эти служатъ только дополненіемъ зимнихъ школъ и имѣютъ цѣлью доставить дѣтямъ развлеченія и занятія, развивающія ихъ умъ. Ни книгъ, ни учебниковъ въ этихъ школахъ не употребляется; занятія заключаются въ экскурсіяхъ съ образовательною цѣлью, въ работахъ на фермѣ, на свѣжемъ воздухѣ, въ играхъ. Состоятельные родители, конечно, сами могутъ доставить своимъ дѣтямъ во время лѣтнихъ вакацій такія развлеченія, которыя развиваютъ ихъ умы и душу. Такія дѣти отправляются путешествовать или занимаются собираніемъ ботаническихъ и другихъ коллекцій и т. п. Поэтому организаторы лѣтнихъ школъ имѣли въ виду, главнымъ образомъ, дѣтей, лишенныхъ всякаго присмотра лѣтомъ и проводящихъ время на улицахъ и часто попадающихъ такимъ образомъ въ весьма неподходящую компанію. Городскія дѣти притомъ лишены возможности дышать хорошимъ воздухомъ луговъ и полей и часто совсѣмъ не знакомы съ деревенскою жизнью. Лѣтнія же школы именно и ставятъ себѣ цѣлью познакомить ихъ съ этою жизнью, для чего и организуются занятія на фермахъ и различныя экскурсіи. Въ Филадельфіи и Нью-Іоркѣ такія лѣтнія школы уже перестали быть частнымъ предпріятіемъ и муниципалитетъ, признавшій ихъ огромную пользу, взялъ ихъ въ свое вѣдѣніе. Въ этихъ школахъ встрѣчаются дѣти самаго различнаго возраста, отъ восьми до шестнадцати лѣтъ включительно и, конечно, разбиваются соотвѣтственно возрасту на группы, занимающіяся подъ руководствомъ опытныхъ воспитателей. Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ лѣтнихъ школъ притомъ сдѣланъ опытъ самоуправленія. Дѣтямъ предоставлено право самимъ издавать правила для своихъ игръ и занятій и наблюдать за ихъ исполненіемъ. Этотъ опытъ далъ блестящіе результаты и указалъ, что такимъ путемъ дѣти лучше всего усвоиваютъ себѣ понятіе о соціальномъ порядкѣ и уваженіе къ законамъ, а также начинаютъ понимать гражданскія обязанности. Авторъ статьи въ «Forum» находитъ, что вакаціонныя школы должны играть большую роль въ воспитаніи американскихъ гражданъ и пророчитъ этимъ школамъ широкую будущность.

Бирсекское производительно-потребительное товарищество.

Рѣдкая организація представляетъ такой комплексъ выростающихъ другъ изъ друга частей, какъ потребительное товарищество въ Обервилѣ и въ другихъ сосѣднихъ съ городомъ Базелемъ деревняхъ, лежащихъ въ долинѣ Бирсекъ. Ни одно потребительное общество на континентѣ Европы не свидѣтельствуетъ такъ краснорѣчиво о способности коопераціи порождать высшія формы организаціи. Дѣйствительно, мы имѣемъ передъ собой сельскую организацію потребителей, сносящуюся съ городской въ Базелѣ, пустившей отростки другихъ товариществъ, постепенно забирающую въ свои руки торговлю, сельское хозяйство, фабричное производство и даже захватившую функцію коммунальнаго управленія—освѣщеніе.

Центръ описываемой кооперація—село Обервиль находится на разстояніи 24 минутъ желѣзнодорожнаго пути отъ Базеля. Въ 1888 году оно насчитывало 1.147 жителей, 225 хозяйствъ и 152 жилыхъ строеній. Въ настоящее время число жителей доходитъ до 2.000, а число хозяйствъ и жилыхъ строеній увеличилось минимумъ на 20 процент. С. Гшвиндъ, организаторъ потребительнаго товарищества, отчасти приписываетъ кооперативной дѣятельности этотъ, для швейцарскихъ селъ, быстрый ростъ Обервиля. Двѣ пятыхъ населенія этого села—крестьяне и три пятыхъ—фабричные рабочіе, ремесленники и промышленники. Профессіи очень часто смѣшаны, т. е. крестьяне отчасти заняты индустріей и ремеслами, а большая часть промышленныхъ рабочихъ—сельскимъ хозяйствомъ. Долина Бирсекъ, гдѣ расположено село Обервиль, очень плодородна. Земля особенно хорошо родитъ хлѣбъ и кормъ для скота. Въ прежніе годы, когда мѣстное населеніе потребляло преимущественно свой хлѣбъ, большая часть долины считалась житницей богатаго Базеля. Теперь максимумъ 30 семействъ занимаются однимъ сельскимъ хозяйствомъ, между тѣмъ какъ предыдущее поколѣніе насчитывало ихъ 100. Рабочіе описываемой мѣстности не находятъ примѣненія своего труда у себя, а ходятъ на работу въ Базель. Село Обервиль, представлявшее прежде часто крестьянскую общину, подверглось большой перемѣнѣ въ какія-нибудь 40 лѣтъ. Крестьяне отодвинуты на задній планъ и ихъ мѣсто заняло рабочее сословіе съ другими нравами и обычаями.

«Рѣшеніе основать потребительное товарищество,—говоритъ Гшвиндъ *)—относитъ къ 1890 и 1891 годамъ. Нѣсколько человѣкъ изъ сельскохозяйственнаго общества и Грютлиферейна собирались время отъ времени для обсужденія вопроса о томъ, какъ улучшить условія жизни рабочаго люда. Я, руководившій этими бесѣдами, былъ уже членомъ рабочей партіи, коимъ и теперь состою. Однако, для меня и нѣкоторыхъ моихъ товарищей никогда не было тайной, что задачи рабочей партіи нашей свободной страны отличаются отъ задачъ—партіи Германіи. Я всегда ясно представлялъ, что въ Швейцаріи мы должны оставить теорію и вставать на почву практики. Но какъ и что сдѣлать? Кооперативныя общества старой системы, особенно производительныя, либо не имѣли никакого успѣха, либо были обращены въ акціонерныя компаніи. Совершенно также развивались или, вѣрнѣе, вырождались сельскохозяйственныя коопераціи. Даже для людей, не отличающихся большой наблюдательностью, было ясно, что на такой почвѣ нельзя проводить важныхъ экономическихъ реформъ. Такимъ образомъ, было, рѣшено пойти некооперативнымъ путемъ».

Гшвиндъ и его товарищи, какъ люди практичные, начали съ малаго, воспользовавшись уже существующей сельскохозяйственной организаціей для сбыта молока. Послѣдняя въ видѣ опыта рѣшила брать для продажи предметы первой необходимости у «Всеобщаго потребительнаго товарищества» въ Базелѣ. Покупателямъ было даровано право требовать отмѣтки закупокъ въ своихъ книжечкахъ и получать въ концѣ каждаго года прибыль пропорціонально стоимости забраннаго ими товара. Содѣйствіе Базельскаго потребительнаго общества, оказавшаго кредитъ и т. д., дало возможность начать торговлю съ февраля 1892 года. Опытъ удался: нашлась масса участниковъ. Въ концѣ года 164 человѣка регулярно забирали товары. Это обстоятельство послужило для учредителей указаніемъ встать поскорѣе на ноги, выработать уставъ и пріобрѣсти право юридической личности. Собраніе отъ 28-го сего января 1893 года обсудило и одобрило уставъ. Общество получило названіе: «Производительно-потребительное товарищество Обервиль». Слово «производитель» должно было намекать на то, что производство есть главная цѣль товарище-

*) St. Gschwind. Vortrage über das Genossenschaftswesen. 1896. Стр. 24—25.

ства, а организація потребленія лишь средство для достиженія этой цѣли. Это слово, поставленное на первомъ мѣстѣ, напоминаетъ, что идеалъ организаціи потребителей не въ торговыхъ операціяхъ, а въ захватѣ мѣстнаго производства въ свои руки. Число членовъ стало все расти и расти. Нанятое помѣщеніе оказалось малымъ, такъ что общее собраніе отъ 16 сентября 1893 г. рѣшило приступить къ закупкѣ земли и постройкѣ на ней дома. Къ новому году часть красиваго, возвышающагося посреди села, двухъэтажнаго зданія, была уже отдѣлана. Руководители товарищества дали этой простойкѣ многозначительное названіе: «Zur Zukunft», чтобы показать друзьямъ и врагамъ свою вѣру въ успѣхъ предпріятія. Друзей и тогда было много, а изъ враговъ въ самомъ селѣ теперь остался одинъ (въ 1892 г. ихъ было 6)—лавочникъ со своими родственниками и покупателями.

Въ концѣ перваго же года число членовъ достигло 190. Отчетъ показалъ слѣдующее: въ розницу было продано предметовъ первой необходимости на 48.269 франковъ 65 сантимовъ, болѣе крупными количествами (migro)—на 7.549 фр. 45 сан., приходъ отъ собственнаго производства спирта равнялся 46 фр. 50 с. Все это составляетъ 55.865 фр. 21 сан. Чистая прибыль равнялась 3,699 фр. 45 сан. Первый дивидендъ былъ выплаченъ членамъ въ размѣрѣ 7 проц. Въ резервъ было отчислено 1.640 фр. 55 сан.; изъ нихъ ординарному резервному фонду—1.240 фр. и резервному фонду для цѣлей производства—400 фр. На первый фондъ идутъ положенные уставомъ 25 проц. чистой прибыли отъ мелочной продажи, на второй—вся прибыль производства продажи en gros и migros. Членскій взносъ или пай въ 3 франка идетъ на ординарный резервный фондъ. Для образованія по возможности независимаго оборотнаго капитала была учреждена сберегательная касса. Члены получили возможность вкладывать свободныя деньги въ кассу товарищества, получая 4 проц. Гарантіей могло служить только доброе имя организаціи. Кромѣ того, проводимый съ самаго начала принципъ платежа за все наличными дѣлалъ предпріятіе солиднымъ. Открытая во второй половинѣ 1893 г. сберегательная касса насчитывала въ концѣ года 19 вкладчиковъ съ скромной суммой въ 3.977 фр. 10 сан. Кооперація купила у своихъ членовъ за весь первый годъ продуктовъ на 751 фр. 21 сан.

Первый годъ удовлетворилъ всѣхъ и придалъ руководителямъ смѣлости. Учрежденіе кооперативныхъ марокъ съ девизомъ «Въ единеніи наша сила» было однимъ изъ первыхъ нововведеній 1894 года. Эти «товарныя» деньги преслѣдуютъ облегченіе сношеній между депо и членами. Въ 1894 же году товарищество вступило въ «союзъ швейцарскихъ потребительныхъ обществъ», занявъ по закупкѣ у него товара пятое мѣсто. Теперь оно занимаетъ третье. Въ магазинѣ товарищества стали держать строевые матеріалы. Вся мѣстная вишня была скуплена для гонки спирта, какъ и въ предыдущемъ году. Этотъ продуктъ былъ проданъ за предѣлами Обервиля. Цѣны, полученныя владѣльцами вишни, стояли выше рыночныхъ. Товарищество стало скупать рожь, пшеницу овесъ и картофель. Послѣдняя принесла ему до 1.000 фр. убытка, такъ какъ нѣкоторые члены-поставщики злоупотребляли довѣріемъ общества, доставивъ картофель дурного качества. Несмотря на такой случай, картофель рѣшили держать и въ будущемъ. А съ недобросовѣстными членами стали обходиться строже. На этотъ же годъ падаетъ заключеніе условія съ «союзнымъ питейнымъ управленіемъ» въ Бернѣ для сбыта ему спирта. Производство спирта такъ возросло, что пришлось усилить машины винокурни. Далѣе, былъ заключенъ договоръ съ базельскими пивоварами съ цѣлью использованія пивныхъ отбросовъ. Самое же использованіе (кормъ для свиней и т. д.) началось лишь въ слѣдующемъ году. Благодаря тому обстоятельству, что товарищество привлекло членовъ изъ сосѣднихъ деревень,—членовъ, требующихъ

открытія новыхъ депо, уставъ былъ измѣненъ 23-го іюня 1895 г. Приведемъ новую нормировку товарищества. «Товарищество старается къ улучшенію матеріальныхъ и духовныхъ условій жизни членовъ посредствомъ товарищеской организаціи и потребленія. Оно старается достигнуть этого: a) путемъ покупки и продажи пищевыхъ продуктовъ и другихъ необходимыхъ предметовъ, b) содѣйствіемъ производству и фабрикаціи такихъ товаровъ, которые могутъ производиться у насъ самимъ товариществомъ или отдѣльными членами его; c) содѣйствіемъ выгодному сбыту сельско-хозяйственныхъ продуктовъ членовъ; d) устройствомъ здоровыхъ и недорогихъ жилищъ; e) основаніемъ при товариществѣ сберегательной кассы; f) крайнимъ облегченіемъ вступленія въ общество; g) другими средствами, способствующими цѣли товарищества» *). Депо были открыты въ Гоффштеттенѣ, Рейнахѣ, Эмѣ, Дорнакъ-Арлесгеймѣ и Биннингенѣ. Всѣ рабочіе и служащіе депо были застрахованы отъ увѣчій въ «швейцарской кассѣ для несчастныхъ случаевъ».

Товариществомъ была пріобрѣтена земля для постройки дешевыхъ жилищъ, предназначенныхъ только для сдачи. Члены, преданные кооперативному дѣлу, никогда не будутъ въ опасности лишиться крова. Затѣмъ, товарищество купило на швейцарской сельскохозяйственной выставкѣ паровую молотилку за 10.200 франковъ. Машина переѣзжаетъ отъ одного крестьянскаго домика къ другому, изъ одного мѣста въ другое, молотя хлѣбъ. Такимъ образомъ, крестьяне пользуются техническимъ прогрессомъ, оцѣнивая въ то же время преимущества организаціи, дающей возможность пользоваться всѣмъ недоступнымъ по цѣнѣ орудіемъ. Машина ослабляетъ индивидуализмъ крестьянина. Послѣднимъ важнымъ событіемъ 1895 г. было объявленіе органа товарищества: «Bauern und Arbeiterbund Baselland» обязательнымъ для всѣхъ членовъ.

1895 годъ такъ обрадовалъ всѣхъ (10.802 фр. чистой прибыли), что правленіе сдѣлалось смѣлѣе и добилось отъ общаго собранія одобренія нѣсколькихъ проектовъ. Вотъ эти проекты: 1) покупка дома съ лавкой для отдѣленія въ Биннингенѣ; 2) покупка пустопорожняго мѣста около вокзала и кредитъ для новой постройки, устройства магазина, погребовъ и т. д. 1896 годъ значительно превзошелъ всѣ прежніе. Число членовъ уже въ концѣ іюня достигло 1.000. Къ 6 старымъ депо присоединилось 5 новыхъ: въ Нейэ-Велтѣ, Аллшвилѣ, Родерсдорфѣ, Мецерленѣ и Греллингенѣ. Во второй половинѣ операціоннаго года открылось еще два отдѣленія. Воспользовавшись случаемъ, товарищество купило въ 1896 г. обервильскій отель «Zur Krone» за 75.000 франковъ. Вмѣстѣ съ нимъ въ руки товарищества попалъ самый большой кафе-ресторанъ, превратившійся изъ опивательнаго въ образовательное учрежденіе.

Въ этомъ кафе-ресторанѣ никто не обязанъ пить и всякій можетъ оставаться, сколько угодно. Здѣсь не спрашиваютъ ни о принадлежности къ партіи, ни о вѣроисповѣданіи. Чтобы имѣть доступъ, нужно только прилично вести себя. Въ зданіи ресторана мѣстная римско-католическая община совершала обряды богослуженія во время перестройки своей церкви (начало 1897 г.). Тутъ же собирались секція Грютлиферейна и соціалъ-демократическая фракція. Такимъ образомъ по воскресеньямъ утромъ совершалось богослуженіе, а вечеромъ рабочіе устраивали спектакли и концерты.

Бирсекское товарищество надѣялось купить, при помощи Базельскаго, цвѣтущую пекарню съ мельницей, продававшуюся по случаю смерти владѣльца. Базельское товарищество не рѣшилось и пекарня попала въ руки акціонерной компаніи. Только 15 акцій достались товариществу по 400 фр., между тѣмъ, какъ номинальная стоимость каждой равнялась 500 франкамъ. «Въ правленіи

---

*) См. «Statuten der Birseck'schen Productions-und Konsumgenossenschaft». Basel. 1895. Стр. 3—4.

этой компаніи,—съ удовольствіемъ отмѣчено въ отчетѣ *),—участвуетъ нашъ предсѣдатель С. Гшвиндъ. Предпріятіе очень солидно поставлено и, не говоря о томъ, что мы пріобрѣли хорошаго поставщика, намъ косвенно можно вліять на дѣла, получая при этомъ порядочный дивидендъ».

Паровая винокурня товарищества выпускала раньше холодную воду безъ всякаго употребленія. Ею воспользовались, устроивъ баню и прачешную. Члены получили возможность пользоваться дешевыми холодными, горячими и даже соляными ваннами. Чистая прибыль опять-таки идетъ въ производственный фондъ. Хозяйки могутъ мыть свое бѣлье въ обширномъ, снабженномъ холодной, горячей водой и паромъ, помѣщеніи. Чисто принципіальнымъ событіемъ 1896 г. явилась постройка заведенія для опытовъ съ фабрикаціей различныхъ товаровъ, находящихъ уже сбытъ во многихъ депо.

Другое предпріятіе, съ которымъ товарищество стало вести дѣло, это—шелко-прядильня Ангенштейнъ близъ деревни Эгъ для приготовленія флореговыхъ лентъ. Участіе вызвано желаніемъ поддержать 300 рабочихъ уже прекратившей было свое производство фабрики. Гшвинду удалось заинтересовать въ сохраненіи фабрики нѣсколькихъ лицъ въ Базелѣ и купить ее за 250.000 франковъ. Такимъ образомъ, 300 рабочихъ не лишились куска хлѣба. Изъ 700 акцій по 500 фр., 50 принадлежитъ товариществу. Членомъ правленія состоитъ Гшвиндъ. «Конечно—читаемъ мы въ отчетѣ **),—для насъ было бы гораздо пріятнѣе, если бы товарищество всецѣло захватило фабрику, но наша организація еще очень молода и не сильна капиталомъ для такого рода предпріятій». Какъ извѣстно, швейцарскія потребительныя общества образуютъ союзъ. Бирсекское товарищество вступило въ него, взявъ на себя долю обязательства въ 5.000 фр. Наконецъ, товарищество сдѣлалось участникомъ производительнаго общества «Elektra Birseck», добывающаго и распредѣляющаго электрическую силу и свѣтъ. Члены этой кооперація разсѣяны по всему Бирсеку и смежнымъ коммунамъ кантоновъ Золотурнъ и Бернъ. Благодаря ей, коммуны: Алмвиль, Обервиль, Дорнакъ, Арлесгеймъ, Мюнхенштейнъ и Муттенцъ рѣшили ввести электрическое освѣщеніе. За 1896 годъ товарищество продало по мелочамъ на 340.074 фр. 23 с., болѣе значительными количествами оптово-розничнаго товара на 108.786 фр. 9 с., приходъ отъ производства равнялся 19.734 фр. 35 с. Всего выходитъ 468.594 фр. 67 с. Чистая прибыль равнялась 30.435 фр. 61 с. Она была распредѣлена слѣдующимъ образомъ: $8^1/_2$% пошло членамъ, 7.000 фр. въ запасный фондъ, 3.800 въ производственный фондъ, 320 франковъ на благотворительныя цѣли. Товариществомъ было куплено продуктовъ у своихъ членовъ на 50.677 фр. 50 с. Изъ 1.328 членовъ товарищества, разсѣянныхъ по двѣнадцати мѣстечкамъ, 150 участвовали въ сберегательной кассѣ вкладомъ въ 1203.00 фр. 35 с. Участники кассы постоянно получаютъ 4 проц.

Познакомимся теперь вкратцѣ съ развитіемъ товарищества въ 1897 году. Самымъ важнымъ событіемъ этого года было участіе во вновь учрежденномъ акціонерномъ обществѣ «Механическій кирпичный заводъ Обервиль». Заводу принадлежитъ огромная площадь превосходной глины которой хватитъ на выдѣлку кирпичей и черепицъ въ теченіе полстолѣтія. Заводъ приводится въ дѣйствіе электричествомъ съ «Электры Бирсекъ». Чуть ли не главнымъ покупателемъ состоитъ бирсекское кооперативное товарищество. Рабочіе завода, числомъ до 25, вербуются изъ членовъ товарищества. Этотъ заводъ, вѣроятно, скорѣе всѣхъ перейдетъ въ полное владѣніе коопераціи. Многіе жители Обер-

*) «Bericht des Verwaltungsrathes der Birsek'schen Productionsund Konsumgenossenschaft über das Geschäftsjahr». 1896. Zur Zukunft. Basel. 1899. Стр. 6.
**) Bericht fur das Geschäftsjahr. 1896. Стр. 7.

виля выразили желаніе имѣть второе отдѣленіе магазина. По приведеніи этой просьбы въ исполненіе, дѣла лавки пошли блестяще. Торговыя сношенія съ «Союзомъ товарищескихъ потребительныхъ обществъ» были въ этомъ году особенно оживленны. У него забрано товаровъ на 107.713 фр. 75 с. Базельская пекарня, въ которой товарищество участвовало долей въ 6.000 фр., дала въ первый операціонный годъ (отъ 1 іюля 1896 г. до 1 іюля 1897 г.) 5 проц. дивиденда. Всѣхъ поразилъ благопріятный ходъ дѣлъ шелко-прядильни Ангенштейнъ. Чистая прибыль отъ этого предпріятія равнялась 53.564 фр. 21 с. Доля участія товарищества представляла сумму въ 25.000 фр. Квартирный вопросъ, къ сожалѣнію, отодвинулся на задній планъ, благодаря массѣ дѣлъ. Было выстроено только 4 домика. Наконецъ, товарищество приняло рѣшеніе: взять на себя страхованіе жизни членовъ. Максимумъ страховой суммы опредѣлили въ 20.000 фр., минимумъ въ 500 фр.

1898 операціонный годъ прошелъ тише. Тѣмъ не менѣе оборотъ товарищества равнялся въ 1898 году 814.906 фр. Въ обоихъ фондахъ лежало 14.000 фр. Членами сберегательной кассы состояло 340 человѣкъ съ капиталомъ въ 171.953 фр. Товарищество купило товара у «Союза» на 218.486 фр., у своихъ членовъ на 123.452 фр., а у постороннихъ поставщиковъ на 284.516. Недвижимой собственности у товарищества на 379.851 фр. 30 с., движимая оцѣнена въ 57.900 фр. 95 с. Чистая прибыль отъ продажи—46.074 фр. 67 с. была распредѣлена слѣдующимъ образомъ. Членамъ досталось 30.903 фр. 45 с., на ординарный резервный фондъ пошло 10.500, на производственный фондъ 3.500, на общеполезныя цѣли 390, на новый счетъ было перенесено 781 фр. 22 с. Изъ 390 франковъ однимъ кассамъ для путешествій школьниковъ было пожертвовано 100, на дѣтскія школы 70 фр. и т. д.

Самымъ важнымъ событіемъ 1899 года было принятіе всеобщимъ собраніемъ отъ 14-го мая слѣдующаго предложенія, формулированнаго Гшиндомъ. Послѣ того, какъ дѣятельность «Электры Бирсекъ» настолько расширилась, что ей не стало хватать силъ, правленію пришла мысль воспользоваться продажей одной фабрики въ Нейвельтѣ движимой водяной силой. Однако, фабричныя строенія не были нужны «Электрѣ Бирсекъ», и кромѣ того, у нея не хватило на покупку денегъ. Интересующіеся коопераціей 12 жителей Базельланда образовали компанію, которая купила упомянутую фабрику за 300.000 фр. Торговая сдѣлка была заключена такъ, что бирсекское товарищество могло стать собственникомъ, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ ликвидаціи этого имущества 12 покупателямъ была обѣщана половина чистой прибыли. Всеобщее собраніе съ радостью согласилось на такое предложеніе друзей коопераціи. Водяная сила фабрики вмѣстѣ съ паровой машиной была уже отдана въ аренду за 5.000 фр. въ годъ. Владѣніе состоитъ изъ большого фабричнаго зданія со складами, 35 рабочихъ жилищъ съ палисадниками, помѣщенія земельнаго арендатора съ сельско хозяйственными постройками и изъ 35 юхартовъ земли. Кадастровая стоимость строеній равна 210.000 франковъ.

Затѣмъ 24-го сентября 1899 года правленіе рѣшило сдѣлать шагъ впередъ въ области производства трикотажей и постановило произвести опытъ въ этомъ дѣлѣ. Въ такомъ случаѣ большое число женскихъ рукъ найдутъ занятіе, благодаря введенію этой отрасли промышленности. Была выбрана предварительная коммиссія, которая должна разработать этотъ вопросъ. Профессіональная школа для усовершенствованія также подвинулась впередъ. Община Обервиль любезно представила въ ея распоряженіе двѣ комнаты и взяла на себя заботы по освѣщенію и отопленію. Правленіе оказало необходимый кредитъ для омеблированія школьныхъ комнатъ. Это учрежденіе будетъ доступно не только обервильскимъ ученикамъ, но и юношамъ изъ сосѣднихъ мѣстностей,

желающимъ усовершенствоваться въ своей профессіи. Поэтому правленіе окрестило школу слѣдующимъ именемъ: «Gewerbliche Fotbildungschule des Brsigthales».

Наконецъ въ послѣднее время подкоммиссія была занята ревизіей устава бирсекскаго производительно-потребительнаго товарищества, такъ что главныя измѣненія заключаются въ расширеніи цѣли товарищества. Нѣкоторыя дѣла, рѣшаемыя прежде всеобщимъ собраніемъ, отнынѣ включены въ уставъ: такъ, напримѣръ, образованіе обязательнаго страхованія жизни членовъ, участіе въ предпріятіяхъ, для которыхъ собственныя силы недостаточны, покупка земли и, наконецъ, основаніе общеполезныхъ учрежденій. Относительно имущества товарищества сдѣланы слѣдующія измѣненія. Оно состоитъ изъ главнаго фонда (называвшагося до сихъ поръ резервнымъ), изъ диспозиціоннаго фонда (резервный фондъ для цѣлей производства) и, наконецъ, изъ спеціальнаго фонда на всякій случай. Диспозиціонный фондъ долженъ расходоваться на введеніе и развитіе отраслей производства, на распространеніе кооперативнаго образованія и на поддержаніе такихъ предпріятій, которыя имѣютъ цѣлью распространеніе товарищескихъ началъ и учрежденій. Сберегательная касса, пользующаяся особой любовью кооператоровъ, дѣйствуетъ безъ измѣненій.

«Успѣхи этого предпріятія,—говоритъ профессоръ Г. Геркнеръ*) о бирсекскомъ производительно-потребительномъ товариществѣ — много способствовали въ Швейцаріи правильной оцѣнкѣ дѣла коопераціи и ея могучей способности къ развитію. Но найдя много друзей и подражателей, оно не освободилось еще отъ враговъ. Одинъ изъ послѣднихъ недавно возводилъ на бирсекскую кооперацію различныя обвиненія въ «Basellandschaftliche Zeitung», «Die Gewerbezeitung», органъ части базельскихъ ремесленниковъ, избравшій своею спеціальностью теоретическое убійство всѣхъ потребительныхъ обществъ и большихъ магазиновъ, присоединился къ вышеупомянутой газетѣ. Органъ товарищества «Bauern und Arbeiterbund Baselland», полемизируя съ «Basellandschaftliche Zeitung», между прочимъ, говоритъ слѣдующее. «Если бы наши сельскіе хозяева и другіе враги коопераціи изучили ея преимущества на мѣстѣ, т.-е., напримѣръ, въ Винтертурѣ, Бруггѣ, Земнахѣ и т. д., то ихъ оппозиція сама по себѣ ослабла бы. Въ настоящее время бирсекское производительно-потребительное товарищество имѣетъ много ревностныхъ членовъ, которые раньше были его врагами. Говорятъ, что кооперація отнимаетъ у средняго сословія заработокъ; такъ, въ послѣдній (1898) годъ она оттянула у однихъ только лавочниковъ, пекарей и молочныхъ торговцевъ 30.000 фр. Развѣ это государственная измѣна?» Авторъ статьи въ «Basellandschaftliche Zeitung» самъ вычисляетъ, что товарищество съ его 1.804 членами насчитываетъ столько же хозяйствъ съ 5.000 душъ. Этимъ хозяйствамъ потребительная организація съэкономила 30.000 фр. Нужно много смѣлости, чтобы упрекать ее за это. Прибыль товарищества ни въ коемъ случаѣ не осталась бы въ карманахъ нашихъ мелкихъ посредниковъ. Положеніе послѣднихъ теперь не блестяще даже въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ потребительныя общества отсутствуютъ. Бирсекское, равно какъ и другія большія товарищества, въ состояніи выписывать изъ-за границы цѣлые вагоны товаровъ. Послѣдніе, вслѣдствіе быстроты оборота, никогда не могутъ причинить коопераціи значительныхъ убытковъ, какъ у лавочниковъ. Удобныя приспособленія также служатъ благопріятными факторами, такъ что всякій можетъ догадаться, что прибыль въ 30.000 франковъ идетъ на пользу народа за счетъ заграницы, т.-е. большихъ торговыхъ домовъ, а не за счетъ своихъ людей. Въ карманы лавочниковъ по-

---

*) Проф. Г. Геркнеръ. «Рабочій трудъ въ Западной Европѣ». II. 1899 г. Стр. 167.

падаетъ не только заработокъ, который товарищество даетъ своимъ служащимъ и рабочимъ, но попадаетъ и то, что оно жертвуетъ на общеполезныя цѣли, кладетъ въ резервный фондъ и т. д. *).

На обвиненіе, что потребительныя общества производятъ давленіе на цѣны молока, овощей и скота, «Bauern und Arbeiterbund» отвѣчаетъ, что товарищество, покупая у своихъ членовъ молоко, платитъ имъ 15 сантимовъ за литръ, между тѣмъ какъ скупщики давали и даютъ только 13.

Кромѣ упомянутыхъ продуктовъ бирсекское товарищество скупаетъ у членовъ вишню, картофель, сѣно и хлѣбъ. Оно во всѣхъ случаяхъ хорошо вознаграждаетъ своихъ поставщиковъ, такъ какъ не гонится исключительно за барышемъ.

Правленіе «Союза потребительныхъ обществъ въ Швейцаріи» произвело анкету относительно швейцарскихъ хлѣбныхъ цѣнъ. Оказалось, что хлѣбъ дешевле всего продается въ «Бирсекскомъ потребительномъ обществѣ и въ сельскомъ (тоже Базель-ландъ) товариществѣ Шенталь.

Ремесленники совсѣмъ почти не задѣты товариществомъ, въ особенности столяры, плотники и сѣдельные мастера. Только одни сапожники могутъ пожаловаться, да и тѣ стѣснены скорѣе въ продажѣ обуви со стороны, чѣмъ въ ремесленномъ производствѣ на заказъ. Извѣстно, что продажа фабричной обуви и прежде далеко не составляла ихъ монополіи. «Но кто отрицаетъ, что единичныя невинныя лица терпятъ ущербъ отъ коопераціи? Что на свѣтѣ не имѣетъ своей оборотной стороны?! Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ проведенія общеполезныхъ экономическихъ рефомъ, нужно спросить: принесетъ ли реформа пользу большинству или меньшинству? Отвѣтъ легокъ: наша реформа—безъ преувеличенія можно сказать—полезна 90 лицамъ изъ 100. За исключеніемъ торговыхъ посредниковъ, истинная кооперація благодѣтельна всему населенію, она увеличиваетъ его покупательную силу вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ случай найти работу Часто слышатся голоса, что отношенія между крестьянами и фабричными рабочими въ общемъ натянуты По свидѣтельству г. Мюллера, связи и сношенія между деревенскими потребительными товариществами и сельскохозяйственными обществами, между собой и съ городскими кооперативными организаціями много сдѣлали для сближенія швейцарскихъ крестьянъ съ городскими рабочими. Бирсекское товарищество, на мѣстѣ связанное съ сельскохозяйственнымъ сносится, кромѣ того, съ городскимъ потребительнымъ обществомъ въ Базелѣ, продавая ему молоко. Впрочемъ, сближеніе крестьянъ съ рабочими способствуетъ въ Швейцаріи и то обстоятельство, что членами сельскихъ потребительныхъ обществъ часто состоятъ одновременно крестьяне и фабричные. Основаніе швейцарскаго союза коопераціи, охватывающаго огромное большинство потребительныхъ обществъ и восточно - швейцарскіе сельско-хозяйственныя общества, также объединяетъ интересы обоихъ слоевъ населенія.

В. Тотоміанцъ.

---

*) «Bauern und Arbeiterbund» vom 5. August 1899.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Раскопки древнихъ позвоночныхъ животныхъ на сѣверѣ Россіи.

Современныя растенія и животныя, населяющія землю, являются, съ геолого-палеонтологической точки зрѣнія, живыми вѣтвями того дерева, болѣе древнія вѣтви котораго, стволъ и корни давно уже отмерли, оставивъ въ нѣдрахъ земли слѣды своего существованія въ видѣ окаменѣлостей. Эти послѣднія, разсматриваемыя съ указанной точки зрѣнія, служатъ памятниками, позволяющими судить о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя претерпѣвалъ на землѣ органическій міръ, пока не достигъ своего теперешняго состоянія; эти же памятники даютъ намъ возможность прослѣдить ближе къ общему стволу и корнямъ разросшіяся теперь вѣтви генеалогическаго древа и такимъ образомъ установить родословную нынѣ живущихъ организмовъ и возстановить утерянныя теперь родственныя отношенія между различными группами.

Въ составѣ нынѣ живущаго органическаго міра отразилась вся длинная исторія его развитія. И дѣйствительно, въ немъ мы видимъ, какъ представителей самыхъ молодыхъ генеалогическихъ вѣтвей въ видѣ организмовъ, только недавно, съ геологической точки зрѣнія, обособившихся отъ болѣе древнихъ вѣтвей, такъ и представителей тѣхъ развѣтвленій, которыя обособились отъ общаго ствола или болѣе древнихъ вѣтвей, въ разныя геологическія эпохи, въ томъ числѣ и очень древнія. Однимъ словомъ, совокупность ископаемыхъ и нынѣ живущихъ организмовъ представляетъ одно цѣлое, отражающее въ себѣ то разнообразіе формъ, которое преемственно принимало жизненное начало съ съ самыхъ древнихъ временъ, гдѣ оно можетъ быть доказано непосредственными палеонтологическими находками, до нашихъ дней.

Сопоставивъ всѣ извѣстные ископаемые организмы растительные и животные— въ хронологическомъ порядкѣ ихъ обособленія, развитія, угасанія, вымиранія, мы увидимъ, что органическій міръ развивался и измѣнялся на землѣ преемственно, послѣдовательно, въ общемъ поступательно или прогрессивно, причемъ періоды медленнаго измѣненія смѣнялись болѣе кратковременными эпохами болѣе интенсивнаго измѣненія; степень этого измѣненія организмовъ проявляется все энергичнѣе и энергичнѣе по мѣрѣ приближенія къ настоящему времени. Чѣмъ выше стояли группы организмовъ, тѣмъ онѣ измѣнялись быстрѣе и тѣмъ быстрѣе достигали апогея своего прогресса и спеціализаціи и затѣмъ вытѣснялись другими группами, обыкновенно родственными, причемъ или совершенно вымирали, или, рѣже, выйдя изъ арены интенсивнаго развитія и измѣненія организмовъ, продолжали иногда очень долгое время прозябать, въ немногихъ представителяхъ, при какихъ либо изолированныхъ условіяхъ жизни, нерѣдко доживая и до настоящаго времени. Эти изолированно сохранившіеся представители прежде цвѣтущихъ и обширныхъ группъ животныхъ, въ видѣ афоризма, называются «живыми окаменѣлостями», хотя это названіе смѣло мо-

жетъ быть приложимо ко всему нынѣ живущему органическому міру, въ которомъ отражена вся исторія его роста и развитія,—только нужно знать методы. посредствомъ которыхъ можно изучить эту исторію.

Разработкою этихъ методовъ занимаются палеонтологія и эмбріологія, которыя различными путями ведутъ къ одной цѣли—познанію исторіи развитія организмовъ.

Съ этой точки зрѣнія каждая окаменѣлость имѣетъ глубокое значеніе, какъ историческій памятникъ прежней жизни и какъ звено въ историческомъ ходѣ развитія организмовъ. Но не всѣ окаменѣлости равнозначущи по своей научной цѣнности. Остатки представителей водной фауны вообще гораздо чаще встрѣчаются въ окаменѣломъ состояніи въ земной корѣ, чѣмъ остатки наземныхъ животныхъ. Это отчасти объясняется тѣмъ, что въ земной корѣ преимущественно сохранились отложенія, въ видѣ горныхъ породъ, образовавшіяся въ океаническихъ и морскихъ бассейнахъ и гораздо рѣже горныя породы, образовавшіяся на материкахъ. Кромѣ того, нужно очень много случайностей, чтобы наземныя животныя сохранились въ ископаемомъ состояніи. Особенно это относится къ высшимъ наземнымъ животныхъ изъ типа позвоночныхъ. Это, между прочимъ, является одною изъ главныхъ причинъ, почему геологическая исторія материковъ и наземного органическаго міра такъ мало изучена сравнительно съ такою же исторіей морей и морскихъ организмовъ; а между тѣмъ этотъ вопросъ имѣетъ очень важное научное значеніе—особенно со стороны уясненія общихъ законовъ развитія организмовъ во времени. На материкахъ обособилась въ историческое время жизни (т.-е. въ то время, отъ котораго въ корѣ земной сохранились достовѣрные памятники органической жизни—окаменѣлости)—наземная флора и высшіе классы наземныхъ животныхъ: земноводныя, пресмыкающіяся, птицы и млекопитающія. Сохранившіеся въ ископаемомъ состояніи скелеты этихъ животныхъ, отражая организацію животныхъ, даютъ много опорныхъ точекъ для сужденія объ образѣ жизни и пищѣ животнаго, о средѣ, въ которой они жили, о внѣшнихъ климатическихъ и вообще физико-географическихъ условіяхъ, при которыхъ они могли существовать,—однимъ словомъ, они являются очень краснорѣчивымъ памятникомъ прошлаго нашей земли. Эта группа животныхъ отличается наибольшею пластичностью своей организаціи, измѣняемостью въ зависимости отъ внѣшнихъ условій и среды и сравнительно очень быстрымъ развитіемъ и измѣненіемъ во времени. Она представляетъ, такъ сказать, самую молодую и самую энергичную въ смыслѣ прогрессивнаго развитія вѣтвь животнаго царства. Поэтому, ни одна изъ другихъ группъ животныхъ не дала такъ много для уясненія путей, по которымъ шло развитіе организмовъ во времени, какъ позвоночныя и въ частности наземныя. Вотъ почему остатки этихъ животныхъ особенно цѣнны въ научномъ отношеніи, и чѣмъ древнѣе они, тѣмъ, обыкновенно, научная цѣнность ихъ возрастаетъ.

Россія въ этомъ отношеніи до сихъ поръ давала очень мало, если не считать единственныхъ въ мірѣ находокъ въ Сибири, въ мерзлой почвѣ тундры, полнаго скелета мамонта съ сохранившимися кожею и волосами и такого же сохраненія остатковъ носорога. Но эти палеонтологическіе памятники относятся къ періоду очень недавнему съ геологической точки зрѣнія. На ряду съ этими находками, столь извѣстными всему образованному міру, существуютъ въ музеяхъ С.-Петербургскаго и Казанскаго университетовъ, Горнаго института и нѣкоторыхъ заграничныхъ, неизвѣстные обществу, но въ высшей степени интересные съ научной стороны, немногіе остатки костей и череповъ пресмыкающихся изъ весьма древнихъ отложеній, развитыхъ въ Европейской Россіи, такъ называемыхъ пермскихъ. Эта группа ископаемыхъ, изъ которыхъ выдѣляются два ящера: *девторозавръ* и *ропалодонъ*, особенно интересна потому, что, будучи

по своей общей организаціи пресмыкающимися, они обладаютъ нѣкоторыми признаками, исключительно свойственными млекопитающимъ, и другими признаками, сближающими ихъ съ первобытными земноводными. Они относятся къ такъ называемымъ сборнымъ типамъ, т.-е. соединяющимъ въ одномъ организмѣ свойства различныхъ группъ. Ихъ ставятъ въ основаніи той очень древней вѣтви, которая дала начало млекопитающимъ. Другая интересная особенность заключается въ томъ, что въ одновременныхъ имъ континентальныхъ отложеніяхъ Западной Европы они никогда не были находимы, но за то въ болѣе юныхъ по возрасту, пермскихъ же отложеніяхъ южной и центральной Африки часто встрѣчались формы, родственныя имъ. Правда, у насъ въ Россіи извѣстны пермскія отложенія болѣе юныя, нежели тѣ, въ которыхъ были найдены девторозавръ и ропалодонъ и одновременныя указаннымъ выше африканскимъ, но у насъ въ Россіи въ этихъ отложеніяхъ очень рѣдко были находимы какія либо окаменѣлости, такъ что они были названы нѣмыми въ палеонтологическомъ отношеніи, а возрастъ и природа ихъ считались загадочными.

Мнѣ удалось найти въ нихъ и описать довольно обширную фауну, состоящую изъ раковинъ прѣсноводныхъ моллюсковъ, аналогичныхъ современнымъ рѣчнымъ уніямъ и анодонтамъ. Но эти прѣсноводныя раковины оказались совершенно оригинальными среди извѣстныхъ ископаемыхъ изъ отложеній Европы. Тогда мнѣ пришла мысль изучить въ музеяхъ Лондона коллекціи породъ и окаменѣлостей изъ пермскихъ отложеній внѣевропейскихъ странъ и сравнить ихъ съ имѣющимися у меня изъ Россіи. Занимаясь такимъ сравненіемъ я пришелъ къ выводу, что прѣсноводная фауна, описанная мною изъ верхне-пермскихъ отложеній Россіи сходна и въ нѣкоторыхъ представителяхъ тождественна съ прѣсноводными раковинами, извѣстными изъ пермскихъ же отложеній, развитыхъ въ южной африкѣ. Это обстоятельство привело къ предположенію, что сходство не можетъ ограничиться одними прѣсноводными моллюсками и должно распространиться и на остальной органическій міръ, т.-е. на растенія и животныхъ, которыя были находимы въ южной Африкѣ совмѣстно съ указанными раковинами. При этомъ имѣлись въ виду, главнымъ образомъ, изъ растеній—остатки громадныхъ папоротниковъ т. н. *глоссоптерисовъ*, а изъ животныхъ пресмыкающіяся изъ т. н. звѣроподобныхъ (тероморфъ) и въ частности *дицинодонтовъ*, *уденодонтовъ* и *парейазавровъ*, остатками которыхъ богаты пермскія отложенія южной Африки. Слѣдовательно, предстояло заняться болѣе тщательнымъ изслѣдованіемъ соотвѣтственныхъ верхне-пермскихъ отложеній Россіи, въ надеждѣ найти здѣсь своеобразный органическій міръ, сходный съ южно-африканскимъ пермскаго времени.

Для своихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій я избралъ сѣверъ Россіи и въ частности область по теченію Сухоны и Сѣв. Двины. Здѣсь давно были извѣстны наиболѣе юныя пермскія отложенія, въ которыхъ (по рѣкѣ Вычегдѣ) профессору Барботъ-де-Марни удалось найти въ 1865 году остатокъ хвоща, что тогда считалось громаднымъ открытіемъ.

Условія экскурсіи въ этомъ районѣ и спустя тридцать лѣтъ мало измѣнились. Пришлось купить небольшую лодку, нанять двухъ гребцовъ и такимъ образомъ путешествовать по Сухонѣ и Двинѣ, все время подъ открытымъ небомъ, укрываясь подъ навѣсомъ лодки ночью и въ дождливую погоду. Такъ путешествовали мы съ женой каждое лѣто съ 1895 по 1898 годъ, привыкли къ гнусу и машкарѣ, приспособились при самыхъ скудныхъ питательныхъ средствахъ и при громадномъ аппетитѣ имѣть обѣдъ и ужинъ (я умалчиваю объ его достоинствахъ), выучились подъ проливнымъ дождемъ раскладывать костеръ, а при сильной бурѣ находить на рѣкѣ такія «гавани», гдѣ наша лодка была въ совершенной безопасности и мы спали въ ней также спокойно, какъ у себя дома, наконецъ мы узнали цѣну самаго обыкновеннаго комфорта и перестали

даже понимать, какъ можно быть неврастениками. Климатъ на сѣверѣ хотя и очень непріятный, но, вѣроятно, очень здоровый, ибо мы ни разу не испытали никакой простуды, хотя приходилось жить на рѣкѣ, т. е. въ постоянной сырости и туманахъ, проводить тамъ цѣлыя недѣли во время хіуса (сѣверный вѣтеръ), сопровождаемаго пронизывающимъ холодомъ и непрерывными дождями и ночевать въ августѣ при «инiѣ», когда температура воздуха понижается до 1—2 град. ниже нуля.

Послѣ четырехъ лѣтъ изслѣдованій главная цѣль была достигнута—дѣйствительно въ верхне-пермскихъ отложеніяхъ, развитыхъ въ нижнемъ теченіи Сухоны и въ верхнемъ теченіи Сѣв. Двины удалось отыскать много остатковъ растеній—*глоссоптерисовъ* и пресмыкающихся—*дицинодонтовъ* и *парейазавровъ*, извѣстныхъ до тѣхъ поръ только изъ пермскихъ отложеній южной Африки и Индіи,—и такимъ образомъ удалось установить, что въ очень отдаленное отъ насъ, т. н. пермское время, сѣверная и центральная Россія, Уралъ, Алтай, Индія и центральная и южная Африка входили въ составъ одного материка, заселеннаго очень сходными растеніями и животными. Такъ какъ дальнѣйшія изслѣдованія этого района могли пролить много свѣта на весьма интересныя проблемы геологіи, напр. на вопросы о происхожденіи позднѣйшихъ континентальныхъ флоръ и фаунъ, особенно позвоночныхъ животныхъ и въ частности пресмыкающихся и млекопитающихъ, то С.-Петербургское общество естествоиспытателей и министерство народнаго просвѣщенія, одобривъ представленную мною программу, ассигновали въ общемъ 1000 руб. для болѣе тщательныхъ палеонтологическихъ раскопокъ въ районѣ Сухоны и Сѣверной Двины.

Лѣтомъ 1899 года были произведены палеонтологическія раскопки на правомъ древнемъ склонѣ долины Сѣверной Двины въ 12 верстахъ выше желѣзнодорожной станціи «Котласъ», у. д. Ефимовской, въ мѣстности, называемой «Соколки». Здѣсь на крутомъ склонѣ обнажены полосатые рухляки, въ толщу которыхъ включено нѣсколько мощныхъ чечевицъ песка и песчаника, занимающихъ опредѣленный геологическій горизонтъ. Въ этихъ чечевицахъ можно наблюдать нависшія глыбы, шарообразной формы, очень твердаго песчаника; внутри ихъ и заключались окаменѣлыя кости и листья. Чечевица, предназначенная для раскопокъ, находится среди рухляковъ, составляющихъ совершенно вертикальный обрывъ, возвышающійся на 22 сажени надъ рѣкою. Длина чечевицы 50 саж; наибольшая толщина посрединѣ 6 саж. Ея основаніе расположено на высотѣ 12—13 саж. надъ рѣкою, а верхняя часть на 3 саж. отъ отъ вершины склона. Совершенно вертикальные обрывы рухляковъ, составляющіе ея основаніе и кровлю, не позволяли подобраться къ чечевицѣ ни сверху ни снизу. Поводомъ къ раскопкѣ именно этой чечевицы послужило то обстоятельство, что въ предыдущія экскурсіи были находимы на бичевникѣ, выпавшія изъ нея большія глыбы песчаника съ окаменѣлыми костями и листьями внутри.

Систематическія раскопки начались 17 іюня подъ моимъ руководствомъ. Помощникомъ у меня была моя жена Анна Петровна. Ежедневно работало отъ 12 до 25 человѣкъ рабочихъ. Прежде всего надлежало опредѣлить, гдѣ именно въ чечевицѣ песка заключались глыбы съ костями. Сначала были раскопаны осыпи на бичевникѣ. Здѣсь удалось найти довольно много обломковъ глыбъ и округленныхъ желваковъ (конкрецій) съ сохранившимися внутри ихъ костями, между которыми находились и части череповъ пресмыкающихся. Поиски окаменѣлостей на бичевникѣ навели на мысль, что наибольшее количество костей должно находиться въ срединѣ и въ южной части (верхней по теченію рѣки) чечевицы. Раскопки бичевника представляли нѣкоторую опасность благодаря тому, что при сотрясеніи почвы ударами ломовъ, сверху падали небольшіе камни и конкреціи. Но когда во время сильнаго урагана обру-

шилась громадная глыба песчаника, то пришлось, въ виду угрожавшей опасности, совсѣмъ прекратить работы на бичевникѣ. Понятно, что теперь не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы подобраться къ чечевицѣ снизу, какъ это предполагалось раньше. Тогда я рѣшилъ начать правильную разработку чечевицы сверху.

Наверху склона, вдоль южной половины чечевицы, противъ которой были найдены на бичевникѣ конкреціи съ костями, была отмѣрена полоса земли въ 20 саженъ длиною и въ одну шириною. На этой полосѣ я началъ дѣлать выемку, въ видѣ разноса, такимъ образомъ, что съ юга выводился пологій склонъ со ступенями для спуска, а съ противоположной стороны и со стороны материка вертикальныя стѣны. Вся выработанная порода сбрасывалась внизъ къ рѣкѣ. Такъ какъ камни, скатываясь съ высокаго берега,—падали далеко въ воду, то для того, чтобы предупредить засореніе берегой части русла, мы вдоль береговъ на бичевникѣ построили заборъ. Это было сдѣлано и въ томъ разсчетѣ, чтобы, по спадѣ воды, можно было легче раскапывать выступившую изъ-подъ воды береговую часть бичевника, на которой можно было ожидать скопленія конкрецій съ костями, вывалившихся изъ чечевицы въ прежніе годы.

Углубившись до 2 аршинъ, мы встрѣтили мерзлую почву—ледъ заполнялъ всѣ поры и мелкія трещины и облекалъ, въ видѣ друзъ, болѣе значительныя полости. Прежде чѣмъ добраться до чечевицы песка намъ пришлось снять кровлю, состоявшую изъ твердаго мерзлаго валуннаго мергеля, бураго пермскаго мергеля и подъ нимъ очень твердаго доломито-известковаго песчаника. Затѣмъ, спустивши внизъ рядъ нависшихъ глыбъ песчаника въ самой песчаной чечевицѣ, мы были въ состояніи спуститься къ ея основанію и изслѣдовать ее на мѣстѣ. Мои ожиданія найти въ самой чечевицѣ конкреціи съ костями въ самомъ началѣ не оправдались. Многочисленныя конкреціи, развитыя во всѣхъ горизонтахъ чечевицы, оказывались лишенными органическихъ остатковъ. Это сперва поставило меня въ недоумѣніе, но потомъ, когда были сняты осыпи, образовавшіяся у основанія самой чечевицы, то удалось опредѣлить, что большинство конкрецій съ окаменѣлостями залегало въ центральной части чечевицы, въ нижней ея четверти. Поэтому я пріостановилъ работы въ южной части линзы и продолжалъ вести выемку къ ея срединѣ. Въ виду значительной глубины залеганія конкреціи съ костями, я, по экономическимъ соображеніямъ, сократилъ площадь раскопокъ до 12 кв. саж. Затѣмъ былъ сдѣланъ спускъ со ступенями отъ основанія чечевицы къ бичевнику и на немъ былъ построенъ небольшой шалашъ, въ одну квадратную саженъ площадью, который, по тогдашнимъ моимъ соображеніямъ, казался мнѣ вполнѣ достаточнымъ для ожидаемаго палеонтологическаго матеріала, такъ какъ развѣдки не обѣщали многаго и коллектированіе шло очень вяло.

Черезъ мѣсяцъ послѣ начала работъ, къ 20 іюля, мы углубились до $6^1/_2$ саж., причемъ прошли около $4^1/_2$ — 5 саж. по самой песчаной чечевицѣ, но никакихъ окаменѣлостей не нашли. Попадавшіяся во множествѣ конкреціи, иногда громадной и причудливой формы, оказывались лишенными какихъ-либо органическихъ остатковъ. Начиная отчаяваться найти что-либо въ разрабатываемой части чечевицы, я началъ раскапывать снизу и сѣверную ея часть, остававшуюся нетронутой раскопками. Здѣсь мы вскорѣ напали на громадную конкрецію съ головою парейазавра, за которой слѣдовали сравнительно хорошо сохранившіяся, но тоже въ видѣ гигантскихъ конкрецій, туловище и конечности, всего длиною около $2^1/_4$ саж. Для добычи этихъ конкрецій была вырыта въ самой чечевицѣ галлерея въ $3^1/_2$ саж. длины, 2 саж. ширины и столько же высоты. Эта находка ободрила меня, тѣмъ болѣе, что и въ правильно разрабатываемой части чечевицы стали попадаться въ громадномъ количествѣ отпечатки большихъ листьевъ папоротниковъ изъ глоссоптерисовъ,

которые не было возможности сохранить, такъ какъ слежавшійся песокъ очень быстро разсыпался въ воздухѣ. Углубляясь дальше, мы встрѣтили шарообразныя мергелисто-кремнистыя конкреціи съ хорошо сохраненными отпечатками главнымъ образомъ тѣхъ же растеній, а подъ ними нашли сначала одиночныя конкреціи съ костями, а потомъ и цѣлыя группы ихъ. Эти послѣднія преобладали по окраинамъ средней части чечевицы, тогда какъ къ центру ея начали выдѣляться цѣльныя громадныя конкреціи, заключавшія въ себѣ неразрозненные скелеты животныхъ. Въ центрѣ чечевицы скелеты-конкреціи лежали наиболѣе скученно. Сначала мы нашли здѣсь три рядомъ лежащихъ скелета, принадлежащихъ вѣроятно хищникамъ, близкимъ къ рополодонамъ, а подъ ними лежали еще три болѣе или менѣе полныхъ скелета—парейазавры, изъ которыхъ одинъ уходилъ подъ невыработанную часть чечевицы, а потому не могъ быть извлеченъ. Во время раскопокъ мы послойно снимали песокъ, причемъ оказалось, что слои немного наклонены къ центру чечевицы, такъ что наша площадка всегда имѣла небольшой уклонъ къ центру. Сначала найдя какую-либо группу костей, мы немедленно же ее снимали и упаковывали, предварительно надлежащимъ образомъ окопавши, очистивши и занумеровавъ. Но потомъ, когда опредѣлилось, что мы имѣемъ довольно большое количество остатковъ, намъ пришла мысль оставлять нетронутыми на мѣстѣ ихъ нахожденія отчищенныя отъ окружающаго песку конкреціи, съ тѣмъ, чтобы можно было составить понятіе о взаимномъ ихъ соотношеніи и о первичномъ залеганіи костей на днѣ бассейна, куда они были снесены. Благодаря этому, одно время намъ удалось наблюдать до десяти группъ конкрецій-костей, лежавшихъ на поверхности одного и того же слоя. При этомъ оказалось, что всѣ группы были вытянуты въ одномъ направленіи, перпендикулярномъ къ поперечному сѣченію чечевицы и притомъ, какъ сказано раньше, къ центру чечевицы онѣ лежали болѣе скученно. Поэтому, если предположить, что разрабатываемая чечевица есть русло древней рѣки, заполненное осадками, то можно думать, что попавшіе сюда трупы были расположены вдоль русла и въ этомъ направленіи вытянуты, будучи повернуты головами въ разныя стороны. Конкреціи, расположенныя въ центрѣ чечевицы, заключаютъ въ себѣ плотно сплоченныя части скелета, что указываетъ, что погребенныя здѣсь животныя были засыпаны пескомъ ранѣе того времени, чѣмъ ихъ скелеты были размыты. Окружающая кости порода—сцементированный известью песчаникъ — очень часто окрашена въ черный цвѣтъ органическими соединеніями или въ сѣровато-голубоватый цвѣтъ, благодаря возстановленію окисныхъ соединеній желѣза, что тоже можетъ быть отнесено на счетъ гніющихъ органическихъ остатковъ. Поэтому, весьма вѣроятно, что первоначально въ бассейнъ были снесены цѣлые трупы, которые въ центрѣ были занесены пескомъ ранѣе, чѣмъ успѣли разложиться ихъ мягкія части. По окраинамъ же ложа занесеніе ихъ осадками не было столь энергично, поэтому мягкія части животныхъ разложились, а кости, потерявъ сцѣпленіе, образовали неправильныя скопленія.

Нами было найдено всего 39 группъ костей-конкрецій, изъ нихъ 5 группъ почти цѣльныхъ скелетовъ, передающихъ обликъ животнаго, 5 группъ болѣе или менѣе полныхъ скелетовъ, 10 большихъ группъ костей, между которыми встрѣчаются головы и которыя, вѣроятно, дадутъ возможность получить полное представленіе о животныхъ, а остальныя меньшія группы скученно лежавшихъ костей-конкрецій представляются скопленіями разрозненныхъ остатковъ скелетовъ. Въ это число не включены остатки, подобранные на бичевникѣ и потому незанумерованные. Вся коллекція закупорена въ 64 ящика, которые заняли два вагона и вѣсили на мѣстѣ доставки послѣ усушки 1.200 пудовъ. Раскопки закончились 14-го августа 1899 года.

Въ настоящее время, пока не отпрепарированы конкреціи, можно говорить

только въ самыхъ общихъ чертахъ о палеонтологическомъ характерѣ коллекцій.

Растительные остатки относятся къ папоротникамъ — *глоссоптерисъ* и *гангомоптерисъ*.

Изъ животныхъ остатковъ найдены мелкія раковины прѣсноводныхъ моллюсковъ, одинъ неполный скелетъ и одинъ очень хорошо сохраненный черепъ, принадлежащіе первобытнымъ земноводнымъ, такъ наз. *стегоцефаламъ*, и, наконецъ, больше всего найдено остатковъ пресмыкающихся: гигантскіе *парейазавры* (до 2 саж. длиною), *рапалодонты*, *дицинодоты*, а равно нѣсколько совершенно новыхъ родовъ.

Особенно интересны *парейазавры*. Ихъ громадные скелеты, облеченные каменнымъ чахломъ, производили грандіозное впечатлѣніе. Особенно рѣзко выдѣлялись ихъ громадныя головы съ выступающею впередъ полукруглою мордою, окаймленною съ боковъ громадными спускающимися внизъ скулами—щеками, украшенными причудливыми раковидными выступами, съ передними челюстями, усаженными въ видѣ частокола ровными, красивыми, хорошо сохранившимися, обыкновенно чернаго цвѣта, блестящими зубами съ расширенной, лопатовидной, пильчато-зазубренной коронкою. На поверхности головы и по краямъ также можно было видѣть роговидные выступы и щиты; небольшое темянное отверстіе, громадныя орбиты для глазъ, глубокія носовыя отверстія, выдвинутыя впередъ, со скульптурными украшеніями по бокамъ, дополняли причудливый обликъ черепа. На небѣ изрѣдка виднѣлись многочисленные очень острые зубы. Нижнія челюсти, обыкновенно лежавшія сбоку, также усажены хорошо сохранившимися зубами, такими же какъ и верхнечелюстные, и снизу снабжены сильными сосковидными придатками, что дѣлаетъ ихъ очень оригинальными. Массивный позвоночникъ обыкновенно сохраненъ, такъ что всѣ позвонки сочленены другъ съ другомъ какъ въ живомъ состояніи животнаго; часто при нихъ, въ сочленовномъ соединеніи, сохранились и ребра. Массивныя переднія конечности съ лопатками и еще болѣе массивныя заднія, съ громаднымъ сильнымъ тазомъ, рѣзко выдѣлялись у позвоночника въ видѣ двухъ бугровъ расположенныхъ сзади и спереди. Кругомъ скелета, нерѣдко составлявшаго одну сплошную глыбу, хорошо передающую общее очертаніе животнаго, были разбросаны мелкіе каменные шарики съ кожными щитками, копытцами, мелкими костями ступни. Большинство скелетовъ парейазавровъ лежали навзничъ, такъ что небныя кости черепа были обращены кверху, равнымъ образомъ при раскопкахъ первыми показывались торчащіе изъ конкрецій—головъ зубы, очень хрупкіе,—поэтому обыкновенно ихъ оббивали ломами и лопатами.

Ропалодонты, длиною до 1$^1/_2$ саж., поражали своей громадной удлиненной головой, нѣсколько напоминающій голову бегемота. Скелеты ихъ тоже были включены въ одну конкрецію (глыбу), передающую очертаніе животнаго. Они лежали обыкновенно на боку съ вытянутою впередъ головою, на которой отчетливо выдѣлялись громадные клыки, длиною немного менѣе $^1/_4$ аршина, суживающіеся кверху въ остріе, заостренные и пильчатые по бокамъ, впереди ихъ округленные конусовидные рѣзцы, а сзади меньшей величины коренные зубы. Короткая, но толстая шея, массивный позвоночникъ, сильныя переднія конечности и меньшія заднія, наконецъ короткій хвостъ (загнутый кверху на конкреціяхъ) дополняли общій видъ этого громаднаго хищника.

Дицинодонты (двузубые) болѣе изящны, по размѣрамъ не больше тигра, отличаются своимъ оригинальнымъ черепомъ, вооруженнымъ по бокамъ тупой морды двумя очень сильными клыками; другихъ зубовъ нѣтъ. Скелеты ихъ встрѣчались въ видѣ кучъ разрозненныхъ костей.

Я не буду говорить о другихъ причудливыхъ черепахъ, принадлежащихъ, вѣроятно, динозаврамъ.

Не менѣе интересны скелеты земноводныхъ изъ стегоцефалъ; отъ нихъ остались очень хорошо сохраненные черепа съ костями, покрытыми красивыми скульптурными украшеніями и нижнія челюсти при нихъ, такъ что можно получить точное представленіе о головѣ этихъ большихъ саламандро-подобныхъ животныхъ.

Часто встрѣчались отпечатки листьевъ папоротника «глоссоптерисъ», по внѣшнему виду напоминающихъ листья ландыша, но часто большей величины. Они иногда такъ прекрасно сохранены, что не только видна очень тонкая нервація, но даже подъ лупою можно различить строеніе кожицы.

Нельзя сказать, чтобы раскопки происходили при вполнѣ благопріятныхъ условіяхъ. Прежде всего погода далеко не благопріятствовала успѣху дѣла. Сначала стояла сильная жара при совершенномъ безвѣтріи: миріады «гнуса» (мухи, слѣпни, мошки) не давали покоя днемъ и страшно мучили рабочихъ, принужденныхъ съ 10 ч. утра работать на солнечной сторонѣ; къ вечеру гнусъ смѣнялся мелкою мошкарой и комарами, которые облѣпляли людей, залѣзали въ носъ, ротъ и уши и причиняли зудъ и опухоли на тѣлѣ. Ночью эти крошечные мучители совокупными усиліями производили нескончаемый гулъ. Особенно они шумѣли у рѣчныхъ затоновъ, при своемъ выходѣ изъ личинокъ, бѣлыми тонкими оболочками которыхъ были буквально окаймлены береговыя полосы. Жары и тихая погода смѣнились страшными вѣтрами, поднимавшими на мѣстѣ раскопокъ страшные ураганы песку, который въ видѣ крутящагося столба стоялъ на «Соколкахъ», проникалъ черезъ одежду до тѣла, засыпалъ глаза, уши, ротъ... Ни платки, ни сѣтки не защищали отъ всюду проникающаго песка. Вѣтеръ, попавши въ нашу выемку, ломалъ навѣсы, срывалъ крыши съ будокъ, подымалъ крышки ящиковъ, уносилъ бумагу и причинялъ обвалы породы сверху, которые доканчивали разгромъ нашихъ предохранительныхъ сооруженій. Иногда приходилось прекращать работы на цѣлые дни. Многочисленные проѣзжіе по Сѣв. Двинѣ, этой главной жизненной артеріи сѣвера, видя, что на «Соколкахъ» происходитъ нѣчто необычайное, распространяли нелѣпые слухи.

Эти вѣтры скоро смѣнились «хіусомъ». Это сѣверный вѣтеръ, сопровождаемый холодами, туманами и дождями. Холодный леденящій вѣтеръ пронизываетъ васъ тонкою дождевою пылью и влагою. Рабочіе понадѣвали тулупы и зимнія шапки и грѣлись у костровъ, раскладываемыхъ у раскопокъ. Иногда и привычнымъ крестьянамъ становилась невыносимою такая погода и мы прекращали работу на цѣлые дни. Но подъ конецъ лѣта, когда нужно было спѣшить съ окончаніемъ работъ, пришлось работать и въ такую ужасную погоду.

Еще больше хлопотъ причинили невѣжественные толки.

Прежде всего нужно было объяснить крестьянамъ цѣль моихъ раскопокъ. Я, какъ могъ, изложилъ имъ сущность дѣла и показалъ рисунки ископаемыхъ скелетовъ и реставрированныхъ вымершихъ животныхъ. При моихъ объясненіяхъ мнѣ очень помогъ грамотный крестьянинъ—судья волостнаго суда, который подтвердилъ, что онъ читалъ объ открытіи въ Америкѣ громадныхъ костей допотопныхъ животныхъ. Мы пришли къ общему соглашенію, что до «Ноева потопа» подъ Соколками протекала рѣка (крестьянамъ хорошо извѣстны измѣненія въ теченіи рѣкъ) и во время потопа въ нее были снесены разные звѣри и здѣсь погибли, а трупы ихъ были занесены пескомъ. Но оставалось еще отвѣтить на самый трудный вопросъ, а именно: зачѣмъ мнѣ эти кости. Мои объясненія что мнѣ онѣ нужны для изученія, для того, чтобы узнать, какія здѣсь жили животныя до «потопа», и что скелеты ихъ будутъ выставлены въ музеяхъ, куда могутъ приходить всѣ и смотрѣть на столь интересныя и рѣдкія вещи,—встрѣтили мало довѣрія, хотя одинъ изъ рабочихъ, бывшихъ въ Петербургѣ, подтвердилъ, что тамъ есть такой «музей» и въ немъ стоитъ

скелетъ мамонта. Нѣкоторые рѣшили, что мнѣ велѣно составить «опись» допотопныхъ «звѣрей» и кости мнѣ нужны, чтобы по костямъ можно было узнать названіе звѣря, другіе сильно сомнѣвались, чтобъ для такого пустого дѣла стали затрачивать столь большія, по ихъ мнѣнію, суммы. Спрашивали, дорого ли я буду брать за «посмотрѣніе скелетовъ въ музеѣ», желая, по крайней мѣрѣ, этимъ объяснить мои денежныя затраты, и когда узнали отъ того же крестьянина, который видѣлъ мамонта, что въ музей пускаютъ даромъ, еще недовѣрчивѣе стали относиться къ цѣлямъ моихъ раскопокъ. Въ концѣ концовъ рѣшили, что баринъ нашелъ золотую руду подъ «Соколками», и назвали мои раскопки «пріисками». Окаменѣлости, находимыя въ началѣ, были такъ мало похожи на видѣнныя ими кости, что именно ихъ и приняли за «золотую руду». Окаменѣлости утаивали, разбивали, накаливали, ковали. Такъ какъ ничего не выходило, то рѣшивъ, что «слово» извѣстно мнѣ одному, оставили ихъ въ покоѣ. Когда удалось найти челюсть парейазавра съ хорошо сохранившимися зубами, а потомъ прекрасно сохраненную голову панцырнаго земноводнаго, то и рабочіе и остальные крестьяне вполнѣ убѣдились, что я собираю кости. Ко мнѣ приходили многіе крестьяне съ просьбою показать голову. Нахожденіе цѣлаго скелета парейазавра произвело на всѣхъ очень глубокое впечатлѣніе. Интересъ къ раскопкамъ дошелъ до того, что рабочіе, особенно изъ молодыхъ и грамотныхъ, считали за особое удовольствіе работать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ попадались окаменѣлости, спорили за мѣста, съ замѣчательнымъ вниманіемъ относились къ откапываемому предмету, сохраняя и представляя мнѣ малѣйшій отбитый кусокъ конкреціи, иногда за отчисткою скелетовъ (въ конкреціяхъ) забывалась «*залога*», т. е. десятиминутный отдыхъ въ концѣ каждаго часа работы. Были случаи, когда на работу просились крестьяне очень дальнихъ деревень, объясняя свою просьбу интересомъ дѣла. Работа шла первно, оживленно, весело, и «семейно», какъ говорили крестьяне, т. е. дружно. Ропалодонты и дицинодонты почему-то проходили безъ особыхъ замѣчаній, но «парейазавры», которыхъ сразу окрестили «назарками», пріобрѣли особое «расположеніе», появленіе ихъ, какъ старыхъ знакомыхъ, встрѣчалось безконечными остротами. Въ моемъ присутствіи разговоры никогда не носили суевѣрнаго оттѣнка. Рабочіе и крестьяне въ разговорѣ со мною очень правильно смотрѣли на дѣло. Я былъ вполнѣ доволенъ и радовался здравому смыслу русскаго крестьянина.

Во время жаровъ среди скота появилась болѣзнь и скотъ сталъ падать. Для меня было очевидно, что занесена какая-то эпизоотія. Я посовѣтовалъ дать знать старшинѣ и просить его сообщить объ этомъ земству. Самъ же запасся карболовой кислотою, сулемою, раздавалъ ихъ крестьянамъ, совѣтовалъ произвести дезинфекцію, огородиться отъ зараженныхъ мѣстностей, не выпускать скота и пр. Съ трогательною аккуратностью исполняли крестьяне мои совѣты. Нужно присутствовать при эпизоотіи въ деревнѣ, чтобы понять ту панику и отчаяніе, которыя овладѣваютъ крестьянами, теряющими вмѣстѣ съ лошадью и коровою своихъ кормильцевъ. Нужно еще прибавить, что крестьяне здѣсь очень бѣдны, большею частью имѣютъ по одной коровѣ на семью и не больше одной лошади. Это обстоятельство еще сильнѣе увеличивало бѣдствіе. Скотъ продолжаетъ падать — а помощи нѣтъ. Оказывается, что старшина скрываетъ существованіе эпизоотіи. Я ѣду въ Котласъ, сообщаю обо всемъ полицейскому чиновнику и благодаря его содѣйствію пріѣзжаетъ черезъ нѣсколько дней изъ Устюга ветеринарный фельдшеръ и, къ моему удивленію, не находитъ никакой эпизоотіи. Уѣхалъ фельдшеръ — а скотъ еще сильнѣе сталъ падать. Отчаяніе и волненіе среди крестьянъ возрастаетъ. Опять я ѣду въ Котласъ и, по просьбѣ крестьянъ, сообщаю обо всемъ вновь назначенному земскому начальнику, очень молодому и энергичному человѣку, который самъ ѣдетъ въ Устюгъ и хлопочетъ

о помощи. Пока мы ждали этой помощи, вернувшіеся изъ Устюга съ ярмарки крестьяне привезли необычайное извѣстіе, смутившее всю округу: «въ падежѣ виноватъ профессоръ; онъ раскопалъ старое заразное падалище: мерзлая земля, въ которой были закопаны трупы растаяла, трупы начали разлагаться—отсюда зараза перешла на скотъ. Проѣзжіе видѣли, что «Соколки» курятся, а отъ смрада рабочіе закрываются платками». Меня ободряло только то, что по счастливой случайности падежа не было какъ разъ въ тѣхъ селеніяхъ, которыя непосредственно прилегали къ мѣсту раскопокъ, и въ томъ, гдѣ я жилъ. Это обстоятельство привлекало на мою сторону крестьянъ сосѣднихъ деревень и раздражало крестьянъ отдаленныхъ зараженныхъ мѣстностей, которые видѣли въ этомъ что-то очень таинственное и собирались придти ко мнѣ съ требованіемъ объясненій. Не давая замѣтить окружающимъ своего смущенія, я провелъ нѣсколько очень тревожныхъ дней, впродолженіи которыхъ усилилъ надзоръ за коллекціями. Скоро однако пріѣхалъ другой ветеринарный фельдшеръ, на этотъ разъ опредѣлившій сибирскую язву и принявшій рядъ санитарныхъ мѣръ. За нимъ пріѣхалъ и исправникъ г. Никитинъ, который, собравъ сходъ, съ рѣдкимъ умѣніемъ и хладнокровіемъ успокоилъ волновавшуюся толпу крестьянъ, разубѣдилъ ихъ въ нелѣпомъ слухѣ и объяснилъ средства борьбы съ эпизоотіею. Крестьяне разошлись, какъ будто успокоенные. Ефимовцы, на землѣ которыхъ производились раскопки, проходя со схода мимо моей избы и завидя меня, обратились ко мнѣ приблизительно съ такою рѣчью: «На сходѣ во всемъ тебя, баринъ, винятъ; ты распустилъ заразу съ «Соколковъ»; мы говорили, что это бабы выдумали; мы всѣ за тебя стояли; всѣ за тебя будемъ Бога молить за то, что ты насъ жалѣючи не напускаешь на насъ этой заразы». Такая преданность меня мало успокаивала, и я еще нѣсколько дней не безъ страха выслушивалъ извѣстія о состояніи здоровья скота въ окружающей мѣстности. Къ счастью, благодаря принятымъ мѣрамъ, а можетъ быть и быстро наступившимъ холодамъ эпизоотія прекратилась; вмѣстѣ съ тѣмъ успокоился и я, но не надолго.

Распространились слухи еще нелѣпѣе, въ основу которыхъ легла извѣстная брошюра о концѣ свѣта, проникшая и въ наши деревни. Впрочемъ, больше всего были виноваты мои рабочіе, которые позволяли себѣ въ шутку разсказывать бабамъ самыя невѣроятныя вещи о видѣнномъ ими на раскопкахъ: скелеты они выдавали за оборотней, говорили о каменномъ драконѣ, котораго вытащили изъ пещеры, что теперь это простые камни, но профессоръ мертвой водою ихъ срост итъ, а живою оживитъ и пр. Все это приняло такой оборотъ, что въ моихъ раскопкахъ стали видѣть признаки приближенія конца свѣта, предъ которымъ «англичанка» прислала «антихриста» въ видѣ профессора, онъ раскопалъ прежде жившихъ оборотней и драконовъ, которые хватали скотину, а потомъ при свѣтопреставленіи будутъ хватать людей и пр. Это было въ самый разгаръ раскопокъ. Опасаясь за цѣлость коллекцій я послалъ за пароходомъ и велѣлъ грузить ящики, не ожидая конца работъ.

Раскопки закончились въ половинѣ августа не потому, что былъ извлеченъ весь матеріалъ, а только вслѣдствіе совершеннаго истощенія, какъ средствъ отпущенныхъ мнѣ на экспедицію, такъ и моихъ собственныхъ.

Теперь возникъ цѣлый рядъ другихъ заботъ: во первыхъ, гдѣ найти помѣщеніе для столь обширныхъ коллекцій, во-вторыхъ, какъ отчистить кости отъ окружающей породы, въ-третьихъ, какъ продолжать раскопки на будущее время. Случайно, при Варшавскомъ университетѣ находилось полуразрушенное зданіе старой библіотеки, въ которомъ временно, до перестройки зданія и было отведено помѣщеніе подъ мои коллекціи. Остальное принялъ на себя президентъ С.-Петербургскаго Общ. Естествоиспытателей проф. А. А. Иностранцевъ. Благодаря своему высокому авторитету, настойчивости и энергіи Александръ Александровичъ достигъ того, что Общество при посредствѣ своего почетнаго пре-

зидента Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михаиловича, исходатайствовало предъ правительствомъ пособіе на дальнѣйшія раскопки и обработку матеріала въ размѣрѣ по 10.000 руб. въ годъ, впродолженіи пяти лѣтъ.

Такимъ образомъ на меня была возложена очень пріятная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отвѣтственная задача. Нужно было прежде всего позаботиться устройствомъ въ Россіи первой палеонтологической мастерской. По литературнымъ даннымъ наибольшія по размѣрамъ полеонтологическія мастерскія должны были существовать въ Брюсселѣ, Лондонѣ и Нью-Гевенѣ въ Сѣв. Америкѣ. Съ цѣлью осмотра этихъ учрежденій я былъ командированъ за границу. Палеонтологическая мастерская при Брюссельскомъ естественно-историческомъ музеѣ дала мнѣ полную идею организаціи этого дѣла. Здѣсь съ 1878 года препарировались громадные скелеты динозавровъ. Правда, условія сохраненія костей, какъ и сама порода, въ которой были находимы кости, были иныя, чѣмъ у насъ, но для меня больше всего важна была организація дѣла—здѣсь въ самой мастерской мало-по-малу выработалась десятилѣтіями школа препараторовъ съ удивительнымъ раздѣленіемъ труда. Несмотря однако на идеальную организацію мастерской и сравнительно хорошее сохраненіе матеріала препарировка идетъ очень медленно: съ 1878 года до настоящаго времени т. е. впродолженіи 22 лѣтъ было приготовлено 13 скелетовъ, причемъ въ началѣ работа шла еще медленнѣе. Здѣсь я получилъ много интересныхъ и полезныхъ свѣдѣній, а главное пришелъ къ убѣжденію, что прежнее предположеніе—пригласить препараторовъ изъ-за границы, съ каковою цѣлью я главнымъ образомъ и ѣхалъ къ иностранцамъ, должно быть оставлено. Выяснилась необходимость самому организовать дѣло въ Россіи и выработать методы, приложимые къ имѣющемуся матеріалу. Британскій музей, гдѣ тоже существуетъ прекрасно обставленная палеонтологическая мастерская и гдѣ былъ отпрепарированъ скелетъ парейазавра изъ Южной Африки, сходный и по сохраненію и по породѣ и, наконецъ, по общему виду съ большинствомъ имѣющихся у насъ въ коллекціи, далъ мнѣ мало потому, что препарировка этого скелета была здѣсь дѣломъ исключительнымъ, мастерская же главнымъ образомъ приспособлена къ постановкѣ скелетовъ и производству слѣпковъ. Препарировка скелета парейазавра здѣсь производилась впродолженіи года и притомъ самыми примитивными средствами. Всѣ остальныя посѣщенныя мною западно-европейскія палеонтологическія мастерскія—Берлина, Парижа, Мюнхена и Вѣны—не удовлетворили меня, въ виду ихъ небольшихъ размѣровъ. Въ заграничныхъ музеяхъ можно найти очень опытныхъ препараторовъ, но привыкшихъ работать съ другимъ матеріаломъ. Нѣкоторые изъ нихъ предлагали свои услуги, но требовали такое вознагражденіе, на которое нельзя было согласиться при нашихъ средствахъ.

Организація мастерской была отложена до осени сего года, такъ какъ лѣтомъ я долженъ былъ отправиться опять на сѣверъ для продолженія раскопокъ.

Раскопки въ этомъ году производились въ болѣе обширномъ размѣрѣ и систематичнѣе. Кромѣ моего постояннаго помощника — моей жены, были приглашены студентъ г. Огаренко и препараторъ. Погода въ общемъ благопріятствовала. Окрестные крестьяне относились съ большимъ довѣріемъ. Раскопки дали болѣе богатые результаты, чѣмъ въ прошломъ году. Удалось добыть до 15 болѣе или менѣе полныхъ скелетовъ, которые лежали на поверхности слоя длиннымъ рядомъ имѣвшимъ форму змѣевидной линіи, хотя большинство скелетовъ относилось къ тѣмъ же группамъ, которыя были найдены въ прошломъ году т. е. парейазаврамъ, дициноднтамъ и ропалодонтамъ, но несомнѣнно встрѣтились новые роды, а, можетъ быть, и новыя группы. Вообще выяснилось большое разнообразіе фауны.

По моемъ возвращеніи изъ экскурсіи я началъ организовать палеонтологическую мастерскую. Для обученія препараторскому искусству были приглашены три каменотеса-скульптора, т. е. люди умѣющіе владѣть рѣзцомъ, а для производства необходимыхъ инструментовъ и подставокъ подъ кости устроена небольшая слесарная мастерская. Куплены необходимыя машины для рѣзанія и стиранія камня. Первые результаты препарировки собственными мастерами и средствами меня удовлетворяютъ.

Подробное описаніе скелетовъ можетъ быть сдѣлано только послѣ ихъ отчистки и надлежащей постановки.

В. Амалицкій.

Варшава. 4-го ноября 1900 г.

„НАУЧНЫЯ НОВОСТИ".

Объ измѣненіи химическихъ свойствъ нѣкоторыхъ простыхъ тѣлъ при прибавленіи къ нимъ крайне незначительнаго количества постороннихъ веществъ. *Густавъ Ле-Бонъ*, изучая различные виды фосфоресценціи, констатировалъ, что нѣкоторыя тѣла отъ прибавленія къ нимъ минимальнаго количества посторонняго вещества глубоко измѣняются въ своихъ физическихъ свойствахъ. Такъ, водяные пары въ крайне незначительномъ количествѣ придаютъ сѣрнокислому хинину и синхонину фосфоресцирующія свойства.

Эти измѣненія физическихъ свойствъ многихъ веществъ натолкнули *Ле-Бона* на мысль, не измѣняются ли при этомъ также и химическія свойства нѣкоторыхъ простыхъ тѣлъ. Ле-Бонъ занялся, главнымъ образомъ, тремя металлами: *ртутью, алюминіемъ* и *магніемъ*. Эти металлы обладаютъ слѣдующими свойствами. *Ртуть* не окисляется на холоду и не разлагаетъ воды ни при низкой, ни при высокой температурѣ. *Магній* не окисляется на сухомъ воздухѣ и не разлагаетъ воды на холоду. *Алюминій* не разлагаетъ воды на холоду, на воздухѣ не окисляется; азотная, сѣрная и уксусная кислоты на него не дѣйствуютъ.

Ле-Бонъ поставилъ слѣдующіе опыты.

Для измѣненія свойствъ ртути. Если взять пластинку магнія, вычистить ее наждачной бумагой и прикрѣпить къ пробкѣ, закрывающей трубку, наполненную до верха ртутью, то хотя бы пластинка магнія оказывала на ртуть только самое легкое давленіе, все же черезъ нѣсколько часовъ свойства ртути измѣнятся: она сможетъ разложить воду и будетъ окисляться на холоду. Окисленіе происходитъ чрезвычайно быстро и сильно. Если стереть толстый слой черной окиси, то онъ тотчасъ же снова образуется. Изъ этого опыта Ле-Бонъ выводитъ, что для того, чтобы могло идти такое окисленіе ртути, она должна содержать магнія всего $^{1}/_{14000}$ ея собственнаго вѣса.

Тѣ же результаты, т.-е. такое же измѣненіе химическихъ свойствъ ртути можно получить, если сильно взбалтывать въ теченіе 10-ти секундъ бутылку съ водой, содержащую соляную кислоту ($^{1}/_{100}$), магній и ртуть.

Измѣненія свойствъ магнія. Магній, подвергнутый подъ давленіемъ дѣйствію ртути или же взбалтываемый впродолженіи 10-ти секундъ вмѣстѣ съ ртутью и 1^{0} соляной кислоты, пріобрѣтаетъ свойства разлагать воду и окисляться.

Измѣненія свойствъ алюминія. Извѣстно, что ртуть не оказываетъ никакого дѣйствія на алюминій, но въ присутствіи щелочей соединяется съ нимъ, образуя блестящую амальгаму: при этомъ ртуть входитъ въ соединеніе въ довольно большомъ количествѣ.

Въ опытахъ же Ле-Бона количество ртути, соединяющееся съ алюминіемъ, такъ незначительно, что даже поверхность послѣдняго остается безъ измѣненія.—Ле-Бонъ заставлялъ дѣйствовать ртуть на алюминій или подъ давленіемъ, или же—въ бутылку, содержащую нѣсколько кубическихъ сантиметровъ ртути, опускалъ алюминіевыя пластинки, вычищенныя наждачной бумагой, и затѣмъ взбалтывалъ бутылку въ теченіе двухъ минутъ. Послѣ этого пластинка алюминія, прикрѣпленная вертикально къ подставкѣ, почти мгновенно начинала покрываться, перпендикулярно къ своей поверхности, окисью алюминія, достигающею 1-го сантиметра вышины; температура пластинки вначалѣ реакціи доходила 102^0. Пластинка алюминія, вынутая послѣ такого взбалтыванья изъ ртути, опущенная въ воду, энергично разлагала ее и превращалась въ окись алюминія. Процессъ разложенія воды прекращался съ извлеченіемъ пластинки. При подобномъ опытѣ алюминіевая пластинка въ 1 мм. толщины, 1 сант. ширины и 10 сант. длины растворялась въ водѣ менѣе чѣмъ въ 48 часовъ; если же приводить въ движеніе воду и такимъ образомъ снимать съ пластинки образующуюся на ней окись алюминія, то пластинка исчезаетъ въ еще болѣе короткій промежутокъ времени.

И въ данномъ случаѣ количества ртути, необходимыя для измѣненія свойствъ алюминія, крайне незначительны. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно опустить въ пробирку съ водой, содержащую незначительное количество ртути, длинную алюминіевую пластинку, прикрѣпленную къ пробкѣ такимъ образомъ, чтобы она касалась ртути только нижнимъ своимъ концомъ. Черезъ нѣсколько часовъ начинается разложеніе воды, которое прекращается съ полнымъ исчезновеніемъ пластинки.

Кислоты сѣрная, азотная и уксусная оказываютъ сильное дѣйствіе на измѣненный алюминій, при чемъ сѣрная кислота дѣйствуетъ только при разбавленіи ея двумя частями воды, уксусная же — только въ чистомъ видѣ; что же касается азотной кислоты, то она въ чистомъ видѣ при 40^0 не оказываетъ никакого дѣйствія, даже если содержитъ слѣды соляной кислоты; но нечистая — продажная азотная кислота, дѣйствуетъ на алюминій чрезвычайно сильно, съ выдѣленіемъ густыхъ паровъ. Разница въ дѣйствіи обоихъ этихъ видовъ азотной кислоты является новымъ примѣромъ того, какъ могутъ измѣняться химическія свойства тѣлъ отъ дѣйствія на нихъ малаго количества постороннихъ веществъ.

Для объясненія всѣхъ этихъ фактовъ предлагается много гипотезъ. Такъ Бертело принимаетъ, что въ вышеупомянутыхъ опытахъ металлы образуютъ гальваническія пары и что, такимъ образомъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ измѣненіемъ свойствъ металловъ,—они остаются безъ измѣненія, а просто съ дѣйствіемъ электрическаго тока. А. Готье, демонтстрировавшій опыты Ле-Бона предъ французской академіей наукъ, не соглашается съ объясненіемъ Бертело. Самъ же Ле-Бонъ думаетъ, что измѣненія въ свойствахъ металловъ происходитъ благодаря образованію химическихъ соединеній и что многіе металлы, принимаемые нами за простыя тѣла, въ дѣйствительности представляютъ соединенія, въ которыхъ одинъ изъ элементовъ находится въ несравнено большемъ количествѣ, чѣмъ другой. Эти послѣдніе принимались просто за примѣсь, хотя для нѣкоторыхъ металловъ было ужъ извѣстно, какое сильное вліяніе оказываютъ на нихъ примѣси. Такъ, напр., извѣстно, что сталь отличается отъ желѣза своей плотностью, твердостью, внѣшнимъ видомъ,—но химически все ея различіе сводится къ присутствію милліонныхъ долей углерода. Извѣстно также, что химически-чистое желѣзо обладаетъ нѣсколько иными свойствами, чѣмъ желѣзо обыкновенное. Это послѣднее не окисляется на сухомъ воздухѣ, тогда какъ чистое желѣзо, полученное изъ окисловъ возстановленіемъ водорода, на воздухѣ моментально окисляется и зажигается. Ко всему этому Ле-Бонъ

прибавляетъ, что если въ мѣстахъ, о которыхъ мы говорили, устранить, напр., давленіе, то соединенія разложатся и тѣла возвратятся къ своему первоначальному виду.

За послѣднее время довольно часто начинаютъ появляться изслѣдованія, подобныя изложеннымъ выше, невольно вызывающія нѣкоторое сомнѣніе въ томъ, вполнѣ ли незыблемо обоснована увѣренность современныхъ химиковъ въ неизмѣняемости элементовъ (см. сентябрь 1900 г. «М. Б.» «Работы Фатика о мышьякѣ»); а за этимъ вопросомъ встаетъ еще болѣе общій—о единствѣ матеріи. Въ виду громаднаго и философскаго интереса, который представляютъ эти вопросы, одинъ изъ нашихъ научныхъ обзоровъ будетъ посвященъ подробному анализу ихъ.

Внезапное появленіе новаго вида. *Гюго де-Вріесъ (Hugo de Vries)* удалось наблюдать въ своемъ саду внезапное появленіе новаго хорошо выраженнаго вида, происшедшаго отъ *Oenothera Lamarckiana* *). «Это,—какъ замѣчаетъ де-Вріесъ,—само собой разумѣется, элементарный видъ, маленькій видъ, какъ обыкновенно принято его называть, въ отличіе отъ Линнеевскаго, коллективнаго вида». Новый видъ, описываемый Вріесомъ, отличается отъ своего родоначальника—*Oenothera Lamarkiana* не однимъ какимъ-нибудь признакомъ, но всѣми своими органами и названъ авторомъ *Oenothera gigas*, такъ какъ гораздо больше и сильнѣе своего родоначальника. Отличіе это въ самыхъ общихъ чертахъ состоитъ въ слѣдующемъ: корневые листья его шире, корешокъ листа длинный, стебель толще, но, приблизительно, такой же величины, какъ и у Oenothera Lamarckiana; междуузлія короче и многочисленнѣе, листья ихъ шире и обыкновенно закручены назадъ; листья на стеблѣ посажены болѣе или менѣе тѣсно и придаютъ растенію своеобразный видъ; очень большіе и многочисленные цвѣтки, которые образуютъ корону, гораздо болѣе широкую и компактную, чѣмъ у Oenothera Lamarckiana; плоды короткіе и толстые; сѣмена очень большія.

Это растеніе появилось всего одинъ разъ и въ единственномъ экземплярѣ изъ культуры 1895—1896 года, давшей, кромѣ него, еще нѣсколько тысячъ экземпляровъ Oenothera Lamarckiana, изъ которыхъ въ 1-ый же годъ было около 1.000 цвѣтущихъ (Oenothera одно—или двухлѣтнее растеніе). Въ этой культурѣ материнская особь *Oenothera gigas* отличалась отъ остальныхъ особей своимъ болѣе сильнымъ ростомъ, тѣсно посаженными листьями, гораздо бóльшими цвѣтками и болѣе короткими плодами. Де-Вріесъ срѣзалъ цвѣтки и молодые плоды, оставшіяся же цвѣтовыя почки покрылъ прозрачнымъ пергаментомъ, для того чтобы опыленіе произошло изъ собственныхъ пыльниковъ. Такимъ образомъ онъ получилъ сѣмена, изъ которыхъ въ 1897 году произрасло 450 экземпляровъ, представлявшихъ, всѣ безъ исключенія, полное сходство съ вышеописанной *Oenothera gigas*. Видъ этотъ въ 3-хъ послѣдующихъ поколѣніяхъ 1898, 1899, 1900 гг. остался вполнѣ неизмѣннымъ.

Предки материнской особи 1895—1896 года, отъ которой произошелъ новый видъ, были культивированы въ теченіе 3-хъ поколѣній. Они цвѣли въ 1887, 1889 и 1891 гг.; всѣ растенія, отъ которыхъ брались сѣмена, были двухлѣтними и въ 3-хъ поколѣніяхъ число ихъ равнялось 9, 6 и 10 экземплярамъ. Они цвѣли на изолированномъ кускѣ земли, опыленіе же ихъ были перекрестное, благодаря насѣкомымъ. Всѣ эти растенія представляли чистый типъ Oenothera Lamarckiana, и, какъ мы видѣли выше, отъ потомковъ ихъ произошелъ совершенно новый видъ.

Не вдаваясь ни въ какія разсужденія по поводу всего выше изложеннаго, такъ какъ и авторъ не даетъ никакихъ гипотезъ и теоретическихъ объясне-

---

*) Oenothera Lamarckiana принадлежитъ къ семейству *Oenotheraceae* (Onagraceae); къ нему же принадлежатъ: кипрей, Иванъ-чай, рогульникъ.

ній, мы не можемъ только не остановить вниманія читателя на томъ фактѣ громадной важности, чреватомъ послѣдствіями для теоріи о происхожденіи видовъ, что появленіе *Oenothera gigas произошло внезапно безъ переходныхъ формъ*, безъ видимой подготовки,—и новый видъ тотчасъ же твердо установился со всѣми своими признаками, *безъ всякаго возврата къ первоначальному типу*.

Заразныя болѣзни и носовой платокъ. Казалось бы, что можно имѣть противъ, какъ никакъ, все же культурнаго обычая—прибѣгать къ носовому платку и что общаго между послѣднимъ и страшными заразными болѣзнями? Но оказывается, гг. гигіенисты поднимаютъ цѣлую войну противъ носового платка. *Гюйо* на парижскомъ конгрессѣ гигіены представилъ докладъ о необходимости изъять изъ употребленія нынѣшній носовой платокъ. Извѣстный профессоръ *Бруардель* въ своемъ рефератѣ, читанномъ въ Нанси въ мартѣ 1900 г., говоритъ: «Больные туберкулозомъ но должны плевать въ платокъ, такъ какъ платокъ этотъ можетъ сдѣлаться распространителемъ заразы. Уже давно было замѣчено, что прачки часто страдаютъ туберкулозомъ и что въ курортахъ, куда пріѣзжаютъ чахоточные, развиваются очаги туберкулоза, благодаря заболѣванію прачекъ». Гюйо же утверждаетъ, что совѣтъ, данный Бруарделемъ, долженъ быть примѣняемъ не только къ туберкулозу, но вообще ко всѣмъ остальнымъ заразнымъ болѣзнямъ, микробы которыхъ находятся въ выдѣленіяхъ носа, рта и даже глазъ. Дифтеритъ, гриппъ, воспаленіе легкихъ, бронхиты, коньюнктивиты, корь, скарлатина, уже излѣченные, могутъ быть переданы при посредствѣ носового платка, такъ какъ, благодаря ему, заражаются сундуки и комнаты, гдѣ хранится грязное бѣлье въ ожиданіи прачки. Прачка при счетѣ бѣлья встряхиваетъ грязные платки и такимъ образомъ разсѣваетъ микробовъ въ воздухѣ. Кромѣ того, очень часто раньше, чѣмъ приступить къ стиркѣ бѣлья, его мочатъ въ продолженіи всей ночи въ холодной водѣ, откуда вынимаютъ, выкручивая, воду же выливаютъ или прямо въ рѣку, или спускаютъ въ канализаціонныя трубы, что въ концѣ концовъ одно и то же. А такъ какъ каждый пьетъ воду такимъ образомъ зараженную, то результаты очевидны: различные катарры кишечника, въ томъ числѣ и туберкулозные, а, можетъ быть, и воспаленіе червеобразнаго отростка—являются прямымъ послѣдствіемъ употребленія загрязненной воды. Поэтому необходимо найти способъ, благодаря которому выдѣленія слизистыхъ оболочекъ уничтожались бы тотчасъ же, причемъ способъ этотъ долженъ быть простъ, удобенъ и доступенъ всѣмъ.

Гюйо предлагаетъ ввести въ употребленіе бумажные платки, которые сжигались бы немедленно послѣ каждаго употребленія ихъ; такимъ образомъ мы могли бы легко набѣгнуть упомянутой выше опасности, сопряженной съ употребленіемъ теперешнихъ носовыхъ платковъ. Бумажный платокъ замѣнилъ бы также и карманную плевальницу. Послѣдняя тоже не достигаетъ своего назначенія, такъ какъ ее все же необходимо чистить, а кромѣ того, при ея употребленіи не всегда можно избѣжать вытиранія губъ носовымъ платкомъ, и разбрызгиванія слюны; бумажный же платокъ можно держать въ этихъ случаяхъ очень близко около рта. Огонь для сжиганія бумажныхъ платковъ найдется даже въ самыхъ бѣдныхъ жилищахъ. Фабриканты, конечно, съумѣютъ найти способъ придать бумажному носовому платку необходимыя ему спеціальныя качества. Нельзя не согласиться съ Гюйо, что поднятый имъ вопросъ имѣетъ громадное значеніе въ общественной гигіенѣ и, комичная, на первый взглядъ, война съ носовымъ платкомъ является серьезнымъ и полезнымъ дѣломъ, конечно, если оно выйдетъ изъ узкой сферы конгрессовъ гигіены на улицу—въ массу.

В. Агафоновъ.

---

† С. И. Коржинскій.

Въ ночь съ 19-го на 20-е ноября скончался въ Петербургѣ русскій ботаникъ, ординарный академикъ академіи наукъ, Сергѣй Ивановичъ Коржинскій. Имя этого крупнаго ученаго, его заслуги въ мірѣ науки хорошо извѣстны развѣ лишь небольшому кружку вполнѣ освѣдомленныхъ о немъ русскихъ людей; большинство его трудовъ, хотя и написанныхъ на русскомъ языкѣ, помѣщалось въ разнаго рода «ученыхъ» запискахъ, которыхъ иному читателю не приходится за всю свою жизнь и разу имѣть въ рукахъ. Исключеніемъ являются лишь слѣдующія работы С. И. Коржинскаго: «Что такое жизнь»?—вступительная лекція, читанная въ 1888 г. при открытіи преподаванія въ Томскомъ университетѣ и изданная отдѣльной брошюрой, общая часть (введеніе, очеркъ морфологіи и пр.) въ изд. Девріена (1897) «Ботаническаго Атласа»; сверхъ того, Сергѣю Ивановичу принадлежитъ редакція 2-го изданія популярнѣйшаго изъ опредѣлителей растеній для европейской Россіи—«Флоры средней Россіи» Маевскаго.

Тѣмъ болѣе причинъ теперь, надъ еще свѣжей могилой, вспомнить заслуги покойнаго. Можно сказать безъ преувеличенія, что изученію растительнаго покрова Россіи, условіямъ его произрастанія, сохраненія и измѣненія, Сергѣй Ивановичъ Коржинскій посвятилъ всю свою жизнь. Родившись въ 1861 году въ Астрахани, онъ еще съ школьной скамьи, будучи воспитанникомъ мѣстной гимназіи, занялся изученіемъ мѣстной растительности, результатомъ чего явился «Очеркъ флоры окрестностей г. Астрахани», помѣщенный въ «Трудахъ Общества естествоиспытателей при Казанскомъ университетѣ» (томъ X). Окончивъ гимназію, С. И. поступилъ въ тотъ же Казанскій университетъ, на естественный разрядъ физико-математическаго факультета, который окончилъ въ 1885 году со степенью кандидата и былъ оставленъ при университетѣ для подготовки къ профессорскому званію. Такое серьезное прохожденіе университетскаго курса, равно какъ и подготовка къ магистерскому экзамену, не помѣшали все же С. И. совершить рядъ экскурсій по востоку Россіи съ флористической цѣлью. Въ 1883 году онъ посѣщаетъ дельту Волги съ цѣлью изученія ея флоры, въ 1884 г. изучаетъ растительность Казанской губ. въ 1885—86 г.г., заинтересовавшись, главнымъ образомъ, опредѣленіемъ сѣверной границы черноземно-степной области, въ доисторическія времена имѣвшей районъ значительно большій противъ района современныхъ черноземныхъ степей, онъ посѣщаетъ губерніи Казанскую, Симбирскую, Самарскую, Уфимскую, Вятскую, Пермскую, въ 1887 г.—южную часть Пермской губ., результатомъ чего явились соотвѣтствующіе отчеты, статьи и замѣтки въ «Трудахъ» и «Протоколахъ засѣданій Общества естествоиспытателей при Казанскомъ университетѣ». Въ томъ же 1887 году С. И. получаетъ, по защитѣ диссертаціи, ученую степень магистра ботаники, выбравъ предметомъ диссертаціи географическія, морфологическія и біологическія условія Aldvo vandia vesiculosa L.—интереснаго насѣкомояднаго растеньица изъ семейства росянковыхъ (Droseraceae), попадающагося въ стоячихъ водахъ средней и южной Европы (также Россіи), гдѣ оно плаваетъ, ловя своими кольчатыми, складывающимися при раздраженіи листьями мелкихъ водныхъ животныхъ. Не далѣе, какъ черезъ годъ (1888) С. И. также успѣшно защищаетъ докторскую диссертацію и получаетъ назначеніе профессоромъ въ Томскій университетъ, гдѣ онъ пробылъ въ этомъ званіи четыре года (1888—1892); до этого момента С. И. годъ читалъ лекціи по ботанической географіи растеній въ Казанскомъ университетѣ, въ качествѣ привать-доцента.

Новое назначеніе измѣнило лишь поле дѣятельности Сергѣя Ивановича, но не характеръ ея. До сихъ поръ вниманіе С. И. было обращено на востокъ

Россіи; теперь онъ съ тою же кипучею энергіей обратился къ изученію сибирской флоры: въ 1890 году изслѣдуетъ степи юго-западной Сибири и сѣверную полосу Туркестана (до озера Балхашъ) и привозитъ болѣе 600 видовъ растеній, въ пяти съ половиною тысячахъ экземпляровъ, въ 1893 г. подаренныхъ Императорскому Ботаническому саду въ Петербургѣ, въ 1891 г., по порученію Востоко-Сибирскаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества, путешествуетъ по Амурской области. Результатомъ этого путешествія явились не одни только растенія, собранныя въ количествѣ 700 видовъ въ четырехъ тысячахъ экземпляровъ и въ 1892 году подаренныя тому-же Ботаническому саду, но и тщательное изученіе почвъ Амурской области, съ составленіемъ списка ихъ, и выясненіе такого важнаго вопроса для жизни нашего государства, какъ вопросъ о пригодности Амурской области, какъ земледѣльческой колоніи.

Въ 1892 году Коржинскій переходитъ на службу въ императорскій Ботаническій садъ въ Петербургѣ въ качествѣ главнаго ботаника по систематикѣ растеній; одновременно съ этимъ онъ былъ избранъ въ адъюнкты императорской академіи наукъ. И здѣсь Коржинскій остался вѣренъ самому себѣ и проводитъ служебную пору своей жизни въ разработкѣ богатѣйшихъ гербаріевъ сада, лѣтніе же мѣсяцы опять въ изслѣдованіяхъ русской флоры. Въ 1893 г. онъ посѣтилъ юго-западную Россію (Волынь Подолія, Полѣсье, Бѣловѣжская пуща), въ 1894 г. южный Уралъ и зауральскія степи, между Оренбургомъ и Челябинскомъ, собирая, въ эту поѣздку, по порученію департамента сельскаго хозяйства М. З. и Г. И., свѣдѣнія о степныхъ кормовыхъ травахъ, могущихъ выдерживать засуху. Въ 1895 году С. И. посѣтилъ Туркестанъ, посвятивъ весенніе мѣсяцы изученію Закаспійской области, а лѣтніе—изслѣдованію Алая и Ферганы. Въ 1897 году, уже экстраординарнымъ академикомъ, Коржинскій проѣхалъ черезъ среднюю и южную Бухару въ Дарвазъ, а затѣмъ черезъ Паміръ проникъ въ Рошанъ и Шунганъ, собравъ богатѣйшій матеріалъ (свыше 5000 экземпляровъ растеній), поступившій, какъ и всѣ прочія вещественные результаты экскурсій Коржинскаго, въ Ботаническій садъ для обработки. Всего С. И., за время его службы при садѣ пожертвовано свыше 30000 экземпляровъ цвѣтковыхъ растеній, кромѣ микологическаго (грибного) гербарія, изъ разныхъ мѣстъ Россіи, въ 10000 экземпляровъ.

Въ 1898 году Коржинскій былъ назначенъ ординарнымъ академикомъ академіи наукъ и оставилъ службу при Ботаническомъ садѣ, не порывая въ тоже время, духовной связи съ послѣднимъ. Два года—слишкомъ небольшой промежутокъ времени и результаты научныхъ работъ С. И. за это время лишь готовились къ печати, когда неумолимая смерть положила всему предѣлъ. За это время Коржинскій помѣстилъ въ «Запискахъ» академіи (гдѣ писалъ и раньше) лишь одну большую статью—«Гетерогенезъ» (о происхожденіи видовъ) и обработалъ къ печати изслѣдованіе по прикладной ботаникѣ—о сортахъ винограда, для изученія которыхъ онъ два раза совершалъ поѣздки въ Крымъ.

Многочисленныя посѣщенія С. И. различныхъ уголковъ Россіи, его знаніе русской флоры, богатый гербарный матеріалъ, находившійся подъ его рукою въ Ботаническомъ саду, могли создать и болѣе обширный, болѣе общій и всеобъемлющій трудъ, чѣмъ изслѣдованія отдѣльныхъ мѣстностей Россіи. И дѣйствительно, Коржинскій лелѣялъ мысль объ изданіи универсальной флоры Россіи—Flora vossica—на изданіе части которой—сибирской флоры, (Flora Sibirica) онъ исходатайствовалъ уже отпускъ суммы въ 21000 рублей.

Болѣе налажено другое дѣтище С. И. Коржинскаго —гербарій русской флоры, капитальнѣйшее предпріятіе, въ значительной степени уже осуществившееся, такъ какъ рядъ выпусковъ этого гербарія уже появился въ свѣтъ. Въ виду

того обстоятельства, что полное осуществленіе мысли автора проекта объ изданіи гербарія русской флоры въ значительной степени зависитъ отъ сочувствія и фактическаго содѣйствія русской интеллигенціи, не требуя въ то же время отъ нея узкоспеціальныхъ познаній въ ботаникѣ, я позволю себѣ остановиться подольше на этомъ русскомъ предпріятіи покойнаго русскаго ученаго.

По мысли С. И. Коржинскаго гербарій русской флоры будетъ обнимать преимущественно флору европейской Россіи, захватывая, однако, по мѣрѣ возможности также и азіатскую Россію, т. е. Кавказъ, Туркестанъ и Сибирь; конечная цѣль его—пополненіе если не всѣми, то, по крайней мѣрѣ, большинствомъ представителей растительныхъ видовъ, входящихъ въ составъ русской флоры. Въ составленіи гербарія принимаютъ участіе всѣ его подписчики, получая взамѣнъ каждыхъ представленныхъ двухъ растеній, въ 50 экземплярахъ каждое, одинъ выпускъ гербарія, состоящій изъ 50 отдѣльныхъ видовъ растеній, наклеенныхъ на толстой бумагѣ, снабженныхъ текущими номерами и печатными ярлычками, на которыхъ, кромѣ названія растенія на латинскомъ и русскомъ языкахъ, его мѣстонахожденія и имени собирателя, будутъ помѣщены также литературныя указанія, критическія замѣчанія, географическое распространеніе и т. под. Чтобы не случилось того, что иногда одно и то же растеніе можетъ быть собрано двумя разными собирателями (чего, впрочемъ, трудно ожидать, принимая въ соображеніе огромное протяженіе Россіи, разнообразіе ея флоры и сравнительно малое число сотрудниковъ гербарія), желательно, чтобы лица, желающія подписаться на гербарій русской флоры и принять участіе въ его составленіи, списывались, не позже 1-го марта каждаго года, съ ботаническимъ отдѣленіемъ императорскаго общества естествоиспытателей при С.-Петербургскомъ Университетѣ, подъ фирмою котораго ведется самое изданіе, о родѣ и числѣ предполагаемыхъ къ сбору растеній; причемъ растенія слишкомъ ужъ обыкновенныя, напр. одуванчикъ, крапива, пастушья сумка и т. под. первое время не будутъ приниматься, а лишь впослѣдствіи, къ концу изданія гербарія; растенія собираются въ полномъ цвѣту и, по возможности—крестоцвѣтныя, бобовыя и зонтичныя обязательно—съ плодами, растенія, цвѣтущія до появленія листьевъ въ томъ и другомъ видѣ; форматъ бумаги (какой угодно) для засушки растеній 40—26 сантиметровъ; къ нему должна подгоняться и величина собираемыхъ растеній—цѣлыхъ или отдѣльныхъ частей ихъ (напр. вѣтви деревьевъ и кустарниковъ). Собранный вѣсною и лѣтомъ матеріалъ, съ обозначеніемъ мѣстонахожденія (губернія, уѣздъ и т. д.), мѣстообитанія (лѣсъ, лугъ, поле, болото и т. д.) и времени сбора растенія, за подписью самого собирателя, посылается на его счетъ въ упомянутое ботаническое отдѣленіе общества естествоиспытателей С.-Петербургѣ не позже начала октября, причемъ научное опредѣленіе растенія лежитъ на обязанности редактора гербарія *).

За границей подобные гербаріи уже давно пользуются извѣстностью (укажемъ Кернера «Flora exsiccala», Herbarium normale Фриза) и во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ опредѣленія растеній ссылки на №№ такого гербарія равнозначущи съ ссылками на №№ таблицъ рисунковъ того или другаго сочиненія. Въ Россіи такое изданіе является первымъ и почти **) единственнымъ въ своемъ родѣ и въ тоже время необходимымъ не только для начинающихъ ботаниковъ и вообще людей неопытныхъ, но и для спеціалистовъ по систематикѣ растеній въ тѣхъ случаяхъ, когда сравненіе и только одно сравненіе двухъ растеній можетъ устранить недоразумѣніе и разъяснить ошибку; а въ Россіи, особенно на ея

*) Всѣ необходимыя указанія охотно даетъ упомянутое ботаническое отдѣленіе по адресу: С.-Петербургъ, университетъ имп. общество естествоиспытателей при ун—тѣ, секретарю отдѣленія ботаники.

**) Ячевскій, Комаровъ, Траншель. Fungi Rossiae exsiccali (грибной гербарій).

окраинахъ, такъ еще много растеній, недостаточно полно или точно описанныхъ! Самое изслѣдованіе русской флоры нуждается въ привлеченіи къ этому дѣлу очень многихъ лицъ, такъ какъ не можетъ быть выполнено небольшимъ числомъ тѣхъ ученыхъ спеціалистовъ, какими владѣетъ Россія. Но гербарій русской флоры не ограничилъ бы своего распространенія предѣлами одного лишь отечества: экземпляры, оставшіеся за удовлетвореніемъ сотрудниковъ, предположено обмѣнивать на соотвѣтствующія изданія заграничныхъ музеевъ, садовъ и учрежденій или даже пускать въ продажу. Уже къ началу изданія гербарія обществомъ были получаемы заявленія подобнаго рода изъ-за границы. Начатый, подъ редакціей С. И. Коржинскаго, изданіемъ Гербарій русской флоры въ 1898 году, уже тогда же вышелъ въ числѣ четырехъ выпусковъ (200 видовъ), продолжая выходить и до настоящаго времени.

Сергѣй Ивановичъ умеръ слишкомъ рано, не достигнувъ еще сорокалѣтняго возраста; но тѣмъ болѣе заслуживаетъ удивленія та масса работы, которая выполнена за какихъ-нибудь 20 лѣтъ; сожалѣя о преждевременной смерти этого ученаго, не давшей ему довести до конца этого дѣла, можно утѣшиться сознаніемъ, что и то, что сдѣлано покойнымъ, представляетъ цѣнный вкладъ въ русскую науку.

И. Барановскій.

Sit ei terra levis!

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Январь. 1901 г.

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Юр. Веселовскій. «Литературные очерки». — *Д. Садовниковъ.* «Загадки русскаго народа».

Юрій Веселовскій. «Литературные очерки». Москва. 1900 г. Ц. 2 р. Собранныя въ настоящей книгѣ статьи по русской и иностранной литературѣ въ значительной части печатались въ различныхъ журналахъ и газетахъ. Темы, избираемыя г. Юріемъ Веселовскимъ, часто представляютъ не малый интересъ; нѣкоторые писатели, которыхъ онъ разсматриваетъ, сами по себѣ интересны по своей психологіи или по исторической обстановкѣ ихъ дѣятельности, другіе потому, что мало или совсѣмъ неизвѣстны русскимъ читателямъ. Къ сожалѣнію, разработка этихъ сюжетовъ далеко невсегда оправдываетъ ожиданія читателя. Въ большинствѣ случаевъ авторъ понимаетъ свою задачу чисто внѣшнимъ образомъ: онъ компилируетъ болѣе или менѣе подробно біографическую и критическую литературу о данномъ писателѣ, но совершенно не освѣщаетъ передъ читателемъ историческаго значенія излагаемыхъ фактовъ. Общая точка зрѣнія автора остается неизвѣстной; правда, онъ неустанно повторяетъ слова—гуманность, прогрессъ, любовь къ ближнему, красота, добро и т. п., но мы привыкли уже требовать отъ писателя, чтобы онъ точнѣе опредѣлялъ, какія реальныя понятія онъ обозначаетъ этими избитыми и расплывчатыми терминами, ибо «прогрессъ», «добро» могутъ служить наименованіемъ самыхъ разнообразныхъ вещей, а могутъ также прикрывать отсутствіе какого бы то ни было содержанія. Фактическія справки о жизни и дѣятельности такихъ писателей, какъ Расинъ, Шенье, Леопарди, Виллонъ, можно найти въ учебникахъ и энциклопедическимъ словаряхъ, а въ научно-публицистической статьѣ читатель ищетъ разъясненія, какое мѣсто занимаетъ данный писатель въ исторіи своего общества.

Насколько г. Ю. Веселовскій далекъ отъ такой постановки вопроса, особенно ясно изъ его статьи о «Шиллерѣ и его герояхъ». Эта тема, столь знакомая всѣмъ со школьной скамьи, казалось бы, могла быть интересна только при условіи оригинальной постановки ея или, по крайней мѣрѣ, при талантливомъ изложеніи тѣхъ историческихъ обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ складывалось творчество Шиллера. Между тѣмъ, г. Ю. Веселовскій мало интересуется исторической дѣйствительностью и старается завлечь своего читателя «въ міръ чудныхъ грезъ». «Каждому изъ насъ,—говоритъ онъ, приступая къ своему сюжету,—хорошо знакомо то отрадное чувство, которое мы испытываемъ (всякому, конечно, знакомо то чувство, которое онъ испытываетъ), войдя ненастнымъ, осеннимъ вечеромъ въ ярко освѣщенную, теплую, уютную комнату...» «Сходное ощущеніе переживаемъ мы всѣ (?), когда отъ мелкихъ заботъ и дрязгъ

повседневной жизни, отъ «всякой пошлости и прозы», по выраженію поэта, наконецъ, отъ грустныхъ, пессимистическихъ размышленій мы уносимся въ міръ чудныхъ грезъ и благородныхъ образовъ, созданный творческою фантазіею истинно великаго художника». Спрашивается, что можно сказать цѣннаго при такой точкѣ зрѣнія о произведеніяхъ Шиллера? Критикъ самъ иногда приходитъ въ недоумѣніе. «Но что сказать о Позѣ!»—восклицаетъ онъ и такъ ничего и не находитъ повѣдать своимъ читателямъ, кромѣ того, что онъ «изъ всѣхъ шиллеровскихъ героевъ, быть можетъ, наиболѣе популярный, всѣмъ близкій и симпатичный», хотя «безжалостная критика открыла въ концепціи его характера ошибки и противорѣчія», что онъ «въ мрачную эпоху инквизиціи» «грезитъ о будущихъ вѣкахъ», и, наконецъ, что «идеализмъ Позы, равно какъ и его возвышенный взглядъ на истинную дружбу, предохранитъ навсегда отъ забвенія эту трагедію» («Донъ-Карлосъ»). Такими же общими фразами, только подробнѣе, характеризуются и всѣ прочіи герои Шиллера. Однако, какъ бы кто ни хотѣлъ ограничиться грезами о будущихъ или прошедшихъ вѣкахъ, низкая дѣйствительность не даетъ себя окончательно забыть, и г. Ю. Веселовскому «невольно становится грустно при мысли о томъ, сколько разочарованій и неудачъ перенесъ всѣми признанный и возвеличенный теперь поэтъ..!»

Вообще г. Ю. Веселовскій часто груститъ, особенно когда ему приходится имѣть дѣло съ такими писателями, какъ Виллонъ, при чтеніи которыхъ ужъ никакъ нельзя чувствовать себя въ уютной комнатѣ. «Мы всѣ предпочитаемъ обыкновенно,—по мнѣнію г. Ю. Веселовскаго,—чтобы жизнь писателя располагала насъ въ его пользу». Виллонъ же былъ бродяга, пьяница, развратникъ, воръ, разбойникъ и убійца и при этомъ талантливый поэтъ. Правда, это было давно, въ XV вѣкѣ, и вмѣсто того, чтобы грустить, интереснѣе было бы въ болѣе живыхъ чертахъ изобразить время и среду, которыя создали такую интересную личность, но критикъ не можетъ подавить своей печали. «Тяжело видѣть,—говоритъ онъ,—поэта, литератора (?), окруженнаго всевозможнымъ сбродомъ, утопающаго въ порокѣ и постепенно свыкающагося съ нимъ, сдѣлавшаго воровство, а иногда еще болѣе преступныя дѣянія, чуть ли не своимъ ремесломъ. Тяжело находить его, время отъ времени, въ тюрьмѣ, притомъ не за убѣжденія... а за поступки очень низменнаго разбора». Такъ какъ Виллонъ былъ студентомъ Парижскаго университета (магистромъ онъ не былъ, какъ думаетъ авторъ, хотя позднѣйшіе писатели и называютъ его maître), то г. Ю. Веселовскій переноситъ на него отчасти то представленіе, какое теперь существуетъ объ этомъ почетномъ званіи. На самомъ же дѣлѣ парижское студенчество того времени, какъ принужденъ сознаться и г. Веселовскій, заключало въ своей средѣ наиболѣе низкіе въ нравственномъ отношеніи элементы общества, которые записывались въ студенты не ради изученія наукъ, а чтобы пользоваться привиллегіями духовныхъ судовъ, какъ члены духовной коллегіи. И поэтому Виллона нельзя представлять талантливымъ юношей, котораго увлекла дурная компанія, «среда заѣла», какъ говорили когда-то, онъ совсѣмъ не «постепенно» свыкался съ порокомъ, а является намъ окончательно свыкшимся, съ тѣхъ поръ, какъ мы его знаемъ; нельзя сказать, что его окружалъ всевозможный сбродъ, — онъ самъ былъ однимъ изъ типичныхъ представителей этого сброда. Г. Веселовскій старается перечислить тѣхъ французскихъ поэтовъ XIX вѣка, которые являются послѣдователями Виллона; онъ называетъ Т. Готье, Банвиля, Ришпена, но въ сущности они были только поклонниками его, тогда какъ были и такіе, которые по своей натурѣ близко напоминали своего стараго собрата: это были Бушоръ, Тристанъ Корбьеръ и особенно Поль Верленъ, котораго критика постоянно сопоставляетъ съ Виллономъ, но г. Веселовскій какъ разъ ихъ-то и не упоминаетъ. Это, конечно, маленькій фактъ, но онъ

характеренъ для критической манеры г. Веселовскаго: Готье, Банвиль, Ришпенъ сами называютъ Виллона и восхищаются его поэзіей, — значитъ они его послѣдователи; Верленъ не упоминаетъ о немъ, поэтому и критикъ его игнорируетъ.

Привычка придавать значеніе чисто внѣшнимъ признакамъ постоянно проявляется у г. Веселовскаго, напр., въ статьѣ «Гейне какъ романтикъ», а еще болѣе разительнымъ образомъ въ статьѣ «Пушкинъ какъ европейскій писатель». Казалось бы, эта тема требуетъ изслѣдованія, насколько Пушкинъ по своему духовному складу и по своему міросозерцанію можетъ быть названъ европейцемъ, и гдѣ это отразилось въ его произведеніяхъ. Тема эта обширна и благодарна и не исчерпана извѣстной рѣчью Достоевскаго о всемірности пушкинскаго генія. Что же дѣлаетъ г. Веселовскій? Онъ перечисляетъ иностранныхъ писателей, которыхъ въ стихахъ или въ прозѣ называетъ Пушкинъ, затѣмъ онъ старается отмѣтить всѣ заимствованія, сдѣланныя Пушкинымъ изъ чужихъ литературъ, а также всѣ его переводы оттуда, и наконецъ вкратцѣ перечисляетъ тѣ его произведенія, гдѣ онъ беретъ темы изъ европейской жизни. Интересно знать, какъ отозвался бы профессоръ о студенческой работѣ, которая подъ заглавіемъ «Пушкинъ какъ европейскій писатель» касалась бы, и то чисто внѣшнимъ образомъ, только вопроса о вліяніи европейской литературы на Пушкина? Это тоже прекрасная тема; какъ она интересна, показываетъ хотя бы прекрасная статья проф. Алексѣя Н. Веселовскаго въ «Жизни» за май 1899 года, а какъ мало еще разработана, видно, напр., изъ изслѣдованія г. Сиповскаго о вліяніи Шатобріана и Байрона на Пушкина («Пушкинъ, Шатобріанъ и Байронъ»). Но даже когда всѣ иноземныя воздѣйствія на поэзію Пушкина будутъ установлены со всею полнотою и точностью, то тема, взятая г. Юріемъ Веселовскимъ, останется едва затронутой.

Мы не можемъ останавливаться на каждой изъ статей, входящихъ въ сборникъ г. Ю. Веселовскаго, но нельзя не отмѣтить еще одного слѣдствія бѣдности критическихъ взглядовъ молодого писателя: когда онъ избираетъ сюжетъ изъ болѣе или менѣе отдаленнаго періода исторіи литературы, то довольно значительный аппаратъ пособій, которыя находятся у него подъ руками, большею частью предохраняетъ его отъ крупныхъ промаховъ въ литературныхъ оцѣнкахъ; когда же онъ касается современныхъ явленій литературы, гдѣ еще никакихъ шаблоновъ не установлено и приходится расчитывать лишь на собственное чутье и пониманіе современной жизни, тамъ ему случается впадать въ жестокія заблужденія. Разсматривая, напр., романъ Марселя Прево «Les vierges fortes», критикъ, выразивъ сожалѣніе «о томъ, что тенденція и художественность вообще такъ рѣдко идутъ рука объ руку», приходитъ въ концѣ концовъ къ заключенію, что «на ряду съ предвзятыми, эксцентрическими и спорными мнѣніями, въ «Les vierges fortes»... отразились тѣ гуманные и благородные взгляды на женскій вопросъ, которые исповѣдуются лучшею частью современнаго французскаго общества. Безъ крайностей, преувеличеній, даже искаженій не обходится, какъ извѣстно, ни одно молодое, новое дѣло». Не говоримъ уже о томъ, что тирады о «гуманныхъ и благородныхъ взглядахъ», исповѣдуемыхъ «лучшею частью французскаго общества» никому ничего не говорятъ,—какая же изъ частей французскаго общества не считаетъ себя лучшею и не кричитъ о гуманности и благородствѣ своихъ взглядовъ? Но, главное, Марсель Прево въ роли носителя эксцентрическихъ и спорныхъ мнѣній, крайняго представителя гуманизма и благородства производитъ прямо комическое впечатлѣніе. Этотъ неизсякающій поставщикъ легкаго беллетристическаго товара, альковный портретистъ и возродитель du roman romanesque, т. е. романа исключительно любовныхъ приключеній, также какъ и его собратъ по альковамъ Поль Бурже, никогда не грѣшилъ новизною идей. Оба они очень сентенціозны, но всѣ ихъ идеи легко свести къ слѣдующему:

слѣдуетъ жить такъ, какъ написано въ прописяхъ «Éducation maternelle», отношеніе между полами регулируются церковными правилами, отступленія допускаются только въ случаѣ уважительныхъ причинъ, особенно въ случаѣ сильной любви. И если Марселю Прево попадаются подъ перо не только demi-vierges, но и vierges fortes, т. е. дѣвы, желающія эмансипироваться отъ физіологіи, то, конечно, лишь потому, что его адюльтеры уже порядкомъ надоѣли даже его невзыскательнымъ читателямъ, а тема объ абсолютной дѣвственности способна дать также немало пикантныхъ моментовъ...

Справедливость требуетъ, чтобы въ заключеніе были указаны и тѣ немногіе изъ «Очерковъ» г. Ю. Веселовскаго, которые все-таки подвигаютъ нѣсколько изученіе затронутыхъ въ нихъ вопросовъ. Къ такимъ статьямъ принадлежитъ «Народъ и деревня въ русской поэзіи второй половины XVIII вѣка». Задача автора въ данномъ случаѣ весьма некрупная: сгруппировать тѣ произведенія поэзіи того вѣка, гдѣ говорится о мужикѣ и его бытѣ. Матеріаломъ служитъ главнымъ образомъ извѣстное изданіе г. Венгерова «Русская поэзія», такъ что г. Ю. Веселовскому рѣдко приходится заглядывать въ старыя изданія, но и при всей скромности намѣреній автора, а можетъ быть именно въ силу этой скромности, трудъ его можетъ оказаться полезнымъ для тѣхъ читателей, которые считаютъ всю нашу литературу XVIII вѣка сплошь подражательной и ложноклассической. *Е. Дегенъ.*

«Загадки русскаго народа». Сборникъ загадокъ, вопросовъ, притчъ и задачъ. Составилъ Д. Садовниковъ. Спб. 1901. Въ названномъ сборникѣ напечатано, не считая варіантовъ, болѣе двухъ съ половиной тысячъ загадокъ, вопросовъ, притчъ и задачъ. Это самый обширный, хотя, къ сожалѣнію, неполный сборникъ русскихъ загадокъ и сходныхъ съ ними произведеній народной словесности. Тутъ собранъ весьма цѣнный матеріалъ для ознакомленія съ остроуміемъ русскаго народа. Остроуміе это нерѣдко довольно наивно и грубо, нерѣдко двусмысленно и даже прямо цинично, но гораздо чаще оно мѣтко, замысловато и оригинально. По отвѣтамъ на эти загадки и всякаго рода вопросы можно составить довольно вѣрное представленіе о внѣшнемъ бытѣ народа и о кругѣ тѣхъ предметовъ и понятій, среди которыхъ вращалась народная мысль. Безъ преувеличенія можно сказать, что трудно найти такой предметъ народнаго обихода, который не послужилъ бы темой для изощренія народнаго остроумія, находчивости и сообразительности. Алфавитный указатель къ сборнику Садовникова заключаетъ до тысячи предметовъ, начиная съ паразитовъ-насѣкомыхъ и кончая библейскими именами, образами и мѣстностями.

Новое изданіе загадокъ, собранныхъ г. Садовниковымъ, представляетъ буквальное воспроизведеніе перваго ихъ изданія, вышедшаго въ 1876 году, еще при жизни собирателя, но издатели не сочли нужнымъ упомянуть объ этомъ ни единымъ словомъ. Вслѣдствіе такого непонятнаго умолчанія, перепечатанное изъ перваго изданія предисловіе къ сборнику производитъ нѣсколько странное впечатлѣніе. Такъ, напримѣръ, библіографическія указанія, сдѣланныя въ предисловіи, не восходятъ позже 1874 года, хотя послѣ того были обнародованы новые сборники загадокъ. Отсутствіе удареній объясняется тѣмъ, что сборникъ «печатался въ новой типографіи, не успѣвшей ими обзавестись». Читатель, не освѣдомленный о существованіи перваго изданія, можетъ придти въ недоумѣніе, на какомъ основаніи типографія г. Суворина названа *новою* и почему она еще не успѣла обзавестись удареніями. Что касается отсутствія удареній въ сборникѣ, то объ этомъ, конечно, нельзя не пожалѣть въ виду того обстоятельства, что въ народной рѣчи удареніе еще болѣе капризно, чѣмъ въ литературномъ языкѣ. *С. Ашевскій.*

ИСТОРІЯ РУССКАЯ.

Д. А. Ровинскій. «Русскія народныя картинки». — *А. Г. Суровцевъ.* «Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ».

«Русскія народныя картинки». Собралъ и описалъ *Д. А. Ровинскій.* Посмертный трудъ, печатанъ подъ наблюденіемъ *Н. П. Собко.* Спб. 1900 г. Изданіе *Р. Голике.* Т. I. Цѣна за два тома 8 руб. Почти 20 лѣтъ тому назадъ извѣстный собиратель и знатокъ произведеній нашего народнаго художества, покойный сенаторъ Д. А. Ровинскій, выпустилъ въ свѣтъ подробнѣйшее описаніе всѣхъ имѣющихся въ настоящее время налицо русскихъ лубочныхъ картинокъ, съ огромнымъ атласомъ, содержавшимъ копіи съ большого числа наиважнѣйшихъ картинокъ и представлявшимъ богатѣйшій матеріалъ какъ для исторіи русской гравюры на деревѣ, такъ и для исторіи древне-русской культуры. Въ этомъ изданіи, которое до сихъ поръ остается и, конечно, навсегда останется единственнымъ въ своемъ родѣ, впервые, спустя лѣтъ полтораста послѣ перваго ихъ напечатанія, появились наши былинные и сказочные богатыри и герои народныхъ легендъ; здѣсь же собранъ былъ богатый и важный по культурному интересу отдѣлъ картинокъ сатирическихъ, въ которомъ важнѣйшую роль играютъ раскольничьи листы на сатирическіе сюжеты, каковы, напримѣръ, «Драка Бабы-Яги съ крокодиломъ», «Мыши кота погребаютъ»,— обѣ доказанныя сатиры на Петра Великаго и Екатерину I, а также такія юмористическія изображенія, какъ «Повѣсть о Ершѣ Ершовичѣ», «Шемякинъ судъ», смѣхотворная «Просьба калязинскихъ монаховъ», «Нѣмка верхомъ на старикѣ», «Судъ мужика съ дворяниномъ» и т. д. Въ связи съ этимъ отдѣломъ находятся смѣхотворныя изображенія изъ войнъ прошлаго вѣка съ пруссаками и турками, собраніе каррикатуръ на Наполеона I и французовъ и юмористическихъ листовъ на разныя другія историческія событія; множество картинокъ, имѣющихъ интересъ историческій или бытовой, какъ, напр., «Казнь убійцъ Жуковыхъ», «Прививаніе оспы», «Масляница», «Кулачные бойцы», «Пляска», «Пирушка», изображенія старинныхъ нашихъ кабаковъ и трактировъ, бань, перечисленія нарядовъ и скарба молодыхъ, поѣзды на саняхъ и колесахъ, цѣлая лицевая комедія, съ изображеніемъ русскаго театра и публики 17-го вѣка, разнообразныя гаданья и календари, портреты историческихъ лицъ, карты и виды, легенды, сказки и проч. Но самое видное мѣсто отведено было въ этомъ изданіи изображеніямъ религіознымъ, всегда игравшимъ такую крупную роль въ жизни русскаго народа: этотъ отдѣлъ представленъ былъ чрезвычайно богато и разнообразно.

Весь этотъ обширнѣйшій матеріалъ, описанный чрезвычайно тщательно, послужилъ затѣмъ для г. Ровинскаго предметомъ подробнаго историческаго изслѣдованія, въ которомъ систематически разсмотрѣны всѣ данныя какъ относительно внѣшней исторіи нашихъ лубочныхъ гравюръ, ихъ стиля, композиціи, манеры и т. п., такъ и относительно внутренняго ихъ содержанія, степени оригинальности и отношенія мастеровъ-художниковъ къ трактуемымъ сюжетамъ. Въ этомъ изслѣдованіи, а также и въ обширныхъ примѣчаніяхъ къ текстамъ отдѣльныхъ картинокъ, сгруппировано было множество въ высшей степени интересныхъ и поучительныхъ свѣдѣній о нашей старинной жизни и культурѣ, благодаря чему трудъ г. Ровинскаго явился весьма цѣннымъ и необходимымъ пособіемъ для всѣхъ изучающихъ русскій бытъ минувшихъ вѣковъ.

Изъ пяти большихъ томовъ этого труда, три съ половиною представляли только сырой матеріалъ, въ видѣ подробнаго описанія картинокъ съ воспроизведеніемъ ихъ текстовъ во всей неприкосновенности, и лишь отчасти въ четвертомъ и пятомъ томахъ дано было обработанное на основаніи этого мате-

ріала изслѣдованіе. Такимъ образомъ, трудъ этотъ для не-специалиста являлся слишкомъ громоздкимъ, не говоря уже о томъ, что приложенный къ нему обширный атласъ по своей цѣнѣ былъ доступенъ лишь немногимъ любителямъ. Въ виду этого, покойный собиратель задумалъ переработать свой трудъ и сдѣлать его во всѣхъ отношеніяхъ доступнымъ болѣе широкому кругу читателей. Съ этою цѣлью онъ изложилъ результаты своихъ пространныхъ изслѣдованій въ сжатомъ видѣ, сохранивъ все наиболѣе существенное, и иллюстрировалъ книгу снимками—въ уменьшенномъ размѣрѣ, но вполнѣ точными—съ наиболѣе интересныхъ и характерныхъ картинокъ. Этого новаго труда ему не пришлось окончить до самой своей смерти (1895 г.), и теперь изданіе является въ свѣтъ, благодаря заботливости Н. П. Собко, которому самъ авторъ поручилъ попеченіе о своемъ любимомъ дѣтищѣ.

Изученіе нашихъ лубочнымъ картинокъ вводитъ, такъ сказать, въ самую суть стариннаго русскаго обихода. Картинки эти появляются на Руси въ концѣ XVII столѣтія, когда «лубочная» гравюра вообще получаетъ широкое распространеніе на Западѣ и въ Польшѣ. Самое названіе этихъ картинокъ *фряжскими* или *нѣмецкими потѣшными печатными листами* прямо указываетъ на ихъ происхожденіе. И въ самомъ дѣлѣ, по своему формату и стилю онѣ ближе всего подходятъ къ нѣмецкимъ народнымъ картинкамъ, а по содержанію представляютъ или снимки съ западныхъ образцовъ, или иллюстраціи сюжетовъ, заимствованныхъ изъ «Римскихъ Дѣяній», «Великаго Зерцала», сборниковъ *жартъ* и *фацецій*, заносившихся къ намъ изъ Польши, или, наконецъ, нѣчто вполнѣ оригинальное по замыслу и выполненію. Особеннымъ разнообразіемъ отличаются картинки московскихъ мастеровъ,—въ то же время и самыя популярныя. Между ними попадаются листы самаго различнаго содержанія,—религіознаго, сказочнаго, историческаго, сатирическаго, фантастическаго и проч. Иныя изъ нихъ, и даже въ довольно значительномъ количествѣ, представляютъ копіи или передѣлки съ иностранныхъ образцовъ; но тутъ же, рядомъ съ ними, является много картинокъ вполнѣ самобытныхъ, созданныхъ непосредственнымъ творчествомъ самого русскаго народа и получившихъ среди него наибольшую знаменитость. Это—картинки съ политическимъ содержаніемъ, относящіяся къ тѣмъ особенно крупнымъ событіямъ и личностямъ, вліяніе которыхъ сильно отразилось на народной жизни. Таково, напр., знаменитое «Погребеніе кота мышами». Что касается картинокъ заимствованныхъ, то онѣ сначала копировались съ листовъ голландскихъ и нѣмецкихъ, затѣмъ во второй половинѣ XVIII столѣтія, образцами для нихъ служили преимущественно картинки французскія (images d'Epinal); наконецъ, уже въ позднѣйшее время стали появляться у насъ копіи съ европейскихъ политическихъ каррикатуръ. Нерѣдко бывало и такъ, что русскій рисовальщикъ копировалъ иностранную картинку и, не понимая приложеннаго къ ней текста, присочинялъ свой собственный, обыкновенно «украшая» этотъ продуктъ своей фантазіи совершенно непечатными (по нынѣшнему времени) словечками и описаніями. Для объясненія этой своеобразной «свободы слова», благодаря которой большинство нашихъ старинныхъ народныхъ картинокъ юмористическаго содержанія кишмя-кишитъ самыми невозможными фигурами и выраженіями, нужно имѣть въ виду, что по странной игрѣ случая, даже во времена сильнѣйшаго цензурнаго надзора, лубочныя картинки выходили въ свѣтъ вплоть до 1850 года почти безъ всякой цензуры. Прежде, хотя и было приказано «свидѣтельствовать» эти картинки въ Управѣ Благочинія, но приказаніе это почти всегда обходилось; лишь изрѣдка, по требованію властей, какія-нибудь особенно «выразительныя» слова текста замѣнялись другими, менѣе бросающимися въ глаза. Только въ 1850 году предсѣдателемъ знаменитаго въ исторіи русской цивилизаціи комитета, учрежденнаго для провѣрки, нѣтъ-ли чего вреднаго въ одобренныхъ цензурою

сочиненіяхъ, д. т. с. Бутурлинымъ, поднятъ былъ вопросъ о лубочныхъ картинкахъ и произведеніяхъ печати, назначенныхъ для обращенія въ народѣ. Вопросъ этотъ разсматривался разными вѣдомствами, и въ результатѣ этого обсужденія явилось то, что московскій генералъ-губернаторъ приказалъ заводчикамъ народныхъ картинокъ уничтожить всѣ доски, не имѣвшія цензурнаго дозволенія, «и впредь не печатать таковыхъ безъ онаго». Исполняя это приказаніе, заводчики собрали всѣ старыя мѣдныя доски, изрубили ихъ, при участіи полиціи, въ куски и продали ломъ въ колокольный рядъ. Такъ и прекратилось существованіе нашего безцензурнаго народнаго балагурства.

Впрочемъ, надо замѣтить, что эта безцензурность касалась только балагурства въ собственномъ смыслѣ слова, т.-е. картинокъ хотя бы и грубо-циническихъ, но не обнаруживавшихъ никакой претензіи на болѣе или менѣе серьезное содержаніе; когда же являлась подобная претензія, соотвѣтствующій рисунокъ и его текстъ встрѣчали преграду, причемъ иногда устранялись политическіе намеки и тамъ, гдѣ ихъ, въ сущности, вовсе не было. Поэтому — за очень немногочисленными, случайными исключеніями, у насъ не существовало ничего похожаго на западно европейскую каррикатуру среднихъ вѣковъ и эпохи возрожденія; не только наши лубочныя картинки, но и печатная литература, по справедливому замѣчанію Ровинскаго, представляютъ, въ этомъ разрядѣ, одни беззубые, безжелчные и въ большинствѣ случаевъ крайне незатѣйливые тексты. Нашъ самобытный домострой устранялъ всякую серьезность по части сатиры даже и въ рукописной литературѣ, и въ народномъ обиходѣ, въ которомъ съ давняго времени поселились нескончаемыя кляузы, съ огульнымъ обвиненіемъ всѣхъ и каждаго въ самыхъ дрянныхъ и безчестныхъ поступкахъ, на маперъ старинныхъ доносовъ о «словѣ и дѣлѣ». Народный юморъ, бойкій и мѣткій въ сказкѣ, пословицѣ, поговоркѣ,—подъ печатнымъ станкомъ какъ-то съеживался, испарялся и опошливался, а въ лицевыхъ изображеніяхъ обращался въ остроуміе самаго грубо-первобытнаго свойства, зачастую выражавшееся только въ завѣтныхъ «многоэтажныхъ» словечкахъ, да и то—до тѣхъ только поръ, пока «благочиніе» смотрѣло на нихъ сквозь пальцы. Моментовъ, которые благопріятствовали бы развитію сатиры, какъ серьезнаго протеста противъ общественныхъ непорядковъ, въ исторіи нашей было не мало; но въ силу особенностей нашей народной жизни, богатый запасъ юмористическихъ наблюденій и обобщеній лишь очень рѣдко, и то — чуть замѣтными намеками, пробивался въ рукопись, въ печать и въ «потѣшный листъ». На этотъ счетъ пословица говоритъ вполнѣ опредѣленно: «Всякъ Еремей про себя разумѣй»,— и наши Еремеи не безъ основанія находили, что пускать свои личныя наблюденія въ общій обиходъ, на вѣтеръ, далеко не всегда удобно.

Къ этому слѣдуетъ прибавить еще одно соображеніе. Существовавшія и до сихъ поръ существующія у насъ «народныя» лубочныя изданія и картинки называются этимъ именемъ потому только, что они изготовлялись для «народа», ради его назиданія или увеселенія, но изготовлялись они людьми, настоящему «народу» собственно посторонними. Сперва этимъ дѣломъ занялись граверы, учившіеся, для казенной надобности, у иностранныхъ мастеровъ и по минованіи надобности оставшіеся безъ дѣла и вынужденные работать, изъ-за куска хлѣба, что попало; затѣмъ мало-по-малу устроились цѣлыя фабрики лубочныхъ изданій и картинокъ, — также подъ руководствомъ какихъ-нибудь недоучившихся или безталанныхъ «художниковъ». Всѣ эти производители заботились, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы наработать и сбыть какъ можно больше, и не старались, да и не могли, быть особенно разборчивыми въ сюжетахъ. Было-бы только пестро, ярко и смѣшно, чтобы кидалось въ «носъ» покупателю; а тамъ, что ни нарисуй, все сойдетъ: попадется картинка французская, нѣмецкая, голландская—копируютъ съ нея; не попадется подходящей

картинки, — ищутъ вдохновенія въ сборникахъ, наводнившихъ нашу письменность въ XVII вѣкѣ, въ поучительныхъ сказаніяхъ или шутливыхъ повѣстяхъ; нѣтъ подъ рукой такого сборника — обращаются и къ народнымъ сказкамъ, передѣлывая и пріукрашивая ихъ по своему нехитрому вкусу. Собственно оригинальные народные сюжеты занимаютъ въ этомъ производствѣ послѣднее мѣсто: гораздо легче было брать съ готоваго, чѣмъ придумывать самому. Притомъ же «мастера» лубочнаго производства были уже не простые, «сѣрые» люди изъ народной массы: по образованію они ушли отъ нея очень недалеко, но наклонности и вкусы ихъ были уже не тѣ, что у толпы. Работая на городскихъ фабрикахъ и сбывая свой товаръ преимущественно въ Москвѣ, они, конечно, должны были стремиться болѣе всего угодить на вкусъ «чистаго» покупателя — купца, посадскаго, подъячаго, словомъ, на вкусъ «средняго сословія», а не настоящаго мужика, который, по своей неприхотливости, возьметъ все, что ему дадутъ, между тѣмъ какъ «чистый» покупатель гораздо разборчивѣе и требовательнѣе. Но «чистый» покупатель — человѣкъ обстоятельный, и сколько-нибудь серьезной сатиры не одобряетъ, считая ее глупымъ дѣломъ: вѣдь если искать предметовъ для серьезнаго смѣха, то придется, пожалуй, посмѣяться и надъ самимъ собой. За то въ досужее время, «послѣ трудовъ праведныхъ», приходя въ веселое настроеніе, онъ ищетъ случая «поскалить зубы», «сшутить шутку», хоть бы и такую, которая больно отзовется на бокахъ безсильнаго ближняго, лишь-бы она не раздразнила сильныхъ и «нужныхъ» людей, съ которыми слѣдуетъ жить въ ладу. Этой потребности «погоготать» вполнѣ удовлетворяли, въ числѣ прочихъ зрѣлищъ и увеселеній, потѣшные листы съ ярко расписанными «дурацкими персонами» и наборомъ крѣпкаго, съ ногъ сшибательнаго острословія. Затѣмъ, «чистый» покупатель, пожалуй, не прочь и умилиться, и «воздохнуть» въ элегическомъ тонѣ о грѣхахъ и о смертномъ часѣ, тутъ ему подвертывается подъ руку «божественная» картинка съ соотвѣтствующими текстами, какое-нибудь аляповатое воспроизведеніе знаменитыхъ «Плясокъ Смерти» или Страшнаго Суда; но серьезная сатирическая идея, вдохновлявшая мистика-художника XV вѣка, въ этихъ воспроизведеніяхъ почти совсѣмъ утрачивается и, во всякомъ случаѣ, на обстоятельнаго читателя не производитъ глубокаго впечатлѣнія. Изображенія этого рода находили гораздо больше сбыта въ совершенно иной средѣ, тамъ, гдѣ возникла и развилась потребность въ сознательномъ отношеніи къ религіознымъ вопросамъ, вызвавшая серьезный критическій взглядъ на «основы» и возбудившая серьезный протестъ противъ новшества, разрушающаго завѣтныя преданія старины. Тамъ, въ расколѣ, благодаря особеннымъ условіямъ этой среды, создалась почва и для развитія строгой, идейной сатиры, и для появленія серьезной политической каррикатуры; тамъ мы встрѣчаемся и съ наиболѣе оригинальными, хотя, къ сожалѣнію, очень немногочисленными произведеніями *настоящаго* народнаго юмора.

Разсматривая содержаніе нашихъ народныхъ картинокъ, прежде всего видимъ обиліе сюжетовъ религіозныхъ: изображенія святыхъ, иллюстраціи къ Библіи или житіямъ занимаютъ въ ряду этихъ картинокъ самое выдающееся мѣсто. Что касается картинокъ свѣтскаго поучительнаго или забавнаго содержанія, то здѣсь мы встрѣчаемъ всякаго рода гротески, шаржированныя фигуры людей и животныхъ, которыя на западѣ переходили со стѣнъ и колоннъ средневѣковыхъ соборовъ въ рукописныя миніатюры, а потомъ и въ лубочныя картинки, распространившіяся по всей Европѣ и къ намъ попадавшія, надо думать, преимущественно черезъ Польшу. Однимъ изъ главныхъ источниковъ для подобныхъ изображеній служило очень распространенное и у насъ такъ-называемое Каллисѳеновое житіе Александра Македонскаго: оттуда художникъ могъ обѣими руками черпать самыя фантастическія изображенія «дивіихъ» людей и живот-

ныхъ. Далѣе, видное мѣсто въ композиціи народныхъ картинокъ принадлежитъ изображеніямъ чорта и смерти. Черти попадаются преимущественно въ лицевыхъ легендахъ благочестиваго, хотя и очень наивнаго иногда содержанія, гдѣ они всячески пакостятъ людямъ. Сюда же относится и картина «Страшнаго Суда», которая, кстати сказать, еще въ 40-хъ годахъ XIX-го столѣтія издавалась у насъ отъ академіи наукъ. Смерть, въ обычномъ видѣ скелета съ косой въ рукахъ, фигурируетъ преимущественно въ лицевыхъ синодикахъ.

За этими картинками поучительнаго содержанія слѣдуютъ уже настоящіе «потѣшные листы». На первомъ планѣ между ними стоятъ изображенія разныхъ «дурацкихъ персонъ», шутовъ, скомороховъ, пьяницъ, какъ заимствованныхъ съ иностранныхъ оригиналовъ, такъ и доморощенныхъ, причемъ и тѣ, и другіе вообще не блистаютъ остроуміемъ. Изъ сатирическихъ изображеній, относящихся къ быту общественному и домашнему, прежде всего обращаютъ на себя вниманіе нѣсколько шутовскихъ картинокъ, въ которыхъ видны грубые намеки политическаго характера. Таково, напримѣръ, изображеніе, какъ Баба-Яга дерется съ крокодиломъ, въ которомъ Ровинскій усматриваетъ сатиру на Петра Великаго. На другой подобной же картинкѣ Яга-Баба съ мужикомъ «скачутъ, пляшутъ, въ волынку играютъ, а ладу не знаютъ». Третья картинка имѣетъ отношеніе къ ходившимъ въ народѣ разсказамъ о слабости Петра къ «шведской дѣвицѣ»: она изображаетъ «нѣмку» верхомъ на старикѣ. Вотъ, съ добавленіемъ котова погребенія, и всѣ картинки наши, въ которыхъ, — и то не безъ натяжки,—можно видѣть какіе-нибудь политическіе намеки. Какъ уже сказано выше, сатирическій элементъ въ нашихъ народныхъ картинкахъ вообще очень слабъ. Пересматривая эту галлерею съ цѣлью отыскать въ ней сатирическія изображенія разныхъ сторонъ общественнаго быта, мы приходимъ къ результатамъ крайне незначительнымъ. Баринъ-помѣщикъ, напримѣръ, вовсе не затронутъ народной каррикатурой, если не считать изображеній плясуновъ, «опивалъ» и «объѣдалъ» въ «господскихъ» платьяхъ; купецъ точно такъ же почти вовсе здѣсь не попадается; священникъ и монахъ представлены въ высшей степени благоприлично въ сравненіи съ тѣмъ, что разсказывается о нихъ въ сказкѣ, пѣснѣ и легендѣ. Меньше посчастливилось судьямъ и приказнымъ: ихъ касается лицевое изображеніе знаменитаго «Шемякина суда» и нѣсколько изображеній приказныхъ «крючковъ», заимствованныхъ преимущественно изъ басенъ Сумарокова и Измайлова.

Съ особенной любовью останавливается народная потѣшная картинка на женщинахъ и на пьянствѣ. Здѣсь сюжеты чрезвычайно разнообразны и многочисленны, а смѣлость текста чаще всего не поддается никакой передачѣ. Тутъ мы имѣемъ цѣлый рядъ картинокъ, посвященныхъ «женской злобѣ», «бабьимъ увёрткамъ», «худому домоправительству», разнымъ эпизодамъ сватовства и и супружества, модамъ и забавамъ и проч. Точно также почетное мѣсто въ народной картинной галлереѣ занимаетъ и кабакъ со своими завсегдатаями — кабацкой голью и ярыгами, рядомъ съ которыми здѣсь пребываютъ и «веселыя персоны», сдѣлавшія изъ любви доходное ремесло. Тутъ же и солдаты, и дерущіеся между собою мужики, и скоморохъ съ Прѣсни наигрываетъ пѣсни, и, наконецъ, въ углу, въ теньеровской позѣ, пьяный Савоська...

Мы не имѣемъ возможности въ этой короткой замѣткѣ останавливаться на многихъ любопытныхъ сюжетахъ, представленныхъ и объясненныхъ въ книгѣ Ровинскаго. Книга эта полна живого интереса для историка нашей культуры и общественности и, надо думать, найдетъ многочисленныхъ читателей. Снимки съ картинъ исполнены прекрасно, нѣкоторые—даже въ краскахъ; къ сожалѣнію, многіе изъ нихъ, соотвѣтственно формату книги, пришлось сильно уменьшить; но и въ уменьшенномъ видѣ они напечатаны такъ отчетливо, что

съ помощью увеличительнаго стекла легко читаются подписи даже на самыхъ мелкихъ рисункахъ. *П. Морозовъ.*

А. Г. Суровцевъ. «Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ. Его масонская и государственная дѣятельность». Біографическій очеркъ. Спб. 1901 г. Въ лицѣ Лопухина русское масонство выставило одного изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ представителей. Ближайшій сотрудникъ Новикова въ его просвѣтительной дѣятельности, гуманный и неподкупный судья и сенаторъ-ревизоръ, безбоязненно говорившій «истину царямъ» и заступавшійся за преслѣдуемыхъ духовенствомъ и полиціей духоборовъ, Лопухинъ, безспорно, принадлежитъ къ числу лучшихъ русскихъ людей. Достаточно прочесть его краткія «Записки» о своей жизни и службѣ, чтобы заинтересоваться этой рѣдкой личностью. «Чтеніе его Записокъ» —говоритъ проф. Ключевскій,—«доставляетъ глубокое нравственное удовлетвореніе: какъ будто что-то проясняется въ нашемъ XVIII вѣкѣ, когда всматриваешься въ этого человѣка, который самымъ появленіемъ своимъ обличаетъ присутствіе значительныхъ нравственныхъ силъ, таившихся въ русскомъ образованномъ обществѣ того времени».

Такая свѣтлая личность, безспорно, давно заслуживала подробной и основательной біографіи, тѣмъ болѣе, что на ряду съ самыми восторженными отзывами современниковъ о Лопухинѣ встрѣчаются показанія совершенно противоположнаго характера. «Сомнѣваюсь,—говоритъ сенаторъ Лубяновскій,—было ли въ Москвѣ такое захолустье, куда бы онъ по временамъ не заходилъ, и гдѣ жители не сбѣгались бы поклониться и здоровья пожелать батюшкѣ Ивану Владиміровичу», котораго они называли «московскимъ Іоанномъ Милостивымъ». «Имя его,—говоритъ о Лопухинѣ Воейковъ,—произносится съ благословеніемъ, съ признательностью, съ слезами. Онъ всему на свѣтѣ предпочиталъ добродѣтель; его жизнь—безпрерывная цѣпь благотвореній». Жуковскій называетъ Лопухина «истиннымъ христіаниномъ», «уважаемымъ всѣми мужемъ», «добрымъ благодѣтелемъ». Самъ Лопухинъ въ своихъ «Запискахъ» говоритъ: «Страстно любя полезное просвѣщеніе и ближнихъ, жертвовалъ я многимъ иждивеніемъ на воспитаніе юношества въ полезныхъ обществу наукахъ и на изданіе книгъ, утверждающихъ корень чистой нравственности и добродѣтели».—И что же оказывается? Лопухинъ занимался дѣлами благотворенія, если не всецѣло, то въ значительной степени, на чужой счетъ. По словамъ кн. Вяземскаго, «одною рукою раздавалъ онъ милостыню, другою занималъ деньги направо и налѣво и не платилъ долговъ своихъ. Облегчая участь иныхъ, онъ разорялъ другихъ». Долговыя тяжбы Лопухина доходили даже до сената и, между прочимъ, вызвали слѣдующую отповѣдь со стороны Сперанскаго: «Быть богатымъ и употреблять богатство на предметы благотворенія, конечно, хорошо, но дѣлать долги и потомъ тягаться о долгахъ, какое бы ни было, впрочемъ, ихъ начало, сіе и въ обыкновенномъ человѣкѣ есть дѣло непохвальное, а въ васъ оно и совсѣмъ непонятно. Оно опечалило друзей вашихъ, обрадовало завистниковъ и невѣжей, возродило старыя нареканія и, что всего горше, соблазнило слабыхъ».

Нельзя пройти также молчаніемъ и того факта, что, проповѣдуя въ своихъ сочиненіяхъ о воздержаніи духа, разума и чувствъ, самъ Лопухинъ не отличался должною воздержностью чувствъ, за что подвергся обвиненіямъ въ пьянствѣ и даже въ развратѣ. Разсказываютъ даже, что невоздержность Лопухина за царскимъ столомъ помѣшала его назначенію въ министры народнаго просвѣщенія. Не дѣлаетъ чести гуманному Лопухину и его отношеніе къ крѣпостному праву въ Россіи. Онъ очень вѣрно понималъ, что «злоупотребленіе власти, ненасытность страстей въ управляющихъ, презрѣніе къ человѣчеству, угнетеніе народа, безвѣріе и развратность нравовъ—прямые и одни источники революцій»; но «ослабленіе связей подчиненности крестьянъ помѣщикамъ» онъ считалъ «опаснѣе самаго нашествія непріятельскаго». «Стыдясь даже выговаривать

слово холопъ, до слабости... снисходителенъ будучи къ своимъ крестьянамъ», Лопухинъ въ то же время былъ убѣжденъ, что «народъ требуетъ обузданія и для собственной его пользы», и что «для сохраненія общаго благоустройства нѣтъ надежнѣе милиціи, какъ управленіе помѣщиковъ». Разобраться во всѣхъ указанныхъ противорѣчіяхъ—дѣло далеко не легкое.

Г. Суровцевъ не имѣлъ въ виду написать «основательную біографію» Лопухина, онъ даетъ только «біографическій очеркъ», составленный на основаніи довольно скудныхъ печатныхъ матеріаловъ и сопровождаемый разсмотрѣніемъ сочиненій Лопухина, большею частью мистическаго содержанія. Главнымъ источникомъ для біографическаго очерка послужили «Записки» Лопухина, къ которымъ г. Суровцевъ относится съ полнымъ довѣріемъ, несмотря на собственную оговорку, что пользоваться ими, какъ и всякими вообще мемуарами, слѣдуетъ осторожно, и несмотря на высказанное Аѳанасьевымъ замѣчаніе, что Лопухинъ не прочь былъ и порисоваться въ своей автобіографіи. Господствующій тонъ въ разбираемой книжкѣ—панегирическій. Авторъ ея мало довѣряетъ неблагопріятнымъ для Лопухина показаніямъ современниковъ, но отвергаетъ ихъ или голословно, или недостаточно убѣдительно. «Безъ сомнѣнія, Лопухинъ *выпивалъ*,—говоритъ, напримѣръ, г. Суровцевъ на стр. 119,—но не *пилъ*, не былъ пьяницей». Такое категорическое заявленіе основано на томъ, что въ «Нравоучительномъ катехизисѣ» Лопухинъ ратуетъ за умѣренное употребленіе пищи и питья, а въ сочиненіи «О внутренней церкви» къ членамъ антихристовой церкви причисляетъ пьяницъ и плотоугодниковъ всякаго рода. Такимъ образомъ, г. Суровцевъ допускаетъ безъ достаточной критики строгое согласіе слова и дѣла у Лопухина и на этомъ основаніи отвергаетъ неблагопріятныя для послѣдняго показанія современниковъ.

Значительная часть книжки г. Суровцева занята изложеніемъ мистическихъ сочиненій Лопухина. Эти сочиненія очень характерны для ихъ автора, вѣрившаго въ магію и алхимію, но пользоваться ими для характеристики русскаго масонства, какъ это дѣлаетъ г. Суровцевъ, слишкомъ рискованно. Уже одно то обстоятельство, что катастрофа, разразившаяся надъ Новиковымъ, почти не задѣла его ближайшаго сотрудника, должно выдѣлять Лопухина изъ среды московскихъ мартинистовъ. Даже для характеристики самого Лопухина его масонскими сочиненіями слѣдуетъ пользоваться осторожно, потому что нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій появились въ эпоху воздвигнутаго на московскихъ масоновъ гоненія и, конечно, были написаны не безъ задней мысли разсѣять подозрѣнія правительства. Насколько расходился Лопухинъ со своими товарищами въ нѣкоторыхъ вопросахъ, видно изъ того, что въ то время, какъ Карамзинъ изъ новиковскаго кружка вынесъ мечты объ идеальной республикѣ и вѣру въ свободу, равенство и братство, Лопухинъ въ своемъ «Духовномъ рыцарѣ» ставитъ масонамъ въ обязанность «совокупными силами и каждому особо, сколько возможно, противоборствовать буйственной и пагубной системѣ вольности и равенства, и стараться искоренять ее всѣми искусными средствами дѣйствій разума и всякими возможными путями добрыми». Что благонамѣренное содержаніе сочиненій Лопухина сыграло видную роль въ спасеніи его отъ участи другихъ членовъ новиковскаго кружка, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться.

Далѣе, разсмотрѣніе масонскихъ сочиненій Лопухина необходимо должно было натолкнуть г. Суровцева на вопросъ о столь обычныхъ въ русской литературѣ XVIII в. заимствованіяхъ изъ иностранныхъ источниковъ. Но вопросъ этотъ почти не затронутъ. Авторъ разбираемаго «біографическаго очерка» признаетъ подлинность даже такихъ сочиненій, гдѣ подробно излагаются масонскіе обряды, хотя уже одна буква G, напоминавшая масонамъ о Богѣ (Gott), показываетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ заимствованнымъ изъ-за границы ритуаломъ.

Въ общемъ книжка г. Суровцева гораздо больше возбуждаетъ вопросовъ, чѣмъ разрѣшаетъ ихъ, и представляетъ намъ Лопухина далеко не въ такомъ выгодномъ для него свѣтѣ, въ какомъ онъ является въ своихъ «Запискахъ».

С. Ашевскій.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Эд. Бернштейнъ. «Историческій матеріализмъ».—*Р. А. Іоаниссіанъ.* «Дома трудолюбія».

Э. Бернштейнъ. Историческій матеріализмъ. Переводъ Л. Канцель. Изданіе товарищества «Знаніе». (Спб., Невскій, 92). С.-Петербургъ. 1901 г. Цѣна 80 к. Переживаемый въ настоящее время марксизмомъ кризисъ обычно связывается съ именемъ Бернштейна. Если бы будущій историкъ общественнаго самосознанія въ Европѣ не былъ знакомъ съ тѣми обстоятельствами, при которыхъ появилась въ свѣтъ книга Бернштейна, то онъ остановился бы въ недоумѣніи предъ вопросами: какимъ образомъ столь мало оригинальная и, въ теоретическомъ отношеніи, далеко не состоятельная книга могла вызвать къ себѣ такое исключительное вниманіе и стать лозунгомъ для «новаго» направленія въ марксизмѣ? Ибо ни для кого уже не секретъ, что ортодоксія, несмотря на формальный рѣзкій протестъ противъ бернштейніанства, вынуждена дѣлать критикѣ все болѣе и болѣе уступокъ.

Причина та, что жизнь не стояла на мѣстѣ: постепено и для многихъ даже незамѣтно мѣнялось пониманіе и теоретическихъ, и практическихъ задачъ, и заслуга Бернштейна и состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ открыто высказался за необходимость чутко и внимательно прислушиваться къ жизни, къ тому, что она выдвигаетъ новаго, и въ ней же черпать коррективъ протихъ тѣхъ односторонностей, къ которымъ необходимо ведетъ и теорія, и практика, выросшія въ опредѣленной общественной атмосферѣ. Однимъ словомъ Бернштейнъ вновь ставитъ, какъ *проблему* то, что раньше многими считалось уже окончательно рѣшеннымъ.

Въ своей книгѣ Бернштейнъ затрогиваетъ, какъ чисто теоретическіе, такъ и чисто практическіе вопросы. Но, къ сожалѣнію, самые пріемы его критики не всегда состоятельны. Указывая на то, что въ общественной жизни, помимо такъ называемаго «экономическаго фактора», имѣютъ значеніе и идеологическіе факторы, Бернштейнъ даже не задается вопросомъ, что же такое «факторъ», въ какомъ смыслѣ можно и должно оперировать этимъ понятіемъ: онъ не задается также еще болѣе общимъ вопросомъ: что же такое «общество», «общественное отношеніе?» Онъ оперируетъ понятіями «базисъ», «надстройки», не выясняя и, въ сущности, даже самъ точно не зная, что должны обозначать въ его пониманіи эти слова.

Я не имѣю возможности развить здѣсь положительный взглядъ на доктрину экономическаго матеріализма: считая критику Бернштейна несостоятельной, отвергая, въ то же время, ортодоксальное пониманіе ея, я все же нахожу, что доктрина и обладаетъ строго-научнымъ характеромъ, и выражаетъ собой реальный процессъ общественнаго развитія.

Берштейна не удовлетворяетъ также и ученіе о стоимости Маркса. Главный недостатокъ этого ученія онъ усматриваетъ въ томъ, что оно черезчуръ абстрактно, что категорія стоимости не выражаетъ собой реальнаго факта. На это можно возразить (и такія возраженія уже дѣлались), что политическая экономія—одна изъ вѣтвей общественной науки; что здѣсь рѣчь можетъ идти лишь о *среднихъ типичныхъ явленіяхъ*, что создаваемые ею законы яв-

ляются отвлеченіемъ отъ *всей* совокупности хозяйственной жизни общества, что странно требовать, чтобы законы эти, имѣющіе значеніе лишь для *всего* общественнаго хозяйства, находили себѣ чистое воплощеніе въ отдѣльныхъ конкретныхъ явленіяхъ. Чистаго проявленія законовъ не знаетъ не только общественная жизнь, но и міръ неорганическихъ явленій, гдѣ все гораздо проще, гдѣ господствуетъ менѣе сложная законосообразность. Съ этой точки зрѣнія законъ политической экономіи, какъ выразился Родбертусъ, *законъ тяготѣнія* (Gravitations gesetz, Tendenz-gesetz): они выражаютъ собой лишь общее направленіе въ развитіи явленія. Если количество затраченнаго общественно-необходимаго труда опредѣляетъ величину стоимости товара, то въ живой жизни товаръ этотъ производится капиталистомъ, который стремится получить среднюю прибыль на затраченный имъ капиталъ. Товаръ идетъ на рынокъ, гдѣ можетъ оказаться несоотвѣтствіе между спросомъ и предложеніемъ, и вотъ въ цѣнѣ нашего товара необходимо должны отразиться всѣ эти моменты—количество затраченнаго труда, пропорціональность прибылей, спросъ и предложеніе, и конечный результатъ—цѣна—можетъ въ данномъ конкретномъ случаѣ сильно уклониться отъ той величины, которая должна была бы въ точности соотвѣтствовать количеству затраченнаго общественно-необходимаго труда.

Переходимъ ко взглядамъ Бернштейна на вопросы прикладной экономіи и экономической политики. Несомнѣнно, онъ правъ, указывая на то, что темпъ и характеръ развитія современнаго общества далеко не соотвѣтствуютъ той прямолинейности, съ какою многіе ортодоксальные марксисты постулировали наступленіе коллективизма. Уже одинъ взглядъ на статистическія данныя о распредѣленіи доходовъ, о распредѣленіи населенія на классы въ состояніи опровергнуть подобную прямолинейность. Средніе классы современнаго капиталистическаго общества еще далеки отъ полнаго исчезновенія, настолько далеки, что если относительно роль ихъ падаетъ, то въ то же время абсолютно они возрастаютъ. И самъ же капитализмъ, уничтожая въ одномъ мѣстѣ среднее и мелкое производство, въ другомъ снова вызываетъ ихъ къ жизни. Въ этомъ отношеніи бернштейніанство знаменуетъ собой поворотъ къ эволюціонной точкѣ зрѣнія: люди все болѣе и болѣе приходятъ къ сознанію, что лишь неустанная и кропотливая работа, работа на всѣхъ поприщахъ общественной жизни, начиная съ наиболѣе крупныхъ и общихъ ея проявленій и кончая дѣятельностью въ городскихъ и сельскихъ коммунахъ, что лишь такая забота можетъ ввести и упрочить въ жизни начала общественности.

Вполнѣ правильно отмѣчаетъ, далѣе, Бернштейнъ и наблюдающуюся перемѣну въ характерѣ отношеній между антагонистическими классами, между трудомъ и капиталомъ, когда первый, благодаря своимъ организаціямъ, все болѣе и болѣе становится въ положеніе равноправнаго члена хозяйственнаго организма, откуда постепенно исчезаетъ автократическій принципъ.

Въ связи съ этимъ стоитъ и болѣе правильная оцѣнка той, несомнѣнно, положительной роли, какую могутъ играть и, въ дѣйствительности, играютъ потребительныя и производительныя товарищества въ дѣлѣ воспитанія, организаціи и улучшенія положенія широкой массы. Особенно сильнымъ распространеніемъ и значеніемъ начинаютъ пользоваться потребительныя общества, на основѣ которыхъ уже и развиваются производительныя коопераціи. Предѣлы государства становятся уже тѣсными для этихъ организацій, и онѣ стремятся стать интернаціональными.

Есть еще одинъ пунктъ, въ которомъ критика Бернштейна оказывается сильной: это—*аграрный вопросъ*. Въ земледѣліи мелкое и среднее хозяйства не только не исчезли съ лица земли, какъ это предполагала догма, но еще сдѣлали за послѣднее десятилѣтіе бóльшія или меньшія завоеванія. Заслуга Бернштейна въ этой области и состоитъ въ томъ, что онъ открыто призналъ этотъ

фактъ и всѣ вытекающія отсюда слѣдствія. Но и здѣсь, въ этомъ вопросѣ, онъ, въ сущности, былъ мало оригиналенъ: онъ лишь противопоставилъ, противъ догматическихъ утвержденій, новыя статистическія данныя. Гораздо больше его сдѣлалъ, въ этомъ отношеніи, *Гертцъ*, который разсмотрѣлъ аграрный вопросъ съ общественной точки зрѣнія и сдѣлалъ, такимъ образомъ, возможнымъ выходъ изъ того критическаго положенія, въ какомъ оказалась, въ данномъ случаѣ, марксистская догма.

Я не могу здѣсь останавливаться на другихъ затронутыхъ Берштейномъ вопросахъ, замѣчу только, что всюду—высказываетъ ли онъ вѣрныя положенія или положенія ошибочныя—онъ будитъ мысль и побуждаетъ читателя критически пересмотрѣть свое теоретическое и практическое credo. А это уже большая заслуга писателя.

Переводъ книги, въ общемъ, сносенъ, но мѣстами онъ тяжеловатъ, мѣстами ошибоченъ. Такъ, напр., въ фразѣ: «Марксизмъ превзошелъ (?) бланкизмъ съ одной стороны—со стороны метода»—слѣдовало перевести не «превзошелъ», а *преодолѣлъ* (überwinden). Крайне неудачно также выраженіе «противоцѣнность трудовой цѣнности». *I. Давыдовъ.*

Р. А. Іоанниссіани. Дома трудолюбія (Сочиненіе, удостоенное золотой медали совѣтомъ Имп. Спб. университета). Тифлисъ. 1900 г. Это «сочиненіе, удостоенное золотой медали», представляетъ поверхностный ученическій очеркъ, который не пригоденъ даже и для справокъ. Вмѣсто изслѣдованія вопроса, читатель найдетъ въ этой брошюрѣ лишь нѣсколько отрывочныхъ историческихъ свѣдѣній и банальныя разсужденія на тему, поставленную эпиграфомъ книжки: «La véritable manière de secourir les pauvres c'est de les mettre en état de se passer de secours». Даже спеціально о современныхъ домахъ трудолюбія даются лишь самыя общія указанія, по которымъ нельзя составить никакого представленія о положеніи и значеніи домовъ трудолюбія, тѣмъ болѣе, что эти указанія перемѣшаны съ собственными пожеланіями автора. «Дѣло трудовой помощи,—говоритъ авторъ,—въ Россіи можно считать поставленнымъ на твердое основаніе, и одинъ изъ первостепенныхъ вопросовъ общественнаго призрѣнія—вопросъ о призрѣніи трудоспособныхъ, разрѣшеннымъ» (74). Это, къ сожалѣнію, также только благое пожеланіе г. Іоаннисіани, которое онъ по ошибкѣ принялъ за выводъ своей брошюры. Читатели нисколько не потеряли бы, если бы авторъ удовольствовался «золотой медалью» Петербургскаго университета и не печаталъ своего «сочиненія».

Безработица до сихъ поръ не получила у насъ такого остраго значенія, какъ на Западѣ. Причина этого заключается въ томъ, что значительная часть промышленныхъ рабочихъ еще не порвала всѣхъ связей съ деревней и земледѣліемъ, и при безработицѣ часть ихъ отливаетъ въ деревню, гдѣ—такъ или иначе—находитъ себѣ пропитаніе. Такимъ образомъ, деревня служитъ какъ бы предохранительнымъ клапаномъ для избытка рабочихъ рукъ въ промышленности. Но положительное значеніе этого обстоятельства далеко перевѣшивается отрицательными сторонами связи рабочихъ съ деревней. Пока классъ промышленныхъ рабочихъ не обособился, конкурренція пришельцевъ изъ деревни дѣлаетъ невозможной улучшеніе условій труда. Этимъ въ значительной степени объясняется низкій культурный уровень и standart of life русскаго рабочаго. По мѣрѣ того какъ такое обособленіе происходитъ, а оно неизбѣжно съ развитіемъ промышленности, благотворительность, какъ бы хорошо она ни была организована, будетъ безсильна бороться съ безработицей. Объ этомъ свидѣтельствуетъ опытъ западной Европы. Вообще безработица составляетъ такую болѣзнь современной хозяйственной системы, которая не поддается лѣченію палліативами, а требуетъ радикальнаго устраненія. Но, во всякомъ случаѣ, профессіональная взаимопомощь (въ формѣ союзовъ), которая у насъ до сихъ поръ обставлена

разными ограниченіями, имѣетъ нъ этомъ отношеніи неизмѣримо большее значеніе, чѣмъ дома трудолюбія и подобныя имъ учрежденія. «Занятія, созданныя въ рабочей колоніи насчетъ общества или частной благотворительности»,—говоритъ Гобсонъ («Проблемы бѣдности и безработицы». Спб. 1900 г., стр. 333),—«подарили бы такое же количество непредвидѣнной безработицы, какое они стремятся уничтожить» (вслѣдствіе конкурренціи, создаваемой ими). Такимъ образомъ дома трудолюбія могутъ оказаться совершенно безплоднымъ учрежденіемъ. Но значеніе непосредственной помощи за ними все же остается.

Б. А.

ФИЛОСОФІЯ И ПСИХОЛОГІЯ.

Кюльпе. «Введеніе въ философію».—*Фонсегривъ.* «Элементы психологіи».—*Паульсенъ.* «Образованіе».

Кюльпе. Введеніе въ философію. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей П. Д. Струве. Спб. 1901. Книга Кюльпе представляетъ прекрасное дополненіе къ книгѣ Паульсена «Введеніе въ философію», о которой мы говорили въ «М. Б.» (1900, № 2). Хотя книга Паульсена и называется только «Введеніемъ въ философію», но въ дѣйствительности она представляетъ попытку самостоятельнаго построенія системы философіи. Книга Кюльпе написана по иному типу. Она, по большей части, объективно знакомитъ съ основными философскими проблемами. Она знакомитъ съ основными направленіями въ философіи, съ подраздѣленіемъ философіи на отдѣльныя дисциплины, отношеніе философіи къ другимъ наукамъ. Знакомитъ въ сжатомъ видѣ съ основными вопросами отдѣльныхъ философскихъ дисциплинъ, какъ, напр., этики, теоріи познанія и и др. Изъ личныхъ воззрѣній автора обратимъ вниманіе на слѣдующія. Онъ подвергаетъ очень обстоятельной критикѣ волюнтаризмъ Паульсена и Вундта. Въ ученіи о душѣ, онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ не многихъ, которые въ настоящее время отвергаютъ психофизическій монизмъ и признаютъ возможнымъ дуалистическое пониманіе.

Намъ кажется очень важнымъ то обстоятельство, что книга Кюльпе является апологіей философіи, какъ науки. По его мнѣнію, философія преслѣдуетъ слѣдующія основныя задачи. Первая изъ этихъ задачъ состоитъ въ «научной выработкѣ міросозерцанія, которое представляло бы собою завершеніе и объединеніе научнаго познанія, въ то же время удовлетворяло бы и практической потребности въ обоснованномъ жизнепониманіи». Вторая задача философіи состоитъ въ изслѣдованіи предпосылокъ всякой науки. Это есть собственно то, что мы называемъ теоріей познанія. По мнѣнію Кюльпе, отдѣльные науки никогда не будутъ въ состояніи разрабатывать основныхъ своихъ предпосылокъ; это навсегда останется функціей философіи. Наконецъ, по мнѣнію Кюльпе, задачей философіи можетъ быть подготовка новыхъ спеціальныхъ научныхъ знаній. Существованіе такой важной задачи Кюльпе объясняетъ слѣдующимъ образомъ. Философія или метафизика поставляетъ цѣлью объединить общую сумму научнаго познанія и вслѣдствіе этого имѣетъ возможность обратить наше вниманіе на то, что не хватаетъ знанію, но что можетъ быть разсматриваемо, тѣмъ не менѣе, какъ возможный результатъ прогрессирующаго изслѣдованія.

Разумѣется, онъ подъ философіей понимаетъ не что-нибудь отдѣльное отъ наукъ, а наоборотъ, по его мнѣнію, «философія призваніе свое должна видѣть не въ изолированности отъ другихъ наукъ, а лишь въ постоянномъ взаимодѣйствіи съ соціальными науками. Ея задача—брать отъ нихъ то, что онѣ могутъ дать и давать имъ то, въ чемъ онѣ нуждаются».

Совершенно правильно, по нашему мнѣнію, Кюльпе рисуетъ отношеніе философіи къ отдѣльнымъ наукамъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ. Первоначально «царственная философія безраздѣльно владычествовала надъ отдѣльными дисциплинами, рѣшала ихъ разногласія, подавала имъ мудрые совѣты и щедро открывала свою сокровищницу идей и методовъ для нуждающихся въ этомъ наукъ», но потомъ, какъ извѣстно, царица была низвергнута съ трона и казалось бы, что такое положеніе вещей должно остаться навсегда. Но произошло нѣчто, благодаря чему философія опять стремится къ царственному положенію. «Отвергнутая и презираемая царица углубилась въ себя, отказалась отъ простыхъ продуктовъ діалектическихъ ухищреній, научилась быть дѣльной и точной въ маломъ и склоняться предъ силой фактовъ. И когда подвластныя ей науки съ близорукой суетливостью устремились къ покинутому скипетру, и хотѣли-было избрать владычицей бездушную куклу матеріализма, то философія вновь выступила въ крѣпкой бронѣ теоріи познанія, отразила бурю и яснымъ мудрымъ словомъ увѣщанія сдержала необдуманныхъ. Съ тѣхъ поръ ея престижъ значительно повысился, особенно когда было замѣчено, что она уже болѣе не одержима властолюбіемъ».

Мы позволили бы себѣ рекомендовать книгу Кюльпе, которая вмѣстѣ съ книгой Паульсена составляетъ очень цѣнное пріобрѣтеніе для нашей литературы. Слѣдуетъ прибавить, что переводъ сдѣланъ вполнѣ тщательно. Нельзя того же сказать относительно указателя литературы по философіи на русскомъ языкѣ. По нашему мнѣнію, такой указатель долженъ стремиться къ тому, чтобы познакомить читателя съ литературой наиболѣе доступной. Такой указатель нуженъ тому читателю, который пожелаетъ ближе ознакомиться съ тѣмъ или другимъ вопросомъ. Между тѣмъ, указатель, повидимому, преслѣдовалъ другія задачи, онъ именно хотѣлъ познакомить съ тѣмъ, какая вообще существуетъ литература на русскомъ языкѣ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, считать цѣлесообразнымъ, когда читателя, заинтересовавшагося вопросомъ о несостоятельности матеріализма, отсылаютъ къ статьѣ Юркевича, помѣщенной въ «Журналѣ Минист. Народн. Просвѣщ.» за 1860 г. Для кого изъ провинціальныхъ читателей такая статья можетъ быть доступной? Для ознакомленія съ современными направленіями въ философіи читатель отсылается къ статьѣ Козлова въ «Заграничномъ Вѣстникѣ» за 1881—1882 годъ, между тѣмъ на ту же тему есть книга Введенскаго о «Философіи на Западѣ», болѣе отвѣчающая современному состоянію философіи. По вопросу о «свободѣ воли» указываются, между прочимъ, двѣ журнальныхъ статьи, имѣющихъ случайный характеръ, а большая книга *Фулье* о «Свободѣ и необходимости» не упоминается.

Г. Челпановъ.

Фонсегривъ. «Элементы психологіи». Переводъ съ французскаго подъ редакціей, съ измѣненіями и дополненіями П. П. Соколова. М. 1900. При растущей у насъ потребности къ философскому образованію, книжка Фонсегрива можетъ оказаться очень полезной. Она представляетъ собою учебникъ психологіи, который употребляется въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Франціи, гдѣ, какъ извѣстно, преподаваніе философіи ведется въ довольно значительныхъ размѣрахъ. Каждая глава снабжена резюме, которое даетъ возможность изучающему ее еще разъ продумать изученное. Мы считаемъ особенно цѣннымъ въ книжкѣ то, что она даетъ мѣсто всѣмъ вопросамъ психологіи общаго характера. Хотя такъ называемой физіологической психологіи въ книжкѣ Фонсегрива почти совсѣмъ не удѣляется самостоятельнаго мѣста, однако авторъ считается съ выводами этой послѣдней. Вообще эта книжка, по замѣчанію редактора перевода, «представляетъ изъ себя соединеніе спиритуалистической психологіи и современныхъ выводовъ экспериментальной психологіи англійской и нѣмецкой». Общіе вопросы психологіи разработаны вполнѣ обстоятельно.

Всѣмъ начинающимъ можно рекомендовать эту книгу въ качествѣ первоначальнаго руководства. Книга переведена очень хорошо. Во многихъ случаяхъ редакторъ перевода дѣлалъ дополненія и передѣлки, когда это ему казалось необходимымъ въ интересахъ удопонятности. Книжка снабжена очень полнымъ библіографическимъ указателемъ (можетъ быть, болѣе полнымъ, чѣмъ это необходимо для начинающаго) сочиненій по психологіи. Къ сожалѣнію въ нихъ не достаетъ обычныхъ во всякой библіографіи хронологическихъ датъ, что часто представляется очень важнымъ, ибо даетъ читателю возможность опредѣлить, съ какимъ сочиненіемъ онъ имѣетъ дѣло, со старымъ или новымъ.

Г. Челпановъ.

Ф. Паульсенъ. «Образованіе». Пер. съ нѣмецкаго. Изд. Сабашниковыхъ. Москва. 1900. Стр. 41. Ц. 15 к. Нельзя не отмѣтить съ особеннымъ удовольствіемъ появленія въ русскомъ переводѣ статьи берлинскаго профессора философіи и педагогики Паульсена изъ «Энциклопедическаго руководства педагогики». Возвышенный идеалистическій взглядъ автора на образованіе лучше всего воспроизвести въ его собственныхъ словахъ. «Если образованіе—говоритъ онъ,—сообразно этимологіи слова и идеѣ человѣка, означаетъ формировку внутренней жизни внутреннимъ творческимъ началомъ, то мы не можемъ назвать образованіемъ наборъ представленій и словъ, хотя бы даже латинскихъ и греческихъ. Если бы кто-нибудь зналъ наизусть даже всего Мейера или Брокгауза, это не заставило бы насъ признать его образованнымъ; напротивъ, мы предположили бы, что онъ внутренно безформенъ или необразованъ, такъ какъ умъ не въ силахъ дѣйствительно усвоить и претворить въ себѣ этотъ неизмѣримый матеріалъ» (стр. 21). «Истинно, добросовѣстно образованнымъ мы признаемъ всякаго, кто пріобрѣлъ способность съ того мѣста, на которое онъ поставленъ природой и судьбой, оріентироваться въ окружающей дѣйствительности и создать себѣ собственный гармоническій духовный міръ, великій или малый—безразлично. Не количествомъ того, что знаетъ или что изучилъ человѣкъ, опредѣляется образованность, но силой и самобытностью, съ которыми онъ усвоилъ изученное и съ которыми пользуется имъ для уразумѣнія и оцѣнки представляющихся ему явленій» (стр. 19). Это пониманіе сущности образованія, къ которому авторъ приходитъ послѣ тщательнаго анализа его понятія и послѣ разсмотрѣнія его историческихъ судебъ, онъ противопоставляетъ ходячему воззрѣнію, стремящемуся создать изъ образованія новую привилегію для соціальныхъ подраздѣленій. «По общепринятому смыслу,—говоритъ онъ,—образованіе является прежде всего исключительною принадлежностью опредѣленныхъ классовъ: крестьянинъ или сапожникъ не можетъ быть причисленъ къ «образованнымъ», а поручикъ или тайный совѣтникъ, хотя бы онъ въ отдѣльномъ случаѣ говорилъ или велъ себя какъ необразованный, все-таки остается «образованнымъ человѣкомъ». Все дѣло въ томъ, что образованность по общепринятому смыслу тожественна съ обладаніемъ школьными знаніями, которымъ извѣстный слой населенія отличается отъ массы. Но я не вижу возможности согласиться съ этимъ словоупотребленіемъ, не насилуя смыслъ слова образованіе, вытекающій изъ сущности дѣла» (стр. 20).

Переводъ брошюры Паульсена, распространеніе которой желательно въ возможно болѣе широкихъ кругахъ читателей, можно было бы признать вполнѣ удачнымъ, если бы при передачѣ одного основного термина не вкрался весьма печальный недосмотръ. Нѣмецкія слова «höhere Schulen» и «höhere Bildung» переведены на русскій языкъ этимологически словами «высшія школы», «высшее образованіе», между тѣмъ какъ фактически они соотвѣтствуютъ нашимъ среднимъ школамъ и среднему образованію. Поэтому, при дословной передачѣ слова «höhere», въ данномъ случаѣ необходимо было въ особомъ примѣчаніи отмѣтить разницу во взглядахъ на школьное образованіе, отразившуюся на тер-

минахъ. Такое примѣчаніе могло бы также помочь читателю разобраться въ вопросѣ, который намѣчаетъ г. Гершензонъ въ своемъ краткомъ, но мѣткомъ предисловіи къ статьѣ Паульсена, связывая выходъ ея въ русскомъ переводѣ съ обсуждаемой теперь у насъ реформой нашей средней школы. Въ противоположность нашей средней школѣ или гимназіи соотвѣтствующая ей нѣмецкая школа, дающая своимъ питомцамъ «высшее образованіе» въ отличіе отъ «академическаго», или университетскаго, является заключительной, подготовляющей къ жизни, такъ что въ Германіи нерѣдко можно встрѣтить купца или сельскаго хозяина, получившаго свое образованіе въ «классической гимназіи», а не въ коммерческомъ или агрономическомъ училищѣ. Въ необходимости сдѣлать цѣлью и нашей средней школы подготовку къ жизни, а не къ другому учебному заведенію, но никакъ не въ замѣнѣ дрессировки въ одномъ языкѣ дрессировкой въ другомъ заключается разрѣшеніе *нашего школьнаго вопроса.*

Б. К—скій.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

М. Тихвинскій. «Методъ и система современной химіи». *Д. Арчибальдъ.*— «Атмосфера».

М. Тихвинскій. «Методъ и система современной химіи». Изданіе О. Н. Поповой. 1900 г. 340 стр. Цѣна 2 руб. «Методъ и система современной химіи» — заглавіе не вполнѣ соотвѣтствующее содержанію разбираемой нами книжки—съ одной стороны оно уже, съ другой шире этого содержанія.

Книжка г. Тихвинскаго представляетъ собою просто небольшой учебникъ химіи, въ которомъ теоретической и физической части этой науки отведено довольно значительное мѣсто. Конечно, въ учебникѣ нельзя обойти вопросовъ о методѣ и системѣ химіи, но почему авторъ далъ такое заглавіе всей книжкѣ намъ непонятно, хотя г. Тихвинскій и стремится въ своемъ предисловіи выяснить это.

«Настоящая книжка —говоритъ онъ,—не представляетъ собою учебника въ томъ смыслѣ, въ какомъ этотъ родъ изложенія обыкновенно принимается (?)». Для обоснованія этого положенія авторъ приводитъ слѣдующія доказательства: 1) Въ его книжкѣ «старательно отдѣлена опытная основа химіи отъ гипотетическихъ ея построеній». Но въ какомъ же хорошемъ учебникѣ они спутаны?! 2) Книжка дѣлится на двѣ части: «теоретическую» и «описательную». Но вѣдь это же самое обычное дѣленіе, разъ излагается *вся* химія цѣликомъ. 3) Изъ того, что «первая глава содержитъ опытный химическій матеріалъ. необходимый для вывода опредѣленій и основныхъ положеній химіи *внѣ гипотезъ*, а «во второй собранъ экспериментальный матеріалъ физическаго характера, нужный для формировки образныхъ представленій о строеніи вещества и теченіи въ немъ физико-химическихъ процессовъ», по мнѣнію автора, неизбѣжно слѣдуетъ, что и «гипотетическій элементъ—молекулярная теорія, стереохимическія представленія, структурная теорія являются уму, какъ нѣчто, въ чемъ позволительно сомнѣваться». Позволяю себѣ сомнѣваться, чтобы читателю книжки г. Тихвинскаго эта гипотетичность теорій стала бы ужъ столь ясной. Но не въ этомъ дѣло, положимъ, что автору удалось ясно разграничить опытную основу химіи отъ гипотетической. Почему же это должно выдѣлить его книгу изъ среды другихъ учебниковъ и почему ей можно дать то заглавіе, которое красуется на обложкѣ? Можетъ быть есть другія основанія?

«Характеръ изложенія въ обѣихъ частяхъ книжки,—говоритъ авторъ,—различенъ. Въ теоретической части авторъ старался вести читателя индуктивнымъ

путемъ къ наиболѣе широкимъ обобщеніямъ химіи — съ тѣмъ, чтобы затѣмъ исходить дедуктивно только изъ положеній, завоеванныхъ этимъ, быть можетъ нѣсколько утомительнымъ, но вѣрнымъ путемъ. Сообразно съ этимъ, въ описательной части чаще употребляется уже методъ дедуктивный. Такая послѣдовательность въ употребленіи обоихъ методовъ мышленія была выбрана потому, что она пріучаетъ читателя разбираться, въ какой мѣрѣ данное положеніе опирается на индуктивную лѣстницу заключеній, восходящую отъ опытнаго матеріала, и тѣмъ даетъ ему возможность вѣрнѣе оцѣнивать значеніе формы, въ которую выливается феноменъ, будь то научная система, теорія или гипотеза... Такое содержаніе заставило назвать этотъ небольшой трудъ «Методомъ и системой химіи». Но почему же «заставило»? Оставляя даже въ сторонѣ вопросъ о томъ, поскольку таковое употребленіе индуктивнаго и дедуктивнаго пріемовъ изложенія оригинально для того, чтобы такъ его подчеркивать, все же и послѣ этихъ объясненій автора остается неяснымъ, почему же книжка его не учебникъ химіи, а нѣчто единственное въ своемъ родѣ.

Если автору не нравилось скучное названіе «учебникъ», то вѣдь въ его въ рукахъ имѣлись другіе заголовки, напримѣръ, просто «Химія», «Современная химія», «Основы химіи», заголовки, которые подходили бы къ содержанію разбираемой нами книжки еще болѣе, чѣмъ «учебникъ химіи», такъ какъ дѣйствительно имѣется основаніе, по которому и я не назвалъ бы ее учебникомъ: учебникъ пишется для того, чтобы по нему учиться, — по книжкѣ же г. Тихвинскаго *учиться* трудно.

Вообще я сильно затрудняюсь опредѣлить тотъ кругъ читателей, на который разсчитанъ «Методъ и система химіи». Для лицъ, стремящихся самостоятельно, безъ помощи преподавателей, познакомиться съ химіей, разбираемая книжка трудна, а главное, слишкомъ кратка и даже конспективна; для студентовъ— слишкомъ мала; скорѣе всего она можетъ принести пользу лицамъ, уже знакомымъ съ элементарнымъ курсомъ химіи, но желающимъ нѣсколько расширить свои знанія по теоретической химіи, такъ какъ въ элементарныхъ учебникахъ на этотъ отдѣлъ, обыкновенно, обращаютъ гораздо меньше вниманія, чѣмъ то сдѣлано въ книжкѣ г. Тихвинскаго.

Выполнена поставленная авторомъ задача добросовѣстно и съ знаніемъ дѣла. Теоретическая часть, раздѣленная на 5 главъ (глава I «Основныя химическія понятія. Законы взаимодѣйстія тѣлъ». Глава II «Характеристика трехъ состояній матеріи». Глава III. «Представленіе о строеніи матеріи». Глава IV. «Химическій процессъ. Виды и условія химическаго превращенія». Глава V. «Классификація химическихъ соединеній»), даетъ довольно полное представленіе объ этомъ, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе важномъ, отдѣлѣ химіи. Съ педагогической точки зрѣнія автора даже можно упрекнуть въ томъ, что онъ — съ одной стороны слишкомъ много втиснулъ въ такой малый объемъ и потому поневолѣ необычайно кратокъ даже при выясненіи твердо установленныхъ законностей,—съ другой — слишкомъ много останавливается на такихъ теоріяхъ, какъ теорія іоновъ, которую, казалось бы, при элементарномъ изложеніи, можно было бы, если не совсѣмъ обойти, то, по крайней мѣрѣ, не класть въ основу объясненія явленій. Врядъ ли при такомъ неравновѣсіи частей авторъ достигнетъ своей цѣли и его читатели сумѣютъ «достаточно ясно отдѣлить въ данномъ химическомъ выраженіи гипотетическій элементъ отъ опытнаго».

Съ этой педагогической точки зрѣнія II-я описательная часть разбираемой нами книжки составлена несравненно лучше. Выборъ матеріала сдѣланъ умѣло; излагается только самое главное, необходимое, какъ въ научномъ, такъ и въ практическомъ отношеніи, но и здѣсь чувствуется сильное тяготѣніе автора къ іонамъ.

Въ теоретической части автору приходится, конечно, вдаваться и въ область чистой физики; здѣсь г. Тихвинскій не всегда у себя дома. Такъ, напримѣръ, при объясненіи круговой поляризаціи, авторъ очевидно, смѣшиваетъ послѣднюю съ простымъ двупреломленіемъ.

Активныя тѣла, по мнѣнію г. Тихвинскаго, возстановляютъ свѣтъ въ поляризаціонномъ приборѣ при перекрещенныхъ николяхъ, неактивныя «не оказываютъ на поляризованный лучъ никакого вліянія». «Неактивными оказываются всѣ тѣла аморфныя, а изъ кристаллическихъ — кристаллизующіяся въ правильной системѣ, затѣмъ многія жидкости. Такъ, неактивны: стекло, поваренная соль, квасцы, вода. Активны всѣ остальныя кристаллическія тѣла и нѣкоторыя жидкія углеродистыя соединенія» (стр. 99). Ошибка, къ сожалѣнію, довольно элементарная.

Тоже происходитъ съ авторомъ, когда онъ вдается въ область минералогіи и кристаллографіи. Напримѣръ, на стр. 170 онъ утверждаетъ, что сѣра въ природѣ встрѣчается въ «октаэдрахъ», тогда какъ она кристаллизуется въ ромбической системѣ; на стр. 171 про ту же сѣру говорится, что она диморфна, тогда какъ въ настоящее время извѣстно, по крайней мѣрѣ, 6 полиморфныхъ кристаллическихъ разностей сѣры, не считая аморфныхъ. Больше, чѣмъ эти недосмотры и промахи, портятъ разбираемую книжку изложеніе и языкъ автора: — изложеніе часто неясное и запутанное, языкъ небрежный. Чтобы не быть голословными, укажемъ слѣдующія страницы первой части — 3, 4, 45, 51, 52 и 57. Здѣсь встрѣчаются, напримѣръ, такія мѣста: «Свинецъ подъ большимъ давленіемъ вытекаетъ изъ отверстія въ видѣ струи, которая вслѣдъ а отверстіемъ оказывается сжатою такъ же, какъ это бываетъ и при обыкновенныхъ жидкостяхъ» (стр. 45), или, напримѣръ стр. 51. «Обратимъ вниманіе на то, что всѣ мнѣнія, которыя привели насъ къ представленію о частицѣ, суть живое свидѣтельство природы: понятіе частицы есть лишь отвлеченный образъ, соотвѣтствующій наблюдаемому порядку вещей. Но ясно (?!), что подобное объясненіе (?) по своей научной цѣли много ниже тѣхъ самыхъ явленій, которыя оно призвано объяснять: ибо сущность явленій можетъ быть совершенно иной, безъ того, чтобы внѣшнее ихъ на насъ воздѣйствіе, «окружающій міръ» измѣнился». Намъ ясно, что авторъ показываетъ свое знакомство съ критической философіей, но ясно также и то, что представленіе читателя книжки г. Тихвинскаго о матеріальной частицѣ послѣ сего выпада автора врядъ ли прояснится. Поразило насъ рядомъ съ такимъ стремленіемъ къ философской точности и слѣдующій антропоморфный пріемъ автора (стр. 88 и 89). «Положительныя превращенія,—выясняетъ онъ,—такъ сказать, угодны природѣ, а отрицательныя нѣтъ; за совершеніе какого либо неугоднаго природѣ отрицательнаго процесса намъ ей приходится платить соотвѣтственнымъ положительнымъ».

Несмотря на всѣ указанные выше недостатки, все же «Методъ и система химіи» г. Тихвинскаго желательное явленіе въ нашей бѣдной педагогической литературѣ по естествознанію: — это первая оригинальная попытка охватить въ небольшой книжкѣ всю совокупность фактовъ и теорій современной химіи — и за эту попытку, которая при слѣдующихъ изданіяхъ, конечно, явится уже свободной отъ внѣшнихъ промаховъ и недостатковъ, нельзя не привѣтствовать автора.

Внѣшняя сторона изданія — довольно приличная, но цѣна книжки крайне высока даже, а для русскаго читателя популярныхъ книгъ, избалованнаго низкими цѣнами, въ особенности. *В. Агафоновъ.*

Д. Арчибальдъ. Атмосфера. Перев. съ англійск. С. Федоровскаго, подъ ред. Вл. Герда. Изд. О. Н. Поповой. 1900 г. Ц. 80 коп. 194 стр. Эта маленькая книжка является одной изъ весьма полезныхъ популяризацій.

Не вдаваясь въ подробности, авторъ стремится выяснить всѣ основные вопросы метеорологіи и только «съ умысломъ» не касается вопроса о погодѣ. Въ умѣньи выдѣлить наиболѣе существенное изъ той громадной массы фактовъ, теорій и гипотезъ, самыхъ разнообразныхъ и зачастую противорѣчивыхъ, которая составляетъ предметъ современной метеорологіи, въ педагогической выдержкѣ научной перспективы, по нашему мнѣнію, главная заслуга автора — извѣстнаго англійскаго метеоролога. Центръ тяжести книжки лежитъ въ выясненіи законностей распредѣленія давленій въ атмосферѣ и связаннаго съ этимъ распредѣленіемъ круговорота атмосферы; этому посвящена большая половина книжки (главы: III. Давленіе и вѣсъ атмосферы. IV. Температура атмосферы. V. Общій круговоротъ въ атмосферѣ. VI. Законы, управляющіе явленіями въ атмосферѣ. IX. Циклоны. XII. Вихри, смерчи, торнадо и грозовыя бури).

Кромѣ этого кардинальнаго вопроса метеорологіи, кратко, но все же довольно обстоятельно, выяснены г. Арчибальдомъ явленія росы, тумана и облаковъ (гл. VII), но дождю, снѣгу и граду отведено ужъ слишкомъ мало мѣста. Также едва только тронутъ вопросъ о различныхъ оптическихъ явленіяхъ, происходящихъ въ атмосферѣ, каковы, напр., окраска неба при закатѣ и заходѣ солнца, явленія halo, ложныя солнца, миражи, сѣверныя сіянія и т. п.

Двѣ небольшія главы (17 стран.) посвящены вопросамъ о происхожденіи, высотѣ и составѣ атмосферы. Въ этихъ главахъ намъ показались неудобными нѣкоторыя антропоцентрическія экскурсіи, производимыя авторомъ, вѣроятно, съ педагогическою цѣлью. Такъ, выясняя значеніе различныхъ составныхъ частей воздуха для человѣческаго организма, авторъ утверждаетъ, что еслибъ въ воздухѣ было больше кислорода, то наша жизнь стала бы еще короче, мы были бы неспособны къ усидчивому труду, и въ «чрезмѣрномъ возбужденіи, вѣроятно, скоро бы истребили бы другъ друга»; съ другой стороны — избытокъ азота превратилъ бы насъ въ «мумій, безстрастныхъ, бездѣятельныхъ, безжизненныхъ, — словомъ, въ матерію безъ движенія». Изъ этого г. Арчибальдъ дѣлаетъ выводъ, что «существующее теперь отношеніе между газами атмосферы какъ разъ отвѣчаетъ нашимъ настоящимъ потребностямъ». (Удивительно, еслибъ было иначе!). Людей съ естественно-историческимъ образованіемъ, такія экскурсіи заставятъ только улыбнуться, но для большинства, педагогическіе пріемы подобнаго рода прямо вредны, такъ какъ вносятъ путаницу въ слагающееся еще міропониманіе.

Послѣднія двѣ главы являются какъ бы приложеніемъ: въ нихъ авторъ знакомитъ читателя, хотя крайне неполно, съ современнымъ состояніемъ вопроса о воздухоплаваніи и съ вліяніемъ климата на людей (послѣдняя глава носитъ почему-то неясное заглавіе «Жизнь въ атмосферѣ»). Вѣроятно, благодаря этой краткости и могли появиться въ книжкѣ г. Арчибальда прямолинейныя утвержденія въ родѣ того, что «сухой, континентальный, съ рѣзкими колебаніями климатъ Сѣв. Америки объясняетъ собою дѣятельный и предпріимчивый характеръ американцевъ... Разслабляющая апатія и вялость нервовъ, свойственная уроженцамъ тропическихъ береговыхъ странъ, является точно также прямымъ слѣдствіемъ жаркаго и влажнаго климата» (стр. 180). Казалось, слѣдовало бы въ этомъ приговорѣ дать климату и нѣкоторыя смягчающія обстоятельства. Вообще усиленная краткость сильно повредила книжкѣ г. Арчибальда; поэтому иногда объясненія автора таковы, что, только зная предметъ, можно догадаться о чемъ онъ говоритъ; приведу, напр., слѣдующее мѣсто (стр. 17): «Лордъ Ралей показалъ, что эти мельчайшія пылевыя частички воздуха, разсѣевая короткія волны свѣта въ (?) лучахъ, принадлежащихъ къ фіолетовому краю спектра, обусловливаютъ собою голубой цвѣтъ неба; потому-то, при поднятіи вверхъ, вслѣдствіе постепеннаго уменьшенія числа пылевыхъ частицъ, небо кажется намъ все болѣе и болѣе чер-

нымъ». Языкъ автора тоже не изъ легкихъ — часто нужно нѣсколько разъ перечитать одну и ту же фразу, чтобы добраться до смысла. Впрочемъ, не падаетъ ли часть вины въ этомъ на переводчика? Но, несмотря на эти недостатки, все же «Атмосфера» Арчибальда явится весьма полезной книгой для того, кто пожелаетъ ознакомиться съ метеорологіей и не побоится затратить на это 7—8 вечеровъ довольно упорнаго труда.

В. Агафоновъ.

ГЕОГРАФІЯ.

«Крыша міра». Описаніе центральной Азіи. Составила Д. Котляръ. Изданіе О. Н. Поповой. 1900 г. Цѣна 80 коп. Подъ такимъ неподходящимъ заглавіемъ издана недавно О. Н. Поповой небольшая книжка для юношества, трактующая на 163 страницахъ о Халхѣ, Инь—шанѣ, Ордосѣ, Нань-шанѣ, верховьяхъ Желтой рѣки, Куку-норѣ, Тибетѣ, Джунгаріи, Восточномъ Туркестанѣ и, наконецъ, Памирѣ, къ которому собственно и должно было-бы относиться вышеприведенное заглавіе, такъ какъ большинство изъ перечисленныхъ выше странъ, конечно, претендовать на него не можетъ.

Книжка составлена г-жей Д. Котляръ по Пржевальскому, Гедину и Саваджу. Идея, положенная въ основу ея, безпорно добрая: дать учащемуся юношеству и вообще большой публикѣ достаточно полное представленіе о различныхъ странахъ, входящихъ въ составъ такъ называемой Внутренней Азіи, а, потому мнѣ, какъ рецензенту, остается лишь указать на то, въ какой мѣрѣ умѣло и добросовѣстно отнеслась въ своей не легкой задачѣ г-жа Котляръ.

Пересказу предшествуетъ слѣдующее вступленіе: «Памиръ значитъ «Крыша міра». По народнымъ преданіямъ, здѣсь жили первые люди, отсюда вытекали четыре, упоминаемыя въ Библіи рѣки, орошавшія рай (?!), отсюда древніе великаны обозрѣвали всю землю (!). Трудно, очень трудно взобраться на эту крышу; съ какой стороны ни подойдешь, всюду наткнешься на почти непроходимыя преграды». Обзоръ подступовъ къ Памиру госпожа Котляръ начинаетъ съ Халхи, причемъ посвященная послѣдней глава (первая) начинается слѣдующими словами: «На востокѣ *этой области* залегла громаднѣйшая пустыня, которая занимаетъ всю средину Азіи. Пустыня эта называется Гоби, или Шамо, и тянется съ запада на востокъ на 4.000 верстъ, въ ширину же, т. е. съ сѣвера на югъ, имѣетъ приблизительно около 1.000 верстъ, мѣстами немного больше, мѣстами меньше. Вся эта пустыня представляетъ безконечную равнину, которая со всѣхъ сторонъ окружена высочайшими горами. На сѣверѣ одинъ за другимъ тянутся высокіе сибирскіе хребты—Алтай и др.; на востокѣ—*дикій и непроходимый Ханькоу* (непонятная ошибка); на югѣ—покрытый вѣчными снѣгами Куэнъ-люнь и Китайскія горы (это Китайскія-то горы—высочайшія!); на западѣ—рядъ великановъ-горъ, которыя сторожатъ входъ на «крышу міра». О какой области здѣсь идетъ рѣчь: о Памирѣ? не можетъ быть, потому что сторожащія горы-великаны, по словамъ самой же составительницы, находятся на западѣ; о Халхѣ? но Халху никто и никогда еще не смѣшивалъ съ Восточнымъ Туркестаномъ. Дальнѣйшее не разсѣиваетъ вашего недоумѣнія; но зато здѣсь ошибки громоздятся на ошибки. Судите сами: «Горы, окаймляющія внутреннюю Азію съ сѣвера и востока, пишетъ, напримѣръ, г-жа Котляръ, сравнительно ниже (вѣроятно, горъ, окаймляющихъ ее съ юга и запада?); *поэтому* вѣтры, несущіе *влагу съ Ледовитаго* и Великаго океана, проникаютъ сюда» (въ дѣйствительности какъ разъ наоборотъ, такъ какъ влага приносится въ Халху съ юго-востока). «На западѣ Цайдамъ *сливается* съ безграничными степями Гоби и Восточнаго Туркестана».

«Самое обширное изъ *болотъ* Цайдама—равнина Сыртынъ». Въ южной половинѣ внутренней части Гоби, не имѣющей ни рѣкъ, ни ручьемъ, ни ключей, зимой «снѣгу выпадаетъ много: онъ покрываетъ землю *сплошнымъ* слоемъ въ $^1/_2$ фута толщиной, а въ сугробахъ до 2-хъ футовъ». «Растительность здѣсь (во внутренней Гоби) крайне бѣдная: деревьевъ совсѣмъ нѣтъ, да и какъ бы они могли расти, если здѣсь *всю весну и зиму* почти *изо дня въ день* бушуютъ страшные вѣтры, которые вырываютъ съ корнемъ даже полынь, скручиваютъ ее въ большіе снопы и катятъ по равнинѣ!» «Монголы дѣлятся на много племенъ: халхасцы, цахары, *тангуты* и др.». «Они (монголы) подчинены китайцамъ и *по требованію послѣднихъ* должны, въ знакъ своего подчиненія, брить голову, оставляя только на затылкѣ небольшой пучокъ волосъ, который, подобно китайцамъ, заплетаютъ въ длинную косу» (монголы носятъ косы въ знакъ подчиненія манчжурамъ, а не китайцамъ, которые до покоренія ихъ манчжурами тоже косъ не носили). «Монголы напиваются кумысомъ до-пьяна (не кумысомъ, а водкой собственнаго изготовленія). Они же живутъ въ *южныхъ* областяхъ имперіи (стр. 25). «Самое важное изъ встрѣчающихся здѣсь (въ сыпучихъ пескахъ Ордоса!!) растеній есть лѣкарственный ревень». (Г-жа Котляръ даетъ и рисунокъ лѣкарственнаго ревеня, взятый изъ книги Пржевальскаго «Третье путешествіе въ Центральную Азію», текстъ же буквально заимствованъ изъ другого сочиненія того же путешественника, «Монголія и страна тангутовъ» стр. 131, гдѣ, однако, описывается флора не Ордоскихъ песковъ, а флора долины Желтой рѣки, точнѣе—ея береговой террасы, и говорится о лѣкарственномъ или солодковомъ корнѣ—Glycyrrhiza urabnsio, а не о лѣкарственномъ ревенѣ—Rheum palmatum). И такъ все въ этомъ родѣ.

Но оставимъ описаніе Монголіи, Ордоса, Ала-шаня, Цайдама, Куку-нора и Тибета или, точнѣе, не описаніе этихъ странъ, а испорченное въ пересказѣ г-жи Котляръ изложеніе маршрутовъ по нимъ Н. М. Пржевальскаго, и перейдемъ къ заключительнымъ главамъ разбираемой книги—восьмой и девятой, посвященнымъ описанію «крыши міра», т.-е. Памира.

Эти главы составлены по Гедину. Почему по Гедину? Почему для описанія страны, входящей большею своею частью въ составъ земель Россійской имперіи, понадобился такой источникъ, какъ трудъ шведскаго путешественника? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ сама г-жа Котляръ въ предисловіи: *Памиръ и Восточный Туркестанъ* Гединъ описываетъ подробно, потому что *эти страны до него еще не были изслѣдованы*. Это пишется въ Россіи, а не гдѣ-либо за-границей, гдѣ такъ мало знаютъ наше отечество, что даже такія нелѣпыя книги, какъ книга Мунро о до-петровской Россіи, производятъ сенсацію, это говоритъ писательница, претендующая на то, чтобы поучать юношество. Но посмотримъ, что же заимствовала г-жа Котляръ изъ книги Гедина.

Вѣрная высказанной во вступленіи мысли, что трудно взобраться на «крышу міра», г. Котляръ начинаетъ восьмую главу слѣдующими словами: «Существуетъ еще и третій путь на «крышу міра» (замѣтимъ, что въ книгѣ г-жи Котляръ о первыхъ двухъ не говорится ни слова)—съ сѣвера, черезъ Алайскія горы. Не легокъ и этотъ путь; много путешествующихъ людей гибнетъ здѣсь во время страшныхъ зимнихъ бурановъ, много каравановъ погребено громадными снѣжными лавинами». Это—прежде всего—совершенный вздоръ, такъ какъ путь на Алай, наоборотъ, очень легокъ, почему эта превосходная и необъятная долина съ незапамятныхъ временъ и служила обширной лѣтовкой для ферганскихъ киргизовъ; засимъ о погибели подъ снѣжными лавинами отдѣльныхъ путешественниковъ, а тѣмъ болѣе цѣлыхъ каравановъ, тоже ничего неизвѣстно, хотя бы уже потому, что никакихъ каравановъ на Памиръ не ходитъ, тѣмъ паче—зимой. Но оставимъ въ покоѣ собственныя измышленія г-жи Котляръ

и перейдемъ къ описанію «крыши міра». Увы! или къ счастью?—этого описанія разбираемая книжка намъ не даетъ, зато она даетъ пересказъ «подвиговъ» «единственнаго» изслѣдователя Памира—шведа Гедина.

Еще въ 1871 году знаменитый, и дѣйствительно первый русскій изслѣдователь сѣверныхъ склоновъ Памира, А. П. Федченко проходилъ черезъ Исфайрамскій перевалъ (Тенгизъ-бай), а тридцать лѣтъ спустя г-жа Котляръ въ книгѣ для русскаго юношества отнесла открытіе его къ заслугамъ шведа Гедина! Судя по описанію А. П. Федченко, Исфайрамскій перевалъ очень легокъ (такимъ онъ и есть въ дѣйствительности), Гедину же онъ достался съ трудомъ потому, что путешественникъ этотъ выбралъ для прохода черезъ него самое неудачное время года, а именно, февраль мѣсяцъ. Зачѣмъ понадобилось Гедину идти черезъ Алайскія горы зимой, когда какія бы то ни было изслѣдованія становятся затруднительными и даже вполнѣ невозможными — это его дѣло, конечно. Но если онъ выбралъ зимнее время, когда по Исфайрамскому пути всякое движеніе прекращается, то, казалось бы, незачѣмъ было такъ долго останавливаться и на трудностяхъ этого пути, оказавшихся, впрочемъ, не бо̀льшими, чѣмъ тѣ, которыя онъ могъ бы встрѣтить, скажемъ, ну хотя бы подъ Петербургомъ, если вдругъ вздумалъ бы выѣхать въ Царское Село зимой не по желѣзной дорогѣ и не по торному санному пути, а напрямикъ, безъ дороги. Не то удивительно, что верблюды Гедина проваливались въ рыхлый снѣгъ по уши (sic! непонятно, однако, какъ спасали такихъ верблюдовъ), а то удивительно, что мѣстныя власти согнали на этотъ путь окрестныхъ киргизовъ для того, чтобы облегчить именитому иностранцу выполненіе его дикой спортсмэнской фантазіи... Какъ бы то ни было, Гединъ, совершивъ руками киргизовъ множество подвиговъ, но не сообщивъ русскому читателю ничего такого, чего бы онъ десятки разъ не читалъ, выбрался, наконецъ, въ Алайскую долину и подошелъ къ перевалу Кизылъ-артъ, ведущему на Памиръ.

Старый знакомый! Пишущему эти строки десятокъ разъ приходилось побывать на немъ и не мало дней прожить у его подошвы. Подъемъ на него просто шуточный. Но если бы такъ выразился и Гединъ, то ему нельзя было бы включить переходъ черезъ него въ число своихъ подвиговъ. И вотъ на сцену выступаютъ киргизы. «Утромъ, передъ выступленіемъ въ путь, всѣ киргизы пали на колѣни (т.-е. по-просту совершили обычную утреннюю молитву), горячо молясь Аллаху о благополучномъ переходѣ черезъ *это опасное мѣсто*, на которомъ часто разражаются внезапные, гибельные бураны... и горе тѣмъ, кого онъ (т.-е. буранъ) застигнетъ». Итакъ, благо некому опросить киргизовъ, о чемъ они молились, предупрежденіе сдѣлано: Гединъ готовился къ подвигу, но счастье ему благопріятствовало, и онъ благополучно миновалъ «опасное мѣсто».

И вотъ, мы на Памирѣ. О немъ юношеству дается такое представленіе: «Всѣ плато имѣетъ такую высоту, какъ Монбланъ (это—невѣрно)... На этомъ плато по всѣмъ направленіямъ тянутся гребни горъ... Между горами идутъ широкія долины, по которымъ лѣтомъ струятся многочисленные (это опять-таки—невѣрно) быстрые потоки, стекающіе большею частью (какъ разъ наоборотъ) въ озера Рангъ-куль (Рянгъ) и Кара-куль, расположенные почти въ центрѣ (Кара куль въ центрѣ?) плато»... Слонъ, конечно, оказался и тутъ незамѣченнымъ, такъ какъ въ книжкѣ, озаглавленной «Крыша міра», ни объ истокахъ Аму-дарьи, ни объ истокахъ Яркендъ-дарьи не говорится ни слова. Только въ одномъ мѣстѣ упомянуто, что русскій Памирскій постъ находится на верховьяхъ (что само по себѣ невѣрно) большой рѣки Мургабъ (стр. 149), но что это за рѣка, куда течетъ и впадаетъ, не выяснено, да такъ, вѣроятно, и останется невыясненнымъ, пока не явится какой-либо новый именитый ино-

странецъ, который повѣдаетъ госпожамъ Котляръ, что рѣка эта впадаетъ въ р. Пянджъ, въ низовьяхъ называемую Аму-дарьей.

Отъ Памирскаго поста Прединъ направился къ Мусъ-тагъ-ата—горѣ-великану, къ которой мѣстные киргизы относятся съ благоговѣйнымъ трепетомъ, становясь на колѣни и набожно молясь каждый разъ, когда завидятъ, хотя бы за много верстъ, ея вершину. Это сообщаетъ г-жа Котляръ со словъ Гедина; ничего подобнаго мнѣ однако не пришлось наблюдать, хотя и довелось провести не мало времени у подошвы этой горы. Впрочемъ и то сказать, не у всѣхъ вѣдь одинаковая наблюдательность!

Въ мое время (1884—1887 годахъ) путешествовать по Памиру никто не мѣшалъ; нынѣ, если вѣрить Гедину, обстоятельства измѣнились: по Памиру разгуливаютъ какіе-то китайцы въ красныхъ мундирахъ на отличныхъ бѣлыхъ лошадяхъ съ красными сѣдлами (sic!), которые чинятъ проѣзжимъ путешественникамъ всякія безпокойства, подозрѣвая въ нихъ русскихъ, желающихъ овладѣть ихъ территоріей. Остановили они и Гедина, потребовавъ отъ него раскрыть ящики, чтобы убѣдиться, что онъ не везетъ въ нихъ русскихъ солдатъ. Зачѣмъ понадобилось г-жѣ Котляръ помѣщать эту нелѣпость (болѣе приличнаго выраженія эта насмѣшка надъ читателемъ, конечно, не заслуживаетъ), это ея секретъ; но я, вообще, замѣтилъ, что она склонна къ уснащенію своихъ пересказовъ, въ ущербъ дѣлу, всевозможными сенсаціонными разсказами *).

Мустагъ-ата, «словно гигантскій маякъ льетъ серебристое сіяніе своихъ снѣговъ далеко на необозримое пространство песчанаго моря пустыни» (каково сказано! жаль только, что при этомъ не говорится, о какой песчаной пустыни здѣсь идетъ рѣчь), и вотъ, чтобы испытать особо гордое чувство, Прединъ рѣшился взобраться на этотъ маякъ, на недосягаемую вершину одной изъ высочайшихъ горъ земного шара, гдѣ ослабѣваютъ крылья даже королевскаго орла! Но рѣшеніе одно, а исполненіе—другое дѣло. Все лѣто провелъ Прединъ у подошвы Мустагъ-ата, но поднялся лишь до половины горы. Конечно, и это уже большая заслуга, умалять значеніе которой я отнюдь не желаю; тѣмъ не менѣе, я все же думаю, что она не такого сорта, чтобы удѣлять ей въ такой книгѣ, какой должна была бы быть «Крыша міра», 20 страницъ изъ 160.

Пересказомъ о неудачной попыткѣ Гедина взобраться на Мустагъ-ата заканчивается книжка Котляръ. Мы оставили неразобранными въ ней лишь VI главу и часть VII, дающихъ очень подробное описаніе мытарствъ Гедина въ пустынѣ Такла-Маканъ и Генри Саваджа въ южномъ Тибетѣ. Совершенно непонятно, для чего понадобились г-жѣ Котляръ эти описанія, которыя не столько рисуютъ намъ природу страны, сколько спортсмэнскій характеръ обоихъ путешествій. Самъ Прединъ останавливается съ особенною любовью на грустныхъ эпизодахъ своего путешествія черезъ сказанную пустыню: у него погибли люди, скотъ, инструменты, и другое имущество. Но кого въ этомъ винить? Негостепріимную пустыню? Злой рокъ? Нѣтъ, ни та, ни другой въ его несчастіяхъ неповинны. Единственнымъ виновникомъ смерти довѣрившихся его опытности людей былъ самъ Свенъ Прединъ, который въ самое неблагопріятное время задумалъ и самымъ опрометчивымъ образомъ осуществилъ свою экспедицію. Но если подробное описаніе кончины въ адскихъ мукахъ столькихъ

*) Такъ, напримѣръ, въ разбираемой книжкѣ нашла себѣ мѣсто и такая «шутка» Свенъ Гедина: «Китайцы ведутъ счетъ своимъ солдатамъ очень своеобразно. Они разсуждаютъ такъ: ружье, въ случаѣ войны, такъ же важно, какъ и солдатъ; кромѣ того, солдатъ, хотя бы и съ ружьемъ, но пѣшій и безъ одежды никуда не годится. Поэтому они считаютъ всѣ ружья, лошадей, сапоги, мундиры и пр.; все это прибавляется къ числу солдатъ, и полученная цифра выставляется, какъ цифры войска». Это мѣсто (стр. 159) достаточно характеризуетъ, какъ автора миленькаго разсказца, такъ и педагогическія способности г-жи Котляръ.

живыхъ существъ возмутительно въ устахъ человѣка, который пытается изъ этихъ мукъ выстроить себѣ нѣчто въ родѣ пьедестала для собственнаго возвеличенія, то не менѣе возмутительно отношеніе къ этимъ прискорбнымъ фактамъ и со стороны составительницы книги для юношества, которая приложила особыя старанія къ тому, чтобы усилить впечатлѣніе, производимое «талантливо» написанной картиной смерти людей отъ жажды. То же замѣчаніе сдѣлаемъ мы г-жѣ Котляръ и по отношенію ко второй половинѣ VII гл., въ которой ничего не говорится о природѣ южнаго Тибета, но зато много о пыткахъ, коимъ подвергли г. Саваджа и его спутниковъ тибетцы.

Изъ сказаннаго вполнѣ явствуетъ, что г-жа Котляръ отнеслось слишкомъ поверхностно къ принятой на себя задачѣ.—*Г. Е. Грумъ-Гржимайло.*

МЕДИЦИНА И ГИГІЕНА.

Д. Д. Ахшарумовъ. «Чума послѣднихъ годовъ XIX столѣтія».—*Н. В. Краинскій.* «Порча, кликуши и бѣсноватые, какъ явленіе русской народной жизни».—«Бесѣды по гигіенѣ въ примѣненіи ея къ народной школѣ».—«Бесѣды врача съ крестьянами».—*М. П. Покровская.* «Воспитаніе здоровыхъ привычекъ».—*Е. Шепердъ.* «Молодымъ людямъ и отцамъ для сыновей».—*К. Бокъ.* «Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ».—«Отчетъ о дѣятельности Петропавловскаго санитарнаго попечительства».—*А. П. Амстердамскій.* «Санитарное описаніе школъ Петергофскаго уѣзда».

Д. Д. Ахшаруновъ. Чума послѣднихъ годовъ XIX столѣтія (1894—1900). Полтава. 1900 г. Собрать воедино все, что было записано въ послѣдніе годы о всѣхъ интересующей и всѣхъ пугающей чумѣ, отбросивъ случайный матеріалъ и оставивъ только самое существенное и цѣнное—вотъ задача, которую поставилъ себѣ г. Ахшаруновъ. Начавъ съ чумы, возникшей въ 1894 году на островѣ Гонъ-Конгѣ, авторъ постепенно излагаетъ исторію всѣхъ вспышекъ чумной заразы, наблюдавшихся въ послѣдніе годы въ разныхъ мѣстахъ Азіи, Африки, Америки и Европы. Не забыта, конечно, авторомъ наша чума въ с. Колобовкѣ и разсказана исторія лабораторной чумы въ Вѣнѣ. Сказавъ вкратцѣ о коммиссіяхъ, командированныхъ въ Индію различными государствами, для изученія существующей въ ней чумы, авторъ подробно излагаетъ симптоматологію болѣзни, излагаетъ исторію ветлянской чумы, этіологію болѣзни (свойства и характеръ чумного микроорганизма), разбираетъ страны и мѣстности земного шара по отношенію къ появленію въ нихъ чумы и, наконецъ, на основаніи собраннаго матеріала рѣшаетъ вопросъ о заразительности чумы. Авторъ приходитъ къ заключенію, что абсолютно-иммунныхъ (неспособныхъ воспринять заразу) мѣстъ нѣтъ. Иммунитетъ можетъ зависѣть отъ весьма различныхъ вліяній—метеорологическихъ, почвенныхъ, климатическихъ и др. и можетъ быть произведенъ самимъ человѣкомъ цѣлымъ рядомъ санитарныхъ работъ по очищенію почвы, канализаціи и т. д. Излагая далѣе мѣропріятія противъ чумы какъ личнаго, такъ и общественнаго характера, г. Ахшаруновъ останавливается на сывороточномъ лѣченіи и на примѣненіи сыворотки, какъ предохранительной мѣры, при чемъ онъ дѣлаетъ странную ошибку въ фамиліи нашего извѣстнаго соотечественника Хавкина, такъ много потрудившагося въ борьбѣ съ чумой: г. Ахшаруновъ называетъ его то «Гоффкинъ», то «Гавкинъ». Въ заключеніе авторъ приводитъ въ дословномъ переводѣ крайне интересный документъ—оффиціальное оповѣщеніе германскаго правительства о чумѣ, составленное спеціально для врачей авторитетными Германскими профессорами. Къ сожалѣнію, вся книжка г. Ахшарумова написана тяжелымъ языкомъ, а особенно неудаченъ переводъ нѣмецкаго поученія о чумѣ.

Врачъ В. Б—къ.

Д-ръ мед. Н. В. Краинскій. Порча, кликуши и бѣсноватые, какъ явленія русской народной жизни, съ предисловіемъ академика В. М. Бехтерева. Новгородъ. 1900 г. Ц. 1 р. 50 коп. Изслѣдованіе д-ра Краинскаго затрогиваетъ одинъ изъ интереснѣйшихъ вопросовъ народной жизни. Помимо интереса медицинскаго, явленія порчи, кликушества и бѣсноватости имѣютъ еще очень большое значеніе съ бытовой точки зрѣнія и въ этомъ отношеніи, пожалуй, еще большее, чѣмъ съ медицинской.

Что всѣ эти явленія имѣютъ патологическія свойства, т.-е. представляютъ настоящую болѣзнь, лучше всего доказывается, какъ справедливо говоритъ проф. В. М. Бехтеревъ, стереотипностью проявленія отдѣльныхъ симптомовъ у больныхъ. Не смотря на огромныя пространства, отдѣляющія одну группу больныхъ отъ другой, мы видимъ у всѣхъ одни и тѣ же симптомы, даже описаніе прежде бывшихъ эпидемій по симптомамъ совпадаютъ съ наблюдаемыми въ настоящее время. Въ пользу того, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ болѣзнью, говорятъ и наблюдаемыя у порченыхъ судорожныя явленія въ области внутреннихъ органовъ, какъ напр., пищевода, желудка, діафрагмы и т. д., что уже никакъ не можетъ быть вызываемо искуственно.

Представляя явленіе патологическое съ физической стороны, порча и кликушество съ точки зрѣнія психической коренятся въ суевѣріяхъ и религіозныхъ воззрѣніяхъ народа. Мы имѣемъ дѣло съ бредовыми идеями на религіозной почвѣ.

Развитіе среди народа порчи, кликушества и бѣсоодержимости должно быть, съ точки зрѣнія проф. Бехтерева, объяснено невольнымъ внушеніемъ, испытываемымъ отдѣльными лицами при различнымъ условіяхъ. Описаніе бѣсноватости въ священныхъ книгахъ, говоритъ В. М. Бехтеревъ, разсказы о порчѣ и бѣсоодержимости и вѣра въ колдуновъ и вѣдьмъ, передаваемая изъ устъ въ уста среди простого народа, особенно же поражающія картины кликушества и бѣсоодержимости, которыя приходится видѣть русской крестьянкѣ въ церкви—картины, которыя надолго запечатлѣваются въ душѣ всякаго, кто имѣлъ случай наблюдать неистовство кликушъ и бѣсноватыхъ, особенно же ихъ неслыханныя богохуленія и осквернѣніе святынь — дѣйствуютъ на расположенныхъ лицъ на подобіе сильнаго и неотразимаго внушенія.

Посвятивъ значительную часть своей работы историческому очерку развитія суевѣрій, описанію процессовъ о колдовствѣ и эпидемій бѣсноватости въ Западной Европѣ и въ Россіи, авторъ переходитъ къ центральной части своего изслѣдованія, именно къ описанію двухъ эпидемій такого рода, наблюденныхъ имъ самимъ, а именно въ деревнѣ Ащенково, Гжатскаго уѣзда, Смоленской г. и въ Тихвинскомъ уѣздѣ Новгородской губ.

Отсылая интересующихся подробностями къ книгѣ д-ра Краинскаго, скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о наблюденіяхъ автора надъ кликушами и бѣсноватыми въ Москвѣ. Оказывается, что московскіе монастыри служатъ однимъ изъ важныхъ источниковъ распространенія кликушества. Излюбленныя мѣста стеченія кликушъ и бѣсноватыхъ въ Москвѣ — часовня св. Пантелеймона и Симоновъ монастырь, меньше ихъ бываетъ въ Страстномъ монастырѣ и у Иверской. Если бы, говоритъ г. Краинскій, изслѣдователь русскаго народнаго быта пространствовалъ одну ночь по описываемымъ имъ богомольямъ вмѣстѣ съ молящейся толпой, онъ нашелъ бы много достойнаго кисти художника и поэта,—столько въ нихъ оригинальнаго и своеобразнаго. Отношеніе духовенства и мѣстныхъ монаховъ къ кликушамъ покровительственное. Они «отчитываютъ» кликушъ молитвами и поддерживаютъ вѣру народа въ цѣлительную силу часовни противъ бѣсноватости. Въ Страстномъ монастырѣ есть монахиня, мать Марія, которая славится умѣньемъ лѣчить бѣсноватыхъ. Лѣчитъ она молитвами и отчитываніемъ. Въ Симоновомъ монастырѣ для бѣсноватыхъ часто служится особая ранняя обѣдня, на которую собирается до 30 «одержимыхъ».

Во время службы происходятъ самыя бурныя сцены. Десятки женщинъ лежатъ въ припадкахъ на полу, кричатъ, корчатся, богохульствуютъ. Славой цѣлителя кликушъ пользуется отецъ Маркъ, курсъ лѣченія у котораго продолжается 6 недѣль. Въ болѣе короткій срокъ дается не исцѣленіе, а только облегченіе. Лѣченіе состоитъ въ питьѣ святого масла и въ «отчитываніи».

Въ борьбѣ съ кликушествомъ, этимъ грустнымъ явленіемъ народной жизни одни медицинскія мѣропріятія, конечно, не окажутъ должнаго дѣйствія, и нельзя не согласиться съ проф. Бехтеревымъ, что прежде всего должно имѣть въ виду устраненіе изъ народнаго обращенія грубыхъ суевѣрій и распространеніе среди простого народа здравыхъ понятій, въ каковомъ отношеніи могло бы оказать большую пользу наше духовенство. *В. Б—ъ.*

Бесѣды по гигіенѣ въ примѣненіи ея къ народной школѣ. Читаны на педагогическихъ курсахъ учительницъ и учителей земскихъ и церковно-приходскихъ школъ Воронежской губ. земскимъ санитарнымъ врачемъ Н. Тезяковымъ. Воронежъ. 1900 г. Ц. 50 коп. Бесѣды по гигіенѣ д-ра Тезякова въ сравнительно короткое время (за два года) выдерживаютъ второе изданіе и этимъ самымъ ясно показывается, что они удовлетворяютъ той цѣли, для которой предназначались. Въ предисловіи къ первому изданію авторъ проситъ снисходительно отнестись къ первой попыткѣ изложенія передъ учителями народныхъ школъ основъ гигіены. Книжка д-ра Тезякова ни въ какомъ снисхожденіи не нуждается, такъ какъ прекрасно составлена и можетъ смѣло быть рекомендована всѣмъ лицамъ, не имѣющимъ спеціальнаго образованія, но интересующимся вопросами гигіены. Послѣ предварительныхъ свѣдѣній о гигіенѣ вообще и о школьной гигіенѣ въ частности, послѣ ознакомленія съ механизмомъ кровообращенія и дыханія, авторъ знакомитъ читателей съ санитарнымъ значеніемъ почвы, воды, свѣта, освѣщенія классовъ, школьныхъ столовъ и т. д., а вмѣстѣ съ тѣмъ излагаетъ и гигіену учебнаго времени. Въ заключеніе помѣщенъ имѣющій большое значеніе именно для педагогическаго персонала народныхъ школъ отдѣлъ о заразныхъ болѣзняхъ и дезинфекціи, причемъ авторъ вполнѣ правильно, представляя описаніе извѣстной болѣзни, ничего не говоритъ о ея лѣченіи, такъ какъ послѣднее должно быть всецѣло предоставлено врачу. *В. Б—ъ.*

Бесѣды врача съ крестьянами. № 1, О заразныхъ болѣзняхъ. № 2, О скарлатинѣ. В. Г. Соболева. Издательскій комитетъ Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности. — Дурная болѣзнь. Врача А. Праздникова. Вятка. 1900 г. Ц. 5 коп. Всѣ три вышеназванныя брошюры предназначены для народа и, конечно, не приходится много говорить о пользѣ распространенія среди нашихъ темныхъ и невѣжественныхъ массъ болѣе правильныхъ понятій о болѣзняхъ и, главное, о способахъ предохраненія себя отъ нихъ. Многимъ ошибочно кажется, что составленіе книжекъ для народа— дѣло легкое, стоитъ только имѣть желаніе. А между тѣмъ, нигдѣ, можетъ быть, не нужно такъ осторожно обращаться съ словомъ, какъ именно въ книжкахъ для народа. Харьковскія книжки составлены довольно прилично, но въ одной изъ нихъ мы встрѣтили такую тираду: «люди образованные, знающіе, что такое зараза, и какъ себя предохранить отъ нея, заболѣваютъ гораздо рѣже, чѣмъ простые, неграмотные. Вѣдь больше всего заразныя болѣзни и свирѣпствуютъ среди крестьянъ по деревнямъ. Значитъ, съ умомъ да съ знаніемъ что-нибудь и можно сдѣлать». Намъ кажется, что или совсѣмъ можно было обойтись безъ этой тирады, или нужно было ее дополнить въ томъ смыслѣ, что не только невѣжество, но и бѣдность деревенская содѣйствуетъ распространенію заразныхъ болѣзней, что «знающіе» хворають меньше не только вслѣдствіе образованности, но и большей зажиточности.

Что касается брошюры врача А. Праздникова, то приходится отмѣтить, что

она грѣшитъ иногда и противъ науки, а главнымъ образомъ, совершенно ненужной поддѣлкой подъ якобы народный говоръ, многословіемъ и безцѣльнымъ примѣненіемъ грубыхъ эпитетовъ въ родѣ «развратный» и т. п.

В. Б—ъ.

Женщина-врачъ М. И. Покровская. Воспитаніе здоровыхъ привычекъ. С.-Петербургъ. 1901 г. Ц. 50 коп. М. И. Покровская неустанно продолжаетъ свою работу популяризаціи полезныхъ свѣдѣній и въ выпущенной новой книжкѣ разсматриваетъ пользу развитія здоровыхъ привычекъ, справедливо полагая, что привычки вообще играютъ огромную роль въ жизни человѣка. Указавъ на множество ненормальностей, наблюдаемыхъ въ современномъ воспитаніи, начиная съ момента рожденія ребенка до поступленія его въ высшее учебное заведеніе, М. И. Покровская подробно останавливается на питаніи и снѣ дѣтей, на развитіи привычки къ чистоплотности, на закаливаніи организма и физическихъ упражненіяхъ, на любви къ порядку, труду и экономіи. Написана книжка простымъ и яснымъ языкомъ. *В. Б—ъ.*

Е. Шепердъ. Молодымъ людямъ и отцамъ для сыновей. Бесѣды о половой жизни человѣка. Переводъ съ англійскаго Е. А. Дунаевой. Изд. «Посредника» для интеллигентныхъ читателей. Москва. 1900 г. Ц. 55 коп. Среди множества книжекъ о половой жизни, наводняющихъ нашъ книжный рынокъ, выпущенная фирмой «Посредникъ» книга г-жи Шепердъ пріятно выдѣляется своей серьезностью и основательностью. Вся книжка—горячая проповѣдь, основанная на научныхъ данныхъ, противъ половой распущенности, противъ дурного воспитанія, влекущаго за собой развитіе пороковъ, уничтожающихъ физическое здоровье и гибельно дѣйствующихъ въ нравственномъ отношеніи. Не подлежитъ сомнѣнію, что наблюдаемое чрезмѣрное развитіе нервной слабости, такъ наз. неврастеніи, находится, въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ связи съ ненормальностями въ половой сферѣ. Гибельно дѣйствуетъ въ этомъ направленіи тотъ ложный стыдъ, который заставляетъ родителей не интересоваться столь важной областью въ жизни ихъ дѣтей, какъ область половая. Благодаря такому порядку вещей, благодаря тому, что свѣдѣнія приходится черпать отъ искусившихся уже товарищей и изъ всевозможныхъ другихъ источниковъ, у дѣтей рано развивается «грязное воображеніе», ведущее впослѣдствіи и къ грязнымъ дѣйствіямъ. Каково дѣтство, таковы и юность, и зрѣлый возрастъ. Вмѣсто настоящей любви—чувственность, вмѣсто любимаго существа, друга и товарища въ счастьи и несчастьи—въ лицѣ жены видятъ источникъ физическихъ удовольствій и только. А такъ какъ послѣднія не продолжительны, то отсюда большое количество неудачныхъ браковъ, разстроенныхъ семей, разбитыхъ жизней... Объ всемъ этомъ краснорѣчиво и убѣдительно говоритъ въ своей книжкѣ г-жи Шепердъ.

Желая быть болѣе понятной, г-жа Шепердъ снабдила свою книгу краткимъ, очень интересно и хорошо составленнымъ очеркомъ физіологіи растеній и животныхъ. *В. Б—ъ.*

Проф. К. Э. Бокъ. Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей д-ра С. Б. Орѣчкина. Изданіе Щепанскаго. Спб. 1900 г. Томъ I. Половина 2. Мы воздерживаемся отъ того, чтобы высказаться по поводу еще не оконченнаго перевода книги д-ра Бока и обращаемъ вниманіе читателей на лежащій передъ нами полутомъ только въ виду своебразности пріема, къ какому прибѣгъ издатель книги. Вслѣдъ за обложкой читатель найдетъ особый коротенькій листочекъ, на которомъ помѣщенъ самый лестный отзывъ какъ по адресу издателя, такъ и редактора перевода. Мы еще понимаемъ помѣщеніе на обложкѣ отзывовъ разныхъ изданій о данной книгѣ, но мы не можемъ понять, какъ преподносится читателю отзывъ самого издателя или редактора. Передавъ содержаніе книжки, издатель или редакторъ

скромно замѣчаетъ: «настоящій полутомъ, подобно первому, производитъ самое пріятное впечатлѣніе уже своей изящной внѣшностью, и нельзя не выразить признательность какъ издателю, такъ и редактору русскаго перевода за то вниманіе, съ какимъ они отнеслись къ капитальному произведенію славнаго популяризатора медицинской науки. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ выхода третьяго и четвертаго полутомовъ».

Какъ это трогательно! Гг. Щепанскій и Орѣчкинъ, сами себѣ удивляющіеся, сами себя благодарящіе и съ нетерпѣніемъ ждущіе выхода своей же книги!

В. Б—ъ.

Отчетъ о дѣятельности Петропавловскаго санитарнаго попечительства въ г. Одессѣ за 1898 и 1899 гг. Не смотря на спеціальный характеръ вышеназванной книги, она имѣетъ общественный интересъ, такъ какъ является результатомъ организаціи, впервые, насколько намъ извѣстно, осуществленной въ Одессѣ. Дѣло въ томъ, что, по гордовому положенію, городскимъ думамъ предоставлено привлекать къ работѣ по санитарной части, кромѣ гласныхъ, и другихъ гражданъ. Изъ опасенія ли надѣленія гражданъ такимъ полномочіемъ, говоритъ отчетъ, или по другимъ побужденіямъ, но городскія думы рѣдко гдѣ и когда пользовались и пользуются этимъ, предоставленнымъ закономъ, правомъ воздѣйствія на санитарную жизнь городовъ черезъ самихъ же гражданъ, помимо гласныхъ. Только опасенія предъ той или другой грозной эпидеміей, какъ холера, въ 90-хъ годахъ, заставляли гласныхъ искать помощи у населенія, но и то выбирались лица съ имущественнымъ цензомъ. И у насъ, въ Петербургѣ, дѣлались попытки, во время холеры, организовать участковыя попечительства, но попытки эти до сихъ поръ не давали никакихъ результатовъ. И лишь Одесса является исключеніемъ въ этомъ отношеніи. А между тѣмъ, можно съ увѣренностью сказать, что безъ привлеченія къ участію въ рѣшеніи санитарныхъ вопросовъ самихъ обывателей нельзя разсчитывать на успѣшную борьбу съ санитарными безобразіями въ нашихъ городахъ.

Въ Одессѣ неоднократно уже дѣлались попытки организаціи участковыхъ попечительствъ, но всѣ онѣ терпѣли неудачу, главнымъ образомъ, вслѣдствіе недостатка живой связи этихъ попечительствъ съ городской санитарной организаціей. Когда было обезпечено участіе предсѣдателей попечительствъ въ засѣданіяхъ санитарной коммиссіи, когда санитарные врачи включены были въ число неизмѣнныхъ членовъ попечительствъ, тогда попечительства оказались жизнеспособными. Попечительства выдѣлили изъ своей среды бюро, которое еженедѣльно собиралось въ засѣданія, происходившія публично. Нечего говорить о томъ, что характеръ дѣятельности попечительства совершенно миролюбивый, что о полицейскомъ воздѣйствіи на обывателей нѣтъ и рѣчи. Поставивъ себѣ задачей санитарнаго улучшенія извѣстнаго района города, попечительство предприняло цѣлый рядъ изслѣдованій, о которыхъ говорить подробно, въ виду ихъ спеціальнаго характера, здѣсь не приходится. Были изслѣдованы артельныя квартиры для рабочихъ, ночлежные и постоялые дворы, птичьи дворы и птицебойни, способы приготовленія льда и т. д.

Отъ души привѣтствуя развитіе попечительствъ въ Одессѣ, можно пожелать, чтобы примѣру Одессы послѣдовали и другіе наши города.

В. Б—ъ.

А. В. Амстердамскій, санитарный врачъ. Санитарное описаніе школъ Петергофскаго уѣзда. Спб. 1900 г. 145 стр. Хорошее санитарное состояніе начальныхъ школъ важно не только съ точки зрѣнія непосредственнаго охраненія здоровья учащихся, но и является также лучшимъ, если не единственнымъ, средствомъ воспитанія у дѣтей элементарныхъ гигіеническихъ запросовъ и привычекъ къ чистотѣ, того «эстетико-гигіеническаго чувства», по выраженію проф. Беринга, котораго такъ недостаетъ массамъ нашего сельскаго и го-

родского населенія. Съ этой точки зрѣнія заслуживаютъ вниманія постоянно повторяющіяся попытки земскихъ врачей привлекать общественное вниманіе къ вопросу о безотрадномъ гигіеническомъ состояніи нашихъ сельскихъ школъ. Не проходитъ ни одного совѣщанія или съѣзда врачей и представителей земства, на которомъ не было бы докладовъ о санитарномъ состояніи мѣстныхъ деревенскихъ школъ. Тамъ, гдѣ на службѣ у земства имѣются санитарные врачи, изученіе и санитарнаго состоянія школъ является одною изъ первыхъ ихъ задачъ. Безъ такого предварительнаго изученія вопросъ объ улучшеніи ихъ гигіеническаго состоянія, само собою разумѣется, не можетъ быть поставленъ практически. Другое дѣло насколько быстро постановка и выясненіе вопроса ведутъ къ его дѣйствительному рѣшенію въ непосредственной деревенской обстановкѣ. Къ сожалѣнію, при теперешнихъ условіяхъ нашей земской жизни даже самыя обстоятельныя изслѣдованія, со всею полнотою и рѣзкостью вскрывающія неприглядное, нерѣдко вопіющее положеніе того или иного мѣстнаго земскаго вопроса, въ большинствѣ случаевъ напередъ уже могутъ разсчитыватъ лишь на значеніе тѣхъ капель, которыя, какъ извѣстно, только долбятъ камень. Прекрасною иллюстраціей послѣдней мысли можетъ служить только что вышедшая работа д-ра Амстердамскаго, заглавіе которой выписано нами вверху. Общая картина нынѣшняго санитарнаго состоянія сельскихъ школъ въ Петергофскомъ уѣздѣ оказывается почти столько же безотрадною, какъ она была и въ описаніи ихъ въ докладахъ д-ра Абрамовича VI санит. съѣзду земскихъ врачей С.-Петербургской губ. и д-ра Дмитріевой V-му съѣзду (въ 1889 и 1892 годахъ). Мы говоримъ почти такою же, но это не исключаетъ, конечно, значительнаго улучшенія отдѣльныхъ школьныхъ помѣщеній. До сихъ поръ однако третья часть школъ помѣщается въ наемныхъ крестьянскихъ избахъ, а общее впечатлѣніе, оставляемое школами, кратко можетъ быть передано въ слѣдующихъ словахъ осмотрѣвшаго ихъ въ текущемъ году д-ра Амстердамскаго: «тѣснота, душный воздухъ и плохая вентиляція, зимой холодъ; недостаточное освѣщеніе и сплошь и рядомъ неправильное расположеніе оконъ; совершенно неприспособленная школьная мебель; темныя и крайне неудовлетворительно устроенныя отхожія мѣста, холодныя раздѣвальни или ихъ полное отсутствіе—все это обычныя явленія въ большинствѣ школъ». Успѣхи школьной санитаріи въ уѣздѣ выразились въ выработкѣ нормальныхъ школьныхъ плановъ и въ постройкѣ нѣсколькихъ новыхъ, болѣе благоустроенныхъ школъ. Но на ряду съ этимъ авторъ съ грустью отмѣчаетъ «безрезультатность многочисленныхъ попытокъ упорядочить школьно-санитарное дѣло. Почти каждый годъ врачи отмѣчали недостатки того или другого школьнаго зданія, однако соотвѣтствующихъ улучшеній не послѣдовало. Двѣнадцать лѣтъ зябли въ Капорской школѣ, забнутъ и нынѣшнюю зиму; другая школа «давно уже обратила вниманіе своимъ неустройствомъ, и до сихъ поръ все идетъ по старому», третья «описана еще въ 1887 г. и хоть бы разъ ремонтировалась съ тѣхъ поръ за эти 13 лѣтъ» и т. д. и т. д. Благодаря иниціативѣ и настойчивости санитарнаго врача за послѣдніе два года школы стали пріобрѣтать болѣе удовлетворительную классную мебель, но до сихъ поръ еще 99% всѣхъ классныхъ партъ стараго типа: въ простѣйшемъ случаѣ, вмѣсто столовъ, служатъ доски, горизонтально положенныя на козлы, съ обѣихъ сторонъ которыхъ на лавкахъ сидятъ ученики. Мы привели эти немногія данныя лишь въ подтвержденіе медленности, съ какою достигаются успѣхи въ школьно-санитарномъ дѣлѣ въ деревнѣ. Интересующихся же данными о фактическомъ состояніи школъ въ Петергофскомъ уѣздѣ отсылаемъ къ прекрасной работѣ д-ра Амстердамскаго, въ которой сгруппированы также и данныя о болѣзненности учениковъ сельскихъ школъ Петергофскаго уѣзда на основаніи осмотра авторомъ 1.752 учащихся.

Врачъ З. Френкель.

СПРАВОЧНЫЯ ИЗДАНІЯ.

«Большая Энциклопедія». Изд. «Просвѣщенія».—«Настольный словарь. Гранатъ и К°.»—«Справочная книга по вопросамъ образованія евреевъ».

Большая Энциклопедія. Словарь общедоступныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ знанія. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе» подъ ред. С. Н. Южакова и П. Н. Милюкова. Спб. 1899—1900 г. Тт. I. вып. 1—10, II, 11—18. Послѣднее десятилѣтіе ознаменовалось у насъ изданіемъ нѣсколькихъ энциклопедическихъ словарей. Характерны какъ самый фактъ появленія ихъ, такъ и несомнѣнный успѣхъ этого рода издательской дѣятельности, выразившійся въ томъ, что одинъ изъ этихъ словарей (Т-ва А. Гранатъ и К°.) выходитъ уже четвертымъ изданіемъ, другой (Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефронъ), несмотря на всю обширность предпріятія, объемъ и соотвѣтственную стоимость изданія, также близится къ концу. Это показываетъ, что самая потребность въ подобномъ, хотя бы механическомъ, сводѣ современныхъ человѣческихъ знаній ощущаатся у насъ такъ же, какъ и заграницею, а съ другой стороны, и это самое важное—кругъ публики, способной преслѣдовать цѣли универсальнаго образованія, настолько сталъ у насъ обширенъ, что можетъ поддержать своимъ спросомъ такого рода изданіе и даже не одно. Настольные энциклопедическіе словари у насъ не новинка. Не говоря уже объ архаическомъ словарѣ Плюшара (1835 г.), болѣе современные «Русскій энциклопедическій словарь» И. Березина и «Настольный словарь» подъ ред. Ф. Толля имѣли слабое распространеніе и скоро стали библіографическою рѣдкостью. Ихъ опытъ вызвалъ значительный перерывъ въ этого рода издательствѣ до 90-хъ годовъ, когда «Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефронъ» подъ ред. И. Андреевскаго (нынѣ К. К. Арсеньева и Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго) открылъ собою цѣлую серію настольныхъ и энциклопедическихъ словарей, въ которой послѣднее и видное мѣсто занимаетъ упомянутая выше «Большая энциклопедія».

«Большая энциклопедія» представляетъ переизданіе большого 17-ти-томнаго «Konversations Lexikon»'а Мейера, переработаннаго и дополненнаго въ интересахъ русскихъ читателей. Изданіе предпринято библіографическимъ институтомъ (Мейеръ) въ Лейпцигѣ и Т—вомъ «Просвѣщеніе». Словарь Мейера пользуется славою лучшаго въ своемъ родѣ изданія, какъ по полнотѣ, точности и строгой научности сообщаемыхъ въ немъ свѣдѣній, такъ и по планомѣрной обработкѣ матеріала. Русское изданіе будетъ состоять изъ 200 выпусковъ или 20 томовъ съ 20.000 страницъ текста, съ массой иллюстрацій, картъ, таблицъ и хромолитографій. Издатели обѣщаютъ закончить изданіе въ продолженіе не болѣе пяти лѣтъ. Вся стоимость его будетъ равняться 100 рублямъ (200 выпусковъ по 50 коп.) или 120 руб. (въ полукожаномъ переплетѣ 20 томовъ по 6 р.). Такимъ образомъ, какъ по объему, такъ и по стоимости словарь займетъ среднее мѣсто между «Настольнымъ энциклопедическимъ словаремъ» Т—ва А. Гранатъ и К°, стоющимъ, 38 руб., и «Большимъ энцикл. словаремъ» Брокгауза и Ефронъ, стоимость котораго превысотъ 200 рублей. (Тою же фирмой «Просвѣщеніе» издается еще «Малый энцикл. словарь», стоимость котораго будетъ равняться 18 руб. Съ внѣшней стороны изданіе значительно уступаетъ вышеуказаннымъ, содержаніе даетъ приблизительно сжатый текстъ большого словаря. Особенностью являются приложенія въ концѣ каждаго тома: связные краткіе учебники по разнымъ отраслямъ знанія и языкамъ). Внѣшняя сторона изданія «Большой энциклопедіи», насколько можно судить по вышедшимъ выпускамъ, не оставляетъ желать ничего лучшаго: бумага, печать и шрифтъ вполнѣ хороши, карты

отчетливы, многочисленные рисунки отличаются тонкостью и изяществомъ выполненія, хромолитографіи—свѣжестью красокъ.

Редакція русскаго изданія словаря Мейера поручена С. Н. Южакову и П. Н. Милюкову. Многостороннія познанія и литературная опытность главныхъ редакторовъ, солидныя имена главныхъ сотрудниковъ служатъ ручательствомъ, что русское изданіе «Большой энциклопедіи» будетъ стоять на уровнѣ современной науки. Мы не раздѣляемъ мнѣнія издателей «Большой энциклопедіи», что такое изданіе, какъ ихъ словарь, можетъ приносить съ собою «просвѣщеніе и образованіе, въ истинномъ значеніи этихъ словъ». Самое большее, что можетъ дать энциклопедическій словарь, это цѣлую обширную библіотеку по всѣмъ отраслямъ знанія, отдѣльныя части которой составлены спеціалистами и отвѣчаютъ послѣднимъ требованіямъ науки. Это именно и представляетъ собою «Большой энциклопедическій словарь» Брокгауза и Ефронъ, по своему объему и цѣнности мало доступный частнымъ лицамъ. Въ такомъ видѣ словарь, отнюдь не являясь уже «настольнымъ», безъ сомнѣнія, отвѣчаетъ образовательнымъ цѣлямъ, но онъ, съ одной стороны, не даетъ и въ сущности не можетъ дать общаго идейнаго основанія, необходимаго для выработки міровоззрѣнія *), съ другой—въ отношеніи суммы знаній даетъ болѣе, чѣмъ нужно. Чтобы стать истинно образованнымъ и просвѣщеннымъ человѣкомъ, совсѣмъ не надо быть непремѣнно энциклопедистомъ, человѣкомъ, равно освѣдомленнымъ во всѣхъ областяхъ знанія **). По мѣрѣ уменьшенія размѣровъ изданія, энциклопедическіе словари приближаются къ типу справочныхъ изданій, и, наконецъ, въ томъ объемѣ, какой представляетъ, напр., недавно изданный энциклопедическій словарь Ф. Павленкова, стоющій всего 3 руб.—къ типу истолкователя иностранныхъ словъ, именъ и спеціальныхъ терминовъ. Въ указанныхъ предѣлахъ редакторамъ этого рода изданій приходится постоянно выбирать между справочною и образовательною задачами: первая требуетъ возможной полноты частностей и до нѣкоторой степени безразличнаго отношенія къ отдѣламъ, ихъ подраздѣленіямъ и вообще излагаемому матеріалу, вторая—предпочтительно исчерпывающаго изложенія нѣкоторыхъ статей по вопросамъ, особе важнымъ для цѣли общаго образованія. Рамѣры «Большой энциклопедіи» допускаютъ возможность, при соблюденіи безусловной полноты содержанія, удѣлять больше мѣста основнымъ руководящимъ статьямъ, не загромождая ихъ притомъ излишними подробностями, которымъ въ изданіи всегда найдется свое мѣсто. Желательно, чтобы статьи эти были за подписями авторовъ: границы, отведенныя въ словарѣ для каждой отдѣльной статьи, не даютъ мѣста ссылкамъ и подробнымъ объясненіямъ, поэтому за достовѣрность фактовъ и научныхъ положеній должно отвѣчать имя составителя статьи. Въ настоящее время подъ подобными статьями, которыхъ въ вышедшихъ выпускахъ не мало, (Археологія, Архитектура, Астрономія, Атомизмъ, Банки и пр.), подписей нѣтъ, какъ нѣтъ ихъ и подъ нѣкоторыми отдѣльными статьями, наиболѣе обстоятельно и интересно составленными, какъ-то: авторское право, русскіе императоры Александры I, II и III, ассамблеи Антихристъ, Аскоченскій, М. Бакунинъ, Байронъ, барщина и др. Нѣкоторыя біографическія статьи обращаютъ на себя вниманіе несоразмѣрно подробнымъ библіографическимъ перечнемъ трудовъ автора, такъ, напр., перечень этотъ для М. А. Антоновича, писателя второстепеннаго, занимаетъ два столбца съ лишнимъ. Врядъ ли такую же полноту

*) Примѣръ знаменитой энциклопедіи Дидро и Даламбера врядъ ли можетъ говорить противъ этого, потому что изданіе это имѣло совершенно иной характеръ, чѣмъ нынѣ выходящіе энциклопедическія словари.

**) См. интересное и глубоко вѣрное опредѣленіе «образованности» у Паульсена, въ рецензіи г. В. К—аго, выше, въ отдѣлѣ философіи.

библіографическихъ свѣдѣній можно да и нужно будетъ сохранить даже по отношенію къ болѣе выдающимся и плодовитымъ писателямъ. Между статьями «Алексѣй божій человѣкъ» и «Аника-воинъ» существуетъ очевидное несоотвѣтствіе, тогда какъ вторая подробно передаетъ самое содержаніе сказанія, въ первой мы находимъ изложенія житія Алексѣя—божія человѣка, хотя въ основѣ житія лежитъ болѣе исторіи, чѣмъ легенды. Терминъ «Аболиціонисты» имѣетъ болѣе широкое примѣненіе, чѣмъ объясненное на стр. 23. Изъ статьи «Арзамасъ» можно вынести впечатлѣніе, что Ступинская школа и до сихъ поръ тамъ существуетъ, составляя достопримѣчательность города. Въ словѣ «Аласторъ» не упомянуто о поэмѣ Шелли, которая болѣе всего извлекло имя этого миѳологическаго духа изъ забвенія. Въ статьѣ «Алкоголизмъ» авторъ называетъ попечительства о народной трезвости обществами трезвости, тогда какъ это два совершенно различныхъ типа учрежденій. Въ той же статьѣ мѣсто, гдѣ говорится о Готенборгскомъ обществѣ въ Швеціи и далѣе о владѣльцахъ фабрикъ и заводовъ, очевидно, искажено. Статья «Акушерка» безъ всякаго ущерба могла бы быть сокращена въ концѣ, потому что разбору мнѣній проф Отта, высказанныхъ тогда-то и въ такомъ-то докладѣ, совсѣмъ не мѣсто въ словарѣ. Исторически пріобрѣвшее извѣстность восклицаніе «Ave Caesar» пропущено. Не нашли мы также біографическихъ свѣдѣній о Бальи, дѣятелѣ генеральныхъ штатовъ 1789 г. На 507 страницѣ II т. сдѣлана ссылка на Байльи, гдѣ объясняется это слово, какъ титулъ, даваемый въ разныхъ странахъ разнымъ должностнымъ лицамъ.

Всѣ эти и нѣкоторые другіе, замѣченные нами недосмотры, вполнѣ естественные въ подобномъ большомъ и сложномъ предпріятіи, нисколько не роняютъ, конечно, достоинствъ изданія, прекрасно выполняемаго и обставленнаго достаточно серьезными научными силами, чтобы улучшихъ его во всѣхъ отношеніяхъ и довести въ такомъ видѣ до конца. *М. П—въ.*

Настольный Энциклопедическій Словарь, т. III-й. Грація—Кальдеронъ. 4-е переработанное изданіе Т-ва А. Гранатъ и К°, бывш. Т-ва А. Гарбель и К°. Москва. 1900 г. — Среди русскихъ энциклопедическихъ словарей словарь, издаваемый фирмой А. Гранатъ и К°, занимаетъ нѣсколько особое положеніе. У него свой кругъ читателей, свои строго намѣченныя цѣли и свои особые, опредѣленно выработанные пріемы для достиженія этихъ цѣлей. Словарь разсчитанъ, прежде всего, на публику, ищущую въ книгѣ не только удовлетворенія случайно возбужденному любопытству, но и отвѣта на болѣе глубокіе запросы, разъясненія сложныхъ явленій современной общественной и политической жизни, руководства и указаній для правильной оцѣнки переживаемаго. Отсюда основная цѣль изданія—дать нестолько справочное изданіе, главное достоинство котораго должно было бы заключаться въ возможно большемъ количествѣ объясненныхъ словъ, — сколько книгу образовательнаго характера, которая сообщала бы и извѣстный запасъ положительныхъ знаній и необходимый кругъ общихъ идей, освѣщающихъ и оживляющихъ эти знанія. Редакція поступаетъ, поэтому, вполнѣ резонно, если она,—особенно при существующихъ размѣрахъ изданія, сосредоточиваетъ главное свое вниманіе на статьяхъ руководящаго содержанія, на общихъ обзорахъ, тщательно избѣгая всякихъ повтореній и погони за полнотой такихъ свѣдѣній, которыя, быстро старѣя, утрачиваютъ скоро интересъ.

Впрочемъ, указанная характеристика могла относиться до настоящаго времени лишь къ пяти послѣднимъ томамъ «Настольнаго Энциклопедическаго Словаря»; его первые три тома, изданные первоначально Товариществомъ А. Гарбель и К°, были составлены по совершенно иной программѣ и, преслѣдуя цѣли исключительно справочнаго изданія, стояли въ извѣстномъ противорѣчіи съ общимъ характеромъ и направленіемъ остальной и главной части словаря. Въ

выпускаемомъ теперь 4-мъ изданіи «Наст. Энц. Словаря», издатели предприняли коренную переработку этихъ трехъ томовъ въ видахъ объединенія программы, конечно, какъ нельзя болѣе умѣстнаго и желательнаго. I-й томъ переработанный такимъ образомъ, вышелъ въ свѣтъ въ началѣ прошлаго года, теперь вышелъ III й томъ; издатели обѣщаютъ въ непродолжительномъ времени закончить изданіе выпускомъ II-го тома. Надо отдать справедливость издателямъ, настоящей книгой ихъ обѣщаніе оправдывается. Насколько существенной оказалась переработка прежняго изданія III-го тома Словаря, видно уже изъ того, что къ основному тексту въ 671 стр. теперь *добавлено* 279 стр. въ видѣ текста съ повторной нумераціей (изданіе — стереотипное), внѣтекстовыхъ приложеній и дополнительнаго листка. Помимо этого и въ основномъ текстѣ остались, повидимому, нетронутыми только очень немногія страницы. Ограничиваясь въ мелкихъ замѣткахъ сообщеніемъ только самыхъ необходимыхъ свѣдѣній, редакція и здѣсь, какъ и въ остальныхъ томахъ Словаря, не пожалѣла мѣста для статей, обнимающихъ какой-либо крупный вопросъ, отвѣчающихъ какой-либо важной потребности современной общественной жизни. Среди такихъ статей можно отмѣтить «Дѣти», «Земскія учрежденія» съ приложеніемъ таблицъ, характеризующихъ земское хозяйство, «Желѣзныя дороги», «Италія», съ интересными и подробными статистическими приложеніями, «Данія», и нѣкоторые другіе. Изъ статей по исторіи укажемъ на ст. «Исторія» и «Гуманизмъ»; по исторіи искусствъ: «Живопись», «Исторія искусства», «Древнехристіанское» и «Египетское» искусства; по другимъ отдѣламъ: «Звѣзды», «Земледѣліе» и нѣкоторыя другіе. Къ книгѣ приложены многочисленные рисунки и портреты, по большей части выполненные удачно. *Г. Я.*

Справочная книга по вопросамъ образованія евреевъ. Изданіе Общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. 1901 г. 1 р. 75 коп.—Въ предисловіи къ разбираемой книгѣ составители говорятъ: «Выпускаемая въ свѣтъ «Справочная книга по вопросамъ образованія евреевъ» предназначается для лицъ и учрежденій, интересующихся распространеніемъ просвѣщенія среди евреевъ, для учителей, учительницъ и всѣхъ готовящихся къ дѣятельности на пользу еврейской народной школы. Этимъ вполнѣ опредѣляется и цѣль, которая преслѣдовалась составителями «Справочной книги» при ея изданіи». Въ достиженіи намѣченной цѣли составители проявили добросовѣстность и знаніе дѣла. Собранный ими матеріалъ поражаетъ своимъ количествомъ и разнообразіемъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ достаточно даже поверхностнаго знакомства съ содержаніемъ книги. Оно удовлетворяетъ самымъ разнообразнымъ требованіямъ, могущимъ встрѣтиться со стороны лицъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ интересующихся постановкой дѣла образованія русскихъ евреевъ. Всѣ вопросы учебно-воспитательнаго дѣла въ Россіи, поскольку они представляютъ практическій интересъ для евреевъ (какъ извѣстно, по отношенію къ общему образованію, евреи въ Россіи поставлены въ особыя условія, при чемъ одни изъ учебныхъ заведеній для нихъ совершенно закрыты, въ другія пріемъ ихъ ограниченъ извѣстной нормой), и всѣ вопросы, касающіеся заботъ правительства и еврейскаго общества объ образованіи подростающаго еврейскаго поколѣнія, нашли себѣ здѣсь самую тщательную разработку. Интересующіеся найдутъ, кромѣ того въ этой книгѣ не только свѣдѣнія о порядкѣ открытія субботнихъ и вечернихъ школъ (437—438), безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ (453—457), свѣдѣнія о законоположеніяхъ, касающихся книжной торговли (467—469) и устройства народныхъ чтеній (473—475), но и тщательно и умѣло составленные совѣты и практическія указанія относительно наилучшаго устройства и веденія школы (437—448) и чтеній (477—481), списки книгъ, допущенныхъ къ прочтенію въ народныхъ аудиторіяхъ (475—477), а также списки учебниковъ и учебныхъ пособій

(183—204) и книгъ допущенныхъ въ учительскія и ученическія библіотеки въ низшихъ училищахъ (204—285), свѣдѣнія, касающіяся профессіональнаго образованія (310—387), сельскохозяйственныхъ и земледѣльческихъ школъ (387—392), школьной гигіены (416—437), съѣздовъ и выставокъ по образованію (551—561), педагогической литературы (561—569), учрежденій и обществъ, содѣйствующихъ образованію (572—640) и т. д., и т. д.

Уже этотъ краткій и неполный перечень показываетъ, какая бездна труда была вложена составителями этого незамѣнимаго справочнаго руководства въ книгу, предназначенную для бѣдныхъ тружениковъ на общую пользу «учителей и учительницъ и всѣхъ готовящихся на пользу еврейской народной школы», а также для большинства еврейскаго юношества. *В. Б—къ.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го ноября по 18-ое декабря 1900 г.).

Л. Вольтманъ. Теорія Дарвина о соціализмѣ. Изд. Павленкова. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.
Гиббинсъ и Сатуринъ. Исторія современной Англіи. Изд. Т-ва «Знаніе». Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 20 коп.
Камиллъ Фламмаріонъ. Небесныя свѣтила (съ франц.). Изд. Луковникова. Спб. 1901 г. Ц. 1 руб.
Д-ръ В. Барингеръ. Что нужно знать по электротехникѣ (съ нѣм.). Спб. 1901 г. Ц. 35 коп.
Н. К. Черненковъ. Къ характеристикѣ крест. хозяйства.
Prof. D r. N. Reichesberg. Der Internationale Arbeiterschutz Kongress in Paris. Bern. 1900 г.
П. Гензель. Промысловое обложеніе въ Россіи. Спб. 1900 г. Ц. 1. 50 к.
Фр. Нитцше. Такъ говорилъ Заратустра. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 50 коп.
Людвигъ Берне. Полное собраніе сочиненій. Изд. Сойкина въ 3-хъ том. Спб. 1901 г. Ц. 5 руб.
Georg Simmel. Philosophie des Geldes. Duncher. Leipzig. 1900 г.
La Norvège. Ouvrage official publié à l'occasion de l'exposition universelle de Paris. 1900 г.
Голь Кэнъ. Христіанинъ (съ англ.). Изд. журн. «Жизнь». Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 коп.
Алекс. Бенда. Исторія живописи въ XIX в. Вып. I. Изд. Т-ва «Знаніе». Спб. 1901 г.
Д-ра Ф. Кона. Растеніе. Популярн. лекціи изъ области ботаники (пер. съ нѣм.). Изд. Девріена. Ц. за 6 вып. по подп. 22 руб. Отд. вып. 6 р. 50 к.
Д-ра В. Гааке. Живописный міръ его бытъ и среда. Вып. I. Ц. за 12 вып. по подп. 2 руб. 1901 г.
Н. Хвостовъ. Собраніе стихотвореній. Книги I и II. Спб. 1901 г. Ц. 2 руб.
Сюэль. Черный красавецъ. Пов. для юнош. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1901 г. Ц. 1 руб.
П. Мижуевъ. Образованіе во Франціи. Изд. Залшупина. Спб. 1901 г. Ц. 1 руб.
О. Шапиръ. Авдотьины дочки. Разсказы. Спб. 1901 г. Ц. 1 руб.
Статистика производствъ, облагаемыхъ акцизомъ,и гербовыхъ знаковъ. Спб. 1900 г.
Jean Finot. La philosophie de la longévité. Schleicherfrères. Paris. 1900 г.
Долгоруковъ. Путеводитель по всей Сибири. Томскъ. 1900—1901 г. Ц. 1 руб.
Dolgoroukoff. Guide à travers la Siberie. Томскъ. 1900—1901 г. Ц. 1 р. 50 коп.
Н. Тулуповъ. Наглядный букварь съ 137 рис. М. 1901 г. Ц. 15 к.
Уэльса Машина времени (съ англ.). Ковно. 1901 г. Ц. 1 руб.
Арнольдъ Бергеръ. Культурныя задачи реформаціи (съ нѣм.). Спб. 1901 г.
Сост. А. Щетинскій. Практич. руководство къ собиранію коллекцій (съ 76 рис.). Изд. Т-ва «Трудъ и Знаніе». Псковъ. 1901 г. Ц. 1 р. 50 коп.
К. Трубниковъ. Богатства Россіи. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 коп.
Проф. Трачевскій. Наполеонъ I. Изд. Павленкова. Спб. 1900 г. Ц. 25 к.
В. Дмитріевъ. Митюха учитель Изд. Раппъ. Харьковъ. 1900 г. Ц. 25 коп.
Д-ръ Отто Рейне-амъ-Ринъ. Недостатки современнаго полицейскаго надзора (съ нѣм.). Изд. Павленкова. 1900 г. Ц. 50 к.
И. Данилинъ. Очерки и разсказы. Изд. «Русской Мысли». М. 1901 г. Ц. 1 руб.
Списокъ сельско-хозяйствен. Об-въ. Спб. 1900 г.
Сост. А. В. Кирхнеръ. Осада Благовѣщенска и взятіе Айгуна. Благовѣщенскъ. 1900 г. Ц. 1 р. 50 коп.
Д-ръ В. В. Фавръ. Способы общегосуд. борьбы съ пьянствомъ. Харьковъ. 1900 г.
Декартъ. Метафизическія размышленія. Перев. подъ ред. проф. Введенскаго. Спб. 1901 г. Вып. I. Ц. 1 руб.
Журналы Вятской губ. оцѣночн. коммиссіи. Изд. вят. губ. земства. Вятка. 1900 г.
Сост. В. Лункевичъ. Четвероногіе и пернатые хищники. Спб. 1900 г. Изд. Павленкова. Ц. 18 коп.
Грековъ. Образцы обученія письму. Спб. 1900 г.
П Инфантьевъ. Стихотворенія. Блуждающіе огоньки. Спб. 1900 г. Новгородъ. 1901 г. Ц. 60 к.
Н. Н. Баженовъ. Открытое письмо д ру Якоби по поводу его книги «Основы административной психіатріи». М. 1900 г.
Отчетъ комитета за 1897—1898 гг. Невскаго Об ва устройства народныхъ развлеченій. Спб. 1900 г.
С. С. Антоновъ. Сны. Стихотворенія. Кіевъ. 1900 г. Ц. 1 руб.
А. Скворцевъ. Основы экономики земледѣлія. Ч. I. Спб. 1901 г. Ц. 3 руб.
М. Чайковскій. Жизнь П. И. Чайковскаго. Том. I. Изд. П. Юргенсонъ. М. Вып. I. Ц. кажд. вып. 40 коп.
В. Лункевичъ. Животныя кровопійцы и дармоѣды. Спб. 1900 г. Ц. 15 к. Изд. Павленкова.

Его-же. Враги и друзья человѣка. Изд. Павленкова. Спб. 1900 г. Ц. 28 к.

Его-же. Откуда взялись наши домашнія животныя и растенія. Изд. Павленкова. Спб. 1900 г. Ц. 15 коп.

Его-же. Четвероногіе слуги человѣка. Изд. Павленкова. 1900 г. Ц. 23 коп.

Н. И. Ѳирсовъ. Русскія балансовыя вѣдомости XVIII ст. Казань. 1900 г.

Сельско-хозяйствен. обзоръ Вят. губ. 1898—1899 г. Изд. вят. губ. земства. Вятка. 1900 г.

Шарковъ. Календарь земледѣльца на 1901 г. Спб. 1901 г.

А Ниппа. О сельско-хозяйствен. счетоводствѣ. Спб. 1900 г.

Докладъ Г. А. Бѣлковскаго. О желательности установленія текущей регистраціи ремеслъ. Спб. 1900 г.

Бѣлковскій, Г. А. Современ. характеръ ремесленной промышл. и посреднич. пріисканіе работы, какъ одна изъ мѣръ воспротивленія. Спб. 1900 г.

А. Доброхотовъ. Рутина нашихъ уголовныхъ защитниковъ. М. 1901 г. Ц. 20 к.

Сост. П. Виноградовъ. Учебникъ всеобщей исторіи. Средніе вѣка. М. 1900 г. Ц. 90 коп.

Э. Вандервельде. Притягательная сила городовъ. Съ франц. Л. Ванци. Изд. Т-ва «Знаніе». Спб. 1901 г. Ц. 40 к.

К. Я. Гротъ. Объ изученіи славянства. Спб. 1901 г. Ц. 60 коп.

В. Лункевичъ. Растенія дармоѣды и растенія хищники. Изд. Павленкова. Спб. 1901 г. Ц. 15 коъ.

Труды VII Совѣщанія гг. земскихъ врачей и предсѣд. земск. управъ Воронеж. губ. Том. II. Изд. губ. зем. Воронежъ. 1900 г.

Отчетъ комитета за 1898—1899 гг. Невскаго об-ва устройства народныхъ развлеченій. Спб. 1900 г.

Перев. съ нѣм. М. Туганъ-Барановскій. Законодательная охрана труда. Изд. Водовозовой. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 60 к.

П. Феррари. Въ борьбѣ за идею. Перев. съ итал. Рождественской. М. 1900 г. Ц. 75 к.

Е. Лихачевой. Матеріалы для исторіи женск. образованія въ Россіи. 1856—1880 г. Спб. 1901 г. Ц. 4 руб.

Д-ра медицины Д. М. Успенскаго. Органотерапія. Спб. 1896 г. П. 3 руб.

Е. Семченко. Какъ слѣдуетъ относиться къ склонности дѣтей рисовать самостоятельно. Казань. 1900 г.

Эрнестъ Лависсъ. Всеобщая исторія. Изд. А. Ю. Миницковой. М. 1900 г. Ц. 1 р. 20 к.

Генри Джорджъ. Великая общ. реформа. Перев. съ англ. Николаева. М. 1901 г. Ц. 25 коп.

М. Бертинъ. Разсказы. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

Д-ръ В. Виндельбандъ. Исторія и естествовѣдѣніе. Перев. съ нѣм. С. И. Ершова. М. 1901 г. Ц. 20 коп.

Отчетъ Кишиневской город. общ. библіотеки за 1899 г. Кишиневъ. 1900 г.

В. Ф. Залѣскій. Къ вопросу о реформѣ средней школы. Казань. 1900 г. Ц. 1 руб.

М. Бородинъ. Поэтическое творчество А. Н. Майкова. Изд. П. Сойкина. Спб. 1901 г. Ц. 50 коп.

Н. М. Соколовъ. О славѣ. Изд. П. Сойкина. Спб. 1901 г. Ц. 50 коп.

Японія и японцы. Изд. ред. журн. «Русская Мысль». М. 1901 г. Ц. 35 к.

Д-ръ Ф. Л. Касторскій. Бесѣды по школьной гигіенѣ. Изд. ред. журн. «Русская Мысль». М. 1901 г. Ц. 15 коп.

Перев. съ нѣм. Л. И. Коганъ. Разсказы Людвига Анценгрубера. Изд. ред. журн. «Русская Мысль». М. 1901 г. Ц. 20 к.

Я. В. Абрамовъ. Старый и Новый Свѣтъ. Спб. 1901 г. Ц. 50 коп.

Отчетъ о дѣятельности учебнаго отдѣла Об-ва распространенія технич. знаній за 1899 г.

В. Коринъ. Зарницы. Стихотворенія. Вып. II. Спб. 1901 г. Ц. 1 руб.

А. Ѳ. Селивановъ. П. П. Максимовичъ. Основатель Тверской женск. учительской школы. Спб. 1901 г. Ц. 1 руб.

Второй отчетъ Полтавскаго кружка любителей физико-математ. наукъ 1899—1900 г.

В. П. Амалицкій. Раскопки остатковъ позвоночныхъ въ 1899 г. въ пермскихъ отложеніяхъ Сѣвера Россіи.

Эрнестъ фонъ-Гессе Вартегъ. Китай и китайцы. Варшава. 1900 г. Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1901 г.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Psychologie de la femme» par le prof. Henri Marion (Armand Colin). (*Психологія женщины*). Въ этой книгѣ заключается рядъ лекцій о феминизмѣ, прочитанныхъ въ 1892—1894 г.г. Профессоръ Анри Маріонъ доказываетъ, что, по мѣрѣ прогресса цивилизаціи, женщина все болѣе диференцируется, хотя и становится равной мужчинѣ въ умственномъ и другихъ отношеніяхъ. Въ политической части книги говорится о положеніи женщины въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ.

(Athaeneum).

«La femme dans l'antiquité grecque» teste et dessins par G. Notor, avec une préface de M. Eugène Müntz, de l'Institut (H. Laurens). (*Женщина въ древней Греціи*). Авторъ изображаетъ жизнь женщины въ древней Греціи, въ домашней обстановкѣ и въ обществѣ, описываетъ ея занятія, развлеченія, ея домашній бытъ, семейныя и общественныя отношенія и т. п. Передъ глазами читателей проходятъ картины древнегреческой жизни, причемъ авторъ въ дополненіе самъ иллюстрируетъ свой текстъ. Очерки читаются съ большимъ интересомъ.

(Journal des Débats).

«Un chapitre de l'histoire de la mer» par Ernest Xys. Bruxelles. (Глава изъ исторіи моря). Въ своей небольшой книгѣ авторъ пытается охарактеризовать роль и значеніе моря, въ исторіи цивилизаціи въ теченіе 23-хъ столѣтій начиная съ финикійцевъ и до XV вѣка—эпохи открытія Америки. Въ этотъ длинный періодъ времени Средиземное море выполняло экономическую функцію, служа соединеніемъ между тремя континентами. Море оказывало вліяніе на политику и на законодательство. Авторъ изучаетъ тѣ законодательныя учрежденія, которыя имѣютъ отношеніе къ морю и господство на морѣ различныхъ народовъ. Затѣмъ онъ говоритъ о роли финикійцевъ, грековъ, римлянъ и средневѣковыхъ городовъ и изучаетъ организацію пиратовъ въ различныя эпохи, и мѣры, принимаемыя противъ нихъ различными государствами. Эту эру авторъ называетъ «средиземноморской». За нею слѣдуетъ океаническая эра. Теперь заканчивается періодъ, въ теченіе котораго главная роль выпадала на долю Атлантическаго океана и съ открытіемъ Китая для международной торговли начинается періодъ Тихаго океана.

(Revue internationale)

«Socialismo e Riforma Sociale nel morente e nel pascente secolo» (Carlo Ferraris. Venise (Ferrari). (*Соціальныя реформы въ прошломъ и начинающемся столѣтіи*). Эта брошюра написана на основаніи актовъ и документовъ венеціанскаго «Institut des science, lettres et arts» и состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой авторъ излагаетъ и критикуетъ современныя соціалистическія ученія, историческій матеріализмъ, вынужденный переходъ къ коллективизму и т. д.; во второй онъ старается подвести подъ извѣстныя формулы тѣ усилія, которыя направлены къ преобразованію общественнаго порядка, и изучаетъ главные принципы соціальныхъ реформъ.

(Revue internationale).

«Les causes sociales de la folie» par G. L. Duprat. Paris (Alcan). (*Соціальныя причины сумасшествія*). Этотъ новый томикъ составляетъ какъ бы продолженіе двухъ первыхъ книгъ, изданныхъ авторомъ: l'Instabilité mentale» и «Science et Démocratie» (умственная неустойчивость и наука и демократія). Авторъ изучаетъ сумасшествіе съ соціальной точки зрѣнія; онъ указываетъ, что именно соціальныя причины имѣютъ рѣшающее значеніе въ дѣлѣ развитія сумасшествія и что не только на индивида, но и на расу, оказываетъ вліяніе напряженная, лихорадочная жизнь, которую ведетъ современное поколѣніе и постоянныя тревоги и заботы о завтрашнемъ днѣ. Такія условія жизни, безъ сомнѣнія, ведутъ скорѣе всего къ вырожденію. Изслѣдуя корень зла, заключающійся въ соціальныхъ условіяхъ, соціальныхъ предразсудкахъ и т. д., авторъ, въ то же время, стремится отыскать и средства борьбы съ этимъ зломъ.

(Revue internationale).

«Slavery as un industrial system» Ethnological Researches, D-r. H. S. Nieboer La Haye (Mart. Nhijhoff). (Рабство какъ промышленная система). Большинство авторовъ всегда разсматриваетъ рабсгво съ нравственной точки зрѣнія, въ этой же книгѣ авторъ изучаетъ рабство съ точки зрѣнія экономической и этнологической. Онъ изслѣдуетъ первичныя и вторичныя причины рабства и приходитъ къ весьма интереснымъ выводамъ. Книга носитъ строго научный характеръ, но написана очень живо и читается легко.

(Revue internationale).

«Zur Psychologie des Willens» von D-r. S. Tirrkheiш. (Stahel) Würzburg. (Психологія воли). Авторъ этой книги извѣстный гамбургскій врачъ, изучаетъ въ ней одну изъ труднѣйшихъ проблемъ человѣческаго сознанія. Въ первой части онъ изучаетъ сущность желанія, а во второй, озаглавленной: «воля и душа», создаетъ новую психологію мыслящаго и дѣйствующаго человѣка.

(Berliner Tageblatt).

«Dreissig lahre in Ost Asien» von M. v. Brandt (Georg Wiegand) Lepzig. (Тридцать лѣтъ въ восточной Азіи). Книга эта имѣетъ современный интересъ. Авторъ ея былъ прежде посланникомъ въ Пекинѣ и прекрасно знаетъ Китай и китайскую жизнь. Вышелъ только первый томъ его сочиненія о Китаѣ, но и тѣ свѣдѣнія, которыя въ немъ заключаются, уже бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на нынѣшнія событія, хотя эти свѣдѣнія и относятся къ началу шестидесятыхъ годовъ.

(Berliner Tageblatt).

«Das Tierleben der Erde, von Wilhelm Hancke und Wilh, Kuhnert (Martin Oldenburg). Berlin. (Животная жизнь на землѣ). Великолѣпное изданіе, снабженное прекрасными иллюстраціями. Въ вышедшихъ выпускахъ заканчивается описаніе животной жизни въ поляхъ, лѣсахъ, болотахъ и заросляхъ средней Европы. Въ слѣдующихъ выпускахъ будетъ уже идти рѣчь о животной жизни въ человѣческихъ поселеніяхъ.

(Frankfurter Zeitung).

«The New Far East» by Arthus Dosy. With 12 illusirations London. (Casselle and C°). (Новый Дальній Востокъ). Въ виду особеннаго интереса, который возбуж аютъ теперь всѣ страны дальняго востока, это новое изданіе книги, вышедшей два года тому назадъ, представляется вполнѣ своевременнымъ, тѣмъ болѣе, что авторъ ея обладаетъ всѣми качествами занимательнаго разсказчика и въ то же время прекрасно знаетъ страну, которую описываетъ. Авторъ всего болѣе занимается Японіей и тѣми превращеніями, которыя совершились въ ней въ короткій промежутокъ времени трехъ-четырехъ десятилѣтій.

(Manchester Guardian).

«Le Sociétés chez les animaux» par D-r. Paul Girod. (Общества у животныхъ). Авторъ изучаетъ чрезвычайно интересное явленіе жизни животныхъ, уже съ давнихъ поръ обратившее на себя вниманіе ученыхъ изслѣдователей, — это склонность нѣкоторыхъ животныхъ жить обществами, представляющими цѣлыя государства иногда съ сотнями тысячъ жителей. Несмотря на вполнѣ научный характеръ своего изслѣдованія, авторъ пишетъ такъ живо и занимательно и настолько популярно, что книга его можетъ разсчитывать на большой кругъ читателей.

(Journal des Débats).

«Daniel O'Connell» by Robert Dunlop. Heroes of the Nations. London. (Putnam's Sosn). (Даніель О'Коннель). Эта новая книга входитъ въ составъ серіи изданій подъ общимъ названіемъ «герои націй» и посвящена Даніелю О'Коннелю. Личность этого героя прекрасно обрисована авторомъ, изобразившимъ въ своемъ очеркѣ весьма живо политическую карьеру О'Коннеля и трагедію 1847 года. Читатель получаетъ очень ясное понятіе о событіяхъ ирландской жизни, о возникновеніи и дѣятельности общества «Молодая Ирландія» и т. д. Несмотря на то, что авторъ старательно воздерживается отъ восхваленій своего героя и остается въ границахъ научнаго историческаго изслѣдованія, тѣмъ не менѣе, книга его проникнута симпатіей къ великому дѣятелю Ирландіи, образъ котораго онъ такъ мастерски изобразилъ въ своемъ біографическомъ очеркѣ.

(Manchester Guardian).

«By Land and Sky» by the Res. Iohn M. Bacon. London (Isbister and C°). (На землѣ и въ небесахъ). Авторъ этой книги восторженный поклонникъ аэронавтики и самъ нѣсколько разъ предпринималъ воздушныя путешествія. Онъ прекрасно описываетъ ощущенія новичка, впервые поднимающагося на воздушномъ шарѣ, и разсказываетъ о своихъ опытахъ во время полетовъ на воздушномъ шарѣ, а также прилагаетъ краткій очеркъ исторіи воздухоплаванія. Онъ описываетъ также нѣсколько замѣчательныхъ приключеній, которыя ему пришлось испытать во время своихъ воздухоплавательныхъ экскурсій.

(Daily News).

«Farben und Feste» von Louise v. Kobell. München (Ioseph Albert). (Краски и празднества). Очень живо написанные культурно-историческіе очерки, авторъ которыхъ изучаетъ празднества и обычаи различныхъ народовъ отъ древнѣйшихъ временъ вплоть до нашего времени. Искусно подобранныя и хорошо выполненныя иллюстраціи дополняютъ текстъ.

(Franfurter Zeitung).

«A History of Rhodesia» by Howard Housman. Edinburgh (William Blackwood and Sons). (Исторія Родезіи). Авторъ является горячимъ защитникомъ политики Сессиля Родса и К°, но хотя его книгу и нельзя назвать безпристрастной въ этомъ отношеніи, тѣмъ не менѣе въ ней заключается много интересныхъ данныхъ, касающихся исторіи развитія этой новой англійской колоніи въ южной Африкѣ и ея будущности.

(Daily News).

«New Methods in Education» by I. Liberty Tadd. New York. (Новые методы въ воспитаніи). Прекрасная книга, могущая служить руководствомъ для родителей и воспитателей, въ которой авторъ излагаетъ свои взгляды на воспитаніе и результаты своего долголѣтняго опыта.

(Daily News).

«Animal by C. Lloyd Morgan. London (Edward Arnold). (Поведеніе животныхъ). Эта книга является лишь новымъ изданіемъ хорошо извѣстнаго сочиненія автора «Animal Life and Intelligence», но авторъ говоритъ въ своемъ предисловіи къ новому изданію, что онъ даетъ ему другое названіе, потому что онъ совершенно передѣлалъ свой прежній трудъ, такъ что въ сущности, это—новая книга. Столь же интересно написанная и обладающая всѣми достоинствами прежнихъ сочиненій автора, книга эта заключаетъ въ себѣ богатый матеріалъ наблюденій и опытовъ.

(Manchester Gvardian).

«In den Wildnissen Afrikas und Asiens» Jagderlebnisse von D-r von Wisswann. Berlin (Paul Parey). (Въ пустыняхъ Африки и Азіи). Роскошно иллюстрированная книга, заключающая въ себѣ описаніе охотничьихъ приключеній автора въ Азіи и Африкѣ, при чемъ описанія эти не только представляютъ спеціальный интересъ для охотниковъ, но и для обыкновенныхъ читателей книга эта можетъ служить занимательнымъ чтеніемъ, такъ какъ она знакомитъ съ жизнью и природой Африки и Азіи. Каждому животному, составляющему предметъ охоты въ этихъ частяхъ свѣта отведена отдѣльная глава.

(Berliner Tageblatt).

«Neuseeland» von Professor D-r Robert von Lendenfeld (Bibliothek des Länderkunde). (Новая Зеландія). Новый выпускъ этой библіотеки посвященъ описанію Новой Зеландіи въ географическомъ, историческомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Авторъ изучалъ на мѣстѣ этотъ интересный островъ и потому всѣ его описанія обладаютъ большою жизненностью, а описаніе природы очень художественное.

(Berliner Tageblatt).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

ОБЕЗДОЛЕННЫЕ.

РОМАНЪ

САМУЭЛЯ ГОРДОНА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

А. КАРРИКЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова Надеждинская (43).
1901.

I.

Восемь часовъ вечера, время лондонскаго пролетаріата. Улицы запружены народомъ, высыпавшимъ изъ фабрикъ и мастерскихъ, гдѣ онъ былъ запертъ въ теченіе долгаго рабочаго дня. На первый взглядъ можно подумать, что это импровизированный карнавалъ, а не шествіе усталыхъ работниковъ, только что сбросившихъ съ плечъ ярмо тяжелаго труда. Жаркіе іюньскіе сумерки оглашаются смѣхомъ и болтовней; душный воздухъ, звѣнящій веселыми нотами, обвѣваетъ горячіе виски и какъ бы чудомъ исцѣляетъ наболѣвшіе глаза. Гигантъ трудъ выпущенъ погулять и несется по улицамъ съ истерическою радостью проснувшагося человѣка, которому грезилось, что онъ заживо похороненъ; но вотъ онъ опять видитъ надъ собою голубое небо, слышитъ миріады звуковъ, говорящихъ о полномъ ходѣ механизма жизни.

Только двѣ работницы изъ возвращавшихся домой выдѣлялись среди общаго оживленія своею молчаливостью и сдержанностью. Одна изъ нихъ, повидимому, сама удивилась, замѣтивъ эту молчаливость.

— По грошу за мысль, Модъ,—сказала она шутливо.

— Я думаю о томъ, Тэбита, что недѣля еще только началась.

— Да, еще въ панталончикахъ ходить,—отвѣчала Тэбита.—А что?

— Надоѣло мнѣ все это, вотъ что.

— Глупая ты гусыня, Модъ Маршаль!—строго замѣтила Тэбита Джуппъ.—Тебѣ хочется, чтобы круглый годъ было воскресенье. Попробовала бы ты! Вѣдь это все равно, что каждый день обѣдать пирожнымъ.

— Не слыхала я, чтобы гуси любили пирожное,—отвѣтила Модъ.

Тэбита засмѣялась.

— Хорошо, насмѣхайся, если это тебѣ пріятно; но вѣдь ты знаешь, что я хочу сказать.

— Пора знать; ты такъ часто говоришь это.

— И опять повторяю, Модди, сколько бы ты ни глумилась надо мною: чего тебѣ надо? чтобы тебѣ завтракъ подавали въ постельку; чтобы сапожки на тебѣ шнуровали; чтобы ты могла дѣлать покупки въ магазинахъ Реджентъ-Стрита послѣ завтрака? Что говорить, эта пѣсенька пріятна, только не намъ съ тобою танцовать подъ эту музыку. Люди называютъ это—роптать на судьбу, а я называю—роптать на Бога. Брось все это, Модди! Помни, въ каждомъ изъ насъ есть частица Христа.

— Аминь, аллилуйа!—отвѣтила Модъ съ насмѣшливымъ поклономъ.—Ты начиталась проповѣдей сальваціонистовъ и они разстроили твои нервы, оттого ты и несешь вздоръ. Повѣрь, кто ропщетъ на судьбу, тотъ знаетъ, что дѣлаетъ: я видѣла на-дняхъ, какъ одинъ мужчина подбрасывалъ, какъ ножной мячъ, живую собаку, за то, что она укусила его, и собака молчала. А почему молчала? Потому, что онъ стиснулъ ей морду намордникомъ. Конечно, она дала бы цѣлый возъ кошачьяго жаркого за то, чтобы пискнуть. Тэбби, я была бы готова весь день носить намордникъ, если бы знала, что отъ этого душа перестанетъ роптать.

— А вотъ мнѣ, такъ, и въ голову не приходитъ роптать,—въ раздумьи проговорила Тэбита.

Она окинула мысленнымъ взглядомъ свое прошлое, чтобы убѣдиться, правду

ли она говоритъ. Да, она такъ давно перестала роптать, что была въ правѣ похвалиться этимъ. Модъ ничего не отвѣтила, да въ отвѣтѣ и надобности не было. Дѣвушки приближались къ парикмахерской, въ дверь которой было вставлено большое зеркало. Оно, съ неподкупною логикой, объяснило съ перваго же взгляда исторію Тэбиты за 32 года ея жизни. Въ зеркалѣ отразилось незначительное, усталое лицо со впалыми щеками, въ которыхъ безвыходно поселилась тѣнь. Отъ всегдашнихъ невеселыхъ размышленій тонкія губы сжались въ комочекъ и приняли кислое выраженіе. Заостренный подбородокъ довершалъ угловатость чертъ. Не выкупали и глаза; это были самые обыкновенные, дѣловые глаза, исполнявшіе свое назначеніе—и больше ничего.

Совсѣмъ другого рода были глаза Модъ Мэршаль; эти были созданы не на то только, чтобы глядѣть. Они имѣли влажный, словно росистый блескъ, и смѣялись сами по себѣ, не нуждаясь въ содѣйствіи остальныхъ чертъ лица. Но не одними смѣющимися глазами заслужила она у безпристрастныхъ наблюдателей прозвище Уольворотской Венеры; часть заслуги падала и на безукоризненныя очертанія профиля, и на свѣжій, какъ роза, цвѣтъ лица, на которое съ завистью взглянулъ бы самъ воплощенный геній юности, если бы могъ встрѣтиться въ этой душной улицѣ. Модъ не болѣе года, какъ перестала носить короткія платья и съ достоинствомъ свернула косу на затылкѣ.

Обо всемъ этомъ, равно какъ и о лишнихъ шести вершкахъ ея роста сравнительно съ Тэбитой, честное зеркало сочло своимъ долгомъ добросовѣстно засвидѣтельствовать. На Тэбиту все это не произвело, однако, никакого дѣйствія, она шла, по обыкновенію, изучая камни мостовой подъ ногами. Что же касается Модъ, то зеркало вызвало съ ея стороны упомянутое молчаніе, источникомъ котораго была та жалость самарянина, съ которою пасынки Провидѣнія смотрятъ обыкновенно другъ на друга.

— Не думала я, что ты такъ недовольна своимъ положеніемъ,—сказала Тэбита, немного погодя.—Ты не должна чувствовать одиночества; я слышала, что два-три кавалера предпочитаютъ твою компанію компаніи своихъ матерей.

— Да, они слоняются около меня, гдѣ могутъ,—сердито отвѣтила Модъ,—но ни съ однимъ изъ нихъ я и говорить-то не стала бы во второй разъ. Шалопаи они, больше ничего. Играютъ на концертино и разсказываютъ, что будутъ «гулять», пока отцы не помогутъ имъ сдѣлать карьеру. Нѣтъ!, мое правило: или хорошій кавалеръ, или никакого.

— Такъ, разумѣется. Ты еще молода; успѣешь пристроиться. Мнѣ говорили, что твоя семья живетъ хорошо.

— Великолѣпно,—коротко сказала Модъ.

— И твой отчимъ любитъ тебя?

— Слишкомъ.

— Это какъ же?—спросила Тэбита, озадаченная ея тономъ.

— Обѣщай, что никому не скажешь... Не нравится мнѣ, какъ отчимъ смотритъ на меня, когда мы остаемся съ нимъ наединѣ.

Тэбита помолчала и, понявъ, что подразумѣваетъ подруга, прибавила:

— Животное!

— Вотъ отъ чего я и хочу поскорѣе встать на ноги,—торопливо прибавила Модъ.—Надо мнѣ уйти изъ дому, пока не вышло чего-нибудь худшаго. Онъ сказалъ мнѣ вчера одну вещь—не желала бы я, чтобы мать узнала объ этомъ.

— Встать на ноги?—протянула Тэбита.—Что ты хочешь этимъ сказать?

— Зарабатывать побольше денегъ, уйти изъ дому и жить самостоятельно.

— Какъ! брать сверхурочную работу? Ты не сдѣлаешь этого.

— И не думаю дѣлать. Есть и другіе способы зашибать копейку.

— Правиленъ ли твой способъ, Модъ?—спросила Тэбита, глядя ей въ глаза.

— Правиленъ какъ и всякій другой, который не ведетъ прямымъ путемъ къ сатанѣ. Но нечего допрашивать меня, не скажу никому моихъ плановъ. Они могутъ и не исполниться, и я останусь въ дуракахъ.

— Какъ хочешь,—отвѣтила Тэбита равнодушно. Равнодушіе не было притворнымъ; ее мало интересовалъ вопросъ, какимъ образомъ Модъ разчитываетъ достигнуть перемѣны въ своей жизни. Она давно привыкла къ тому, чтобы подруги ея исчезали изъ ея глазъ, какъ скоро имъ удавалось выскочить изъ темной ямы, гдѣ протекала ея собственная жизнь, представлявшая нѣчто безформенное, безъ начала и конца. Мимо нея шумно проносилась міровая жизнь на коняхъ времени, мысли и желаній, не вызывая никакого волненія въ ея крови и не увлекая за собою ея ногъ. Правда, когда-то давно и она покусилась однажды присоединиться къ бѣшеной скачкѣ, и отчаянно цѣплялась за поводья, зная, что разъ она выпуститъ ихъ изъ рукъ, ей уже никогда не догнать ускакавшихъ. Но она скоро убѣдилась, что одной доброй воли недостаточно, чтобы догнать счастье; а у нея, кромѣ доброй воли, ничего не было за душой. И когда, выбившись изъ силъ, съ избитыми плечами отъ неразборчивыхъ ударовъ возницы, она, наконецъ, упала на краю дороги, тогда—только тогда—ей мелькнула мысль, что, быть можетъ, настоящее-то призваніе ея въ томъ и состоитъ, чтобы лежать подъ громовой колесницей Ягернаута.

Современемъ она оправилась отъ послѣдствій своей безумной попытки. Исцѣленіе сказалось въ притупленіи чувствъ, въ безцвѣтномъ застоѣ всѣхъ движеній души, кромѣ вызываемыхъ домашними дѣлами, и въ тупой покорности судьбѣ. Поэтому, слыша, что кто-нибудь изъ ея подругъ дѣлаетъ ту же попытку, которая для нея самой кончилась такой неудачей, она слѣдила глазами за убѣгающей только до поворота за уголъ. Пускай,—какое ей дѣло? Она была довольна, что въ ея собственной душѣ такія желанія умерли, и молила Бога только объ одномъ: чтобы они никогда болѣе не воскресали.

— Прощай, мы здѣсь разстанемся,—сказала Модъ, остановившись на поворотѣ улицы.—Пожелай мнѣ удачи. Хочу попробовать счастья на этой недѣлѣ.

— Не требуй, чтобы я пожелала тебѣ удачи, если ты затѣваешь что-нибудь нехорошее,—отвѣтила Тэбита съ блѣдной улыбкой.—Прощай, Модди!

Тэбита, не спѣша, прошла остальное разстояніе до своего дома. Послѣдніе тридцать ярдовъ пришлось идти вертикально, по безконечной лѣстницѣ, которая вела на верхній этажъ дома Монтега, съ дешевыми квартирами, гдѣ находились пенаты Тэбиты. Она поднималась медленно; послѣ рабочаго дня, даже дешевый романъ, который она несла, могъ показаться тяжелымъ багажемъ на такой лѣстницѣ. На полудорогѣ ее привѣтствовалъ протяжный собачій визгъ.

— Добрый старый Тоузеръ!—подумала она, не имѣя силы проговорить словъ.

Собравъ остатокъ энергіи, она прошла остальную часть лѣстницы и взялась за ручку двери.

Въ первую минуту, въ темной комнатѣ, куда она вошла, слышались только топотъ безумныхъ прыжковъ и неистовый визгъ восторга, но затѣмъ раздался голосъ, потребовавшій немедленнаго возстановленія тишины.

— Какъ ты чувствуешь себя, Джимми?—спросила Тэбита.

— Отлично, Тэбби. Иголки и булавки уѣхали въ Іерихонъ и потеряли обратные билеты.

— Надѣюсь, Джимми,—проговорила Тэбита не совсѣмъ убѣжденнымъ тономъ.—Сейчасъ я зажгу лампу.

— Погоди!—крикнулъ Джимми, и черезъ минуту прибавилъ:

— Ну ладно; зажигай. Прошло.

— Что прошло?

— Краски на небѣ. Это было такъ же красиво, какъ сцена превращенія въ пантомимѣ — даже лучше, потому что безплатно. У насъ съ Тоузеромъ была ложа на авансценѣ. Въ началѣ передъ нами былъ темносиній занавѣсъ съ краснымъ, какъ мѣдь, солнцемъ; потомъ отъ этого краснаго пятна стала расплываться краска во всѣ стороны и, наконецъ, вся синева превратилась въ цвѣтъ раздавленной земляники. А затѣмъ пришли ангелы, которые были, должно быть, въ свое время набожными поденьщицами, и принялись отчищать

небо. Но тутъ у меня заболѣла немного спина и я долженъ былъ лечь.

— Да, закатъ, должно быть, былъ очень красивъ,—сказала Тэбита, улыбаясь.—Хочешь ужинать?

— Ничего не хочу сегодня; сытъ по горло. Феба заходила сюда, чтобы сварить мнѣ бульону и нарѣзать хлѣба съ масломъ. А ты какъ?

— Мнѣ не особенно хочется ѣсть.

— Жаль,—сказалъ Джимми.

— Почему жаль?

— Я посулилъ Тоузеру, что ты будешь ѣсть рыбу и отдашь ему кость.

— Это другое дѣло,—вымолвила Тэбита, поднимаясь съ мѣста.—Я не допущу, чтобы онъ обманулся въ своемъ довѣріи къ тебѣ.

Она принялась накрывать себѣ ужинъ, чтобы не обмануть ожиданій ихъ четвероногаго товарища. Тоузеръ слѣдилъ за ея движеніями, боясь слишкомъ предаваться надеждѣ.

— Зайдетъ опять Феба сегодня?—спросила Тэбита, держа копченую рыбу надъ спиртовой лампой.

— Врядъ ли. Она сдѣлала сегодня находку и отправилась въ полицейскую контору предъявить ее и получить свою часть. Не знаю, дойдетъ ли,—прибавилъ Джимми въ раздумьи.—На пути можетъ встрѣтиться портерная.

Тэбита ничего не отвѣтила и только вздохнула, внимательно слѣдя за рыбой, которая черезъ нѣсколько минутъ благополучно перешла со сковороды на блюдо.

Пока Тэбита ужинала, Тоузеръ сидѣлъ передъ нею, считая глотки. Маленькая парафиновая лампа давала только желтое пятно въ окружающей темнотѣ. Но это тусклое пятно, эти тѣни вокругъ были предательски болтливы. Они разсказывали Тэбитѣ исторію ея прошлаго. Какъ водится, они начали за шестнадцать лѣтъ назадъ, когда умеръ ея отецъ. Онъ былъ машинистъ и весьма порядочный человѣкъ, содержавшій трудомъ свою семью въ сравнительномъ достаткѣ, пока желѣзнодорожная катастрофа не умчала его на тотъ свѣтъ съ быстротою скораго поѣзда. Въ виду того, что онъ оставался на своемъ посту и смягчилъ силу столкновенія, хотя сломалъ себѣ шею, благосклонное правленіе назначило вдовѣ пенсію въ двѣнадцать шиллинговъ въ недѣлю. Но черезъ два мѣсяца пенсія прекратилась, потому что миссисъ Джуппъ послѣдовала за своимъ мужемъ, давъ жизнь тому, что впослѣдствіи получило имя Джима.

На этомъ мѣстѣ память Тэбиты перепрыгнула черезъ четырнадцать съ половиною лѣтъ, перенесясь къ тому дню, когда Джимъ былъ принесенъ домой на носилкахъ. Онъ непреднамѣренно быстро спустился съ лѣстницы, на которой стоялъ, покрывая лакомъ вывѣску, и повредилъ себѣ спину. Съ тѣхъ поръ онъ немного поправился, но назвать его здоровымъ человѣкомъ значило бы не въ мѣру польстить ему. Хотя онъ и смѣялся надъ «иголками и булавками», но Тэбита знала, что на этотъ смѣхъ сквозь стиснутые зубы нельзя слишкомъ полагаться.

Таковы были межи въ исторіи ея жизни; промежутки же между ними представляли пустыя полосы времени, хронологическія цифры, не болѣе. Была, правда, одна фигура, періодически являвшаяся въ этой исторіи, дѣлая ее не совсѣмъ лишенною сильныхъ ощущеній, но это были ощущенія тяжелыя и грустныя, которыхъ она предпочла бы не испытывать. Какъ разъ въ эту минуту о нихъ напомнилъ ей внезапный визгъ Тоузера, проворно ретировавшагося подъ кровать Джимми. Аппетитъ сдѣлалъ его неосторожнымъ и онъ принялъ кусочекъ пикулей, маринованныхъ въ уксусѣ съ горчицей, за нѣчто болѣе вкусное. Но Тэбита, не зная причины его злоключенія, быстро выпрямилась и напряженно прислушалась.

— Я думала это Джошъ,—замѣтила она, немного погодя.

— И я тоже думалъ, судя по поведенію Тоузера,—отозвался Джимми.—Вѣдь Джошъ вѣчно заставляетъ его визжать, когда поймаетъ. Знаешь ли, что будетъ моимъ первымъ дѣломъ, когда моя спина покрѣпче накрахмалится? Угадай!

— Пойти въ солдаты?

— Подойти къ брату Джошу и стук-

нуть его по головѣ такъ, чтобы въ ушахъ зазвенѣло.

Тэбита невольно засмѣялась.

— И что же, думаешь ты, онъ сказалъ бы тебѣ на это?

— Все равно, что ни сказалъ бы. Меня не будетъ въ живыхъ, чтобы услышать.

— Не говори этого, Джимми. Иногда мнѣ кажется, что въ немъ есть и хорошія стороны.

— Можетъ быть, но онѣ такъ хорошо спрятаны, что ихъ не видно.

Джошъ былъ вторымъ отпрыскомъ фамиліи Джуппъ и въ порядкѣ старшинства занималъ среднее мѣсто между Тэбитой и Джимомъ. Онъ давно отдѣлился отъ нихъ и пошелъ своей дорогой; но иногда заглядывалъ къ нимъ, и, какъ видно изъ приведеннаго разговора, не доставлялъ имъ большого удовольствія своими посѣщеніями.

— Ничего бы ты не сдѣлалъ ему.

— Бери библію, или счетную книгу, или что у тебя есть святаго, и я поклянусь надъ этимъ.

Кончивъ всѣ свои дневныя дѣла, Тэбита придвинула стулъ къ окну, чтобы принести небольшую дань искусству, представителемъ котораго въ этой комнатѣ служила шарманка. Когда послушная машина переигрывала свой репертуаръ въ пятый разъ, Тэбита встала и ловкими руками превратила въ постель нѣкоторый аппаратъ, имѣвшій днемъ видъ шифоньера. Устроивъ себѣ ложе, она пожелала Джиму покойной ночи и задернула полинялый ситцевый занавѣсъ, раздѣлявшій комнату на двѣ половины.

Три минуты спустя, послышалось ея сонное, ритмическое дыханіе, и Джимми, прислушиваясь къ нему, думалъ, какъ это люди могутъ засыпать, едва опустивъ голову на подушку.

II.

— Кто хочетъ играть въ скакалку?

— Я! и я! и я! — былъ отвѣтъ съ разныхъ сторонъ.

— Ну, начинайте! У насъ четверть часа свободныхъ. Я буду держать одинъ конецъ веревки.

— А я другой, Дженни Фляй.

— Нѣтъ, Артуръ Пэджъ, вы не будуте держать. Мы уже знаемъ ваши штуки — натягивать веревку и прочее.

— Что за важность? Всѣ знаютъ, что женщины носятъ юбки.

— Убирайтесь прочь, или я стукну васъ по безобразной мордѣ! Дѣвушки, начинайте!

Началась скачка черезъ веревку среди пыли, криковъ и шлепанья юбокъ. Шумѣвшія нимфы были работницы фирмы Бруннеръ Флитъ и К°, которая вела довольно широкое торговое дѣло по изготовленію мѣховыхъ вещей. Игра происходила подъ конецъ обѣденнаго часа, на задворкахъ мастерской.

— Отойдите, вы, всѣ! — пропѣла вдругъ Дженни Фляй, я даю очередь Тэбитѣ. — Ну, Тэбби, расправляйте ноги!

Предложеніе это вызвало общее хихиканье, на которое Тэбита, погруженная въ дочитываніе дешеваго романа, не обратила никакого вниманія; она вообще не обращала большого вниманія на окружающее.

— Благодарю, Дженни, я не хочу, — отвѣтила она спокойно и приписала общій смѣхъ, вызванный ея отказомъ, какой-нибудь новой проказѣ Артура Пэджа, чернорабочаго при мастерской.

— Вы разжирѣете, какъ сдобная булка, Тэбита, если будете вести такую сидячую жизнь, — замѣтилъ этотъ послѣдній.

Иронія была достаточно ясна, но Тэбита предпочла игнорировать ее. Убѣдившись, что многоиспытанная героиня романа благополучно соединилась, наконецъ, со своимъ возлюбленнымъ, она съ достоинствомъ поднялась съ опрокинутой лохани, на которой сидѣла, и направилась къ лѣстницѣ въ мастерскую. Какъ разъ въ ту минуту, когда она поднялась наверхъ, пробилъ часъ на сосѣдней колокольнѣ и Тэбита отскочила въ сторону, чтобы дать дорогу бѣжавшей снизу толпѣ. Три матроны, находившіяся среди работницъ, не сходили внизъ и дѣлали сіесту, храпя на ста-

рыхъ козьихъ подстилкахъ. Тэбитѣ мелькнула мысль, что вскорѣ и ей придется вступить въ ихъ кампанію, какъ перезрѣлой дѣвѣ.

Приходъ старшей приказчицы, миссъ Шортъ, сразу придалъ мастерской дѣловой видъ. Послышался шорохъ иголокъ, втыкаемыхъ въ кожу, и свистъ слѣдующихъ за ними крѣпкихъ, какъ проволока, нитокъ. Дѣло это было не изъ чистыхъ. Кожевники скрѣпляли полосы мѣха клейкой бумагой, пристававшей къ рукамъ, когда ее сдирали, и передъ каждой работницей лежала кучка такой бумаги, свидѣтельствовавшая объ ея большемъ или меньшемъ усердіи къ работѣ. Воздухъ въ мастерской былъ пропитанъ запахомъ сырой кожи и сомнительнымъ ароматомъ камеди, къ чему присоединялся еще кислый запахъ разлагающихся чайныхъ листьевъ. Одинъ инспекторъ назвалъ эту мастерскую «школой мусорщиковъ».

— Не знаетъ ли кто, отчего Модъ Мэршаль не пришла сегодня?—спросила миссъ Шортъ.

— Вѣроятно, она ушла гулять со своимъ кавалеромъ,—отозвалась Дженни Фляй.

— Сдерживай свой языкъ!—остановила ее ея мать, которую только изъ любезности называли «миссисъ» Фляй.

— Не сдержу! Будь я такой хорошенькой, какъ Модъ, у меня каждый день былъ бы новый кавалеръ, а по воскресеньямъ два.

— Но, благодаря Бога, вы знаете, гдѣ жметъ вашъ башмакъ, — замѣтилъ Артуръ Пэджъ.

Онъ былъ безумно влюбленъ въ Дженни и старался маскировать свои чувства насмѣшками.

— Гдѣ бы ни жалъ, за то онъ мой, а не отцовскій,—возразила Дженни.

— Полно вамъ перекоряться!—унимала м-ссъ Фляй, опасаясь затруднительнаго для нея возраженія со стороны Пэджа.—Эдакая трещетка!

— Чего же онъ привязывается, когда не съ нимъ говорятъ?

— Дѣлайте свое дѣло! — строго замѣтила приказчица.

Послѣдовало нѣсколько минутъ молчанія; потомъ одна изъ работницъ, страдавшая отъ хронической простуды, сказала:

— Бѣдный мой носъ!

Жалоба вызвала хоръ сочувствія и предложенія самыхъ вѣрныхъ лѣкарствъ. Отвѣтомъ было обѣщаніе испробовать силу каждаго, за исключеніемъ рецепта Артура, посовѣтовавшаго просто-на-просто ампутировать безпокойный членъ.

Разъ ледъ былъ сломанъ, Дженни, опасавшаяся, что языкъ ея выростетъ слишкомъ длиннымъ, если она не будетъ упражнять его, снова начала:

— Господи! какъ болѣзнь-то ходитъ у насъ. У Долли Фрю инфлюэнца, у Фанни Причардъ, нашей сосѣдки, болятъ глаза, а у одного работника на нашемъ дворѣ тифъ, ужъ не говоря о нашей теткѣ Флорри, родившей седьмого ребенка.

— Восьмого, — поправила мать.

— Да, правда, восьмого. Она такъ часто рожаетъ, что не успѣваешь считать. Помнишь, мама, какъ намъ было весело на послѣднихъ крестинахъ у нея. Я охрипла отъ пѣнія и смѣха, и такъ устала, что еле дотащилась до дому. Къ счастью, Джекъ Пунцеръ былъ нашимъ попутчикомъ, такъ онъ почти всю дорогу поддерживалъ меня.

Послѣдними словами она хотѣла напустить скорпіоновъ въ сердце Артура; но онъ сдѣлалъ надъ собою геройское усиліе и казался равнодушнымъ.

— Я понимаю теперь, отчего Джэкъ кривобокій,—замѣтилъ онъ.

— Не оттого ли же самаго, отчего вы прямы, какъ шестъ?—любезно сказала Дженни.

Артуръ вынималъ гвозди, которыми сушившіеся мѣха были прикрѣплены къ доскамъ. Кончивъ это дѣло, онъ сказалъ:

— Должно быть, вы не читаете полицейскихъ объявленій, Дженни.

— А что? Не назначаютъ ли награду за поимку васъ?

— Нѣтъ; подтверждаютъ приказъ о намордникахъ на собакъ.

— Такъ вы какой предпочли бы, проволочный или ременный?

Видя, что всѣ смѣются надъ нимъ, Артуръ обозлился.

— У иныхъ людей такіе крѣпкіе лбы, что на нихъ хоть подковы куй,— замѣтилъ онъ ядовито.

Бойкая Дженни и тутъ нашлась.

— Такъ отчего бы вамъ не зарабатывать свой хлѣбъ, служа наковальней?

Неизвѣстно, до чего дошелъ бы этотъ словесный турниръ, если бы ему не положило конца неожиданное появленіе Модъ Мершаль. Она была замѣтно возбуждена; щеки ея горѣли румянцемъ, и на взглядъ Тэбиты она отвѣтила торжествующей улыбкой.

— Что это за глупости? — строго спросила миссъ Шортъ. — Теперь уже поздно начинать работу. Если вы еще разъ не придете ровно въ девять часовъ...

— Кто говоритъ о работѣ, миссъ Шортъ?—отвѣтила Модъ слегка дрожащимъ голосомъ.—Я зашла только взять мой альпаговый передникъ.

— Нанялась въ другое мѣсто? — съ живостью спросила Дженни.

— Да, нѣчто въ этомъ родѣ,— съ улыбкой отвѣтила Модъ. — Я уже подписала контрактъ сегодня утромъ.

— Какой контрактъ?—спросили удивленные голоса.

— Съ дирекціей труппы Синдикатъ-Голла.

— По пятидесяти совереновъ въ недѣлю, должно быть,—иронически замѣтила м-ссъ Фляй.

— Нѣтъ, только по десяти для начала.

— Кого вы дурачите?—насмѣшливо спросила работница съ насморкомъ.

Модъ пожала плечами.

— Если вы умѣете читать, то черезъ недѣлю прочтете мое имя на афишахъ.

Самоувѣренность Модъ разбила всякое сомнѣніе. Послѣдовала продолжительная пауза.

— Кто вамъ помогъ въ этомъ, милая?—спросила миссъ Шортъ.

Слово «милая» въ ея устахъ казалось до сихъ поръ Модъ высшимъ успѣхомъ въ жизни; но теперь она приняла его равнодушно.

— Мистеръ Ольджернонъ Дакръ, — отвѣтила она.

— Это, должно быть, нѣчто вродѣ агента? — спросила миссъ Шортъ, притворяясь полной невѣждой въ этихъ дѣлахъ, какъ приличествуетъ молодой дѣвицѣ, находящейся на положеніи невѣсты въ послѣдніе пять лѣтъ.

— Неужели вы никогда не слыхали объ Ольджи Дакрѣ, миссъ? — укоризненно вскричала Дженни.—Онъ—самая большая шишка въ театральномъ дѣлѣ.

— Значитъ, вы въ хорошихъ рукахъ, милая Модъ? Но не сейчасъ же вы уходите отъ насъ?

— Сейчасъ, миссъ Шортъ. Я пришла домой только за моими платьями, и для того, чтобы разучить три новыхъ романса.

— Но въ будущее воскресенье вы придете къ намъ на чашку чая? Мой братъ Джекъ близокъ къ театральнымъ дѣламъ; онъ показываетъ фокусы и разныя штуки на сценѣ «Дѣтскихъ увеселительныхъ вечеровъ».

— Благодарю; приду, если будетъ можно, но не обѣщаю. Прощайте, дѣвушки!

На прощаніе немногія отвѣтили. Всѣ съ холоднымъ любопытствомъ проводили ее глазами. Но Дженни вдругъ вскочила и побѣжала вслѣдъ за уходившей. Догнавъ, она звучно поцѣловала ее.

— Желаю успѣха, Модди, сказала она. Я не завистлива, не такъ какъ другія. Вотъ, что я тебѣ скажу. Я постараюсь умаслить Артура и помириться съ нимъ на одинъ день, чтобы онъ свелъ меня на твой дебютъ.

— Въ другой разъ спрашивайте позволенія, когда хотите выйти изъ мастерской,—замѣтила ей по возвращеніи миссъ Шортъ.

— Здѣсь не начальная школа,— проворчала Дженни, но мать тактично покрыла ея воркотню своимъ кашлемъ и инцидентъ былъ исчерпанъ.

— Не вѣрится мнѣ! — проговорила дѣвушка съ насморкомъ.

— Да, сюрпризъ! откликнулась миссиссъ Фляй.

— Она намекала мнѣ на это въ понедѣльникъ, но я не добилась объясненія,—вставила Тэбита.

— Бьюсь объ закладъ, она проло-

жить себѣ дорогу, — пророчила Дженни.—Голосъ ея—пустяки; но она смѣлая и видная, и этимъ возьметъ.

— Интересно, на какихъ условіяхъ этотъ Дакръ или Бакръ оказалъ ей свое покровительство,—замѣтила миссъ Шортъ съ выразительнымъ взглядомъ въ сторону матронъ.

— Спросите ее, когда она придетъ къ вамъ на чай въ воскресенье,—сказала Дженни, перехватившая этотъ взглядъ.

Миссъ Шортъ сочла за лучшее сходить въ эту минуту въ другой этажъ, гдѣ работали кожевники и сушильщики.

Полуденная жара становилась невыносимой въ дурно провѣтриваемой мастерской. Сквозь матовыя стекла оконъ подъ потолкомъ свѣтъ проходилъ, дробясь, и дрожалъ на столахъ золотыми каплями, отчего застывшій воздухъ казался, въ силу контраста, еще болѣе неподвижнымъ. Пузатыя синія мухи лѣниво висѣли въ воздухѣ, и жужжаніе ихъ раздражало ухо. Работницы, заинтересованныя разговоромъ, сначала не замѣчали убійственной жары, но она подкралась къ нимъ въ промежуткахъ молчанія и захватила ихъ, какъ въ тиски.

— Господи! Да говорите что-нибудь, или я задохнусь,—промолвила Дженни, тяжело дыша.

— Скоро чай,—утѣшила ее мать.

— Горячій чай — этого еще не доставало!

— Говорятъ, онъ прохлаждаетъ.

— И пускай! А я, какъ только кончимъ, подставлю голову подъ кранъ на десять минутъ.

Вдругъ лицо ея оживилось.

— Вотъ хорошая мысль! Какъ это я раньше не придумала? Спойте намъ что-нибудь Тэбита; это насъ разбудитъ.

— Что это вамъ вздумалось, Дженни? — сказала Тэбита и на блѣдныхъ щекахъ ея выступилъ румянецъ.

— Не ломайтесь; вѣдь не въ первый разъ,—сами знаете. Начинайте! Что бы такое? Ну хоть «Послѣднюю розу», или «Скалы и озера Киллернея».

Дженни говорила правду: Тэбита доставляла иногда мастерской удовольствіе своимъ музыкальнымъ талантомъ, что свидѣтельствовало о недостаткѣ юмора въ ея характерѣ. Но такъ какъ она имѣла обыкновеніе всегда сидѣть съ опущенными глазами, то насмѣшливые взгляды, которыми обмѣнивались ея слушатели, не производили на нее никакого впечатлѣнія. Она не прочь была пѣть и теперь, въ надеждѣ, что голосъ ея покажетъ ей, по крайней мѣрѣ, что она еще жива. Поэтому, послѣ слабыхъ отговорокъ для видимости, она запѣла о розѣ, перещеголявшей красой всѣхъ своихъ подругъ.

Голосъ Тэбиты былъ такой же тонкій и дряблый, какъ и фигура ея, но за то пѣвица обладала геройскимъ мужествомъ. Она смѣло покушалась на вокальные эффекты, превышавшіе ея голосовыя средства, и достигала цѣли хоть-бы въ формѣ визга. Она не отступала даже передъ трелями, болѣе походившими на полосканіе горла. Артуръ Пэджъ удачно подражалъ имъ, увѣряя, что это эхо, производимое акустическими особенностями комнаты.

Кончивъ, Тэбита приняла съ надлежащею скромностью выраженія благодарности своихъ слушателей; но удовлетвореніе просьбъ спѣть еще что-нибудь отложила до другого раза.

— Вы получите чай первая сегодня; вы заслужили это,—сказала м-ссъ Фляй.

— Знаете ли, Тэбита,- промолвила Дженни,—задумчиво глядя въ пространство и словно слѣдя за мелькающею ей идеей—знаете ли что?... Нѣтъ, вы не повѣрите мнѣ.

— А что?—продолжайте,—поощрила Тэбита.

— Мнѣ все равно, что ни думали бы другія, но я увѣрена, что вашъ голосъ могъ бы принести вамъ милліоны.

— Я продала бы его и за тысячи,—пошутила Тэбита, оживленная похвалой.

— И съ такимъ голосомъ вы прозябаете здѣсь всѣ эти годы,—продолжала Дженни, сдерживая расходившіеся углы губъ.—Пора вамъ подумать объ объ этомъ. Вотъ вамъ примѣръ: Модди Мершаль.

— Вы полагаете, что и я должна по

ступить на сцену?—испуганно спросила Тэбита.

— Именно. Вы догадливы.

Мать Дженни толкнула ее подъ столомъ ногой, пробормотавъ:

— Да полно тебѣ!

— Въ мои-то годы!—усмѣхнулась Тэбита.

— То же самое говорила моя бабушка, когда я приглашала ее играть въ колечко; а все-таки играла,—невозмутимо возразила Дженни.—Слушайте, дѣвицы, что же вы не поддержите меня?

Тэбита спокойно и снисходительно слушала; потомъ покачала головой и открыла ротъ, чтобы отвѣчать, но ее рѣзко прервалъ звонъ колокола, призывавшій къ чаю. Въ начавшейся суетѣ предметъ этого разговора былъ оставленъ и къ нему не возвращались болѣе.

Жара спала и освѣжившійся день быстро клонился къ вечеру. Тэбита наскоро сдѣлала свой вечерній туалетъ, въ которомъ главную роль игралъ лимонный сокъ для рукъ, выпачканныхъ въ черной краскѣ, и возвратилась домой въ такомъ веселомъ настроеніи духа, какого не замѣчала въ себѣ уже много дней. Она не анализировала своихъ чувствъ, но подозрѣвала, что причиной ея приподнятаго настроенія были похвалы ея пѣнію. Все это былъ вздоръ конечно, однако, онъ доставилъ ей удовольствіе. Но какова Модди Мершаль? Кто бы могъ ожидать?

— Это вы, Феба?—спросила Тэбита смутно рисовавшуюся фигуру у кровати Джимми?

— Что за вопросъ, Тэбби? Я думала, что вы узнаете меня и въ царствѣ тѣней,—со смѣхомъ отвѣтила фигура.

— Джимъ говорилъ мнѣ, что вамъ выпало счастье.

— Думала я, что выпало, да ошиблась. Я нашла брошку въ сорномъ ящикѣ и подумала, что она золотая; а когда пришла съ ней въ участокъ, инспекторъ только спросилъ меня, кого я разсчитывала одурачить. Но все же я продала ее за шесть пенсовъ, а потомъ помогала прачкамъ стирать. Значитъ, сегодня я богатая леди; вотъ я и пришла докучать Джимми.

— Мнѣ докучать?—возразилъ Джимми, понявъ ее буквально.—Не бойтесь; вы не можете наскучить мнѣ.

— И это онъ говоритъ при свидѣтеляхъ! Вѣдь такія слова равняются предложенію руки,—не такъ ли, Тэбита?

Тэбита смѣялась, и такъ охотно, что сама дивилась.

— Вы балуете мальчика, Феба.

— Такъ ему и надо! — замѣтилъ Джимми.

— Ужъ за это предоставьте отвѣчать мнѣ,—сказала Феба.—Сидите—я зажгу лампу.

Но Тэбита отказалась отъ ея помощи—лампа требовала прибавки керосину, а руки Фебы были не совсѣмъ тверды, частью отъ преждевременной старости, частью отъ кое-чего другого. Свѣтъ лампы упалъ прямо на ея лицо—изношенное, морщинистое, каррикатура на то, чѣмъ былъ когда-то оригиналъ, но каррикатура, дававшая удивительно живое понятіе о немъ. Глаза потухли, но, казалось, ждали только велѣнія души, чтобы снова заблестѣть сапфирами. Ротъ сохранялъ свою прежнюю форму и только губы посинѣли. Въ очертаніяхъ этихъ губъ была написана цѣлая исторія; довольно было взглянуть на нихъ, чтобы угадать въ ихъ обладательницѣ одно изъ тѣхъ существъ, которымъ Богъ, во гнѣвѣ своемъ, даровалъ силу притягательную, лишивъ силы оборонительной.

За ужиномъ Тэбита разсказала объ удивительныхъ событіяхъ этого дня.

— Это та дѣвушка, которую ты разъ приводила сюда, чтобы меня показать?—спросилъ Джемми.—Чортъ возьми! какъ я тогда обалдѣлъ.

— Вы хотите сказать, что она необыкновенно красива?—поправила Феба.

— Ну, положимъ; только ужъ вы лучше не учите меня, Феба. Я не то, что Тэбби; она готова всѣ науки проглотить и навѣрно сдѣлалась бы учительницей, если бы отецъ остался живъ.

— А все же дайте мнѣ хотя попытаться. Вѣдь я только этимъ и могу отблагодарить васъ за вашу доброту.

— Ужъ вы слишкомъ много толкуете о нашей добротѣ,—тихо замѣтила Тэ-

бита.—Я начинаю думать, что вы подсмѣиваетесь надъ нами.

— Тэбита!

— Такъ перестаньте говорить объ этомъ. Мы съ вами квиты: вы намъ помогаете, мы вамъ. Если бы вамъ удалось получить отъ насъ больше, чѣмъ мы отъ васъ получаемъ—что весьма мало вѣроятно,—то мы не спросили бы сдачи.

— Честное слово, Тэбби!—вскричалъ Джиммъ,—ты была настоящей картиной, когда говорила все это. Не правда ли, Феба?

Та что-то проглотила, прежде чѣмъ отвѣчать.

— Она была похожа на ангела, да и говорила, какъ ангелъ.

— Ну ужъ это слишкомъ,—сказала Тэбита, смѣясь, чтобы положить конецъ натянутости, но отчасти и отъ удовольствія.

Всѣ словно сговорились въ этотъ день поднять ея тщеславіе на дыбы, и Тэбита начинала даже спрашивать себя, права ли она была, заставляя его такъ долго ходить на четвереринькахъ.

Феба должна была удовольствоваться въ эту ночь импровизированной постелью изъ двухъ деревянныхъ стульевъ и кое какого тряпья. И нужно замѣтить, изъ трехъ обитателей комнаты, одна она произнесла вечернюю молитву, которую сама же она и сочинила за много лѣтъ назадъ: «Господи! не дай мнѣ думать о томъ, чѣмъ я была, что я есть и чѣмъ могла бы быть!»

III.

Шумъ и керосиновыя лампы, ряды кокосовыхъ орѣховъ и карусели, стрѣльбища подъ открытымъ небомъ и всевозможныя ярморочныя увеселенія—все это обнесено горами товаровъ и баррикадой изъ желѣзной рѣшотки, о которую всякія житейскія заботы должны разбивать себѣ головы. Внутри столкновенія первобытныхъ инстинктовъ, одѣтыхъ въ бумажный бархатъ и страусовыя перья, и помраченіе разума среди головокружительной оргіи распущенности.

А все же сцена не лишена способности приносить и нѣкоторую нравственную пользу. Для человѣка, напримѣръ, выросшаго въ нездоровой атмосферѣ условности, подышать этимъ возбуждающимъ воздухомъ первобытныхъ инстинктовъ, пожалуй, здорово. Но такихъ людей здѣсь, къ сожалѣнію, не было; они проматывали свое состояніе въ европейскихъ казино, или влачили свою скуку по великосвѣтскимъ базарамъ.

Могучій умъ Джошуа Джуппа не занимался подобными размышленіями. Прислонившись къ столбу длинной, развинченной фигурой, онъ глядѣлъ съ худо скрытымъ интересомъ на одну дочь народа, которая, въ свою очередь, не сводила глазъ съ входной двери. Выраженіе лица ея ясно говорило объ одностороннемъ rendez-vous. Чѣмъ болѣе Джошуа глядѣлъ на нее, тѣмъ болѣе убѣждался въ своей способности цѣнить женскую красоту. Вокругъ него слышался звонъ разбиваемыхъ бутылокъ, трескъ раскалываемыхъ кокосовыхъ орѣховъ, крики надсмотрщика: «Не садитесь, сударыня, верхомъ на стулья: полиція запрещаетъ это!»—но Джошуа ни до чего не было дѣла. «Хоть лопни, мнѣ все равно!» думалъ онъ.

Все его вниманіе было поглощено дѣвушкой въ плюшевой жакеткѣ и кокетливой шляпкѣ. Прошло съ четверть часа, пока онъ обдумывалъ первый приступъ. Наконецъ, засунувъ руки въ карманы, онъ медленно приблизился къ ней и вдругъ обхватилъ ее за талью.

— Напрасно ждете, Лиза. Онъ не придетъ. Онъ послалъ меня сказать вамъ это.

Сильный толчокъ въ грудь чуть не свалилъ его съ ногъ, отпихнувъ аршина на три, а огненный взглядъ былъ еще страшнѣе кулака.

— Не подходите,—сказала дѣвушка хладнокровно,—если не хотите, чтобы я вамъ разбила скулу.

Джошуа не сталъ спорить и продолжалъ разговоръ на почтительномъ разстояніи.

— Ахъ! какой у васъ дурной характеръ! Полно вамъ дурить, Лиза! Протяните мнѣ вашу лапку и будемъ друзьями.

Въ отвѣтъ онъ увидѣлъ ея спину. Джошуа обошелъ полукругомъ и снова очутился передъ ея лицомъ.

— Гдѣ это вы выучились такимъ прекраснымъ манерамъ?—спросилъ онъ.

— Я не разговариваю съ незнакомыми,—фыркнула она.

— Только то? Этому горю мы сейчасъ поможемъ. Честь имѣю рекомендоваться, миссъ: Джошуа Джуппъ. Позвольте угостить васъ виномъ.

Она оглядѣла его съ ногъ до головы. Онъ выдержалъ взглядъ, не поморщившись, хотя почувствовалъ маленькую неловкость, когда онъ дошелъ до его лица. Результатъ осмотра оказался удовлетворительнымъ, дѣвушка сказала:

— Хорошо; я довольна

Джошъ съ торжествомъ вступилъ во владѣніе своимъ призомъ. Испытанное при свидѣтеляхъ униженіе было съ блескомъ заглажено.

— Уйдемъ куда-нибудь въ другое мѣсто,—сказала дѣвушка.

— Куда хотите.

У выхода она на минуту остановилась и оглянулась направо и налѣво. Джошъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ этого. Они перешли черезъ дорогу.

— Я полагаю, ваше имя не секретъ,—спросилъ онъ.

— Не секретъ, я Нэнси Бонкеръ.

— Нэнси, Нэнси—какое поэтическое имя.

— А чѣмъ вы занимаетесь?—спросила она.

— Чѣмъ придется; чаще все работаю въ докахъ.

— Вы знаете Билля Претти?

Джошуа понялъ, въ чьи башмаки онъ попалъ ногами.

— Хорошенькаго *) Билля. Знаю немного. Мы работали съ нимъ раза два въ одной партіи. А что?

— Ничего, — отвѣчала она равнодушно.

— Не скажу, чтобы онъ мнѣ нравился,—продолжалъ Джошуа, пользуясь случаемъ поправить свои дѣла. — Особенно не нравится мнѣ его взглядъ на женщину.

*) Pretty—хорошенькій.

Она не спрашивала объясненій, но онъ все-таки далъ ихъ.

— Онъ говоритъ, этотъ хорошенькій Билль, что ни одна женщина, даже самая красивая, не можетъ нравиться мужчинѣ долѣе трехъ недѣль. А между тѣмъ даже самая уродливая не вѣритъ, когда ей это говорятъ. Не желалъ бы я имѣть своимъ зятемъ человѣка съ такими взглядами. Я дрался бы съ нимъ каждый день. Для меня, первое дѣло въ мужчинѣ — это рыцарскія чувства, второе — щедрость, все остальное не важно.

— Ну, не говорите,—разсѣянно замѣтила Нэнси.

— О себѣ скажу, не обинуясь: у меня очень нѣжное сердце, хотя по наружности этого нельзя подумать.

— Нельзя, — согласилась Нэнси,— однако я не подозрѣвала въ немъ этого.

— Въ комъ?

— Въ Биллѣ. Три недѣли!... Но я знаю дѣвушку, которую онъ любилъ болѣе шести мѣсяцевъ.

Джошуа проклялъ Билля.

— Онъ говорилъ мнѣ объ одной дѣвушкѣ, что онъ никакъ не можетъ отвязаться отъ нея. Должно быть, это она и есть, о которой вы говорите. Не хотите-ли зайти въ лавочку полакомиться?

— Нѣтъ, вонъ тамъ дальше есть ресторанъ. Я проголодалась.

У Джошуа вытянулось лицо. Наказаніе за клевету не заставило себя ждать. По карману-ли будетъ ему утоленіе ея аппетита? Онъ посмотрѣлъ на нее довольно сурово: да, рожица стоющая опыта.

Ресторанъ, о которомъ говорила Нэнси, былъ популяренъ во многихъ отношеніяхъ; тамъ обыкновенно ужинали. Въ убранствѣ его замѣчалось поползновеніе на изящество, но оно не шло дальше безвкусной позолоты. Впрочемъ, посѣщавшая его публика имѣла въ виду утилитарныя цѣли, а не эстетическія. Когда Джошуа съ Нэнси вошли туда, большая часть столовъ была уже занята. За самымъ большимъ помѣстились музыканты нѣмецкаго оркестра, истреблявшіе, въ память нѣжно-любимаго оте-

чества, большое количество сосисекъ. За другимъ столомъ сидѣли двое нищихъ, одинъ—слѣпой, другой — безнадежный паралитикъ, дѣлившіе между собою подаянія добрыхъ людей. Слѣпой, какъ свидѣтельствовалъ, по крайней мѣрѣ, билетъ, висѣвшій у него на груди,—разсматривалъ, съ видомъ знатока, мундштучекъ, цѣной въ три пенни, а паралитикъ ждалъ его приговора, дрожа отъ волненія.

Высматривая свободное мѣсто, Джошуа вдругъ сдѣлалъ изумленный жестъ: инстинктъ привелъ Нэнси какъ разъ въ то мѣсто, гдѣ находился хорошенькій Билль. Нэнси сдѣлала это открытіе минутой позже своего кавалера. Нельзя сказать, чтобы она замѣтно растерялась, но это убило въ ней послѣднюю надежду на то, что Биллю помѣшало сдержать слово какое-нибудь важное обстоятельство. Не могло послужить къ ея облегченію и то, что она застала Билля въ обществѣ рыжей молодой особы, которая прикидывалась ея ближайшимъ другомъ.

— Сядемъ здѣсь, другъ мой, — сказала Нэнси, садясь въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ этой четой. Джошуа повиновался, лукаво кивнувъ на Билля.

— Вѣроятно, вы случайно встрѣтились съ Биллемъ, Пегги,—сказала Нэнси съ ядовитой усмѣшкой.

— Нисколько не случайно. Онъ просилъ меня придти, я и пришла.

— Вы не заставили долго просить себя?—продолжала Нэнси.

— Конечно; такъ какъ мы вскорѣ сыграемъ нашу свадьбу, то я и хочу пріучить его къ бережливости.

— Свадьбу? Вотъ какъ! Но вѣдь вы, Билль, всегда были обманщикомъ?

Биллю пришлось расплачиваться не только за прошлые грѣхи, но и за будущіе.

— Признаться, Пегги слишкомъ предусмотрительна, — лѣниво проговорилъ онъ, поглаживая свои темные, холеные усы. — Я только пригласилъ ее зайти закусить и дружески побесѣдовать, какъ я и васъ пригласилъ бы.

— А!—промолвила Нэнси, отъ вниманія которой не ускользнулъ знакъ, который онъ сдѣлалъ Пегги.—Такъ вы и меня пригласили бы. Попробуйте! Хороша была бы дружеская бесѣда!

— Не приглашай ее, Билль; видишь, до чего она дошла отъ одной мысли объ этомъ,—серьезно замѣтила Пегги.

Нэнси съ минуту размышляла, отвѣтить-ли ей ножомъ, или менѣе демонстративно, и предпочла послѣднее.

— Не безпокойтесь, не умремъ отъ того, что у дурака явилась прихоть къ моркови.

— Другой прихоти у него ужъ никогда не будетъ,—отразила Пегги.

— Не говорите, развѣ вамъ хочется, чтобы онъ такъ скоро умеръ?

— Что вамъ подать закусить, милая моя?—перебилъ Джошуа.

— Крови Пегги,—мысленно сказала Нэнси и отвернулась, чтобы дать по картѣ инструкціи дожидавшемуся половому.

У Джошуа волосы стали дыбомъ: въ карманѣ у него было всего 15 пенсовъ, а одного портера было заказано на 6. Между тѣмъ, онъ понималъ, что всякій намекъ на несостоятельность повелъ бы къ его немедленной отставкѣ, чего онъ отнюдь не желалъ. Онъ видѣлъ во время стычки, какъ пылало лицо Нэнси, какъ горѣли ея глаза, и чувствовалъ со смутнымъ страхомъ, что нашелъ свою судьбу. Дѣлать нечего, придется заложить часы, которые онъ выигралъ за день передъ тѣмъ въ кости.

Однако, когда подали ужинъ, аппетитъ Нэнси обманулъ его ожиданія. Она болѣе ковыряла вилкой, чѣмъ ѣла, и утѣшила Джошуа только тѣмъ, что, кончивъ свою бутылку портера, приняла участіе и въ его порціи. За все это она наградила его, придвинувшись къ нему и демонстративно положивъ голову на его плечо. Джошуа сидѣлъ въ блаженномъ состояніи, не зная, чего ждать отъ выпавшаго ему счастья, и нерѣшительно обнялъ ее за талію.

— Обнимай крѣпче, глупый! — прошептала она.

Онъ исполнилъ ея желаніе, но не особенно горячо; въ шопотѣ ея слышалось скорѣе злобное шипѣніе, чѣмъ ласка. Ему чувствовалось, что его употребляютъ въ видѣ кошачьихъ когтей, чтобы царапнуть сердце Билля. Но за-

мыселъ не удался; это засвидѣтельствовалъ громкій смѣхъ Билля, выходившаго изъ-за стола.

— Должно быть тяжеленька? Это послѣ портера,—замѣтила Пегги, пріостановившись мимоходомъ, чтобы поглядѣть на лежащую Нэнси.

— Мы поговоримъ съ тобой съ глазу на глазъ, Пегги Джонсъ, — отвѣтила Нэнси, не поднимая полуопущенныхъ вѣкъ.

— Поспѣши. Я умираю отъ любопытства.

— Узнаешь, прежде чѣмъ умрешь,— хотѣла сказать Нэнси, но шумъ отодвигаемыхъ стульевъ отъ стола нѣмецкихъ музыкантовъ перебилъ ее. Пегги ушла съ Биллемъ, довольная, что послѣднее слово осталось за нею.

Джошуа ждалъ, чѣмъ кончится опытъ съ кошачьими когтями. Ждать пришлось недолго. Черезъ секунду Нэнси вскочила, объявивъ:

— Я ухожу!

— Зачѣмъ спѣшить? Теперь всего половина десятаго, а здѣсь раньше одиннадцати не запираютъ.

— Разъ я говорю: ухожу!—значитъ, ухожу.

— Какъ хочешь,—поспѣшилъ согласиться Джошуа. — Я схожу только въ буфетъ расплатиться.

Нэнси направилась къ двери, а Джошуа неувѣренно подошелъ къ хозяину. По счету надо было уплатить три шиллинга и одинъ пенни. Джошуа вынулъ свои часы и объяснился.

— Въ залогъ не беремъ,—отвѣтилъ хозяинъ, разсматривая часы.—Если хотите продать, то полдоллара въ руки—и квиты.

— Что вы! Вѣдь за эти часы даже слѣпая лошадь дала бы десять шиллинговъ.

— Не хотите,—какъ хотите; въ такомъ случаѣ, молодой человѣкъ, вамъ придется отвѣчать передъ закономъ за обманъ. Джонъ!

Усердный половой мгновенно вылетѣлъ изъ двери.

— Чортъ съ вами, давайте деньги!— сердито сказалъ Джошуа.

Онъ сгребъ монеты и побѣжалъ на улицу, гдѣ должна была ждать его Нэнси. Но ее не оказалось. Джошуа, ошеломленный, глядѣлъ направо и налѣво, но не видѣлъ ее среди другихъ прохожихъ. Онъ былъ къ тому же нѣсколько близорукъ.

— Подрала за своимъ красавцемъ!— въ отчаяніи пробормоталъ онъ и бросился въ ту сторону, откуда они пришли съ Нэнси. Черезъ минуту онъ увидѣлъ ее. Она задумчиво брела по тротуару.

— Не могли вы подождать меня!— сказалъ онъ укоризненно-радостнымъ тономъ.—Что, если бы я пошелъ искать васъ въ другую сторону?

— Велико несчастье! Развѣ я не нашла бы безъ васъ дороги?

— Не дурачьтесь, Нэнси. Я полюбилъ васъ не на шутку; не найди я васъ, я поднялъ бы дымъ-коромысломъ. Помогите мнѣ спасти свою душу, будьте поласковѣе ко мнѣ!

— Право?—сказала она снисходительно. — Вѣдь я предлагала вамъ обнять меня. Чего же вамъ еще?

— Ну! вѣдь я знаю для кого это говорилось!

— А для кого?—спросила Нэнси, бросивъ на него огненный взглядъ.

— Для Пегги,—нашелся Джошъ.

Нэнси рѣзко засмѣялась.

— Стоило бы для такой дряни!

— Такъ отчего же вы не подождали меня?

— Вы хоть кого выведете изъ терпѣнія. Ну, просто такъ мнѣ вздумалось.

— А вы будете любить меня?

— Не знаю. Какъ я могу отвѣчать за будущее?

Дѣло въ томъ, что она еще не теряла надежды вернуть хорошенькаго Билля въ свое подданство.

— Конечно,—согласился Джошъ слабымъ голосомъ.—Развѣ вы здѣсь живете?

Нэнси остановилась у одного дома съ грязнымъ дворомъ.

— Здѣсь. Не приглашаю васъ зайти, потому что сейчасъ же лягу спать.

— Когда же мы опять увидимся.

— Пріѣзжайте за мной въ воскресенье, т.-е. послѣзавтра, въ тележкѣ, запряженной осломъ, и мы поѣдемъ погулять въ Геппингъ. Прощайте.

Она протянула щеку и у Джоша не хватило смѣлости добраться до губъ.

Онъ былъ почти радъ, оставшись одинъ. Ему нужно было обсудить на досугѣ положеніе дѣлъ и принять свое рѣшеніе. Вечеръ этотъ не принесъ ему выгодъ ни въ финансовыхъ, ни въ сердечныхъ его дѣлахъ; нельзя было скрыть отъ себя, что онъ, непобѣдимый Джошуа Джуппъ, попалъ подъ башмакъ довольно сомнительной дѣвицы и втоптанъ ею въ грязь. И самое удивительное во всемъ этомъ то, что дѣвица не только не кичится своей побѣдой, а даже видитъ въ ней нѣчто досадное. Это было ясно даже для Джошуа, при всемъ его тщеславіи. Но онъ не унывалъ; нужно только время, чтобы магнетизмъ его подѣйствовалъ, тогда увидимъ, говорилъ онъ себѣ, кто кого втопчетъ въ грязь. А пока надо вооружиться терпѣніемъ и снисхожденіемъ: у его дамы, видимо, довольно разорительные вкусы.

Теперь вопросъ былъ въ томъ, гдѣ достать въ воскресенье телѣжку съ осломъ. Безъ этого нельзя обойтись, а на это опять нужны деньги. Джошуа зналъ всего два способа увеличивать свои капиталы и, какъ человѣкъ разсудительный, избралъ тотъ, который требовалъ наименьшей затраты энергіи и казался наиболѣе легкимъ. Черезъ 10 минутъ онъ поднимался въ дешевыя комнаты Монтэга, по обыкновенію, проклиная длинную лѣстницу.

— Если она не отворитъ, я выломаю дверь, — говорилъ онъ себѣ, берясь за ручку.

Дверь отворилась безъ труда.

— Здравствуйте, Тэбита! Здравствуйте, Феба!—добрый вечеръ, сударыни!—восклицалъ онъ, входя, съ напускной веселостью.

— Тише! кажется, онъ спитъ!—прошептала Тэбита.

— Нѣтъ, не сплю, Джошъ,—отозвался Джимъ.—Ты пришелъ посидѣть въ семьѣ?

— Сидѣть мнѣ некогда; зашелъ только узнать, какъ вы всѣ поживаете.

— Только за этимъ? Ты могъ бы крикнуть это снизу, и мы отвѣтили бы тебѣ въ окно.

— Попридержи твой языкъ, Джимъ, не то я забуду, что ты калѣка. Хороша встрѣча, нечего сказать! Джимъ пускаетъ въ меня шпильки, а Тэбита сидитъ какъ нѣмая.

— Я очень рада видѣть тебя, Джошъ,—протестовала сестра.

— Ну, вотъ теперь я узнаю тебя, Тэбби; ты всегда была доброй сестрой. Быть можетъ, я не всегда былъ примѣрнымъ братомъ и подчасъ несдержаннымъ на слова. Но, Богъ мой, если бы вы, дѣвушки, знали, какъ трудно мужчинѣ прокладывать себѣ дорогу въ жизни! Но я, слава Богу, самое трудное уже перешелъ. Съ будущей недѣли мнѣ обѣщали постоянное мѣсто въ докахъ, которое будетъ давать мнѣ два соверена въ недѣлю также вѣрно, какъ если бы они у меня во рту лежали. Только вотъ въ настоящую минуту я въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, и... и поэтому...

— Ко мнѣ напрасно было приходить за этимъ,—твердо сказала Тэбита.

Она уже не въ первый разъ слышала эту исторію.

— Вотъ тебѣ разъ! Ты отказываешь, Тэбби, прежде чѣмъ у тебя попросили! А вѣдь я увѣренъ, что не откажешь, когда попросятъ.

— И до, и послѣ, Джошъ. У меня нѣтъ запасныхъ денегъ.

— Ты говоришь со мной, какъ съ нищимъ,—надменно сказалъ Джошуа.— Я вовсе не требую отъ тебя денегъ сейчасъ же. Ты получишь завтра твой заработокъ.

— Мой заработокъ заложенъ за двѣ недѣли впередъ.

— Я скажу тебѣ, что дѣлать, Джошъ,—крикнулъ Джимъ.—Пихни свѣтъ на двѣ недѣли впередъ, и тогда всѣмъ намъ будетъ хорошо.

— Я пришелъ сюда не дурака ломать, — сказалъ Джошуа, покраснѣвъ, какъ ракъ.—Поищи хорошенько, Тэбби. Вѣдь я знаю твои штуки. Достань-ка твой старый чулокъ.

Тэбита со вздохомъ опустила руку въ карманъ и достала изъ него нѣсколько мѣдяковъ.

— Хоть убей меня, Джошъ, это все, что я могу дать тебѣ.

Джошуа съ проклятіемъ вскочилъ со стула.

— Пять пенсовъ! — вскричалъ онъ, хрипя отъ бѣшенства. — И ты смѣешь предлагать пять пенсовъ взрослому, работоспособному человѣку! Узнай же, Тэбита Джуппъ, что я о тебѣ думаю! Ты— лицемѣрная старая дѣва. Я знаю, что ты дѣлаешь съ твоими деньгами. Ты помогаешь накачиваться пивомъ этой старой коровѣ. Она круглый годъ пьянствуетъ и ни съ какой стороны тебѣ не близка. А когда твой единоутробный братъ нуждается въ помощи... Ей-Богу, я готовъ перерѣзать твою костлявую шею!

И, бросивъ на нее свирѣпый взглядъ, сторонникъ рыцарскаго обращенія съ женщинами хлопнулъ за собою дверью.

Пока Тоузеръ, лежавшій все время подъ кроватью, оледенѣвъ отъ страха, оттаивалъ и возвращался къ жизни, Джошуа шелъ къ знакомому зеленщику, которому предложилъ свое горло для выкрикиванія на слѣдующій день превосходныхъ качествъ его цвѣтной и кочанной капусты. За это хозяинъ обязался предоставить ему въ воскресенье свой экипажъ съ осломъ, въ пользованіе въ продолженіи восьми часовъ, съ отсрочкой на два часа на случай какого-нибудь приключенія въ дорогѣ.

IV.

Какой-то молодой человѣкъ въ бѣломъ галстухѣ и съ маленькимъ чернымъ чемоданомъ остановился, проходя мимо одного дома, и съ любопытствомъ посмотрѣлъ на имя, широко написанное масляною краской поперекъ двери.

— Неужели это онъ?—воскликнулъ онъ, наконецъ, и, позвонивъ, спросилъ, дома-ли мистеръ Дакръ. Да, онъ былъ дома и какъ разъ въ эту минуту сходилъ съ лѣстницы.

— Онъ! Во плоти!—вскричалъ молодой человѣкъ въ бѣломъ галстухѣ.

— Чэрли? Вы-ли это?—въ свою очередь вскричалъ Дакръ. Входите, не скребите вашихъ подошвъ. Какими судьбами вы нашли меня?

— Совершенно случайно, старина. Я прогостилъ недѣлю у Поттера и возвращался въ свою овчарню, на островъ Уайтъ. На поѣздъ въ Уатерлоо еще слишкомъ рано, поэтому я пошелъ пройтись для пополненія моихъ топографическихъ свѣдѣній о Лондонѣ. Я увидѣлъ ваше имя на дверяхъ и остановился, вытаращивъ глаза.

— Милый человѣкъ! Какъ давно мы съ вами не видались.

— Да, въ маѣ было пять лѣтъ.

— Вы были однимъ изъ провожатыхъ до станціи желѣзной дороги на похоронахъ моей университетской карьеры.

— Срамъ! Исключать студента только за то, что онъ проучилъ декана!

— Не правда-ли? Пускай бы еще я поджегъ королевскую капеллу, или взорвалъ сенатъ во время засѣданія; но вѣдь вы знаете, это была послѣдняя соломинка, перетянувшая вѣсы: я былъ на худомъ счету.

— Мнѣ говорили, что вы разошлись изъ-за этого съ вашимъ отцомъ.

— Вѣрно; онъ требовалъ, чтобы я извинился передъ этими животными, а я отвѣтилъ—ну, отвѣтилъ нѣчто такое, чего вы не цитировали бы въ вашихъ проповѣдяхъ. Да, полюбуйтесь; я не скажу вашему церковному старостѣ,— со смѣхомъ прибавилъ Дакръ, замѣтивъ, что гость съ любопытствомъ озирается.

— Мои кліентки, — прибавилъ онъ, обводя жестомъ руки свою галлерею фотографическихъ портретовъ.

— Кліентки? Такъ вы въ самомъ дѣлѣ...

— Кафе-шантанный импрессаріо? Совершенно вѣрно. Я воспитываю *звѣздъ*, восходящихъ на небосклонѣ «народной» сцены, и случается, добываю себѣ этимъ средства къ жизни.

— Тѣни Аристотеля, Тацита и немногихъ другихъ!

— Взывайте, къ кому хотите, — добродушно отвѣтилъ Дакръ. — И почему бы нѣтъ? Во всякомъ случаѣ, это профессія какъ и всякая другая, а человѣкъ, котораго, быть можетъ, ожидала почетная награда въ англійскомъ университетѣ, и у котораго есть дядя среди перовъ королевства, долженъ же имѣть хотя какую-нибудь профессію.

— Что же, однако, побудило васъ взяться за эту?

— Не помню въ точности психологическаго процесса; кажется, эту мысль подало мнѣ мое имя. Въ немъ есть что-то мелодраматическое.

Пасторъ засмѣялся.

— Какъ же вы начали?

— Очень просто; сотни двѣ фунтовъ въ карманѣ, да неустрашимая предпріимчивость—вотъ и весь секретъ.

— А выгодно?

— Для меня лично—очень выгодно. Вы не знаете, конечно, что въ моихъ рукахъ судьба многихъ людей; одно мое слово создаетъ или уничтожаетъ репутаціи. Я беру проценты съ созданныхъ.

— О, теперь я вспоминаю. Читалъ я объ этомъ что-то въ газетахъ. Кажется, случались факты, которые — не въ обиду сказать вамъ, старый товарищъ,—уронили эту профессію.

— Это говорятъ старые филистеры, Чэрли,—со смѣхомъ отвѣтилъ Дакръ.— Во всякой профессіи бываютъ негодяи, другъ мой. Я увѣренъ, и вамъ случалось, въ короткое время вашего пасторства, напутствовать ихъ молитвой въ рай. Что до меня, то я уже уладилъ дѣло съ моею совѣстью.

— А съ гордостью?

— Одно включаетъ другое. Уважающій себя человѣкъ никогда ни въ чемъ не обвиняетъ себя; эта мысль, быть можетъ, не выдерживаетъ анализа, но, какъ общій принципъ, она неопровержима.

— Я полагаю, вы порвали связи...

— Съ моими родственниками? Да, благодаря Бога, я теперь настоящій парія.

— Жаль,—въ раздумьи промолвилъ пасторъ.

Дакръ улыбнулся не безъ ироніи, подумавъ: «Викарію не безызвѣстно, что мой дядя Брэнбрукъ располагаетъ однимъ или двумя приходами», но вслухъ сказалъ:

— Нѣтъ, товарищъ, нисколько не жалѣю. Я никогда не чувствовалъ себя счастливѣе, какъ отпавъ отъ этой касты. Нѣтъ ничего печальнѣе, какъ оставаться младшимъ сыномъ впродолженіи двухъ поколѣній. Я знаю, что значитъ стоять за фалдами титулованной толпы и ухаживать за перезрѣлыми наслѣдницами. Нѣтъ, я предпочитаю мои проценты. Они позволяютъ мнѣ курить эти превосходные сигары — кстати, я еще не предложилъ ихъ вамъ. Не курите? Можетъ быть виски? — и того нѣтъ? Ну, такъ продолжаю: моя философія состоитъ въ примѣненіи къ обстоятельствамъ. Если бы меня спросили, кого я считаю счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, я отвѣтилъ бы: того, чье честолюбіе приноровлено къ доступнымъ ему дорогамъ.

— Пожалуй, если смотрѣть на дѣло съ вашей точки зрѣнія. Но вы говорите о нравственной акклиматизаціи, а какъ насчетъ мѣстной? Смѣйтесь, если хотите, но я не выжилъ бы и сутокъ въ этой трудовой сутолокѣ.

«Фатъ», подумалъ Дакръ.

— Вы всегда были тепличнымъ растеніемъ,—сказалъ онъ,—но это зависитъ отъ организма. Что до меня, то я предпочитаю жить здѣсь. хотя могъ бы нанимать квартиру въ Чэрингъ-Кроссѣ. Хотите знать, почему?

— Скажите.

— Потому что здѣсь я нахожусь въ машинномъ отдѣленіи, вижу ходъ машинъ — живыхъ машинъ, — которыми движется міръ. Во мнѣ развилась ненасытная страсть къ наблюденіямъ. Быть можетъ, вамъ это непонятно, но вѣдь вы знаете, что и жители Бельгравіи нисходятъ иногда даже въ отдѣленіе топки — конечно, съ флакономъ у носа — и вводятъ въ моду свое болѣзненное любопытство. Но я дѣлаю это не отъ бездѣлья, а для изученія.

— Ву jove! Это любопытно. Покажите вашу записную книжку.

— Ну ее! Я не такой холодный наблюдатель, чтобы записывать. Подробности для меня—смерть; я ограничиваюсь общими взглядами.

— Не оправдывайтесь; продолжайте! До отхода поѣзда остается еще двадцать минутъ.

— Что показалось мнѣ всего любопытнѣе, такъ это касты среди паріевъ. Наши соціальные и политическіе эконо-

мисты отмѣчаютъ ихъ всѣхъ одною кличкой: «рабочіе классы»—и все тутъ. Но для болѣе вѣрныхъ выводовъ не помѣшала бы болѣе аналитическая классификація, большее уразумѣніе градацій, отличій и оттѣнковъ какъ нравственныхъ, такъ и умственныхъ.

— Браво! Настоящій Джонъ Стюартъ Милль! вскричалъ слушатель.

Дакръ пожалъ плечами.

— Вовсе нѣтъ,—я просто любитель. Разсматривая по градаціямъ, намъ надо начать сверху—само собою разумѣется, что пока я имѣю дѣло только съ городскимъ населеніемъ. Возьмемъ интеллигентнаго механика—говоря технически, знающаго дѣло работника. Обыкновенно, это человѣкъ, получающій хорошую плату, щеголяющій своей гостиной съ мебелью подъ орѣхъ и съ дешевыми олеографіями, и способный сказать, не почесывая за ухомъ, какое правительство находится у власти, либеральное или консервативное. Сыновья его получаютъ иногда стипендіи отъ провинціальныхъ совѣтовъ, и случается, достигаютъ ученыхъ профессій.

— Это очень представительный образчикъ.

— Да, вѣрно. За нимъ слѣдуетъ мелкій лавочникъ. Доходы его колеблются смотря по состоянію рабочихъ рынковъ; но, въ среднемъ, онъ обѣдаетъ круглый годъ и въ состояніи платить за обученіе своихъ дѣтей какому-нибудь ремеслу. Впрочемъ, подъ старость, жизнь его омрачается перспективой рабочаго дома.

Гость кивнулъ въ знакъ подтвержденія.

— Ступенью ниже стоитъ разнощикъ, странствующій продавецъ. Этотъ лишенъ обычныхъ качествъ осѣдлости и не гонится за внѣшностью. Онъ способенъ иногда поколотить свою мать и назвать это спортомъ, однако въ очень нерѣдкихъ случаяхъ оказывается человѣкомъ съ сердцемъ. Уровень нравственности его рѣдко опускается ниже штрафа въ десять шиллинговъ или ареста на одну недѣлю. На слѣдующей ступени стоитъ чернорабочій. Имя ему—легіонъ, разнообразіе его безконечно. Заработки его колеблются, смотря по сезону, а такъ какъ пищеварительные органы его должны дѣйствовать постоянно, то онъ сводитъ свой бюджетъ при помощи всякихъ средствъ, не брезгуя и худшими. Этотъ классъ занимаетъ первое мѣсто въ полицейскихъ протоколахъ и поддерживаетъ престижъ нашего отечества, какъ страны дьявольскихъ преступленій.

При послѣднихъ словахъ, служитель господствующей церкви сдвинулъ брови: замѣчаніе показалось ему слишкомъ непатріотичнымъ.

— Упомянемъ въ заключеніе о населеніи помойныхъ ямъ, ни къ чему не пристроенномъ, объ этихъ «потонувшихъ десяти тысячахъ». Для нихъ существуетъ только одинъ рессурсъ въ жизни: какъ можно скорѣе умереть. Вотъ вамъ таблица! Если она нѣсколько и произвольна — вѣдь разграниченія часто стушевываются — то въ общемъ все же годна.

— Укоризненный монументъ недобросовѣстному статистику, — такъ? — съ улыбкой замѣтилъ пасторъ. — Но не обидьтесь вопросомъ: къ чему служитъ ваша таблица?

— Ни къ чему, если не къ вашему развлеченію въ ожиданіи поѣзда.

— Нѣтъ, серьезно?

— Вы забываете мои посылки; я взялся показать сложный характеръ той амальгамы, которую называютъ «массами». Мой конспектъ, если его хорошенько разработать, могъ бы направить безтолковыя попытки такъ называемыхъ панацеистовъ къ настоящему очагу болѣзней. Даже если бы онъ только показалъ имъ, въ какихъ случаяхъ они глупятъ, и въ какихъ вредятъ, то уже и этимъ однимъ заслужилъ бы право на существованіе.

— Такъ отчего же вы не разработаете его?

— Въ пользу панацеистовъ? Чортъ съ ними! Пусть шевелятъ собственными мозгами. Я вамъ дарю мою идею. Разработайте ее и пошлите въ «Fortnightly». Я дамъ вамъ всѣ нужныя свѣдѣнія.

— Сохрани Богъ! Я женюсь на Рождествѣ и не намѣренъ портить свою

*

карьеру съ первыхъ же шаговъ. Вашъ подарокъ былъ бы платьемъ Несса.

— А на миѳологическія цитаты у васъ хватаетъ смѣлости! — со смѣхомъ замѣтилъ Дакръ.—Вѣдь это контрабанда въ вашей овчарнѣ.

— Такъ, но я полагаюсь на вашу скромность, — отвѣтилъ гость, также смѣясь, и всталъ, собирая свои вещи.

— Я охотно посидѣлъ бы долѣе но... эге! это кто же? Почему этотъ портретъ на вашемъ письменномъ столѣ, когда всѣ другіе должны довольствоваться каминной доской или стѣной? Какое хорошенькое личико! Оно напоминаетъ немного мою Люси, только въ немъ нѣтъ души, это яйцо безъ соли. «Преданная вамъ Модъ Мершаль», какъ бы то ни было, и кто бы она ни была, я желаю ей всякаго успѣха, а равно и вамъ, старый товарищъ. Если опять буду въ городѣ, непремѣнно загляну къ вамъ. Только примите мой совѣтъ; увидите, что не раскаятесь.

— Какой?

— Поступайте на государственную службу.

— Покорно благодарю. Если придется когда-нибудь выбирать между этимъ и «потонувшими десятью тысячами», тогда посмотримъ, но до этого далеко.

Пасторъ пожалъ плечами и ушелъ. Проводивъ его, мистеръ Ольджернонъ Дакръ вернулся въ свой кабинетъ и первымъ дѣломъ поправилъ фотографическій портретъ на письменномъ столѣ, сдвинутый гостемъ съ мѣста. При этомъ онъ внимательно посмотрѣлъ на него. «Нѣтъ души!» пробормоталъ онъ. «Мы вложемъ въ нее душу. Я знаю вѣрное средство для этого».

Быть можетъ, онъ открылъ бы свой секретъ, если бы не робкій звонокъ, раздавшійся въ квартирѣ. Минуту спустя, въ дверь просунулъ голову одинъ изъ двухъ клерковъ, сидѣвшихъ въ конторѣ.

— Васъ спрашиваетъ какая-то молодая женщина, сэръ. Примете?

— Артистка?

— Она не говоритъ, кто; но едва ли. Она скорѣе походитъ на прачку.

— Впустите.

При видѣ посѣтительницы, Дакръ воздалъ молчаливую дань догадливости своего клерка, но будучи джентельменомъ, не забылъ, что это все-таки женщина и предложилъ стулъ.

— Я желала бы, чтобы вы внесли мое имя въ списки кандидатокъ,—отвѣтила она на вопросъ, что ей нужно.

— Въ списки кандидатокъ? Съ какою цѣлью?—вскричалъ онъ.

— Съ такою же, съ какою вы записали Модъ Мершаль. Я подруга ея.

— Да?—Лицо Дакра оживилось участіемъ.

— Она обѣщала поговорить съ вами обо мнѣ. Меня зовутъ Тэбита Джуппъ; мы три года работали съ Модъ въ одной мастерской, и вы такъ хорошо пристроили ее...

«О святая простота!» пробормоталъ Дакръ, глядя на нее съ недоумѣніемъ.

— Позвольте узнать, вы по части чего?...

— По части пѣнія,—не задумываясь отвѣтила Тэбита.

— Надо послушать. Можно безъ аккомпанемента.

Тэбита безпрекословно повиновалась. Опять явилась на сцену «Послѣдняя роза», и опять пѣніе терзало слухъ.

Дакръ слушалъ, колеблясь между смѣхомъ и жалостью. Было что-то невыразимо патетическое въ этомъ наивномъ самообольщеніи и отчаянномъ усиліи заслужить похвалу. Тэбита пѣла, не сводя глазъ съ лица Дакра, и въ глазахъ ея читалась такая серьезная мольба, что положеніе его становилось затруднительнымъ. Ему каждый день приходилось разбивать надежды, по крайней мѣрѣ одного человѣка, и онъ большею частью говорилъ свое мнѣніе безъ обиняковъ, отсылая претендентокъ домой. Но передъ этимъ усиліемъ пойти наперекоръ самой полной, самой безнадежной ограниченности средствъ,—усиліемъ, доходившимъ до героизма, онъ пришелъ втупикъ, тѣмъ болѣе, что дѣвушка казалась достаточно разумной.

Тэбита кончила и напряженно ждала приговора. Изъ смежной комнаты доносились какіе то подавленные звуки въ родѣ куринаго клохтанья. Дакръ продолжалъ еще нѣкоторое время писать

какіе-то іероглифы на листѣ пропускной бумаги и, наконецъ, сказалъ, придавъ своему голосу по возможности болѣе мягкій тонъ:

— Очень вы огорчитесь, если я скажу вамъ, что голосъ у васъ неподходящій.

— Очень, мистеръ Дакръ,—очень!

— Я не могу подать вамъ надежды, что вы пойдете далеко, а безъ этого не стоитъ и начинать.

— Мнѣ все равно, лишь бы зарабатывать этимъ немного денегъ,—отвѣтила Тэбита, сложивъ руки и словно озарившись новою мыслью.

— А? такъ вотъ ваша цѣль!—сказалъ Дакръ, пристально поглядѣвъ на нее.

— Да, вѣдь Модъ Мершаль зарабатываетъ.

Онъ улыбнулся, и она въ смущеніи умолкла.

— Милая моя,—сказалъ онъ,—въ этомъ мірѣ платятъ за результаты, а не за намѣренія. Вы поняли меня, надѣюсь?

— Кажется, поняла. Вы хотите сказать, что я не довольно хорошо пою; но,—продолжала она, когда онъ сдѣлалъ утвердительный жестъ,—вѣдь я могу исправить свой голосъ. У меня совсѣмъ не было практики, и право, мистеръ Дакръ, я положила всю душу въ эту цѣль. Сдѣлайте мнѣ испытаніе.

Голосъ ея дрожалъ отъ слезъ, и Дакръ уже проклиналъ себя за то, что не покончилъ разомъ съ этимъ глупымъ положеніемъ. Конечно, виной тому была ея дружба съ Модъ Мершаль, которая говорила ему о ней.

Онъ поглаживалъ подбородокъ, размышляя. Къ счастью, у него нашлась возможность удовлетворить Тэбиту и въ то же время пробудить въ ней сознаніе своей неспособности, не нанося лично слишкомъ чувствительный ударъ ея самолюбію. Такой компромиссъ удовлетворитъ и Модъ.

— Я могу сдѣлать вамъ испытаніе, если это все, что вы желаете,—сказалъ онъ.—Дальнѣйшее зависитъ отъ васъ.

Тэбита просіяла.

— Знаете вы мѣсто «Фальстафъ», Сити Родъ?

— Найду.

— Приходите туда въ субботу—что у насъ? суббота. Такъ черезъ недѣлю. Имѣйте въ виду, это не ангажементъ; вамъ придется поработать даромъ. Тамъ же и Модъ подготовлялась къ сценѣ. Если васъ о чемъ-нибудь спросятъ, такъ вотъ моя карточка. Вы меня самого найдете тамъ.

Тэбита хотѣла благодарить и не могла. Она стояла, открывъ ротъ, и глядѣла на Дакра.

— Вотъ что еще,—продолжалъ онъ,—лучше вамъ принять для сцены другое имя; ваше, не въ обиду вамъ сказать, немножко вульгарно. Постойте!

Онъ отвернулся къ окну, немного подумалъ, и, обернувшись къ Тэбитѣ, спросилъ:

— Какъ вамъ нравится имя: Люцинда Вентноръ?

— Прелестно! — прошептала она.— Вы очень добры ко мнѣ, м-ръ Дакръ.

— Ну вотъ, такъ мы и рѣшимъ. Въ субботу вечеромъ, не забудьте.

Онъ ожидалъ, что она уйдетъ, но она не двигалась. Она стояла и глядѣла на него, словно не сознавая, что онъ смотритъ на нее вопросительно.

— Желаю вамъ всякаго успѣха,—прибавилъ онъ, чтобы положить конецъ неловкому молчанію.

— Вы очень добры ко мнѣ, мистеръ Дакръ,—повторила она машинально.

— Ужъ вы сказали это; не стоитъ повторять.

Онъ смѣялся, но въ голосѣ его прозвучала нетерпѣливая нотка.

Тэбита продолжала стоять и глядѣть на него.

— Что еще?—спросилъ онъ ужерѣзко.

— Ничего болѣе,—проговорила она дрожащимъ голосомъ, медленно поворачиваясь къ двери.—Только то, что вы очень добры ко мнѣ, мистеръ Дакръ.

— Чортъ знаетъ, что это за дурочка!—подумалъ Дакръ, когда она, наконецъ, ушла.—Право, я чуть не покраснѣлъ подъ ея взглядомъ, такъ она странно смотрѣла на меня. Ольджи, дурной мальчикъ, вѣдь, чего добраго, это новая жертва,—правда, на этотъ разъ безъ твоей вины. Если кто-нибудь рѣшится утверждать, что въ мірѣ все совершается

логично, я прямо назову того лжепомъ. Ольджерповъ. Дакръ хочетъ вдохнуть душу въ Модъ Мершаль—и въ результатѣ Люцинда Вентноръ! Хороша логика!

V.

Въ этотъ вечеръ мансарда Тэбиты превратилась въ залу совѣта. Предметомъ совѣщанія было зеленое шелковое платье, разложенное на столѣ и слушавшее разнообразныя замѣчанія на свой счетъ:

— Пожалуй, немножко слиняло,—замѣтила Феба.

«Слиняла бы и ты, если бы тебя продержали пять лѣтъ въ темной бумагѣ», съ негодованіемъ подумало зеленое платье.

— А я нахожу, что оно еще очень хорошо сохранилось, если не слишкомъ близко присматриваться, — объявила владѣтельница платья, Тэбита.

Но Феба нашла, что и фасонъ безнадежно устарѣлъ.

— А вотъ для этого я купила коечто,—непоколебимо возразила Тэбита и предъявила полдюжины модныхъ картинокъ, свидѣтельствовавшихъ о непостоянствѣ женскаго вкуса.

— Все зависитъ отъ того, что вамъ нужно,—сказала Феба, критически разсматривая моды.

— Подвѣнечное платье. Ура!—крикнулъ Джимми съ другого конца комнаты.

— Молодецъ, Тэбби! Наконецъ то представился случай избавиться отъ моихъ старыхъ туфель! Я видѣть ихъ не могу.

— Не слушайте вы этого глупаго мальчика,—сказала Тэбби, слегка краснѣя.—Мнѣ нужно платье для одной вечеринки, на которую я приглашена черезъ недѣлю.

— Вотъ это дѣло! — сказала, улыбаясь, Феба. — Пора вамъ начать веселиться. Я была-бы очень рада знать, что на васъ подѣйствовало мое ворчанье. Вы не повѣрите, какъ меня огорчало, что все ваше время дѣлится между мастерской и постелью. Мнѣ всегда казалось, что надо хоть мнѣ помнить за васъ, что вы живой человѣкъ.

— Добрая Феба!—прошептала Тэбита.

— Иные думаютъ, что надо жить регулярно, какъ часовой маятникъ, — въ раздумьи продолжала Феба.—Но для этого надо знать, что умрешь молодымъ. Подъ старость, когда колеса станутъ ходить медленнѣе и начнетъ тебя клонить больше къ размышленію, чѣмъ къ дѣлу,—надо, чтобы было о чемъ размышлять.

— Хотя бы даже о непріятномъ? — спросила Тэбита.

Феба вспомнила формулу своей вечерней молитвы и сообразила, что она рискуетъ показаться непослѣдовательной, но, дѣлать нечего, аргументъ требовалъ этого.

— Да, если даже и тяжело вспоминать прошлое, все же это лучше, чѣмъ пустота, въ которой глазъ бродитъ, ни на чемъ не останавливаясь, потому что никакого якоря нѣтъ у васъ. Если онъ есть, то иногда вы бросаете его у цвѣтущаго острова, нѣжитесь на мягкой травѣ, пьете солнечный свѣтъ изъ тюльпановъ, а въ другой разъ наталкиваетесь на скалы, о которыя разбивается ваша жизнь. Бываетъ и такъ—вамъ пріятнѣе вспоминать о скалахъ, чѣмъ о цвѣтущихъ островахъ. Во всякомъ случаѣ, не оставляйте карты вашей жизни, безъ всякихъ отмѣтинъ. Да, Тэбита, запасайтесь воспоминаніями, пока вы еще довольно молоды, чтобы чувствовать разницу между скалами и островами.

Тэбита молчала, но не потому, что не понимала или удивлялась. Феба уже не впервые вдавалась въ философствованіе. Джимми, на своемъ жаргонѣ, говорилъ о такомъ настроеніи ея: «Феба жуетъ тряпку».

Хотя въ этотъ вечеръ Тэбита была особенно расположена сочувствовать ея философіи, но присутствіе неспящаго Джимми мѣшало ей выражать это и она предпочла направить разговоръ въ менѣе глубокое русло.

— Я-то молода!—сказала она со смѣхомъ.—Что сдѣлалось съ вашими глазами, Феба? Всякій видитъ, что я... Но нѣтъ, не выдамъ себя, даже вамъ, Феба.

— Слышите, Феба? — она напрашивается на комплиментъ. Скажите ей что-нибудь такое, чтобы она грибъ съѣла!

— Я скажу только, что мы отклонились отъ дѣла,—отвѣтила Феба, чувствовавшая, что это ея вина.

Принялись за модныя картинки серьезно. Ни одна не была принята за образецъ всецѣло, но въ каждой было найдено что-нибудь примѣнимое къ зеленому платью, и Тэбита могла сказать себѣ съ удовлетвореннымъ чувствомъ бережливости, что ни на одну картинку деньги не были брошены напрасно.

Зеленое платье было распорото и страшно изуродовано; но Тэбита развернула свертокъ различныхъ матеріаловъ, какъ нельзя лучше подходившихъ къ цвѣту платья.

— Здѣсь всего вдвое, чѣмъ сколько нужно,—сказала она.—Можемъ сейчасъ же приступить къ дѣлу. Я совсѣмъ не хочу спачь. А вы, Феба?

— Я могу сидѣть по меньшей мѣрѣ, столько же, сколько и вы. И Феба надѣла наперстокъ съ такимъ рѣшительнымъ видомъ, что самъ Морфей отскочилъ бы отъ нея, обезкураженный.

Обѣ женщины принялись за работу и въ комнатѣ воцарилась тишина. Лампа тускло горѣла въ душной атмосферѣ.

Тишина вдругъ дала себя почувствовать Тэбитѣ какою-то тяжестью; она почти вздрогнула и крикнула:

— Джимми!

Отвѣтомъ былъ храпъ, прерванный звукомъ, похожимъ на рыданіе.

— Бѣдный малый!--вздохнула Феба, бросивъ искоса взглядъ на спящаго.

— Да, бѣдный,—отозвалась Тэбита, дрожащими губами.—Вотъ вы говорите, что моя жизнь безрадостна, а его-то какова?

— Онъ счастливѣе васъ; онъ уже забылъ, что такое радость, и жизнь не дразнитъ его ею, какъ васъ всякій день.

Тэбита, словно не разслышавъ ея словъ, прибавила:

— И у меня еще хватаетъ духа думать о тряпкахъ!

— Не говорите глупостей!—мягко осудила Феба.—Развѣ легче ему было бы нести свой крестъ оттого, что вы думали бы только черныя думы и не давали бы воли говорить своему сердцу? Его жизнь—это его собственная крестная драма—я ужъ объясняла вамъ это; и самъ его добрый ангелъ не могъ бы замѣнить его въ его роли. Вы принесли бы ему гораздо болѣе пользы, если бы брали то счастье, которое жизнь еще можетъ дать вамъ, и дѣлились имъ съ нимъ.

— Вы думаете, что жизнь еще можетъ дать мнѣ сколько-нибудь счастья?—въ раздумьи спросила Тэбита.

— А не дастъ, возьмите сами,—силой возьмите или украдите; цѣль оправдываетъ средство.

Голосъ Фебы принялъ рѣзкій тонъ. Тэбита низко наклонила голову надъ своимъ шитьемъ. Ротъ ея то открывался, то закрывался, словно она собиралась что-то сказать.

— Феба, вѣдь, мнѣ тридцать два года,—проговорила она наконецъ:

— Ну, что же изъ этого?

— Желала бы я знать, можно ли влюбляться въ тридцать два года. Не рѣшите ли вы это?

Феба съ удивленіемъ посмотрѣла на нее и потомъ медленно отвѣтила:

— Можно, Тэбита; Богъ, въ своемъ гнѣвѣ, попускаетъ это. Зачѣмъ вы спрашиваете?

— Я видѣла сегодня одного человѣка—обѣщайте, что вы не станете смѣяться надо мною...

— Смѣяться? Я еще не сошла съума.

— Я говорила сегодня минутъ десять съ однимъ человѣкомъ—я хочу сказать, что онъ говорилъ со мною, и мнѣ чувствовалось, что я могла бы слушать его годы, и даже не подумала бы ни о пищѣ, ни о питьѣ—все только бы глядѣла на него.

Феба молча кивнула головой.

— И съ тѣхъ поръ,—продолжала Тэбита мечтательно,—съ тѣхъ поръ я какъ будто примирилась съ цѣлымъ свѣтомъ. Будь у меня даже злѣйшій врагъ—благодаря Бога, у меня нѣтъ такого—я сама попросила бы у него прощенья, сочла бы виноватой себя. Я не узнаю себя, Феба; я какъ будто стала совсѣмъ другая—не наружно, а внутренно, точно изъ меня вынули мое старое, негодное сердце и вложили вмѣсто него совсѣмъ новое.

— Да, такъ всегда чувствуется — вначалѣ,—замѣтила Феба.

— Только вначалѣ?

— Да; вѣдь любовь проходитъ чрезъ нѣсколько стадій.

Тэбита съ тревогой смотрѣла на нее.

— Въ этомъ-то и хитрость,—продолжала та хладнокровно. Сначала любовь дѣлаетъ тебя добрымъ, самоотверженнымъ, готовымъ всѣхъ простить — это для того, чтобы думали, будто она послана намъ прямо съ неба. А разъ она захватила тебя въ свои когти...

Феба остановилась съ легкимъ смѣхомъ.

— Что же тогда?

— Тогда она снимаетъ маску и ты узнаешь, что это за проклятіе—любовь.

— Почему? Объясните,—допрашивала Тэбита, съ недоумѣніемъ глядя на лицо старухи, принявшее мстительное выраженіе.

— Минуемъ среднія стадіи и посмотримъ на послѣднюю, — отвѣтила Феба такимъ тономъ, въ которомъ зубы играли большую роль. — Твой душевный миръ уже превратился въ лихорадочное броженіе; твой умъ надрывается въ усиліяхъ отогнать стоящее передъ тобою лицо, которое въ самомъ-то дѣлѣ отсутствуетъ; ты тщетно борешься съ требованіемъ сердца, которое доводитъ тебя до возмущенія противъ всего, что есть лучшаго въ твоей натурѣ; которое уже не разсчитываетъ, чего будетъ стоить пораженіе или побѣда. Прощеніе? Самопожертвованіе? Да предложи вамъ тогда на выборъ спасеніе цѣлаго міра или пожатіе его руки, прикосновеніе его губъ— вы ни минуты не задумаетесь. Вотъ, вы говорите, у васъ нѣтъ враговъ; — можетъ быть и не было до этого дня, но теперь брегитесь! Берегитесь того человѣка, котораго вы полюбили въ десять минутъ!

Тэбита глядѣла на нее въ горестномъ изумленіи и потомъ тихо проговорила:

— Это не хорошо, Феба. Вы обѣщали не смѣяться надо мною и сдержали слово; но за то вы стращаете меня.

Феба ласково взяла ея руку; на сморщенное лицо вернулось доброе выраженіе, но взглядъ подернулся слезами.

— Не утерпѣла, — отвѣтила она.— Слишкомъ много старыхъ струнъ затронуто въ душѣ, прошлое и прорвалось наружу. Мнѣ тоже было тридцать два года, когда это случилось, и онъ всегда говорилъ, что я особенно нравлюсь ему въ зеленомъ шелковомъ платьѣ.

У Тэбиты, при всемъ ея волненіи, не шевелился ни одинъ мускулъ; наконецъ-то она была на порогѣ къ исполненію своего давняго желанія: узнать тайну Фебы. Въ сосѣдствѣ поговаривали, что она родилась подъ болѣе свѣтлой звѣздой, чѣмъ та, которая брежжила въ сумеркахъ ея жизни. Но на счетъ подробностей своего прошлаго она была нѣма, какъ сфинксъ.

— Мнѣ было ровно тридцать два года, когда я встрѣтила моего смертельнаго врага; я съ перваго же взгляда знала, что онъ причинитъ мнѣ страшное зло, и однако полюбила его. Я и не подозрѣвала въ себѣ такихъ христіанскихъ чувствъ. Мнѣ незачѣмъ было любить его, у меня былъ мужъ; я уже десять лѣтъ была замужемъ, — можно было привыкнуть даже къ такому человѣку, какъ онъ. Я и думала, что привыкла. Но пришелъ врагъ мой и наговорилъ мнѣ другое. Я повѣрила ему—и какъ охотно повѣрила! Онъ прибавилъ, что, открывъ зло, надо искать лѣкарства отъ него, а лѣкарствомъ былъ онъ. Но это лѣкарство было страшно дорого: оно стоило мнѣ чести, семьи, высокаго положенія въ обществѣ,—такого высокаго, Тэбита, что, упавши, я пролетѣла большое пространство и сильно расшиблась. Я заплатила его цѣну и мы уѣхали, онъ, я и мое *возмездіе*, которое стало причиной всего послѣдующаго. Мы съ возмездіемъ пожили весело, въ особенности послѣ того, какъ *онъ* бросилъ меня, безъ сомнѣнія, чтобы лѣчить другихъ, и *оно* быстро заняло его мѣсто, обладая большимъ умѣньемъ распоряжаться на немъ. Вотъ каково было начало. Разумѣется, дѣло на этомъ не остановилось, но остальное было чистой случайностью, за которую я не беру на себя отвѣтственности. Ну вотъ, Тэбита, вы просили меня не смѣяться, а я прошу васъ не жалѣть. Жалость

страшно заразительна и если я примусь жалѣть себя, то проломлю небо своими проклятіями. Но я охотно предоставляю вамъ воспользоваться моралью моей исторіи, если она пригодится вамъ.

Она осторожно положила на столъ свое шитье и встала, расправляя члены. Тѣмъ временемъ къ Тэбитѣ вернулась способность говорить.

— Нѣтъ, я не стану жалѣть васъ, но я отдала бы жизнь, чтобы вернуть васъ къ тому времени.

— Когда я начала играть въ кегли? Что пользы? Я опять свалила бы ихъ въ одну кучу—сознательно свалила бы. Спокойной ночи; меня начинаетъ клонить ко сну.

Тэбита не удерживала ее; она знала, что уголъ Фебы оплаченъ за цѣлую недѣлю, и знала также, что наболѣвшей душѣ бываетъ подчасъ больно отъ посторонних глазъ. Къ тому же и ей самой хотѣлось остаться одной, чтобы возстановить порядокъ въ своемъ сердцѣ, въ которое вошли въ послѣднее время такіе новые элементы. Господствующее положеніе между ними заняло воспоминаніе о человѣкѣ, съ которымъ она познакомилась всего нѣсколько часовъ назадъ. Инстинктъ подсказалъ ей настоящее опредѣленіе этого факта: она влюбилась. Она не понимала только, почему Феба, знавшая по опыту это чувство, взяла его темой своей проповѣди. Очевидно, цѣлью ея было не только удовлетворить любопытство слушательницы, но и предостеречь, указать на подводные камни, о которые можно разбиться. Тэбита готова была возмутиться противъ этого вороньяго карканья. Исторія Фебы ей, Тэбитѣ, не примѣръ; ей нечего терять, она можетъ только выиграть. Она уже и выиграла многое: выиграла болѣе свѣжій взглядъ на жизнь, надежду въ будущемъ и обновленіе сердца. И получивъ все это, она еще будетъ настолько неблагодарна судьбѣ, что бы думать о будущемъ! Какое право имѣетъ она требовать еще упрочить за нею полученное.

Да, «человѣкъ десяти минутъ» былъ случайностью въ ея жизни. Идя къ нему въ это утро, она думалъ только о дѣловой сторонѣ своего предпріятія, которое пришло ей на умъ въ тотъ день, когда Модъ Мершаль взволновала мастерскую извѣстіемъ о своемъ успѣхѣ. Хладнокровнѣе всѣхъ по наружности приняла это извѣстіе Тэбита. Она продолжала шить, не поднимая головы; но она взглянула на Модъ, и ей показалось, что она видитъ въ ней воплощеніе радости жизни, удовлетвореннаго сердца. Она убѣдилась, что все это еще возможно на свѣтѣ и какой-то тайной работой мысли дошла до желанія получить то-же и на свою долю. Опредѣлить то, чего ей хотѣлось она была не въ состояніи. Изъ прошлаго поднимались видѣнія былыхъ стремленій, которыя она считала давно похороненными, и она привѣтствовала эти плоды дѣвичьихъ мечтаній. Она забывала, что они умерли не отъ ея руки, но подъ безпощаднымъ мечомъ обстоятельствъ, который занесенъ надъ ними и теперь. Все это она позабыла, чувствуя только, что молодость воскресла въ ней ощутительная, животрепещущая, со всѣми своими первобытными аттрибутами. Ее не смущала мысль, что она сама долгіе годы молила судьбу не допускать этого воскресенія. Впрочемъ, въ началѣ ей казалось, что новое настроеніе ея просто прихоть, увлекшая ее противъ ея воли, однако вскорѣ она убѣдилась, что рулемъ ея чувствъ управляетъ ея собственная рука; и сознаніе въ себѣ этой новой силы разлилось въ ея крови, ускорило ея обращеніе, сдѣлало полнѣе пульсацію ея артерій и разнесло теплоту по всему тѣлу.

Это было настоящее пробужденіе души и тѣла. И никакой тѣни раскаянія, ни малѣйшаго сознанія, что все это пришло слишкомъ поздно и потеря невознаградима. Она и не подумала оглянуться, сообразить, какой длинный путь лежитъ уже за нею. Она не видѣла ни могилъ позади себя, ни длинной тѣни кипарисовъ; ей казалось что она начинаетъ путь съ точки исхода, и въ перспективѣ дорога, озаренная солнцемъ.

Теперь надо было открыть себѣ болѣе широкую сферу дѣятельности, соотвѣтствующую ея болѣе широкому и глубокому взгляду на жизнь; оставлять

свою новорожденную энергію въ тѣсныхъ рамкахъ, значило бы убить ее съ первыхъ же шаговъ. Жить, значитъ, пользоваться свѣтомъ и просторомъ. Впередъ же, на свободныя поля, не пересѣченныя изгородями.

Но куда же въ сущности,—куда? Она искала и не находила отвѣта на этотъ вопросъ; наконецъ, самая безпомощность ея пришла ей на помощь. Если нельзя изобрѣсть, то можно подражать, а подражать она хотѣла только Модъ Мершаль, сдѣлавшейся, такъ сказать, осью ея судьбы. Она попросила Модъ ввести и ее въ тѣ невѣдомыя сферы, которыхъ она сдѣлалась счастливой обитательницей. Тэбита не замѣтила, какъ покосилась на нее Модъ при этой просьбѣ; однако, частью лѣнясь придумывать дипломатическій отказъ, частью просто растерявшись отъ удивленія, та обѣщала и сдержала обѣщаніе въ томъ же духѣ, въ какомъ дала его.

Такимъ образомъ Тэбита попала къ Ольджернону Дакръ. Отвѣтъ ея на его обезкураживающія замѣчанія не былъ уловкой. Какъ бы мало ни заработала она денегъ своимъ новымъ занятіемъ, все же они были бы не лишними, какъ средство доставить какія нибудь удовольствія бѣдному калѣкѣ Джиму и остановить иногда потокъ проклятій въ устахъ Джошуа. Но все же деньги были только побочною цѣлью, прямою же была потребность дать себѣ немного счастья,—потребность, въ которой она не могла сознаться этому улыбающемуся мужчинѣ съ ясными, холодными глазами. Она спрашивала себя, замѣтилъ ли онъ, какъ много онъ уже способствовалъ удовлетворенію этого желанія, и узнаетъ ли онъ объ этомъ когда-нибудь. Ахъ! какъ должно быть пріятно жить, разнося вокругъ себя счастье! Насколько она себя помнила, никто еще не замѣчалъ въ ней такого дара. Не лишена ли она его совсѣмъ? со страхомъ спрашивала она себя. И правда ли, что не дающіе ничего и не получаютъ?..

Она вздрогнула и выпрямилась, озираясь. Тутъ только она вспомнила о шитьѣ, лежавшемъ на ея колѣняхъ. Лампа догорала и окружающіе предметы едва можно было различать. Въ окно глядѣлъ розоватый свѣтъ зари. Тэбитѣ показалось, будто счастье, котораго она жаждала, подкралось къ ней за ночь, и ей стоитъ только протянуть руку, чтобы взять его. Это даже не нравилось ей; хорошее не дается такъ легко.

У ногъ ея что-то пошевелилось: она взглянула внизъ и глаза ея встрѣтили терпѣливый, любящій взглядъ Тоузера Она чуть не заплакала: эта нѣмая ласка животнаго словно была отвѣтомъ на ея вопросъ—обладаетъ ли она способностью давать счастье другимъ.

VI.

Отъ Уольворта до Креркенвеля путь не близокъ, и можетъ даже показаться очень далекимъ, если васъ ждетъ въ концѣ какое-нибудь критическое обстоятельство. Такимъ показался онъ Тэбитѣ, усѣвшейся въ дальнемъ углу вагона трамвая, держа на колѣняхъ плетеную корзину со своими нарядами. Но, съ другой стороны, она была довольна дальнимъ разстояніемъ, уменьшавшимъ шансы встрѣтить въ этотъ вечеръ знакомыхъ въ «Фальстафѣ». Она предпочитала дебютировать передъ незнакомой публикой, смутно сознавая, что знакомые сочли бы себя въ правѣ ждать объясненія ея затѣи.

Да, этотъ вечеръ долженъ привести ее къ порогу новой жизни. Эта недѣля ожиданія тянулась для нея безконечно и, по крайней мѣрѣ, научила ее терпѣнію. Это служило къ оправданію ея предпріятія въ ея собственныхъ глазахъ, въ чемъ, минутами, она нуждалась. Но не въ эту минуту; теперь она говорила себѣ: вѣдь упустить настоящій случай значило бы навсегда обречь себя на сонное прозябаніе, изъ котораго только новое чудо могло бы извлечь ее; а чудеса такъ часто не повторяются.

Вагонъ остановился и кондукторъ крикнулъ Тэбитѣ: «Миссъ, вотъ «Фальстафъ»».

Она неловко сошла, несмотря на его помощь, и позавидовала тѣмъ, кто остался продолжать путь. Но самая мысль о той отвѣтственности, которую она взяла

на себя, подкрѣпила въ ней бодрость. Она твердо перешла черезъ дорогу, но сердце ея стучало какъ барабанъ.

Остановившись на минуту передъ фасадомъ «Фальстафа», она окинула его взглядомъ и убѣдилась, что это питейный дворецъ съ пристройкой, на которой горѣла красными буквами надпись: «Театръ Варіете». Тэбита вошла въ дверь, открывавшуюся въ длинный, узкій корридоръ, и спѣшила пройти его, такъ какъ ее смущалъ гулъ ея шаговъ по плитамъ ея. Дойдя до конца, она отворила створчатую дверь съ байковой портьерой и увидѣла передъ собою суровое лицо сторожа. Онъ протянулъ руку, чтобы остановить ее, и спросилъ:

— Кому корзина, Полли?

— Моя собственная, и я не Полли,— отвѣтила она, смущенная его грубыми манерами.

— Такъ вы должны взять въ кассѣ билетъ. Я полагалъ, что вы принесли платье кому-нибудь изъ артистокъ.

— Принесла для себя,—бойко отвѣтила Тэбита и подала ему карточку Дакра.

Сторожъ взглянулъ на карточку, потомъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на подательницу.

— Да! Ну, коли такъ,—сказалъ онъ, наконецъ,—значитъ вы для сцены, если онъ посылаетъ васъ. Уборная вонъ тамъ, прямо, на другомъ концѣ. Тамъ вы найдете другихъ дѣвицъ.

Тэбита приписала его колебанія отсутствію какихъ-нибудь формальностей въ принятіи ея на сцену, а не впечатлѣнію, которое произвела на него ея наружность. Она не слыхала, какъ онъ сказалъ за ея спиной: «До чего же дошелъ «Фальстафъ», коли принимаетъ такихъ кикиморъ? Вѣдь она такъ стара, что могла бы быть собственною матерью.»

Тѣмъ временемъ Тэбита медленно пробиралась по узкому проходу между стульями и стѣной. Залъ былъ еще пустъ; только въ двухпенсовыхъ мѣстахъ сидѣло нѣсколько мальчишекъ; они купили билеты лишь только отворились двери, изъ опасенія проѣсть деньги на пряники, и въ ожиданіи наслаждались чтеніемъ многообѣщающей афиши.

Три съ половиной дѣйствія на каждый фартингъ, не считая экстренныхъ,— докладывалъ одинъ изъ нихъ, вычисляя, какъ дешево обойдется имъ это удовольствіе.

Тэбита услыхала это замѣчаніе и, не понявъ его смысла, взглянула на юнаго Ньютона. Глаза ихъ встрѣтились и Тэбита недоумѣвала, что вызвало внезапное искаженіе лица мальчика. Не поняла она также, къ чему относятся его слова, сказанныя ей вслѣдъ:

— Гляди, Билль, сухарь!

Она подошла, наконецъ, къ занавѣсу, отдѣлявшему святилище—уборную— отъ любопытныхъ глазъ толпы. Изъ-за занавѣса слышались визгливые, тараторившіе голоса. Тэбита осторожно прошла, стараясь раздвигать занавѣсъ какъ можно менѣе. Передъ нею открылась небольшая комната, меблированная только чемоданами, на которыхъ сидѣли ихъ обладательницы. Имъ-то и принадлежали визгливые голоса. При входѣ незнакомаго лица, всѣ онѣ быстро повернулись и умолкли, вытаращивъ глаза на вошедшую.

— Добраго вечера,—сказала Тэбита, ставя на полъ свою корзину.

Вмѣсто отвѣта, глаза впились въ нее еще упорнѣе, пока она снимала шляпу.

— Эта комната не для постороннихъ, сударыня, — сказала одна изъ дѣвушекъ, призывая глазами товарокъ поддержать ее.

— Мнѣ сказали, что здѣсь уборная.

— Вамъ не солгали, но сюда входятъ только тѣ, кто имѣетъ дѣло до уборной.

— Такъ я имѣю... Я участвую сегодня въ спектаклѣ. Если васъ не затруднитъ помочь мнѣ одѣться, я буду вамъ много обязана. Я еще не освоилась здѣсь.

Ея самообладаніе и спокойный тонъ могли бы оказать внушительное дѣйствіе, если бы не ея роковая физіономія степенной старой дѣвы. Съ Бетси, одной изъ «артистокъ», сейчасъ же сдѣлался сильный припадокъ кашля. Онъ заразилъ и обѣихъ товарокъ ея, Джэнъ и Эмму.

Теперь пришла очередь Тэбиты вытаращить глаза. Тріо повалилось другъ на

друга и смѣшалось въ какой-то узелъ, состоявшій, казалось, главнымъ образомъ, изъ чулокъ.

— Перестань, Бетси! — задыхалась Джэнъ.

— Сама перестань!—отвѣчала Бетси.

— Подите вы, всѣ!— захлебывалась Эмма.

Наконецъ, всѣ три сѣли и прислонились головой къ стѣнѣ въ полномъ изнеможеніи.

— Что васъ такъ насмѣшило?—спросила Тэбита, когда можно было разсчитывать, что ее услышатъ.

— Это вовсе не смѣхъ, это болѣзнь,— отвѣтила Эмма сквозь слезы.—Она находитъ на насъ припадками, неожиданно. Мы уже лѣчились отъ нея въ больницѣ, докторъ говоритъ, это безнадежно, не правда-ли, дѣвицы?

Обѣ дѣвицы со смѣхомъ подтвердили.

— Но мы поможемъ вамъ одѣться и все загладимъ,—сказала Джэнъ.

— И сыграемъ за васъ;—прибавила Бетси, желая дать Тэбитѣ полное удовлетвореніе.

— Полно молоть, Бетси,—строго замѣтила Эмма.—Вы по какой части, милая?

— По части пѣнія.

— А! «балладная вокалистка»,—не забудьте, это вашъ ярлыкъ. А мы сестры Джингль, слыхали вы объ насъ? Мы въ «небо-брыкалки», понимаете?

Тэбита дипломатически заявила, что имена ихъ давно извѣстны ей. Сестрамъ это, видимо, польстило, но въ то же время и удивило ихъ, такъ какъ онѣ всѣ три познакомили міръ со своими талантами всего за двѣ недѣли передъ тѣмъ.

— Не пора-ли одѣваться?—спросила Тэбита.

— Незачѣмъ торопиться,—отвѣтила Бетси. — Мы пришли на репетицію и остались здѣсь. Мистеръ Дакръ никогда не приходитъ раньше половины девятаго. Вы знакомы съ нимъ?

Тэбитѣ удалось отвѣтить, не краснѣя: Немного, я была у него на прошлой недѣлѣ.

— Какой онъ красавецъ! Не правда ли?—замѣтила Джэнъ.

— Совсѣмъ ангелъ,—добавила Эмма.

— А все же онъ не такъ красивъ, какъ мой Мортимеръ,—сказала Джэнъ, призадумавшись.

— Есть и получше твоего Мортимера, посмотри на моего Вивіэна,—возразила Бетси.

— Благодарю; глаза заболятъ, —съ негодованіемъ отвѣтила Джэнъ.

— Зеленъ виноградъ, — фыркнула Бетси.

— Какъ бы не такъ! Онъ на колѣняхъ просилъ меня погулять съ нимъ.

— Лгунья!—прошипѣла Джэнъ.

— Это твое настоящее имя? Очень рада узнать. Не спорь, ты знаешь, что кавалеры всегда мнѣ первой строятъ куры.

— Слышишь, Эмма? — насмѣшливо сказала Джэнъ.—Какъ будто неизвѣстно, что она всегда подбираетъ послѣ другихъ.

— Эмма, если ты за нее, я никогда въ жизни не стану болѣе брыкаться съ тобой въ парѣ.

Эмма была въ затрудненіи. Она твердо знала, что никто изъ кавалеровъ ея сестеръ не можетъ выдержать сравненія съ нѣкимъ Сиднеемъ, ея хорошимъ знакомымъ: но сказать это въ такую минуту, значило бы подлить масла въ огонь. Она прибѣгла къ другому средству.

— Если «папаша» услышитъ, какой мы подняли шумъ, онъ цѣлый мѣсяцъ не выпуститъ насъ на сцену.

— Велика важность!—отвѣчала Бетси, надувъ губы. Мнѣ уже надоѣло имѣть дѣло съ людьми, которые каждый день встаютъ съ постели лѣвой ногой. Я согласилась бы играть за пару булавокъ, если бы меня записали на роли соло.

— Я дамъ тебѣ три, чтобы воткнуть ихъ куда хочу, — язвительно сказала Джэнъ. Тебѣ бы только столкнуть насъ съ дороги.

— Ахъ ты! Въ шесть недѣль не выучилась пируэта дѣлать!

Эмма зажала себѣ уши.

— Змѣи вы подколодныя!—кричала она.—Что подумаютъ объ насъ люди?

Послѣднее замѣчаніе явно относилось къ Тэбитѣ, видимо озадаченной.

— Я не прочь помириться,—сказала Джэнъ.

— И обо мнѣ никто не скажетъ, что я злопамятна,—отозвалась Бетси.

— Ну и поцѣлуемся! Забудемъ прошлое!—Такъ то лучше.

Поцѣлуй былъ довольно сдержанный, во вниманіе къ трудамъ, которыхъ стоила прическа.

— Вивіэнъ подаритъ мнѣ сегодня кольцо, объявила Бетси ни къ селу, ни къ городу.

— Пора, однако, одѣваться, пока не началась толкотня, — сказала Джэнъ, хвастливо вынимая свои часы.

Съ ея замѣчаніемъ всѣ согласились.

— Сняли бы вы свое платье,—обратилась Эмма къ Тэбитѣ.—Мы поможемъ вамъ принарядиться. Кстати, какъ ваше имя?

— Люцинда Вентноръ, — объявила Тэбита, много практиковавшаяся, чтобы выучиться произносить это имя бѣгло.

— Лю-цинда Вентноръ,—повторила Эмма съ запинкой и, схвативъ себя за губы, подвигала ими со стороны въ сторону.

— Что съ вами? спросила Тэбита.

— Ничего; я только вправила челюсть. Какое у васъ трудное имя! Не лучше ли вамъ называться Циндерсъ? *) Какъ вы думаете?

— Называйте, какъ хотите, отвѣтила Тэбита съ добродушной улыбкой.

— Не выпить ли намъ чего-нибудь, дѣвицы? — продолжала Джэнъ, снимая платье.—Я беру на себя угощеніе; Морти расплатится со мною потомъ.

— Мы согласны,—въ одинъ голосъ сказали Эмма и Бетси.

— Такъ позовите Тэда.

Минуту спустя, Тэдъ безъ церемоніи вошелъ въ заповѣдную комнату. Тэбита вскрикнула и поспѣшно натянула свой корсажъ уже спущенный съ одного плеча.

— Что съ вами? Развѣ это мужчина?— проворчала Джэнъ, спуская юбки.

Тэдъ слышалъ это замѣчаніе, но его неподвижное лицо ничего не выразило — онъ только переступилъ съ одной ноги на другую, и этого движенія было достаточно, чтобы сдѣлать замѣтнѣе его горбъ и неровность плечъ.

*) Cinder — зола.

— Заказывайте, дѣвицы, — пригласила Джэнъ.—Мнѣ горькой.

Бетси и Эмма отдали свои распоряженія.

— А для васъ, миссъ? спросилъ Тэдъ, взглянувъ на Тэбиту.

Послѣдняя почти вздрогнула—не отъ тона его, а оттого, что онъ замѣтилъ ее въ такой компаніи. До этой минуты онъ, какъ ей казалось, не поднималъ глазъ.

— Надо, надо и для васъ, Циндерсъ, — распорядилась Джэнъ, видя ея колебаніе. — Мы выпьемъ за вашъ успѣхъ.

Тэдъ скрылся и Тэбита, въ ожиданіи его возвращенія, разглаживала воображаемыя складки на своемъ шелковомъ платьѣ. Укладка его въ корзину взяла у нея три четверти часа.

— Вотъ для васъ, миссъ, неожиданно услышала она за своимъ плечомъ голосъ Тэда.

Она взглянула на него и опять встрѣтила его глаза,—эти алчные, вдумчивые глаза, словно молившіе о прощеніи. Выраженіе ихъ давало ключъ къ внутренней жизни этого молодого человѣка, къ той нотѣ, для которой онъ тщетно искалъ слушателя. Эта нота прозвучала въ ушахъ Тэбиты, когда она глядѣла на него, и у нея защемило сердце отъ этого звука.

— Теперь уходите, Тэдъ,—послышался голосъ Бетси.—Если вы будете торчать здѣсь, мы посадимъ васъ въ мѣшокъ.

Онъ, молча, удалился и въ комнатѣ началась попойка.

Тэбита съ трудомъ сдѣлала нѣсколько глотковъ инбирнаго пива. Несмотря на ласковое обращеніе съ нею ея новыхъ знакомыхъ, она чувствовала себя неловко; между ними и ею не было ничего общаго; да и не мудрено: она была почти вдвое старше ихъ. Но она сознала это только когда началось одѣванье. Глядя на ихъ обнаженныя плечи, рядомъ съ которыми ея собственныя казались пергаментомъ; чувствуя по себѣ, какъ, должно быть, пріятно глядѣть на ихъ ослѣпительную бѣлизну, она почти поняла, какъ мало удовольствія доставляетъ глазу ея соб-

ственная смуглая, сухая, сморщенная кожа. Она боялась, что эта разница бросится въ глаза и публикѣ, и горько сожалѣла теперь, что, вопреки совѣту Фебы, слишкомъ обнажила въ зеленомъ платьѣ свой бюстъ и руки. Но ей осталось мало времени на размышленіе. Народу въ уборной прибывало; все это были дамы въ роскошныхъ прическахъ, съ развязными манерами, возбуждавшія ея любопытство. Съ своей стороны, и она не могла пожаловаться на невниманіе къ ней; ее ѣли глазами, въ которыхъ выражалось скорѣе любопытство, чѣмъ доброжелательство. Вдобавокъ еще Джэнъ всѣмъ представляла ее съ неизмѣнной фразой: «Это Циндерсъ, новая звѣзда. Вотъ увидите, она всѣхъ насъ убьетъ». Иныя выражали на этотъ счетъ ироническое опасеніе, на что Тэбита глупо улыбалась.

— Ну, Циндерсъ, пора вамъ наштукатуриться,—напоминала Бетси.

Тэбита въ смущеніи объявила, что она забыла запастись нужными матеріалами. Въ сущности она не забыла, а у нея не хватило мужества спросить въ магазинѣ подобный товаръ.

—Я могу ссудить васъ моими, если вы предоставите мнѣ расписать васъ,—предложило съ полдюжины голосовъ и между обладательницами ихъ завязался оживленный споръ за это право.

Тэбитѣ было лестно видѣть такое соревнованіе въ готовности услужить ей. Побѣда осталась за Бетси въ силу какого-то неопредѣленнаго права первенства.

— Встаньте здѣсь, — сказала она.

Тэбита встала и Бетси принялась за дѣло съ усердіемъ, не остывавшимъ впродолженіи цѣлыхъ десяти минутъ. Тэбиту трогало участіемъ, съ которымъ всѣ слѣдили за этой операціей, но Бетси ни на кого не обращала вниманія, и то и дѣло прибавляла черту къ чертѣ, пока ящикъ съ красками не опустѣлъ.

— Ну вотъ, какъ вы находите!— вскричала она, наконецъ, и отошла на нѣсколько шаговъ, чтобы удостовѣриться въ эффектѣ.

Нѣсколько придирчивыхъ замѣчаній и совѣтовъ сдѣлать поправки она съ достоинствомъ отклонила.

— Не слушайте ихъ, Циндерсъ. Все превосходно.

Тебита хотѣла съ признательностью улыбнуться, но черты лица ея были скованы толстымъ слоемъ притиранья и вмѣсто улыбки вышла гримаса.

— Я сдѣлаю тебѣ подарочекъ, если ты посадишь ей муху на носъ,—шепнула Джэнъ.

Неизвѣстно, что отвѣтила бы Бетси на это злокозненное предложеніе, если бы ей не помѣшалъ торопливо вошедшій въ уборную режиссеръ—толстый, приземистый мужчина. Ему слѣдовало бы явиться получасомъ раньше и онъ чувствовалъ себя нѣсколько виноватымъ, тѣмъ болѣе, что предательскій запахъ изо рта говорилъ о причинѣ его запозданія. Онъ наскоро сдѣлалъ инвентарь артистическаго матеріала, бывшаго въ его распоряженіи на этотъ вечеръ, Тэбита, безъ околичностей, была отведена въ категорію сверхкомплектныхъ, и время ея выхода на сцену осталось неопредѣленнымъ.

Тѣмъ временемъ кучка мальчишекъ въ двухпенсовыхъ мѣстахъ разрослась неимовѣрно. Глухонѣмыхъ между ними не было и они старательно доводили это до общаго свѣдѣнія. Въ результатѣ получилась вавилонская какафонія человѣческихъ голосовъ. Вдругъ этотъ хаосъ словно перерѣзали ножомъ.

— Мистеръ Дакръ занялъ свое кресло, пронеслось по уборной и всѣ шеи потянулись, чтобы выглянуть изъ за боковыхъ кулисъ.

— Какой милашка! замѣтилъ кто-то.

— Сегодня онъ красивѣе, чѣмъ когда либо,—отозвался другой голосъ.

— Онъ иначе причесанъ сегодня.

— Нисколько, — онъ всегда носитъ проборъ посрединѣ.

— Говорятъ, онъ пускаетъ белладонну въ глаза.

— Они и безъ того блестятъ.

— Стучатъ къ началу!

Раздались три удара и оркестръ открылъ огонь. Онъ состоялъ изъ фортепіано, двухъ скрипокъ и треугольника,

отъ которыхъ сильно досталось увертюрѣ изъ «Цампы».

Тэбита стояла, какъ во снѣ. Безъ всякой попытки къ сопротивленію она дала оттѣснить себя къ стѣнѣ, гдѣ ей было удобнѣе отдаться своимъ чувствамъ. Она отстранялась отъ всякаго соприкосновенія съ другими, боясь, что онѣ почувствуютъ, какъ въ ней бьется каждая жилка. Она не ожидала, что присутствіе Дакра подъ одной кровлей съ нею произведетъ на нее такое дѣйствіе, и чувствовала, что этого не должно бы быть. Случалось ей и раньше испытывать безотчетную тревогу, но она находила объясненіе ей въ страхѣ за будущее, свое и Джимми: эта тревога приходила въ минуту пессимистическаго настроенія; иногда стоило только посидѣть и поразмыслить, крѣпко сжавъ губы, чтобы страхъ миновалъ. Теперешній же страхъ былъ какой-то неопредѣленный, безотчетный, какъ инстинктъ. Она утѣшала себя, впрочемъ, мыслью, что это учащенное біеніе сердца, это стѣсненіе въ груди происходятъ просто отъ напряженнаго состоянія нервовъ, понятнаго при данныхъ обстоятельствахъ. Успокоивъ себя такими соображеніями, она уступила алчному желанію глядѣть на Дакра и, ловко лавируя, пробилась въ удобный для этого уголокъ. Но лицо его было видимо ей только въ полъ-оборота. Но вдругъ, онъ совсѣмъ повернулся къ сосѣду съ ея стороны, и она увидала его улыбку. Тэбитѣ показалось, что глаза ея ослѣпилъ снопъ свѣта. Но она скоро взяла себя въ руки; можно обожать человѣка, но разумнѣй, не поддаваясь глупымъ галюцинаціямъ.

Она стояла, вытянувъ шею, словно завороженная, ничего не видя и не слыша вокругъ. Она не видѣла ни труппы акробатовъ, которые, какъ стояло въ афишѣ, совершали чудеса кувырканья; ни двухъ фиктивныхъ ирландцевъ, распѣвавшихъ, какъ они проведутъ желѣзную дорогу изъ Баллигуда прямо въ султанскій сераль; ни молодого солдата, который палъ, сражаясь гдѣ-то въ пространствѣ за британскую имперію, и умиралъ, невѣдомый ей, хотя и въ апофеозѣ изъ бенгальскихъ огней.

Тэбита забыла и цѣль, для которой она пришла въ театръ, и чужихъ людей вокругъ нея, которымъ могло показаться страннымъ ея восторженное созерцаніе. Она чуть не вскрикнула отъ испуга, когда кто-то заговорилъ съ нею. Это былъ прислужникъ Тэдъ. Она была довольна, что глаза его опущены; выраженіе ихъ не было пріятно.

— Что вамъ надо?—спросила она, не разслышавъ ни слова изъ того, что онъ сказалъ.

— Піанистъ спрашиваетъ, какія пѣсни вы будете пѣть, и есть ли у васъ ноты для оркестра. Если нѣтъ, то они будутъ только подвывать вамъ,—отрапортовалъ онъ машинально то, что ему было поручено.

— Я не принесла никакихъ нотъ, а пѣть буду для начала «Киллярней»,—отвѣтила она, съ трудомъ понимая цѣль этого порученія.

Тэдъ молча поклонился и ушелъ.

Тэбита снова обратилась къ предмету своего созерцанія, но очарованіе разсѣялось. Она съ удивленіемъ увидѣла, что въ уборной снова стало просторно. Большая часть артистокъ ушла, въ томъ числѣ и пріятельницы ея, сестры Джингль. Она вдругъ сообразила, что представленіе, должно быть, идетъ къ концу, хотя взрывы аплодисментовъ въ залѣ показывали, что вниманіе публики еще въ полномъ разгарѣ. Она чувствовала сильную усталость въ ногахъ и боль въ глазахъ; толстый слой притираній на лицѣ производилъ мучительное ощущеніе. Конецъ представленія былъ, несомнѣнно, близокъ. Дѣйствительно, она услышала черезъ минуту, какъ Дакръ возвѣстилъ:

«Лэди и джентльмэны, для послѣдняго номера—миссъ Люцинда Вентноръ».

У Тэбиты захватило духъ: ей почувствовалось что-то странно вызывающее въ этомъ имени, совсѣмъ не отвѣчающее ея личности. Она предпочла бы остаться тамъ, гдѣ она стоитъ, но изъ-за противоположнаго края кулисъ выглянулъ режиссеръ и позвалъ ее нетерпѣливымъ жестомъ. Піанистъ уже во второй разъ игралъ ритурнель къ ея пѣснѣ. Тэбита машинально вышла на

сцену и, разъ сознавъ, что рѣшительный шагъ сдѣланъ, почувствовала, что теперь ей все равно, — даже если бы корсажъ ея былъ вырѣзанъ еще на вершокъ ниже. Ее тяготила только внезапно наступившая тишина въ залѣ; ей показалось, что передъ нею открылась какая-то бездна пустоты, которую она должна наполнить.

Она запѣла. Со второй же строки пѣсни она почувствовала, что не одинъ ея голосъ раздается въ пустотѣ: ему аккомпанировало какое-то тихое жужжаніе. Оно все усиливалось, переходило въ глухой гулъ, и Тэбита была рада этому.

Подъ этотъ шумъ голосъ ея окрѣпъ, самоувѣренность вернулась; но гулъ усиливался, ей пришлось форсировать голосъ, чтобы не дать заглушить себя. Оркестръ умолкъ; музыканты отказались принимать участіе въ этой скачкѣ съ препятствіями, и сидѣли, сложа руки, съ широкой улыбкой на лицѣ. Подъ конецъ послѣдней строфы пѣвица уже напрягала всю силу своихъ легкихъ, а публика гудѣла. Но даже и тутъ Тэбита не ожидала такого взрыва, какой былъ припасенъ къ концу. Она склонна была все принимать за одобреніе, хотя оно выразилось подъ конецъ довольно странно: взрывами хохота и бурнымъ свистомъ. Мало того: мимо уха ея со свистомъ пролетѣла апельсинная корка. Безъ сомнѣнія, какой-нибудь добрый человѣкъ хотѣлъ напомнить ей этимъ, что она уже довольно простояла, раскланиваясь съ публикой, и можетъ ретироваться. Она послѣдовала напоминанію, бросивъ признательный взглядъ въ ту сторону, откуда оно исходило,—тамъ сидѣлъ одинъ изъ мальчишекъ, пожертвовавшихъ для нея пряниками—и ушла за кулисы, тяжело переводя духъ. Она готовилась выйти снова немного погодя, но режиссеръ яростно повернулся къ ней спиной и почти сейчасъ же велѣлъ оркестру играть національный гимнъ, оффиціально возвѣстивъ этимъ, что ея появленіе на сценѣ болѣе не ожидается. Это огорчило ее; ей было пріятно слышать одобрительные крики,—ей, существованіе которой на свѣтѣ никѣмъ и не замѣчалось до сихъ поръ.

Теперь уборная была вся въ ея распоряженіи, и Тэбита была очень рада этому; ей не хотѣлось имѣть свидѣтелей лихорадочной поспѣшности, съ которою она переодѣлась въ свое обыкновенное платье. Она спѣшила потому, что была бы смертельно огорчена, если бы потеряла этотъ случай получить отъ *него* взглядъ, слово и унести съ собою воспоминаніе о нихъ. Она торопливо вышла въ театральный залъ, теперь уже на три четверти темный, и увидѣла *его* какъ разъ на своей дорогѣ. Онъ разговаривалъ съ режиссеромъ и стоялъ къ ней спиной. Тэбита съ минуту переждала, разсчитывая, что звукъ ея шаговъ заставитъ его обернуться, и наконецъ—проговорила:

— Здравствуйте, мистеръ Дакръ!

Онъ круто повернулся.

— Кто это? А! здравствуйте, миссъ Вентноръ. Ну вотъ, первый шагъ сдѣланъ. Доброй ночи!

Тэбита продолжала стоять въ нерѣшимости.

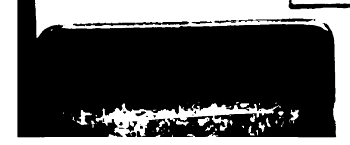
— Приходить мнѣ въ будущую субботу, мистеръ Дакръ?

— Конечно, и въ будущую субботу, и когда хотите,—отвѣтилъ онъ съ легкимъ оттѣнкомъ нетерпѣнія.

Очевидно, онъ былъ очень занятъ разговоромъ съ режиссеромъ. Тэбита постояла еще секунды двѣ въ надеждѣ, что онъ опять обратится къ ней, потомъ повернулась и медленно пошла. Она все еще надѣялась, что онъ вернетъ ее; но она уже дошла до двери съ байковой портьерой, а онъ все не звалъ. Тэбита обернулась, бросила на него долгій, безнадежный взглядъ и вышла.

Но все-же это лучше, чѣмъ ничего; ея тоскливое чувство глупо, неосновательно—и она уже придумывала оправданія его холодности. Свѣжій ночной воздухъ помогъ окончательно установиться оптимистическому настроенію; вѣдь черезъ нѣсколько дней она опять увидитъ его и, быть можетъ, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Какая досада, что у нея была въ рукахъ эта глупая корзина! Безъ нея онъ, быть можетъ, пожалъ бы ей руку.

AP 50 Mir Bozhiĭ.
.M67
v.10
no.1
Jan
1901

U of Chicago
24939004